Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук

Российский государственный гуманитарный университет

Ж. Т. Тощенко

СУДЬБЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И УРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ

Москва 2025

УДК 316.344.32
ББК 60.54
Т64

Утверждено к печати Учёным советом ФНИСЦ РАН
Рецензенты:
д-р философ. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ***Ю. Г. Волков***
(Институт социологии и регионоведения Южного федерального Университета)
д-р социол. наук, профессор, академик НАН Армении ***Г. А. Погосян***
д-р философ. наук, профессор ***С. А. Кравченко***
(МГИМО МИД РФ)

Тощенко, Ж. Т.
Т64 Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации : [монография] / Ж.Т.Тощенко; ФНИСЦ РАН ; РГГУ. – М. : ФНИСЦ РАН, 2025. – 844 с.

ISBN 978-5-00258-037-8

DOI 10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024

EDN LXHHUK

В монографии характеризуется процесс возникновения идей общественного договора, впервые выдвинутых и обоснованных мыслителями Эпохи Просвещения. Ими были сформулированы представления о его сути и содержании, которые трактовались как социальный контракт между народом и государством, причём основное внимание уделялось латентному, неявному характеру этого процесса. Значительное место уделено анализу существующих теорий общественного договора, выявлению их особенностей на опыте рассмотрения многообразных вариантов его толкования и осуществления в современной социальной практике. Особое внимание обращено на выявление основных характеристик общественного договора, его смысловой сущности как единства целей участников, ориентированных на соблюдение взаимного доверия, достижение баланса интересов, постоянное использование обратной связи. Даётся также изложение современных интерпретаций общественного договора, попыток предложить новые варианты осмысления практики его реализации в современной общественно-политической жизни. Основную часть монографии составляет анализ исторического опыта реализации общественного договора на различных этапах существования России/СССР в его противоречивом развитии и функционировании, а также форм участия основных социальных групп в общественном договоре.

Адресуется социологам, историкам, экономистам, правоведам, психологам, всем интересующимся социальной историей советского/российского государства, изучающим взаимоотношения государства и народа.

УДК 316.344.32
ББК 60.54

ISBN 978-5-00258-037-8

© Тощенко Ж. Т., текст, 2025
© ФНИСЦ РАН, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 11

Раздел 1. Основы общественного договора: опыт историко-философского и социологического анализа 17

Глава 1. Эволюция идей об общественном договоре 17
Введение 17
Рождение и обоснование идей общественного договора 19
Особенности трактовки и попыток реализации общественного договора в XIX веке 32
Современные интерпретации общественного договора 37
Заключение 46
Список литературы 47
Глава 2. Сущность и содержание общественного договора 53
Введение 53
Предтечи общественного договора 56
Опыт осмысления реальных практик общественного договора в современном мире 59
Является ли конституция страны базой общественного договора? 64
Субъекты общественного договора 67
Основные критерии общественного договора 71
О соотношении формальных (открытых) и неформальных (латентных) основ общественного договора 90
Заключение 96
Список литературы 99

Раздел 2. Этапы реализации общественного договора в России/СССР 105

Глава 3. Возникновение нового общественного договора в 1917 году 105
Введение 105
Причины краха взаимоотношений царской власти и народа 107

Социально-политический облик политических партий России ... 111
Социальная база и основные цели политических партий в 1917 г. ... 119
Почему победили большевики? От малочисленной партии – до лидирующей политической силы ... 123
Первые шаги по реализации провозглашённых деклараций ... 127
Почему игнорируются процессы общественного сознания? 133
Заключение ... 137
Список литературы ... 139
Глава 4. Первое испытание. Военно-политическая основа общественного договора ... 143
Введение ... 143
Новые задачи общественного договора: позиция советской власти ... 145
Средства и методы реализации общественного договора в условиях гражданской войны ... 151
Социальная база общественного договора времён гражданской войны ... 159
Рабочий класс ... 160
Крестьянство ... 165
Красная армия ... 167
Расширение и обогащение социальной базы общественного договора ... 168
Как большевики выиграли битву за умы большинства народа ... 182
Проблемы и просчёты военно-политической основы общественного договора ... 189
Заключение ... 193
Список литературы ... 195
Глава 5. Этап начала реализации провозглашённых прав и свобод (1920-е годы) ... 201
Введение ... 201

Причины перехода к обновлённому содержанию общественного договора ... 203
Как перенастраивался общественный договор? ... 208
Рабочий класс ... 208
Крестьянство ... 212
Специалисты ... 216
Как согласовывались интересы в сфере социально-экономических отношений ... 220
Основные ориентиры сотрудничества и доверия в политической сфере ... 227
Социальная сфера как поле формирования гражданской и классовой солидарности ... 237
Начальные грани культурной революции ... 245
Что стояло на пути укрепления общественного договора? Какие были издержки на этом пути? ... 252
Заключение ... 257
Список литературы ... 260
Глава 6. Общественный договор в условиях мобилизационного общества (1930-е годы) ... 267
Введение ... 267
Поступь и шаги по созданию экономического суверенитета 269
Культ труда как ориентир и база общественного договора ... 276
Культ образования. Культурность ... 288
Советскость как новая характеристика общественного договора ... 298
Просчёты и ошибки на пути общественного договора ... 305
Заключение ... 315
Список литературы ... 320
Глава 7. «Все для фронта, все для победы!» – основной смысл общественного договора в Великой Отечественной войне ... 326
Введение ... 326
Основной смысл общественного договора в 1941–1945 годах ... 327

Мобилизация основных сил общественного договора 331
Красная армия 333
Партизаны 335
Тыл 336
Роль коммунистов и комсомольцев 340
Духовно-нравственные основы общественного договора 341
Наше дело правое – идейная основа общественного договора 354
Коллаборационизм в годы войны: лики предательства 362
Фальсификация идей общественного договора о патриотическом единодушии народа и власти 372
Заключение 382
Список литературы 385
Глава 8. Перенастройка общественного договора: достижения и просчёты (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов) 391
Введение 391
Послевоенная социально-экономическая ситуация: черты обновлённого общественного договора 392
Социальные параметры жизненного мира людей: плюсы и минусы 400
Политический аспект общественного договора 403
Идеологические кентавризмы 410
Заключение 419
Список литературы 422
Глава 9. Поиск ответов на вызовы времени (середина 1950 – начало 1960-х). Достижения, зигзаги и просчёты хрущёвского десятилетия 426
Введение 426
Изменение политического климата и реализация новой политической (внутренней и внешней) стратегии 427
Экономические новации: плюсы и минусы 433
Сдвиги в социальной сфере 444

Встречные инициативы как показатель состояния общественного договора 448
Образование: попытки найти новое слово 451
Достижения советской науки 455
Феномен оттепели 458
Противоречия оттепели и их влияние на развитие духовной жизни 468
Заключение 472
Список литературы 475
Глава 10. Общество на распутье. Турбулентность общественного договора (середина 1960-х – первая половина 1980-х) 479
Введение 479
Сущностные основы общественного договора 481
Как созревали новые подходы к функционированиюсоветского общества? 482
Как реагировало государство на необходимость существенных корректив общественного договора? 486
Инициативы по изменению социально-экономической жизни 491
Политика: сползание к догматизму и примитивизму 497
Советская интеллигенция на распутье 505
Что положило начало деформации общественного договора? 511
Заключение 517
Список литературы 519
Глава 11. Перестройка: коррозия общественного договора (1985–1991) 524
Введение 524
Позиция политической власти: политика смысла или имитация смысла? 526
Позиция народа: от одобрения до разочарования 532
Позиция интеллигенции: поддержка, сомнение, противостояние 540

Позиция коммунистов:
что привело к их дезорганизации и поражению? 548
Почему произошёл крах перестройки?
Кто виноват? 555
Итоги и уроки 564
Некоторые выводы 574
Список литературы 577
Глава 12. Новая Россия. Перипетии общественного договора:
надежды и разочарования (1990–2020 годы) 582
Введение 582
Предтечи нового общественного договора 584
Шоковая терапия: первое испытание нового общественного
договора 588
Этап навязывания идей и практики либерализма
(1996–2000 годы) 594
Корректировка общественного договора
(2000 – начало 2010-х) 599
Внутренние и внешние испытания общественного договора
(с начала 2010-х годов) 604
Заключение 621
Список литературы 626
**Раздел 3. Участие социальных общностей и групп
в функционировании общественного договора:
достижения и просчёты 630**
Глава 13. Самая массовая и самая близкая к народу интеллигенция:
место и роль педагогов в обеспечении общественного договора 630
Введение 630
Ликвидация неграмотности как социальная революция 631
Образование (начальное, среднее, высшее) и общественный
договор: в поиске согласия 642
Поиски и просчёты на пути создания
организационной пирамиды народного образования 651

Некоторые итоги советского этапа общественного договора
в сфере образования 660
Кентавризм образования в современной России 664
Заключение 679
Список литературы 682
Глава 14. Искания инженерно-технической интеллигенции:
от нейтральности к сотрудничеству и согласию 686
Введение 686
Социально-политические ориентации ИТР в годы перелома.
Начало изменений 687
Поиски баланса интересов советской власти
и инженерно-технической интеллигенции в годы НЭПа 693
Формы участия ИТР в общественном договоре
в годы первых пятилеток 704
Демонстрация и реализация верности в годы
Великой Отечественной войны 710
Общественный договор в 1950-х – 1980-х годах:
от согласия к сомнению 711
От разгрома (ликвидации) социальной общности
инженеров до попыток её возрождения 717
Заключение 721
Список литературы 725
Глава 15. Профессиональная позиция научной интеллигенции –
база и основа взаимоотношений с государством 729
Введение 729
Импровизация или перспективные решения? 731
Пути и методы сотрудничества 742
Учёные в Великой Отечественной войне 752
Новые грани сотрудничества.
Послевоенный взлёт советской науки 756
На перепутье: творчество или приспособление? 760
Заключение 769
Список литературы 772

Глава 16. Социальные позиции художественной интеллигенции в контексте общественного договора 776
Введение 776
Горизонтальная модель функционирования общественного договора с художественной интеллигенцией (1917 – конец 1920-х годов) 778
Вертикальная (иерархическая) модель функционирования общественного договора с художественной интеллигенцией (1930-е – начало 1950-х годов) 798
Поиск новых форм взаимодействия (1950-е –первая половина 1980-х годов) 809
Турбулентность участия художественной интеллигенции в общественном договоре (вторая половина 1980-х – 2020-е годы) 816
Заключение 825
Список литературы 830
Заключение 835

Введение

Целью данной монографии является а) осмысление богатства научного наследия по выявлению *сущности и содержания общественного договора*, впервые сформулированных в трудах мыслителей эпохи Просвещения и развитых в произведениях их последователей; б) анализ *эволюции идей общественного договора*, высказанных учёными и общественными и политическими деятелями в XX–XXI веке; в) определение *трансформации этих идей* как в теоретической мысли, так и в реальной практике государственной и общественной жизни советского государства и современной России; г) определение *уроков реализации общественного договора* на различных этапах развития советского/российского общества.

Исходной базой реализации этой цели стало следование результатам и выводам предшествующих авторских исследований, связанных с анализом парадоксальности [Парадоксальный человек… 2000, 2008], кентавристических явлений и процессов [Кентавр-проблема… 2013], фантомности [Фантомы российского… 2013], прекариата в российском обществе [Прекариат… 2018]. Не менее важными в поиске ответа на противоречивые процессы социально-политической жизни стали монографии «Этнократия: история и современность» (2003) и «Теократия: фантом или реальность» (2007). Обобщённый анализ этих неоднозначных процессов и явлений, посвящённый различным аспектам жизни российского общества, нашёл отражение в теоретической попытке рассмотреть в рамках системного подхода экономическое, политическое, социальное и духовно-культурное развитие как совокупность характеристик их состояния и тенденций в известном смысле в итоговой монографии «Общество травмы: между эволюцией и революцией» (2020).

При этом все указанные работы в значительной степени базировались на философском и социологическом анализе процессов, происходящих в общественном сознании и поведении людей. Это позволило дать не только статику, но и динамику изменений в стране, исходя из эмпирических исследований в сочетании с широким использованием исторической информации. Более того, сопоставляя эти исследования с данными изучения общественного (экономического, политического, нравственного, исторического) сознания, проведённых коллективом социологов АОН при ЦК КПСС в 1985–1991 годах, автор пришёл к выводу, что состояние общественного сознания самым определённым образом демонстрировало и свидетельствовало, насколько было стабильно и устойчиво советское государство и насколько соответствовало реальное его развитие чаяниям и устремлением народа.

Эти и последующие исследования в 1990–2020-х годах позволили сформулировать парадоксальный вывод: «Народ всегда прав, даже если он не прав». Это не каламбур. События на финише советской власти и в современной России настойчиво и убедительно показывают, что история развивается именно согласно тому, что хочет и к чему стремится народ, хотя многие действия государственных органов и советской, и российской власти далеко не всегда следовали желаниям и устремлениям народа, из-за чего приходилось расплачиваться сомнениями, недоверием и даже отказом сотрудничать с официальной властью. Даже в том случае, когда политической власти удавалось на определённое время убедить народ в принятии тех ли иных её действий, неизменно наступало время, когда приходилось вносить существенные коррективы и даже отменять отдельные акции, так как народ в той или иной форме (нередко латентной, скрытой) отказывался, саботировал или преломлял их в соответствии со своими потребностями и интересами. И насколько влияние народа на

власть оказывалось действенным, можно сослаться на события недавнего прошлого. Это время перестройки, которую вначале на первом этапе советские люди встретили, можно сказать, восторженно, с воодушевлением, а на заключительном – как провал, проигрыш, непростительные ошибки правящего слоя. Не менее показательно и сравнение отношения россиян к обещаниям Б. Ельцина и его команды, от которых искренне ожидали и надеялись на возможность исправить ошибки прошлого и добиться достойной жизни. Но то, что они получили уже к середине 1990-х годов, не говоря о последующих годах, россияне быстро убедились в том, что обещания и реальность настолько разошлись друг от друга, что, с одной стороны, они назвали это время «лихими 90-ми», с другой – вернулись к переосмыслению советского времени.

Иначе говоря, возникла потребность рассмотреть и проанализировать взаимоотношения народа и власти не только на современном этапе развития страны, но и в предшествующем периоде и ответить на вопрос, как складывалось взаимодействие советской власти с народом и его основными социальными общностями и группами на различных исторических отрезках времени, начиная с момента её возникновения и дальнейшего существования. Причём не только описать, но и дать им качественную определённость в виде научного понятия, которое бы позволило целенаправленно и системно изложить происходящее в общественном сознании с точки зрения взаимодействия народа и государства с его органами и его представителями на всех уровнях социальной организации общества.

Именно таким обобщением, имеющим научное и ярко выраженное прикладное значение, стала концепция «общественный договор», которая в настоящее время сравнительно мало используется как в мировой, так и в отечественной социальной мысли. На наш взгляд, это особое и специфическое

видение исторического развития СССР/России становится чрезвычайно актуальным и в то же время плодотворным в попытке найти ответы на вызовы времени.

Такой подход с точки зрения общественного договора, во-первых, даёт знание того, что кроется в глубинном сознании народа и от которого зависит, насколько успешно будет реализовываться политика правящего класса, олицетворяющего действия государства.

Во-вторых, а как реагирует государство на потребности и интересы народа, улавливает ли оно те изменения, которые происходят в сознании и поведении людей, как оно строит свою социально-экономическую, социально-политическую и социально-культурную политику.

В-третьих, получается ли согласование и установление баланса интересов народа и государства, какими методами они осуществляются, и как реагирует государство на изменение ориентаций народа при решении всех без исключения проблем и особенно касающихся повседневной жизни.

В-четвёртых, история свидетельствует, что в процессе реализации общественного договора возникают кризисные ситуации, и как их решает государство, какой имеется опыт (не)решения возникающих проблем.

Все эти причины побудили не просто ограничиться теоретическими изысканиями, изучением высказанных идей по поводу анализа функционирования общественного договора в различных странах, а рассмотреть исторический опыт нашей страны на таких важнейших этапах, как советский период и последовавший за ним постсоветский опыт развития России. Это тем более важно, что все же имеющиеся исследования отечественного развития слабо или совсем не учитывают, что всё же творилось в сердцах и душах людей (т. е. в общественном сознании), как они реагировали на предлагаемые меры по организации публичной и приватной жизни,

с чем несоглашались, какие препятствия были на этом пути и как преодолевались ситуации (периоды) напряжения в результате нестыковок и расхождения интересов.

В соответствии с этими выводами данная монографии содержит три ключевых положения.

В первой части рассматривается эволюция идей и анализируется процесс осмысления практики реализации общественного договора. Сопоставляются различные точки зрения, предлагается их авторская оценка и выявляются наиболее перспективные, на взгляд автора, оценки этого ноумена.

Во второй части даётся анализ этапов возникновения и функционирования общественного договора в советском/российском государстве и обществе с попыткой анализа состояния и противоречий его развития с точки зрения двух основных субъектов договора – государства в лице политической власти и народа в лице его основных классов: рабочих и крестьян.

Третья часть посвящена анализу участия в общественном договоре таких ведущих влиятельных социальных общностей, как педагогическая общественность, инженерно-техническая интеллигенция, учёные и представители художественного мира.

Стоит подчеркнуть, что все стороны и аспекты анализируемого общественного договора в СССР/России подчинены одному методологическому приёму – непременно рассмотреть развитие страны «снизу», со стороны народа, с позиций его участия, отношения и оценок происходящих изменений.

При этом особое внимание уделяется повседневной жизни, в которой акцентируются и сосредотачиваются основные мотивы поведения людей с целью раскрыть публичную и приватную жизнь во всём её противоречивом развитии на всех этапах развития нашей страны.

Автор благодарен коллективу коллег социологического факультета РГГУ, обсуждавшему различные проблемы этого

общественного явления при выполнении гранта РНФ № 23-18-00092.

Автор будет признателен коллегам и читателям этой книги, которые выскажут своё, в том числе и критическое, отношение к высказанным идеям и/или интерпретации отдельных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных процессов и явлений (socis@isras.ru; zhantosch@mail.ru).

Раздел 1. Основы общественного договора: опыт историко-философского и социологического анализа

Глава 1
Эволюция идей об общественном договоре

Ничто нельзя создать без людей и сохранить без институтов

Жан Монне (1888–1979), французский государственный деятель и предприниматель

Введение

Наступление Нового времени свидетельствовало о рождении нового общественного строя – буржуазного, что повлекло кардинальные изменения не только в экономических и политических отношениях, но и в сознании и поведении народных масс. Его возникновение на исторической арене связано с рождением и появлением такого научного и политического понятия, как «общество», которое стало рассматриваться как самостоятельная социальная сила, действующая наряду с государством и, согласно объективным закономерностям развития, могущая сотрудничать, оппонировать и даже противостоять ему. Олицетворением общества стали стихийно формирующиеся политические партии и движения, профессиональные объединения и организации, представляющие интересы различных социальных общностей и групп. И главное, шло интенсивное и естественное продвижение идеи о превращении человека в субъект исторического процесса. При этом замечу, что использование, в том числе

и в научной литературе, выражений «первобытное», «рабовладельческое», «феодальное» *общество* не имеет никаких оснований, так как такой социальной силы ранее практически не существовало. То, что мы используем такое понятие, как общество, при характеристике других исторических эпох, – это опрокидывание нынешнего этапа осмысления происходивших изменений, приписывание в прошлое некоторых характеристик настоящего.

Поэтому общество, и в первую очередь гражданское общество, как научное и социально-политическое понятие появилось и укоренилось именно в XVII–XVIII вв., что прежде всего нашло осмысление в умах тех, кто смог увидеть, осознать и объяснить эти нарождающиеся тенденции. Естественно, что *одной из форм легитимизации общества стало осознание существования такого порождения потребностей новой эпохи, как общественный договор.*

Основой представлений об общественном договоре стало понимание того, что государству во всех его существовавших и существующих формах предшествовало стихийное возникновение и функционирование различных социальных образований (племён, кланов, общин, родов и т. п.) с самым разнообразным укладом жизни, что находило отражение в *естественном праве*, означающем совокупность неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из природы человека и независимых социальных условий [Четвернин, 1988].

В дальнейшем по мере усложнения общественного развития, когда возникли и сформировались (прото)государства, появилось *божественное право*. Хотя оно восходит к мифологии родо-племенного общества, связанной с тотемическими представлениями, культом предков, культом вождей, оно окончательно сформировалось только в классовых обществах, когда стало отождествляться с концепцией божественного правления. В полном объёме эта концепция разработывалась в религиозно-философской традиции средних веков – как христианской, так и мусульманской. По сути, оно означает политическую и религиозную доктрину, обосновывающую легитимность политической власти монарха [Гутов, 1998].

Однако социальное положение людей в этих концепциях и в существующих практиках их применения, как и составляющие условия и характер их жизни, трактовались и использовались не однозначно. Поэтому с началом становления буржуазного общества в силу новых потребностей развития родилась необходимость осмысления новых условий и соответственно формирования принципиально новых социально-классовых отношений и новых принципов взаимоотношений политической власти и народа. Именно эта объективно складывающаяся новая общественная ситуация вызвала к жизни *принципиально новые концепции и доктрины*, которые соответствовали бы новым нарождающимся тенденциям в развитии государства и общества. Среди них была теория общественного договора [Субботин, 2010].

Рождение и обоснование идей общественного договора

Одна из первых попыток объяснения и необходимости строительства новых оснований для взаимоотношений народа и государства была предпринята Т. Гоббсом (1588–1679) в «Приложении к Левиафану «Бегемот, или Долгий парламент». При анализе причин гражданской войны и состояния английского общества накануне революции в этой стране в XVII веке он охарактеризовал нарождающиеся буржуазные отношения, которые строились на утверждении царства личной свободы, ведущей к «войне всех против всех». «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе,

они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [Гоббс, 2001: 87]. Он сформулировал такие идеи общественного договора, которые можно охарактеризовать как *вертикальный социальный контракт:* существование государства в лице королевской власти как основное и даже как единственное условие, состоящее, по его мнению, в сосредоточении всех экономических и социальных сил в руках политической власти (монархии). Но устойчивость этой власти обусловлена тем, в состоянии ли она свести все желания и устремления народа (а не только верхушки общества) в определённое единство и их согласование с намерениями господствующего класса. По сути, главной идеей в концепции Гоббса была проблема социального порядка и его возможного сохранения среди людей, живущих в «естественном состоянии». При этом он считал, что создание и функционирование государства происходит за счёт явного или негласного согласия между политической властью и народом (при участии церкви), объединяющей и приемлемой идеей для чего является соблюдение справедливости.

По его мнению, общественный договор также может быть представлен как сделка, в которой право на всё (с тотальным страхом) меняется на право на жизнь для законопослушных граждан (со страхом перед законами) [Гоббс, 1991: 612–614, 618–619]. К заслугам Гоббса, по утверждению Ф. Тённиса, можно отнести точность его социального диагноза новой эпохи, зафиксировавшего «приближение коммерческого общества, дикой конкуренции и капиталистической эксплуатации» [Цит. по: Кильдюшов, 2016: 124].

С иных позиций трактует общественный договор Дж. Локк (1632–1704), сформулировавший *идею горизонтального социального контракта, в основе которого лежит равноправие его участников – государства и народа.* Он

утверждал, что естественное состояние человека в его неограниченной свободе, что «люди являются… по природе свободными, равными и независимыми» [Локк, 1988: 317]. Он отвергал идею Гоббса – «война всех против всех»: наоборот, он ратовал за взаимную доброжелательность, согласованность и доверие. Поэтому *он обосновывает происхождение политического общества (государства) на предположении, что оно возникает на основе обоюдного договора, заключённого с согласия всех граждан.* «Политическое общество налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от естественной власти, передав её в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом» [Локк, 1988: 311].

Локк неоднократно утверждал, что государство создано для гарантии естественного права (жизнь, свобода, имущество) и законов (мир и безопасность): оно должно соблюдать и охранять закон и должно быть организовано так, чтобы естественное право было надёжно защищено. По его мнению, в разумном политическом обществе ни один человек не может быть невольником, вассалом или прислужником не только главы государства, но и самого государства или частного, даже собственного имущества. Человек может служить только закону и справедливости [Локк, 1988: 313].

Локк также настоятельно подчёркивал, что возникновение государства имело в своей основе согласие народа. Оговариваясь по поводу того, что «с государствами происходит одно и то же, что и с отдельными людьми: они обычно не имеют никакого представления о своём рождении и младенчестве», Локк вместе с тем настойчиво развивал идею относительно того, что «объединение в единое политическое общество» может и должно происходить не иначе, как посредством «одного лишь согласия». А это, по его мнению,

и есть «весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в государство или его создающими» [Локк, 1988: 322].

Если Локк и Гоббс в своём анализе обращали больше внимания на ответственность государства и его правителей, то Поль Гольбах (1723–1789) развивал идеи об общественном договоре, определяя его как совокупность условий для организации и сохранения не столько государства, сколько общества. «Править людьми – значит – осуществлять по отношению к ним власть, принадлежащую обществу с тем, чтобы заставить их жить согласно его целям. Правительство действует от имени общества, от которого получило власть… *Правительство является общественной силой, предназначенной подавлять страсти индивидов, если они противоречат благу общества, и заставлять людей выполнять взаимные обязательства, взятые ими на себя при заключении общественного договора*» *(курсив мой – Ж. Т.)* [Гольбах, 1963: 531].

По его мнению, «жизненный опыт, привычка и благоразумие приводят человека к признанию необходимости общества для осуществления собственных целей» [Гольбах, 1963: 27], потому что *власть является производной не от божьего провидения, а от самих людей,* которые стихийно или сознательно определяют договорные принципы (достигают компромисса) между ними и создаваемым ими государством. Исходя из этого, Гольбах вместо религиозной морали предлагал реализовать *«этику разумного эгоизма», «естественной морали»,* принципы которых вытекают из природных склонностей человека, строятся на гармоническом сочетании личного интереса с общественным. Исходя из этого, он считал, что *основным принципом всякого правительства должно быть достижение справедливости.* По его мнению, природа предписывает человеку жить в обществе, быть добродетельным и согласовывать свой личный интерес с общественным. «Все виды деятельности граждан в государстве должны взаимно поддерживать друг друга… Политика *(государства – Ж. Т.)* безрассудна, если она допускает, чтобы все стороны жизни общества оказались в столкновении, противоречили и препятствовали друг другу» [Гольбах, 1963: 447].

Гольбах предупреждал о*б угрозах, если будут нарушен общественный договор: исчезнет согласие между государством и народом.* «Политическому организму угрожает распад, когда правители пренебрегают заботой о поддержании в гражданах духовного подъёма, необходимого для того, чтобы побудить общество к отвечающей его потребностям деятельности» [Гольбах, 1963: 484]. Более того, он утверждал, что отсутствие общественного договора может привести к распаду не только государства, но и общества. «Нация находится в состоянии распри, когда принципы, которыми руководствуется её правительство, порочны, а законы плохи и бессильны; когда к власти относятся с презрением; когда анархия охватывает все сословия государства; когда граждане обособляют свои интересы от интересов родины и отмежёвываются от неё; когда гражданские войны вооружают граждан друг против друга; когда с помощью насилия изменяют форму правления в государстве, когда иноземные захватчики вторгаются в страну, чтобы расчленить её и лишить её независимости; наконец, когда пружины государственного механизма ослабевают и роскошь делает все умы равнодушными ко всему, что приносит пользу, внушая безразличие к общественному благу и презрение к добродетели» [*Гольбах, 1963: 484–485*]. Исходя из этих утверждений, Гольбах сделал вывод, что государи, «обоготворённые религией», в свою очередь развращали души своих поданных, поддерживали «среди них борьбу интересов», отвергали не устраивающие их существовавшие общественные отношения, «делали лю-

дей врагами друг с другом и убивали в них нравственность» [Гольбах, 1963: 488–496]. По его мнению, именно такая абсолютизация власти ведёт к краху общественного договора.

Не менее убедительны выводы Гольбаха о том, что и *демократия таит в себе немалую опасность*, когда «свобода перерождается в своеволие и уступает место анархии» [Гольбах, 1963: 498]. Поэтому, если при любых формах правления государство не руководствуется принципами общественного договора, не осуществляет постоянный поиск согласия и согласования интересов и позиций различных сообществ, существующих в стране, оно обречено на исчезновение.

Особое место в обосновании идей общественного договора (хотя в такой формулировке он это понятие практически не употреблял) занимают труды Ш.-Л. Монтескьё (1689–1755), которые рождены в тот период истории развития французского общества, когда появляется спрос на новые перспективные проекты его политического устройства. Среди них особое место занимает трактат «О духе законов». Монтескьё преследовал две цели. Во-первых, создать модель рационального государственного строя, практическое осуществление которой, по его мнению, приведёт общество к достижению политической свободы. Именно ему принадлежит обоснование утверждения (хотя она представлена и у других просветителей, но в большей мере фрагментарно, частично), что нужно иметь три ветви власти – *законодательную, исполнительную и судебную.* Во-вторых, посредством государственной власти нужно обеспечить не только политическую свободу граждан, но и сделать политический строй общества более справедливым и устойчивым к разного рода потрясениям.

Главным постулатом теории Монтескьё стало требование гражданской свободы, понимаемое им как возможность делать всё, что дозволено законом. По его мнению, изменение содержания власти должно происходить в сторону увеличения политической роли общества за счёт создания представительных органов власти и кардинального ограничения властных полномочий монарха [Монтескьё, 1955]. По Монтескьё, федеративная республика – лучшее из возможных государственных устройств, высшее проявление единства воли народа: «Эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность входящих в него государственных единиц» [Монтескьё, 1955: 268].

Но наиболее ярко идеи об общественном договоре, о его содержании и назначении были сформулированы и получили обоснование в труде Жан-Жака Руссо (1712–1778) «Об Общественном договоре». Руссо считал, что общественный договор олицетворяет мирное идеальное царство свободы. Основная задача, которую призван решать *общественный договор, состоит, по его мнению, в том, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остаётся столь же свободным, как и прежде»* [Руссо, 2000: 207].

Рассматривая государство как продукт общественного договора, порождённого разумной волей народа, а точнее человеческим учреждением или даже изобретением, Руссо исходил из того, что каждый человек добровольно и сознательно передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы.

В результате «для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого». Это коллективное целое, по мнению Руссо, раньше именовалось «гражданской общиной, а позднее – республикой или политическим организмом». Члены этого политического организма называют его «*Государством*, когда он пассивен, *Сувереном*, когда он активен, *Державою* – при сопоставлении его с ему подобными» [Руссо, 2000: 209].

Руссо выдвинул и развил идею прямого народного правления, ибо, согласно сути общественного договора, «только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо». Исходя из этого, государство рассматривается Руссо как «условная личность», жизнь которой заключается в союзе её членов. Главной его заботой, наряду с самосохранением, является забота об общем благе, о благе всего общества, народа. Народ, рассуждает мыслитель, не может лишить самого себя неотчуждаемого права издавать законы, даже если бы он этого и захотел. Законы всегда являются актами общей воли. И никто, даже любой властитель, не может быть выше их. Законами являются лишь такие акты, которые непосредственно принимаются или утверждаются путём проведения референдума самим народом и которые «сводятся к двум главным вещам: свободе и равенству» [Руссо, 2000: 241].

Важен и такой постулат Руссо, когда он утверждал, что недостаточно провозгласить идею общественного договора – надо обеспечить его выполнение [Руссо, 2000: 211]. Поэтому наряду с исключительным правом на принятие законов у народа имеется также неотчуждаемое право на сопротивление. Короли, писал по этому поводу Руссо, всегда «хотят быть неограниченными». Хотя им издавна твердили, что «самое лучшее средство стать таковыми – это снискать любовь своих подданных», однако «это правило при дворах всегда вызывало и будет вызывать только насмешки».

Рассуждая о возможностях возникновения и существования общественного договора, Руссо анализировал не только опыт Афин и других полисов Древней Греции, Римской республики и империи, но и других государств, в том числе и России. Любопытны его соображения по этому поводу. В целом он одобрял политику Петра I, потому что «он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было ещё приучить к трудностям этого» [Руссо, 2000: 235]. В отличие от Вольтера, который идеализировал деятельность и образ Петра Великого, Руссо упрекал Петра в том, что он «начал создавать из своих подданных немцев и англичан, в то время, когда надо было формировать русских». Этот вывод Руссо связан и с тем, что *первое правило существования общественного договора, а соответственно государства – это создание и постоянное укрепление его национального характера.*

Поэтому важно его утверждение, что *возможны различные варианты общественного договора,* которые могут по-разному складываться у того или иного народа [Руссо, 2000: 255, 261]. В этой связи он не отрицал возможность существования общественного договора при любых политических режимах, но предупреждал, что при его нарушении демократия может выродиться в охлократию, аристократия – в олигархию, монархия – в тиранию [Руссо, 2000: 274]. Это случается потому, что «люди всегда стремятся к своему благу, но не всегда видят, в чём оно». Но тем не менее, правители должны уметь слушать народ и говорить его языком [Руссо. 2000: 219, 232]. Поэтому он считал, что для подтверждения своей правомочности государству в лице верховной власти требуются регулярные, периодические всеобщие собрания, на которые выносятся два вопроса; «1) Угодно ли суверену сохранять настоящую форму Правления; 2) Угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено?» [Руссо, 2000: кн. 2. гл. 28].

На наш взгляд, особенно важен вывод Руссо, что в условиях общественного договора каждый из его участников приобретает принципиально новое качество – он не подданный, а гражданин. Именно как гражданин он преодолевает отчуждение, суть которого состоит в отказе от своей свободы, в отречении «от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже её обязанностей». Общественный договор возвышает и облагораживает человека [Руссо, 2000: 278, 203, 212]. Именно в его труде появились такие формулировки, как гражданское общество, гражданский мир, гражданское состояние, гражданское право. Вместе с тем он настоятельно подчёркивал, что граждане общества, получив права, одновременно несут обязанности по их выполнению, что должно быть безоговорочным, непреложным условием, вплоть до готовности отдать собственную жизнь за всеобщее благо народа.

Подводя итог анализа идей Руссо об общественном договоре, нужно сказать, что он предложил развивать идеи о разделении власти, называя «законодательную власть сердцем государства, и исполнительную власть – его мозгом, сообщающим движение всем частям». При этом огромное значение он придавал законодательству: «Законы суть лишь подлинные акты общей воли» [Руссо, 2000: 275, 276]. По его мнению, законы должны быть «запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства» [Руссо, 2000: 243]. И при этом подчёркивал, что общественный договор может существовать только при взаимной ответственности [Руссо, 2000: 221–222], хотя «всеобщее молчание следует считать знаком согласия народа» [Руссо, 2000: 217].

Некоторые исследователи упоминают вклад И. Канта (1724–1804), который в трактовку общественного договора внёс такой компонент, как мораль, нравственную ответственность за участие в нём или соблюдение его предписаний [Kant, 1999; Асмус, 1973].

Рассматривая трактовки общественного договора, предложенные идеологами Эпохи Просвещения, можно утверждать, что они отвергали идею о божественном происхождении власти: по их убеждению, общественный договор является порождением разумной воли народа, человеческим учреждением или даже изобретением (результатом) творческих поисков, в том числе и стихийных, в результате чего народ может стать подлинным сувереном в своей стране. Вместе с тем данная трактовка нередко связывается с представлением о механическом его происхождении, выступающим как искусственная конструкция сознательной воли людей, согласившихся соединиться ради удовлетворяющего их обеспечения свободы и порядка. И хотя эти идеи были осознанным вызовом, стоящим перед королевской властью Великобритании и Франции накануне великих буржуазных революций, они обращались не к истории, а к нормативной, философской аргументации. Говоря современным научным языком, они строили модель устройства идеального государства.

Поэтому, на наш взгляд, стоит обратить внимание на творчество А. Н. Радищева (1749–1802), который оперировал не только логикой научного рассуждения, но и пытался осмыслить реальную ситуацию в России. Он обратил внимание на проблемы происхождения государства и власти, считал, что *государство возникает не как результат некого божественного провидения, а как следствие открытого или молчаливого договора членов общества в целях совместной защиты слабых и угнетённых*. По его утверждению, не государство, а общество формулирует закон [*Радищев, 1952: Т. 3, 28*], что назначение власти не отнять, ограничить, а содействовать в «получении добра», что люди должны обладать правом не только иметь и владеть, но и распоряжаться. В своих рассуж-

дениях он исходил из того, что «соборная народа власть есть власть первоначальная». Он подобно Монтескьё и Руссо ратовал за естественный закон: «человек, приходя на свет, есть равен во всем другому», что не помешало ему критически отнестись к отдельным выводам этих мыслителей [Радищев, 1952: Т. 3, 13, 195, 10, 47]. Государство, по его мнению, «есть великая махина, цель которой есть блаженство граждан», где соблюдается «равенство всех граждан». Поэтому для соблюдения общественного договора идеальной формой правления для него была *республика.* Радищев приводит, на его взгляд, убедительный аргумент в обоснование возможности республиканского строя для России: в её истории уже встречалась республиканская форма правления – Новгородская республика: «На вече весь течёт народ». [Радищев, 1952: Т. 3, 3–27]. Именно эти утверждения стали одним из обвинений Екатерины II, назвавшей его «бунтовщиком хуже Пугачёва».

Если подвести итоги сказанному об общественном договоре мыслителями XVII–XVIII веков, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, по их убеждению, *единственным источником власти является народ, который создаёт государство, причём это происходит на основе естественных законов, что не всегда в полной мере осознаётся и поэтому нередко реализуется стихийно*. Важно и то, что народ, несмотря ни на что, обладает неотчуждаемым правом не только на создание государства на основе общественного договора, но и на контроль за его деятельностью, на участие в решении всех касающихся его проблем.

Об этом свидетельствует и исторический опыт, который продемонстрировал реальное воплощение некоторых идей общественного договора. Убедительно звучит утверждение, что французскую революцию XVIII века подготовили французские просветители, что частично можно видеть из вышеприведённых высказываний. Примером воплощения их идей

в жизнь может служить история Франции, которая через немалое число исторических перипетий реализовала многие из положений, заложенных в творчестве её выдающихся мыслителей и прежде всего Ж.-Ж. Руссо. Нынешняя Пятая республика несёт отпечаток многих идей, которые (не без проблем) существуют и реализуются в общественной жизни страны и поныне.

Стоит отметить и своеобразную реальность существования общественного договора при возникновении Соединённых Штатов Америки, которые в своей конституции закрепили условия и средства его реализации, а также определили его цели: содействие общему благосостоянию, соблюдение прав и свобод человека, охрана внутреннего спокойствия, утверждение правосудия.

Немало попыток использования идей общественного договора было осуществлено в XIX в. в ряде других государств, которые пытались на различных этапах своего исторического развития добиться согласованности официальных действий и общественных потребностей. Нередко это были частичные решения, которые касались одной, хотя и важной стороны существования народа. Так, отмену крепостного права в России в 1861 г. можно рассматривать как важную, но ограниченную попытку построения согласия с преобладающим социальным слоем – крестьянством. Этот акт государственной воли справедливо рассматривается как гуманистический. Но его историческая ограниченность была подтверждена крестьянскими восстаниями и бунтами в первую революцию в 1905–1907 годах, приведших к сожжению и разграблению нескольких тысяч помещичьих усадеб, а ещё через 10 лет – к свержению царского строя.

Такие попытки согласовать объективные и субъективные потребности и средства их реализации происходили в некоторых странах неоднозначно и противоречиво, вплоть до их

полного или частичного переосмысления и до отвержения. Тем не менее некоторые положения общественного договора нашли реальное воплощение в практике государственного строительства в жизни многих государств в условиях наступившего Нового времени.

Особенности трактовки и попыток реализации общественного договора в XIX веке

В XIX веке идеи общественного договора практически ушли из научного осмысления. На первый план вышли, во-первых, стремление осмыслить опыт происшедших и происходящих революций (особенно во Франции); во-вторых, при бурно разрабатываемых идеях о грядущем социалистическом устройстве общества резко усилилась критика существующих в это время государств, особенно монархического уклада, отвергался весь предшествующий их опыт по обеспечению благоприятного устройства ВСЕХ живущих в стране, а не только привилегированных слоёв. В-третьих, получили распространение идеи революционного переустройства общества, которые впоследствии были названы марксистскими, когда на повестку дня были поставлены идеи и средства их реализации по свержению существующего капиталистического общества. Иначе говоря, идеи общественного согласия при существующих политических и экономических отношениях померкли, и внимание ищущих истину сосредоточились на поиске принципиально нового жизнеустройства людей.

Обратим внимание на опыт появления нового республиканского строя в США, в котором были апробированы предложения по применению идей участия народа в управлении общественными процессами. В этом отношении приобретают интерес идеи, сформулированные Т. Джеффер-

соном в Декларации Независимости США: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых» [Соединённые штаты... 1993]. Вместе с тем американцы быстро осознали не только необходимость и практическую ценность, но и недостаточность подобного рода аргументов. Для построения нового государства, а именно, когда эта задача, в конце концов, встала перед американцами, требовалось нечто более осязаемое, позитивное, которого они добивались, преодолевая рабовладельческие ориентации, завершившиеся гражданской войной в XIX веке, а затем конфликтного пути сегрегации – принудительного разделения людей на расовые, этнические или другие группы в общественной и повседневной жизни.

Всё это позволяет говорить об особенностях проявления идей общественного договора как в рамках научного осмысления, так и в изменяющейся практике и деятельности правящих кругов ряда государств.

Прежде всего, отметим творчество А. Токвиля (1805–1859), который, размышляя о причинах революций, писал: «Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей». Он критически относился к политике тогдашнего французского правительства, не учитывавшей интересов всех слоёв общества. При анализе деятельности американского правительства, позитивно в целом оценивая его политику, всё же идеал и основу демократии он видел в традициях пуритан, стоявших у истоков колоний в Новом Свете. По убеждению Токвиля,

на смену вековой власти аристократии повсюду неизбежно приходит народовластие. Наиболее привлекательная черта американского общества – равенство стартовых возможностей. Поэтому главным преимуществом любого общества он считал равенство возможностей для всех жителей страны [Токвиль, 2008].

В то же время Токвиль не обожествлял, не абсолютизировал влияние и значимость демократии. Идеал демократической свободы, по Токвилю, объединяет в себе противоречивый процесс. С одной стороны, принцип суверенитета личности приводит к тому, что должна реализовываться совместимость свободы и демократии, независимости с уверенностью и чувством собственного достоинства. С другой стороны, по его мнению, обязательным является вездесущность мажоритарной воли, особенно в политической сфере, не позволяя индивиду избежать влияния со стороны общества.

Вместе с тем Токвиль видит и обратную сторону «тирании большинства» – культ материального преуспеяния, рост изоляции и отчуждения индивидов, а также упадок искусств, основными заказчиками которых традиционно выступали аристократические верхи: «Воздух здесь пропитан корыстолюбием, и человеческий мозг, беспрестанно отвлекаемый от удовольствий, связанных со свободной игрой воображения и с умственным трудом, не практикуется ни в чём ином, кроме как в погоне за богатством». Прогноз Токвиля довольно пессимистичен – всеобщее избирательное право и связанный с этим диктат широких масс «постепенно приводят к уничтожению свобод, усилению роли государства, политическому индифферентизму и стремлению граждан к опеке» [Токвиль, 2000: 142].

Это противоречие во взаимодействии политической власти как носителя демократии и свободы и народа как соучастника в жизни государства получило название эффекта

Токвиля: по мере улучшения социальных условий социальная фрустрация растёт быстрее: чем больше в обществе равенства, тем более возмутительно выглядит неравенство.

На наш взгляд, представляет значительный интерес творчество Дж. С. Миля (1806–1873), который в своём поиске идей рационального общественного и государственного устройства уделял большое внимание таким вопросам, как и кто должен олицетворять власть. По его мнению, «*нужно, чтобы правители были из народа, чтобы их интересы и воля совпадали с народными.* Правителю, по-настоящему подотчётному и должным образом смещаемому, можно доверить власть» [Милль, 2023]. В таком случае это будет власть народа, лишь сконцентрированная в форме, удобной для исполнения. Вместе с тем он утверждал, что «самоуправление» и «власть народа» не выражают подлинной свободы. «Народ может захотеть подавить часть своих сограждан, и нужно защититься от этого, как от любого злоупотребления властью». Ограничение власти правительства не теряет своего значения и тогда, когда носители власти подотчётны обществу (сильнейшей его части). «Законов против тирании чиновников недостаточно; нужна защита от тирании господствующих мнений и чувств, от стремления общества навязать свои идеи как правила поведения». Поэтому он считал, что одним из элементов общественного договора выступает обеспечение государством безопасности и принцип невмешательства в частную жизнь для сохранения свобод. Однако он в своих взглядах не избавился от «колонизаторского» сознания (карьера Милля в качестве колониального администратора в Ост-Индской компании длилась с 1823 г. до 1858 г.). В своей статье «Несколько слов о невмешательстве» (1859 г.) он разделяет народы на цивилизованные народы и варваров: люди неравны, и определяется это их интеллектуальными способностями и воспитанием, а также уровнем культуры, что при-

водит к выводу, что его предложения относятся к «цивилизованным» народам [Милль, 2020].

Интерес к проблеме общественного договора выразили, хотя своеобразно, и основатели русского анархизма М. А. Бакунин (1814–1876) и П. А. Кропоткин (1842–1921). Так, Бакунин критиковал договорную теорию образования государства как сводящуюся к отрицанию общества и подчёркивал, что «никакое историческое государство никогда не имело основой своей договор, все они были основаны насилием, завоеванием». Ставя вопрос о происхождении государства, он обращался к догосударственному обществу, пытался найти социо- и биопсихологическую основу его возникновения, установить соотношение государства и церкви, стремясь проследить разнообразные черты этого сложного исторического процесса. Он считал, что централизованное государство надо заменить децентрализованной федерацией на трёх уровнях – низовом, региональном, общегосударственном. Каждая организация, по мнению Бакунина, должна идти от общины к центральному единству, т. е. снизу вверх, путём федерации. В своей концепции особое внимание он уделял основной установке анархизма – самоорганизации людей, которые и образуют общество [Бакунин, 2000; Дёмин, 2006].

Что касается творчества П. А. Кропоткина (1842–1921), то, рассматривая противоречивый процесс развития российского государства в XIX веке, он утверждал, что, говоря о его будущем, мы сталкивается с дилеммой: «Одно из двух. Или государство раздавит личность и местную жизнь, завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесёт с собой войну и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец – смерть! Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче центров, на почве энергической, личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения» [Кропоткин, 2002].

Новый общественный строй виделся ему как федеративный союз самоуправляющихся единиц (общин, территорий, городов), основанный на принципе добровольности. Он считал необходимым коллективное ведение производства, коллективное распределение ресурсов и вообще коллективность всего, что относится к экономике, к сфере услуг, к человеческим взаимоотношениям. Коллектив представлял бы собой группу заинтересованных в своей деятельности людей, которые понимали бы, зачем и для кого они всё это делают, чего было бы достаточно для их добровольной деятельности [Кропоткин, 2002].

В целом, в трудах мыслителей XIX века нашёл отражение поиск как новых идей о взаимоотношении народа и государства, так и попытки практически решать эти проблемы, включая и опыт их осуществления, и попытки их нового воплощения (в том числе эксперимент социалиста-утописта Р. Оуэна по созданию коммун).

Современные интерпретации общественного договора

К идеям переустройства общества на пути рациональных и эволюционных изменений, а не посредством революции и ликвидации прежних форм государства учёные и политики обратились в XX веке, в значительной мере под влиянием осмысления причин русских революций.

Внимание к такой постановке вопроса проявил М. Вебер (1864–1920). Говоря о государстве, он писал, что главный признак государства надо искать не в его задачах и функциях, а в средствах, олицетворяющих насилие, право на которое передаются народом политической власти. Вместе с тем,

он говорил, что во взаимодействии народа и власти может сложиться многообразие отношений – не только подавление, принуждение, но и компромисс, взаимоприемлемые уступки [Вебер, 1994: 388].

Но ограниченность взглядов Вебера проявляется в том, что он видел только одно действенное средство влияния на государство – парламент, хотя признаёт, что «современные парламенты являются в первую очередь представительствами, управляемыми посредством бюрократии» [Вебер, 1990: 390].

Среди современных концепций обратим внимание на идеи Дж. Ролза (1921–2002), который построил гипотетическую мысленную конструкцию общественного устройства («Вуаль неведения»). В ней он рассматривает индивидов как рационально мыслящих людей, перед которыми стоит задача строительства справедливого общества. В этой конструкции он утверждает, что общественные институты, сформированные в результате такого договора, беспрекословно подчиняются принципам справедливости, а люди, в них включённые, строят свои взаимоотношения на тех условиях, на которые они согласились, будучи равными в естественном состоянии. Ролз стремится доказать, что этот вывод даёт все основания на принятие этих принципов как общепризнанных и универсальных [Ролз, 1995].

Идеи Ролза оспорил Р. Нозик (1938–2002). Он защищал необходимость «минимального государства» (государство – «ночной сторож») и критиковал теорию «социального государства» за превращение индивидов в пассивных участников исторического процесса. Нозик формулирует свою генетическую теорию, абсолютизируя значение частной собственности, утверждая, что люди имеют право не только её иметь, но и завладевать ею, если она никому не принадлежит. Этот *принцип приобретения предполагает проявление инициативы,* когда люди имеют право дарить свою собственность другим или добровольно обмениваться ею с другими, передавать другим по определённым условиям. Интересно отметить, что Нозик поддерживал идею «добровольного» (контрактного) рабства [Нозик, 2008].

Оригинален вклад в разработку проблем общественного договора Дж. Бьюкенена (1911–2013), в работах которого доказывалось, что различные неэкономические силы имеют непосредственное влияние на экономическую политику каждой страны. Согласно его теории общественного выбора, важно понимание договорных и конституционных основ процесса принятия экономических и политических решений, удовлетворяющих потребности и государства, и народа [Бьюкенен, Таллок, 1997].

К трактовке гражданского общества и общественного договора Нобелевский лауреат по экономике 1993 г. Дуглас Норт и перуанский экономист Эрнандо де Сота подошли со своеобразных позиций рассмотрения исторического развития как *проблемы колеи («past dependency problem»)*, «проблема зависимости от траектории предшествующего развития». Речь идёт о том, как страны попадают в эту колею и крайне трудно её покидают [Норт, 2010; Сото, 1995].

Как попадают в эту колею, и как это влияет на общественный договор? В 1994 году большая группа экономистов, которыми руководили Тиффер и Ширли (финансирование осуществлял Всемирный банк), обследовали 84 страны. Целью исследования было выяснить, какие факторы более всего влияют на развитие страны в смысле доли валового дохода на душу населения. Получилось, что факторы, которые обычно относят к экономической политике: уровень инфляции, собираемость налогов, открытость для внешней торговли – влияют очень мало. Гораздо сильнее влияют правила, которые действуют в стране и относятся к сфере обществен-

ного договора: власть закона, риск экспроприации, угроза дефолта и несоблюдение правительством своих контрактных обязательств, уровень коррупции, качество бюрократии. То, что связано с правилами, влияет в два раза сильнее, чем то, что связано с хорошей экономической политикой [Цит. по: Аузан, 2005].

Эти идеи развивал академик О. Т. Богомолов, считая, что различные неэкономические силы оказывают не только непосредственное, но нередко решающее влияние на ситуацию в стране, в том числе на экономическую и социальную политику [Неэкономические грани… 2010].

Своеобразно трактовал идеи общественного договора М. Олсон (1932–1998). Он предположил, что гипотетически люди могут договариваться между собой и без принуждения. Но в такой ситуации возникает «проблема безбилетника», когда люди готовы пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании зачастую не хотят. Он также выдвинул своеобразную теорию возникновения государства, которое создаётся лицами и группами, имеющими преимущества перед другими в организации насилия: в условиях анархии существует конкуренция между кочующими «бандитами», которые максимизируют изымаемые доходы у населения и монополизируют изъятия на контролируемой территории, а впоследствии возникают оседлые «бандиты», которые, оптимизируя изымаемые у населения доходы, начинают создавать общественные блага, сберегать и инвестировать, что создаёт условия для создания государственного порядка, трансформируя бандитов в правителей-автократов [Олсон, 2012].

Идеи Олсона в определённой мере разделяет и российский экономист А. Аузан, который считает, что в большинстве случаев государство возникло из-за необходимости противостоять организованному давлению и даже преступности в виде военных и вооружённых политических сил, по большому счёту грабивших другие объединения (царства, княжества, ханства и т. д.). В этих условиях «складываются два типа социального контракта или общественного договора: горизонтальный, когда люди нанимают государство как агентство по производству услуг, обороны и правосудия». В результате, как показывает историческая практика, люди могут обходиться без государства в самых что ни есть государственных делах (охрана, организация новых форм хозяйствования, создание частных военных образований и даже частных тюрем). Второй тип контракта, по его мнению, состоит в том, что государство «никого не нанимало», а оно «само распоряжается и создаёт правила». Это связано с появлением и даже расширением круга авторитарных государств, число которых, по подсчётам Всемирного банка, выросло в конце XX – начале XXI века более чем на 50% и что особенно важно, они по своей эффективности ничем не уступают «демократическим» государствам [Аузан, 2014; 2021]. Однако, несмотря на оригинальность этих высказываний, с ними трудно согласиться, так как они сводят взаимодействие народа и власти только к одной, хотя и важнейшей функции – проблемам защиты от посягательств на права свободы личности, но мало что говорят о встречной, нередко противодействующей силе народа.

Специфическую ситуацию с общественным договором образует, по мнению де Сота, любая отстающая страна, что выглядит примерно так: есть три-четыре процветающих центра в одном государстве (возможно – семь-восемь), которые как будто накрыты колпаками. Он назвал это «колпаками Броделя», используя исследования известного философа и историка Фернана Броделя. Суть этого предложения состоит в том, что в этих процветающих зонах есть легальность, есть компании, которые действуют, соблюдая формальные нормы.

А остальная страна как устроена? Остальная страна – это абсолютная зона неформальных правил. При этом неформальные правила отличаются от одного сообщества к другому. И поскольку эти неформальные правила находятся в конфликте с законом, принятым в стране, поддерживаются они не государством, а бюрократизированными и даже мафиозными структурами, потому что кто-то должен поддерживать такого рода правила.

В итоге получается, что *такая страна состоит,* по мнению де Сота*, из многих квазидоговоров, вполне реальных конвенций,* которые свойственны неформальным сообществам, и из формальной легальной крышки, которая всё это накрывает, а на самом деле относится только к трём-четырём центрам, в которых и крутятся основные доходы. Задачу выхода из этой ситуации де Сота считает задачей создания нового общественного договора, потому что в развитых странах действует структура общественного договора, которая является в достаточной степени единой для страны, и, кроме того, формальные и неформальные нормы во многом совпадают, они не конфликтуют друг с другом [Цит. по: Аузан, 2005].

Интересно отметить, что идеи общественного договора волновали и многих мастеров художественного слова. Так, Морис Метерлинк (1862–1949) видел прямую связь между моралью правительства и душевным состоянием народа. Работая в жанре философской сказки, он пытался объяснить жизнь и деятельность людей и их взаимодействие с государством через аналогии, взятые из наблюдений за природой, полагая, что именно на такой основе можно построить взаимоприемлемые общественные отношения [Метерлинк, 1996].

Что касается марксистской мысли, то основные идеи были связаны с решающей ролью народных масс, главным образом, пролетариата (рабочего класса), который и определяет лицо и будущее общества. Эти поиски взаимоотношений общества (в лице народа) и государства нашли наиболее предметное воплощение в работе В. И. Ленина «Государство и революция», но только по отношению к социалистическому устройству общества. Отрицая возможность существования социального контракта в эксплуататорском обществе, Ленин утверждал: *«Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительных коммун...»* [Ленин, 1974: Т. 36, 185]. Однако, как показала историческая практика, трактовка и реальное применение этих идей было им же существенно скорректировано [Ленин, 1970: Т. 39, 64–84].

Таким образом до недавнего времени концепция «общественный договор» мало или совсем не использовалась как в мировой, так и в отечественной социальной мысли при анализе проблем развития современного общества. Истории развития обществ, во-первых, продолжают анализироваться посредством рассмотрения и объяснения эволюционного или революционного развития государства и/или общества, и соответственно, изменений окружающей среды, совершенствования методов и форм государственного управления, описания достижений и/или просчётов при осуществлении того или иного пути преобразований. Во-вторых, есть самостоятельные и с разной степенью доказательности изложения исторических путей развития *и экономической, и социальной, и политической, и духовно-культурной жизни общества.* В-третьих, имеются научные тексты, посвящённые крупнейшим событиям современности, выдающимся личностям (по разным основаниям), В-четвёртых, немало трудов рассматривают генезис, возникновение и функционирование политических партий, общественных организаций и движений. В-пятых, значительная часть исторических исследований касается жизни отдельных городов, предприятий и организаций, которые позволяют увидеть уникальность их развития

и становления. Но идеи общественного договора у них практически не рассматривались.

Однако в последние годы тема общественного договора стала привлекать внимание учёных всё чаще. В целом, если за период с 2001 по 2020 год в сети Интернет появлялось около 16 тыс. материалов каждые 5 лет по проблемам общественного договора, «то начиная с 2021 года всего за два с половиной года находится 15 800 таких публикаций» [Дементьев, 2023]. Но эти данные не стоит преувеличивать, так как во многих работах общественный договор трактуется весьма расширительно – как всевозможные формы договоров, соглашений между индивидами или группами по поводу всех возможных жизненных ситуаций, решить которые стремятся участвующие в них стороны [D'Agostino, Gaus, Thrasher, *2020].*

В отечественной литературе также возрос интерес к данной проблеме [Аузан, 2014; Балацкий, 2022; Ильин, Морев, 2022; Пискунов, 2005; Соколов, 2014]. В них высказаны различные точки зрения, которые касаются как исторического аспекта – эволюции идей, так и анализа опыта функционирования общественного договора в советском и современном российском обществе.

Особо следует отметить появившийся в последние годы интерес историков к анализу источников, которые отражают те или иные аспекты публичной и частной жизни людей. В них (письмах, воспоминаниях, обращениях в органы власти) причудливым образом переплетаются оценки происходящего в стране и мире с повседневными заботами, в которых можно увидеть основные черты жизненного мира людей и их вписанность в существующий общественный договор [Письма во власть… 2014; Голос народа... 1997; Неизвестная Россия... 1992; Лившин, Орлов, 2002; Россия в XX веке... 2002]. В этих сборниках документов и комментариях к ним анализируется и описывается повседневная жизнь «обычного» человека российского общества, отражающая индивидуальное и коллективное социально-психологическое восприятие действительности и особенности мировоззрения людей в переломную эпоху.

Рассматривая это осмысление складывающихся реалий, обратим внимание на то, что *общественный договор является во многом латентной характеристикой*, так как взаимоотношения народа и власти складывались не только осознанно и/или спонтанно помимо фактического или формального участия людей в решении экономических, социальных и политических проблем. Непременным условием был только уровень доверия, согласованности интересов ВСЕГО (или БОЛЬШИНСТВА) народа с интересами государства, что позволяло говорить о степени и зрелости достигнутого единства. И в основе всего этого должно быть понимание того, что любая власть – это лишь власть от уполномочиваемого им народа [Шмитт, 2016].

Вся проблема заключается в том, что народ всегда руководствуется своими осознаваемыми или артикулируемыми потребностями и интересами. И задача здравомыслящих политических сил состоит в том, чтобы уловить, понять, в чём состоят эти самые сокровенные, животрепещущие устремления людей и на каких условиях они пойдут на сотрудничество, согласие и поддержку тех общественно-политических сил, которые претендуют на получение политической власти. К такому опыту анализа теперь уже исторического опыта можно отнести анализ конкретной ситуации в России [Мельникова, 2021].

Таким образом, общественный договор является таковым, если он опирается на общепризнанный всеми его участниками смысл, ради которого и возможно существование государства.

Заключение

Обобщение эволюции научных идей и исторического опыта позволяет выявить основные характеристики общественного договора: взаимоприемлемая общность идей развития, существование механизма взаимодействия между народом и государством; как и каким образом согласуются основные устремления, ценностные ориентации и интересы людей (народа) *с политикой* государственной власти, *на чём* базируется их согласие; обеспечивается ли *баланс сил и баланс интересов*, существует ли *обратная связь*, которая свидетельствует, насколько власть не только слушает, но и слышит народ. Именно рассмотрение этих характеристик позволяет сделать вывод, что в центре общественного договора – *социальное доверие и социальный контракт* между властью и народом во всём их многообразии и многоаспектности. Образно говоря, существует ли *социальный клей*, который олицетворяет необходимое доверие и поддержку большинства или значительной части народа, чтобы обеспечить устойчивость существующих государства и общества, их функционирование и дальнейшее развитие. Поэтому существование общественного договора зависит от того, стал ли народ сувереном, имеет ли он возможность сопоставить свои устремления, свои интересы с пониманием и принятием того, куда зовёт его идти государство в лице политической власти, и насколько он согласен с тем, что ему надо делать и к чему стремиться.

Список литературы

Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М. : Наука, 1973. 537 с.

Асопов Н. В. Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 39–47. EDN ZCGAUX.

Аузан А. Идеальный насильник // Новая газета. 2021. 13 сент. (№ 102).

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М. : Манн Иванов и Фербер, 2014. 160 с. ISBN 978-5-91657-976-5.

Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. Т. 14, № 3. С. 3–18. EDN SAMHPE.

Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс 2000, 701 с. ISBN 5-04-006061-0.

Балацкий Е. В. Россия 2022: содержание нового общественного договора // Федеральное интернет-издание «Капитал Страны». 24.06.2022. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/rossiya_2022_goda_soderjanie_novogo_obschestvennogo_dogovora/42 (дата обращения: 09.03.2024).

Балацкий Е. В. Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21, № 3. С. 604–636. DOI 10.15826/vestnik.2022.21.3.021. EDN USNCTD.

Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории социальное // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 118–127.

Бьюкенен Дж. Сочинения. Т. 1. / Дж. Бьюкенен, Г. Таллок ; пер. с англ. ; гл. ред. кол. : Р. М. Нуреев и др. М. : Таурус Альфа, 1997. 560 с.

Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер ; пер. с нем. М. : Юрист, 1994. 704 с. ISBN 5-7357-0048-0.

Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6.

Гоббс Т. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / Т. Гоббс ; пер. с лат. и англ. ; сост., ред., автор вступ. статьи и прим. В. В. Соколов. М. : Мысль, 1989. 622 с. ISBN 5-244-00020-9.

Гоббс Т. Сочинения. В 2-х т. Т. 2 / Т. Гоббс ; пер. с лат. и англ. ; сост., ред., автор прим. В. В. Соколов. М. : Мысль, 1991. 735 с. ISBN 5-244-00460-3.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского М. : Мысль, 2001. 478 с. ISBN 5-244-00966-4.

Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Ин-т Рос. истории РАН ; Федер. архив. служба Российской Федерации ; Рос. гос. архив экономики ; отв. ред. А. К. Соколов ; сост. С. В. Журавлев и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 328 с.

Гольбах П. А. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2 / П. А. Гольбах ; под общ. ред. Х. Н. Момджяна ; пер с фр. Т. С. Батищевой, В. О. Полонского. М. : Соцэкгиз, 1963. 563 с.

Гутов Е. В. Божественное право // Современный философский словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. В. Е. Кемеров. Москва, Минск : Панпринт. 1998. С. 112–118.

Дементьев Е. В. Коммуникативная концепция Общественного договора и формирование курса развития экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 4. DOI 10.15838/esc.2023.4.88.3. EDN AXDOJW.

Дёмин В. Н. Бакунин. М. : Молодая гвардия, 2006. 384 с. ISBN 5-235-02881-3. EDN QWMZSL.

Ильин В. А. В стране формируются контуры нового Общественного договора / В. А. Ильин, М. В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 6. С. 9–34. DOI 10.15838/esc.2022.6.84.1. EDN EDXYYU.

Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества» // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 122–149. DOI 10.17323/1728-192X-2016-3-122-149. EDN WVJPIJ.

Крашенинникова В. Европа: быть или не быть? // Литературная газета. 2019. 13–19 марта. № 10.

Кропоткин П. А. Анархия: сборник / Сост. и предисл. Р. К. Баландина. М. : Айрис-пресс, 2002. 573 с. ISBN 5-8112-0013-7.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 39 / В. И. Ленин ; изд. 5. М. : Политиздат, 1970. С. 64–84.

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 36 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. С. 165–208.

Лившин А. Я. Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 2002. 208 с. ISBN 5-8243-0299-5. EDN WLQHLH.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. Т. 3 / Дж. Локк. М. : Мысль, 1988. С. 135–406.

Мельникова В. А. Один взгляд назад. «Договор об общественном согласии» 28 апреля 1994 года // КПРФ-Югра : [сайт]. 28.04.2021. URL: https://kprf-ugra.ru/archives/13169 (дата обращения: 05.06.2024).

Метерлинк М. Избранные произведения / М. Метерлинк ; пер. с фр. М. : Панорама. 1996. 397 с. ISBN 5-85220-408-0.

Милль Д. Несколько слов о невмешательстве / Д. Милль ; пер. с англ. А. Куманькова, Д. Чагановой // Социологиче-

ское обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 281–299. EDN HCLSEY. DOI 10.17323/1728-192x-2020-3-281-299.

Милль Д. О свободе. М. : Изд-во Юрайт, 2023. 128 с. ISBN 978-5-534-15363-7.

Монтескьё Ш. Л. О духе законов: Книга девятая. О законах в их отношении к оборонительной силе // Избранные произведения / Ш. Л. Монтескье ; пер. А. Горнфельда ; общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М. : Гослитиздат, 1955. С. 268–273.

Неизвестная Россия, XX век : альманах. Кн. 1 / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. М. : Историческое наследие, 1992. 351 с. ISBN 5-86000-005-7.

Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Науч. ред. О. Т. Богомолов. М. : Институт экономической стратегии. 2010. 796 с. ISBN 978-5-93618-174-0. EDN RCCLBB.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия=Anarchy, State, and Utopia (1974) / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с. ISBN 5-91066-007-0.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт ; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 256 с. ISBN 978-5-7598-0754-4.

Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / М. Олсон ; пер. с англ. Б. Пинскер ; ред. Ю. Кузнецов. М. : Новое издательство, 2012. 212 с. ISBN 978-5-98379-168-8.

Пискунов В. В. Концепт общественного договора: классические и современные формы : автореф. дис… канд. филос. наук : 09.00.11 / Пискунов Виталий Владимирович ; науч. рук. В. П. Филатов ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва, 2005. 26 с. EDN ZNBYDD.

Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – ноябрь 1919 г.) : сб. док. / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории ; сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2014. 279 с. ISBN 978-5-98901-164-3. EDN UAGSUF.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3 / А. Н. Радищев ; под ред. Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1952. 676 с.

Ролз Дж. Теория справедливости / Д. Ролз ; науч. ред. В. В. Целищев Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 507 с. ISBN 5-7615-0365-4. EDN YJOIQD.

Россия в XX веке: Люди, идеи, власть: Сб. ст. / Отв. ред. А. К. Соколов, В. М. Козьменко. М. : Росспэн, 2002. 238 с. ISBN 5-8243-0295-2. EDN SGNFXJ.

Руссо Ж. Ж. Об Общественном договоре: Трактаты / Пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М. : ТЕРРА-Книжный клуб ; КАНОН-Пресс-Ц, 2000. 544 с.

Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова ; пер. О. А. Жидкова. М. : Прогресс: Универс, 1993. ISBN 5-01-002746-1.

Соколов Б. О. Концепции общественного договора в современной политической теории : автореф. дис… канд.филос. наук : 23.00.01 / Соколов Борис Олегович ; науч. рук. В. А. Гуторов ; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. 2014. 25 с. EDN ZPJJXN.

Сото Э. де Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. М. : Catallaxy, 1995. 320 с. ISBN 5-86366-009-0.

Субботин А. Л. Договор общественный // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1 / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин ; 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. С. 681.

Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль ; пер. В. Т. Олейника и др. М. : Весь мир, 2000. 559 с. ISBN 5-7777-0062-4.

Токвиль А. Старый порядок и революция / А. Токвиль ; пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб. : Алетейя, 2008. 248 с. ISBN 978-5-91419-031-3.

Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М. : Наука, 1988. 143 с. ISBN 5-02-012858-9.

Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт ; пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб. : Наука, 2016. 568 с. ISBN 978-5-02-038400-2.

D'Agostino F. Contemporary Approaches to the Social Contract / F. D'Agostino, G. Gaus, J. Thrasher // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition) / E. N. Zalta (ed.). URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/contractarianism-contemporary (дата обращения: 08.02.2024).

Kant I. Metaphysical Elements of Justice ; second edition / I. Kant ; J. Ladd (trans.). Indianapolis : Hackett, 1999. 256 с. ISBN 978-0872204188.

Глава 2
Сущность и содержание общественного договора

Вы не можете одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность

Дж. М. Кейнс

Введение

Размышляя о проблемах общественного развития, Дж. М. Кейнс после посещения Советского Союза в 1932 г. сформулировал эту трилемму, выражающую, как он считал, одно из основных социально-экономических противоречий. Вместе с тем, исторический опыт показывает, что все составляющие этой трилеммы в разных пропорциях и вариантах можно согласовать, найти взаимоприемлемый уровень учёта значимости и рационального применения каждого из них. Одним из полей такого решения является *общественный договор*, в который входят такие важнейшие и принципиальные положения, как возможность социального контракта и компромисса между основными субъектами исторического процесса – государством в лице политической власти и народом, который представляет общество во всём его многообразии.

Обычно социальные теории, нацеленные на осмысление проблем общественного развития, концентрируют своё внимание на очевидностях (феноменах) экономического, политического, социального и культурного характера. Это присуще и социологическим концепциям, которые в большинстве случаев сосредотачивают своё внимание на феноменах, т. е. данных статистического и социологического характера, что позволяет судить о сути и содержании изучаемых процессов на основе фиксируемых социальных показателей, которые

при всей их значимости всё же имеют ограниченные возможности.

Этот преобладающий феноменологический подход не позволяет и/или ограничивает наши возможности проникнуть в полной мере в сущность изучаемых общественных процессов и явлений, выявить возможности их рационального существования и функционирования. Иначе говоря, сосредотачивая внимание на феноменах, мы упускаем из виду *ноумены* (умопостигаемые сущности), которые помогают выявить *смыслы* общественного развития, судить об уровнях зрелости обществ и государств и степени соответствия их глубинным потребностям и ценностным ориентациям народа [Тощенко, 2023]. Именно общественный договор как ноумен имеет принципиальные особенности, предполагает использование принципиально новых методов познания, которые бы раскрывали глубинные смыслы его возникновения и реализации. Такой подход даёт возможность представить не только очевидные, но и латентные основы развития общества и государства, выявить сущность общественного договора и возможности его существования на исторической арене.

Особо отметим, что существующие экономические, социальные, юридические, политологические, а также социологические теории с разной степенью доказательности излагают, анализируют и формулируют предложения о состоянии, тенденциях и взаимодействиях государств и обществ.

Не отрицая значимости этих теорий, они, на наш взгляд, только частично отвечают на вопрос: почему одни государства характеризуются устойчивостью своего развития, а другие не выдерживают испытания временем, распадаются или деформируются, становятся обществами травмы. По нашему мнению, это происходит потому, что в этих анализах и интерпретациях ускользает один из принципиальных научных подходов, который предполагает рассмотрение не только очевидных явлений и процессов, но и скрытых латентных характеристик общественного развития.

На наш взгляд, недостаток, односторонность и ограниченность существующих теорий становления, развития и функционирования государств восполняет концепция «общественный договор», которая мало или совсем не применяется как в мировой, так и в отечественной социальной мысли. Его основная и принципиальная особенность заключается в том, что предлагаемый научный подход коренным образом отличается от существующей научной практики тем, что предполагает рассмотрение и анализ наряду с явными наблюдаемыми феноменами латентных глубинных связей, свидетельствующих об основах существования того или иного государства: имеются ли общие цели у народа и политической власти, существует ли между ними взаимное доверие и желание согласовывать взаимные устремления.

Именно с позиций такого подхода, позволяющего с наибольшей полнотой вскрыть механизм устойчивости государства (или его отсутствие), возможно ответить на вопрос о целесообразности применения концепции общественного договора при анализе проблем развития любых социально-экономических систем.

Исходя из этой принципиально иной постановки вопроса о сущности, об истоках возникновения, развития и функционирования общественного договора, постараемся ответить на вопрос о целесообразности рассмотрения и объяснения происходящих социально-исторических процессов именно с этих позиций.

Остановимся на этом подробнее.

Предтечи общественного договора

Говоря об истоках общественного договора, можно напомнить первые исторические документы, пытавшиеся ограничить единоличную власть монарха (во всех его вариациях – император, царь, король, хан и др. претенденты на абсолютную власть), наладить его контакт с подчинённым и законодательно упорядочить взаимоотношения между различными слоями населения. На примере русской истории к ним можно отнести «Русскую правду», сборник правовых норм Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 года, Псковскую судную грамоту 1467 г. – нормативно-правовой акт, регламентирующий в основном гражданско-правовые отношения.

Имелись подобные предшественники и в других странах, среди которых особенно известна Великая хартия вольностей (1215 г.) в Великобритании. В целом это были документы, характеризующие официально одобренные способы и методы решения противоречивых и конфликтных ситуаций. Они отражали позицию правящих слоёв, её упрочение с их точки зрения существующих социально-правовых отношений.

Что же касается собственно общественного договора как исторического свершившегося события, то его появление связано с принципиально иной ситуацией в социально-экономическом развитии – как народ постепенно приобретал черты реальной социальной силы, действительного субъекта решения судеб своей страны, что впервые наглядно проявилось в английской в XVII в., а затем во французской в XVIII в. революциях. Причём сразу подчеркнём, что общественного договора *как документа* не существовало (не существует и не будет существовать), так как он выражает некоторое постоянно изменяющееся качественное состояние общества (ноумен), требующего регулярного настраиваемого взаимодействия народа и государства [Ойзерман, 1974; Simon, 1974].

Анализ этого состояния показывает, что отдельные аспекты общественного договора в современной истории вызревали постепенно, исподволь, так как до правящих слоёв эта потребность в более тесном взаимодействии с народом всё же доходила, и они реагировали на неё самыми различными способами. Так, на наш взгляд, представляют интерес социальные реформы Отто фон Бисмарка, которые олицетворяли основы практики прусского социализма. Он впервые в истории ввёл социальное страхование по болезни (1883), в случае увечья (1884) и пенсионное обеспечение по старости (1889), чем способствовал стремительному доверию и поддержке его политики, и – что особенно важно – сплочению немецкой нации [Беспалова, 2011: 229–233].

Некоторые попытки установить контакты с рабочими и предотвратить нарастание классового конфликта посредством социальной политики были предприняты и в других странах. Так, в Великобритании с 1834 г. был принят акт, известный как «новые законы о бедных», который предполагал государственное вмешательство в социальное положение беднейших слоёв населения и стимулирование их усилий с опорой на собственные силы, чтобы не оказаться без средств к существованию. Нужно также особо отметить, что эту тенденцию по отслеживанию и решению назревающих проблем в жизни работающего населения правительство Великобритании проводило постоянно, но только по отдельным аспектам жизни вплоть до 1942 г., когда экономист и парламентарий У. Беверидж выступил с докладом «Социальное страхование и сопутствующие услуги», с которого началось создание социального государства в этой стране, когда оно перешло сперва к регулированию, а затем к финансированию всех сфер социальной политики: жилищного строительства, страхования, пенсий, здравоохранения, образования [Подольский, 2021: 67–84].

В известном смысле можно сказать об отмене крепостного права в России в 1861 г. как о некоторой модификации одного из требований общественного договора, по которому учитывались назревшие (и даже перезревшие) интересы огромной массы крестьянства по изменению его неравноправного социального положения.

Иначе говоря, в реальной практике государственной политики многих государств в общественном договоре – в открытой и/или латентной форме – вызревали элементы общественного согласия и доверия, возможность эффективного решения назревающих проблем, уверенность большинства народа в сегодняшнем и завтрашнем дне, т. е. всего того, что характеризует степень устойчивости государства [Субботин, 1988]. При этом в реальной действительности общественный договор демонстрирует различные его грани и уровни зрелости.

При характеристике сущности и содержания общественного договора выявляется и такая его специфика: он не может оставаться неизменным в течение длительного времени, т. к. постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с изменяющимися социально-историческими условиями жизни. Об этом свидетельствует опыт развития всех стран, в том числе и России, когда опорные точки общественного договора менялись, уточнялись или замещались другими критериями. При этом всё возрастающее значение приобретают требования обеспечить права и свободы, соблюсти социальные гарантии, суверенитет личности, а также уверенность людей в своём будущем и будущем своих детей.

Особо подчеркнём, что *в реальной практике в современном мире у более двухсот государств* (только членами ООН являются 193 страны без учёта ещё 28 непризнанных государств) существуют разные вариации общественного договора и соответственно попыток осмысления и реализации этого

многообразия. В этой ситуации значителен научный и социальный интерес в поиске ответа на вопрос: что же представляет собой общественный договор в современных исторических и социально-экономических условиях, и какое место в его существовании отводится народу? Сочетается ли в нём провозглашённая Кейнсом трилемма – возможность сочетания свободы, справедливости и эффективности во взаимоотношениях народа и государства?

Ответить на эти вопросы очень важно, потому что практически все современные государства в явной или неявной форме претендуют на то, что они функционируют на принципах, принимающих во внимание потребности, ориентации и интересы народа, способствуют их реализации и максимально учитывают их в практике государственного управления.

Опыт осмысления реальных практик общественного договора в современном мире

Анализируя состояние и разнообразие экономических, политических, социальных и культурных реалий в настоящее время, на наш взгляд, можно говорить о нескольких вариантах общественного договора.

Во-первых, существует такая форма общественного договора, которую можно назвать *совещательной демократией* – демократией обсуждения, убеждения и компромисса. Это форма диалогового режима, переговоров, предполагающих возможность людей вести обмен мнениями и участием в выработке всех интересующих их решений [Габрилян, 2016: 129; Thoma, 2015: 3335–3355]. Основные параметры этой модели: 1) никто из желающих внести реальный вклад в дискуссию не может быть исключён из числа её участников; 2) всем представляются равные шансы на внесение своих соображений и предложений; 3) слова участников не должны расхо-

диться с делами; 4) коммуникация должна быть свободна от внешнего или внутреннего принуждения [Хабермас, 2008].

Исходя из того, что эта модель предполагает существование общества свободных и равноправных индивидов, определяющих формы совместной жизни путём диалога о ключевых проблемах жизненного мира, его непременной чертой становится обеспечение согласия в самом широком смысле понимания этого слова. *Эта характеристика в различных пропорциях присуща значительному количеству государств, относящих себя к демократическим странам, которые реализуют установку Кейнса о ценности свободы*. Но, на наш взгляд, она не исключает решение проблем, касающихся справедливости и эффективности, хотя на первый план выступают требования соблюдения демократии, прав и свобод человека.

Во-вторых, в современном мире существует общественный договор в государствах с авторитарной формой правления. В России ключевые позиции этой формы отражает Договор «Об общественном согласии» от 28.04.1994 г., целью которого, по словам Президента Б. Ельцина, было достижение политической стабильности, преодоление социально-экономического кризиса, упрочение федеративного устройства, безопасность гражданина и общества [Договор… 1994]. Его специфической особенностью становится определение форм и методов соблюдения согласия населения с политическим режимом при жёстко регулируемом процессе волеизлияния народа. Такая форма преобладает в большинстве авторитарных и автократических государств, численность которых, согласно данным ООН, примерно равна количеству государств, относимых к демократическим формам правления. Однако делать вывод о неэффективности, ограниченности и даже отсутствии общественного договора в авторитарных государствах не всегда оправдано – как показывают данные ООН,

49% государств с авторитарной формой правления имеют эффективную экономику и социальные гарантии при 51,5% демократических государств с такими же показателями. В этом случает на первый план выходят, если исходить из триады Кейнса, проблемы эффективности, но отнюдь не отрицающие возможности достижения справедливости и соблюдения прав и свобод человека.

В-третьих, появилась специфическая – теократическая – форма общественного договора в зависимости от религиозного признака государства. Например, в таких государствах, как Ватикан, Саудовская Аравия, Иран, источником государственности и базой общественного договора выступает святая книга (Библия или Коран). Следовательно, договорная ось «общество – государство» уступает место, в некотором смысле, договору между Богом и человеком. При этом остро стоит «вопрос о сохранении баланса интересов как верующих, так и неверующих, способного обеспечить независимость и невмешательство в сферу личной жизни со стороны религиозных объединений и государства» [Останин, 2009]. Иначе говоря, реализация кейнсовских постулатов в теократических государствах или в государствах, где велико влияние религии, переносится в плоскость учёта религиозных догматов и канонов. Вместе с тем приходится признать, что этот учёт будет неоднозначен и неоднопорядков с учётом разных установок в той или иной религии и даже её существующих вариаций. Эту разницу мы видим не только при сравнении, например, государств с христианскими ценностями и государств с мусульманскими религиозными традициями, но и внутри их модификаций – при преобладании то ли католических, то ли протестантских, то ли православных традиций. Аналогичное можем наблюдать и при сравнении мусульманских стран с шиитскими или сунитскими ориентациями.

В-четвёртых, современной модификацией идеи общественного договора является пакт, характеризующийся возвратом к системе табуитета – запретам, способным удерживать общество в жёстких рамках. Иначе говоря, он содержит тот или иной набор ограничений, которые участвующие в нём стороны обязуются соблюдать. Рано или поздно подобная ситуация может привести к кризису государственной власти. В свою очередь, если государство слабо и не в состоянии обеспечить «онтологический договор», значимым социальным фактом становится внегосударственная реализация закона [Шапиро, 2004: 43]. Пакт также способен добиться этого, но при одном важном условии – ограничении людей от участия в управлении государством.

В чём же разница между совещательной (переговорной) формой общественного договора и пактом? В совещательном договоре содержится идея всеобщего равенства, в то время как сама природа пакта равенство ограничивает, подразумевая существование управляемых (население) и управляющих (чиновники, олигархи и т. д.). Совещательный договор ограничивает государство в определённых действиях по отношению к гражданам. Пакт в значительной степени снимает эти ограничения: когда граждане государства вступали в него, они понимали, что тем самым отказываются по своей воле от ряда свобод. Совещательный договор не делает граждан пассивными участниками политического процесса. Пакт ограничивает способность граждан влиять на политическую ситуацию в государстве. Кроме того, совещательный договор предполагает наличие у граждан государства определённых свобод, которыми они могут пользоваться при условии соблюдения законов. Положения пакта таковы, что граждане априори отказываются от большей части свобод. Важно подчеркнуть, что при совещательном договоре подобный отказ происходит во имя стабильности и порядка в государстве, в

то время как по условиям пакта граждане отказываются от свобод ради материальных благ и защиты, которые им должно предоставить государство [Назарова, 2017: 28]. Вместе с тем особенные формы пакта, как «Пакт Монклоа» в Испании, предполагали решение мирным путём сложнейших социально-экономических, политических и правовых проблем путём социального консенсуса. Как обоснованно заметил Ролз, в этих условиях народ предпочитает социальную справедливость и социальное равенство, чем ориентацию на реализацию демократии [Ролз, 1995].

И наконец, отметим *такую трактовку общественного договора – это модель современного гражданского общества*, являющаяся, по мнению А. А. Аузана, одной из форм общественного договора. «Общественный договор и гражданское общество – это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество – это и есть общественный договор... Гражданское общество – это всегда добровольная многосторонняя договорённость людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле общество – это модель договора» [Аузан, 2005: 7].

Особую роль в современном гражданском обществе приобретают институционализированные общественные объединения, которые выступают в роли активных участников и посредников при заключении такого социального контракта. Они актуализируют проблематику общественного договора в периоды социальных потрясений и нестабильности, накануне выборов, при необходимости корректировки политического курса – всегда, когда предметом дискуссии становятся базовые принципы и основания, гарантирующие дальнейшее развитие социума [Правовая политика… 2004: 37]. В этих условиях можно отметить, что общественный договор – это «ключевое понятие», то есть «такая конструкция, которая

в ходе масштабных сдвигов социальных и политических структур выполняет функции оператора сдвига» [Солодникова, 2016: 17].

На наш взгляд, такая классификация общественных договоров достаточна условна, так как «государства и страны останутся столь же эгоистичными и хищными, как и раньше. Уверовавшие, что распространение демократических форм правления изменят это, забывают, что так называемые демократии прошлого и настоящего столь же империалистичны, как и автократии» [Сорокин, 1999: 9].

Однако все существующие виды и формы общественного договора, несмотря на их многообразие, имеют общие принципиальные, качественно определённые критерии, которые при всех его вариациях характеризую его сущность и содержание.

Является ли конституция страны базой общественного договора?

В современных государствах основы правомочности общественного договора зафиксированы в Конституции практически всех стран мира (большинство стран Европы, Америки и Азии) или подобных ей документах (как в Великобритании, Швеции, Новой Зеландии). В них отражена совокупность правовых норм, определяющих полномочия органов управления государством, порядок их формирования и функционирования, их взаимные отношения с народом, социально-правовое положение человека, что выражается в провозглашённых правах и свободах. Поэтому согласно некоторым теориям общественного договора Конституция определяется как договор между народом и государством, в котором устанавливается порядок функционирования государства и его взаимоотношение и взаимодействие с обществом. Иными

словами, государство сосредотачивает внимание на открытой декларации своей роли, места и функций, которые оно собирается реализовать. В этой ситуации у государства нет необходимости скрывать свои интересы.

Однако реальная жизнь всегда выявляет несовершенство и/или несоответствие как всей Конституции (или заменяющих её документов) или отдельных её положений объективным потребностям развития общества и живущих в нём людей. В результате возникает убеждённость как правящей структуры, так и граждан этой страны, что Конституцию как правовой документ под влиянием происходящих изменений необходимо модифицировать и/или уточнить, и/или дополнить. И такое действие по совершенствованию или выработке новой Конституции является широко распространённой практикой.

Что касается России, то базой, регламентирующей государственное устройство и жизнь населения, является Конституция страны, в которой формулируются принципиальные основы существования государства и общества. В истории Советского Союза были три варианта Конституции: 1924 г, 1936 г. и 1977 г. (если не говорить об их предшественнице Конституции РСФСР 1918 г.). Стоит заметить, что по всеобщему признанию, даже противников советского строя, Конституции СССР, особенно Конституция 1936 г., признавались как эталон провозглашённых прав и свобод человека, в то время не имеющей аналогов во всём мире. Вместе с тем каждый раз её обновления диктовались глубокими изменениями, произошедшими в стране, хотя нередко в её текст проникали субъективистские намерения и желания стоящих у власти людей.

Современная Россия живёт по Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Конституция обладает высшей юридической

силой, закрепляющей основы, полномочия представительных, исполнительных, судебных органов власти и местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина.

Поэтому вполне естественно, что общественный договор опирается (или должен опираться) на Конституцию страны. Однако принятие конституции не означает, что в ней учтены все возможные варианты как текущей, так и будущей жизни. Поэтому регулярно любое государство обращается к действиям, разъясняющим или дополняющим положения Конституции, в виде законодательных актов, принимаемых парламентами страны или непосредственно лицами, олицетворяющими политическую власть и прежде всего в лице правительства и/или других представительных органов.

Что же касается народа, то в общественном сознании присутствуют не только формальные показатели согласия с Конституцией и основанными на ней законодательными актами, но и латентные характеристики, которые говорят о той или иной степени сомнения в их совершенстве и правильном предназначении. Так, по данным социологического опроса, проведённого ВЦИОМ в декабре 2017 г., только 61% россиян считали Конституцию Российской Федерации документом, полностью или скорее полностью отвечающим нуждам страны и её народа. По мнению пятой части респондентов, (20%) российские власти соблюдают Конституцию полностью, по словам двух третей (64%) – лишь отчасти. Каждый второй (52%) считал необходимым внести в текст Основного Закона страны определённые коррективы [Конституция… 2017]. Эти коррективы были связаны с тем, что значительное количество людей полагало, что в этом основополагающем документе не в полной мере или с серьёзными издержками решены их гражданские и личные проблемы (к наиболее острым вопросам, требующим, по мнению граждан, отражения в Конституции, относятся зарплаты и пенсии, бесплатное здравоохранение и образование), что они сомневаются в способности государства обеспечить и удовлетворить эти их потребности и интересы. Значит, налицо расхождение между тем, что государство считает важным и необходимым для своего существования, и тем, как об этой важности и необходимости мыслят люди. Иначе говоря, в реальности существуют разногласия между государством и частью народа. А это значит, что государству в лице политической власти необходимо не только осмыслить это расхождение, знать о нём, но и предусмотреть, чтобы эти расхождения минимизировать, не доводить ситуацию до социальной напряжённости, конфликта и даже возможного социального взрыва.

Исходя из этого анализа, нельзя сводить общественный договор только к Конституции, делать её единственным инструментом, гарантирующим его существование. Однако в ряде существующих рассуждений содержится спорное стремление доказать, что общественный договор – это, по сути, конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны [Неэкономические грани... 2010]. И мало обращается внимание, даже упускается из вида, анализ общественного договора, олицетворяющего *латентные* процессы, определяющие судьбу существования государства: согласны и намерены ли люди (народ) – осознанно или стихийно – поддерживать политическую власть и существующий механизм взаимодействия между ними.

Субъекты общественного договора

Говоря об общественном договоре, вполне естественно возникает вопрос *о его субъектах*, которые являются основными социальными силами его реализации. При всех возможных вариантах возникновения и существования общественного договора он является продуктом *согласования дей-*

ствий двух основных сил – государства в лице политической власти и народа.

Что касается государства *как субъекта общественного договора, оно функционирует*, согласно классическому определению, впервые в наиболее отчётливой форме сформулированному Ш. Монтескьё, в виде деятельности трёх ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Однако в реальности складываются и существуют различные комбинации и модификации этого разделения власти. Наиболее распространённой формой определённой её деформации является преобладание полномочий исполнительной власти, что особенно характерно для авторитарных государств.

Что касается Советского Союза, то при провозглашении ведущей роли Советов как основополагающей политической и социальной силы после победы Октябрьской революции постепенно произошло смещение полномочий по руководству страной – коммунистическая партия (ВКП(б), а затем КПСС) сместила и превратила советы в подчинённые органы по исполнению партийных программ. Данный процесс породил серьёзные изъяны во взаимодействии власти и народа, которые постепенно вызревали и проявили себя с негативной стороны на завершающей стадии существования Советского государства, особенно в годы перестройки. Довление политической партии привело к ослаблению собственно государственных институтов и, как следствие, к их невозможности эффективно осуществлять свои функции после отстранения КПСС от управления страной, осуществлённого Горбачёвым и его командой в 1989 г.

Однако как субъект общественного договора государство представлено не только верховными эшелонами власти. Государственную власть олицетворяют и другие этажи власти, которые в разных странах называются по-разному – руководители штатов, федеральных земель, кантонов, губерний

и т. д. В России политическая власть представлена руководителями федеральных округов, а также республиканскими, областными (краевыми) органами власти.

Особое место занимают учреждения муниципальной власти или местного самоуправления, которые находятся в состоянии значительной неопределённости, что снижает действенность и эффективность их работы. На 1 января 2018 г. в России было образовано 21 946 муниципальных образований, из которых 17 773 являются сельскими поселениями, 1538 – городскими поселениями, 1758 – муниципальными районами, 588 – городскими округами (в том числе 3 городскими округами с внутригородским делением), 267 – внутригородскими территориями (внутригородскими муниципальными образованиями) городов федерального значения и 19 – внутригородскими районами городов федерального значения. Их полномочия постоянно пересматриваются, уточняются, что оборачивается их превращением из инструмента непосредственной власти народа в номинальное звено в структуре управления государством и обществом. В результате наблюдается тенденция к дестабилизации территориальной основы местного самоуправления. Такая ситуация серьёзно ослабляет участие народа в решении большинства проблем, которые непосредственно касаются их как жителей и как работников организаций [Прибыткова, 2018].

Говоря об *обществе как субъекте общественного договора,* можно утверждать, что оно представлено самыми разнообразными силами, начиная от политических партий, профессиональных организаций, союзов и объединений по выполнению определённых функций.

На всероссийском уровне оно представлено Общественной палатой. Экономическая общественность объединена во многие организации Союзом промышленников и предпринимателей, Союзом малых городов Российской Федерации.

Некоторые из этих общественных объединений имеют большую аудиторию, как Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», включающая около 450 тысяч предпринимателей.

Имеются и другие организации, олицетворяющие цели отдельных объединений специалистов, подобные Вольному экономическому обществу. К этому сонму общественных инициатив примыкают различные организации культурного, спортивного, оздоровительного и других добровольных организаций подобного толка, каждая из которых по-своему стремится влиять и формировать особые формы существования группового сознания и соответствующего ему поведения. Всего таких организаций на всероссийском уровне зарегистрировано в количестве 275. На региональном и местном пространстве действуют тысячи различных организаций с разными целями и разным сроком существования. Подчеркнём, что именно это многообразие форм общественного жизнеустройства способствует гуманистической насыщенности общественного договора, образуя полноту социальной и духовной жизни людей как граждан страны, как жителей определённой территории и как членов трудовых и других коллективов.

Вместе с тем, на наш взгляд, говоря о субъектах общественного договора, нужно иметь в виду непосредственно самих людей, которые в конечном счёте олицетворяют такое понятие, как народ, и именно они демонстрируют и свидетельствуют, насколько значимо и действенно их участие в общественном договоре. Именно по их участию в социально-экономической, социально-политической и социально-культурной жизни можно судить об уровне, причастности, заинтересованности и вовлечённости в решение актуальных проблем как общегосударственного, так и регионального и местного уровня. А пока колебания в осуществлении функций субъекта общественного договора весьма значительны.

Если в конце 1980-х – начале 1990-х годов социально-политическая активность (членство в различных общественных организациях, участие в демонстрациях и митингах, написании петиций) по своему размаху охватывала большинство населения (до 80%), то к началу 2020-х годов она утратила массовость и намерения россиян демонстрировать готовность проявить качества как граждан страны. Так, по данным всероссийского опроса 2022 г., 71,7% россиян заявили, что они ни к какой общественной организации не примыкают, 48,7% – ни в каких протестных общественных акциях и мероприятиях они не принимали участие. А что касается признания возможности влиять на принятие государственных решений, то об этом заявили только 7,5% [Жизненный мир... 2024: 422–423]. Всё это позволяет сделать вывод, что такое звено, представляющее народ, как сами люди, в настоящее время очень слабо вовлечено в процесс функционирования общественного договора, пребывая в основном в позиции нейтрального поведения и даже аномии.

Основные критерии общественного договора

Подводя итог анализа теоретических идей и реальной исторической практики, можно сформулировать критерии существования или отсутствия общественного договора как социального контракта между народом и государством.

Анализ существовавших и существующих видов и форм общественного договора при всех их специфических особенностях показывает: чтобы быть таковыми, они должны характеризоваться определёнными критериями, которые позволяют отнести их к данному социальному ноумену.

1. Цель как смысл общественного договора

Исходным критерием общественного договора является *цель*, которая обеспечивает баланс базовых, основных

устремлений народа и намерений государства, что выражается в философии «*общей судьбы*». С одной стороны, в цели находят отражение чаяния и ориентации народа, которые олицетворяют убеждения большинства людей по желаемому устройству общества, по достижению группового и личного благополучия. С другой стороны, государство в лице политической власти также вырабатывает свои цели, которые претендуют не только на решение неотложных, текущих политических, экономических и социальных задач, но и на перспективное жизнеустройство, что предполагает обязательный учёт интересов народа. В ином случае общественный договор может не состояться или может существовать ограниченное время до появления другой политической силы, которая предложит и более эффективно обеспечит сочетание и согласование интересов и строительство общей судьбы.

При этом предполагается, что эта цель воспринимается людьми как достижимая, даже в проблемной ситуации. Цель также означает, что она скрепляет и согласовывает то, что хотят и к чему стремятся основные классы, социальные общности и группы, и того, что предлагает власть, не исключая возможные издержки и просчёты в процессе её реализации, но при обязательной их коррекции в соответствии с ранее провозглашёнными ориентирами. При этом на государство ложится высокая ответственность – сформулировать стратегию развития страны, которая удовлетворяла бы народ не только в реально сложившейся действительности, но и позволила бы ему видеть будущую жизнь, идея о которой скрепляла бы эту договорённость. Причём, как показывает исторический опыт, чем перспективнее и в то же время конкретнее будет согласована цель развития общества и государства, чем большее количество людей принимают её, соглашаются с ней и нередко вдохновляются ею, т. е. умение оформить эти взаимные стремления и намерения и в те-

кущей действительности, и на будущее – залог устойчивого существования общественного договора и, соответственно, общества и государства.

Напомним, что у Гоббса смыслом такой цели при согласовании интересов политической власти и ценностных ориентаций народа было согласие, у Локка – свобода и безопасность, у Руссо – свобода и равенство, у Монтескьё и у Радищева – гражданская свобода и социальное равенство, у Гольбаха и Ролза – справедливость, у Токвиля – благосостояние.

При этом надо учесть, что достижение целей общественного договора предполагает существование и последующую реализацию *подцелей*, которые отражают тот факт, что у различных социальных общностей и групп есть особые, особенные и даже специфические требования – на уровне региона, города, места жительства, производственной организации, где они проявляются чётче, конкретнее и нагляднее, чем на уровне страны. Но от этого они не становятся менее значимыми. Более того, это предполагает их настройку и согласование с общими официальными установками. Образно говоря, цели повседневного жизненного мира являются в известном смысле базой для согласия и соглашения с уполномоченными органами и представителями государства на этих уровнях социально-экономической организации общества.

Что касается практики реализации цели, то она по разному воплотилась в жизни различных государств. Если применить трилемму Кейнса, то можно сказать, что в существующих странах используются разные её аспекты: в Швеции – социальное равенство, в США – свобода, в ряде стран западной Европы – демократия. В современной России устойчиво сложился запрос на справедливость [Российское общество... 2022].

В советской России эта цель была конкретизирована в зависимости от той ситуации, в которой находилась стра-

на. Изначальные цели, провозглашённые в октябре 1917 г. и отражающие глубинные и основные интересы народа, были воплощены в декретах о мире, о земле, о советах как власти народа, о правах народов России. В годы гражданской войны, объединяющей и разделяемой участниками общественного договора на первый план вышла цель, выраженная в вооружённой борьбе с различными группировками поборников царского режима, буржуазного устройства общества и иностранной интервенции. В годы НЭПа этой целью стала реализация провозглашённых в период революции лозунгов: «заводы –рабочим», «земля – крестьянам», представление равных возможностей трудовому населению страны. Затем были пятилетки, нацеленные на создание социалистической экономики, независимой от капиталистического окружения при обеспечении гарантированного социального благополучия, которое было более чем скромным, но приемлемым для большинства работающего населения. В годы Великой Отечественной войны этой объединяющей целью стало достижение победы над немецким фашизмом. В послевоенные годы были привлекательные и многообещающие цели и средства по созданию передового во всех смыслах государства, формирования прямой или косвенной причастности, особенно молодёжи, к решению как стратегических, так и конкретных, и в то же время привлекательных социально-экономических задач как целина, строительство новых городов и предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке, участие в освоении нефтяных и газовых месторождений Крайнего Севера. Немалую роль в сплочении государства и народа в 1950–1970-е годы сыграла ориентация, одобрение и поддержка политики государства по освоению космоса, по достижению паритета в ядерном противостоянии.

Все эти цели, нашедшие воплощение в планах, программах, проектах, требовали миллионы новых рабочих рук,

давали возможность, особенно молодёжи, проявить себя и, что важно, ощутить себя частью общего, объединяющего большинство людей дела, которое вселяло уверенность в успешном достижении не только общих, но и личных целей. Последнее особенно хотелось подчеркнуть, так как индивидуальное (приватное) осмысление происходящего и его приятие как касающегося личного жизненного мира, создавало ту *латентную* социально-психологическую почву, формулировало то представление об общей судьбе, которое олицетворяло уверенность не только в настоящем, но и в будущем, и делало человека равноправным и убеждённым участником общественного договора.

Таким образом, общественному договору гарантировано устойчивое и стабильное существование только в том случае, если обеспечен постоянный, регулярный и мобильный социальный контакт между государством и народом на основе достижения основной цели. Без такого контакта ранее провозглашённая цель (если она существовала) утрачивает свой потенциал, отвергается и не воспринимается как ориентир для жизнеустройства. В случае его отсутствия наступает кризис государства, возможность его существования.

История существования Советского Союза показывает, что пришедшие к власти большевики сумели не только включить в свою программу основные социальные интересы рабочего класса и крестьянства, но и смогли убедить и увлечь большинство народа идеей создания нового общества. Это признают многие зарубежные политические деятели и исследователи. Так, У. Черчиль, выступая в 1959 г. в палате представителей сказал: «Сталин принял Россию с сохой и оставил её оснащённой атомным оружием» [Цит. по: Емельянов, 2018].

Огромную роль в создании и функционировании советского государства и общества сыграла идея гуманизма, которая была воплощена в призыве к строительству незнаемого историей социалистического общества, в котором эта идея не только возникла, но она вдохновляла людей на всех этапах развития советской страны и по утверждению бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра сохранила свою привлекательность и в настоящее время: «После краха коммунизма этическая основа социализма – единственное, что выдержало испытание временем» [Цит. по: Энтони Уильямс, 2023: 69].

Насколько важно согласование целей государства и народа, показало время крушения общественного договора в Советском Союзе, что произошло в период так называемой перестройки. Встреченные почти с восторгом цели перестройки быстро померкли в сознании людей, так как они сразу же начали сопровождаться наспех сформулированными предложениями по решению кардинальных проблем экономики, социальной и политической жизни. Эти подцели отражали идеи и намерения власть имущих, чиновничества, но не народа и даже таких его ответственных представителей, как наука. И вполне естественно, что народ вскоре после её начала стал претендовать на внесение существенных корректив в официально проводимую политику. При этом заметим, что критика советской власти означала требования не её ликвидации (как в этом нас убеждают неолибералы), а её реформирования, о чём говорят (но не любят упоминать те же неолибералы) результаты всесоюзного референдума в марте 1991 г., когда 76,1% высказались за продолжение существования СССР, но с серьёзными изменениями в её политике [Зиновьев, 2021; Кара-Мурза, 2013; Гаспарян, Куликов, Сараидзе, 2019].

Что касается современной России, то согласование целей государства и народа во многом находится в состоянии неопределённости. До сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они созидают. Провозглашённое в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1), обозначает некую общую установку, которая в должной мере не конкретизирована до понимания и воплощения её в текущей социально-экономической, социально-политической и повседневной жизни [Зюганов, 2000].

Ориентация на философию «общей судьбы» пока слабо просматривается, так как чётко не сформулированы цели, которые могло принять большинство россиян. Такое состояние современного российского общества позволяет утверждать, что ещё не найдены в полной мере те ориентиры, которые в максимальной степени обеспечивали бы баланс интересов народа и государства.

2. *Средства достижения цели общественного договора*

Согласно требованиям саморегулирующихся систем предполагается, что цель находит отражение в возможностях её реализации путём определения средств её достижения. Эти средства конкретизируют как основную цель развития государства и общества, так и производные подцели, если они реализуют направления развития социальных общностей и групп. На наш взгляд, в первую очередь, это предполагает определение механизма реализации провозглашённых прав и свобод человека, которые обычно фиксируются в Конституции страны и других официальных правовых документах. Именно их соблюдение и гарантии их достижения предполагают правовое равноправие двух сторон общественного договора – государства и народа.

Подчеркнём, что *средства достижения сформулированных целей* находят отражение главным образом в инструментальных способах, направлениях и путях их реализации. На-

бор этих средств зависит от ситуации, той социально-исторической обстановки, в которой живёт страна.

Базой для их определения, использования и реализации является состояние социально-экономического развития страны, которое имеет конкретные его показатели, выраженные в большинстве случаев в статистическом измерении. Но в современном российском обществе эта база находится в травмированном состоянии, так как неолиберальной политикой были разрушены такие отрасли производства, как станкостроение, авиастроение, кораблестроение, автомобилестроение и другие производства, которые занимали одно из передовых мест в структуре мировой экономики. Одновременно были практически утрачены высококвалифицированные кадры. И не только в этих отраслях. К этому следует добавить такие показатели состояния этого развития, как ВВП на душу населения, покупательная способность, инвестиции в основной капитал, производительность труда, состояние экономики знаний. В результате хаотичных преобразований был потерян значительный человеческий, социальный и научно-технический потенциал, что привело к резкому ослаблению российского государства и к концу 1990-х годов поставило под вопрос его существование, создало угрозу его распада. И хотя в начале 2000-х годов эту тенденцию удалось частично переломить, но не настолько успешно, как это требуют объективные потребности общественного развития. Перед Россией по-прежнему остро стоит вопрос о коренном изменении экономической политики и связанном с ней социальном единстве народа, без чего существовать общественный договор не в состоянии.

На наш взгляд, одним из основных социальных критериев, характеризующих устойчивость общественного договора, являются показатели занятости и уровень материального благополучия людей.

Что касается *занятости и безработицы*, это предмет забот всех без исключения государств. Так как их *показатели* прямо и непосредственно влияют на стабильное положение государства и общества, то на них обращают первостепенное внимание, ведь именно обеспеченность работой создаёт условия для согласования интересов политической власти и трудового населения. Недаром в настоящее время при сравнении уровня развития стран в определении их устойчивости и стабильности обращается внимание на занятость максимального количества людей, претендующих на обеспеченность трудом, а также на количество лиц, лишённых по тем или иным причинам возможности трудиться.

Говоря о *материальном благополучии* как показателе устойчивости общественного договора, обратим внимание на необходимость его конкретизации, а не просто некоторых утверждений о благе народа. В России попытки преодолеть низкий уровень благополучия людей пока остаются не решёнными: с 2012 г. число россиян, находящихся за чертой бедности, остаётся примерно одним и тем же – около 20 млн или 12% от численности населения.

При этом огромную роль играет такой показатель, как оплата труда и её доля в ВВП страны. В 2013 г. она составляла 46%, в 2015 г. – 43%, в 2022 г. – около 39%. С ним коррелирует и оплата труда в структуре затрат предприятий. Она в течение последних 10 лет не росла, а наоборот, сокращалась: с 28% в 2013 г. до 22% в 2022 г. Этот показатель наглядно говорит о растущей эксплуатации труда. Особенно в уязвимом положении оказались работники в обрабатывающих секторах экономики, от которых во многом зависит успех в технологическом развитии страны [Башкатова, 2023]. Именно неудовлетворённость оплатой труда и порождает различные формы конфликтных ситуаций, что выражается в забастовках. В такой ситуации резко повышается уровень недо-

верия не только к работодателю, но и к политической власти. Конечно, формы выражения недовольства меняются: от традиционных методов их осуществления – забастовок, отказа от работы, захвата предприятий – переходят к применению новых, как, например, организация флешмобов, применение так называемых итальянских забастовок и др. форм выражения протеста.

3. *Методы реализации общественного договора*

Важнейшим структурным элементом общественного договора являются *методы*, направленные на реализацию целей концепции «общей судьбы» народа и государства, на проверку эффективности и действенности избранных средств. Они предназначены для того, чтобы при помощи и посредством их применения и использования убедиться, что социальный контракт результативен, что позволяет государству в лице политической власти знать, что народ или только часть его поддерживает, одобряет проводимую политику.

Результативность существующих целей развития государства и общества, эффективность применяемых средств их достижения проверяется *механизмом*, созданным для оценки деятельности официальных и общественных органов управления.

В современных условиях этот механизм включает в себя, во-первых, *доверие,* которое является основой для существования всех социальных и политических институтов, их представителям, особенно тем, кто возглавляет государственные организации и учреждения. Оно предполагает взаимоприемлемые взаимоотношения между официальными структурами и людьми, стремящихся удовлетворить свои базовые потребности и интересы. Доверие зависит от степени соблюдения основными участниками договора провозглашённых правил, а также от умения рационально действовать, достигая обозначенные цели, даже в случаях, когда некоторые правила не оговорены.

Длительное время проблема доверия связывалась с отношениями между людьми или между человеком и непосредственной организацией. Со временем Френсис Фукуяма доказал, что успех капитализма в различных сообществах определяется не финансовыми факторами, а доверием. Именно оно, по его убеждению, обеспечивает экономическое благополучие общества [Фукуяма, 2004].

Постепенно становилось очевидным, что этот феномен – доверие – актуально и значимо и для всех других сфер общества, так как оно обязательно включает в себя уверенность в упорядоченности взаимной деятельности, с которыми доверяющие находятся в постоянных контактах при решении своих волнующих их проблем личной и общественной жизни [Веселов, 2011].

На доверие постепенно стали обращать внимание и политические органы государственной власти во многих странах. Сначала оно осуществлялось набором отрывочных, часто неупорядоченных мер по отслеживанию настроения населения по отношению к официальной политике. Затем к этому были подключены специальные организации, которые собирали и анализировали состояние общественного сознания во всех его вариациях – политической, экономической, социальной. С 30-х и особенно с 50-х годов XX в. в практике государственного управления многих развитых стран стал использоваться принципиально новый метод – социологические исследования (опросы), которые давали достаточно убедительную информацию об уровнях доверия народа или отдельных социальных общностей и групп к политике государства в различных сферах общества.

С понятием *доверие* коррелирует *согласие,* которое означает специфическую форму взаимодействия двух основных субъектов общественного договора. Оно отражает стихийное и сознательное соединение противоположностей, соотнесе-

ние действий государства и общества друг с другом, достижение их согласованности и приемлемости. Ещё Т. Гоббс рассматривал общество как «согласие большинства» населения, а государство характеризовал как «средство общего согласия», более того, как воплощённое «единство общества», которое «больше, чем согласие и единодушие. Это реальное единство, воплощённое в одном лице путём соглашения, заключённого каждым человеком с каждым другим» [Гоббс, 1989: Т. 1, 159].

Иногда согласие трактуется как единомыслие, одинаковое восприятие действительности, а также как согласованные намерения и убеждения тех, кто не только соглашается на общее дело, но и принимает в его осуществлении практическое участие. По мнению М. Г. Алиева, необходимо различать согласие-намерение, согласие-волеизъявление и согласие-действие с его результатом. Различаются также событийное согласие и процессуальное согласие; первое возникает и достигается в конкретной, дискретной ситуации, а второе характеризуется длительностью и протяжённостью во времени, разделённостью на разные этапы, соединённые между собой, и поэтому выступающие как звенья в общей цепи процессов соединения противоположностей. *Согласие основывается на презумпции доверия, равнозначности, равноценности другой стороны, трактуемой не в качестве объекта, а в качестве наделённого автономным статусом субъекта.* Продуктивнее понимать согласие не как априорно заданное единодушие, а как процедуру взаимного открытия сторонами всё новых и новых смыслов взаимодействия [Алиев, 1998].

Если опираться на данные социологических исследований, согласие всегда эффективнее, чем доверие, так как оно предполагает вариативное отношение не вообще к такому феномену, как государство, а к его конкретным действиям и актам. А они могут по-разному оцениваться людьми в зави-

симости от их публичной и приватной значимости.

На базе согласия происходит формирование *солидарности* как формы социальной сплочённости и взаимосвязи индивидов и социальных групп, которая основана на общности интересов, целей и стандартов. Данное понятие отсылает к таким связям в обществе, которые объединяют людей в единое целое.

Это понятие получило распространение в XIX веке вместе со становлением социалистических и кооперативных движений. Оно обозначало как фактическое состояние (реальную взаимозависимость индивидов и групп как элементов конкретного целого), так и желаемое (идеи братства, взаимопомощи, симпатии и т. п.). С позиций общественного договора государство заинтересовано в том, чтобы люди были солидарны не только между собой, но и разделяли общие официально декларируемые ценности. В её разработке многое осуществили Э. Дюркгейм и П. Кропоткин. Дюркгейм считал, что, хотя индивидуумы преследуют различные цели, они являются носителями разных ценностей и интересов, а социальная солидарность в обществе строится на их взаимном доверии при выполнении конкретных задач. Что касается Кропоткина, то, согласно его взглядам, считается, что взаимопомощь, или кооперация, в рамках того или иного вида является важным фактором в эволюции социальных институтов. По его мнению, солидарность также должна рассматриваться как жизненно важная взаимопомощь, как деятельность, направленная на поддержку других людей и ради общественного блага.

Современные реалии солидарности предполагают более дифференцированный подход к её трактовке и применению. При соблюдении общих ориентаций на провозглашённую цель возможно существование различных вариантов её достижения, учитывая усложняющуюся структуру предпо-

чтений и устремлений различных социальных общностей и групп. Она предполагает готовность по взаимодействию и обмену достоверной и полной информацией, а также определёнными особыми действиями между субъектами общественного договора. [Социальная солидарность… 2014].

4. Обратная связь как итоговый критерий общественного договора

При характеристике структуры общественного договора решающее значение приобретает *принцип: государство в лице политического класса должно не только слушать, но и слышать народ*. Поэтому при установлении, развитии и сохранении общественного договора огромную роль играет *обратная связь* как важное звено в обеспечении стабильности и устойчивости государства.

Общественный договор – это дорога с двусторонним движением, что предполагает существование форм *обратной связи* между властью и народом, постоянную проверку её эффективности и действенности. Это означает, что политическая власть обязана вести диалог, советоваться, сопоставлять свои намерения с устремлениями народа и на этой основе корректировать свои усилия. Это предполагает постоянный и углублённый анализ даже тех ситуаций, когда, по официальному мнению, люди в чём-то ошибаются, заблуждаются. Образно говоря, народ всегда прав, даже если он не прав.

В Советском Союзе выполнению этих требований способствовала форма существования органов власти – советы народных депутатов. Эта форма согласования интересов, рождённая ещё в ходе революций 1905 г., а затем 1917 г., зарекомендовала себя на всех этапах социалистического строительства. Именно через них было осуществлено массовое вовлечение народных масс в решение назревших проблем социально-экономического и духовно-культурного характера.

Так как советы комплектовались в значительной мере посредством избирательной системы, то такая конкретная форма их комплектования, как выборы, отразила поиск непосредственных и опосредованных контактов власти и народа. Именно посредством выборов определялись лица, которые были уполномочены решать те проблемы, которые волновали людей там, где они работали и жили. Этот творческий характер особенно низовых органов советской власти проявил себя в 1920–1930-е годы.

Действенность этой формы обратной связи проявилась в разных понятных народу контактах: помимо выборов депутатов практиковались регулярные отчёты и выступления официальных лиц, работа с обращениями в органы власти, анализ писем и обращений и – главное – обязательная официальная реакция на все предложения, сигналы и критику с мест. Именно обязательность реакции на все сигналы с мест является достаточно эффективным средством преодоления и борьбы с различного рода нарушениями, злоупотреблениями, случаями взяточничества, хотя под этой маркой нередко скрывалось стремление использовать органы власти для удовлетворения эгоистических и узкогрупповых интересов.

В процессе созидания новых общественных отношений огромную роль стали играть такие политические образования, как партийные и комсомольские ячейки (организации), которые в реальной ситуации, особенно на первом этапе советской власти, концентрировали в себя наиболее активных сторонников строительства нового общества.

Однако постепенно, особенно в 1950–1980-е годы, функции Советов стали замещаться действиями партийного аппарата КПСС, что послужило ослаблению влияния народа на дела общества и государства и, соответственно, росту недовольства государственной политикой. Тем более эта работа всё больше приобретала черты формализма, без должного контроля со стороны общественности.

В функционирование обратной связи значительную лепту вносила и разветвлённая сеть самых различных общественных организаций, движений и инициатив – от общественно ориентированных (молодёжные организации) до спортивных, культурно-просветительных и др.

Это стремление общаться с народом и учитывать его интересы советская власть демонстрировала с разным успехом и умением, пока в период перестройки она не смогла улавливать существенные изменения в сознании людей, в понимании их насущных устремлений.

Действенной формой для поддержания контактов и измерения степени зрелости обратной связи стало определение доверия посредством социологических опросов. Именно ими проверяется, *существует ли соглашение и/или согласие, которое обычно выражается в степени поддержки народом политических и социальных институтов и олицетворяющих их лиц, которые правят в стране.* В настоящее время, по данным всероссийских исследований ВЦИОМ 2024 г., о доверии президенту, в зависимости от возраста, образования и места жительства, заявили от 60 до 80% россиян. Несколько вырос уровень доверия правительству, Государственной Думе и особенно местным органам власти. Но очевидно, что такой социально-психологический показатель, как доверие, формируется, исходя из многих обстоятельств жизни людей, но прежде всего через осознание своего социального положения. Иначе говоря, резервы для укрепления общественного договора ещё значительны.

Таким образом, суть обратной связи между народом и властью заключается в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе стремится создать «правила игры» – гарантировать условия достойного существования людей и обеспечить их выполнение. Люди, в свою очередь, могут согласиться на требования,

связанные с охраной их безопасности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются или по крайней мере принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются.

Утрата постоянных связей с народом – это утрата связи с реальностью и угроза существования политического режима. Это обязательно проявится в возникновении точек напряжённости, что наглядно ощущалось в определённые периоды существования СССР (во время политики продразвёрстки, в годы коллективизации, а также во времена перестройки).

Что качается обратной связи власти и народа в современной России, она в начале 1990-х годов базировалась на радикальных и внешне привлекательных обещаниях. Но она быстро схлопнулась, когда стали очевидны огромные социальные издержки – рост неравенства, падение жизненного уровня, рост безработицы, ослабление социальной защиты. В этих условиях началось падение доверия.

Неумение и нежелание считаться с запросами населения проявилось в таких конфликтных ситуациях, как монетизация льгот (замена натуральных льгот денежными компенсациями) в 2005 г., пенсионная реформа, начатая в 2019 г., оптимизация образования и здравоохранения, слом прежней организации науки с 2013 г. и др., которые породили конфликтные ситуации, в том числе и в регионах.

Обратная связь получает полное и завершённое воплощение в том случае, когда реализуется *такой критерий общественного договора, как причастность народа к управлению делами общества и государства.* Причём эта характеристика не должна пониматься буквально, только как личное участие каждого человека в управленческих органах на том или ином уровне социальной организации общества. Поэтому помимо

прямого непосредственного участия в работе органов управления, на наш взгляд, стоит говорить о *возможности влиять на принятие решений* всех без исключения органов управления. При этом именно осознание причастности и вовлечение в процесс управления делает самих людей более ответственными при осуществлении своей общественной и трудовой жизни. Курс советской власти привлечь к управлению как можно большее количество людей через широкую сеть Советов народных депутатов (в первые годы советской власти – Советов, рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов) способствовал укреплению взаимного доверия.

Отметим и такой путь укрепления согласия между народом и государством, как массовое вовлечение низовых слоёв населения к (со)участию в управлении. Это требование, выраженное в призыве Ленина, представителями неолиберальных кругов и антисоветчиков, активно высмеивалось: мол, большевики признавали (или декларировали), что «кухарка может управлять государством». Хотя внимательное прочтение слов Ленина говорит о том, что он ориентировал усилия советской власти на необходимости «*научить*» людей, в том числе и кухарку, участвовать в управлении государственными и общественными делами (Ленин). Вот его слова: *«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»* [Ленин, 1981: Т. 34, 315].

Установление обратной связи как условия существования общественного договора предполагает обеспечение консенсуса и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ стратами,

социальными общностями и группами внутри любого общества, иначе говоря учёта многообразия интересов. Важное значение приобретает учёт интересов этнонациональных и конфессиональных образований и их роли в укреплении общественного договора на каждом этапе исторического развития страны. В этой связи актуально утверждение, что забвение интересов этих институциональных образований ведёт к утрате связи с реальностью, способствует возникновению точек напряжения и, как следствие, порождает угрозу существования государства и его политического режима [Российские территории... 2022]. Причём это согласие призвано осуществляться не только на политическом, экономическом и социальном уровне, но, что особенно важно, на нравственном, духовном, как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу общественного договора. Это моральное единство возникает на основе соблюдения и поддержания доверительных отношений, которые устраняют всякие попытки противостояния, соперничества, предубеждённости и строятся на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых в многом зависит от ответственности государственной власти.

Все названные критерии образуют основу общественного договора – фактическое, а не только формальное участие в решении экономических, социальных и политических проблем, что обеспечивает общепризнанный всеми участниками смысл, ради которого и возможно существование государства. Правда, это не означает, что эти критерии остаются неизменными: поиск согласия во всём обществе и между основными субъектами действия – это постоянное требование для сохранения и поддержания общественного договора.

В заключение подчеркнём, что в период существования советской страны общественный договор был направлен на достижение сверхцели: формирования новой исторической

общности – советского народа и личности нового типа – советского человека [Смирнов, 1973]. Эта политика базировалась на установке обеспечения единства мировоззренческих и практико-ориентированных целей в процессе функционирования общественной (публичной) и личной (индивидуальной, приватной) жизни.

О соотношении формальных (открытых) и неформальных (латентных) основ общественного договора

В процессе становления и функционирования общественного договора всегда возникает разное понимание политической властью и народом сложившейся социально-экономической ситуации. Это проявляется в расхождении и восприятии целей, средств и методов решения актуальных проблем общественного развития. Государство практически всегда беспокоят как глобальные проблемы (конкурентность национальной экономики на мировом рынке, технологический суверенитет, независимость в осуществлении экономической политики), так и внутренние проблемы, отражающие его взаимодействие с населением. В то же время население в основном тревожит то, что связано с его благосостоянием, что, на примере современной России, выражается в обеспокоенности ростом цен, низкой или непонятной оплатой труда, отсутствием должных гарантий безопасности и социальной защиты. Именно это расхождение, особенно при решении социальных проблем, порождает сначала несогласие, которое может породить разного рода протесты, а затем и напряжённость во взаимоотношениях власти и народа.

Напряжённость в соблюдении общественного договора может проявиться и в том, когда государство иногда без должной подготовки навязывает народу те или иные реше-

ния. Иначе говоря, «сверху» происходит внесение предложений и корректив в цели общественного договора без должного учёта отношения и реакции «снизу», что ведёт к недовольству, появлению протестных настроений и снижению доверия к политическим структурам. Такое состояние порождает различные формы конфликтных ситуаций, отражающих несовершенство и даже слабость общественного договора, что проявляется в различных формах, начиная от раздражения и недоверия, вплоть до трудовых забастовок с угрозой перерастания в политическое сопротивление. Свидетельством этого являются события в современных государствах. Во Франции они вылились в так называемые жёлтые береты, в Великобритании – в многодневные акции в аэропортах, в Италии – в забастовки уборщиков улиц и т. д. Хотя в России, по утверждению Росстата, таких акций фиксируется (официально) в количестве 2–5 случаев в год, но, по утверждению независимых исследователей, количество забастовок ежегодно приближается к 400 [Коллективные трудовые… 2016]. Особенно выпукло это проявилось в процессе принятия законов о пенсиях, в конфликте с автоперевозчиками «Платон» или при закрытии предприятий, как это особенно наглядно произошло в г. Пикалево.

Если говорить о латентном уровне согласования интересов народа и государства, то он проявляет себя также в деятельности общественных объединений, движений, эффективность и результативность которых проявляется не только на открытом, но и латентном социально-психологическом уровне в виде доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу».

Это согласование наглядно проявляет себя в процессе избирательных кампаний. И не только в смысле выдвижения тех или иных своих представителей в органы власти (хотя и здесь проблемы), а в смысле доверия этим акциям. Таким

скрытым несогласием со всеми или основными процедурами приводят многих людей к отказу или воздержанию в проявлении своего волеизъявления. Возникает ситуация аномии, что выражается в том, что к урнам для голосования приходит в лучшем случае от 20% до 50% избирателей. Это характерно как для стран Европы, так и для России.

Негативное отношение к соблюдению официальных требований порождается неудовлетворённостью социальным положением, жизнеустройством, доступностью необходимых жизненных благ, что проявляется в критической оценке экономической и социальной политики государства. Данные всероссийских исследований, проведённых социологами РГГУ в 2018–2022 годах в различных отраслях экономики и социально-культурной жизни (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, а также здравоохранение, культура, образование и наука) показали, что от 42,5% до 50% россиян считают, что страна развивается в правильном направлении, почти каждый пятый (от 18% до 22,9%) – что развитие идёт в ошибочном направлении при каждом третьем (до 35%) воздержавшемся от ответа [Интеллигенция… 2023: 263].

Очень серьёзной критике подвергаются такие осуществлённые государством акции, как приватизация, налоговая система, рост социального неравенства, которые отвергаются более чем каждым вторым россиянином. Все это позволяет сделать вывод, что средства осуществления экономической и социальной политики ставят под *сомнение устойчивость и крепость* существующего общественного договора. Очевидно, что в эту политику нужно вносить кардинальные изменения – об этом говорят многие представители не только научной мысли, но и практические работники [Бабкин, 2008]. В результате говорить об устойчивости общественного договора можно только с определёнными оговорками.

На доверие государству влияет такой фактор, как социальные лифты, которые становятся источником мобилизации скрытых резервов человеческого потенциала или порождают пассивность, равнодушие и даже противоправное поведение, если эти лифты «заржавели». Общественный договор призван обеспечить эффективную политику по отбору и мобилизации творчески мыслящих и умеющих организовать людей, создать каналы по их включению в решение актуальных проблем и при необходимости вдохновить особенно молодёжь на поиск новаторских действий, обеспечивающих как укрепление социально-экономических основ государства, так и получение признанного и обеспеченного авторитета.

Именно эти расхождения и несовпадение интересов ведут к серьёзным изменениям в жизни государства и народа. Они могут ослабить государственную власть или её модифицировать в виде взаимоисключающих процессов, в том числе и к росту авторитаризма (тоталитаризма), который ведёт к деформации свобод и прав человека или к установлению охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы.

Всё это позволяет сделать вывод, что реальные общественные договоры в современной действительности, на наш взгляд, нередко представляют не всегда обоснованную и даже деформированную практику, которая лишь частично олицетворяет представления о свободе, демократии, социальном равенстве. Именно поэтому в практике политической жизни возникает необходимость изменения Конституции. При этом особое значение приобретают *моральные оценки* существующей власти, которые могут или усилить правомочность существующей власти, или подвергнуть её отрицанию и даже привести к противостоянию с нею.

На состояние общественного договора в современной России повлияла либеральная установка, что государство

должно максимально ограничить себя ролью «ночного сторожа», а человек сам ответственен за свою настоящую и будущую жизнь. Основным средством достижения благополучия были провозглашены капитал, прибыль, доход, финансовые средства или попросту деньги. И в то же время не были предложены проекты экономического и социального характера, которые бы свидетельствовали о реальной защите прав и свобод человека. Ущербность этого либерального курса привела к тому, что после более чем 30-летних блужданий по лжерынку в России многими учёными и рядом политических деятелей остро поставлен вопрос об альтернативной социально-экономической программе опережающего и самобытного развития России. По замыслу Ю. С. Глазьева Россия «должна стать нравственным, умным, справедливым, правовым, социальным и демократическим государством» [Глазьев, 2011].

Кроме того, анализ возможностей по консолидации российского общества показывает, что общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной идеологии и в то же время существования идеологических течений, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки различных социальных классов, общностей, групп, в том числе и деструктивного характера. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей своё выражение в государственно-общественной идеологии с чётким обозначением средств и методов её достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния [Славин, 2009].

Имеется и такая точка зрения, что в настоящее время перспективы развития российского общества представлены как неизбежность выбора между несколькими вариантами дальнейшего развития. Наиболее перспективной из них является идея модернизации, которая может гарантировать относительную устойчивость существующего социального порядка и социальной системы. Поэтому модернизация, не имеющая явных сторонников во властвующей элите, примет, вероятнее всего, форму постепенной «культурной» эволюции, включающей поэтапную трансформацию основополагающих ценностей и норм поведения [Черныш, 2021].

Таким образом, содержание общественного договора серьёзно варьируется в зависимости от конкретного государства, отдельной страны, а также того или иного этапа в их развитии. Применительно к российскому государству к регистрируемым показателям общественного договора можно отнести такие критерии (показатели), как доверие к политической власти, оценка уровня своего благосостояния, уверенность в социальной защите и личной безопасности, участие в принятии решений, начиная от государственных распоряжений и завершая делами тех организаций, где человек работает и где живёт.

Немалое и всё возрастающее значение приобретают требования обеспечить суверенитет личности, который по-разному реализуется в конкретной ситуации в рамках того или иного государства. Всякий новый общественный строй, который возникает после того, как прежний общественный строй ушёл в прошлое, приобретает не только новые социально-экономические условия своего существования, но и появление иного типа людей. Так, появление советского строя в России объективно привело к потребности в появлении нового советского человека (подробнее см.: [*Смирнов, 1973*]).

Всё это позволяет сделать вывод: чтобы обеспечить эффективное сочетание открытых и латентных показателей общественного договора, необходимо: а) учитывать объективные тенденции общественного развития (что обеспечивает наука, научный анализ); б) выработать и реализовать организационные усилия и умения, что обеспечивается кадрами

управления; в) гибко реагировать на изменяющуюся конъюнктуру, что предполагает использование науки и искусства управления и даже интуиции. Это постоянный поиск, иначе могут появиться временные искажения, флуктации, суррогаты общественного договора и отдельных его компонентов в основных сферах общественной жизни, в том числе и в региональном и социальном разрезе. В этом случае смысл всех усилий сводится к тому, чтобы обеспечить баланс интересов как между народом и государством, так и между отдельными социальными общностями и группами и взаимодействующими с региональными и местными органами политической власти.

Заключение

В итоге, если кратко выразить суть идей о смысле общественного договора, то его можно назвать социальным контрактом между народом и государством, который носит характер как открытого, так и в значительной степени латентного соглашения по поводу *существующего и будущего* жизнеустройства его участников. При этом внешние признаки этого контракта – официальная экономическая и социальная политика и средства их реализации – предполагают, что они учитывают реальные ценностные ориентации и устремлениям народа.

Новый общественный договор возникает после того, как существующий общественный строй ушёл в прошлое. В новой исторической ситуации он приобретает не только новые социально-экономические условия своего существования, но и нацелен на формирование иного типа людей. Так, пришествие буржуазного общества привело к появлению на исторической арене принципиально новых классовых общностей – буржуазии и рабочего класса. Поэтому и возникновение в

России советского строя объективно привело к потребности в появлении нового человека.

Содержанием общественного договора выступает постоянное взаимодействие как со стороны народа, так и со стороны государства, так как только при таком контакте выявляются возможности реализации этого союза, без которого существование государства было невозможным или находилось под вопросом.

Для понимания и определения сути и содержания общественного договора важны *смыслы* – ради чего каждый участник формулирует их, сопоставляет со смыслами других участников и на этой основе их готовность к действию – согласию, терпению или сопротивлению. Смыслы отражаются в целях, которых хотят достичь субъекты общественного договора (и их представители), возможности согласия и согласования как в текущее время, так и на перспективу, а также готовность следовать им.

Исходя из вышесказанного, можно так определить общественный договор. Это социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное становление баланса интересов между народом и государством, которое открыто и в то же время латентно демонстрирует согласованность взаимоотношений и взаимодействий государства и народа по организации и устройству общественной (публичной) и личной (приватной) жизни. Его существование зависит от того, может ли государство сформулировать смыслы, выраженные в понятных народу целях, которые бы отражали (и не противоречили) интересы народа, удовлетворяли его потребности и убедили в сформулированных путях их достижения. Общественный договор призван постоянно демонстрировать, что создан механизм обратной связи, что народ не только слушают, но и слышат. Поэтому создаваемые государством правила игры призваны включать в себя под-

линное, а не декларируемое равноправие, определять равноответственность обоих участников договора. В значительной степени это находит отражение в Конституции страны, соблюдение которой помогает создать авторитет власти, в том числе в моральном плане, но в то же время не ограничивает возможность её корреляции в зависимости от изменяющихся обстоятельств развития страны.

Общественный договор представляет собой самостоятельный социальный феномен, который характеризуется своей особенной структурой. Для того, чтобы представить общественный договор в действии, в данном случае рассмотрим его действие в советском и российском исполнении, осуществим сравнительный анализ его критериев, резервов и ресурсов, а также возможности его эффективного существования в настоящем и будущем времени. Немалое значение приобретает изучение уроков, как положительных, так и отрицательных, сопровождающих реализацию этого стратегически важного феномена.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактически вся история человечества (в том числе российский опыт) показывает, что (не)способность органов власти вовремя скорректировать свою политику в соответствии с ключевыми запросами общества или чисто формальный (что называется, «на бумаге») подход государства к достижению согласия с большинством населения страны приводит в конечном итоге к губительным для государственности последствиям. На наш взгляд, следует подчеркнуть тезис, что особенно важно согласие на моральном уровне», «моральное единство, которые строятся на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых – непременная функция государства.

Список литературы

Алиев М. Г. Социализация согласия. М. : Институт философии РАН, 1998. 120 с. ISBN 5-201-01997-8.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой и др. ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалёвой, Д. М. Носова. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с. ISBN 5-87129-006-X.

Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. Т. 14, № 3. С. 3–18. EDN SAMHPE.

Бабкин К. А. Разумная промышленная политика или как нам выйти из кризиса. М. : Бабкин Константин Анатольевич, 2008. 100 с. ISBN 978-5-9901585-1-1. URL: https://me-forum.ru/upload/iblock/2a4/2a48673eca7cc12e68a17b94d168a4e3.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

Башкатова А. Доля оплаты труда в структуре ВВП рекордно сократилась // Независимая газета. 2023. 7 ноября.

Бедарида Ф. Черчилль / Ф. Бедарида ; пер. с фр. Е. Н. Юдиной ; послесл. Ю. В. Емельянова ; 7-е изд. М. : Молодая гвардия, 2018. 458 с. ISBN 978-5-235-04110-3.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с. ISBN 5-02-008161-2.

Беспалова Л. Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2 (72). С. 229–233. EDN ONZDSV.

Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества М. : Аспект-Пресс, 2011. 231 с. ISBN 978-5-7567-0625-3. EDN QONDPN.

Габрилян Э. В. Правовое государство как теоретическая модель государственно-правовой модернизации // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 1. С. 121–132. EDN VPBKWP.

Гаспарян А. Перестройка. Как это было / А. Гаспарян, Д. Куликов, Г. Сараидзе ; ред. Е. Власова. СПб. : Питер, 2019. 192 с. ISBN 978-5-4461-1041-4.

Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М. : Изд. Дом «Экономическая газета», 2011. 576 с. ISBN 978-5-900792-87-3. EDN QPUMIN.

Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. Т. 1 / Т. Гоббс ; сост. В. В. Соколов ; пер. с латин. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана. М. : Мысль. 1989. 622 с. ISBN 5-244-00020-9.

Договор от 28.04.1994 «Об общественном согласии» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=261348#fGeriEUC8GooSebO (дата обращения: 04.06.2024).

Емельянов Ю. Черчиль и Россия. Послесловие // Черчилль / Ф. Бедарида ; пер. с фр. Е. Н. Юдиной ; послесл. Ю. В. Емельянова ; 7-е изд. М. : Молодая гвардия, 2018. С. 230–247.

Жизненный мир работников труда: устойчивость versus прекарность / Р. Б. Анисимов, И. В. Воробьева [и др.] ; отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь мир, 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7.

Зиновьев А. Катастройка, повесть о перестройке в Петрограде. Горбачевизм. М. : Канон+, 2021. 320 с. ISBN 978-5-88373-684-0.

Зюганов Г. А. Постижение России. М. : Мысль, 2000. 510 с. ISBN 5-244-00952-4.

Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений: сб. научных статей / Под общ. ред. Ж. Т. Тощенко ; ред.-сост. М. С. Цапко, Е. А. Колосова ; РГГУ. М. : РГГУ, 2023. 344 с. (Интеллигенция и современность; Вып. 24). ISBN 978-5-6047749-9-1. EDN GHHYUR.

Кара-Мурза С. Крах СССР. М. : Алгоритм, 2013. 448 с. ISBN 978-5-4438-0214-5.

Коллективные трудовые конфликты: Россия в глобальном контексте / П. В. Бизюков [и др.] ; под ред. Ю. П. Орловского, Е. С. Герасимовой. М. : Контракт, 2016. 320 с. ISBN 978-5-

98209-184-0. EDN XCDNYJ.

Комраков А. России предлагают альтернативную экономическую программу / А. Комраков, М. Сергеев // Независимая газета. 2023. 10 ноября.

Конституция: изменить или оставить? // ВЦИОМ : [сайт]. 12 декабря 2017 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-izmenit-ili-ostavit (дата обращения: 29.09.2024).

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; изд. 5-е. М. : Издательство политической литературы, 1981. Т. 34. С. 289–339.

Назарова Н. А. Современные формы общественного договора в общественно-государственных отношениях XXI века // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 2А. С. 24–32. EDN ZAEYBP.

Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Науч. ред. О. Т. Богомолов. М. : Институт экономической стратегии. 2010. 796 с. ISBN 978-5-93618-174-0. EDN RCCLBB.

Ойзерман Т. И. Учение И. Канта о «вещах в себе» и ноуменах // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 117–128.

Останин А. В. Светское государство и демократия // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 104–107. EDN LHQTTR.

Подольский В. А. Предпосылки формирования социального государства в Великобритании во второй половине XIX – начале XX вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 3. С. 67–84. DOI 10.31862/2500-2988-2021-12-3-67-84. EDN DPAPEL.

Правовая политика России в условиях глобализации / С. В. Поленина, О. А. Гаврилов, Н. В. Колдаева // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 28–37.

EDN WYNPHN.

Прибыткова Л. В. Опыт территориальных преобразований муниципальных образований в субъектах Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. № 2. С. 149–159. DOI 10.22363/2312-8313-2018-5-2-149-159. EDN VUHABK.

Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; науч. ред. В. В. Целищев ; пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича, А. А. Шевченко. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 536 с. ISBN 5-7615-0365-4. EDN YJOIQD.

Российские территории: 30 лет в условиях рынка : [монография] / Т. В. Ускова [и др.] ; под общей редакцией В. А. Ильина ; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда : ВолНЦ РАН, 2022. 315 с. ISBN 978-5-93299-557-0. EDN TEANEG.

Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Изд-во Весь мир, 2022. 284 с. ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI 10.55604/9785777708984. EDN GJITZD.

Смирнов Г. Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1973. 414 с.

Солодникова О. Б. Общественный договор как медиакурс (на примере общероссийских печатных СМИ) : автореф. дис… канд. филол. наук : 10.01.10 / Солодникова Ольга Борисовна ; науч. рук. М. В. Шкондин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2016. 32 с.

Сорокин П. А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–11.

Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / Отв. ред. Д. В. Ефременко ; ИНИОН РАН. М. : ИНИОН РАН, 2014. 284 с. ISBN 978-5-248-00716-5. EDN TBXDCL.

Субботин А. Л. Какие идеалы Просвещения имеют ценность сегодня? // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1988. 110–116.

Тощенко Ж. Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 3–15. DOI 10.31857/S013216250026379-9. EDN YCTSAA.

Уильямс Э. Христианские левые: введение в радикальную и социалистическую христианскую мысль / Э. Уильямс ; пер. с англ. В. Федюшин. М. : Новое лит. обозрение, 2023. 272 с. ISBN 978-5-4448-2144-2.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с. ISBN 5-17-024084-8 (ООО «Издательство АСТ»). ISBN 5-9577-1416-X (ЗАО НПП «Ермак»).

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева ; изд. 2-е, стер. СПб. : Наука, 2008. 417 с. ISBN 978-5-02-026351-2. EDN QWTSPJ.

Хьюлетт Дж. Христиане и коммунизм / Дж. Харлетт ; пер. с англ. В. В. Исакович ; ред. М. И. Хасхачих. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 155 с.

Черныш М. Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 3–13. EDN VPTUCH.

Шапиро И. Моральные основания политики: уч. пособие / И. Шапиро ; пер. с англ. Е. В. Малаховой. М. : КДУ, 2004. 296 с. ISBN 5-98227-037-7.

Simon J. Phenomena and Noumena: On the Use and Meaning of the Categories // Kant's Theory of Knowledge: Selected Papers from the Third International Kant Congress / Ed. by

L. W. Beck. Dordrecht; Boston : D. Reidel Publsihing Company, 1974. P. 521–527.

Thoma J. Bargaining and the Impartiality of the Social Contract // Philosophical Studies. 2015. [1] 172 (12). Đ. 3335–3355. DOI 10.1007/s11098-015-0472-7

Раздел 2. Этапы реализации общественного договора в России/СССР

Глава 3
Возникновение нового общественного договора в 1917 году

Есть нечто более сильное, чем все на свете войска, – это идея, время которой пришло.

Виктор Гюго

Введение

Этот период в российской истории можно назвать временем парадоксального развития, в котором немыслимым образом сочетались мир и война, гуманизм и жестокость, романтизм и цинизм.

Среди условий и факторов, свидетельствующих о прекращении даже зачатков общественного договора в царской России и обозначивших поиск нового общественного договора, стало то, что были полностью проигнорированы те сдвиги, которые происходили в общественном сознании, в его ключевой сути – мировоззрении – и в таких их компонентах, как потребности, ценностные ориентации, устремления и интересы людей. Именно они представляют собой особый, своеобразный и специфический продукт экономической, политической и социальной жизни, являющийся основой общественного договора и, соответственно, поиска ответа на вопрос: почему они перестали быть основой для социального контракта между народом и властью.

В это время появлялись, возникали и существовали самые различные идеи, программы и проекты преобразований,

многие из которых постигла судьба мимолётных искр, мелькавших непродолжительное время в калейдоскопе происходящих изменений и также стремительно исчезнувших, так как оказалось, что они отражали идеологические ориентации отдельных, часто малочисленных, к тому же в различных вариантах эгоистических и даже амбициозных групп людей.

При этом постепенно, но неуклонно на первый план выходили жизненные ориентации, которые отражали коренные интересы значительных слоёв народа. Они стали обретать облик реальных жизненных целей, хотя не всегда полностью осознанных, но весьма значимых для выработки соответствующего общественного поведения.

Именно в этой плоскости возникает вопрос: а насколько удавалось возникшим после февральской революции общественным и политическим партиям и движениям, а также государственной власти выражать эти интересы и устремления и претендовать на то, чтобы заключить с народом конвенцию, социальный контракт в виде общественного договора. История показала, что среди этого потока циркулирующих в то время идей только некоторые из них стали как отражением смыслов существования социально-классовых общностей и групп, так и материальной силой, когда они овладевают массами [Маркс, 1955] и воплощаются в реальной жизни государства и общества.

Исторический процесс свидетельствовал, что не все идеи, а только отражающие глубинные интересы и ориентации народа стали (явились) одним из важнейших и определяющих факторов революционных преобразований, объясняющих силу и влияние различных классов, социальных общностей и групп, и соответствующих этим идеям политических сил в их противостоянии и противоборстве со своими политическими противниками. История революций 1917 г. – наглядный пример превращения общественного сознания и его производных в материальную силу.

А что стало критерием их значимости и устойчивости в историческом процессе 1917 г.? При каких условиях они стали основой общественного договора, достоянием истории, его основных классов, определяющих будущее и судьбы миллионов людей?

Для того чтобы определить роль и значение основных идей и мировоззренческих ориентаций в формировании общественного договора того времени, выявить их сущность и содержание, будем исходить из следующих постулатов: а) какие причины привели к краху взаимоотношений царского режима с населением страны; б) что представляли собой идеи и идеологические установки основных политических сил, отражали ли они интересы народа; в) кто олицетворял их; г) имелась ли социальная база (социальная опора) для этих идей; д) какими средствами предполагалось их достигнуть; е) как это связано с конечной целью реализации этих идей.

Причины краха взаимоотношений царской власти и народа

Ранее высказывалось суждение, что каждое государство, осознанно или стихийно, имеет или претендует иметь общественный договор, логикой исторического развития должно дать себе отчёт, имеется ли контакт политической власти с народом. При этом отметим, что этот контакт или контракт может существовать в самых различных формах – от примитивных и условных до обоснованных, продуманных и постоянно поддерживаемых на основе соблюдения баланса интересов.

В этой связи возникает вопрос: а насколько оправданно говорить о его существовании в царской России? Если сама власть это мало или совсем не осознавала, то лучшие умы озаботились этой проблемой практически одновременно

с французскими просветителями. «Императорская власть, – писал Радищев, – даже полученная в силу общественного договора, сохранялась только до тех пор, пока государь соблюдал договор» [Радищев, 1952: 28].

Нельзя сказать, что это не чувствовали русские цари и российские императоры. Но в своём большинстве они искали союз не со всем народом, а только с теми социальными общностями и группами, которые, на их взгляд, олицетворяли общество: военная знать, бояре, позднее дворяне. Даже попытки реформ, планируемые Александром I и его окружением в начале XIX века, были рассчитаны на взаимодействие только с теми слоями-сословиями, которые юридически появились в России только в XVIII веке в результате реформ Петра I, – дворянством, духовенством и служивыми людьми (чиновничеством) и частично купечеством.

Вместе с тем в это же время наиболее дальновидными представителями ставился вопрос о необходимости принципиально по-новому строить взаимоотношения с преобладающим населением страны – крестьянством и набиравшими силу «цеховыми» (ремесленниками, будущим рабочим классом). Но это осознание бесправия большинства населения приобрело материальную силу только в 1861 г., когда был принят закон об отмене крепостного права. Были приняты меры и в отношении купечества, ремесленников и растущего городского населения – учреждены земские собрания, через которые население было допущено к принятию решений, касающихся в основном текущих проблем и забот.

Локальность и ограниченность этих мер, нежелание рассматривать по существу и во всей их глубине потребности и интересы основных слоёв российского общества привело к первой русской революции (1905–1907), которая образно вырвала у царя Манифест от 17 октября 1905 г. Согласно этому Манифесту населению были дарованы основные граж-

данские свободы. Манифест провозглашал свободу личности, совести, слова, собраний, союзов, партий, а также неприкосновенность личности. Была учреждена Государственная дума, к избранию которой привлекались те слои общества, которые были до 1905 г. лишены избирательного права [Миронов, 2003].

Однако вскоре выявилась эфемерность и ограниченность этих деклараций. Царь не раз использовал право на роспуск Государственной думы. Шла непрерывная чехарда в высших эшелонах власти. Торпедировались многие инициативы и начинания. Эта неопределённость усиливалась влиянием таких явлений, как «распутинщина», непрерывными интригами в царском окружении, неспособностью власти понять и адекватно оценить происходящее в обществе. Политический кризис в управлении был усугублён начавшейся мировой войной, которая показала неспособность царя и его приближённых руководить страной в этих экстремальных условиях.

Одновременно с политическим кризисом развёртывался и экономический. Вопреки утверждениям некоторых историков и экономистов, стремившихся отрицать экономические свершения Советского Союза и возвеличить достижения дореволюционного периода, реальная ситуация в экономике была далека от удовлетворительного состояния. Две трети промышленного производства контролировались иностранным капиталом. Финансовые дела управлялись банками стран Западной Европы. Ряд исследователей обращают внимание на зависимость российской экономики от зарубежного капитала, что выразилось, например, в том, что долг перед Англией и Францией в 2–3 раза превышал бюджет страны. Эта зависимость наглядно проявилась в слабом переустройстве экономики для нужд войны, что привело к тяжёлым поражениям на фронте. В ходе войны стремительно росла дезорганизация производства. Вследствие этого ухудшалось социальное положение ра-

бочих, что в конечном счёте выразилось в том, что именно их бедственное положение, с которым они не хотели мириться, вылилось в волну огромного количества демонстраций, забастовок и протестов, что и привело к Февральской революции [Островский, 2020; Грегори 2003].

Были проигнорированы такие факторы, как растущее обнищание населения, пробуждение национальных и националистических настроений.

Особое и немалое значение имела и растущая оппозиция царскому режиму интеллектуальных сил страны – основные слои интеллигенции жаждали демократических преобразований, среди них были сильны и социалистические ориентации.

Среди причин краха правящего режима обращают на себя внимание такие важные, хотя и неоднозначные причины, как неспособность царя и его окружения понять происходящее и, соответственно, принять меры по выводу страны из сложившей ситуации, растущие протесты крестьянства, противоречивость и непоследовательность действий политических сил – от западно ориентированных до консервативных и черносотенных партий.

И в этой ситуации полностью игнорировались интересы основных классов российского общества – крестьянства и рабочего класса. Их общее недовольство царским режимом, сложившейся ситуацией в стране постепенно эволюционировало и приобрело конкретные формы, которые сформировались в устойчивые намерения непременно добиться их реализации: «Мир – народам», «Заводы – рабочим», «Землю – крестьянам». Царская власть оказалась абсолютно неспособной уловить и реагировать на эти устойчиво сложившийся намерения.

Таким образом, в историческом плане возник вопрос: а есть ли такие политические силы, которые могут претендовать на власть в обществе, сформулировать свою политику

таким образом, чтобы учесть эти потребности массового сознания и претворить их в жизнь?

Ответ на этот вопрос попыталось дать Временное правительство, пришедшее к власти после свержения царского режима, и одновременно возникшая параллельно власть народных масс в лице Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, массово появившихся и даже организационно оформившихся в марте 1917 г. Однако в результате кардинальных революционных изменений страна с её монархическим строем распалась, а пришедшее к власти Временное правительство оказалось неспособным решить и решать принципиальные вопросы преобразования России. Все эти обстоятельства привели к тому, что тот лоскутный, ограниченный и условный общественный договор, который пытались создать буржуазные и претендующие на власть примкнувшие к ним партии, не выдержал испытания и перестал существовать.

Как это происходило в реальном историческом процессе, рассмотрим подробнее в следующем параграфе.

Социально-политический облик политических партий России

Кто из политических партий России мог ответить на главные требования народа: «Мир – народам», «Фабрики – рабочим», «Земля – крестьянам», «Вся власть – Советам» – для того, чтобы претендовать на общественный договор с ним? Рассмотрим облик существовавших основных политических сил: промонархических, консервативных, буржуазно-реформистских, левых партий.

О разнообразии средств преобразования России, провозглашённых основными политическими силами России в 1917 г., и их (не)соответствие мировоззренческим ориентациям народа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Предложения политических партий о решении основных проблем, в урегулировании которых был в первую очередь заинтересован народ

Партии	Отношение к войне	Отношение к требованиям рабочих	Отношение к требованиям крестьян
Русский национальный союз (черносотенцы)	Продолжение войны	Сохранить статус-кво	Сохранить статус-кво
Союз 17 октября (октябристы)	Продолжение войны	Решать постепенно	Продолжение Столыпинской реформы
Партия народной свободы (кадеты)	Продолжение войны	Улучшить положение	Выкуп земли
Эсеры	Оборонцы	8-часовой рабочий день	Социализация земли
Меньшевики	Демократический мир	8-часовой рабочий день	Постепенная передача земли
Большевики	Долой войну	Заводы – рабочим	Безвозмездная передача земли крестьянам

Анализ деятельности *промонархической черносотенной партии (Русский народный союз имени Михаила Архангела, лидер В. М. Пуришкевич)* показывает, что они, возникнув в годы первой революции, долгое время были влиятельной политической силой. Её целью и основной программой было сохранение, поддержка и защита самодержавия. Именно из-за непопулярности этих целей и достаточно специфического круга сторонников эта партия постепенно теряла своё влияние и к осени 1917 г. окончательно его потеряла.

Попытки воссоздать подпольные монархические организации были обречены на провал, так как отражали настроения и ориентации незначительных групп монархической и националистической ориентации. К 1917 г. руководители этого союза, учитывая изменившуюся обстановку, уже не решались выдвинуть требование реставрации самодержавия, став на путь компромиссов с октябристами и кадетами. Не имелось у этого союза и серьёзной социальной базы, за исключением маргинальных слоёв и люмпенизированных групп. Средства утверждения своего влияния – погромы, принуждение, угрозы – не могли привести к поддержке этой политической силы и её идей. С точки зрения исторической ретроспективы, они себя полностью дискредитировали, не смогли ответить на вызовы времени и поэтому сошли с общественно-политической арены, превратившись в малозначимые, крикливо-насильственные, ультрарадикальные группы отверженных, принявших активное и кровавое участие в гражданской войне [Политические партии… 2000; Иванов, 2011].

Что касается *партии октябристов «Союз 17 октября»,* то идея сохранения реформированного самодержавия долгое время была смыслом их существования. Эта партия представляла собой умеренно правое политическое объединение крупных землевладельцев, предпринимательских кругов и чиновников России. По определению её лидера А. И. Гучкова, она была либерально-консервативной и олицетворяла интересы правого крыла российского либерализма, придерживавшегося умеренно-конституционных псевдореволюционных взглядов. Её так называемые общенациональные приоритеты были выражены наиболее наглядно в мае 1915 г. на съезде промышленников России в речи одного из лидеров этой партии М. В. Родзянко: «Отныне должен быть у всех русских граждан один лозунг: «Всё для армии, всё для победы над врагом, всё должно быть сделано для того, чтобы в полном и крепком единении сокрушить тех, которые дерзают посягать на величие России»» [Исто-

рия партии… 1996–2000; Соловьев, 2011; Соловьев, 2024]. По большому счёту, эта партия тоже не могла предложить народу того, что соответствовало бы его устремлениям, сосредоточившись на своих узко корпоративных интересах. Со временем эта позиция после февраля 1917 г. оттолкнула от этой партии широкие слои населения, так как она шла вразрез с чаяниями большинства народа, который не хотел войны, жаждал мира, что нашло отражение в потере желания участвовать в боевых действиях и проявилось в растущей массовой дезорганизации армии, оставлении окопов и даже братания с немцами. Иначе говоря, эта партия не могла предложить ни одной идеи, которая бы нашла поддержку широких слоёв народа России.

В анализе общественных устремлений не менее впечатляюща и поучительна судьба идей *Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы, лидер П. Н. Милюков)*, которая представляла умеренный фланг российского либерализма. Кадетов ещё называли «профессорской партией», имея ввиду высокий образовательный и культурный уровень её рядовых членов (её видным деятелем был В. И. Вернадский). Кадеты предложили такую платформу: конституционно-парламентарная монархия, демократические свободы, принудительное отчуждение (но не конфискация) помещичьих земель за выкуп, законодательное решение «рабочего вопроса». Вопрос о народном представительстве также был покрыт пеленой двусмысленности. В программе говорилось, что «партия допускает в своей среде различие мнений по вопросу об организации народного представительства в виде одной или двух палат, из которых вторая палата должна состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных на началах всеобщего голосования и распространённых на всю Россию» [Политические партии... 2000].

Что касается средств достижения провозглашённых целей, кадеты, в отличие от оппонентов слева, выступали против резких насильственных потрясений. Они рассчитывали

осуществить свою программу легальными, парламентскими методами, хотя не отвергали возможность политической революции как крайней меры. Однако эти ценности и идеалы оказались невостребованными, что явилось трагедией российского либерализма, ибо они не совпадали с чаяниями ни крестьянства (что значит «выкуп»?), ни рабочих (т. е. как убедить капиталистов удовлетворить насущные их требования, например, о 8-часовом рабочем дне?). Не отказались кадеты и от продолжения войны. Консервативную позицию они заняли по отношению к проблемам автономии ряда национальных окраин (например, Украины). Эти частичные, урезанные идеи не могли найти массовый отклик – эта политика была мало и даже совсем не понятна народу, так как предлагаемые средства решения назревших проблем не отражали его интересы. Социальная база её оказалась крайне ограниченной, противоречиво компромиссной и не всегда ясной даже буржуазным слоям населения [Думова, 1993; Чернявский, Дубова, 2015; Кара-Мурза, 2001]. И результатом такой политики оказалось, что хотя они поддерживали и считали целесообразным передать власть Учредительному собранию, тем не менее на выборах осенью 1917 г. они получили 4,6% голосов. Иначе говоря, голосом народа были отвергнуты все лелеемые этой партией идеи (хотя многие из них звучали вполне респектабельно).

Более сложная судьба сложилась у такой левой партии, как *эсеры (Партия социалистов-революционеров)*. История партии эсеров в 1917 г. представляет собой эпопею борьбы и компромиссов между постепенно сложившимися в ней тремя течениями: правым (А. Ф. Керенский, Е. К. Брешко-Брешковская, А. Р. Гоц, Н. Д. Авксентьев), центристским (В. М. Чернов, С. Л. Маслов) и левым (Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова), каждое из которых в свою очередь имело внутри себя различные оттенки мнений. И поэтому несмотря на то, что к концу 1917 г. эта партия была самой массовой, её идеи были достаточно разношёрстными и не всегда определёнными, эсеры понимали, что судьба революции в России зависит от

решения коренных проблем, волнующих народ, и особенно вопроса о войне и мире. Но у эсеров не было единства по способам и методам их решения. Эсеровский центр находился под постоянной критикой справа и слева. Левые эсеры упрекали его в оборонческой фразеологии, правые требовали большей активности в продолжении войны, призывали «порвать с циммервальдизмом, пораженчеством и большевизмом». Поэтому в резолюции «Об отношении к войне», принятой III съездом партии, основополагающим стал лозунг «Демократический мир всему миру», носящий характер компромисса и даже двусмысленности [Гармиза, 1970].

Специфическую позицию заняли эсеры и по отношению к возникшей в феврале 1917 г. народной власти – Советам. Они рассматривали их лишь как орудие, которое дала история «для продолжения переворота и закрепления основных свобод и демократических принципов. Советы должны были организовывать массы, осуществлять над ними идейно-политическое руководство, быть “часовыми” революционных завоеваний народа». При Временном правительстве их функции должны были заключаться ещё и в том, чтобы контролировать это правительство, толкать его дальше по пути реформ. Вместе с тем эсеры подчёркивали, что в будущей демократической республике Советы останутся лишь классовой общественной организацией трудящихся масс, одним из элементов государственной организации. Эсеры считали, что в качестве института власти Советы «совершенно не приспособлены к будничной работе». На таких рассуждениях базировалось упорное неприятие эсерами большевистского лозунга «Вся власть Советам!» Отсюда вытекала и их установка на постепенное реформирование общества без революции и насильственного захвата власти [Тютюкин, 2000].

В то же время следует отметить, что самым серьёзным достижением эсеров стала предложенная ими аграрная реформа. III съезд партии эсеров подтвердил верность требованию социализации земли, но подчеркнув, что закон о земельной реформе может принять только Учредительное собрание, т. е. откладывал его решение на неопределённое время, в то время как крестьянство в лице Советов крестьянских депутатов требовало немедленной его реализации. Стоит также отметить рыхлость позиций эсеров по отношению к стремлению рабочего класса владеть заводами и фабриками, что привело к слабой их поддержке среди этого слоя трудящегося народа, во многом предопределив последующее поражение эсеров [Алексеева, 1990].

Среди левых партий в 1917 г. значительную роль играли меньшевики (лидеры Ю. О. Мартов, Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели), которые были в1917 г. одной из влиятельных политических сил [Катков, 1997]. Хотя они являлись сторонниками марксизма и социалистической революции, однако отвергали курс на немедленное построение социализма, считая, что Россия как аграрная страна не готова к этому. Недостатком меньшевиков в политической конкурентной борьбе были нерешительность и аморфная организационная структура. К лету 1917 г. меньшевики раскололись на четыре фракции: «крайних оборонцев», «революционных оборонцев», интернационалистов-мартовцев и интернационалистов-«новожизненцев» (от названия газеты «Новая жизнь»). Последняя фракция в сентябре 1917 г. выделилась в самостоятельную партию РСДРП (интернационалистов). Кроме того, от партии отделилась фракция «Единство» во главе с Г. В. Плехановым. Основным поводом для внутрипартийных расколов стал вопрос о мире, разделивший партию на «оборонцев», отстаивавших идею т. н. «революционного оборончества» («война до победного конца») и «интернационалистов», склонявшихся к позиции большевиков («долой войну»). Их объединяло отвержение революционных методов борьбы. Поэтому меньшевистские фракции, как «левые», так и «правые», отказались поддерживать Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде, охарактеризовав его как установление «большевистской дик-

татуры» путём «военного заговора». Меньшевики демонстративно бойкотировали II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, отказались принять участие в формировании нового правительства. Именно это разнообразие противоречивых установок и нередко взаимоисключающих идей меньшевиков привело к неопределённости их социальной базы, неясности и путаницы целей и, соответственно, слабой их поддержке народными массами в процессе происходящих революционных преобразований [Ненароков, 2000; Тютюкин, 2000].

Что касается *большевиков*, то они стремились последовательно осуществлять политику, которую провозгласили ранее в своей программе и в своих действиях во время начавшейся мировой войны. В 1917 г. они в основу своей деятельности положили требования, отражавшие глубинные устремления миллионов людей: «Мир – народам», «Фабрики – рабочим», «Земля – крестьянам». Эти лозунги становились всё более популярными и завоёвывали растущую поддержку среди большинства народа. Уже на I Всероссийском съезде Советов (июнь 1917 г.) большевики дополнили эти лозунги чётко сформулированным средством их достижения и реализации «Вся власть Советам». На съезде Лениным было заявлено, что партия большевиков «каждую минуту… готова взять власть целиком» в том случае, если Советы окажут ей доверие. При этом под властью Советов вплоть до Октябрьского переворота подразумевалась коалиция нескольких партий, составлявших в Советах большинство (эсеры, меньшевики, большевики) [Данилкин, 2017].

Идеи большевизма, построенные на учёте коренных интересов народа, оказались наиболее жизнеспособными и востребованными. Большевики, в отличие от их оппонентов, объединили в единое целое интересы основных социально-классовых групп, включив их главные ориентации в программу своих действий. В условиях заметного и неустойчивого идеологического вакуума, когда выросло недоверие ко всем властным силам, составлявшим базу Временного правительства, большевики обеспечили себе мощную поддержку, которая стала решающей в октябрьских событиях 1917 г. Иначе говоря, именно тот социальный контракт, построенный на учёте интересов большинства народа и воплощённый в политической деятельности большевиков, стал основой общественного договора. Как утверждает историк В. Булдаков, массы хотели «своей» власти, и по их представлениям, им наиболее полно отвечали большевики. Более того, «Октябрьская революция, – пишет Булдаков, – свершилась под знаком общечеловеческих ценностей и демократии», но их судьба была весьма противоречивой и непоследовательной, стала утверждаться путём невиданного классового насилия» [Булдаков, Леонтьева, 2017: 321].

Всё это позволяет сделать вывод, что все основные политические силы, кроме большевиков, не знали, слабо учитывали и не ориентировались на истинные намерения народа, не имели ни сил, ни организованности для вывода страны из поразившего её кризиса, что и обусловило закономерный результат – приход к власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, находящихся под влиянием большевиков [Поспелов, 2022: 69].

Социальная база и основные цели политических партий в 1917 г.

Анализ социально-политических позиций основных политических партий России позволяет сделать вывод, что все они имели ограниченную социальную базу и, соответственно, критическое, противоречивое и неоднозначное отношение к ним со стороны российского народа и его двух основных классов – рабочих и крестьян.

Понять, почему большевики одержали победу, позволяет сравнение целей и отношения политических партий России в 1917 г. к основополагающим проблемам, волнующим трудящиеся массы того времени (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные политические идеи-установки, их социальная база и средства (механизм) реализации

Основные идеи-установки	Политические партии	Средства	Социальная база
Самодержавие	Русский национальный союз (В. М. Пуришкевич)	Принуждение, насилие	Маргинальные слои
Конституционная монархия	Союз 17 октября (А. И. Гучков)	Реформы в интересах крупных собственников	Крупные собственники, чиновники
Парламентское устройство	Партия народной свободы (кадеты) (П. Н. Милюков)	Реформы в интересах средней и мелкой буржуазии	Средние и мелкобуржуазные слои (профессорская партия)
Демократическая республика	Эсеры (А. Ф. Керенский, В. М, Чернов, Б. Д. Камков)	Реформы в интересах крестьянства	Крестьянство
Социализм	Меньшевики (Ю. О. Мартов, Н. С. Чхеидзе)	Передача власти без насилия	Городская интеллигенция
Социализм	Большевики (В. И. Ленин)	Революционное восстание. Диктатура пролетариата	Рабочий класс и крестьянство

Анализ этих данных наглядно демонстрирует раскол на взаимоисключающие, противостоящие полюса. Это противостояние проявилось в ожесточённых схватках, в которых

каждый из участников стремился доказать своё право на жизнь.

В этой связи, на наш взгляд, вернёмся к утверждению К. Маркса о том, что история всех революций постоянно и убедительно демонстрировала: в них всегда реализовывался проверенный историей вывод: «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами» [Маркс, 1955: 416]. В 1917 г. произошло слияние воедино идей происходящей революции, отражавших единство программы большевиков и других левых партий с интересами основных движущих сил – рабочего класса и крестьянства. Реализацию этих идей обеспечивал и высокий уровень организационной культуры, партийной дисциплины, последовательность действий большевиков. То, что не удалось ни одной политической партии того периода, удалось большевикам. Именно они в своих идеях и действиях олицетворяли желания большинства народа. Это и обеспечило им массовую поддержку не только в период захвата власти, но и в течение длительной и изнурительной гражданской войны. Именно то, что желания народа воплотила в себя программа большевистской партии, стало залогом её победы. Этот факт признавали даже современные российские квази-либералы (Н. Боровой, В. Новодворская), которые на дух не переносили коммунистические и социалистические идеи.

Всё это позволяет сделать вывод, что решающее значение для возникновения общественного договора между народом и большевиками сыграл тот факт, который в своих размышлениях о социологии революций выразил П. А. Сорокин. Он сформулировал закон поляризации, согласно которому в условиях катастрофической ситуации в любом человеческом сообществе происходит формирование двух поведенческих полюсов. С одной стороны, актуализируются альтруистическое перевоплощение, благородство и самопожертвование во

имя привлекательных, возвышающих человека целей, ради благоустройства большинства людей, с другой – актуализируются социальные и социально-психологические консервативные установки, противостоящие этим намерениям с сопутствующими социально-психологическими проявлениями патологии, крайним эгоизмом, озлобленностью и произвольной агрессивностью [Сорокин, 1991].

Установка большевиков на возможность рождения новых общественных отношений, хотя и нёсших на себе печать опыта прошлого жизнеустройства и миропонимания, быстро дала плоды: *массово появились люди*, которые самоотверженно, с пониманием гражданской и революционной ответственности служили новым идеям. Посмотрите только на лица красногвардейцев, запечатлённые на фотографиях того времени: печать благородства, уверенности и преданности взятым на себя обязательствам служить новому делу. Кстати, эти реальные исторические снимки полностью контрастируют с лубочными зарисовками некоторых художников того времени, представляющих красноармейцев, краснофлотцев, членов рабочих дружин в виде уродливых физиономий забулдыг, опустившихся людей и просто кретинов (См. Воспроизведение этих картинок в «Новой газете» 2020. 5 ноября).

Таким образом, анализ роли и значения основных идей, функционировавших во время революций 1917 г., показывает, что в этой схватке за власть и за желаемое будущее России одержали победу большевики, сумевшие наиболее полно, отчётливо и доходчиво при самоотверженно проводимой организационной работе выразить идеи трудящегося народа, его основных представителей – рабочих и крестьян. Говоря словами В. В. Розанова, его Россия, придуманная им и воспетая им, потерпела поражение – но не на фронте, а в головах людей [Цит. по: Юрганов, 2017]. На роль процессов, происходящих в общественном сознании в эту переломную эпоху, обращали

внимание и другие мыслители этого времени. «Правда нравственная, правда национальная, правда культурная и правда социальная должны быть восстановлены в их совершенном равновесии. Найти такому синтезу соответствующую идейную форму нелегко» [Чулков, 1916: 26].

Но именно на этот вызов времени сумели найти ответ только большевики. Этот путь «не был предусмотрен никакими марксистскими теориям и заключался в том, что прогрессивная демократия отсталой, полуколониальной страны сначала захватывает политическую власть, а потом, на этой основе, создаёт предпосылки для перехода к социализму» [Поспелов, 2022: 69]. «Что если полная безысходность положения... открывала нам возможность иного перехода к созданию основных предпосылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских странах?» [Ленин, 1961: 380].

Почему победили большевики? От малочисленной партии – до лидирующей политической силы

Большевики, будучи в феврале 1917 г. небольшой политической партией (около 10 тыс. человек), смогли за относительно короткое время, к октябрю 1917 г., превратиться в крупную политическую силу (около 400 тыс. человек). К этому стоит добавить, что их опора – рабочие – в 1917 г. составляли около 10% населения (при этом непосредственно на фабриках и заводах было занято около 3,6 млн человек). Но их малочисленность компенсировалась огромной революционной энергией и энтузиазмом, чем в полной мере воспользовались большевики.

С чем подошли большевики к моменту октябрьского переворота, почему к этому времени их политика оказалась наиболее жизнеспособной и востребованной?

Осенью этого года страна готовилась к выборам в Учредительное собрание, которые состоялись 12 ноября. В них приняли участие 41 млн избирателей. Большевики вместе с другими левыми партиями – эсерами и меньшевиками – получили решающую поддержку. Более того, они сделали всё возможное, чтобы привлечь в свои ряды сторонников и других небесспорных (по их реальной роли в революции) сил – например, анархистов. Что касается более конкретных данных, по 67 округам от 39,5% до 45,5% мест получали эсеры; от 22,5% до 25% – большевики; от 1,8% до 3,2% – меньшевики; от 4,5% до 5,6% – кадеты; от 13% до 17% – правые силы. По данным Л. Г. Протасова, было избрано 347 эсера, 180 большевиков, 81 украинский эсер, 16 меньшевиков, 15 кадетов, 11 украинских социал-демократов, 4 народных социалиста, 62 мусульманина, 18 нацсоцов, 16 казаков, 16 – от национальных списков и 1 – от церкви [Протасов, 1997]. При этом были избраны такие одиозные фигуры, как беглый премьер А. Керенский, экс-министр иностранных дел П. Милюков, атаман Донского казачьего войска А. Каледин и вожди Украинской народной республики С. Петлюра и М. Грушевский.

Более обстоятельный анализ итогов выборов показывает, что большевики имели самую крепкую социальную базу во всех решающих сферах российского общества. На выборах в Учредительное собрание большевики победили во всех крупных промышленных центрах, где за них голосовала основная масса рабочих: в Петрограде за большевиков было подано 45% голосов, в Москве –48%. Ещё более весомое число голосов они получили среди воевавших солдат: на Северном флоте – 56%, на Балтийском флоте – 58%, а на Западном фронте – 67%. Т. е., ключевые сферы находились под влиянием большевиков. Да и голосование в провинции за эсеров было условным, так как их позиции по земельному вопросу фактически поддерживались большевиками, совпадали по

основным положениям и мало отличались друг от друга, что, кстати, проявилось в создании коалиционного правительства [Спицын, 2018].

Отметим особо, что большевики предложили идеи, которые в отличие от их оппонентов объединили в одно целое интересы основных социально-классовых групп, учтя главные ориентации, которые были важны для большинства россиян.

Что касается лозунга «Мир – народам», то это был прямой ответ на стремление практически всех слоёв населения покончить с бессмысленной бойней, непонятной большинству и не желающих следовать призывам всех других политических партий вести войну до победного конца. Именно лжепартиотический раж большинства других партий стал основой их отвержения и их исключения из общественного сознания, отказа поддерживать их позицию по этому злободневному вопросу.

Говоря о лозунге «Заводы – рабочим», большевики обращались к убеждённости рабочих, что эксплуатация их труда, игнорирование их интересов должна быть прервана не через некоторые уступки в оплате и условиях труда, а посредством решения самым радикальным образом – передачей заводов и фабрик, всех предприятий в собственность народа и решения такого требования, как 8-часовой рабочий день. Такие ориентации были направлены против не только российской, но и зарубежной буржуазии, которая владела многими производствами в стране [Миронов, 2017]. Напомним, что к 1917 г. промышленность почти целиком находилась в руках иностранного капитала. Так, в паровозостроении 100% акций находилось в собственности двух банковских групп – французской и немецкой. В нефтяной промышленности 80% было собственностью групп «Ойл», «Шелл», «Нобель». Иностранцам принадлежало 90% добычи платины, 90% акций электротехнических и электрических предприятий, все трамвайные

компании, 70% добычи угля в Донбассе [Кара-Мурза, 2001]. Иначе говоря, требования рабочих отвергали любые мнимые уступки, которые предлагали представители не только российского, но и иностранного капитала.

Что касается лозунга «Земля – крестьянам», особенно было важно то, что большевики решительно без всяких оговорок заявили о поддержке требований крестьян о немедленной и беспрекословной передаче им земли (в этом они были едины с левыми эсерами, у которых, как утверждают некоторые исследователи, было позаимствовано это требование).

И наконец, большевики предложили наглядные и ощутимые средства решения проблем передачи всей полноты власти Советам, т. е. непосредственным представителям народа, которые выдвигались и избирались самим народом, и которые в большинстве случаев жили и работали с теми, кого они делегировали в эти органы власти.

Таким образом, решающую роль сыграла позиция основных классов российского общества, решительно и безоговорочно поддержанная большевиками, причём не откладывая на будущее решение самых насущных проблем того времени. Следует заметить, что это стало следствием соединения в этих требованиях прагматических и желаемых идей, созвучных особенностям массового сознания в условиях войны и крушения традиционного уклада жизни, распространения сложившихся к этому времени представлений о демократии и справедливости.

Поддержка большевиками этих требований означала, что они получили самую широкую, самую представительную социальную базу, которая стала основой для возникновения общественного договора. Ни одна политическая база к концу 1917 г. не имела такой поддержки от решительного и боевого социального класса, который был представлен рабочими, ставшими основной ударной силой революции, обеспечив-

шей победу провозглашённых идей. И именно их требования большевики сделали основой для своих практических действий – и на это имелись объективные причины. Отметим также, что на те же цели и идеи частично ориентировались меньшевики и эсеры, что на этом этапе также способствовало, хотя и непоследовательно, единству по их реализации. Именно то, что большевики точнее и полнее отразили чаяния широких слоёв народа, сделало их решающей силой, которая обеспечила сохранение и постепенное укрепление их власти после вооружённого её захвата. Они также продемонстрировали свою сплочённость и обеспечили, реализовали организованность, хотя на этом пути и были разные толкования привлечения народа к реализации революционных завоеваний.

Первые шаги по реализации провозглашённых деклараций

Захватив власть и провозгласив: «Вся власть советам», большевики выполнили своё главное программное требование о передаче власти в руки народа – Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Напомним, что Советы уже в феврале–марте 1917 г. стали реальной политической силой, образовав так называемое двоевластие наряду с Временным правительством. В дальнейшем, на I Всероссийском съезде Советов (июнь 1917 г.), большевики поставили чётко сформулированную цель: «Вся власть Советам». На съезде Лениным было заявлено, что партия большевиков «каждую минуту… готова взять власть целиком» в том случае, если Советы окажут ей доверие. При этом под властью Советов вплоть до Октябрьского переворота, за исключением короткого перерыва ориентации на них после июльских событий 1917 г., подразумевалась коалиция нескольких партий, составлявших в Советах большинство [Данилкин, 2017].

Сразу же после свершения Октябрьской революции большевики приступили к выполнению основных целей и положений общественного договора, к реализации провозглашённых лозунгов в конкретные акции. Уже 26 октября (8 ноября) 1917 года на Втором съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов был принят *«Декрет о мире».* Советское правительство предложило «всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о «справедливом демократическом мире» – а именно о «немедленном мире без аннексий и контрибуций», то есть без захватов чужих территорий и без насильственного взыскания с побеждённых материальных или денежных возмещений. Продолжение войны было объявлено как «величайшее преступление против человечества». Результатом этой акции стал «Декрет о мире» [Декреты… 1957].

Одновременно в 2 часа ночи 26 октября был принят «*Декрет о земле»*, который привлёк всё крестьянство на сторону Советской власти, так как она не смогла бы упрочиться без решения коренного вопроса революции – вопроса о земле. При работе над «Декретом о земле» был использован эсеровский наказ о «социализации земли», составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, и целиком включил его раздел «О земле» в текст декрета. Наказ включал в себя: 1) помещичья собственность на землю отменяется немедленно, без всякого выкупа; 2) помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мёртвым инвентарём, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного Собрания; 3) какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом; 4) земля рядовых казаков

и крестьян не конфискуется (Цит. по: «Правда» № 171 от 28 октября 1917 года) [Декреты… 1957].

Согласно «Декрету о земле» помещичьи земли распределялись между крестьянами по принципу уравнительного землепользования. «Декрет о земле» стал весомым аргументом к приглашению левых эсеров в большевистское правительство, поскольку включал положение их программы о социализации земли. Переговоры большевиков с левыми эсерами завершились включением 13 декабря 1917 г. 7 левых эсеров в правительство советской республики – Совет Народных комиссаров.

Не менее решительно выполнялось требование *о передаче рабочим фабрик и заводов*, что было связано с ликвидацией всех форм капиталистической собственности. Этот процесс был начат с решения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета – Положения «О рабочем контроле» 14 (27) ноября 1917 года, легализовавший создание фабричных и заводских комитетов. В нём провозглашалось: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наёмных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия» [Декреты... 1957].

Следующим шагом стало образование Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) от 2 (15) декабря 1917 года, ставшего высшим органом централизованного управления экономикой. Именно им были подготовлены такие основополагающие законы, которые стали символизировать передачу собственности в введение всех существующих модификаций Советов и их органов на всех уровнях управления для формирования и строительства новой экономики.

Затем последовали и другие меры по передаче собственности в распоряжение народа в лице различных органов управления. Так, Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах»; Декрет «О национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц» от 28 июня 1918 г. и другие передавали контроль над наиболее крупными предприятиями страны в ведение ВСНХ. Т. е. интенсивно шла реализация ещё одного принципиального требования – о передаче предприятий в распоряжение рабочих комитетов.

Немалую толику в победу большевиков внесло их гибкое реагирование на требования разноплановых сил национальных окраин, на которых развёртывались и превращались в мощные политические движения и действия этнонациональных партий и организаций. Многие национальные общественные движения и инициативы пошли на согласование своих действий и, образно говоря, примкнули к общественному договору с советской властью после принятия в ноябре 1917 г. ещё одного особого декрета – «Декларации прав народов России», в которой были провозглашены четыре основных принципа национальной политики: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Кроме того, большевики помимо общих и привлекательных идей о мире, земле, национализации промышленности предложили конкретную программу действий. В ней были

предусмотрены мероприятия, решавшие несколько задач: предотвратить угрожавший стране хозяйственный крах; обеспечить снабжение городов хлебом; завершить уничтожение остатков феодального строя (осуществление своего аграрного проекта 1907 г.); сделать первые шаги к социализму – через Советы, установить рабочий контроль над производством и распределением, переходящий в дальнейшем в «полное регулирование», но уже на первом этапе предполагавший существенное ограничение частной собственности (отмену коммерческой тайны, запрещение локаутов, сокращение производства и т. п.); национализацию банков и централизацию банковского дела; национализацию предприятий; введение всеобщей трудовой повинности; отказ от уплаты внешних и внутренних государственных долгов (с обещанием учесть интересы мелких вкладчиков) и др.

Основным механизмом политического управления страной была провозглашена диктатура пролетариата, что, на наш взгляд, было единственной эффективной мерой удержания власти и залогом реализации провозглашённых целей. Однако этот процесс протекал неоднозначно, противоречиво, нередко с большими издержками, но без использования этих методов не могли быть оперативно решены стратегические установки большевистской партии.

Таким образом, именно понимание советской властью процессов, происходящих в глубинных пластах сознания народа, позволило использовать объективные и субъективные условия для формирования общественного договора между народом и пришедшей к власти новой политической силой. Другими словами, реализация стратегии и тактики большевиков в 1917 г. – это наглядное воплощение смысла известного изречения английского историка и философа Т. Карлейля (1795–1881): «Революция совершается не на баррикадах – она происходит в умах и душах людей».

Нужно особо сказать, что успеху большевиков в немалой степени на первых шагах революции способствовала и деятельность других социалистических (левых эсеров, анархистов) партий, которые имели самостоятельные программы действий. В это время большевики продемонстрировали способность привлечь их к совместной деятельности. Без этого мировоззренческого единства невозможно представить победу большевистской партии и стремительное распространение, и усвоение демократических и социалистических идей в большинстве регионов России. Это необходимо подчеркнуть, потому что и октябрьский переворот, и последующие шаги по распространению своей власти по всей территории России большевики осуществляли вместе с левыми эсерами, которые вошли в первое советское правительство и затем были представлены в местных советах. Так, анализ партийного состава объединённых губернских съездов в период между созывом IV и V Всероссийских съездов Советов в 1918 г. показывает, что в них 47,3% депутатов были большевиками, 27,8% левыми эсерами и 22,2% так называемыми беспартийными, которые или были таковыми, или скрывали свою партийную принадлежность из-за прямого или косвенного противостояния советской власти [Концевой, 2023: 623].

Такой подход к учёту истинных устремлений большинства народа обеспечил возникновение, а затем укрепление общественного договора, который привёл к победе социалистической революции.

Почему игнорируются процессы общественного сознания?

В литературе существуют различные интерпретации событий 1917 г.

Наряду с объективистскими попытками разобраться в этой весьма сложной и трагической ситуации, существуют несколько подходов, которые с определённой установкой пытаются объяснить причины событий 1917 г. и победу большевиков в этой борьбе.

Среди них существуют утверждения, исключающие рассмотрение позиций основных классов и социальных общностей, сводя все происходящие события и явления к анализу решений и действий партий, политических деятелей и других акторов, находящихся на вершине и в центре политических процессов. Поэтому дадим краткий анализ точек зрения (теорий, концепций и просто измышлений) на события 1917 г.

Во-первых, измышлениями об узурпации и вероломном захвате власти, о насилии над другими политическими силами, о преждевременности начала революции большевиками полны страницы либеральных экспертов и иже с ними. Причём в этих аргументах полностью обычно исключается рассмотрение позиций основных сил всякой революции – народных масс, отводя им роль пассивных участников. И одновременно преувеличивают действия «вершителей судеб» в виде различных персонажей, их высказываний и действий по поводу их участия в тех или иных событиях, которые в это время происходили в стране [Барабанов, Рожков, Николаев, 2009].

Во-вторых, не так уж мало конспирологических теорий. Получила известное распространение точка зрения, что не только Ленин «отрабатывал» немецкие деньги, но и что вся революция осуществлена на деньги кайзеровской Германии.

Некоторые не ограничиваются этим и начинают доказывать, что большевики победили с использованием не только немецких, но и американских денег [Тудоровский, 2017]. Поражает в этих рассуждениях тот факт, что в подобных исследованиях никак не рассматриваются сознание и поведение, их противоречивость у самых различных социальных общностей и групп, прежде всего у рабочих и крестьян. Они уподобляются пассивным участникам революционных событий, в которых им навязывают (и обманывают) политические деятели.

В-третьих, имеется немало примитивных, произвольных текстов, базирующихся на личном представлении о революции или её причинах. Особенно удручает, когда встречаешься просто с неграмотным изложением того, что случилось на самом деле, не обращаясь ни к каким документам, архивам, историческим свидетельствам, как это, например, делает считающий себя не то философом, не то историком Игорь Чубайс [Чубайс, 2017]. Его аргументы сводятся к следующему: царская Россия была процветающей страной, кормила всю Европу, была прекрасная система образования, Николай II был образцом образованнейшего правителя, Россия чуть-чуть не победила Германию в Первой мировой войне и т. п. фантазии.

В-четвёртых, имеются значительные по влиянию политические силы и обслуживающие их неолиберальные теоретики, которые под разными предлогами дискредитируют время Октябрьской революции. Так, в день Октябрьской революции 7 ноября 2014 г. глава правительства РФ Дмитрий Медведев заявил, что считает эту дату Днём октябрьского переворота и называет события осени 1917 г. трагедией [Цит. по: Медведев… 2014]. Очевидно, что такое заявление ярко объясняет реальные действия этого деятеля во время бесплодного и примитивного владения властью, на дух не переносящего то, что касается идей социализма и истории советского государ-

ства. По его словам, Ленин «напридумывал» много неприемлемого для нормальной жизни. И нет даже попыток ответить на вопрос: а почему основные массы народа пошли за большевиками? Ведь в той ситуации был большой выбор, который можно было поддерживать без всякого принуждения.

В-пятых, ряд исследователей пытались ответить на вопрос: была ли октябрьская революция социалистической или демократически-крестьянской или даже буржуазно-крестьянской. Но акцент в этих рассуждениях делается на то, как это выглядит с точки зрения существующих теорий и интерпретаций при значительном умолчании того, а что происходило в реальности, какую позицию занимали люди [Поспелов, 2022: 72].

В-шестых, немало домыслов высказано и в связи с попытками объяснить роль православной церкви в революционных событиях. Одним из таких искажений являются труды православных философов и историков. Так, В. Вяткин пытается ответить на вопрос, «почему дореволюционное духовенство катастрофически отдалилось от русского народа?» и делает вывод, что «социальные низы нуждались в сочувствии и моральной поддержке, но постоянно сталкивались с противоположным отношением – почти неприкрытым презрением» [Вяткин, 2020]. В. Лавров считал, что социалистическая революция являлась результатом «оскудения и формализации православной веры» [Лавров, 2017: 18–20].

Примечательны в этом плане рассуждения церковных иерархов. Если говорить словами Алексия I, будущего патриарха, сказанными им в годы Октябрьской революции, то он в своих суждениях отразил отношение религиозных деятелей к событиям этого времени – ему претила политическая активность народа: «чувствуется власть толпы... банда солдат, евреев… чернь господствует», «какие-то Марфы-коровницы фигурируют», «шайки хулиганов грабят», свершилось «втор-

жение варваров». Он создаёт галерею образов окружающей его революционной жизни: «бывший семинарист, тупой, с хулиганскими наклонностями», «препротивный гонц-солдат… с наглой физиономией» и «какая-то баба», что «разливает чай, – словом, нечто ужасное». И вывод: «До чего хам русский человек» [Цит. по: Вяткин, 2020].

Поэтому, может, более справедливы и более точны суждения патриарха Кирилла, которого трудно заподозрить в симпатии к коммунистическим идеям, в его выступлении на Высшем церковном совете в октябре 2017 г.: в 1917 г. «в нашей стране происходили революционные события. Именно тогда Россия стремительно шла к большевистской революции – на тот момент она была неизбежна в обстановке всеобщего хаоса, фактического безвластия и военного кризиса» [Патриарх Кирилл, 2017].

В этом потоке оценок событий 1917 г. есть и признание величия и значимости этих событий, тех процессов, которые определяло лицо эпохи в его не только противоречивом, но и парадоксальном развитии. Реальное и во многом противоречивое состояние сознания народа в этот период времени ярко охарактеризовал Н. А. Бердяев. Он признавал: «русское сознание должно отречься от славянофильского и народнического утопизма и мужественно перейти к сложному развитию и к машине» [Цит. по: Бердяев, 2023: 74]. Иначе говоря, он признавал, что сознание народа стало залогом происходящих изменений, приведших к кардинальным преобразованиям в российском обществе.

В этом процессе осмысления судеб революций 1917 г. много внимания уделялось идеям, позиции и деятельности Ленина. Для действительной его оценки приведу слова Эйнштейна: «Я уважаю в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости» [Цит. по: Алферов, 2018].

Характерны и оценки выдающихся представителей нашего времени об этих событиях. Так, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон в своей автобиографии «В поисках света» приветствовал революцию в России «как зарю чего-то нового и лучшего в мировой истории» [Цит. по: Романов, 2024].

Заключение

Таким образом, общественный договор народа с большевиками начался с принятия самых близких для массового самосознания требований: «Вся власть – Советам», «Мир – народам», «Заводы – рабочим», «Землю – крестьянам». Эти цели и их воплощение в жизнь выражали самую суть народных желаний, их истинную ценность для миллионов людей, уставших от бессмысленной и непонятной им империалистической войны, и нежелания отдавать свои жизни за царя-батюшку.

Не менее привлекательной для работников было стремление быть истинными хозяевами земли и тех производств, на которых они работали, за установление справедливости на которых они неоднократно бастовали. Мощным побудительным мотивом для крестьян стало владение землёй, которую им обещали дать, начиная с реформы 1861 г. Ради реализации этих требований большинство работающего населения было готово поддержать любую политическую силу, которая бы гарантировала их выполнение. Именно в этом и состоит залог победы большевиков в 1917 г.

Реализация новой властью условий общественного договора привела к такому неожиданному эффекту, как быстрая советизация всей страны. Этим можно объяснить волну, прокатившуюся по стране, по установлению советской власти после октябрьских событий 1917 г. и получивших название – триумфальное шествие. Это тем более удивительно, что ин-

формация о таких декретах, которые были сразу же провозглашены после прихода к власти большевиков, стала не только призывом, обещанием, но и действием во многих городах, рабочих посёлках и деревнях, где не было или были единицы тех, кто представлял партию большевиков.

Оценивая этот этап в возникновении нового общественного договора, можно говорить лишь о том, что были созданы только предпосылки для решения ещё одной величественной задачи – о формировании нового человека, новых качеств в сознании и поведении людей. Эти изменения заявили о себе не только как о самостоятельном феномене, имеющем общезначимый и устраивающий большинство участников характер, но и продемонстрировали способность их отстоять, воплотить в жизнь и заявить о наступающей эре в общей судьбе народов России.

Ход событий 1917 г., Октябрьской революции и последующей советизации России (его иногда называют триумфальным шествием, которое во многих районах России происходило и без участия самих большевиков) был прерван начавшейся иностранной интервенцией и гражданской войной. Складывающийся общественный договор перешёл в новую фазу своего существования.

В заключение приведём данные об оценке Октября в общественном сознании век спустя. В преддверии 100-летия Октябрьской революции в марте 2017 г. Левада-Центр провёл всероссийский опрос городского и сельского населения. Наряду с тем, что половина (48%) сказали о неизбежности Октябрьской революции, респондентам был задан вопрос: «Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на ваших глазах, что бы вы стали делать?» Почти одна треть (31%) сказали, что они бы или активно поддерживали большевиков (14%), или кое в чём сотрудничали с ними (17%), а о борьбе против них заявило всего 6% при 24% высказавшихся о воздержании от участия в этих событиях. Иначе говоря,

народ не принимает и не разделяет мнение о том, что приход большевиков к власти был ошибкой, историческим недоразумением и произволом [Октябрьская… 2017]*.

В октябре 2019 г. ВЦИОМ выявил, что по 46% позитивно и негативно оценивают Октябрьскую революцию (переворот) [Большевики… 2017].

Список литературы

Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX веке. Идейная эволюция / Г. Д. Алексеева ; отв. ред. К. В. Гусев. М. : Наука, 1990. 245 с. ISBN 5-02-008515-4.

Алферов Ж. И все-таки, почему социализм? / Российская газета. 2018. 3 октября.

Барабанов В. В. История России с древнейших времён до конца XX века : уч. пособие / В. В. Барабанов, Б. Г. Рожков, И. М. Николаев ; под ред. В. В. Барабанова. М. : Изд-во АТС, 2007. 560 с. ISBN 5-17-016808-X. EDN QPEJJL.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Юрайт, 2023. 178 с. ISBN 978-5-534-07280-8. EDN QDDXCZ.

Большевики получили 32% // Коммерсант. 2017. 12 окт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3435786 (дата обращения: 26.09.2024).

Булдаков В. П. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. М. : Издательство «ИстЛит», 2017. 624 с. ISBN 978-5-9908943-6-5. EDN YEHYFH.

Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М. : Новый хронограф, 2010. 1092 с. ISBN 978-5-94881-160-4. EDN RCGLFN.

* АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Вяткин В. Патриарх всея коммунистической Руси. Алексий I сумел приспособиться к трём политическим режимам // Независимая газета. 2020. 19 мая.

Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М. : Мысль. 1970. 96 с.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчёты и оценки / П. Грегори ; пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М. : РОССПЭН, 2003. 253 с. ISBN 5-8243-0291-X. EDN QQBOTD.

Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М. : Молодая гвардия, 2017. 784 с. ISBN 978-5-235-03985-8.

Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Госполитиздат. 1957. 640 с.

Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. М. : б. и., 1993. 238 с. ISBN 5-85734-014-4.

Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920) / Науч. ред. И. В. Алексеева. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2011. 448 с. ISBN 978-5-98874-055-1. EDN RRPRFX.

История партии «Союз 17 октября». В 2 т. М. : РОССПЭН, 1996–2000.

Кара-Мурза С. Г. Урок кадетов // Советская цивилизация. Т. 1. М. : Алгоритм, 2001. С. 396–422.

Катков Г. М. Февральская революция. М. : Русский путь, 1997. 592 с.

Концевой И. А. Партийный состав региональных органов власти в первый год советской эпохи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, Вып. 3. С. 614–635. DOI 10.21638/spbu02.2023.304. EDN SVIGVE.

Лавров В. М. Православное осмысление ленинского эксперимента над Россией. М. : Духовное просвещение, 2017. 96 с.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полное собрание сочинений. Т. 16 / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС ; 5-е изд-е. М. : Госполитиздат, 1961. С. 193–413.

Маркс К. К критике гегелевской философии права // Сочинения. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. С. 414–429.

Медведев считает День октябрьского переворота трагедией // Газета.ru : [сайт]. 07 ноября 2017. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2014/11/07/n_6630741.shtml (дата обращения: 26.09.2024).

Миронов Б. Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 24–35. EDN YGAMQL.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. ; 3-е изд. испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 583 с. ISBN 5-86007-394-1.

Ненароков А. П. Политическое поражение меньшевиков // Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2000. С. 323–341.

Островский А. В. Россия. Самодержавие. Революция. В 2 т. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2020.

Октябрьская революция // Левада-Центр : [сайт]. 05.04.2017. URL: https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyutsiya-2/ (дата обращения: 26.09.2024).

Патриарх Кирилл. О потрясениях XX века и о том, как «жить не по лжи» // Российская газета. 2017. 19 октября.

Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : АНО «Издательство «Политическая энциклопедия», 2000. 631 с. ISBN 5-8243-0068-2. EDN YHTYTB.

Поспелов Г. Российский путь перехода к социализму и его результаты // Экономист. 2022. № 12. С. 67–90.

Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. 368 с. ISBN 5-86004-117-9.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М.; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1952. 676 с.

Романов Б. С. Как настоятель Кентерберийского собора дошёл до Сталина / Независимая газета. 2024. 13 февраля.

Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М. : РОССПЭН, 2011. 511 с. ISBN 978-5-8243-1623-0.

Соловьев К. А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлёт и падение. М. : Новое литературное обозрение. 2024. 344 с. ISBN 978-5-4448-2149-7.

Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман / Питирим Сорокин ; пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар : Шыпас, 1991. 305 с. ISBN 5-8412-0001-1.

Спицын Е. Про Колчака забыли // Литературная газета. 2018. 17–23 января. № 1-2.

Тудоровский Я. Бизнес-план революции. Деньги большевикам давали США и Германия // Версия. 2017. 11–17 декабря. № 48.

Тютюкин С. В. Меньшевики // Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2000. С. 227–242.

Чернявский Г. И. Милюков / Г. И. Чернявский, Л. Л. Дубова. М. : Молодая гвардия, 2015. 510 с. ISBN 978-5-235-03794-6.

Чубайс И. Если бы не революция, сейчас бы нам завидовала Америка / Комсомольская правда. 2017. 16–23 ноября.

Чулков Г. И. Судьба России. Беседа о современных событиях. Петроград : Корабль, 1916. 45 с.

Юрганов А. Первая мировая война и кризис русского модернизма // Россия XXI. 2017. № 2. С. 30–53. EDN XXRQMD

Глава 4
Первое испытание. Военно-политическая основа общественного договора

Рабы не мы. Мы не рабы

«Букварь для взрослых» (1919)

Введение

После провозглашения декретов о мире, собственности, земле и других общественно значимых социально-экономических намерений в конце 1917 – начале 1918 г., которые были представлены в политической программе большевиков, наступило время их практической реализации, продолжения первых шагов по достижению тех целей, к которым стремились народные массы.

Эти действия по их конкретному воплощению в жизнь нашли, прежде всего, отражение в *национализации промышленности.* Напомним, что 17(30) ноября 1917 г. самой первой была национализирована фабрика товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова (Владимирская губерния). В январе 1918 г. были национализированы Путиловские заводы. Затем постепенно вся крупная капиталистическая собственность была изъята из частной собственности методом безвозмездной конфискации. К осени 1918 г. в руках советского государства было сосредоточено уже 9542 предприятия. К апрелю 1919 г. практически все крупные предприятия (с числом наёмных рабочих более 30) были объявлены государственной собственностью. К началу 1920 г. в основном была национализирована и средняя промышленность. Причинами её осуществления стали не только программные установки большевиков, но и реальные причины – владельцы предприятий, т. е. капиталисты и уполномоченные ими лица, прекра-

щали свою деятельность. Многие из них покидали страну, оставляя свою собственность на произвол судьбы, что стразу же порождало бесхозяйственность, дезорганизацию. В этой ситуации надежда возлагалась на рабочий контроль, но часто его представители были слабы и даже беспомощны по налаживанию и продолжению производственных процессов. Именно в этой ситуации советская власть была вынуждена обратиться к инженерно-техническому персоналу предприятий, который в своём большинстве занимал нейтральную позицию к происходящим революционным изменениям.

Не менее решительные меры были предприняты и по отношению к реализации закона о земле, что выразилось в немедленной и безвозмездной её передаче крестьянам, хотя этот процесс происходил сложно, противоречиво, а иногда и конфликтно. Тем не менее *этот закон успешно осуществлялся.* К концу 1920 г. в 36 губерниях Европейской части России, из 22 847 916 десятин бывших помещичьих земель и земель крупных собственников в распоряжение крестьянства поступило 21 407 152 десятины, что увеличило площадь крестьянских земель с 94 720 628 десятин до 116 127 780 десятин, то есть с 80% до 99,8% от общей площади всех используемых для сельскохозяйственных целей земель *(Данные Центрального Управления Землеустройства).*

Эти принципиальные решения были дополнены и другими акциями, свидетельствующими о полном отказе от прежних капиталистических отношений. Согласно декрету, принятому в декабре 1917 г., была осуществлена *национализация банков,* когда всё банковское дело было объявлено исключительной прерогативой государства. Этим решением Советская власть воспрепятствовала оттоку денежных средств за границу и одновременно обеспечивала своё финансовое существование. Этот акт был подкреплён конфискацией денежных средств и сбережений богатой части населения. Конфисковалось всё золото и серебро в монетах и слитках, бумажные деньги, если они превышали сумму в 5000 рублей и были нажиты «нетрудовым путём». В государственную собственность перешло всё царское имущество, включая деньги и драгоценности. Частные банки были ликвидированы – владеть и заведовать деньгами должно только государство.

Не менее важной мерой стало объявление в апреле 1918 г *внешней торговли* государственной монополией. Любые торговые сделки за рубежом были объявлены государственной прерогативой. Был также полностью национализирован торговый флот.

Эти акции совпали с так называемом триумфальным шествием советской власти, когда по всей стране дела управления переходили (причём в большинстве случаев мирно) в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Но этот в целом мирный процесс был прерван навязанной гражданской войной, что потребовало введения существенных корректив в формирующийся в 1917 – начале 1918 гг. общественный договор советской власти с рабочим классом, крестьянством и такой реальной социально-политической силой, как солдатская масса.

Новые задачи общественного договора: позиция советской власти

Весна и лето 1918 г. внесли кардинальные изменения в процесс становления советского государства: началась гражданская война.

Существует несколько версий о времени её начала, в большинстве случаев совпадающем с осуществляемой иностранной интервенцией. На наш взгляд, её начало лучше рассматривать не как единовременный акт, а как процесс перехода от политико-идеологических разногласий к открытому военному противостоянию, к боевым действиям. Сначала это

были спорадические акции, отдельные действия неповиновения, разного рода протесты и выступления против Советской власти, осуществляемые бывшими приверженцами царского режима и боевыми крыльями отвергнутых партий, что особенно наглядно проявилось на юге России, на Украине (мятеж Каледина, деятельность Украинской рады и др.). Но начиная с 25–26 мая 1918 г., с мятежа чехословацкого корпуса, масштабные военные столкновения охватили многие районы от Волги до Дальнего Востока. На этих территориях образовывались самопровозглашённые правительства, состоящие сначала в основном из представителей эсеров и меньшевиков: «Комитет членов Учредительного собрания – Комуч» в Самаре, «Временное Сибирское правительство» в Омске. Последнее 23 июля 1918 г. провозгласило независимость Сибири, отменило все советские законы, в том числе и касающиеся крестьянской собственности на землю. Не имея никакой поддержки (разве эти решения могли поддержать рабочие и особенно крестьяне?), это политическое образование в ноябре 1918 г. было легко свергнуто адмиралом А. В. Колчаком, провозгласившим себя Верховным правителем России с целью восстановления прежнего политического режима. Одновременно против советской власти начали действовать забайкальский атаман Г. М. Семёнов, семипалатинский атаман Б. В. Анненков и руководитель оренбургского казачества А. И. Дутов.

В развёртывании гражданской войны огромную роль сыграла Добровольческая армия генерала А. И. Деникина, захватившая Екатеринодар и всю Кубань (июнь 1918 г.). Затем, в конце этого же года, начались активные боевые действия на Северо-Западе, где армия под командованием генерала Н. Н. Юденича попыталась взять Петроград.

Что касается иностранной интервенции, то страны Антанты, недовольные выходом России из Первой мировой войны, а также отказом большевиков вернуть кредиты и

материальную помощь союзников царскому правительству, начали открытую войну против советской власти. В марте 1918 г. был высажен английский десант в Мурманске, в апреле – японский и американский десанты во Владивостоке, в августе 1918 г. интервенты заняли Архангельск. В Прибалтике, в Белоруссии и на Украине находились немецкие войска.

В целом же к концу 1918 г. ¾ территории бывшей Российской империи находилось под контролем антибольшевистских сил. Сложилась крайне опасная ситуация для сохранения Советской власти.

В этой ситуации ослабленная войной с Германией, начавшейся гражданской войной и иностранной интервенцией советская Россия нуждалась в совершенно новой структуре управления, которая могла бы обеспечить победу в этой всё более становящейся ожесточённой схватке. Большевики понимали, что им не удастся выиграть гражданскую войну, если они не смогут добиться быстрого и чёткого следования ранее провозглашённой программе действий на основе всестороннего учёта тех требований, которые выдвигали рабочие и крестьяне, и реализация которых была обещана. Но решение этого вопроса осуществлялось путём директивно-чрезвычайных методов государственного регулирования социально-экономических и политических процессов.

В этих условиях власть требовалось максимально централизовать, поставить на учёт все резервы, взяв их под контроль Советов. В соответствии с этим 2 сентября 1918 г. Центральный исполнительный комитет объявил военное положение, а вся власть перешла к Совету Народной и Крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным. Тяжёлое экономическое и военное положение страны привело к тому, что *власть прибегла к особому варианту мобилизации, которая была воплощена в политике военного коммунизма.* Эта политика была нацелена на мобилизацию всех имеющихся ресурсов, карди-

нальную перенастройку экономики страны и концентрацию внимания на решение военных проблем.

Политика военного коммунизма в определённой мере основывалась на убеждениях, которые считались марксистскими: идеал будущей экономики виделся в превращении страны в единую фабрику, головная «контора» которой непосредственно управляет всеми хозяйственными процессами [История экономических... 2000: 421]. Идея о построении бестоварного социализма путём замены торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов была зафиксирована в качестве партийной установки во II Программе на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года [История мировой… 2002: 727].

Главная цель политики военного коммунизма и её основные направления заключались в стремлении создать единый централизованный механизм наподобие «большой фабрики». В то же время военный коммунизм представлял собой комплекс вынужденных мер, направленных на сохранение Советской власти в условиях глубочайшего экономического кризиса и военного противостояния. Политика военного коммунизма была призвана обеспечить выживание и обороноспособность Советской власти.

Был провозглашён отказ от товарно-денежных отношений. Формально торговля и деньги не запрещались, однако в условиях строгой государственной монополии и нехватки товаров первой необходимости они сократились естественным путём. Меры по преодолению этой ситуации сознательно не принимались.

Условиями военного коммунизма предусматривалась трудовая повинность. Согласно декрету СНК от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» всё трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось к выполнению различных трудовых заданий.

Она состояла в принудительном привлечении населения к различным общественным работам (в том числе и строительству оборонительных сооружений во время гражданской войны). Изначально она вводилась для «нетрудовых классов» (предпринимателей, интеллигенции, людей творческих профессий, бывших чиновников).

Не менее жёсткой мерой стала и карточная система. Из-за огромного дефицита в городах товаров первой необходимости они распределялись по разработанному нормативному принципу. Эта акция сопровождалась уравниванием в распределении материальных благ. Она была классово ориентированной: в первую очередь обеспечивались рабочие, работающие в наиболее тяжёлых условиях, в последнюю – люди творческих профессий, иждивенцы, предприниматели.

Особое место в политике военного коммунизма заняла продовольственная развёрстка, которая во многом определяла сложившуюся ситуацию в советской России. (При этом, стоит отметить, что попытка её введения была осуществлена ещё в царское время, в 1916 г., что, кстати, не во всех публикациях замечено: это приписывают исключительно только советской власти – *прим. автора, Ж. Т.*). Сущность продразвёрстки состояла в изъятии всего продовольствия сверх установленных норм на душу населения (эти нормы были невысоки, но достаточно обременительны и ущемляли интересы крестьянства, так как не соответствовали реальному состоянию его материальных условий того времени). Продовольствие изымали по фиксированным (невысоким) ценам или в обмен на промышленные товары. При невозможности рассчитаться государство брало эти запасы даром.

С продразвёрсткой тесно связан и такой акт, как хлебная монополия (продовольственная диктатура), которая была введена ещё Временным правительством и состояла в признании торговли хлебом исключительно правом государства.

Есть все основания считать, что только таким путём получилось избежать продовольственного кризиса и голода в городах [Кондратьев, 1991].

Все эти меры дополнялись различными мелочными регламентациями. Так, по правилам мобилизации изымались велосипеды [Цит. по: Новости 100-летней… 2019].

Нужно особо отметить, что сами большевики, и в том числе В. И. Ленин, не считали эту политику реальным установлением справедливых общественных отношений, а исключительно вынужденным шагом. Они признавали, что используемые меры в политике военного коммунизма не идеальны. Но они применяли их, так как намеревались сохранить власть и реализовать свои планы общественных изменений в России. Поэтому им требовались методы не идеальные с точки зрения классического марксизма, а действенные, неотложные в конкретно сложившейся исторической ситуации.

Однако политика военного коммунизма вызывала довольно сильное сопротивление, так как внедрялась насильственными методами. Особенно негативно воспринималась продразверстка крестьянами (они составляли большинство населения) – даже некоторые бедняки относились к ней отрицательно.

Кульминацией политики «военного коммунизма» стал конец 1920 – начало 1921 г., когда была осуществлена попытка организовать трудовую армию из военных подразделений (которая вскоре продемонстрировала свою слабую эффективность), а также попытка организовать уравнительное распределение на основе декретов Совнаркома «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов» (4 декабря 1920 г.), «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления» (17 декабря), «Об отмене платы за всякого рода топливо» (23 декабря). Этими мерами советская власть стремилась обеспечить всем слоям населения относительное равенство, хотя это было равенство в нищете. Но и в таком

варианте эти меры не устраивали даже многих представителей большевистской партии.

Постепенно становилось очевидным, что политика военного коммунизма по мере затухания гражданской войны является не только препятствием в решении экономических задач, но и ставит под сомнение существование Советской власти, хотя на время самых напряженных испытаний большевики смогли убедить большинство народа, в том числе и его основную массу – крестьянство, что меры военного коммунизма временны, но необходимы в ходе гражданской войны, чтобы отстоять главные завоевания революции: «Вся власть – Советам», «Заводы – рабочим», «Земля – крестьянам» [Гражданская война... 2010; Революция и гражданская... 2008; Павлюченков, 1997].

Таким образом, анализ всех названных акций позволяет по-разному оценивать методы и результаты военного коммунизма. Однако нельзя отрицать, что у большевиков были веские основания для его введения. В сложившейся в стране ситуации постепенные реформы и обычные способы руководства экономикой привели бы к катастрофе. Поэтому новый облик общественного договора в виде военно-политического контракта в целом был исторически оправданным, так как обеспечил сохранение целей обоих участников этого контракта – и народа и государства.

Теперь рассмотрим, как достигался этот союз и каким образом он реализовывался.

Средства и методы реализации общественного договора в условиях гражданской войны

По нескольким направлениям осуществляемой политики применялись средства реализации, которые были нацелены на соблюдение и в то же время корректировку общественного договора. Важнейшим инструментом регулирования

и реализации общественного договора стала как целенаправленная, так и стихийная с большой долей импровизации деятельность органов народовластия – Советов. Напомним, что они возникли в годы первой русской революции в результате стачечной забастовки ивановских рабочих. Эта форма классовой организации была высоко оценена большевиками как наиболее адекватная для представительства интересов *всех* трудовых слоёв населения. Эта установка получила поддержку и одобрение в революции 1917 г. в виде массового, во многом импровизированного и стихийного создания Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Т. е. эта форма народовластия не была придумана кем-то сверху, «яйцеголовыми» мудрецами, а была рождена в глубинных слоях народа в ходе революционной борьбы, быстро освоена, подхвачена, получила распространение, одобрение и поддержку в виде складывающегося нового общественного договора, в котором сочетались (правда, в разной степени обоснованности) интересы народа и политической власти. Большевики увидели в этой форме общественного волеизлияния принципиально новую форму проявления созидательных сил народа и способ взаимодействия с ним, что и было положено в основу социалистического устройства общества. И вполне логично, что *новая власть назвала себя советской республикой*, а органы власти на местах – Советами народных (рабочих, солдатских, крестьянских) депутатов.

В этой связи уместно сказать, что контуры новой государственной власти после октябрьских событий, способной обеспечить соблюдение, поддержание и сохранение общественного договора, были очерчены Лениным в работе «Государство и революция», в которой обосновывалась необходимость и возможность установления в России диктатуры пролетариата («государства-коммуны») в форме республики Советов. Этой власти предназначалось заменить старое государство – диктатуру буржуазии, подлежавшую разрушению. Руководствуясь марксистским постулатом о неизбежности отмирания государства, Ленин утверждал, что это будет уже «полугосударство» – непосредственная демократия Советов «снизу доверху», лишённая не только признаков «буржуазной» демократии (разделение властей, всеобщее избирательное право), но и некоторых черт всякой государственности (профессиональная армия, полиция, чиновничество); участие трудящихся в управлении, выборность и сменяемость чиновников будет гарантией от бюрократизма и привилегий [Ленин, 1974].

Однако реальное развитие событий показало необходимость внесения корректив в эти общие положения, что было продиктовано ситуацией военного времени, начавшейся ожесточённой вооружённой борьбой за право управлять Россией. Возникла противоречивая и даже парадоксальная ситуация. Большевики максимально сконцентрировали власть на вершине властной пирамиды, с одной стороны, создав органы управления страной, экономикой, армией на самых жёстких принципах; с другой – допустив практически беспредельную, отдающую анархическими тенденциями демократию, в том числе в лице местных Советов и различных общественных организаций при решении актуальных проблем в окружающей людей жизни. Об этом разнообразии и разноплановости решения проблем на примере организации общественной и повседневной жизни тверских крестьян красочно и убедительно рассказал А. Н. Большаков [Большаков, 1927].

Об этом многообразии могу сказать на личном примере: работая в прежнем Центральном архиве Октябрьской революции (ныне Государственный архив) с документами Комиссариата по делам национальностей, я читал документы, письма, резолюции, поступающие в этот Комиссариат, которые отражали невообразимый калейдоскоп различных мнений,

суждений, предложений, как решить проблемы межэтнических отношений, различных общих и локальных проблем национального строительства в стране.

Иначе говоря, в этот период был бурный поток самодеятельности, отражающий как вполне разумные идеи, так и всевозможные импровизации, и даже откровенную отсебятину, и произвольные мечтания. Но именно этот представленный простор для творчества даже при решении «мелких» проблем побудил людей склониться в поддержку новой власти со всеми вытекающими отсюда особенностями применительно к реальным их заботам и тревогам. Всё это в конечном счёте привело к тому, что большевики таким отношением к творчеству народа склонили большинство людей к поддержке советской власти. Именно поэтому военно-политический союз получил крепкую мировоззренческую основу и стал залогом сохранения общественного договора [Гражданская война... 1983; Революция и гражданская... 2008].

Однако отметим, что среди таких новаторских идей и поступков было немало ультрареволюционеров и властолюбцев, которые нередко бесконтрольно проявляли себя, применяя все виды репрессий вплоть до расстрелов, что не только подрывало авторитет советской власти, но и побуждало выступать против неё [Поспелов, 2022: 73].

В этом поиске средств и методов совершенствования управления в стране большевики шли непростой дорогой, пытаясь определиться с политикой по достижению своих целей. Так, в 1918 г. был осуществлён эксперимент по акцентированию и особому вниманию к месту и роли беднейшего крестьянства. Этот ориентир на бедняков выразился в создании комбедов (комитетов бедноты) согласно декрету от 11 июня 1918 г. В реальной жизни эта установка не выдержала испытания временем: они были представлены не только людьми, готовыми к упорному и постоянному труду на земле, но нередко и деклассированными

элементами, которые не только не имели собственности, но не были приобщены к регулярному наёмному труду, живущие случайными заработками и страдающие от неустойчивости своего материального положения. Именно из-за этого своего положения часть бедноты проявляла черты социальной оскорблённости, озлобленности, зависти и классовой ненависти. Это приводило к неоправданным и жестоким актам (вплоть до насилия) по отношению к более обеспеченным слоям населения, что вместо помощи вело к дискредитации советской власти. Поэтому комбеды (Комитеты бедноты) вскоре были признаны ошибочным решением: они просуществовали недолго – до начала 1919 г. [Новикова, 2004–2017; Поспелов 2022: 73].

Мощным средством борьбы с контрреволюционными силами и их различными вариациями стало создание и постепенное укрепление Всероссийской Чрезвычайной комиссии, учреждённой 7(20) декабря 1917 г. и упразднённой 6 февраля 1922 г. с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР. ВЧК, являясь ведомством по защите государственной безопасности РСФСР, «руководящим органом борьбы с контрреволюцией на территории всей страны», а также одним из институтов «диктатуры пролетариата», с сентября 1918 г стала основным инструментом реализации красного террора – комплекса карательных мер, проводившихся в ходе Гражданской войны на территории бывшей Российской империи в отношении классовых врагов, в том числе против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Но ВЧК трудно назвать представителем только одного класса: в 1919 г. в её органах было 27% рабочих, примерно 50% служащих и учащихся. Но в тоже время в центральном его аппарате трудились 436 дворян, 112 священнослужителей. При этом интересно отметить, что с 27 января 1921 г. в число задач этого ведомства входила ликвидация беспризорности и безнадзорности среди детей [Симбирцев, 2008].

Значительную роль в сохранении советской власти сыграли части особого назначения (ЧОНы), созданные в 1919 г., в год самого высокого напряжения в борьбе с антисоветскими силами. «Центральный Комитет РКП признал необходимым принять срочные меры к мобилизации всех сил Партии для Защиты Революции и её завоеваний… руководствуясь следующим положением: при каждом заводе, фабрике, заводских ячейках, районных Комитетах и городских организовать части Особого Назначения», которые сначала комплектовались только из большевиков-подпольщиков. Они, просуществовав до 1924 г., сыграли значительную роль как в борьбе с прямыми врагами, так и с саботажем, мародёрством, грабежами, с актами неповиновения и в то же время приняв активное участие в разъяснении и реализации программ советской власти. Вместе с тем, их значение и роль неоправданно преувеличена даже в силу их численности: в их рядах в декабре 1921 г. было всего 39 673 человек при 323 372 переменного состава [Захаров, 1927].

С началом гражданской войны возросла роль и ответственность за судьбы страны правящей РКП(б). В современной историографии больше, нежели в советской, уделяется внимание анализу объективных причин установления власти однопартийного государства, признавая, что централизация власти и управления усилилась в связи с гражданской войной. VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.) открыто поставил вопрос о централизации в партии, ибо, как отмечалось в резолюции съезда, «строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью». Однако причины централизации власти в руках одной партии в 1917–1920 гг. по-разному объяснятся в исследованиях. Э. Карр, например, считает такую централизацию «естественной реакцией на опасность, угрожавшую стране» [Карр, 1990:158].

В этом же направлении ведёт анализ Л. Холмс (США): «Многие западные историки единодушно отмечают, что со-

здание партийного аппарата и руководство им со стороны государства (бюрократизация партии) произошли во время гражданской войны как естественная реакция на абсолютную необходимость… Серьёзные трудности в осуществлении управления страной требовали сильного руководства и быстрых решений сверху. Более того, вызывающая недоумение масса организаций, претендовавших на власть – Совнарком, Всероссийский Центральный исполнительный комитет, различные комиссариаты, ЧК, местные Советы и местные партийные органы – обусловили необходимость вмешательства ЦК в качестве арбитра, а затем и носителя абсолютной власти» [Холмс, 1994: 44].

Близки к подобным выводам и российские учёные. Так, С. В. Леонов отмечает: «Октябрьская революция, как бюрократический переворот, оказался на деле дорогой к диктатуре, к установлению бюрократической системы ещё более мощной, чем в царской России. Причины этого парадокса заключались, прежде всего, в объективных условиях. Война, хозяйственный кризис, небывалое обострение социальных противоречий, низкий уровень культуры масс, уставших от лишений и жаждавших немедленного решения острейших социально-экономических проблем» [Леонов, 1990: 15].

Однако несмотря на серьёзные усложнения государственной и общественной жизни в годы гражданской войны и интервенции, внутрипартийная демократия в РКП(б) жила и действовала. Узость политического плюрализма компенсировалась в какой-то мере развитием демократизма внутри самой правящей партии. Ежегодно проходили партийные съезды и конференции. За всю гражданскую войну состоялось около 400 заседаний ЦК, из них 59 пленумов, 95 заседаний политбюро, 222 – оргбюро (и бюро) и 19 – объединённых двух последних органов. Выборы в ЦК РКП(б) осуществлялись на альтернативной основе: на 19 мест выдвигалось 60–65 кандидатур.

В партии широко практиковалось свободное обсуждение многих проблем. Это ярко проявилось в полемике с так называемой рабочей оппозицией (Шляпников), поддержанной Троцким и Бухариным, которые настаивали на быстрейшей передаче профсоюзам права управлять экономикой. Но это направление не было поддержано, хотя Ленин не исключал, что такое может случиться, но через 15–20 лет, когда они «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством» [Ленин, 1974: Т. 43: 95]. Кстати, эта полемика отражала уровень демократии в самой партии – допускались самые различные пути и толкования решения кардинальных государственных и общественных проблем.

Наряду с этим партия стремилась к созданию партийных ячеек в наиболее важных для власти организациях. Так, в 1918 – начале 1919 г. в Красной Армии был сформирован институт комиссаров – уполномоченных РКП(б) в воинских соединениях. Это были проводники линии большевиков, контролировавшие деятельность командиров и военспецов царской армии [Сергеев, 2010].

Особо нужно сказать о личностных характеристиках большевиков, которые сыграли большую роль в этом преобразовательном процессе. По определению старейшего деятеля коммунистического движения академика Е. С. Варги, участника гражданской войны в составе венгерского отряда, большевики в основном олицетворяли эталон подлинных революционеров, ибо принадлежность к этой партии «предполагала постоянную возможность принести себя в жертву, каждый коммунист подвергал свою жизнь риску, должен был быть на боевом посту. И в этот период у коммунистов не было никаких преимуществ, но было много обязательств» [Варга, 2022: 45].

Активнейшим участником и эффективным средством мобилизации усилий по борьбе в внешними и внутренними врагами стал комсомол, учреждённый в октябре 1918 г.

В решении задачи мобилизации и сплочения не последнюю роль сыграла *политическая пропаганд*а. Так, генерал русской армии Алексей фон Лампе отмечал «блестяще организованную красную пропаганду» в противовес бездарно-бюрократической работе белых пропагандистов [Цит. по: Широкова, 2001].

Таким образом, с задачей выстоять в ожесточённой борьбе с внутренними и внешними врагами большевики успешно справились во многом потому, что сумели *перенастроить общественный договор, переформатировав его из политико-идеологического в военно-политический контракт между государством и народом, наладив действенную связь с рабочим классом и крестьянством, с другими значимыми социальными общностями (группами).*

Социальная база общественного договора времён гражданской войны

Социальная база общественного договора характеризовалась многоликостью и многоплановостью.

В годы гражданской войны общественный договор продолжал базироваться на сформулированных во время свершения социалистической революции как предельно общих, так и конкретных целей, органически связанных между собой. Причём общие цели строились, исходя из того, что они не только заинтересуют людей, но и что люди захотят участвовать в их реализации. Общие цели включали в себя перспективы, ставшие политической и идеологической работой с населением – создание справедливого общества, общества без эксплуатации, установление социального равенства для всех без исключения людей труда. Это с одобрением было принято большинством населения и стало основой их участия в реализации провозглашённых целей.

Но провозглашённые цели требовали их конкретизации, развития, дополнения и уточнения как в отношении основных классов (рабочих и крестьян), так и других социальных слоёв, общностей (интеллигенции, учёных, молодёжи, «старых» специалистов, представителей бывших эксплуататорских обществ).

Что касается *рабочих и крестьян*, то в условиях гражданской войны их *позиции приобрели новые черты – завоёванные права надо было защищать, в том числе и с оружием в руках.*

Когда грянула гражданская война вкупе с иностранной интервенцией, народ в значительном большинстве выступил в защиту полученных прав и свобод и в соответствии с этим встал на сторону новой власти, которая олицетворяла и наглядно реализовывала их устремления. Именно объективная необходимость отстаивать провозглашённые и приобретённые права и свободы обеспечили участие сотен тысяч, затем и миллионов рабочих и особенно крестьян в гражданской войне на стороне советской власти против внутренних и внешних контрреволюционных сил, стремившихся задушить этот росток начавшегося социалистического устройства общества. Таким образом, общественный договор, сложившийся в период революционных событий 1917 г., в изменившихся условиях, в условиях гражданской войны, потребовал, что для его дальнейшего осуществления и укрепления было необходимо, чтобы ранее провозглашённые цели приобрели характер реальной социальной силы.

Рабочий класс

Стержень и основу изменяющегося общественного договора составляли *позиции рабочего класса,* который, несмотря на свою относительную малочисленность в социально-классовой структуре российского общества, в своём большинстве

задавал тон, готов был отстаивать свои интересы. Лозунг «Заводы – рабочим» был конкретизирован не только в форме национализации сначала крупных предприятий, а затем и средних и мелких хозяйственных единиц. Начал реализовываться Декрет Совета Народных Комиссаров о 8-часовом рабочем дне: «рабочее время, определяемое правилами внутреннего распорядка предприятия…, не должно превышать 8 рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю, включая сюда и время, употребляемое на чистку машин и на приведение в порядок рабочего помещения». Подчеркнём, что это был первый в мире законодательный акт подобного рода – все остальные переходы на 8-часовой рабочий день в других странах были осуществлены значительно позже.

Одновременно были осуществлены меры по передаче в руки рабочих функций по управлению производством. Постепенно реализовывались основные требования по участию в управлении – представители рабочих сначала становились членами комитетов рабочего контроля, затем выдвигались в руководство предприятиями вплоть до назначения их на работу в республиканские органы управления. Конечно, на этом пути было немало импровизации, но осознанная и совместная работа с представителями технической интеллигенции (и непосредственное участие последних в управлении) давала возможность реализовывать и воплощать в жизнь провозглашённый ранее лозунг «Заводы – рабочим».

Укажем также, что среди рабочих не было распространено требование возродить или восстановить в правах Учредительное собрание, на котором настаивали эсеры и меньшевики. Но одновременно советской властью осуществлялись меры, которые оценивались населением как ограничение их свобод, что было связано с формированием новых трудовых отношений согласно декрету ВЦИК от 25 июня 1919 г. «О введении трудовых книжек в городах Москве и Петро-

граде, которые «свидетельствуют об участии их владельца в производственной деятельности и служат удостоверению личности в пределах РСФСР и документом на право получения продовольственных практик, а также права на социальное обеспечение».

Несмотря на то, представленные свободы, обладание неограниченными возможностями по влиянию на происходящее в стране разбудили самостоятельность, поиск, апробацию принципиально новых идей и действий, которые свидетельствовали о том, что большинство рабочего класса в своём отношении к советской власти демонстрировали не только лояльность, но и поддержку. Более того, рождались инициативы снизу.

Одной из них стал субботник – сознательный организованный бесплатный труд на благо общества в свободное от работы время, в выходные (откуда и происходит название), начало которому положила его организация 12 апреля 1919 г. рабочими станции Москва-Сортировочная по ремонту паровозов. На наш взгляд, представляет интерес протокольная запись организатора мероприятия, председателя деповской ячейки И. Е. Буракова: «Работали беспрерывно до 6 часов утра (десять часов) и отремонтировали три паровоза текущего ремонта. Работа шла дружно и спорилась так, как никогда прежде. В 6 часов утра мы собрались в служебном вагоне, где, отдохнув и попив чаю, стали обсуждать текущий момент и решили нашу ночную работу, с субботы на воскресенье, продолжать еженедельно – “до полной победы над Колчаком”. Затем пропели “Интернационал” и стали расходиться». В первом коммунистическом субботнике участвовало 15 человек. Из них 13 коммунистов (Е. Апухтин – слесарь, И. Е. Бураков – слесарь, Я. Ф. Горлупин – слесарь, М. А. Кабанов – слесарь, П. С. Кабанов – слесарь, А. В. Каракчеев – слесарь, Я. М. Кондратьев – машинист, В. И. Наперстков –

слесарь, Ф. И. Павлов – котельщик, П. С. Петров – слесарь, А. А. Сливков – машинист, А. И. Усачев – слесарь, П. И. Шатков – слесарь) и двое сочувствующих (А. В. Кабанова – чернорабочая, В. М. Сидельников – слесарь) [Коммунистические субботники… 1950: 181–190].

Этот субботник стал поводом для оценки Лениным проявлением героизма в жизни рабочих. В обстановке хозяйственной разрухи, голода, падения производительности труда этот субботник был воспринят им как выражение нового отношения к труду.

Впоследствии подобные действия назовут коммунистическими субботниками (воскресниками), которые войдут в повседневную жизнь людей на многие десятилетия жизни советской страны. Их значение высоко оценил Ленин, назвав их рождением новых отношений в трудовых процессах.

Вместе с тем этот период подвергался серьёзным испытаниям, так как *умонастроения рабочих были неоднородны*, многоплановы. Но особо отметим, что в годы гражданской войны *рабочие редко поддерживали вооружённые восстания против Советской власти* (исключения: Ижевско-Воткинский мятеж в 1918 г., Астраханское восстание в марте 1919 г.). Если и были требования, то они в основном касались экономических проблем – оплаты труда, социальных гарантий, социальной помощи.

Но одновременно зрело существенное недовольство политикой военного коммунизма, особенно отдельными его аспектами. Большевики признавали распространённость в рабочей среде критического настроя, недовольств (Зиновьев Г. Е. во Всероссийском партийном клубе в феврале 1922 г.: «Сейчас настроение рабочих не такое, что стоит побольше обещать, и тогда он за тебя; многострадальные годы Гражданской войны выработали в рядах рабочих в этом смысле критическое отношение») [Цит. по: Фельдман, 2003].

Если в целом характеризовать социальные настроения рабочих, то их можно описать следующим образом:

– *доверие большевикам, лояльность, готовность сотрудничать, принятие целей и новых «правил игры»*. Протоколы рабочих собраний (фабрично-заводские политические резолюции, принятые на общих собраниях) выражали, как правило, большевистскую точку зрения, принимались единогласно. На заседаниях организаторов коллективов РКП(б) высказываются такие оценки: «беспартийная масса стоит за Советскую власть»; «в общем же настроение всех рабочих довольно хорошее и склонно к советской республике» [Яров, 2014: 135–136];

– *пассивность, нейтральность, ориентация на материальные нужды.* «Отношения у нас, рабочих, к Советской власти – ни то, ни другое. Какая бы власть не была, лишь бы хлеб был», – рассуждал представитель табачной фабрики на конференции 1-го Городского района в 1918 г. [Яров, 2014: 136]. В сводках ОГПУ отмечается: «отношение к коллективу (РКП) со стороны большинства рабочих безучастное» [Яров, 2014: 107]. Фабрично-заводские собрания проходили без бурных дискуссий, прений, споров, вопросов. Рабочих больше интересовали материально-бытовые вопросы (прения были по пайкам, одежде, обуви – по «экономическим мелочам»);

– *недовольства по экономическим причинам* (отсутствие хлеба; голод, нехватка одежды, бытовые проблемы) – источник для антисоветских и антипартийных настроений, но они в массовый политический протест против власти не перерастали;

– *недовольства политикой военного коммунизма* (прикрепление рабочих к предприятиям; введение трудовых книжек, неравное распределение пайков). Слова рабочих, толпившихся у табачной фабрики Лаферм (февраль 1921 г.), записанные информатором: «Мы не идём против власти, а

требуем хотя бы дали свободный проезд и свободную торговлю» [Яров, 2014: 136];

– *запрос на стабильность и порядок*. Гражданская междоусобица оценивалась как однозначная причина всеобщей нищеты и голода. Ощущение анархии, разброда в «верхах» формировало оппозиционный настрой, а укрепление власти большевиков (даже не влекшее ещё материальных улучшений) способствовало росту их поддержки. Соотнесение себя с лагерем победителей. Из доклада комиссара Обуховского завода: «С укреплением центральной власти пропадали страхи масс, и вновь со стороны замечается сочувствие происходящим событиям» [Яров, 2014: 120].

Отметим ещё одно тревожное и неоднозначное противоречие, прозвучавшее как предупреждение к проводимой политике. Оно проявилось в том, что к концу гражданской войны произошла определённая модификация отношения к советской власти – среди рабочих (а также крестьянства) стал распространяться лозунг «Власть Советам, а не партиям», требование переизбрания Советов и даже отстранения большевиков от власти. Всё это свидетельствовало о том, что общественный договор стал подвергаться сомнению в том виде, в котором он существовал в 1917–1919 гг.

Крестьянство

Достаточно устойчивую последовательность в поддержке октябрьских завоеваний проявило и крестьянство, которое составляло большинство населения страны. Именно крестьянство, получив собственность на землю, готово было отстаивать это завоевание. Как отмечает А. Шубин (Институт истории РАН), в процессе реализации целей Октябрьской революции советская власть в условиях гражданской войны смогла создать сеть институтов, через которые крестьянство могло

решать свои насущные проблемы, что достаточно быстро обеспечило их легитимность, и. соответственно, поддержку [Шубин, 2022]. Поэтому попытки различных белогвардейских сил свергнуть советскую власть вызвали многочисленные крестьянские восстания, которые нередко становились решающими во многих событиях гражданской войны.

Реальная ситуация проявилась в том, что и армиям Деникина и Колчака противостояла такая общественная сила, как крестьяне. Так, партизанские отряды Кравченко-Щетинкина в Красноярском крае в их борьбе с колчаковскими отрядами была той ключевой силой, которая в соединении с Красной армией переломила ход гражданской войны и привела к окончательному поражению белогвардейцев в Сибири [Какурин, 1990].

В целом же «к середине 1919 г. белая власть столкнулась с организованным саботажем своих действий основной группы населения – крестьянства», которое остро отреагировало на политику Колчака по возвращению к правилам землепользования царского времени [Винокуров, 2013; Зырянов, 2012].

Иначе говоря, большинство крестьян наряду с рабочим классом стало основной опорой советской власти, потому как покушение на главную для них ценность – землю – со стороны практически всех сил, выступавших против советской власти, было для них категорически неприемлемо. Отстоять своё право на землю и было тем основным мотивом, приведшим многих крестьян в ряды защитников революционных преобразований [Галин, 2004; Голдин, 2000; Революция и гражданская... 2008].

Интересна оценка Н. А. Бердяевым деятельности Ленина в отношении крестьянства. «Ленин совершил прежде всего аграрную революцию, воспользовавшись многим, что раньше утверждали социалисты-народники. В ленинизм вошли в преображённом виде элементы революционного народничества и бунтарства. Социалисты-революционеры, представители старой традиции, оказались, ненужными и вытесненными. Ленин сделал всё лучше, скорее и более радикально, он дал больше. Это сопровождалось провозглашением новой революционной морали, соответствующей новому психическому типу и новым условиям» [Бердяев, 2023: 67].

При этом надо отметить, что крестьянские массы практически не знали и не стремились знать, что такое социализм, марксизм, коммунизм, – они жили более понятными им терминами: мир, земля, справедливое распределение, возможность не зависеть от помещиков и других угнетателей. И конечно, обещание построить справедливое общество.

Но взаимоотношения советской власти с крестьянством в плане его осознанного участия в общественном договоре развивались в более сложном контексте, чем с рабочим классом. Хотя большинство крестьян всё же избрали путь поддержки власти Советов и партии большевиков, конкретные осуществления практики распределения земли порождали немало сложных, неоднозначных и даже конфликтных ситуаций. Особенно это недовольство усилилось с осуществлением продразверстки, что привело к ряду крестьянских восстаний, высшей точкой которых стало Антоновское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 году [Антоновщина... 2007].

Красная армия

Сразу отметим, что Красная армия в реальной жизни представляла в основном интересы крестьянства. Она, как боевая сила по защите общественного договора и реализации идей октябрьской революции, достаточно быстро нарастила свою мощь, численность и готовность отстаивать народовластие, несмотря ни на какие сбои в её формировании и функционировании. Если численность регулярной Красной армии осенью 1918 г. составила 800 тыс. человек, то к началу 1919 г. –

1,7 млн, к декабрю 1919 г. – 3 млн, а к 1 ноября 1920 г. – 5,5 млн. Огромную роль в её эффективном функционировании сыграли солдаты, участники Первой мировой войны и имевшие опыт боевых действий. Именно они составляли костяк Красной армии, и будучи по своей сути крестьянами, которые в своём большинстве понимали, что они борются за полученную землю, против попыток возвращения помещичьего засилья. Огромную роль сыграл и офицерский состав бывшей царской армии: 30% бывших генералов и офицеров находились в рядах защитников власти Советов при 40% сражавшихся против неё, и 30% – по различным причинам не участвовавших в войне (всего 99 тыс. офицеров насчитывалось в конце 1918 г.).

То, что большевики сумели создать боеспособные воинские части, признавали даже противники советской власти. Один из лидеров эсеров В. Чернов также пришёл к выводу, что большевикам в отличие от Временного правительства удалось покончить с развалом вооружённых сил и создать новую армию «на основе беспощадной дисциплины, абсолютного единства командования и использования солдатских комитетов» [Чернов, 2007].

Вместе с тем Красная армия не была избавлена от «болячек». Некоторая часть, призванная в ряды красноармейцев, переходила в ряды противников советской власти, составляла значительные массы дезертиров, пополняла отряды зелёных, анархистов и просто разного рода банд [Левшин, 2011: 73–79].

Расширение и обогащение социальной базы общественного договора

В политике по созданию социальной базы советской власти и, соответственно, укреплению общественного договора большевики не ограничились только опорой на рабочий класс и крестьянство.

В годы гражданской войны был осуществлён поиск сотрудничества с такой влиятельной социальной общностью, как интеллигенция, хотя её мировоззренческие и политические ориентации представляли пёструю картину.

Во-первых, часть интеллигенции сразу же определилась со своей позицией – не только поддержала политику большевиков в области политики и экономики, но и выступила с новыми инициативами, сутью которых стали предложения по массовому приобщению населения к образованию, культуре. Среди них были и те, которые предлагали новые формы реализации трудовой и политической активности, художественного творчества, осуществляли поиск особенных методов видения и освоения окружающего мира, что потом вошло в историю под флагом авангардистских теорий и движений [Тимошин, 2014].

Во-вторых, часть интеллигенции, хотя и исповедовала демократические идеалы, вела себя непоследовательно – то примыкала и поддерживала большевиков и созданные советские органы власти (меньшевики и особенно эсеры), то занимала нейтральную и соглашательскую позицию, то прямо переходила на сторону противников советской власти. Напомню, 8 июня 1918 г. эсерами в Самаре был создан Комитет Учредительного собрания (Комуч), объявивший себя временной революционной властью, которая должна была, по замыслу его создателей, распространившись на всю территорию России, передать управление страной избранному Учредительному собранию. На территории, подвластной Комучу, в июле были денационализированы все банки, объявлена денационализация промышленных предприятий. Комуч создал собственные вооружённые силы – Народную армию. А если это дополнить мятежом левых эсеров с целью свержения большевиков в июле 1918 г. в Ярославле и одновременно в Москве, то понятна неоднозначность поведения этой группы

интеллигенции [Гражданская война… 2010; Рыбаков, 1993; Ярославское восстание… 1998].

В-третьих, были и такие представители интеллигенции, откровенно ориентированные на сохранение монархии или её различные варианты и модификации. Они были враждебно настроены против советского режима и, соответственно, поддерживали белое движение самыми различными способами – от прямого участия в вооружённой борьбе до идеологического и пропагандистского его обеспечения. Отсюда понятно, почему часть из них в ходе открытой вооружённой борьбы или скрытой помощи белым была подвергнута ликвидации или изгнанию из страны как прямых врагов [Революция и гражданская… 2008]. Поэтому вполне естественно, что они составили часть эмиграции, которая, по некоторым подсчётам, составила 2 млн человек.

В этой ситуации большевики предприняли дальновидные шаги по укреплению общественного договора посредством налаживания связей и контактов прежде всего с массовой интеллигенцией – учителями, инженерно-технической интеллигенцией, медицинскими работниками, специалистами по сельскому хозяйству (агрономической и ветеринарной службой). Их привлечение для налаживания и регулирования экономической, социальной и гуманитарной сферы общественной жизни сыграло немалую роль в укреплении общественного договора.

Прежде всего внимание было обращено на самую массовую социальную общность – учительство. Учителей практически сразу привлекли к преобразованию сути и содержания образовательного процесса, к перестройке существующей сети начального и среднего образования. На первоначальном этапе это выразилось в определении целей и задач школы. Согласно положению «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»

(декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г.) устанавливались единые принципы построения сети народного образования: связь школы с жизнью, последовательное проведение демократической организации обучения, осуществление национального и полового равноправия, обучение на родном языке, преемственность ступеней образования. В соответствии с декретом учреждалась школа, доступная для всего населения, дающая всем детям, независимо от общественного и имущественного положения их родителей, общеобразовательные и трудовые знания, умения и навыки. В основе этой школы лежали две неразрывно связанные идеи: идея единства и идея трудового обучения и воспитания.

Не менее впечатляющим стал следующий шаг в работе с учительством (добавим, и с другими представителями интеллигенции и просто с грамотными людьми). Ещё не утихли бои гражданской войны, когда была провозглашена политика по ликвидации неграмотности в стране. Сама кампания ликбеза началась 26 декабря 1919 г., когда Советом Народных Комиссаров (СНК) был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В первом пункте декрета объявлялось обязательное обучение грамоте на родном или русском языке (по желанию) граждан в возрасте от 8 до 50 лет, чтобы предоставить им возможность «сознательно участвовать» в политической жизни страны.

Осуществление этого грандиозного социального проекта (плана) – ликвидация неграмотности – привлекло внимание даже той части учительства, которая, скептически относясь к политике большевиков, всё же признала важность этой гуманистической акции, что постепенно привело её в ряды сторонников советской власти и к желанию сотрудничать с ней (подробнее см.: гл. 13).

Что касается такой социальной общности, как *инженерно-техническая интеллигенция,* то общественный договор

с ней стал налаживаться постепенно. На начальном этапе к ней было нейтральное, настороженное и, нередко, враждебное отношение. Но её поведение в большинстве случаев реализовывало преданность своему профессиональному долгу, что было связано с выполнением своих технических и технологических знаний и умений. Это отношение проявилось в её участии в налаживании работы в национализированных предприятиях, в работе различных органов Высшего совета народного хозяйства. Наиболее плодотворным результатом этого сотрудничества стала подготовка, а потом реализация такого впечатляющего проекта, как Государственная программа по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1920 г., ещё не окончив гражданскую войну, был разработан, принят и стал реализовываться этот грандиозный проект, который обладал не только научно-техническими достоинствами, но и социальным предвидением – как электричество должно было перестроить не только производство, но и повседневную жизнь людей. Именно поэтому с энтузиазмом был воспринят ввод первых – Каширской и Волховской – электростанций, за которыми последовали и другие (10 гидростанций и 20 теплостанций). Этот план был выполнен к 1931 г., в результате чего СССР занял 3-е место в мире по выработке электроэнергии после США и Германии [План электрификации... 1955]. Выполнение этого плана наглядно показало, что намерения большевиков в этом направлении не расходятся с делом, и даже опровергло вывод Гэрберта Уэллса, который побывал в советской России в 1920 г. и встречался с Лениным: «Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии» [Уэллс, 1964]. Но факты – упрямая вещь: в 1917 г. в стране было 75 электростанций, в 1927 г. – 858; текущее потребление (тыс. кВт) в 1917 г. – 622, в 1927 г. – 10 000; обслуживаемые сельскохозяйственные поселения в 1917 г. – 0, в 1927 г. – 89 739 [Цит. по: Попов, 2015].

План ГОЭЛРО перечёркивает множество перестроечных и современных догм о пороках плановой экономики, ставит под сомнение и показывает убогость внедрения «невидимой руки рынка». Более того, план ГОЭЛРО был не просто экономическим проектом – он решал многие социальные проблемы, такие как потребность в квалифицированных кадрах, коренное обновление быта, уверенность в обещаниях большевиков и, соответственно, крепнущая поддержка политики советской власти (подробнее см. гл. 14).

Установление общественного договора велось не только с учительской и технической интеллигенцией. В литературе, особенно в последние годы перестройки и в 1990-х гг.. появились работы, которые изображали советскую власть как находящуюся в конфронтации с *научной интеллигенцией*. Реальность же такова, что советская власть содействовала развитию науки. Факты: за первые годы, с 1918 по 1920. гг., было создано 32 научно-исследовательских института. Уже в 1918 г. после обращения в Совнарком М. И. Неменова и А. Ф. Иоффе был образован рентгенологический и радиологический институт. Более того, постановление об учреждении этого института (несмотря о огромный дефицит средств в период становления новой власти) было подкреплено выделением 50 тыс. руб. золотом, что было крупной суммой. В том же году Н. Е. Жуковский организует Центральный аэрогидродинамический институт на базе Аэродинамической лаборатории и Авиационного расчётно-испытательного бюро (РИБ). Затем, 15 декабря 1918 г., был образован Государственный оптический институт, созданный по инициативе Д. С. Рождественского. По записке профессора М. А. Бонч-Бруевич была создана ставшая знаменитой Нижегородская радиолаборатория. Последовали и другие решения по открытию новых научных организаций. Вместе с тем стоит отметить, что в этот период достаточно серьёзно обсуждался вопрос о ликвида-

ции Петербургской Академии наук и замене её Ассоциацией научных учреждений. Однако благодаря позиции Ленина этой инициативе был дан отпор. Более того, приняты меры (скромные) по поддержке учёных – в декабре 1919 г., т. е. в период самых суровых дней гражданской войны, принимается декрет Совета народных комиссаров «Об улучшении положения научных работников», в котором определяются льготы: усиленное, насколько это было возможно в то время, питание, сохранение за учёными квартир, освобождение от трудовой и воинской повинности (подробнее см. гл. 15).

Не менее значимой, хотя своеобразной, являлась и поддержка новых веяний в общественной науке: в 1918 г. в Петроградском университете была открыта первая кафедра социологии во главе с П. А. Сорокиным (до этого такая кафедра в царской России была только в частном Психоневрологическом институте). Были осуществлены и первые шаги по созданию новой общественной науки, объединению сторонников марксистской взглядов. Это выразилось в образовании Коммунистической академии, которая до начала 1930-х гг. выполняла идеологическую роль.

Специфически складывались отношения с *художественной интеллигенцией*. Ей были предоставлены возможности для реализации творческих замыслов, в том числе и тем группам художественного творчества, которые встретили октябрьскую революцию как право на выражение своих новаторских идей (художники, писатели, артисты). Они породили удивительное разноцветье в выражении и реализации своих творческих замыслов (подробнее см. гл. 16).

Несмотря на противоречивую политику по отношению к интеллигенции, различные группы которой придерживались самых разных мировоззренческих взглядов, советской власти удалось привлечь на свою сторону значительные группы людей интеллектуального труда, тем более что боль-

шая часть интеллигенции ориентировалась на многочисленные варианты поддержки идей социализма, и поэтому были опорой многих левых партий. Среди представителей интеллигенции, которые сразу пошли на сотрудничество, стоит отметить М. Горького, А. Ахматову, В. Маяковского, А. А. Блока, В. Э. Мейерхольда, Б. М. Кустодиева, Д. С. Моора и др. [Булавка, 2008: 35; Яшкова, 2009: 43].

Многие перипетии в жизни художественной интеллигенции того периода впоследствии нашли отражение в творчестве (М. А. Шолохов «Тихий Дон», А. С. Серафимович «Железный поток», А. А. Фадеев «Разгром», И. Э. Бабель «Конармия», Н. А. Островский «Как закалялась сталь» и др.). Осмысление этого прожитого периода оставило след и в поэзии Э. Г. Багрицкого, М. Исаковского, Д. Бедного и др.

В результате спектр взаимоотношений художественной интеллигенции с советской властью и с большевиками представлял широкую панораму взаимодействия. И вполне естественно, что реакция советской власти на фактическое поведение различных групп интеллигенции была неодинаковой и неоднозначной (подробнее см. главу о художественной интеллигенции).

Отметим также, что в это время были и репрессии против той части интеллигенции, которая открыто выступала против советской власти, особенно находящейся в рядах белой гвардии во всех её оттенках. Особенно много спекуляции и стенаний было по поводу преследования священнослужителей в годы революции и особенно в период гражданской войны. В них закрываются глаза на тот факт, что ряд служителей церкви активно поддерживали противников большевиков, благословляли их на сопротивление, на словах и на деле игнорировали те устремления, которые исповедовал народ. Поэтому вполне естественно, что ко всем врагам, в том числе и облачённым в рясы, относились по законам военно-

го времени. Всё это позволяет сделать вывод, что не столько отношение советской власти, сколько собственная политика противопоставила церковь и народ и привела к стихийному отходу многих людей от церкви. Усугубило отход от церкви и сомнительное поведение церковных иерархов, когда патриарх Тихон выступил против конфискации богатств церкви, которая осуществлялась для спасения голодающих в 1921 г. [Вяткин, 2022].

Но в целом можно утверждать, что основная часть интеллигенции осталась работать в советской России и по своему пониманию служила новому строю, который принял народ.

Особо остановимся на позиции *военной интеллигенции*. Во многих либеральных изданиях и публикациях утверждается, что большинство военных специалистов враждебно встретили Октябрьскую революцию и приход большевиков к власти. Особенно демонстрируется эта враждебность на примере офицерского корпуса рассказами о растерзании многих офицеров распоясавшейся «солдатнёй и матросней», об их массовых расстрелах и расправах как в период гражданской войны, так и после. В этом сложном деле было немало сложных и даже трагических страниц.

Однако вопреки различным домыслам о противостоянии и борьбе высшего офицерства против советской власти (хотя немало было и таких) из 3–4 тысяч генералов и адмиралов 775 состояли на службе в РККА (Рабоче-Крестьянская Красная армия), не говоря о многих тысячах нижестоящих офицеров и прапорщиков. В целом 43% армейских офицеров влилось в ряды Красной армии [Волков, 2002]. Несомненно, что многие из них прямо или частично разделяли не столько сами социалистические идеи, сколько те цели и ориентации, которые стремилось реализовать в то время большинство российского народа, и они хотели поддержать его в этом выборе. Уже в мае 1918 г. многие из них активно способствовали обра-

зованию первого учреждения по подготовке командного состава становящейся Красной армии, ставшего впоследствии Ленинградским высшим общевойсковым училищем имени С. М. Кирова.

Но особенно ярко сторонниками советской власти проявили себя морские офицеры. Согласно исследованию В. Просянникова, историка, капитана 1-го ранга в отставке «в революцию Императорский флот вступил, имея по штату 8060 офицеров. Из них 6559 поступили на службу в Красный флот» [Просянников, 2018]. Но куда пошли оставшиеся? В «Ледяном походе» Деникина среди 3963 участников было всего 16 представителей флота – 4 офицера, 2 гардемарина и 2 матроса. Под знамёнами Колчака в Сибири насчитывалось не более 420 офицеров. Причём бывший командующий Сибирской флотилией контр-адмирал П. В. Римский-Корсаков сумел сбежать, пробраться в Петербург и поступить на службу в РККФ, а капитан 2-го ранга Н. Н. Зубов, попав в плен, продолжил службу в советском флоте, стал контр-адмиралом и позже директором Океанографического института (его именем назовут залив в Антарктиде и два научно-исследовательских судна). В целом в Красном флоте 82% командного состава – это бывшие царские офицеры. Но в любом случае можно сделать вывод о том, что императорский офицерский корпус стал основой командного состава Красной армии и флота, а не Белой гвардии и других противников советской страны. Конечно, на этом пути не всё протекало гладко. Были подозрения, недоверие. Были чистки и фильтрации. В 1937–1938 гг. некоторые подверглись репрессиям. Однако и перед Великой Отечественной войной большинство бывших царских морских офицеров представляли руководство ВМФ СССР.

При этом, по утверждению и воспоминаниям бывших офицеров, около 20% из 276 тыс. «золотопогонников» не участвовали в русской смуте, потому что одни из них не верили

в успех белого дела, другие не разделяли лозунг «единой» и «неделимой» России, за который ратовали и Деникин, и Колчак. Третьим не нравилось стремление поставить союзнические интересы Атланты выше национальных, четвёртые сомневались в идеях социализма [Фон Валь, 2021]. Немало было и таких, которые осознали, что их убеждения не совпадают с интересами народа, поняв бесперспективность войны с Советами.

Таким образом, усилия по привлечению интеллигенции, несмотря на издержки по отношению к ней, продиктованные соображениями защиты новой страны, позволили консолидировать и привлечь к решению практических задач значительные слои интеллигенции, что означало её участие в соблюдении общественного договора между ними и советской властью.

Общественный договор был также конкретизирован в местной (региональной) и национальной политике.

Что касается деятельности Советов на местном уровне, то её значение очень точно охарактеризовал в декабре 1919 г. В. И. Вернадский в статье «Об организации местной власти», в которой показал, что главная причина поражения Белого движения крылась в тылу, а не на фронте. По его мнению, белогвардейская власть не считалась с местными интересами, с желаниями и намерениями населения, которое во всех подконтрольных ей районах было крестьянским. Усугубляла положение белогвардейцев их ориентация на восстановление в той или иной форме монархии [Цит. по: Аксенов, 2023]. Такая ситуация была полной противоположностью действиям советской власти, которая допускала самые различные варианты устройства местной жизни, вплоть до экзотических, не исключающие и мелкобуржуазных, анархистских и националистических попыток. В результате политическая власть на местах представляла собой лоскутное одеяло, которое при

всём его разнообразии всё же претендовало на единое целое, будучи объединённой едиными или схожими целями на достижение мира, равноправия, владение землёй и на право самим определять свою судьбу.

Анализируя ситуацию по национальному вопросу в условиях гражданской войны, многие его проблемы националистически ориентированными силами сводились к вопросу о типе той или иной формы самостоятельности, вплоть до создания собственного государственного устройства. Все их программы были нацелены на приобретение независимого статуса своих этносов или на легитимацию автономий – территориальных, культурно-национальных, региональных. Именно это во многом определяло смысл и содержание межэтнических отношений.

В то же время идеи самоопределения в массовом сознании народов России вряд ли имели ясное толкование. Властные структуры возникших национально-территориальных образований всего лишь стремились к упрочению собственной власти на автохтонной территории. При этом национальные движения не были едины, нередко малочисленны, распадались на неустойчивые партийно-политические структуры. Многие из них так и не стали самостоятельной политической силой, не смогли и/или не сумели увлечь свои народы своими программами действий. При этом надо учесть, что белые движения практически всех мастей не признавали права народов на самоопределение. В этих условиях этносы в значительной степени стихийно делали выбор в пользу советской власти, отвергая как монархические действия, так и амбициозность рвущихся к власти своих националистов.

Отметим, что в годы гражданской войны при всей противоречивости общественного сознания у всех наций и национальностей, на окраинах России оно в реальной жизни способствовало укреплению советской власти. Большевики

учитывали объективно существующие настроения и ориентации, поддерживали и признавали право народов выбирать свою судьбу и форму сосуществования с другими народами. Потому как желаемого жизнеустройства не могли предложить националистические силы, то приход Красной армии на Украину, в Грузию, Армению стал вполне естественным процессом, отвечая интересам и потребностям украинского, грузинского и армянского народов. Нечто подобное происходило и в национальных районах Средней Азии, но со своей особенной спецификой [Национальная политика… 1997: 226; Валиханова, 2000; Гасанов, 1997: 21].

Большевики наглядно продемонстрировали, что у них слова не расходятся с делом. После провозглашения *2(15) ноября 1917 г. Декларации прав народов России ими были* предложены различные варианты национального самоопределения, которым противились другие политические силы, в том числе меньшевистская и эсеровская. В соответствии с этой декларацией советское правительство признало независимость Финляндии (18(31). 12.1917) и образование на территории бывшей Российской империи независимых от РСФСР советских республик (позднее вошедших в состав СССР) и автономных республик в составе РСФСР: Терскую Советскую Республику (17.03.1918), Туркестанскую Советскую Республику (30.04.1918). Были также созданы национально-государственные образования в рамках РСФСР: Трудовая коммуна немцев Поволжья (19.10.1918), Башкирская Советская Республика (20.03.1919), Татарская Социалистическая Советская Республика (27.05.1920), Карельская трудовая коммуна (08.06.1920), Чувашская автономная область (24.06.1920) и другие. Эти акции создали большой кредит доверия к национальным движениям, привели к укреплению общественного договора, что сыграло немалую роль в поддержке большевиков в гражданской войне. В этих условиях

многие народы устроила национальная политика большевиков, а не противостоящих им других политических сил.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что советская власть в период гражданской войны и иностранной интервенции опиралась на представительную и социальную базу, которая и стала основой для существования общественного договора. Этот договор приобрёл специфическую форму – форму военного-политического союза, который преследовал цели защиты коренных интересов прежде всего рабочих и крестьян. Они вполне обоснованно опасались потерять достигнутые цели и поэтому стали в ряды военных защитников советского строя.

При этом отметим, что другие политические силы, которые действовали в годы гражданской войны, тоже пытались найти свою социальную поддержку. Но так как эти цели были разнородны, неодноплановы, противоречивы и даже конфликтны, в большинстве случаев слабо или вовсе не учитывали истинные интересы массовых слоёв населения, то они не находили поддержки, что и привело их к поражению. Многие исследователи констатируют, что до сих пор идут споры, каких политических ориентаций придерживались лидеры белого движения, Деникин, Колчак и другие участвующие и взявшие оружие в руки для борьбы с Советами. Но вместе с тем некоторые из них достаточно быстро поняли, что они не имели достаточной поддержки и доверия со стороны массовых слоёв общества, что привело, например, к тому, что генерал Каледин, который много сил потратил для противостояния с советской властью, 29 января 1918 г. покончил самоубийством, сказав пред этим на заседании объединённого правительства: «Положение вещей должно быть признано безнадёжным. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно» [Кириенко. 2001: 79].

Как большевики выиграли битву за умы большинства народа

В годы гражданской войны сражение происходило не только в ходе боевых действий – не менее показательна борьба различных мировоззрений, разных политико-идеологических установок. А их было великое множество – от монархических до республиканских, от радикально националистических до интернациональных, от анархических до религиозных. Но главными в этом противостоянии были ориентации на буржуазно-монархическое и социалистическое мировосприятие при наличии в них самых различных вариаций и оттенков. Но именно эта борьба во многом определяла крепость и устойчивость общественного договора советской власти с большинством трудового народа.

Как и с какими особенностями протекала эта борьба?

Анализ мировоззренческих ориентаций показывает, что противники советской власти не обладали едиными идейными постулатами, придерживались различных политических и идеологических позиций. Так, Добровольческая армия Деникина состояла из достаточно разношёрстных политических группировок и движений – от монархистов и черносотенцев до республиканцев. Даже среди современников генерала Деникина, в их воспоминаниях, встречаются неоднозначные оценки его личных политических убеждений: от монархиста, либерала до демократа [Малицкий, 2005: 27].

Такая же неоднозначность мировоззренческих установок была характерна и для Колчака, за одним исключением – он был последовательным врагом советской власти, которую хотел и стремился свергнуть. Но в то же время он видел и понимал, что в его распоряжении и при разной степени его поддержки находятся самые разнородные политические группы. Пытаясь уменьшить разногласия и объединить эти

разношёрстные силы, Колчак выдвинул лозунг «За единую и неделимую Россию», который, по его мнению, должен был устроить всех, так или иначе участвующих в войне с большевиками. Но именно идейный разброд и разногласие, отказ от поддержки преобразований, на которые ориентировалось большинство работающего населения, и привели к поражению все белогвардейские организации [Зырянов, 2012].

Аналогичный разброд характерен и для других участников борьбы против Советской власти. Для большинства народа были неприемлемы возвращение к царю-батюшке, а также реальная угроза потери того, что они получили в ходе Октябрьской революции. Колчак отменил все декреты советской власти о национализации земли и пытался вернуть прежним собственникам утерянные ими заводы и фабрики.

То, что идеологию белого движения не приняли широкие массы, признали его представители, в частности, участники армии Колчака. Воспоминания начальника снабжения Южной армии генерала С. А. Щепихина, начальника штаба Оренбургской казачьей пластунской дивизии полковника А. Ю. Лейбурга, письма полковника Я. М. Розенбаума реконструируют драматичную картину стремительного поражения белых летом-осенью 1919 г. в результате отказа крестьянских масс от поддержки белых и явного и скрытого сопротивления им как носителям враждебных политико-идеологических установок [Южная армия… 2022].

Подобные действия в тех или иных вариантах осуществляли и другие представители белого движения. Такие действия лишь способствовали сплочению и объединению вокруг большевистских мер строительства нового общества.

Не менее противоречиво вели себя и эсеры, и меньшевики. В период гражданской войны они, как в 1917 г., раскололись на несколько групп, которые занимали взаимоисключающие позиции. Так, часть из них участвовала в поддержке тех или иных представителей белого движения, другие противо-

стояли ему, третьи искали компромиссные решения. Особую активность проявили эсеры, пытаясь свергнуть большевиков уже в июле 1918 г., организовать восстание в Ярославле, создать в Самаре при опоре на силы чехословацкого мятежа коалиционное Всероссийское Временное правительство (Директорию) в июне 1918 г. Хотя в своей деятельности эсеры имели серьёзную поддержку среди крестьянства, но именно крестьянство стало испытывать сомнение, а затем отвергать эсеровскую программу о социализации земли в силу её запутанности и сложности по сравнению с ясной и чёткой программой большевиков о национализации земли.

Всё это позволяет прийти к заключению, что рвущиеся к власти представители белого и антисоветских движений *плохо или абсолютно не чувствовали пульс жизни*, будучи по разным причинам оторваны от реальных нужд и предпочтений народа, от его мировоззренческих установок. Попытки навязать народу своё понимание не нашли отклика, так оно было враждебно ему в силу несоответствия их политических ориентаций и идеологических позиций.

В отличие от своих прямых и/или идейных противников большевики стремились реализовать те лозунги, которые были провозглашены в октябре 1917 г. и начали осуществляться после их прихода к власти. Их ориентация была по-прежнему ясна: надо дать народу мир (несмотря на заключение позорного Брестского мира), продолжить привлечение рабочих к управлению производством по мере национализации фабрик и заводов, не откладывая, наделить крестьян земляными наделами. И это при самом широком и всеохватывающем участии народа в решении назревших вопросов посредством Советов рабочих и крестьянских депутатов, которые были реальной и действенной силой.

Особо отмечаем тот факт, что большевики не забыли в этих тяжелейших условиях о своей идеологической задаче –

о том, что надо незамедлительно начинать работу по созданию нового человека. Понимание этой трудной, архисложной по масштабам грандиозности замысла превосходила любые другие задачи экономического, политического и социального характера, провозглашённые на VIII съезде РКП(б).

Начало реализации этой программы положил декрет ЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и употребление одного слова «гражданин» от 23.11.1917.

Особо отметим, что как при любой революции, советская власть ставила задачу привлечь на свою строну как можно большее количество народа. Более того, решить и такую задачу, как формирование принципиально нового – советского – человека. Однако в *период гражданской войны образ нового человека сначала выступал в виде преданного идеалам происходящей революции человека-воина, борца против эксплуатации, против буржуазии и защитников царизма.* Образцом, особенно для молодёжи, стал человек, с оружием в руках отстаивающий гуманистические, по сути, социалистические идеи и ценности, и готовый добиваться их реализации не только в рамках распавшейся царской России, но и во всём мире. Эта нацеленность как на всероссийскую, так и на мировую революцию наряду с разгромом белогвардейских сил и иностранной интервенции в известном смысле была центральной, главенствующей в идеологическом, пропагандистском воздействии на общественное сознание, что принесло свои плоды, так как совпадала и с гражданским восприятием основными социальными общностями и группами населения российского государства. Эта подчинённость интересам революции и защиты её целей с оружием в руках была предметом деятельности всей идейно-политической работы, в том числе и всех средств массовой информации (газеты, листовки, плакаты, устная пропаганда и агитация). Так, придавая большое значение доведению до населения принимаемых ре-

шений, Совнарком в марте 1918 г. принял решение в местных газетах 40 городов публиковать, а также массово издавать и вывешивать плакаты, распространять листовки на железнодорожных вокзалах, пристанях, в общественных местах.

И нужно сказать, что советская власть использовала, и весьма успешно, все возможные средства для идеологического воздействия, среди которых нужно отметить «Окна Роста» – специфическую форму массового агитационного искусства, созданную известными тогда художниками и поэтами. Эти плакаты имели огромную популярность и оказывали большое воздействие на мировоззрение людей, так как они в наглядной форме отражали злободневные и насущные проблемы того времени.

В своём идеологическом воздействии, направленном на изменение общественного сознания, советская власть большое внимание уделяла символике. Так, Герб РСФСР в 1918 г. выглядел следующим образом: **в** центр щита были помещены серп и молот (символ союза рабочих и крестьян); восходящее солнце (символ наступления новой эры в истории человечества); обрамление составляли колосья (символ мирного труда); и девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (символ революции). Это был никогда и никем не используемый образ – вместо угрожающих хищных зверей и птиц, всяких видов оружия была предложена трактовка мира и труда, которая должна стать смыслом нового государства.

Новаторским было решение об учреждении государственного флага в виде Красного знамени. В древней Руси широко было распространено использование красного знамени в походах войсковых соединений многих княжеств. Оно стало символом революционной освободительной борьбы. Под ним проходили крестьянская война в Германии XVI века, Великая французская революция, Парижское восстание 1832 г. Наконец, Красное знамя было поднято Парижской коммуной

в 1871 г., а в Российской империи под ним свершались революции 1905 и 1917 годов. К этому добавим, что оно стало одним из первых знаков отличия и было официально утверждено в качестве государственной награды 3 августа 1918 г. приказом наркомата по военным делам РСФСР.

16 сентября 1918 г. был учреждён Орден Красного Знамени (первый советский орден, до 1930 г. остававшийся высшим орденом в наградной системе СССР). 7 ноября 1928 г. у него появился «двойник» – орден Трудового Красного Знамени, целью которого было награждение людей и коллективов за достижения в области трудовой деятельности.

Но наиболее наглядным носителем символики стала одежда красноармейцев, начиная от рядового до командного состава, среди которых особую популярность приобрела так называемая будёновка, напоминающая по форме шлемы древних витязей, а также шинель с поперечными клапанами-«разговорами». Она и другие элементы новой военной формы красноармейцев, были созданы в 1918–1919 годах. [Терешкович, 2008: 42].

Ещё одним наглядным и образным символом стала красная звезда. На заре существования Красной армии она олицетворяла единение «пролетариев всех стран» – рабочих со всех пяти континентов; красный цвет был цветом революции, цветом крови, которая была пролита за свободу. Позже красные звёзды на головных уборах стали ассоциироваться с воинами-защитниками.

Стоит особо отметить, что эта общегражданская нацеленность на достижение глобальных целей мировой революции вполне органически совпадала с прагматическими, но стратегически важными мерами, во многом обеспечившими успех в борьбе за умы большинства народа.

Парадоксально, но фактом в условиях ожесточённых сражений на полях гражданской войны стало постоянное и

непрекращающееся внимание к решению задачи формирования нового типа личности. Само появление *нового наименования людей как советских стало результатом употребления и закрепления такого понятия по аналогии с названиями как Советской республики и её органов управления, что нашло отражение в первой Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г.* И вполне естественно, слова «советский», «советская», «советское» и «советские» приобрели черты сначала лингвистического характера, а затем и общественно признанного, в том числе и нормативного акта (подробнее см.: [*Юревич, 2021*]). Советская власть ставила задачу воспитать в людях чувства самодостаточности, самоуважения, достоинства, реального восприятия ответственности за происходящее вокруг них и активного участия в их решении.

И эта стратегическая установка приобретала конкретные черты требования к культурному облику граждан нового государства, что особенно наглядно проявилось в политике по ликвидации неграмотности. Реализуя эту установку, Наркомат просвещения и его отделы на местах могли привлекать для работы в ликбезе «в порядке трудовой повинности всё грамотное население страны» (не призванное в войска) «с оплатой их труда по нормам работников просвещения». Эта кампания велась до конца 1930-х годов и завершилась тем, что в стране практически, за редкими исключениями, она была успешно решена. Для этого была мобилизована вся интеллигенция, и не только разделяющая позиции большевиков, но и считающая необходимым поддержать гуманистические устремления новой власти.

Иначе говоря, цели социалистической революции получили не просто абстрактный ориентир, словесную формулировку – формирование гражданина-воина, а вполне наглядное их воплощение в виде получения рабочим классом и крестьянством реальных прав, воплощающихся – пусть с противоречиями – в жизнь.

Проблемы и просчёты военно-политической основы общественного договора

Итоги гражданской войны показали, что большевики в основном реализовали оказанное им доверие. Общественный договор между народом и советской властью выдержал испытание временем на этом первом этапе существования новой России.

Это не значит, что не было никаких изъянов, ошибок и просчётов, которые были порождены как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

Так как это был путь в неизведанное, время быстро показало, что многие теоретические конструкции и реальная жизнь не совпадали. Действительность оказалась намного сложнее, что подтвердило древнейшую истину: никакая теория не может охватить многообразие жизни, противоречия которой порождаются как объективными, так и субъективными потребностями общественного развития. В результате декларируемые принципы общественного договора подверглись переформатированию, деформации и даже искажению.

Во-первых, на этом этапе цели основных субъектов общественного договора – государства и народа – приобрели специфический характер: надо было защитить основные интересы обоих субъектов, когда на первый план вышли не мирные способы, а длительная и изнурительная вооружённая борьба. Соответственно, и способы решения как текущих, так и перспективных целей приобрели специфический характер, повлияли на содержание социального контракта. Иначе говоря, политика военного коммунизма была вынужденной мерой на этапе становления нового государства в период ожесточённой гражданской войны и противостояния иностранной интервенции.

Что касается проблем объективного характера, то ущерб от гражданской войны составил 39 млрд золотых рублей.

Производство продукции отдельных отраслей экономики уменьшилось в 5–30 раз, а в целом к 1921 г. объём производства съёжился до 15–18% по сравнению с 1913 г. [Миронов, 2003]. Производительность труда упала на 35–45%. Общие потери людских ресурсов по разным подсчётам достигли 10–17 млн (из них 20% – военные потери). По другим подсчётам, военные потери составили 940 тыс., а санитарные – примерно 6,8 млн человек [Гражданская война... 2010].

Во-вторых, хотя в условиях военного коммунизма советской власти пришлось применять политику насилия, которая особенно усилилась после введения Красного террора в сентябре 1918 г., Красный террор имел существенные издержки – в борьбе с антисоветскими силами нередко страдали и другие участники происходящих изменений, в том числе и рядовые граждане, что привело к росту недовольства политикой большевиков. И соответственно, происходил подрыв ранее согласованных положений общественного договора – строить отношения между народом и властью при учёте его коренных интересов [Военный коммунизм… 1997; Революция и гражданская… 2008: Т. 1: 301].

В-третьих, серьёзно было подорвано социально-экономическое положение рабочего класса, который составлял ведущую силу в отстаивании интересов революции – его численность вследствие закрытия/приостановки предприятий, призыва в РККА, голода, миграции в деревню по разным оценкам сократилась с 3 млн (1917 г.) до 1,2 млн (1921–1922 гг.), т. е. более чем в два раза [Забелин, 1927: 78]. Интенсивно происходил процесс деклассовости, а некоторая часть становилась в ряды сомневающихся и даже противостоящих советской власти.

В-четвертых, ряд установок общественного договора по отношению к крестьянству были поколеблены, нуждались в пересмотре и уточнении и даже отвергались реальной жизнью. Это проявилось в первую очередь в том, что первоначальная установка в 1918 г. только на союз с беднейшим крестьянством оказалась ошибочной – организованные Комитеты бедноты просуществовали всего полгода – с осени 1918 г. до начала 1919 г. Их деятельность обострила взаимоотношения с основной массой крестьянства (с середняком), которые составляли большинство населения страны. Поэтому были внесены коррективы в союз рабочего класса со всем крестьянством при сохраняющемся негативным отношением к зажиточным слоям деревни [Поляков, 1967].

Кризис во взаимоотношениях с крестьянством особенно остро проявился после введения продразвёрстки, которая подорвала доверие к большевикам и стала одной из причин массового недовольства, проявившегося в бунтах крестьян, особо наглядно продемонстрированного кронштадтским мятежом (1921 г.) и так называемым Антоновским восстанием в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.).

В-пятых, выявился примитивизм в толковании и осуществлении национализации, под которую попала и мелкая собственность, что оттолкнуло и поставило под сомнение возможность сотрудничества с советской властью довольно значительного числа населения.

В-шестых, в политике советской власти осуществлялись меры, которые свидетельствовали об идеализме и даже утопизме мечтаний некоторых деятелей партии большевиков, когда были реализованы попытки внедрить принципы уравнительного распределения всех имеющихся товаров народного потребления, исходя из мечты о будущем коммунистическом устройстве общества. Это, например, очень ярко проявилось в деятельности Ю. Ларина, члена президиума ВСНХ, одного из сторонников полной ликвидации денежного обращения и скорейшего перехода к прямому распределению благ и услуг. Он сумел добиться принятия некоторых

декретов, которые абсолютно не коррелировали с реальной жизнью и наносили только вред при решении назревших проблем [Филоненко, 1996].

В-седьмых, в стране нарастала дезорганизация всех сфер общественно-политической жизни. Сильны были анархические направления. Своеобразным явлением была партизанская армия Махно, в которой парадоксально сочетались социалистические, националистические и сугубо крестьянские интересы и намерения. Расцвели различные формы бандитизма. До огромных масштабов выросла детская безнадзорность. Деградация экономики породила и такие массовые явления, как беспредел при решении насущных социальных и экономических проблем, спекуляция, мешочничество [Гражданская война… 2010].

И наконец, стоит отметить и значительное оскудение интеллектуального богатства страны. По подсчётам американского Красного Креста, из общего количества эмигрантов из России на 1 ноября 1920 года, достигшего 1 млн 194 тыс. человек, интеллигенция составляла 4–50%. А на 1 ноября 1921 года американский Красный Крест оценивал русскую эмиграцию уже в 2 млн человек. Они покинули страну, уехав за границу не только из-за неблагоприятного устройства трудовой и повседневной жизни, но и неоправданных преследований, которыми грешили недальновидные и недалёкие чиновники, ставшие во главе тех или иных участков работы в советских учреждениях [Корляков, 2009].

Особо следует отметить такой парадоксальный факт: на духовном фронте тоже господствовала стихия. Она трагично проявлялась в столкновении различных мировоззрений на межличностном уровне, которая проявила себя в многочисленных трагедиях, когда семья и персональные содружества разделялись на противоположные политические позиции, когда брат воевал с братом, сын с отцом, сталкивались бывшие друзья.

Немало было и таких людей, которые колебались в своих ориентациях и пристрастиях, что нередко оборачивалось или окончательным определением позиции (за или против революционной перестройки общества), или душевным опустошением и примирением с новой реальностью, что прекрасно описано М. Шолоховым в его знаменитом «Тихом Доне» на примере бурной жизни казака Григория Мелехова в годы гражданской войны.

Все выше перечисленные издержки и ошибки были тревожными звонками, которые поставили под вопрос правомочность власти большевиков. Именно эта тревожность была осознана В. И. Лениным, что привело к тому, что политика военного коммунизма была заменена новым подходом, который отражал принципиально иные ориентиры в руководстве страной. Уже к 1920 г. для Ленина и ряда его сторонников стало ясно, что эта политика исчерпала себя. Более того, её продолжение ставило под сомнение возможность существования общественного договора.

Цену выхода из кризисной ситуации составила новая экономическая политика.

Заключение

Анализ состояния российского общества в годы гражданской войны позволяет утверждать, что общественный договор между советской властью и народом *имел в своей основе военно-политическую основу*, что проявилось в таких общих усилиях, как использование методов вооружённой борьбы за отстаивание провозглашённых целей по созданию новых условий для построения нового общества и иного жизнеустройства для трудящегося народа.

Де-факто сторонники советской власти в этот период выступали в таких осознаваемых ими ролях, как защитник совет-

ской страны (красногвардеец, красноармеец), как исполнитель новой роли по руководству предприятиями и/или контролю за производственными процессами (член рабочего контроля), или осваивали новую роль собственника земли (крестьянин). Среди интеллигенции был немалый слой тех, кого удовлетворила провозглашённая открытость всех форм творчества, что особенно интересовало художественные слои.

Но первым и главным цементирующим фактором стало доверие новой власти, которого придерживалось преобладающее количество населения, хотя его тоже нужно дифференцировать. Во-первых, была незначительная, но влиятельная авангардистская часть населения, которая безраздельно поддерживала все начинания советской власти и которая смогла повести за собой основные силы трудового народа. Во-вторых, были такие люди, которые хотя и поддерживали новый порядок, но не во всех его действиях, что заставляло некоторых из них менять своё отношение к происходящему, постоянно колебаться при выборе вектора своего поведения. В-третьих, было немало настроенных социальных общностей и групп, которые заняли выжидательную и нейтральную позицию. И наконец, надо сказать, и о враждебных силах, нацеленных на противостояние и готовых использовать все имеющиеся в их распоряжении средства борьбы с большевиками.

В этой ситуации в общественном сознании и поведении людей причудливым и самым непредвиденным образом переплетались социалистические идеалы, мелкобуржуазные предпочтения, националистические ориентации и радикальные намерения анархистов и различных стихийных организаций малопонятного толка да ещё при одновременном существовании стихии мошенничества, спекуляции и просто разбоя, не говоря уже о демагогии прямых врагов революции – монархистов, буржуазных апологетов самых разнообразных вариантов.

Но центральная идея общественного договора пробивала себе дорогу – *новый человек рождался как воин, как защитник полученных в ходе революции коренных, неотъемлемых прав народа на владение производством, землёй, на участие в управлении делами общества.*

Однако основной тенденцией стало то, что по мере окончания гражданской войны реальная жизнь стала показывать: военно-политический союз советской власти, рабочего класса и крестьянства на основе политики военного коммунизма как базы общественного договора исчерпал себя, и требовалось внесение существенных корректив в его продолжение. И этот новый поворот в обустройстве общественного договора произошёл на следующем этапе – в условиях провозглашённой новой экономической политики.

Список литературы

Аксенов Г. П. Универсальная ценность самоуправления // Независимая газета. 2023. 22 ноября.

«Антоновщина» Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. ; отв. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов, 2007. 800 с. ISBN 978-5-98662-060-2.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Юрайт, 2023. 178 с. ISBN 978-5-534-07280-8.

Большаков А. М. Деревня (1917–1927) / А. М. Большаков ; предисл. М. И. Калинина и акад. С. Ф. Ольденбурга. М. : Работник просвещения, 1927. 472 с.

Булавка Л. Феномен советской культуры. М. : Культурная революция, 2008. 288 с. ISBN 978-5-250-06021-9. EDN QYMVZL.

Валиханова Н. С. Национальные движения и партии Средней Азии: историография. М. : Народный учитель, 2000. 176 с. ISBN 9785701703078.

Варга Е. Вскрыть через 25 лет. Заметки не для печати // Экономист. 2022. № 12. С. 42–66.

Винокуров О. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Шумиха, Курганская обл. : Велес, 2013. 509 с.

Волков С. В. Трагедия русского офицерства: офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. М. : Центрполиграф, 2002. 509 с. ISBN 5-9524-0110-4. EDN YVLPVT.

Вяткин В. «Иерархия подавляющая, пышность ослепительная, чтобы отуманить мозги» // Независимая газета. 2022. 3 августа.

Галин В. В. Интервенция и гражданская война. М. : «Алгоритм», 2004. 608 с. ISBN 5-9265-0140-7.

Гасанов Б. К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917–1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки : автореф. дис... д-ра. ист. наук : 07.00.02 / Гасанов Басир Камильевич ; Моск. соц. ун-т. М., 1997. 37 с.

Голдин В. И. Россия в Гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск : Боргес, 2000. 280 с. ISBN 5-7536-0062-X.

Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы / Сост. и отв. ред. : Д. М. Володихин, науч. ред. С. В. Волков. М. : Сибирский цирюльник, 2010. 400 с. ISBN 978-5-903888-14-6.

Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Госполитиздат. 1957. 640 с.

Забелин Л. Численность рабочих, производительность труда и зарплата в промышленности за десять лет // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 77–87.

Захаров А. ЧОН // Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии. Н.-Новгород : Нижегор. истпартотдел Губкома ВКП(б), 1927. С. 47–54.

Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М. : Молодая гвардия, 2012. 640 с. ISBN 978-5-235-03660-4.

История мировой экономики : учебник для вузов / Г. Б. Поляк, В. С. Адвадзе, А. Н. Маркова [и др.] ; под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М. : ЮНИТИ, 2002. 727 с. ISBN 5-238-00066-9.

История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М. : ИНФРА-М, 2000. 784 с. ISBN 5-16-000173-5.

Какурин Н. Е. Как сражалась революция: В 2 т. М. : Издательство политической литературы. 1990. 703 с. ISBN 5-250-00812-7.

Какурин Н. Е. Военная история гражданской в России 1918–1920 гг. / Н. Е. Какурин, Н. Ковтун, В. Сухов. М. : Евролинц, 2004. 272 с. ISBN 5-93662-050-4. EDN QOVWMT.

Карр Э. Х. История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2 : Большевистская революция 1917–1923. М. : Прогресс, 1990. 763 с.

Кириенко Ю. К. Алексей Максимович Каледин // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 59–82.

Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919–1920 гг. М. : Московский рабочий, 1950. 350 с.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев ; АН СССР, Ин-т экономики. М. : Наука, 1991. 487 с. ISBN 5-02-012001-4.

Корляков А. Великий русский исход. История русской эмиграции. М. : YMCA-Press, 2009. 720 с.

Левшин К. В. Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 73–79. EDN OKGMON.

Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М. : Политиздат, 1974.

Ленин В. И. Кризис партии // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М. : Политиздат, 1974.

Леонов С. В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920 гг.) // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 29–46.

Малицкий В. С. Идеология: история и современность. М. : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2005. 250 с. ISBN 5-901715-30-6. EDN VNSCTV.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 3-е изд. испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 583 с. ISBN 5-86007-394-1. EDN QOTHBH.

Национальная политика России: история и современность / С. В. Кулешов, Д. А. Аманжолова, О. В. Волобуев [и др.]. М. : Русский мир, 1997. 679 с. ISBN 5-85810-030-9. EDN TMABCP.

Новикова Л. Г. Комитеты бедноты // Большая российская энциклопедия. В 35 т. Т. 14 / Гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017. ISBN 978-5-85270-345-3.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2019. 20 сентября. № 38.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. : РКТ-История, 1997. 272 с. ISBN 5-86554-058-0.

План электрификации РСФСР. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. 667 с.

Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М. : Наука, 1967. 519 с.

Попов В. Покушение на ГОЭЛРО // Литературная Газета. 2015. 24 декабря. № 51-52.

Поспелов Г. Российский путь перехода к социализму и его результаты // Экономист. 2022. № 12. С. 67–90.

Просянников В. Белая кость РККФ / Литературная газета. 2018. 28 февраля. № 9.

Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия в 4 томах. Т. 1. Абациев – Дмитрий Павлович / Глав. ред. С. А. Кондратов. М. : Терра, 2008. 560 с.

Рыбаков А. М. Левоэсеровский мятеж»: авантюра или способ выхода из политического кризиса // Политические партии: теория, история, практика. Вып. 1. М., 1993. С. 68–90.

Сергеев В. Н. Мобилизационный тип управления Российской республикой в 1917–1920 гг. (к 90-летию окончания гражданской войны) // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2010. № 4. С. 86–101. EDN RCLFJP.

Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. В зареве революции. М. : Центрополиграф, 2008. 380 с. ISBN 978-5-9524-3830-9.

Сироткин В. От «военного коммунизма» к нэпу. Международная обстановка // Архивы раскрывают тайны…: Международные вопросы: события и люди / Сост. Н. В. Попов. М. : Политиздат, 1991. С. 46–75. ISBN 5-250-01215-9.

Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М. : Мысль, 1968. 438 с.

Терешкович Т. А. Мода в одежде и аксессуарах: словарь-справочник. Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. 445 с. ISBN 978-5-222-13869-4.

Тимошин Н. И. Виражи российской интеллигенции. Самара, 2014. 312 с. ISBN 978-5-9905477-1-1.

Уэллс Г. Россия во мгле. М. : «Правда» (Библиотека Огонёк). 1964. 104 с.

Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа // Отечественная история. 2003. № 5. С. 20–30. EDN OPKLLD.

Филоненко А. Л. Время Ю. Ларина. СПб. : Нестор, 1996. 180 с.

Фон Валь Э. Г. Воспоминания о Генеральном штабе. Избранные статьи о Первой мировой и Гражданской войнах. М. : Вече, 2021. 464 с. ISBN 978-5-4484-2739-8.

Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941 гг. / Л. Холмс ; отв. ред. А. В. Лубский, В. Н. Рябцев. Ростов н/Д, 1994. 148 с. ISBN 5-7507-0966-3.

Чернов В. М. Великая русская революция: воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920 / В. М. Чернов ; пер. с англ. Е. А. Каца. М. : Центрполиграф, 2007. 438 с. ISBN 978-5-9524-2710-5. EDN QPEZMR.

Широкова Е. А. Фон Лампе Алексей Александрович (1885–1967) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 186–189.

Шубин А. Мира ждали все? Сто лет назад в России закончилась гражданская война // Поиск. 2022. 29 апреля. № 218.

Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака. Воспоминания, документы и материалы / Под ред. А. В. Ганина. СПб. : Нестор-история. 2022. 480 с. ISBN 978-5-4469-2053-2. EDN VAFWHY.

Юревич А. В. Советский человек как социокультурный тип // Психологический журнал. 2021. № 5. С. 59–68. DOI 10.31857/S020595920016047-7. EDN IVBVNY.

Яров С. В. Человек перед лицом власти, 1917–1920-е гг. М. : РОССПЭН. 2014. 374 с. ISBN 978-5-8243-1892-0. EDN YUFXMY.

Ярославское восстание. Июль 1918 / Ред. и сост. В. Ж. Цветков. М. : Посев, 1998.

Яшкова Л. А. Политика РКП(б) – ВКП(б) в сфере развития художественной культуры (1917–1930 гг.) / Л. А. Яшкова, С. А. Щербинин. Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2009. 167 с. ISBN 978-5-902524-73-1. EDN QVMJPV.

Глава 5
Этап начала реализации провозглашённых прав и свобод (1920-е годы)

Да будет твердь среди воды
Книга Бытия

Введение

Эти годы – 1920-е – стали уникальным этапом в развитии общественного договора, когда происходила перенастройка военно-политического согласия советской власти и большинства народа к мирному строительству государственной и общественной жизни.

Уникальность и своеобразие этого этапа заключались в том, что произошло коренное принципиальное изменение стратегических ориентиров и целей. Во внешней политике была осуществлена переориентация с осуществления мировой революции до признания факта возможности сосуществования с капиталистическим окружением. И хотя продолжал действовать Коммунистический Интернационал, который был основан 4 марта 1919 г. по инициативе РКП(б) для того, чтобы развивать и распространять идеи революционного интернационального социализма или, по формулировке Ленина, олицетворять «союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах» [Ленин, 1969: Т. 38: 230–231], внимание партии большевиков переключилось на решение проблем внутреннего характера: сначала это были заботы по восстановлению экономики и налаживанию мирной жизни, а впоследствии – на осуществление дальнейших шагов по созиданию новой страны.

В известном смысле в эти годы произошло не просто изменение политики, а её коренная ломка, связанная с отказом

от прежних догм, что встретило болезненную реакцию части революционеров, настроенных на мировую революцию и на сохранение принципов военного коммунизма. Необходим был гений Ленина, увидевшего в изменении политики требования времени, признавшего необходимость учёта объективных тенденций развития и предложившего исторически оправданные меры по сохранению общественного договора. Не все поняли замысел осуществления новой экономической политики, которая допускала возможность использования рыночных отношений для восстановления страны и её дальнейшего развития.

Этот поворот – и это принципиально важно – выразился в поиске и рождении таких идей и таких направлений в работе, которых до этого не знала история ни одной страны в мире. Это проявилось в выдвижении и обосновании государственного планирования экономики, в применении балансового метода, в превращении червонца в валютное обеспечение, что стало и научным, и политическим открытием. Не менее новаторским и оригинальным стало обоснование курса страны на индустриализацию, осуществление которой, как показал ход истории, было эффективным решением, обеспечившим самостоятельность страны.

Важным компонентом общественного договора стали усилия по формированию человека нового типа – советского человека. И исходной его точкой стало сосредоточение внимания на достижении грамотности всего населения, что стало залогом будущего успешного решения целого комплекса задач – от технико-технологических и экономических до культурных и мировоззренческих. Выражением этого стремления стали беспрецедентные по масштабам и последовательности действия по ликвидации неграмотности в стране, которые стали одним из показательных масштабных социальных проектов, образцом решения этой проблемы для многих

государств мира, особенно для ряда латиноамериканских, африканских и части азиатских стран.

Характерной особенностью этого этапа было разноцветье различных экспериментов в литературе, искусстве и других формах художественного творчества, в виде русского авангарда у художников, конструктивизма и неоклассицизма у архитекторов, творческих находок у кинорежиссёров, как, например, «Броненосец «Потёмкин» С. Эйзенштейна. К этому следует добавить невиданную по размаху массовую культурно-просветительную работу, энтузиазм её организаторов, что привело к расширению кругозора миллионов людей, к повышению их компетентности, приобщению к мировому наследию достижений человечества, воспитанию приверженности и поддержки советской власти.

Причины перехода к обновлённому содержанию общественного договора

1920-е годы вошли в историю не только как время начала экспериментирования по реализации ранее провозглашённых идей, но и поиска и реализации принципиально новых смыслов, определяющих направленность дальнейшего развития советской страны. Соответственно, *требовалась переосмысление и уточнение сути общественного договора – переход от его военно-политических основ к мирному созидательному действию.*

Такой поворот в функционировании общественного договора был обусловлен тем, что к концу гражданской войны для советской власти достаточно отчётливо прозвучали тревожные сигналы. Было очевидно, что требуется кардинальное изменение всей государственной политики. Политика военного коммунизма дала серьёзные сбои. В стране произошло чудовищное разрушение экономики, были закрыты тысячи предприятий,

нарушены производственные связи. Экономика находилась в упадке: уровень промышленного производства сократился в 5 раз: к 1920 г. от составлял 17,8% по сравнению с 1913 г. [Забелин, 1927] или 19% к 1921 г. по сравнению с 1912 г. [Гольцман, 1924]. Производительность труда составила 18% от довоенного уровня (1913 г.). В 1922 г. в России производилось столько же металла, сколько в начале XVIII века при Петре I.

Рабочий класс, вложив силы в вооружённую борьбу с контрреволюцией и иностранной интервенцией, значительно уменьшился в своём составе. Значительная его часть подверглась деклассовости. Вследствие резкого падения уровня жизни во многих городах начала нарастать волна экономических забастовок и демонстраций.

Одновременно вследствие полной незаинтересованности крестьян увеличивать в условиях «военного коммунизма» посевы, производство зерновых на 1920 г. упало по сравнению с довоенным в два раза. Основная часть населения России – крестьянство – была недовольна продразвёрсткой. Показателем особой остроты положения стали открытые формы сопротивления, которые особенно наглядно проявились в марте 1920 г. в восстании матросов Кронштадта – крупнейшей военно-морской базы Балтийского флота и в так называемом Антоновском восстании в Тамбовской губернии, которое продолжалось с августа 1920 г. по август 1921 г. Участники этих и других более мелких очагов сопротивления открыто выступили против проводимой советской властью политики. Восставшие и протестующие требовали отмены политики военного коммунизма и отстранения большевиков от управления страной. Ситуация осложнялась тем, что засуха 1920 г. привела к огромным потерям урожая, а политика продразвёрстки это не учитывала. В той же Тамбовской губернии в 1921 г. собрали только 12 млн пудов зерна, а продразвёрстка предполагала сбор его в размере 11,5 млн пудов.

В следующем 1922 г. на это наложился неурожай, затронувший большинство регионов России, что привело к голоду и повлекло смерть миллионов людей в Центральной России, Поволжье, Украине, Казахстане. Согласно данным официальной статистики, голод охватил 35 губерний, с населением в 90 млн человек, из которых голодало не менее 40 млн (по официальным советским данным – 28 млн). Голод обернулся не менее чем шестью миллионами погибших, ростом заболеваемости во всех возрастных группах населения и сокращением продолжительности жизни [Революция... 2008: 446; Зима, 2015].

Колоссальной бедой, усугубившей социально-экономическое положение всего населения страны, стало распространение опасных заболеваний, среди которых особый урон принесла эпидемия различных форм тифа, свирепствовавших на территории большинства регионов. Только заболевших сыпным тифом в 1918–1923 гг. было зарегистрировано 7,5 млн человек. По оценке советского иммунолога и эпидемиолога Л. А. Тарасевича, реальное число заболевших тифом только в 1918–1920 гг. составило 25 млн человек. Погибло от «сыпняка», по неполным данным, более 700 тыс. человек [Тарасевич, 1970; Грабовская, 1970].

Таким образом, положение советской страны показывало, что её развитие не может продолжаться в прежних условиях. Политика военного коммунизма, будучи в определённой мере, оправданной в период ожесточённых сражений за власть, исчерпала себя. Созрела необходимость неотложного вмешательства в сложившуюся ситуацию. Прозорливость Ленина состояла в том, что он увидел источник опасности существования советской власти – дальнейшее продолжение политики военного коммунизма, её политическая ограниченность и возрастающая ущербность угрожали существованию самого государства и власти большевиков. И главное, о чём

было сказано на X съезде РКП(б) в марте 1920 г., ставилось под сомнение существование общественного договора, который базировался на совпадении интересов советской власти с рабочим классом и крестьянством.

Осознание этой опасности привело Ленина к неординарному выводу – необходимости коренным образом изменить политику, чтобы обеспечить и продолжить союз с народными массами, что нашло отражение в провозглашённой новой экономической политике (НЭП). Ленин одним из уроков Кронштадта считал, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России» [Ленин, 1970: Т. 43: 59].

Потребность в новой экономической политике диктовалось не только общими проблемами состояния национального (народного) хозяйства – была парализована жизнь крупных городов, в которых базировался рабочий класс. Так, в опустевшей Москве в 1920 г. жили 1,03 млн. человек по сравнению с 1618 тыс. в 1912 г. и 2017 тыс. в феврале 1917 г. Численность населения Петрограда в 1920 г. составила 799 тыс. человек по сравнению с предвоенным временем – 2347 тыс.

Кроме того, во время гражданской войны было разрушено много элементов производственной и социальной инфраструктуры: железные дороги, линии связи, энергоснабжение, функционирование обеспечивающих служб.

В социально-экономической сфере процветали такие явления, как спекуляция, мешочничество. Например, головной платок стоимостью 30 копеек на чёрном рынке шёл за 5 руб., пшеничная мука продавалось в 40 раз дороже торгсиновской (официальной) цены, рис, пшено, сахар – в 25–30 раз дороже [Осокина, 2022].

Многие районы были поражены стихией бандитизма. И не только политического, но и бытового. Говоря о преступных акциях в губерниях Советской России, становится очевидным, что их оценка только с точки зрения «осколков» гражданской войны недостаточна. Они были представлены различными актами: уголовщиной, дезертирством, бандитизмом остатков белогвардейских отрядов, а также открытым сопротивлением действиям советской власти. По данным военной разведки и ЧК, в 1921 г. только на Украине действовало 464 бандформирования (вместе с махновскими) [Марчуков, 2006]. Так как преступность была по своей природе разношёрстной, это облегчало органам советской власти вести борьбу против них, позволяя лавировать и использовать жёсткую борьбу с определёнными уступками, особенно в работе с дезертирами. Очевидно, что такая тактика дала свои положительные плоды, и к середине 1920-х гг. бандитское и любое другое вооружённое сопротивление в регионах Центральной России постепенно исчезло.

Осложняли укрепление общественного договора в национальных регионах различные формы национализма, в том числе радикального. Одни из них стремились решить задачи в рамках складывающейся социальной политики [Чеботарева, 2008]. Другие использовали вооружённую борьбу, которая была широко распространена, особенно на Украине, в Средней Азии и на Кавказе в виде басмачества, махновщины и подобных образований [Поляков, 1983].

Неблагополучно складывалась и ситуация с положением подрастающего поколения. Так как гражданская война лишила многих детей и подростков отцов и матерей, в огромных масштабах выросла детская преступность и безнадзорность (по одним данным, в 1921 г. насчитывалось 4,5 млн беспризорников, по другим – в 1922 г. – 7 млн).

В этих условиях советская власть предложила новые идеи, которые бы перестроили общественный договор, вдохнули в него новую жизнь. Этот этап оказался в значительной

степени самодостаточным, потому что большевики критически оценили настроения масс, их ориентации, их потребности и смогли ответить достаточно продуманной экономической и социальной политикой, хотя и проходившей не без сбоев, ошибок и просчётов.

Как перенастраивался общественный договор?

Суть изменений в общественном договоре в обретении новых граней в том смысле, что предложенные меры по мирному строительству нового общества совпадали с желанием людей воспользоваться завоёванными правами и строить новую жизнь по неизведанным, но привлекательным лекалам. На этом этапе в ответ на реальные потребности времени стало рождение и предложение различных путей решения проблемы формирования *человека-труженика* (в отличие от гражданской войны, когда на первое место выходил человек-воин). Этот поворот олицетворял потребности производства, необходимость решения новых общественно значимых целей – целей мирного созидания социализма. Этому способствовали пропаганда и внедрение в жизнь новых форм труда и обретения им принципиально новых черт.

В результате произошли существенные изменения во взаимоотношениях основных субъектов общественного договора.

Рабочий класс

Начало НЭПа рабочий класс встретил поредевшей социальной общностью: фабрично-заводских рабочих в 1921 г. насчитывалось всего 1,3 млн человек. С началом процесса восстановления экономики и открытия новых производств их численность стала быстро расти, пополняясь за счёт дру-

гих слоёв населения и главным образом крестьян. Его численность выросла с 8,5 млн в 1925 г. до 12,2 млн к 1929 г., причём в крупной промышленности – с 1,79 млн до 3,37 млн [Труд в… 1936].

В целом постепенно происходило улучшение материального состояния рабочих. К 1927 г. зарплата рабочих составила 90% их зарплаты довоенного уровня, что было большим достижением по сравнению с периодом военного коммунизма, когда доля зарплаты в бюджете снизилась до 20% [Орлов, 2010: 280–281].

Нэп породил явное противоречие в социальном положении рабочего класса: будучи господствующим в политическом плане (по официальным установкам), он подвергался прямой эксплуатации на частных предприятиях, на которых трудовой день нередко длился 16–18 часов, невзирая на трудовое законодательство [Орлов, 2010: 277].

Так как рабочий класс комплектовался в основном за счёт сельских жителей, он по своим мировоззренческим позициям был неоднороден. Однако при всех различиях в восприятии окружающей действительности в среде рабочего класса преобладала атмосфера *поддержки власти.* Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения с реально действующих производств. Так, в отчёте коллектива РКП(б) на заводе «Красная звезда» (1922 г.) утверждалось: «политическое настроение рабочих завода считать определённым в пользу Советской власти». Член Петросовета на собрании рабочих типографий Московско-Нарвского района (октябрь 1923 г.) писал: «каждый понял, что РКП проводит правильную линию для улучшения быта рабочих и крестьян» [Яров, 2014: 135, 160–161]. Наглядно и позитивно играл такой факт, когда часть рабочих продвигалась по карьерной лестнице, став выдвиженцами, занимали различные руководящие посты и не только на производстве [Фельдман, 2003].

Вместе с тем рабочие нередко проявляли и недовольство, хотя оно проявлялось в основном в отношении экономической ситуации: рост цен на предметы первой необходимости (после введения НЭПа тарифные ставки отставали от них), перебои в снабжении продовольствием, топливом, предметами первой необходимости. Актуальными были конфликты из-за недовольства ситуацией на предприятии: низкие зарплаты, задержки в выплатах; высокие нормы выработки; грубость администрации, бездействие профсоюзных организаций, их бюрократизация; проблемы с обеспечением спецодеждой и др. (в Тюменской области [Скипина, Пастух, 2013], Средневолжском регионе [Лютов, 2007], Уральской области [Воробьев, 2019], Петрограде [Яров, 2014].

В то же время происходила стабилизация настроений рабочих: количество забастовок стало постепенно снижаться: с 538 в 1922 г. до 196 в 1925 г., численность участников тоже: с 197 тыс. до 37,6 тыс. [Струмилин, 1923]. Это было обусловлено реакцией и вмешательством государства в решение проблем протестного движения. Устранение конфликтных ситуаций осуществлялось путём достижения компромиссных договорённостей, принятия специальных решений в сфере социальной политики: 1) уступки – забастовки добровольно прекращались при выполнении экономических требований [Яров, 2014]; 2) применялись административные изменения (напр., назначение нового управляющего [Лютов, 2007: 66]); 3) подавление, карательные меры – обвинение в контрреволюционных действиях и увольнение [Фельдман, 2003].

В тоже время недовольства экономического плана не перерастали в политический протест. «Настроение рабочих «вполне удовлетворительное и устойчивое», «бодрое и уверенное, и всецело на стороне власти Советов и РКП» (секретарь губкома РКП(б) в закрытом письме в ЦК РКП(б), Симбирская губерния, начало 1924 г.) [Лютов, 2007]; в Уральской области:

«большинство рабочих лояльно относилось к советской власти, которую считали «своей»» [Воробьев, 2019: 217].

В общем шёл непростой процесс формирования обновлённого рабочего класса, который в своём большинстве ещё опирался в своей деятельности на крестьянскую психологию. Поэтому усвоение принципов и навыков поведения, присущих «старым» рабочим кадрам, шло с большим трудом. Но постоянное напоминание им, в том числе и при помощи официальной пропаганды, что они являются передовым и ведущим классом в стране, опорой советской власти, постепенно формировали у этих людей качества ответственности, понимания целей государства и желания сотрудничества с нею.

Это проявлялось в практических шагах по участию в решении конкретных производственных задач. Всячески поддерживалась инициатива, побуждалась активность, пропагандировалась идея, что дела производственные и личные являются неразрывными в достижении общей цели – строительства нового общества.

Напомним, что такие инициативы и примеры искреннего энтузиазма, как субботники, нашли выражение ещё в ранние годы советской власти. Они были действительно добровольными и участвовали в них в основном коммунисты (комсомольцы) и так называемые «сочувствующие». Уже на этапе своего появления они получили высокую оценку в статье В. И. Ленина «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»)» как предвестники коммунистического труда. Впоследствии субботники (обычно приуроченные к праздничным датам) стали привычной, характерной чертой «социалистического образа жизни». Советской идеологией субботники рассматривались как одно из средств «коммунистического воспитания масс», становились мерилом общественной активности человека.

Постепенно формы трудового энтузиазма приобретали новые облики. Для примера приведём такую акцию. 16 июля

1925 г. состоялся первый полёт дирижабля «Московский химик-резинщик», собранного на средства рабочих химической промышленности на заводе «Каучук» по проекту, подготовленному в КБ Туполева. Этот дирижабль пролетал до 1930 г. в общей сложности 432 часа 29 минут, а его корпус был потом использован при строительстве дирижабля СССР «В-4». В этом эпизоде знаменателен не только сам факт строительства дирижабля, но и искренний почин рабочих сделать для нового общества новаторское, перспективное изделие, которым бы гордились и они, и вся страна. И это был не единичный акт. Таких действий было множество – общественно полезный добровольческий труд воплотился в новые формы сознательного участия в решении актуальных проблем в окружающей действительности – от участия в строительство новых заводов, гидростанций, шахт, в отклике на мобилизационные призывы по реализации народнохозяйственных проблем до самодеятельного участия в строительстве клубов, кинотеатров, дворцов культуры, школ, стадионов.

В этот период была осуществлена работа по совершенствованию организации труда, что было связано с обращением к побудительным мотивам поведения людей сформировать новые трудовые установки.

Крестьянство

Что касается позиции и форм участия крестьян в общественном договоре, то они были удовлетворены реализацией провозглашённого лозунга «Земля – крестьянам». Этот процесс имел и ярко выраженные социальные последствия, что проявилось в том, что произошло уменьшение социального расслоения деревни и улучшение социально-экономического положения беднейшего крестьянства. Показательны данные по трём волостям Тверской губернии. Так, если в 1920 г. безземельных крестьян было 13%, то в 1926 г. их стало 7%. Если лошадей в личной собственности в 1920 г. имел 1% крестьян, то в 1926 г. – уже 6% [Большаков, 1927: 138].

В то же время выявилась и объективная тенденция: крестьяне после получения земли в своё распоряжение осуществили, во многом стихийно, поиск новых форм ведения хозяйства. Ведь очень быстро выяснилось, что в одиночку справляться со всеми сельскохозяйственными заботами не только затруднительно, но и невозможно. Именно под давлением объективных обстоятельств стали возникать различные виды кооперации.

Среди организационных форм коллективных хозяйств преобладали товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы); имелись также сельхозартели и коммуны. Так, в 1929 г. их количество достигло 60 тыс., объединив 1 007 700 индивидуальных хозяйств. Анализ и описание реальной жизни нескольких волостей в Тверской губернии показал, что в середине 1920-х годов существовало 14 различных форм хозяйствования (от индивидуального ведения хозяйства и простейшей кооперации – товарищества по совместной обработке земли до такой формы, как коммуна), которые конкурировали между собой по эффективности ведения хозяйства и готовили естественный процесс преобразования деревни [Большаков, 1927].

Такое направление аграрной политики по поддержке всех форм хозяйствования при всех ошибках и просчётах обеспечило продолжение доверия советской власти. Наглядно на деле произошёл рост экономического благополучия крестьян после получения ими земли и её использования согласно личным планам и устремлениям. У крестьян появилась экономическая заинтересованность в производстве сельскохозяйственной продукции, что позволило быстро насытить рынок продовольствием и преодолеть последствия голодных лет «военного коммунизма». В результате этих преобразо-

ваний уже в 1929 г. сельскими кооперативами было произведено около 400 млн пудов и дано товарного хлеба более 130 млн пудов, т. е. столько же, что и единоличные хозяйства [Рогалина, 1989].

На наш взгляд, если бы государство поддержало многообразие форм кооперации, то в процессе последующего развития произошёл бы естественный отбор лучших её образцов, и в дальнейшем бы не пришлось сталкиваться с огромными масштабами неэффективности только колхозных и совхозных форм организации сельского хозяйства. В этой связи можно только отметить видение Лениным в своей одной из последних работ «О кооперации» будущего крестьянства, которое он связывал с «кооперативными операциями, в которых кооператоры должны втягивать «всё мелкое крестьянство» путём экономических льгот и выгод [Ленин, 1970: Т. 45: 372].

В этих рассуждениях Ленина нет ничего о кулаках. Что, возможно, подтолкнуло Бухарина выступить с критикой Преображенского, настаивавшего на том, чтобы решать проблемы индустриализации за счёт деревни, не жалея её «мелкобуржуазного уклада». У Бухарина была принципиально иная позиция. Он выдвинул лозунг «Обогащайтесь» в докладе «О новой экономической политике и наших задачах» на собрании актива Московской партийной организации 17 апреля 1925 г.: «Всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство». Но лозунг ставил под сомнение путь, который был нацелен только на осуществление коллективизации, предлагая и другие методы осуществления аграрной политики. И он был отвергнут как ортодоксами («богатый крестьянин – это нокаут октябрьской революции»), так и теми, кто видел в этом предложении отсутствие поиска финансовой опоры для проводимых преобразований. Именно последних поддержал Сталин – бухаринское мнение было осуждено. И хотя сам Бухарин от него отказался, но это стало одним из обвинений в проводимом в 1938 г. судебном процессе.

Однако во второй половине 1920-х годов возникло новое противоречие, которое повлияло на состояние общественного договора между крестьянством и государством. К этому времени крестьяне, получившие землю в своё полноправное владение и использование согласно декрету о земле, окрепли, тем более, взаимоотношения с государством строились по наиболее приемлемому для крестьянства методу – продовольственному налогу. Однако этот метод просуществовал недолго. Уже в 1923 г. на XII съезде партии выступил Каменев и предложил заменить продналог сельхозналогом в денежном выражении, что уже в 1925–1927 гг. породило опасную ситуацию – кризис хлебозаготовок. Это был явный недоучёт реальных рыночных отношений, которые складывались в то время под влиянием политики НЭПа. И это было вполне закономерно – уплата деньгами зависела от возможности продать зерно как можно дороже. И вместо решения этой конфликтной ситуации на пути поиска согласования интересов государства и крестьянства был запущен репрессивный механизм насильственного изъятия хлеба. А так как излишки хлеба были в основном у зажиточных крестьян, его изъятие было осуществлено методами времён военного коммунизма (благо, в управлении было немало тех, для кого это было привычным делом). Сопротивляющихся и не желающих отдавать хлеб объявляли кулаками и к ним стали применять репрессивные меры. В результате произошло осложнение отношений по применяемым товарно-финансовым отношениям (низкая цена за продукцию, усиление принудительных мер при реализации налоговой политики), что привело к проявлению массового недовольства, вплоть до отказа выполнять предписываемые им обязательства и даже вооружённого сопротивления.

В этой ситуации был проигнорирован богатый опыт хозяйствования на земле уже после получения её в собственность. Но требовалось осуществить поиск выхода из создавшегося положения. И он был найден – коллективизация, которая имела оправдание в том случае, если бы она не проводилась под большим нажимом, а нередко и насильственно [Петров, 2006].

Специалисты

Переходу интеллигенции на позиции советской власти способствовало привлечение многих из них к кардинальным изменениям в руководстве экономикой страны, когда они могли в полной мере опираться только на свой профессиональный долг. Но среди них немало было таких, кто постепенно дрейфовал по мере ориентации на складывающуюся экономическую и политическую ситуацию и приспосабливался к существующим реалиям.

В целом же отношение интеллигенции к советской власти менялось в положительную сторону, так как в эти годы были приняты меры, которые обеспечили переход интеллигенции на позиции соблюдения и поддержки общественного договора. «Без знаний и умений, которыми они обладают, пролетариату не обойтись. Поэтому надо временно пойти им на уступки. В итоге рабоче-крестьянская власть получит от их работы прямую выгоду, и вскоре рабочий сможет овладеть их знаниями и принять на себя их дела. А сейчас труд «спецов» нужно щедро оплачивать: «Мы не собираемся лишать их пока привилегированного положения», «в этом отношении мы должны <…> признать известный “компромисс”» [Ленин, 1969: Т. 36: 310; Ленин, 1970: Т. 44: 198–199].

К специалистам с марта 1920 г. начинает применяться практика «премиальных систем» и иных дополнительных

вознаграждений, которая гарантировала получение высоких окладов. В октябре 1923 г. премиальные выплаты были объединены в сравнительно чёткую схему «персональных окладов» и «премий за выполнение специальных заданий». Быстро растёт и максимальный уровень заработной платы, положенный высококвалифицированным «спецам». На VI съезде профсоюзов (1924 г.) была принята шкала выплат специалистам, устанавливавшая чрезвычайно высокие ставки. Росла не только их заработная плата – в августе 1921 г. особым декретом оговаривалось, что для инженерных и технических работников должны быть созданы благоприятные юридические, научные и материальные условия для того, чтобы они в своей практической деятельности сплотились с рабочим классом. В своих правах они были приравнены к рабочим [Мэтьюз, 1992: 48–50].

Всё это достаточно быстро привело к успешному решению многих проблем восстановления разрушенной экономики, началу разработки принципиально новых задач и их эффективному осуществлению. Этот процесс одновременно сопровождался участием инженерно-технической интеллигенции не только в восстановлении прежних производств, но и в проектировании, строительстве и вводе в строй предприятий, отвечающих новым потребностям технического прогресса. И это наглядно проявилось в массовом осуществлении как фундаментальных, так и прикладных задач.

Показательно в этом отношении участие учёных и инженеров в разработке плана ГОЭЛРО, в подготовке которого основную массу составляли специалисты, с удовлетворением принявшие участие, видя в этом плане рациональное решение назревших технических и технологических задач в интересах развития страны. Этот план стал активно воплощаться в жизнь именно в годы нэпа: в 1925г. состоялся ввод в строй Шатурской электростанции (начало строительства

в 1923 г.) – самой крупной торфяной станции в мире, а в 1926 г. начала функционировать Волховской ГЭС. [План электрификации... 1955].

Следует особенно сказать о направлении, которое было связано с машиностроением как ключевой отраслью экономики. Так, в 1924 г. был выпущен первый советский трактор. В этом же году состоялась первая сборка советского грузового автомобиля АМО-Ф-15, серийно производившего его с 1924 г. по 1931 г. и выпустившего за это время 6465 грузовиков грузоподъёмностью в 1 и 1,5 т. В 1928 г. в Ижевске из опытного производства вышли первые образцы отечественных мотоциклов ИЖ-1 (создатель и испытатель П. В. Можаров). В июле 1923 г. состоялся первый регулярный авиаполёт из Москвы в Нижний Новгород, что стало точкой отсчёта появления гражданской авиации в Советской России. Были достижения, которые предваряли наступление эры массовой коммуникации: в 1924 г. в Нижнем Новгороде была открыта третья радиостанция, вещающая на весь мир. Это успешное сотрудничество было продолжено и в процессе реализации политики индустриализации.

Говоря об общественном договоре в этот период времени, нужно сказать, что и на этом этапе продолжались достаточно противоречивые взаимоотношения с интеллигенцией. Наряду с участием значительных групп интеллигенции, которые поддержали советскую власть и сотрудничали с ней, были включены в разработку и подготовку различных проектов и планов (достаточно сказать, что в подготовку плана ГОЭЛРО было вовлечено около 200 специалистов). Немало представителей из старой интеллигенции занимало ответственные посты не только в руководстве народным хозяйством, в культуре, науке, но и на государственных должностях, вплоть до занятия постов руководителей наркоматов и других правительственных структур.

Вместе с тем при всех перипетиях во взаимоотношениях с российской интеллигенцией в этот период начала создаваться новая советская интеллигенция посредством развёртывания учебных заведений высшего и специального образования (подробнее см.: гл. 13). Эта новая интеллигенция, как нередко говорилось в официальных документах, вышла из крови и плоти народа, и которая вместе с перешедшей на сторону советской власти дореволюционной интеллигенцией не только обеспечила выполнение многих грандиозных планов первых пятилеток, но и вместе с научной интеллигенцией реализовала такие впечатляющие проекты, как создание самолётостроения, станкостроительной индустрии, оборонной промышленности.

Говоря об интеллигенции, на наш взгляд, следует упомянуть такие события, которые знаменовали существенное изменение настроений не только среди оставшихся в стране, но и убывших (мигрировавших) в период гражданской войны, *которая не приняла Октябрьскую революции, но начала менять своё отношение к Советской власти* в условиях перехода Советской России к мирному строительству. Это наглядно выявилось в сменовеховстве, общественно-политическом течении русской буржуазной интеллигенции (главным образом эмигрантской) в 1920-х гг., которое выражало буржуазно-реставраторскую идеологию новой (нэпманской) буржуазии в России. Этот термин произошёл от названия сборника и журнала «Смена вех», выпускаемых в 1921–1922 гг. в Праге и Париже группой кадетско-октябристских деятелей (Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин). Главными направлениями деятельности сменовеховцев были призыв к сотрудничеству новой буржуазии с советской властью в надежде на перерождение Советского государства, на возможный государственный переворот, позднее – великодержавно-шовинистическая трактовка образования СССР. Всех их

объединяла также возможность принятия большевистских преобразований ради сохранения единства и мощи российского государства [Квакин, 2006].

Как согласовывались интересы в сфере социально-экономических отношений

Переналадка общественного договора началась с реализации основных мер новой экономической политики: продразвёрстка была заменена продовольственным налогом, легализовалась свободная торговля, частные лица получили право заниматься кустарными промыслами и открывать промышленные производства. Мелкие национализированные предприятия передавались прежним владельцам. Особо подчеркнём, что восстановлению и развитию экономики способствовало возвращение предприятий частным владельцам, если число привлечённых работников не превышало 100 человек.

В 1922 г. было признано право на аренду земли и использование наёмного труда; отменены трудовые повинности и трудовые мобилизации. Эти меры были направлены на то, чтобы заинтересовать широкие социальные слои в результатах своей хозяйственной деятельности и на этой основе получить от них доверие по дальнейшему управлению страной. Это позволило мобилизовать частную инициативу, привлечь на свою сторону и создать условия для значительного слоя так называемых нэпманов, людей, способных наладить производство и в первую очередь необходимых товаров широкого потребления.

Собственно говоря, концепция НЭПа включала идеи об использовании товарно-денежных отношений, развитие и функционирование всех форм собственности – государственной, кооперативной, частной, смешанной. Этими решениями была разбужена инициатива многих тысяч индивидуальных действий, в том числе и в сфере предпринимательства, что

достаточно быстро исправило положение в большинстве отраслей экономики, особенно тех, которые были нацелены на удовлетворение повседневных нужд населения.

Вступление страны в новую экономическую политику стало серьёзным испытанием для общественного договора, с перенастройкой общественного сознания и поиска новых форм сотрудничества и прежде всего с трудовым народом. Этому способствовало то, что от методов принуждения в регулировании трудовых отношений государство переходит к методам *свободного найма рабочей силы* с заключением добровольного трудового договора. В апреле 1921 г. был разрешён *свободный переход с предприятия на предприятие* (постановлением Совнаркома РСФСР). Но особую роль сыграло введение в ноябре 1922 г. нового КЗоТ РСФСР, который просуществовал до 1977 г.), в котором законодательно была отменена уравниловка в оплате труда, закреплено право *на гарантированную государством зарплату в зависимости от количества и качества затраченного труда*, не ниже установленного минимума, определяемого государственными органами для соответствующих категорий труда. В этот же период был внедрён институт *коллективного договора* (между профсоюзом и работодателем) по вопросам тарифных соглашений, коллективно утверждаемых правил внутреннего распорядка, специальных соглашений о нормах выработки. Стоит отметить также, что в октябре 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции объявлен *курс на переход* фабрично-заводских рабочих с 8-часового на 7-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд. Но в этот период начали формироваться уравнительные тенденции в оплате труда. Идя навстречу пожеланиям значительной части (прежде всего малоквалифицированных) рабочих, в 1928 г. была осуществлена тарифная реформа, которая нивелировала оплату всех видов труда, усиливала ориентацию на повременную оплату и резко ограничила приработки [Орлов, 2010: 283].

Эти акции наглядно демонстрировали стремление государства решить насущные потребности трудового народа, и в первую очередь рабочего класса, создать условия для рационального и приемлемого жизнеустройства, и на этой основе укрепить общественный договор. Это касалось и таких участников восстановления развития производства, как инженерно-техническая интеллигенция, в экономическом сознании которых начали происходить изменения. Переход к мирной жизни породил желание сотрудничать с советской властью, начиная от производственных дел, связанных с восстановлением разрушенной экономики, до участия в различных экспериментах и попытках найти новые формы самовыражения в культуре и искусстве. Примечательно, что этот почин во многом связан с инженерной и творческой мыслью. В 1921 г. состоялась I Всероссийская конференция по проблемам научной организации труда и производства, на которой были обсуждены вопросы применения тейлоризма в советской промышленности. Её организаторы исходили из того, что идеи Тейлора применимы в любой общественно-экономической системе, и надо только учесть специфику страны, в которой они реализуются. Этот почин особенно активно реализовывали А. Гастев, возглавивший Центральный институт труда, П. Керженцев, ратовавший за сокращение и более интенсивное использование рабочего времени. Теоретики проблем управления А. Богданов и О. Ерманский предложили способы и методы инженерного решения проблем организации крупных производств.

В 1925 г. возобновило свою работу Русское техническое общество, рождённое ещё в 1866 г. Оно приняло новый устав и программу «Об основных нуждах промышленности», в которых были сформулированы практические шаги по участию инженеров в реализации планов строительства новой экономики. Позднее, в 1931 г., оно было разделено на несколько инженерно-технических обществ.

Все эти акции в той или иной мере способствовали решению задачи участия этих людей в поддержании и сохранении общественного договора, так как знаменовали согласование интересов государства и многих социальных общностей и групп.

В этот период были реализованы принципиально новые реформаторские идеи – наряду с перенастройкой Высшего Совета Народного хозяйства в феврале 1921 г. при Совете Труда и Обороны была образована Государственная общеплановая комиссия (Госплан), которая стала осуществлять координирующую работу всех участников экономической сферы (1923 г.). Деятельность Госплана стала важным этапом в развитии, поддержании и укреплении общественного договора. Именно в его недрах стали реализовываться не знаемые исторической практикой проекты – разработка и реализация первых народнохозяйственных планов, которые показали возможности достижения как экономических целей, так и создания позитивного образа жизни в стране. Эти первые опыты планирования со всей очевидностью подтвердили, что стихийная реализация ранее провозглашённых целей не гарантирует успеха по созданию нового общества, не отвечает потребностям по решению как текущих, так и перспективных задач провозглашённого социалистического строительства.

Госплан сначала имел права лишь совещательного органа и не обладал государственными полномочиями. Но он начал осуществлять принципиально важную, новую функцию – на первых порах создавал планы экономического развития отдельных отраслей народного хозяйства. Так, содержание хозяйственного плана на 1921/1922 гг. сводилось к решению продовольственного вопроса, к созданию продовольственного баланса в стране. Были другие плановые разработки, нацеленные на преодоление транспортной разрухи, топливной проблемы, на восстановление довоенного экономического потенциала. За первый год своего существования президиум

Госплана рассмотрел 17 планов развития годовых или полугодовых планов развития отдельных отраслей или производственных объединений [Струмилин, 1963: 192]. В результате этих действий Госплан внёс значительную лепту в налаживание нормального функционирования отраслей народного хозяйства и, как следствие, в нормализацию труда миллионов людей, в улучшение материального благосостояния. Общий размер семейного бюджета к 1926 г. вырос до 165% от уровня 1922 г. при том, что в 1921 г. составлял 40% к уровню 1912 г. [Гольцман, 1924].

Постепенно пришло осознание того, что целенаправленное решение проблем нового советского общества может быть осуществлено только путём ориентации на его плановое развитие, что, как показал первый опыт, ориентирует людей на поддержку официальной власти и её органов. «Только то строительство может заслужить название социалистического, которое будет производиться по крупному общему плану, стремясь равномерно использовать экономические и хозяйственные ценности» [Ленин, 1969: Т. 37: 21–22].

Следующим этапом в совершенствовании теории и практики управления страной стали разработки уже не годовых, а перспективных планов развития всего народного хозяйства. Их подготовка и разработка отражали новую установку – индустриализацию, которая приобрела статус официальной политики на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г., который одновременно и закрепил новое название партии – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

Первыми опытами долгосрочного планирования стали планы на 1923/24 – 1927/28 гг., подготовленные группами Р. Я. Гартвана – по металлургической промышленности, И. А. Калинникова – по основным отраслям промышленности, А. А. Неопиханова – по транспорту, Н. Д. Кондратьева – по сельскому хозяйству. Хотя они и не были полностью

реализованы, но послужили одной из основ при разработке проектов долгосрочных планов. Согласно решению первого съезда плановых работников (1926 г.). Госплан СССР представил три проекта перспективных планов на 1925/26 – 1929/30 гг., затем на 1926/27 – 1930/31 гг. и, наконец, на 1925/26 – 1931/32 гг.). Именно на опыте разработки этих планов был затем подготовлен тот пятилетний план, который стал реальностью. Значительное количество технической интеллигенции было привлечено к его подготовке, среди которых особо следует отметить комиссии под руководством П. С. Осадчего, Н. А. Ковалевского и Г. И. Ломова [Тощенко, 1981: 24–40].

Эти планы были воплощением не только экономического развития, но и мобилизации широких масс, особенно крестьянских, и в известной мере интеллигенции. Особо отметим, что этот опыт произвёл впечатление на многие страны мира, и ряд из них стал прибегать к советскому опыту планирования, хотя в модифицированном виде.

Одновременно была перенастроена работа Государственного банка, который наладил финансовые отношения в стране, что привело к поразительно быстрому результату – в 1925 г. рубль («червонец») стал конвертируемой валютой.

Пример создания и функционирования Госплана, Госбанка и других финансово-экономических органов примечателен тем, что большинство их сотрудников представляло прежнюю «буржуазную» интеллигенцию, так называемых спецов (по тогдашней терминологии), которые стали выполнять свой профессиональный долг – решать созидательные задачи по налаживанию нормальной жизни населения страны. Именно в период НЭПа массовым стало привлечение многих специалистов, значительного числа представителей высококвалифицированного труда к разработке и реализации новых начинаний советской власти. Многие российские ин-

теллигенты увидели в такой деятельности смысл и назначение своей работы, которая была востребована новой властью без всякого рода идеологических обязательств.

Определённую лепту в успешность НЭПа внесло признание советской страны – в 1922 г. была прервана торговая блокада Атланты. Примечательным стал и факт роста поддержки советской России многими интеллектуалами европейских стран. Так, известный исследователь Нансен помимо непосредственного, личного участия в ликвидации голода опубликовал немало статей в Норвегии, Дании и других странах о возрождении жизни в России и необходимости оказания помощи ей. Он отмечал заслуги Дзержинского (по транспорту) и Вейнкмана (по финансам), призывал оказывать поддержку созидательным силам страны (Новости 100-летней… 2023; Гудок. 1923. 17 апреля).

В целом НЭП привёл к быстрому оживлению экономики. Его результаты впечатляли: темпы экономического роста в 1921–1926 годах составили в среднем 18% в год, сбор зерна вырос в 2,1 раза, превысив показатели 1913-го. НЭП предложил миру новый вектор развития – теорию и практики нового экономического, социального, культурного устройства, которые тогда ещё не апробировали нигде: долгосрочное планирование, нацеленное на реализацию грандиозных научно-технических, социальных, культурных и образовательных сдвигов. Успешно реализовывалась теория и практика формирования смешанной экономики. Поддерживались всякие инициативы по развитию учёта, контроля, самоуправления [Бузгалин, 2021].

Все эти меры обеспечили переналадку общественного договора: основные слои населения были удовлетворены мерами по налаживанию экономических основ своего бытия и ясными для них перспективами улучшения своей жизни.

Основные ориентиры сотрудничества и доверия в политической сфере

В этот период произошёл ряд знаменательных событий в политической жизни страны. В декабре 1922 г. возник Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Это потребовало переосмысления действующей Конституции РСФСР 1918 г. и учёта интересов новых участников этого договора – народов других республик. Знаменательно, что эти принципиальные проблемы нового государственного устройства были оперативно решены и воплощены в первой Конституции СССР, принятой в 1924 г. Одна из важнейших особенностей этого документа состояла в том, что в нём предлагалось принципиально новое решение проблем национальных отношений, которых не знала ни одна страна в мире.

Особо отметим, что именно в этих документах, а потом в политической практике впервые было и осуществлено употребление слов «советский (-ая, -ое)» по отношению к человеку, народу, хотя это понятие в Конституции РСФСР 1918 г. относились к стране – к российской советской социалистической республике. Это слово появилось в названиях, образовавшихся то время Украинской, Белорусской и Закавказской республик, а также в официальных наименованиях всех уровней территориально-административной организации страны – Советы депутатов трудящихся (народных депутатов). Иногда оно употреблялось в отношении преобразований в экономике, в праве, хотя значительно чаще использовался термин «социалистический (-ая, -ое)». Понятие «советский человек» «советские люди» появилось и в художественной литературе этих лет.

С окончанием войны начался этап развития советской демократии. В стране сложилась «особая политическая атмосфера. Не было не то что культа вождя – вождя ещё не было. Были Рыков, Дзержинский, Киров, Сталин, Бухарин,

Троцкий. Было реальное соперничество разных теорий и практик созидания социализма, одетое в форму внутрипартийной борьбы. Была чёткая, последовательная, жёсткая, но не бессмысленно жёстокая линия: из России нэповской будет Россия социалистическая» [Бузгалин, 2021].

В этот период шла переналадка советского государства, позицию которой определяла большевистская партия. Ведь с началом новой экономической политики остро встало решение такой принципиальной цели, как все же строить новые политические отношения, как развивать социалистическую демократию. Наступившие новые времена требовали воплощения в реальную жизнь ранее провозглашённых принципов общественного договора, что предполагало разработку более детальной программы их реализации. До этого многое осуществлялось стихийно, спонтанно, и не всегда последовательно. Тем более, что ещё в марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) Ленин говорил, что «дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – этого мы не знаем, этого мы сказать не можем» [Ленин, 1969: Т. 36: 64].

Поэтому вполне понятно, что среди сторонников революции и прежде всего в рядах большевиков возникли разные толкования способов и методов решения такой принципиальной задачи – как строить социализм и определять его политическое лицо. Не было единства (и это нашло отражение в существовании различных политических ориентаций и фракций) и в самой партии большевиков. В отличие от гражданской войны, где чётко определялись сторонники и противники советской власти, новая экономическая политика внесла раскол в ряды строителей нового общества [Шишкин, 1997].

Провозглашённая новая экономическая политика (НЭП) вызвала серьёзные разногласия и неоднозначные толкования. Многие революционно настроенные коммунисты и комсомольцы не приняли такой поворот, считая это предательством идей мировой революции, неоправданной уступкой и даже капитуляцией перед буржуазией. Часть коммунистов и населения оценили эту политику как поражение, как отступление и отказ от ранее провозглашённых целей, в том числе и от осуществления мировой революции.

Такие оценки были широко распространены и довлели в сознании многих приверженцев социалистической революции. Такая позиция ставила под удар не только саму партию большевиков, но и подрывала основы общественного договора, сложившегося после Октябрьской революции. В результате возникли многочисленные коллизии: часть членов партии вышли из её рядов или были исключены за поддержку оппозиции внутри партии в связи с обострением обсуждений путей дальнейшего развития страны. Это столкновение было достаточно острым.

Для установления мировоззренческого единства в 1921 г. была проведена генеральная чистка партийных рядов РКП(б). Согласно партийной переписи весны 1922 г., численность партии за год сократилась с 732 тыс. до 410 тыс. человек. Более 1/3 было исключено за протест против введения НЭПа, а также за «нестойкость», «лодырничество», «как ненужный элемент» (аналоги: «сомнительный», «колеблющийся», «балласт», «неподготовленный» и т. д.). Часть из них была исключена за «дискредитацию советской власти», «шкурничество», «карьеризм», «пьянство», «буржуазный образ жизни», «разложение в быту», в том числе за религиозные убеждения, взяточничество [Ратьковский, Ходяков, 2021]. Освобождение от этих радикальных и дискредитирующих членов партии способствовало укреплению доверия к советской власти в плане обеспечения новой политики по отношению к работающему населению.

Разногласия по поводу путей развития страны продолжались до конца 1920-х годов. Так, в то время как за позицию

ЦК ВКП(б) о возможности строительства социализма в одной стране из 413 производственных ячеек проголосовало 346, за оппозицию – 32 ячейки (2970 человек). Позицию, которая ассоциировалась с Л. Троцким, поддержали 67 партийных ячеек, в основном вузовские (6594 человека) [Бубнов, 1931: 729; Березкина, 2022: 109]. Острые дискуссии проходили и в низовых партийных организациях. Так, в результате разногласий на металлургическом комбинате в Днепропетровске партийная организация в 1927 г. сократилась на 1500 человек. В 1928 г. было зафиксировано 7,4% случаев организации забастовок против имеющихся просчётов и ошибок, которые возглавляли коммунисты и комсомольцы (Н.Г. 2021, 7 сентября).

Но в целом авторитет советской власти и партии большевиков среди населения был высок. Большинство населения было убеждено, что многие экономические и социальные задачи успешно решались. О росте их влияния свидетельствует такой знаменательный факт, как ленинский призыв в партию большевиков, который был объявлен 23 мая 1924 г. и который превратился в массовое включение многих людей в более активное участие в созидании нового общества. Партия по результатам этого призыва увеличилась на 400 тыс. членов. Это было проявление особого отношения части трудового народа. Как писал Маяковский, «стала величайшим коммунистом-организатором даже сама Ильичёва смерть».

Так как провозглашённый общественный договор предусматривал привлечение трудового народа к управлению государством и обществом, то он выразился в политике поддержки разных форм его участия в деятельности всех основных звеньев советской власти. Особенное и значительное внимание было уделено рабочим. Они преобладали в структуре депутатов всех уровней. Именно пролетарское происхождение в большинстве случаев было одним из оснований

для участия в деятельности уездных, губернских и республиканских съездов Советов. Так, в 1921 г. в состоявшихся 13 республиканских съездах Советов присутствовало 7264 делегата, преимущественно представители рабочего класса и трудового крестьянства. В 1922 г. таких съездов было 19, а делегатов на них – 79 031. В составе делегатов IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.) рабочих насчитывалось 39%, крестьян – 20%. На X Всероссийском съезде Советов (декабрь 1922 г.), рабочих было 44,4%, крестьян – 26,8%; на XI съезде (декабрь 1923 г.) – соответственно 51,9 и 28,4% (с правом решающего голоса).

К непосредственному управлению делами общества и государства привлекались не только представители рабочего класса (хотя это оставалось приоритетом), но и более широкие слои населения. Принимался ряд мер для вовлечения беспартийных рабочих и работниц, крестьян и крестьянок, молодёжи в работу городских и сельских Советов. Циркуляр ЦК РКП(б) «О привлечении беспартийных к советской работе» (август 1921 г.) ставил задачу добиться увеличения числа «способных практических работников-организаторов в советском аппарате, непосредственно знакомых с условиями жизни и нуждами рабочих и крестьян».

В эти годы часто созывались широкие беспартийные конференции рабочих, крестьян, красноармейцев. В течение первых трёх лет восстановительного периода только в РСФСР и БССР было проведено около 4 тыс. рабоче-крестьянских и иных конференций, на которых присутствовали сотни тысяч делегатов.

Для того чтобы обеспечить руководящую роль пролетариата, советская избирательная система предоставляла преимущества (более широкую норму представительства) на выборах рабочему классу по сравнению с крестьянством. Городская и сельская буржуазия была лишена политических

прав, не участвовала в выборах в Советы. Однако число лишенцев (т. е. лишённых избирательных прав) в общей массе населения было крайне незначительным. Во время избирательной кампании 1922 г. лишенцы в сельской местности составляли 0,74%, в городах – 5% взрослого населения.

Серьёзное значение в деле вовлечения трудящихся в государственное строительство имели в то время органы рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Их задачей, по словам В. И. Ленина, было исправление недостатков государственного аппарата, борьба с бюрократизмом и обучение представителей рабочих и крестьян управлению страной. В штате РКИ находилось 2 тыс. делегированных рабочих с оплатой их труда за счёт предприятий. РКИ получила право привлекать для участия в массовых обследованиях в течение года 50 тыс. рабочих и крестьян (на срок не более семи дней). К началу 1922 г. на фабриках и заводах Российской Федерации было организовано свыше 12 тыс. ячеек содействия РКИ, в которых состояло 119 тыс. человек. За первые два года восстановительного периода в работу РКИ только по РСФСР было вовлечено около 150 тыс. рабочих и крестьян.

Что касается участия в политической жизни крестьянства, можно увидеть процесс поиска рационального устройства своего положения в новых условиях. В исследовании А. Н. Большакова «Деревня (1917–1927)» описывается, как шло становление сельского самоуправления в рамках рекомендуемых форм власти в виде Советов крестьянских депутатов, народных собраний, но очень своеобразно трактуемых ими применительно к специфике практически каждого поселения. А. М. Большаков описывает многообразные и противоречивые и даже конфронтационные попытки трактовать и понимать, как должна быть устроена местная власть. Противоречия возникали не по поводу советов как формы власти, а по поводу того, как её реально и эффективно использовать,

чтобы максимально учесть интересы всех групп крестьян. А. М. Большаков описывает, как изменялись, предлагались и действовали созданные по инициативе сельчан всевозможные комиссии и комитеты. В результате произошёл поворот и по отношению к политическому участию и желанию влиять на дела волостной политической власти. Если в выборах на местном уровне участвовали в 1923 г. 15%, то в 1924 г. – 23%, а в 1925 г. – 62% крестьян этих волостей [Большаков, 1927: 140, 178]. В целом можно считать, что в этот период самоорганизация крестьян проявила себя в полной мере и позволила большинству их них считать себя лично причастными к решению волнующих их жизненных проблем, что реально свидетельствовало о превращении местных советов в органы народовластия.

Таким образом, такие основные субъекты общественного договора, как рабочие и крестьяне, активно включились в решение проблем управления на всех уровнях социальной организации общества, хотя этот процесс происходил не без издержек и ошибок, но в свободном поиске разных форм утверждения нового жизнеустройства.

Среди влиятельных сил, способствующих укреплению общественного договора, следует назвать армию. Если в годы гражданской войны красноармейцы стихийно несли в себе некоторые идеи социализма, то в период мирного строительства призванная в её ряды молодёжь приобщалась к этим идеям в организованном порядке. Важен был и такой аспект: служба в армии часто становилось началом восхождения по социальной лестнице, что обеспечивало престиж и высокую роль в будущей жизни [Образцов, 2018, 2019].

Анализируя проблемы становления новых политических отношений и новых форм социалистической демократии, следует сказать и о других участниках этого процесса, которые внесли свой вклад в обеспечение общественного догово-

ра. Надо особо отметить участие общественных организаций в налаживании жизни страны.

Среди них прежде всего выделим такую общественно-политическую организацию, как комсомол, который в эти годы постепенно стал превращаться в массовое объединение молодёжи, и, несмотря на многие изъяны, достаточно эффективно выполнял функции по формированию социалистического мировоззрения. Созданный в 1918 г. как организация, подготавливающая молодых созидателей нового общества, в 1920-е годы он постепенно стал превращаться в массовое объединение молодёжи, которое действенно заявляло о себе в решении таких проблем, как восстановление народного хозяйства, реализация программы борьбы с неграмотностью, и одновременно выполняя функции по формированию социалистического мировоззрения.

Одним из продуктивных и результативных средств влияния комсомола на текущую экономическую и политическую повестку дня стало такое специфическое, но очень эффективное явление, как рабселькоровское движение, численность которого к 1925 г. достигла 150 тыс. человек и сыгравшее большую роль в укреплении доверия к советской власти. Оно отражало не только процесс формирования партийно-советской прессы, но и было средством реализации обратной связи между настроениями народа и государственной власти, тем более что на первом этапе, до 1930-х годов, перед рабселькорами ставилась задача контроля за местными органами власти, «разоблачения» бюрократических и порочных методов работы. А так как они комплектовались не только из комсомольцев, а из всех слоёв населения, то партия внимательно следила за их работой, поддерживая их деятельность по преодолению многочисленных ошибок, недостатков, просчётов и даже антисоветских акций. Всего за 1921–1932 гг. были приняты семь документов, которые были посвящены задачам развития этого движения [Минаева, 2022: 24–26]. Насколько серьёзно понималась роль этого движения, говорит беседа Сталина в июне 1924 г. с рабселькорами, в которой определялись их задачи как организационной и идеологической силы: «выразители и проводники пролетарского общественного мнения», «обличители недочётов нашей советской общественности» [Сталин, 1947]. И их роль оказалась чрезвычайно важной: они во многом способствовали разъяснению идей социалистического строительства, намерений партии большевиков и мобилизации многих социальных групп на поддержку советской власти.

В эти годы на комсомол была возложена такая специфическая задача, как работа с подрастающим поколением. Исходной акцией стало постановление «О повсеместном создании пионерских отрядов» Всероссийской конференции комсомола 19 мая 1922 г., которое организационно оформило многочисленные местные инициативы по образованию детских организаций и объединений, начиная с бойскаутских, до попыток создать новые оригинальные формы работы с детьми и самих детей. Их деятельность обеспечивалась такими изданиями, как «Комсомольская правда» и «Пионерская правда» (обе с 1925 г.). 16 мая 1924 г. вышел в свет детский литературно-художественный журнал «Мурзилка», чьё название возникло под влиянием рассказа А. А. Фёдорова-Давыдова «Мурзилкин первый день». В целом эти идеолого-просветительские усилия обеспечили основательный вклад в приобщение молодёжи к мировоззрению, нацеленному на подготовку убеждённых сторонников и защитников советского строя.

Огромную роль в укреплении советского строя и привлечении трудящихся к государственному строительству играли профсоюзы. В годы гражданской войны в члены профессиональных союзов формально зачислялись все рабочие,

служащие и даже кустари. В 1922 г. было восстановлено добровольное профсоюзное членство, что значительно укрепило профсоюзы, усилило их значение как школы самоорганизации. В плане тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» В. И. Ленин писал, что НЭП «требует и нового рассмотрения роли и задач профсоюзов и учёта в этом отношении ряда новых обстоятельств» [Ленин, 1970: Т. 44: 344]. Тезисы В. И. Ленина были одобрены ЦК партии, а затем приняты в качестве резолюции XI съезда РКП(б). В ней были вскрыты те обстоятельства, которые требовали постановки перед профсоюзами ряда новых задач. В результате на государственных предприятиях реально возрастала роль профсоюзов в защите интересов рабочих, в преодолении бюрократических извращений, допускавшихся хозяйственными органами [Смыкалин, 2016].

Большая работа проводилась по вовлечению в производственную, общественную и политическую жизнь женщин – работниц и крестьянок. Этой работой руководили специальные отделы по работе среди женщин, созданные при ЦК РКП(б) и местных партийных комитетах. Своё руководство женотделы осуществляли через институт ежегодно переизбираемых женщин-делегаток, образы которых были ярким олицетворением советской женщины того времени. Женщины-делегатки (в 1923 г. их насчитывалось 173 тыс.) выполняли разнообразную общественную работу: осуществляли контроль над деятельностью культурно-просветительных и детских учреждений, участвовали в работе городских и сельских Советов, кооперативных, профсоюзных и других организаций. Делегатки, прошедшие школу общественно-политического воспитания, вступали в Коммунистическую партию, выбирались депутатами Советов, выдвигались на руководящие посты в государственный аппарат [Амбарцумян, Булыгина, 2021].

Одновременно практиковались различные формы собраний и дискуссий по месту работы, по месту жительства, на которых обсуждались различные точки зрения и вырабатывались предложения по решению как государственных, так и проблем своего окружения. В этот период в массовом масштабе по всем параметрам жизнеустройства населения апробировались различные творческие инициативы как один из каналов укрепления общественного договора.

В целом политическая сфера общественного договора достаточно успешно реализовала как цели государства, так и цели народных масс, создавая основы для воспитания и формирования социалистического мировоззрения и таких качеств личности, как преданность идеям социализма, уверенность в преимуществах советского строя, готовность к его воплощению в повседневной жизни.

Социальная сфера как поле формирования гражданской и классовой солидарности

Одной из самых острых проблем социальной сферы этого периода была безработица.

Гражданская война принесла разрушение и закрытие многих предприятий и организаций, а соответственно, и ликвидацию миллионов рабочих мест. Поэтому советская власть уже в 1921 г. столкнулось с проблемой существования массовой и растущей резервной армии труда. Эту ситуацию обостряло и сокращение Красной армии, что означало высвобождение многих молодых рабочих рук, которых надо было чем-то занять. В результате, по данным ЦСУ (Центральное статистическое управление), к концу 1921 г. в стране на учёте бирж труда находилось 100 тыс. чел., а к началу 1924 г. – уже 1 240 тыс. чел., т. е. за два года количество официально нетрудоустроенных возросло почти в 12,5 раза [Рогачевская, 1973: 76–77].

Во второй половине 1920-х гг. положение ещё более обострилось, к весне 1927 г. около 1,5 млн чел., официально зарегистрированных, оказались без средств к существованию. Настоящее количество безработных трудно узнать, так как значительное число людей в городах перебивались случайными подработками или эпизодической занятостью на нэпмановских предприятиях. Что касается деревни, там долгое время сохранялась скрытая безработица. Поэтому политику советской власти в 1920-е годы можно разделить на два этапа. Первый из них свёлся к огромному числу локальных мероприятий по восстановлению ранее существующих предприятий, а под решение этой задачи набирали рабочую силу или привлекали на создание новых, пока немногочисленных предприятий. Многие из ищущих работу устраивались на частных и акционерных производствах, открываемых нэпманами.

Безработица значительно осложнила социальный и морально-психологический климат в стране. Новая экономическая политика вновь актуализировала её проблемы для значительного количества советских граждан, особенно жителей крупных индустриальных центров. XIII съезд РКП(б), состоявшийся 23–31 мая 1924 г., вынужден был констатировать: «В городе вместе с подъёмом госпромышленности развивается безработица, особенно тяжко бьющая по рабочей молодёжи». Не в меньшей мере на безработицу влиял поток рабочей силы из деревни. Согласно расчётам Госплана СССР, в 1923 г. число селян, вышедших на рынок труда городов страны в поисках работы, составило 18% от всего количества ищущих работу, в 1925/26 г. их было 34%, в 1926/27 г. – 23%, в 1927/28 г. – 24 % [Пленум ЦК РКП(б)... 1924].

Оценивая ситуацию, на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) (26 октября – 3 ноября 1926 г.) было констатировано «наличие значительных кадров безработных, несмотря на рост промышленности и на вовлечение в государственную

промышленность в течение последнего года свыше 400 тысяч новых рабочих».

Незанятость населения порождала массу проблем, в том числе материально-бытовых, финансовых и т. д. В начале 1925 г. статья в газете «Правда» прямо связывала безработицу с нищенским существованием значительной части советских людей. Отсутствие работы, денег, жилья стало главной причиной увеличения в стране показателей преступности и других негативных явлений. Это состояние необходимо было преодолеть. Именно эти обстоятельства плюс начавшаяся индустриализация страны породили *второй этап* борьбы с безработицей, вынудили советскую власть поставить решение этого вопроса на плановую основу. Уже в январе 1928 г. народный комиссар труда В. В. Шмидт в своём докладе отмечал, что сложившееся в СССР регулирование находится в явном противоречии с системой плановости строительства народного хозяйства [Индустриализация СССР… 1969: 350–366]. Вместе с тем, принятыми мерами советская экономика стала на организационной основе сопровождаться постоянным увеличением численности работающих, что вело не только к трудоустройству, но и сокращению недовольства, соответственно, способствовало сохранению общественного договора с этой частью населения.

Итогом этих преобразований стало закрытие бирж труда в 1930 г., прекращения льготных выплат, что позволило в начале 1931 г. СССР объявить себя первой страной в мире, победившей безработицу [Потапова, 2021: 134–141].

Наряду с безработицей на социальное самочувствие влиял крайне низкий уровень жизни большинства населения. Перенёсшее тяготы гражданской войны, в условиях мирного времени оно стало требовать большей помощи и большей социальной защиты и прежде всего в таком неотложном деле, как снабжение продовольствием. Ситуацию осложняло то,

что доля *трудовых доходов в общем бюджете* в 1918–1921 гг. резко упала, и хотя с 1922 г. начала расти, но по состоянию на конец 1922 г. ещё отставала от довоенных значений (88,1%), и лишь к 1926 г. подошла к ним (96,4%). Что касается доли доходов от *пособий по социальному страхованию, то несмотря на её рост* с 0,7% до 5,5% в общем доходе, она занимала незначительное место. Частично это компенсировалось *доходами от собственного хозяйства, что составляло* до 1,2% (в столицах – 0,3%, в провинции – 4,8%, на Урале – 8%).

Резко обострилась ситуация с жильём. И хотя оно бесплатно предоставлялась рабочим в результате национализации и муниципализации домов в городах и строительства общежитий, но из-за огромного притока населения в города образовывалась *жилищная теснота* (жилплощадь в среднем на душу сокращалась: 1924 г. – 5,1 м^2, 1925 г. – 4,9 м^2, 1926 г. – 4,7 м^2; увеличивалось количество жильцов на 1 комнату (1924 г. – 3,02; 1925 г. – 3,14).

Питание рабочих постепенно улучшалось. Средняя калорийность пищи рабочего в 1919–1921 гг. равнялась 2600 калорий (при норме в 3600), уже в 1922 г. достигло 3800–3900 значений, но не сбалансированных из-за недостатка продуктов животного происхождения, жиров, белков.

Что касается расходов на одежду, которая за годы лишений *(*«одёжный инвентарь») поизносилась, поистрепалась, то на неё, по данным 1922 г., уходила значимая часть бюджета (22–29%). На приобретение хозяйственных вещей (посуда, мебель, обстановка, украшения жилища, швейные машины, домашний инструмент) уходит 1,1–3,2% бюджета. [Струмилин, 1923; Ильинский, 2001; Кабо, 2001].

Особенно остро стояла проблема жилья. Так, например, в 1922 г. в Москве жилой фонд состоял из 9,36 млн кв. м. К 1926 г. ситуация усугубилась, так как Москва пополнилась 2,3 млн человек, прибывшими для участия в работе на новых

производствах. Но жилой фонд увеличился незначительно – до 10,3 млн кв. м, что привело к снижению нормы на человека с 8,3 до 5,2 кв. м. И началу господства на длительное время так называемых коммуналок.

Эти проблемы советской повседневности, при существовании дихотомии «норма/аномалия» в сфере питания и жилья, моды и досуга, религиозности и сексуальности, а также смена отношения к традиционным девиациям – пьянству, самоубийствам, проституции образно, хотя и небесспорно, описаны в монографии Н. Лебиной [Лебина, 2015].

В целом в стране существовали значительные ограниченные возможности по удовлетворению потребностей, с которыми население мирилось, понимая общую ситуацию в стране. И хотя ещё возникали забастовки, они как правило находили приемлемое решение, хотя многие из них, как указано выше, организовывались не только беспартийными рабочими, но и коммунистами и комсомольцами [Оришев, Тарасенко, 2023].

Но всё же проблемы бытоустройства и питания серьёзно осложнились во второй половине 1920-х годов. Поэтому для того, чтобы урегулировать этот непростой вопрос, в 1928 г. была введена карточная система, которая просуществовала до 1931 г. На такое состояние влияли так называемые «ножницы цен» между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, которые являлись неизбежным следствием как официальной политики, связанной с реконструкцией промышленности, так и с попыткой сохранения и расширения социальной опоры в лице рабочего класса. В стране, где подавляющее большинство населения проживало в деревнях и было связано с сельским хозяйством, политика «ножниц цен» неизбежно вела к выталкиванию из сельской местности рабочей силы, которая искала себе больших заработков в городах. Нередко она вела к скрытому сопротивлению

(в основном в виду утаивания и/или отказа продавать зерно по официальным ценам) или даже открытым выступлениям с требованиями продавать продовольствие по ценам, удовлетворяющим крестьян.

В 1920-е годы решались и другие не менее острые и тревожные социальные проблемы, которые волновали многих людей. Одной из них была детская безнадзорность, так как гражданская война увеличила её до огромных масштабов: по одним данным в 1921 г. насчитывалось 4,5 млн беспризорников, по другим данным, в 1922 г. их было 7 млн). Для её устранения был создан специальный орган во главе с Дзержинским по их учёту, обустройству и созданию условий для возвращения их в нормальную жизнь. Конкретные позитивные результаты этой работы наглядно были достигнуты в реальной деятельности многих педагогов того времени, в том числе и А. С. Макаренко, который на основе разработанной им теории воспитания осуществил её практическое воплощение [Макаренко, 1981]. Социальной эффект от осуществления этих мер был значительным, позитивно оценён общественным мнением, способствовал укреплению убеждённости в необходимости поддержки советской власти [Рожков, 2000: 134].

Отметим, что планы по формированию человека-созидателя, особенно с ориентацией на интересы рабочего класса, реализовывалась и в отдельных особенных, но не менее важных направлениях. Так, с середины 1920 г. начала действовать негосударственная пенсионная система в рамках промысловой кооперации, которая просуществовала до конца 1950-х годов. В эти годы после проведения исследований по снижению трудоспособности рабочих текстильной промышленности были введены пенсии по старости: мужчинам с 60 лет, женщинам – с 55. Постепенно это направление в социальной политике охватывало всех работающих, кроме колхозников, которые приобщились к этой системе только в начале 1960-х годов.

Симптоматично, что реализация провозглашённых целей в эти годы включала в себя широкий спектр неожиданных решений, которые казались в то время далёкими от насущных потребностей и забот в разрушенной стране, которая, казалось бы, в самом начале НЭПа нуждалась в других неотложных мерах. Так, 13 мая 1921 г. Совнарком РСФСР издаёт декрет об организации домов отдыха как средства профилактики заболеваний и укрепления здоровья. Им отводились прежние дворцы, помещичьи усадьбы, дачи богачей, гостиницы и монастыри. И это была не случайная акция – в 1940 г. уже насчитывалось 3600 санаториев и домов отдыха на 470 тыс. мест, что по подсчётам санитарной медицины обернулось снижением заболеваний более чем в 3 раза.

Чрезвычайные усилия были предприняты и сфере здравоохранения. На первом этапе, в начале 1920-х годов, это была борьба с голодом и тифом. Чтобы решить эти проблемы, советская власть прибегла к такой мере, как конфискация церковных ценностей, которая была осуждена иерархами церкви и в известной мере осложнила взаимоотношения с верующими. Пришлось прибегнуть и к использованию помощи со стороны западных государственных и общественных организаций. Их активное участие проявилось в помощи в 1922 г., когда через организованные ими питательные пункты прошло около 10 млн человек. Американский Красный крест отпустил медикаментов на 3,5 млн долларов. А Конгресс США отпустил армейских медикаментов на сумму почти 3,8 млн долларов. В целом зарубежная помощь была оказана 11 446 госпиталям [Новости 100-летней… 2023].

В дальнейшем, усилия советской власти были направлены на осуществление реформы здравоохранения: развёртывание сети амбулаторно-поликлинических учреждений, поддержание и возвращение трудоспособности рабочим ведущих отраслей промышленности, создание медицинских

пунктов на предприятиях и в сельской местности – хотя это были более чем скромные расходы. Особое внимание стали уделять профилактическим действиям. Так, в 1924 г. был основан Институт по изучению профзаболеваний (НИИ труда и профессиональных заболеваний), который создал основу будущей структуры заботы о здоровье работников производства и получивший своё развитие на последующих этапах существования советской медицины [Затравкин, Вишленкова, 2022]. В то же время были приняты и перспективные решения, как, например, образование в июле 1923 г. Института Склифосовского, учреждение Института мозга в 1928 г. и ряда крупных медицинских центров.

В этот период было немало и других проектов и прожектов. Так, например, обсуждался ряд экспериментов по строительству новых форм решения жилищных проблем в рамках поиска новых принципов градостроительства, которые отражали групповые и даже личностные, часто идеализированные представления о желаемом будущем. Об этом может напомнить труд Сабсовича, издавшего книгу в 1927 г., где он доказывал, что к 1942 г. исчезнут все существующие ныне города и деревни, и будут созданы некие идеальные поселения со всеми возможными благами для комфортабельного проживания. Он изложил урбанистическое видение Советского Союза, призывающее заменить все города и деревни посёлками, насчитывающими примерно от 25 до 50 жилых единиц. Эти городские жилые единицы были предназначены для совместного проживания от 1400 до 2000 человек в каждой, обеспечивая при этом хорошо развитые коммунальные удобства, способствующие развитию коммунистической идеологии [Сабсович, 1929].

Таким образом, социальная сфера оказалась не менее важной областью, обеспечившей сотрудничество классов и социальных общностей, что укрепило общественный договор и сделало его реальной базой для формирования таких важнейших черт советского человека, как коллективизм, побуждение к творчеству, альтруизм. В её укреплении и совершенствовании огромную роль выполняла такая функция общественного договора, как письма во власть, которые были массовым явлением [Лившин, Орлов, 2002].

Начальные грани культурной революции

В классических теориях революция понимается как политический переворот, в результате которого осуществляются радикальное переформатирование экономической системы, слом социальных иерархий, кардинальная смена политических учреждений, формирование нового общественного мировоззрения и даже создание нового человека. В 1920–1930-е гг. Ленин и Грамши расширили данную трактовку, включив в неё концепцию *культурной революции*.

Ярким представителем и даже организатором реализации этой цели был первый нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, даже в годы гражданской войны мечтавший о скором воплощении идеала Возрождения – «физического красавца, гармонично развивающегося, широко образованного человека, который знаком с основами и важнейшими выводами в самых различных областях: технике, медицине, гражданском праве, литературе…».

На этом этапе для решения той цели была сформулирована задача воспитания человека просвещённого, образованного как залог сознательного и творческого отношения не только к производственным обязанностям, но и к участию в общественной и культурно-просветительной деятельности, к формированию у каждого человека высокого ровня самосознания. Для такой постановки вопроса были все основания. Неграмотность, особенно среди сельского населения, была

вопиющей. Перепись 1897 г. показала, что из 126 млн зарегистрированных при опросе мужчин и женщин грамотными оказались только 21,1%. К 1917 г. уровень грамотности почти не изменился: 73% населения (старше 9 лет) были элементарно неграмотны. В этом аспекте Россия стояла последней в списке европейских держав.

Импульсом для коренного изменения по отношению к образованию со стороны государства стало обращение Ленина к молодёжи в речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 г.: «Учиться, учиться, учиться» [Ленин, 1969: Т. 41: 305–306]. По воспоминаниям участников съезда, это было для них большой неожиданностью. Они были настроены на продолжение вооружённой борьбы против эксплуататоров и их приспешников не только в своей стране, но и во всём мире. А здесь к ним обратились со словами, которые вносили принципиальные изменения в представление об их жизни. Поэтому с начала 1920-х годов общественную актуальность приобрели *идеи получения систематического образования и квалификации, приобщения к культуре, проявления творчества в своей общественной и трудовой деятельности, в образе жизни.*

Достижение этой цели в молодой советской республике началось с ликвидации неграмотности, что тоже внесло существенный вклад в укрепление доверия к советской власти и, соответственно, общественного договора**.** Это был уникальный и самый масштабный социальный и образовательный проект. Ещё не окончилась гражданская война, как согласно декрету СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г. всё население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке (по желанию). Но основные усилия по решению этой задачи начались после окончания гражданской войны.

Для её решения привлекались все грамотные лица даже на основе трудовой повинности. По сути, это был огромного значения социальный проект, который стал одной из ведущих черт становящегося общественного договора – со стороны как интеллигенции, так и простых людей. Это было конкретное воплощение идей об обогащении духовного мира людей, расширения их кругозора и, соответственно, воспитания тех черт, которые провозглашала социалистическая идеология – подготовка образованного человека, который будет более эффективно трудиться и олицетворять всесторонне развитую личность (см. гл. 13).

В 1920–1924 годах вышли два издания первого советского массового букваря для взрослых (авт. Д. Элькина и др.). Букварь назывался «Долой неграмотность» и открывался известным лозунгом «Мы – не рабы, рабы – не мы».

В 1923 г. было создано добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН), которое возглавил председатель Центрального исполкома съезда Советов РСФСР (СССР) М. И. Калинин. По официальным данным, ОДН быстро росло: от 100 тыс. членов до более полумиллиона и 11 тыс. ликпунктов к концу 1923 г. и около трёх млн человек и 200 тыс. пунктов в 1930 г. Какова природа этого энтузиазма? Это не был показной энтузиазм из-под палки. Общество выпускало огромными тиражами газеты и журналы, буквари, пропагандистскую литературу.

Массовые газеты и журналы начали издавать специальные приложения для малограмотных. В таком листке-приложении в первом номере журнала «Крестьянка» (в 1922 г.) в популярной форме излагалось содержание декрета о ликбезе 1919 г.

В реализации этой меры были достигнуты значительные успехи: всего к 1927 г. было обучено грамоте до 10 млн взрослых, хотя эта грамотность была только первоначальной – уметь писать (подписываться) и считать до 100. Перепись населения

СССР 1926 г. выявила 56,6% грамотного населения в возрасте от 9 до 49 лет (80,9% – среди городского и 50,6% – сельского). В целом в этот период значительно увеличилась численность учащихся и учителей [Волошина, 2017].

Одновременно обрели развитие и поддержку меры по получению систематического образования. В 1921 г. возникла семилетняя школа. В 1920-е годы часть городских семилетних школ стала именоваться фабрично-заводскими семилетками (ФЗС), сельские же семилетние школы – школами крестьянской молодёжи, затем школами колхозной молодёжи (ШКМ). Это была обоснованная забота о будущем, которое во многом могла обеспечить полноценная и всеохватывающая структура образования и просвещения. Поэтому наряду с обновлением и перестройкой работы учреждений начального и общего образования особое внимание было обращено на подготовку специалистов. При всех вузах, в том числе и новообразованных университетах – Нижегородском, Ростовском, Иркутском и др. – создавались рабфаки, чтобы ускоренно создать базу для подготовки новой советской интеллигенции. И хотя их создание было благословлено Народным комиссариатом просвещения РСФСР ещё в сентябре 1919 г., их функционирование и открытие при университетах России как автономных учебно-вспомогательных учреждений для подготовки в кратчайший срок рабочих и крестьян к поступлению в вузы стало интенсивно развёртываться только в 1920-е годы. Именно этот слой молодёжи был во многом опорой для реализации планов не только по восстановлению промышленности и других отраслей экономики, но и по осуществлению планов первых пятилеток.

На их примере реализовывались мечты о социальных лифтах, тем более что они в своём большинстве воплощались в жизнь. И естественно, что их включение в общественный договор с властью не только не подвергалось сомнению, но и укрепляло его.

На этом этапе получил развитие такой феномен, как выдвиженчество. Наибольший размах он приобрёл в 1920-х годах, когда было проведено несколько массовых кампаний с указанием контрольных цифр и направлений выдвижения управленческих кадров. На оплачиваемую постоянную руководящую работу в хозяйственные, советские, кооперативные и общественные организации направлялись рабочие и крестьяне из числа активистов, но с обязательством обязательно учиться. Приоритет отдавался социальному происхождению, а не образованию и профессии. С развитием плановой системы подготовки управленческих кадров в 1930-е годы кампании массового выдвиженчества стали ненужными [Рабочий класс… 1968].

Были осуществлены и меры по работе с научной интеллигенцией. Советская власть вплотную занялась созданием новой системы государственной организации науки. В эти годы были созданы новые научные подразделения как теоретического, так и прикладного плана. К весне 1929 г. в СССР было 1227 научных учреждений, из них 7 академий и ассоциаций, 789 институтов, 34 центроархива, в которых трудилось 18 213 научных сотрудников [Гракина, 2000]. 27 июля 1925 г. была учреждена Академия наук СССР на базе прежней Императорской, затем Российской АН. В целом это были значительные шаги по пути создания организационной базы для развития науки, техники и промышленности в годы модернизации и реконструкции народного хозяйства.

В этот же период осуществлялась советизация социальных и гуманитарных наук путём усиленной подготовки педагогических и научных кадров (например, «красная профессура»), установления квоты на приём в вузы молодёжи разных сословий, организации рабфаков и пр. «Старая» научная интеллигенция продолжала работать, но в условиях жёстких идеологических требований.

Особое место в осуществлении культурной революции и воспитании советского человека заняла такая действенная форма, как *массовая культурно-просветительная работа*, которая идеологически обеспечивала укрепление общественного договора, включая в себя функции распространения образования и просвещения, а также политического информирования. Она сочетала в себе несколько функций – от приобщения к ценностям культуры до осуществления идеологической работы по формированию социалистического мировоззрения.

Для распространения информации как общекультурного, так и специального, идеологического характера, как по месту работы, так и по месту жительства, в том числе и в сельской местности, была развёрнута сеть изб-читален, клубов, красных уголков, библиотек, в которых осуществлялась многосторонняя просветительская работа, включая обучение неграмотных, возможность читать книги, свежие газеты, проводить досуг, организацию художественной самодеятельности, проведение спортивных игр (шахматы, шашки и др.), что помогало посетителям получать как общие знания, так и мировоззренческие убеждения на основе их ознакомления с мировыми и российскими новостями, осознавая значения происходящих событий.

Для осуществления культурной революции многое сделала *художественная интеллигенция*. Особенностью 1920-х годов было море разливное самых различных творческих инициатив – от создания разнообразных и даже экзотических общественных и творческих объединений разного толка. Были созданы и успешно функционировали различные объединения писателей и поэтов, художников, деятелей театра. Получило второе дыхание киноискусство. Поощрялось создание самодеятельных организаций в сфере культуры. Так, в 1925 г. был утверждён Устав общества друзей советского кино во главе с Ф. Дзержинским

Многое для приобщения людей к культуре сделали писатели и поэты, в чьих произведениях описывался опыт строительства новой страны, осуществлялись попытки формирования советского человека и его качеств: верность идеалам советского общества, готовность бороться за него, воспитывать дух активного участника происходящих преобразований, активность и желание участвовать в переменах, дисциплинированность, эрудиция, технические способности и коллективизм, чему наглядным примером являются произведения М. Шолохова, А. Фадеева и многих других писателей, поэтов, артистов, режиссёров и иных представителей художественной интеллигенции (Подробнее см. гл. 16).

Для установления взаимопонимания и укрепления общественного договора огромную роль сыграла политика Главполитпросвета по осуществлению *наглядной пропаганды* в виде доступной литературы, массовой агитации, в том числе и при помощи картинок-лубков, которые были предназначены для распространения среди рабочих и крестьян с целью дать образное представление об окружающей жизни – от мировых проблем до рабочего и крестьянского быта. Примером такого уникального творчества, на наш взгляд, являются «Окна РОСТА» – сатирические плакаты, выполненные в острой и доступной манере, снабжённые лаконичными стихотворными текстами, разоблачали противников молодой республики Советов. «Окна РОСТА» посвящались злободневным событиям, были иллюстрациями к телеграммам, передававшимся агентством в газеты. Владимир Маяковский в своей работе «Грозный смех» писал о них так: «Это протокольная запись крупнейшего трёхлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов. (…) Это телеграфные вести, моментально переданные в плакат, это декреты, сейчас же распубликованные на частушки, это новая форма, выведенная непосредственно жизнью, это те плакаты, которые перед боем

смотрели красноармейцы, идущие в атаку, идущие не с молитвой, а с распевом частушек» [История русского... 1979].

Особо следует сказать о культурной политике в национальных регионах, особенно в тех, жизнь в которых протекала на уровне кочевого и даже первобытного образа жизни. Туда после неурядиц и катастроф гражданской войны пришла письменность, желание приобщить к культуре более продвинутых наций, что в значительной степени способствовало доверию советской власти и желанию сотрудничать с ней. Это проявлялось в различных, но практически значимых мерах. Так, в декабре 1922 г. было создано специализированное восточное издательство, которое выпускало учебники на татарском, чувашском, киргизском, адыгейском и других языках. В 1924 г. массовыми тиражами были изданы учебники для мордовских, марийских, татарских и чувашских школ. Кроме того, действия правительства РСФСР были направлены на развитие сети школ в ранее отсталых национальных районах и привлечение в них детей коренных национальностей.

В решении национальных проблем особую роль сыграла мягкая сила в виде стараний по созданию этнической прессы. Так, в Крыму наряду с русской и крымско-татарской прессой издавались газеты на украинском, армянском, немецком, еврейском, греческом и караимском языках [Яблоновская, 2023].

Что стояло на пути укрепления общественного договора? Какие были издержки на этом пути?

Прежде всего, в стратегических установках большевиков и их политике не было однозначного вывода, что делать и какие меры осуществлять в условиях новой экономической политики, тем более что её реализация не была безоблачной и беспроблемной. Для развития промышленности

требовались огромные финансовые средства. В условиях продолжающейся изоляции и конфронтации с остальным миром эти средства для выполнения грандиозных планов можно было почерпнуть только у самого многочисленного в то время слоя российского общества – у крестьянства.

Не менее спорными были и меры в сфере политики. Именно в этот период начало действовать постановление X съезда РКП(б) в 1920 г. (со временем его действие всё более усиливалось), в котором провозглашалась идея о недопустимости оппозиционных объединений и взглядов, противоречащих основным установкам партии. Это требование постепенно стало переноситься и на всю общественную и политическую жизнь страны. Под этим флагом прошли судебные процессы против партий эсеров и меньшевиков, хотя они к этому времени в организационном плане прекратили своё существование. Более того, многие из них активно участвовали в перенастройке общественного договора и легитимации советской власти, перешли от открытого и скрытого сопротивления во время гражданской войны к сотрудничеству с большевиками, стали работать в советских учреждениях, помогали проводить компромиссную политику и особенно при наступлении НЭПа [Красильников, 2002].

Освобождение от «враждебных» элементов стало осуществляться за счёт высылки или стимулирования уезда за границу разных нежелательных элементов. Показателен в этом случае так называемый философский теплоход, на котором отправили за рубеж более 200 представителей в основном гуманитарной интеллигенции. Его суть состояла в том, что в сентябре и ноябре 1922 г. пароход «Обербургомистр Хакен» увёз из страны этих представителей интеллигенции с обязательством никогда не возвращаться в Россию под угрозой ареста и судебного разбирательства. Однако это не было исключительно изобретением большевиков. В декабре

1919 г. по предложению прокурора США Александра Палмера и его помощника Эдгара Гувера из США в Советскую Россию были высланы 249 человек на пароходе «Buford», названном «советским ковчегом». И таких акций было несколько, в результате которых из США были депортированы более 500 человек, в том числе и иностранные граждане, и более 20 тыс. были арестованы как сторонники социалистических идей, активисты коммунистических, социалистических и профсоюзных организаций. Иначе говоря, политические и идеологические противники действовали примерно одинаковыми методами.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. процесс «вытеснения» буржуазных специалистов был ускорен. 9 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выдвинул лозунг об обострении классовой борьбы, хотя в то же время заявил, что «нашу политику никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы… ибо это «ведёт к гражданской войне» [Сталин, 1953: 168]. Но в реальности сторонники и носители оппозиционных взглядов стали рассматриваться не как оппоненты, а как враги, как противники, которых надо уничтожить или нейтрализовать, как это делалось на полях гражданской войны. В ходе организованных политических процессов преследованию и репрессиям подверглись учёные-гуманитарии («Академическое дело»), представители в основном старой технической интеллигенции («Шахтинское дело», «дело “Промпартии”»), учёные в сфере экономических наук (дело Трудовой крестьянской партии), краеведы («дело краеведов») и др.

Однако ситуация в стране была иной, и перенос методов военных действий в условиях мирного времени привёл к крупным издержкам и даже трагическим последствиям для части интеллигенции.

Новая экономическая политика также ознаменовала глубокие изменения в жизни и других слоёв советского обще-

ства. Однако общественному договору с рядом общностей и социальных групп (в частности, с представителями дворянства, духовенства, старыми спецами и др.) препятствовала недальновидная политика по отношению к той их части, которая не разделяла ни идеологии, ни действий большевиков, но сохраняла нейтралитет. Но негативное отношение к ним со стороны советской власти стало источником большой волны эмиграции, которая привела к значительной потере интеллектуального потенциала страны. Это было серьёзной ошибкой и просчётом по отношению к тем творческим силам, которые имели своё особое мнение по отношению к официальной политике и хотели, чтобы с ними и их мнением считались, но не на поле вооружённой борьбы, а в ходе дискуссий, обсуждений, нахождения взаимоприемлемых точек зрения.

К просчётам этого периода следует отнести и тот факт, что, если в начале 1920-х годов многие большевики, в том числе и высокопоставленные руководители, демонстрировали самоотверженность, жертвенность, то постепенно в рядах партии начали накапливаться вроде бы незначительные, но имевшие серьёзные последствия проблемы и прежде всего в рядах самой партии. До конца 1920-х годов строго соблюдался такой принцип, как партмаксимум, когда коммунист, на каких бы должностях он ни был, не имел права получать заработную плату, в 2 раза превышающую среднюю зарплату рабочего. Но затем это требование было отменено. И более того, в этот период начали формироваться привилегии, которые со временем росли, превращаясь в одну из нравственных претензий к руководству советского государства.

Стала постепенно уходить в прошлое такая практика, которую ранее использовали руководящие кадры партии, – выступать не только на съездах, пленумах, совещаниях, но и регулярно бывать в трудовых организациях и обязательно не просто встречаться, но и обсуждать проблемы политики

непосредственно с людьми. Эта практика, которую использовали даже такие оппозиционеры, как Троцкий, Каменев и др., была распространена и служила мощным аргументом во внутрипартийной полемике, но и в тоже время благоприятно влияла на установление прямых контактов с народом, укрепляя доверие к советской власти и партии большевиков [Варга, 2022: 45].

Одним из осложнений этого периода во взаимоотношениях с народом стала политика, связанная с изъятием церковного имущества для борьбы с голодом, который поразил многие районы страны. Здесь было немало нарушений, хотя эту акцию поддерживало большинство народа, понимающего её значение и не поддерживающее сопротивление ряда священнослужителей. Такое отношение к церкви было в значительной степени продиктовано мнением большевиков о том, что место религии должна занять наука, и поэтому хотели насадить атеизм, а люди в силу разных причин потеряли «религиозное чувство, т. е. стремление иметь святыню» [Тростников, 2015].

Неоднозначно складывались и взаимоотношения в деревне. На фоне массовых нарушений «зажиточными крестьянами» законодательства о защите прав трудового крестьянства, возникли трения с беднейшими слоями, которые стали выступать в защиту своих прав. Обследования в 1928 г. показали, что только 27,5% батраков имели трудовые договоры, но в большинстве договоров рабочее время устанавливалось «от восхода до захода солнца», заработок за сезон (май–сентябрь) не превышал 10 рублей, выходные дни не указывались. Изучение данного вопроса председателем Орловского окружного суда В. В. Смертюковым привело его к следующим выводам: «сельсоветы не только не защищали батраков, но отдавали их на полный произвол нанимателей».

Заключение

В усложняющихся условиях новой экономической политики общественный договор претерпел коренные изменения. Страна после военных лет переходила к мирному существованию. Это повлекло перенастройку общественного сознания как рабочих и крестьян, так и других слоёв населения.

Со стороны государства как участника общественного договора были осуществлены меры по их обоснованию, а затем их реализации в экономической, социальной и культурной сферах общественной жизни. Общественный договор стал базироваться на других основаниях.

В результате окреп государственный сектор экономики. На этом этапе общественный договор обогатился началом реализации планов строительства новой экономики, что привело к такому общественному достижению как сначала ежегодные, а после и перспективные планы развития народного хозяйства.

Результативность этой политики проявилась очень быстро, показав стремительные темпы восстановления и налаживания народного хозяйства. К 1925 г. (всего за 4 года!) Россия вернулась к довоенным показателям развития экономики. Успехи в восстановлении, а затем развитии экономики позволили перейти к такому важному событию, как индустриализация страны, ставшая одним из продуктивных макроэкономических проектов, которых не испытывала ни одна страна в мире до этого времени.

Это наглядно убеждало население страны и в первую очередь рабочих, как опору советской власти, в умении большевиков оперативно и наглядно решать имеющиеся проблемы экономического и социального характера и, как следствие, видеть совпадение интересов.

Что касается рабочего класса как субъекта общественного договора, то он в начале 1920-х годов составлял незначительную по удельному весу группу населения. Однако советская власть достаточно чётко не только провозглашала, но и стремилась обеспечить *более привилегированное положение рабочего класса*. В результате значительная его часть заняла сторону поддержки идей новой экономической политики, составив опору действий советской власти.

Вместе с тем во время восстановления народного хозяйства, а затем начавшейся индустриализации его рост интенсивно обеспечивался за счёт крестьянства, которое было разнородной массой, впитывающей в себя и отражавшей весьма противоречивые ориентации – от крестьянского индивидуализма и приверженности к собственническим устремлениям до принятия идей коммунистического общежития (последнее проявилось в организации коммун). В целом же в это время работа и общение в новой производственной среде постепенно делали из вновь образовавшихся рабочих или сознательно усвоивших идеи нового устройства общества и личной жизни, или согласившихся на изменившиеся обстоятельства и признавших возможным строить жизнь в предлагаемых условиях.

Говоря о крестьянстве как участнике общественного договора, стоит отметить, что оно с удовлетворением восприняло отмену продразвёрстки и замену её продналогом. Началась реализация права владения землёй и, как следствие, апробирование различных форм организации производственной деятельности – от примитивных форм, как товарищества по обработке земли, до экономической кооперации и даже организации коммун. Произошло уменьшение социального неравенства. И хотя внутриклассовые противоречия ослабли, но они не исчезли и проявились в конце 1920-х годов. К ним добавились и столкновение интересов государства и богатой части крестьянства. В их основе нежелание и даже отказ продавать государству хлеб по директивно установленным це-

нам. Это привело в ряде мест даже к военному сопротивлению, на что государство ответило насильственным изъятием «хлебных излишков», что подготовило переход к политике ликвидации кулачества как класса и началу коллективизации.

Были внесены коррективы и во взаимодействие с интеллигенцией. Они обеспечили расширение социальной базы советской власти, восстановили пошатнувшееся к концу гражданской войны доверие к власти большевиков и послужили основой их эффективного участия в восстановлении, а затем строительстве новой экономики. Однако это процесс был неоднозначным и выразился как в привлечении старой интеллигенции к участию в решении насущных задач, так и ограничении и даже преследовании отдельных групп. Одновременно были осуществлены и усилия по формированию новой советской интеллигенции, которая искренне, хотя и не без сомнений поддерживала усилия советской власти.

Отметим, что общий фон государственной и общественной жизни был неоднозначным. В политической жизни, в том числе и в жизни партии большевиков, происходили свободные дискуссии по всем злободневным проблемам развития страны, но которые к концу 1920-х годов были свёрнуты.

В культурной жизни страны царили самые разные поиски, начинания, эксперименты и даже свершения. Эти годы охарактеризовались взлётом открытий, которые стали достоянием не только отечественной, но и мировой культуры: русский авангард, литературные шедевры, новые решения в киноискусстве и архитектуре.

В целом можно сделать вывод, что «*большевики сумели вдохнуть в народ веру в светлое социалистическое будущее, и люди во имя его достижения готовы были терпеть многие лишения и ограничения»* [Воин, Academia.edu] Более того, несмотря на ошибки, просчёты и пороки политики, большинство населения постепенно во всё большей мере включилось в ре-

ализацию общественного договора, который на данном этапе стал соединять рабочих, общинное крестьянство, все социальные группы и общности вокруг идеи «социальной солидарности как незыблемой основы социалистического мировоззрения», о чём уже в 1922 г. писал С. Л. Франк [Франк, 1992].

Список литературы

Амбарцумян К. Р. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. / К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 14–23. DOI 10.37493/2409-1030.2021.4.1. EDN WCOWKY.

Березкина О. С. Как чистили партию: проверка непроизводственных ячеек РКП(б) в 1924–1925 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 2. С. 107–131. EDN UINSMF.

Большаков А. М. Деревня: 1917–1927 / А. М. Большаков ; предисл. М. И. Калинина и акад. С. Ф. Ольденбурга. М. : Работник просвещения, 1927. 486 с.

Бубнов А. ВКП(б). М., Л. : Соцэкгиз. 1931. 631 с.

Бузгалин А. От феодализма – к творчеству // Литературная Газета. 2021. 10–16 марта. № 10. С. 28.

Варга Е. С. Вскрыть через 25 лет. Заметки не для печати // Экономист. 2022. № 12. С. 42–66.

Воин А. Научен ли научный коммунизм? // Academia.edu : [сайт]. URL: https://www.academia.edu/36070732/Научен_ли_научный_коммунизм_docx (дата обращения: 06.07.2024).

Волошина С. Ликвидация неграмотности в СССР // Живая История. 2017. 25 декабря. URL: https://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr?ysclid=lyajjwn6az431645987 (дата обращения: 06.07.2024).

Воробьев С. В. Социальные настроения рабочих Уральской области в середине 1920-х гг. (по информационным

сводкам ОГПУ) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 217–234. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.057. EDN DTHKGR.

Гольцман А. Организация труда и профсоюзы (Организация труда. 1924. № 1. март. С. 16–19) // Антология социально-экономической мысли в России. 20–30 годы XX века / Сост. Г. В. Атаян ; под ред. А. И. Кравченко. М. : Academia, 2001. С. 61–62.

Грабовская Л. И. Лев Александрович Тарасевич. 1868–1927 гг. (Биографический очерк) / Л. И. Грабовская ; под ред. С. Г. Дзагурова, А. Г. Лузиной, Е. Д. Равич-Биргер. М. : Медицина, 1970. 106 с.

Гракина Э. И. Учёные России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. : Институт российской истории РАН, 2000. 386 с. ISBN 5-8055-0022-1.

Забелин Л. Численность рабочих, производительность труда и зарплата в промышленности за десять лет // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 77–87.

Затравкин С. Медикаменты и революция: лекарственное обеспечение советских людей в 1920-е гг. / С. Затравкин, Е. Вишленкова // Российская история. 2022. № 2. С. 156–165. DOI 10.31857/S0869568722020157. EDN FVFZHC.

Зима В. Ф. Голод 1921–1922 годов в Советской России: власть и церковь. М. : Собрание, 2015. 240 с. ISBN 978-5-9606-0132-0.

Ильинский В. Бюджет рабочих СССР в 1922-1926 годах // Антология социально-экономической мысли в России. 20–30 годы XX века / Сост. Г. В. Атаян ; под ред. А. И. Кравченко. М. : Academia, 2001. С. 470–515.

Индустриализация СССР 1926–1928 гг.: документы и материалы. М. : Наука. 1969. 533 с.

История русского и советского искусства: уч. пособие / М. М. Алленов, О. С. Евангулова, В. А. Плугин [и др.] ; под ред. Д. В. Сарабьянова. М. : Высшая школа, 1979. 384 с.

Кабо Е. О. Очерки рабочего быта (М., 1928) // Антология социально-экономической мысли в России. 20–30 годы XX века / Сост. Г. В. Атаян ; под ред. А. И. Кравченко. М. : Academia, 2001. С. 567–600.

Квакин А. В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. М. : Центрполиграф, 2006. 411 с. ISBN 5-9524-2193-8. EDN QPCKYH.

Кияшко Н. В. Фактор «религиозного НЭПа» в отношениях советской власти с православной церковью на юге РСФСР // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 2. С. 132–150. EDN TYSBNR.

Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919–1920 гг. М. : Московский рабочий, 1950. 352 с.

Красильников С. А. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников [и др.]. М. : РОССПЭН, 2002. 1006 с. ISBN 5-8243-0349-5.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 488 с. ISBN 978-5-4448-0253-3.

Ленин В. И. III, Коммунистический Интернационал : [Речь, записанная на граммофонной пластинке] // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 38. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 230–231.

Ленин В. И. VII Московская губпартконференция. 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике 29 октября // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 44. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. С. 191–220.

Ленин В. И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 43. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. С. 57–73.

Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. в 55 т. Т. 36. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 283–314.

Ленин В. И. О кооперации // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 45. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. С. 369–377.

Ленин В. И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 44. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. С. 341–353.

Ленин В. И. Речь на III съезде комсомола // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 305–306.

Ленин В. И. Речь на съезде председателей губернских советов 30 июля 1918 г. // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 37. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 20–23.

Лившин А. Я. Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов М. : РОССПЭН, 2002. 205 с. ISBN 5-8243-0299-5. EDN WLQHLH.

Лютов Л. Н. Настроения рабочих провинции в годы НЭПа // Отечественная история. 2007. № 4. С. 65–73. EDN IAJVHT.

Макаренко С. Педагогическая поэма. М. : Педагогика. 1981. 336 с.

Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М. : Наука, 2006. 599 с. ISBN 5-02-033993-8. EDN QPDSCF.

Минаева О. Д. Рабселькоры и их задачи в 1920-х гг. Опыт работы журналов «Работница» и «Крестьянка» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 2. С. 21–49. DOI 10.30547/vestnik.journ.2.2022.2149. EDN GQIOQQ.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 48–50.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2023. 12 января. № 1-2.

Образцов И. В. Статистические обследования в Красной Армии в 1920-е годы // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 45–54. DOI 10.7868/S013216251802006X. EDN YSVUDS.

Образцов И. В. Читательские интересы красноармейцев в 1920-е годы (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 130–141. DOI 10.31857/S013216250004017-1. EDN MPLDYR.

Оришев А. Б. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа. Историографический анализ : монография / А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко. М. : Инфра-М . 2023. 148 с. ISBN 978-5-369-01460-8.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. Дом Гос. Унта ВШЭ, 2010. 320 с. ISBN 978-5-7598-0701-8. EDN YGDNIP.

Осокина Е. А. Золото для индустриализации. Торгсин. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 624 с. ISBN 978-5-4448-1586-1.

Петров В. П. Социология СССР: очерк становления и гибели Советского Союза. М. : URSS, 2006. 158 с. ISBN 5-484-00675-9. EDN QOFQOJ.

План электрификации РСФСР. М. : Госполитиздат, 1955. 667 с.

Пленум ЦК РКП(б). 16–20 августа 1924 г. О политике заработной платы // Правда.1924. 5 сентября.

Поляков Ю. А. Борьба с басмачеством в среднеазиатских республиках СССР. М. : Прогресс, 1983. 279 с.

Потапова Н. А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–141. DOI 10.31518/2618-9100-2021-6-11. EDN ENDWQW.

Рабочий класс в управлении государством (1926–1937 гг.). М. : Мысль, 1968. 240 с.

Ратьковский И. С. История советской России / И. С. Ратьковский, М. В. Ходяков. СПб. : 2001. 414 с. ISBN 5-8114-0373-9. EDN PYXQHN.

Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия в 4 томах. Т. 1. Абациев – Дмитрий Павлович / Глав. ред. С. А. Кондратов. М. : Терра, 2008. 560 с.

Рогалина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М. : Изд-во МГУ, 1989. 224 с. ISBN 5-211-00283-0.

Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР 1917–1930 гг. М. : Наука, 1973. 382 с.

Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134–139.

Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. Гипотеза построения социализма в СССР. М. : Плановое хозяйство, 1929. 163 с.

Скипина И. В. Документы о формировании протестных настроений тюменских рабочих в годы НЭПа / И. В. Скипина, М. П. Пастух // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. 2013. № 2 (8). С. 111–117. EDN PZZADL.

Смыкалин А. С. Советские профсоюзы в 1920-е гг. // Российское право: образование, политика, наука. 2016. № 1 (91). С. 37–40. EDN VZJXFB.

Сталин И. В. О рабкорах: беседа с сотрудниками журнала «Рабочий корреспондент» // Сочинения. В 13 т. Т. 6. М. : Государственное издательство политической литературы, 1947. с. 261–262.

Сталин И. В. Сочинения. В 13 т. Т. 11. М. : Государственное издательство политической литературы, 1953.

Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М. : Вопросы труда, 1923. 88 с.

Струмилин С. Г. Избранные произведения. В 5 т. Т. 2. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 444 с.

Тарасевич (Большая Медицинская Энциклопедия. 1970) // Наука. Искусство. Величие : [сайт]. URL: http://med.niv.ru/doc/encyclopedia/med/articles/2918/tarasevich.htm (дата обращения: 06.07.2024).

Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М. : Политиздат, 1981. 320 с.

Тростников В. Между «Капиталом» и Евангелием. В чем историческое значение советского периода // Литературная газета. 2015. 12–18 ноября. № 44-45. С. 13.

Труд в СССР. Статистический справочник. М., 1936. 386 с. // Исторические материалы : [сайт]. URL: https://istmat.org/node/23157?ysclid=lnmwl7v2vj296234915 (дата обращения: 06.07.2024).

Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа // Отечественная история. 2003. № 5. С. 20–30. EDN OPKLLD.

Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М. : Республика, 1992. 511 с. ISBN 5-250-01494-1.

Чеботарева В. Г. И. В. Сталин и партийно-советские национальные кадры //Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3-25. EDN JSAZLV.

Шишкин В. А. Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 399 с. ISBN 5-86007-102-7. EDN YQDXZD.

Яблоновская Н. В. Формирование системы этнической прессы в Крыму в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48, № 1. С. 188–207. DOI 10.30547/vestnik.journ.1.2023.188207. EDN BUWXML.

Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 375 с. ISBN 978-5-8243-1892-0. EDN YUFXMY.

Глава 6
Общественный договор в условиях мобилизационного общества (1930-е годы)

> Советский режим при всём своём репрессивном характере в сталинские годы обращался к гуманистической морали. Он использовал фигуру универсализма, он был в этом плане продолжением Просвещения
>
> *Ханна Арендт,*
> *немецко-американский философ,*
> *политический теоретик и историк*

Введение

В конце 1920-х – 1930-е годы начали складываться незнаемые историей взаимоотношения между государством и народом, между политической властью и различными субъектами общественной жизни в стране. Государство, власть которого олицетворяла партия большевиков, сформулировало политические и практические цели коренного преобразования общества. Они вошли в историю под такими понятиями, как индустриализация, коллективизация, культурная революция, первые пятилетки. Такая постановка вопроса требовала внесения существенных корректив в общественный договор, причём таким образом, чтобы убедить основные социальные общности и группы в целесообразности предлагаемых изменений и, главное, что это благоприятно скажется в жизни всех советских людей.

В 1930-е годы, в годы первых пятилеток, начали складываться новые принципы деятельности социальных институ-

тов в России – государства, партии большевиков, общественных движений и организаций, образования, науки, культуры которые олицетворяли не просто механизмы, а были своеобразными «фабриками смыслов, задающие не только образцы человеческих взаимодействий, но и способы осмысления, понимания социальной реальности и самих людей» [Лекторский, 2003]. Одновременно уточнялись и обновлялись представления о нации, религии и о других объектах и субъектах жизненного мира людей.

В 1936 г. принятие новой Конституции СССР сопровождалось новаторским решением, не практиковавшимся в предшествующей истории, – всенародным обсуждением, в котором приняли участие 75 млн человек, высказавших 1,5 млн предложений, многие из которых публиковались в СМИ.

В этот период получили распространение и такие формы побуждения заинтересованности людей, как социалистическое соревнование, которое выступило формой, развивающей и дополняющей ранее появившееся ударничество. Сигналом к его становлению послужила статья Ленина «Как организовать соревнование», написанная 24–27 декабря 1917 года (6–9 января 1918 г.), но впервые опубликованная 20 января 1929 года в газете «Правда» [Ленин, 1969: 195–205]. Основная идея работы – «надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом».

Эта государственная инициатива разбудила позитивную энергию, была поддержана многими советскими людьми в связи с открывшимися возможностями нового репертуара социального положения и реализацией социальных лифтов в условиях строительства нового общества. Именно в эти годы стала реализовываться мечта о таком мире, в котором «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» [Сорокин, 1999: 7]. Специфи-

ку этому процессу придало освоение новых социальных ролей, появление и формирование различных форм профессиональной идентификации, внедрение и реализация коллективной и индивидуальной ответственности. Социальный аполлонизм (синоним рационального мышления) оказался более востребованным, чем политическое дионисийство (синоним иррациональности и хаоса). Именно идеология общей судьбы, службы обществу создали природу невиданного в мире энтузиазма. Это не был показной энтузиазм из-под палки, а достаточно искреннее и разумное поведение многих людей, убеждённых и заинтересованных в осуществлении своих действий и прежде всего на общественном поприще.

Поэтому, приступая к анализу сути и особенностей общественного договора в этот период времени, целесообразно сначала проанализировать экономическую базу, охарактеризовать фон, на основе которых осуществлялись и были достигнуты определённые показатели развития страны, и которые, в конечном счёте, стали гарантией существования советского государства.

Поступь и шаги по созданию экономического суверенитета

Провозгласив первую пятилетку с 1928 г. в виде перспективного народнохозяйственного плана, партия большевиков подняла планку её оценки до уровня международного и политического значения. В основу нового этапа в функционировании общественного договора была положена программа о начале строительства мобилизационной экономики и радикальной модернизации советского общества. Её формальным началом можно считать обращение XVI партийной конференции ВКП(б) 29 апреля 1929 г. «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза», в котором была провоз-

глашена неотложная идея по внесению существенных коррективов в практику социалистических преобразований: «Мы должны в относительно короткий срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны». Несколько позже прозвучали слова Сталина: «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», сказанные им 4 февраля 1931 г. на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [Сталин, 1951: 29–42].

И эта установка начала интенсивно реализовываться в таких направлениях экономической политики, которые вошли в историю под названиями индустриализация и коллективизация.

Индустриализация страны связана с осуществлением первых пятилеток, с интенсивным наращиванием экономического потенциала. Насколько он был значительным, говорит тот факт, что за I и II пятилетки были построены и введены в строй свыше 3 тысяч заводов и фабрик или по 1–2 объекта каждый день. Причём поражают темпы ввода в строй даже промышленных гигантов. Так, на строительство Горьковского автомобильного завода ушло 17 месяцев, а на Сталинградский тракторный завод было потрачено всего 11 месяцев, т. е. менее одного года. Многие из них и поныне являются предметом гордости и продолжают служить интересам страны. Назову некоторые из них.

1929 год

– 29 мая 1929 года Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР принял постановление «О приступе к постройке тракторного завода на Урале» (Челябинск).

1930 год

– вступил в строй Московский автосборочный завод имени КИМ (с 1945 г. – завод малолитражных автомобилей, с 1968 г. АЗЛК (Москвич-400);

– начал работу первый тракторный завод в Сталинграде, а затем Харьковский тракторный завод.

1931 год

– АМО в Москве, получивший в 1931 г. официальное название «Первый государственный автомобильный завод имени И. В. Сталина» (ЗИС);
– начато строительство медеплавильного завода в г. Ревда;
– начато строительство г. Магнитогорска;
– первый паровоз ФД (Феликс Дзержинский) – самый мощный серийный грузовой паровоз в СССР. Его проектирование и постройка заняли 170 дней – короткий срок – и положили начало советской школы паровозостроения;
– выпущен 1-й экскаватор «Ковровец» во Владимирской области;
– получен синтетический каучук на Опытном заводе в Ленинграде под рук. С. В. Лебедева;
– образован Дальстрой для освоения Северо-Востока (просуществовал до 1950 г.).

1932 год

– завод «Динамо» выпустил первый электровоз советской конструкции ВЛ19-01. Начата его обкатка на перевале железнодорожного пути Поти – Тифлис;
– начато превращение Кузбасса в основную угольную базу страны;
– введён в строй Московский станкостроительный завод имени Орджоникидзе;
– на Ленинградском радиозаводе впущен 1-й советский телевизор;
– была пущена первая очередь Днепрогэс – первой и долгое время остававшейся крупнейшей в СССР гидроэлектростанции;

– начал работу Нижегородский автомобильный завод (будущий ГАЗ);
– завершено строительство железной дороги, связывающей Туркестан и Сибирь – Турксиб, протяжённостью 1442 км;
– был заложен проект на перспективу: СНК СССР принял решение о подготовке к началу строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ);
– создан Тихоокеанский флот.

1933 год

– введён в строй такой промышленный гигант, как Уралмаш (начало строительства – 1928 г.);
– дан старт строительству Новолипецкого (введён в 1934 г.) и Кузнецкого металлургических комбинатов;
– был введён в строй Беломор-канал;
– к этому времени относится начало создания инфраструктуры Северного морского пути.

Не менее интенсивно вводились в строй новые предприятия и за годы второй и третьей пятилетки. При этом, надо отметить, что, хотя основные промышленные гиганты возводились отечественными инженерами, заметный и серьёзный вклад в их реализацию сделали американские и европейские специалисты – от проектирования до наладки и эксплуатации, передавая опыт по использованию оборудования и обучения навыкам технического и технологического управления.

Значительные преобразования были осуществлены и в сельском хозяйстве. Хотя решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 г., основной этап пришёлся на 1929–1930 годы, когда были осуществлены главные мероприятия по её реализации. Целью коллективизации объявлялось «преобразование мелких и неэффективных ин-

дивидуальных хозяйств в крупные общественные для роста продуктивности сельскохозяйственного производства» [Пятилетний план… 1930: 105].

По мнению инициаторов коллективизации, главной проблемой сельского хозяйства была его раздроблённость: большинство хозяйств находилось в мелкой частной собственности с высокой долей ручного труда, что не позволяло удовлетворять растущий спрос городского населения на продовольственные товары, а промышленности – на сельскохозяйственное сырьё. Также предполагалось снизить стоимость сельскохозяйственной продукции для конечного потребителя путём устранения цепочки посредников, а с помощью механизации повысить производительность и эффективность труда в сельском хозяйстве, что должно было высвободить дополнительные трудовые ресурсы для промышленности. Обращено внимание и на научное и производственное обеспечение сельского хозяйства: в 1930–1932 годах были созданы опытные экспериментальные хозяйства, в том числе Институт льна, а также заводы по производству сельскохозяйственной техники.

Массовая коллективизация совпала с голодом 1932–1933 годов как следствием неурожая и искажений в осуществлении политики хлебозаготовок. Насколько значительны были эти нарушения, известно не только из исследований историков. О них в красочной и убедительной форме изложено в письмах М. А. Шолохова И. В. Сталину [Огрызко, 2023], в которых описывалось, как пишет специальный уполномоченный М. Шкирятов, «К колхозникам широко применялась такая недопустимая, возмутительная форма репрессий, как незаконное выселение из домов, без суда и органов ГПУ... Выселяли в зимнее время и взрослых и детей». Кроме того, забирали коров, отбирали все запасы зерна.

Чтобы упорядочить процесс коллективизации, было решено отправить 25 000 «социально сознательных» работни-

ков промышленности в сельскую местность. Она проводилась с 1929 по 1933 год, и эти рабочие стали известны как двадцатипятитысячники. Советские чиновники надеялись, что, отправив их в сельскую местность для становления колхозов, они смогут наладить производство и убедить сельчан в преимуществах кооперативной организации труда.

К 1938 г. было организовано более 243 тысяч колхозов, которые включали около 93% крестьянских хозяйств и 99% посевной площади. Коллективизация фактически завершилась.

Одновременно была решена и такая огромная социальная проблема, как безработица, которая существовала в стране до 1930 г. Начавшийся процесс индустриализации требовал миллионы новых рабочих рук. Их взять можно было только из деревни. Но это перемещение было не стихийным, а регулируемым, хотя и в неполной мере.

Село покидали не разорившиеся и отчаявшиеся, а полные сил и бурлящие энергией люди. Это в подавляющем большинстве была неженатая молодёжь – крестьянину, обременённому домом, участком и хозяйством, тяжело сдвинуться с места. Молодому человеку намного проще начать новую городскую жизнь. Но подавляющее большинство отправлялось не в неизвестность, а сразу на готовое рабочее место и место в общежитии. Это было организовано просто и понятно – из села уезжали по так называемой рабочей путёвке. Можно было и без неё, но тогда место будешь искать сам, ехать за свой счёт неизвестно куда, а это для крестьянина психологически непросто.

Как получали и доставляли путёвки? К концу 20-х годов партийные и хозяйственные органы подготовили несколько десятков тысяч вербовщиков. Вербовщики заключали договор с предприятиями, многие из которых только начинали строиться. Например, строящемуся заводу надо было тысячу рабочих мест. На это количество выпускалась тысяча путёвок, которые передавались вербовщикам. На основании мест-путёвок строились общежития, резервировались продовольственные карточки (пайки), выделялись «подъёмные» – будущий работник обеспечивался бесплатным проездом до места назначения. Это давало невиданную до этого гибкость распределения трудовых ресурсов. Обыденной была ситуация, когда парень из украинского села отправлялся на Урал или в Поволжье, а волжанин – на Амур.

В реальности было немало нестыковок и ошибок, перегибов и нарушений законности, но в целом вся операция по перемещению рабочей силы из деревни в город в тех условиях была спланирована и проведена достаточно организованно. В результате к середине 30-х годов село покинули более 15 миллионов молодых людей. Численность промышленных рабочих за эти же годы выросла с 9 до 25 миллионов.

В итоге за 30-е годы к 1941 г. страна подошла с впечатляющими результатами. Советская власть за короткий срок смогла достичь практически невозможного. В короткие сроки, а точнее за 21 год (1921–1941 гг.) была создана одна из крупных экономик. СССР занял 2-е место в мире по экономическому потенциалу.

В целом можно сделать вывод, что успехи (1 завод каждый день!) были достигнуты огромными затратами человеческих сил, при использовании всех материальных и физических возможностей, но воодушевлённых перспективами, которые их ждут (как и всех советских людей) в будущей жизни.

Можно без сомнения утверждать, что без пятилеток 1930-х годов вряд ли состоялась бы победа в Великой Отечественной войне. Реализована была установка, провозглашённая Сталиным в 1931 г.: или мы сделаем рывок за 10–15 лет, или нас сомнут в будущей борьбе.

Подводя итог преобразованиям 1930-х годов, можно привести оценку Роберта Аллена, американского экономиста, который в своей работе даёт поразительную интерпретацию исторического феномена – индустриализации и коллективизации страны, утверждая, что экономика Советского Союза стала одной из наиболее успешных развивающихся систем XX века. К столь откровенному выводу его приводит пересчёт показателей национального уровня потребления, а также использование в рамках проведённого анализа экономических, демографических и компьютерных имитационных моделей, позволяющих спрогнозировать альтернативные варианты экономического развития страны, то есть дать ответ на основополагающий вопрос истории «а что, если?». Кроме того, сопоставление советских экономических показателей не только с передовыми экономиками, но и с рядом менее развитых стран мира позволяет автору дать более полный ответ для такого вывода [Аллен, 2013].

Подводя итоги этого этапа, можно согласиться с выводом, что за эти годы наша страна установила мировой рекорд по темпам среднегодового роста экономики, который остаётся непревзойдённым до сих пор [Кристалл роста… 2021].

Культ труда как ориентир и база общественного договора

Достижение баланса интересов государства и народа шло по двум основным направлениям – создавался культ труда и культ образования, в которых органически сочетались (соединялись) основные ценностные ориентации главных субъектов общественного договора – государства и народа.

Что касается создания культа труда, то в своей политике большевики исходили из марксистского определения значения труда. «Труд – вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, напротив, является одинаково общим для всех её общественных форм» [Маркс, 1960: 188].

Одновременно в этих конкретных исторических условиях оценка труда стала базироваться на его традициях, корни которых опирались на народное признание важности трудовой деятельности человека и характеристики качества его всей жизни, окончательно хороня прежнее отношение к труду как наказанию божьему. Этому способствовал и поворот в официальной политике: первоначальный ключевой лозунг первых пятилеток «техника решает всё» довольно скоро сменяется на «кадры решают всё».

Укреплению нового отношения к труду способствовала и мощная идеологическая подоплёка, которую реализовывали общественные организации – партия большевиков, комсомол, профсоюзы. В этом сплаве народного и официального выкристаллизовывался феномен – труд стал «делом чести, доблести и геройства». И это находило отклик у большинства работников производства.

Как отмечалось выше, в планах и практике первых пятилеток важнейшее место занимало строительство новых предприятий. А это требовало огромного количества рабочих рук. Черпать их не было неоткуда, кроме как из деревни. И вот сотни тысяч бывших крестьян стали пополнять ряды рабочего класса, приучаясь к новым формам организации труда, к новым формам ответственности. Этот процесс сопровождался изменением уклада их жизни, повышением их образования и квалификации, усвоением иных правил общежития.

Для формирования и воспитания новых качеств трудового поведения использовалось несколько средств. Во-первых, наряду с требованиями об обязательном выполнении производственных заданий начали активно пропагандироваться и поддерживаться различные *формы самоорганизации людей*

по выполнению и перевыполнению планов и достижению высоких трудовых показателей [Рогачевская, 1959; Щетинов, 2002]. Сначала получило распространение ударничество как эффективная форма использования внутренних ресурсов по достижению поставленных на производстве целей. Эти трудовые усилия и достижения поощрялись, хотя виды стимулирования труда (если исходить из нынешних мерок) были примитивными, но действенными: в условиях дефицита товаров ударники и передовики награждались ботинками, отрезами на платье и другими нужными в повседневной жизни и домашнем хозяйстве вещами (отметим, что эти меры были более эффективными в тех условиях, чем многие средства поощрения в современной экономике).

Поиск новых видов стимулирования инициатив и их материального и морального поощрения проявился в виде *стахановского движения,* получившего всеобщее признание среди работников производства и высокую оценку со стороны государства. Напомню некоторые факты.

Стахановское движение – массовое участие новаторов, многократно превышавших установленные производственные нормы, по коренному совершенствованию организации труда. Это движение возникло в 1935 г. и названо по имени забойщика шахты «Центральная-Ирмино» (Донбасс) А. Г. Стаханова, добывшего в ночь с 30 на 31 августа за смену (5 ч. 45 мин.) 102 тонны угля при норме в 7 тонн, а впоследствии, 19 сентября, – 227 тонн. Этот почин был подхвачен работниками и других отраслей экономики. Люди были впечатлены такими достижениями и многие были настроены на такие же рекорды на своём рабочем месте, искренне стремясь продемонстрировать свои личные профессиональные способности. Так, высоких показателей в достижении эффективности труда достигли в обувной промышленности – Н. И. Сметанин, на железнодорожном транспорте – П. Ф. Кривонос,

в машиностроении – кузнец А. Х. Бусыгин, в сельском хозяйстве – трактористка П. Н. Ангелина. В текстильной промышленности отличились ткачихи Е. В. и М. И. Виноградовы, одну из которых – Евдокию – в заграничной прессе и зарубежной советской пропаганде называли «первой работницей Советской страны» и даже «Miss U.S.S.R.» [Россия в XX веке… 2002].

Основными критериями популярности и включённости в стахановское движение служили не только воля и стремление тружеников производства к новым совершениям, но и изменения в организации труда, новое оборудование, продуманная политика поощрения. Государство всемерно стимулировало эти достижения. Этот почин был официально одобрен, получил мощную пропагандистскую поддержку. Стахановцы награждались денежными премиями, транспортными средствами, памятными поездками в столицу. В целом авторитет стахановцев был высок, хотя на ряде производств рабочие выражали недовольство по отношению к конкретным коллегам, потому что после их достижений шёл пересмотр норм выработки и, соответственно, увеличение интенсивности работы.

Нужно отметить и то, что руководители в своём большинстве на всех уровнях – от высшей власти до низовой производственной ячейки – были официально ориентированы на поддержку разного рода инициатив, что служило дополнительным стимулом для активного участия в преобразовании и совершенствовании тех производственных процессов, в которые работники были вовлечены. Успех и популярность стахановского движения во многом объясняется тем, что его рождение и распространение опирались на высокий народный авторитет роли и значения труда в жизни человека.

Для стимулирования успешного и производительного труда осуществлялась политика предоставления социальных благ

как в виде распределения по труду в зависимости от результатов работы, так и через общественные фонды потребления с учётом степени нуждаемости отдельных групп населения. Что касается оплаты труда, то в 1940 г., согласно официальной статистике, «зарплата в доходах рабочих семей в среднем составляла 71,3%, а выплаты и льготы из общественных фондов потребления – 14,5%. Доля последних имела тенденцию к возрастанию». Из этих фондов покрывались расходы на образование, здравоохранение, выплату пенсий, стипендий и пособий, иные социальные цели. Средства на пополнение фондов распределялись централизованно из бюджета государства, в который предприятия отчисляли всю прибыль.

Причём различия в жизненных условиях рабочих, колхозников, интеллигенции, руководителей разного уровня были относительно невелики, хотя для некоторых категорий граждан устанавливались привилегии.

В повышении значимости и исключительной ценности трудовых достижений, в росте производительности труда огромную, можно сказать, пионерную роль сыграло использование такой формы поощрения, как государственные награды. Так, Постановлением ЦИК СССР от 25 ноября 1935 г. был учреждён орден «Знак Почёта» для награждения за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести. Им массово награждались за ударничество и стахановское новаторство.

Затем последовали и другие государственные поощрения за трудовые успехи: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 г. было учреждено звание Героя Социалистического Труда». В этом же году была введена медаль «За трудовое отличие», которая присуждалась людям, отличившимся упорным трудом и высокими показателями в работе.

Можно, на наш взгляд, утверждать, что именно в 30-е годы сложилась иерархия в награждении и поощрении отличившихся в труде. Сначала заслуги передовиков отмечались на уровне коллектива, бригады, завода. Затем после получения благодарностей и грамот на своём производстве эти люди, становясь известными, последовательно отмечались на уровне района, области и республики, а затем награждались на уровне всей страны.

Эта политика поощрений имела большой эффект и была предметом гордости для награждённых как мера признания их заслуг. Правда, что среди нынешних либеральных деятелей иная оценка этих мер поощрения трудовых свершений. Так, А. Голубовский, насмехаясь, пытался утверждать, что абсурдно соединять труд и героизм, называя советского человека «циничным, двуличным, апатичным», считая это абсолютным нонсенсом [*Дискуссия... 2019. 24 мая*].

Вместе с тем политика по изменению отношения к труду и воспитанию качеств сознательного работника не была такой однозначной и прямолинейной, так как люди, реализующие свои *производственные* задания, придерживались и исповедовали различные жизненные установки. В этой связи интересны заметки И. Эренбурга о реальных людях, которые строили Нивскую ГЭС-2 (в 1934 г. 30 июня она дала ток), первую в мире электростанцию за полярным кругом. Он отмечал, что работали люди с самыми разными намерениями, но объединённые одной целью, в которую они верили. «Их называли “ударниками”. Одни из них надрывались, чтобы поручить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно играют в железку: это был свой, строительный азарт. Четвёртые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, променять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые

боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну «Домной Ивановной». Они звали мартеновскую печь «дядей Мартыном». Шестые верили, что стоит достроить этот завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам понесутся сахар, чай, сукно и сапоги. Ударников было много – чистых и нечистых. Но все они работали скорее, нежели могли. Они работали скорее, нежели могут работать люди. Так, на кладке огнеупорного кирпича французские специалисты говорили: “Человек может положить в день полтонны”. Каменщик Щеголев выслушал переводчицу и ничего не сказал. Его бригада вышла на работу в шесть утра. Щеголевцы работали до ночи. Они не курили, чтобы не потерять ни минуты. Когда они сдали работу, на человека вышло по полторы тонны» [Эренбург, 1964].

Вместе с тем роман Эренбурга был обнажённо правдив. И конечно, он отдал дань официальной концепции сталинской индустриализации страны. Он писал: «И был вечер, и было утро, день второй. Это означало, что новый прекрасный мир только создаётся, что мы в самом начале этого пути. За «днём вторым» последует «день третий», а затем – четвёртый, и пятый, и шестой. И если не мы, то потомки наши увидят небо в алмазах. И скажут, как сказал Господь, довольный результатами своих трудов, что всё сделанное – «хорошо весьма».

И что важно, этот роман был издан, хотя также описывал тяжкие судьбы людей, трудящихся на этой строке. Обратим внимание на такие слова: «У людей были воля и отчаянье – они выдержали. Звери отступили. Лошади тяжело дышали, забираясь в прожорливую глину; они потели злым потом и падали. Десятник Скворцов привёз сюда легавого кобеля. Кобель тщетно нюхал землю. По ночам кобель выл от голода и от тоски… Люди не просыпались: они спали сном праведника и камней. Кобель скоро сдох. Крысы попытались пристроиться, но и крысы не выдержали суровой жизни. Только насекомые

не изменили человеку. Они шли с ним и в тайгу. Густыми ордами двигались вши, бодро неслись блохи, ползли деловитые клопы. Таракан, догадавшись, что не найти ему здесь иного прокорма, начал кусать человека. В бараке № 28, как и в других бараках, люди выкидывали из тюфяков сено и забирались в полосатые мешки. Начёсанные бока горели. Но люди не звери: они умели жить молча. Днём они рыли землю или клали кирпичи. Ночью они спали». Такой вот мелодией начинался этот роман. «Несмотря на непомерные трудности, люди массово проявили качества труженика, терпеливого строителя в годы первых пятилеток, когда неимоверными усилиями были построены сотни и тысячи предприятий, ставших основой индустриальной мощи страны и создавших базу для сопротивления немецкому фашизму» [Эренбург, 1964].

Что касается работников сельского хозяйства, то в это время в стране существовала огромная скрытая безработица, что явилось стимулом для осуществления стремительной промышленной революции (индустриализации). Ряд советских деятелей, таких как Преображенский и Фельдман, говорили о необходимости регулировать этот поток выхода из деревни, чтоб сбалансировать решение как экономических, так и социальных проблем. Вместе с тем, по убеждению некоторых исследователей, «перемены в крестьянской жизни начались, как правило, с 1929 г. (у некоторых раньше), которые «стали переломными в динамике сельского населения» [Зайончковская, 1991: 19].

Именно в годы первых пятилеток происходят коренные изменения в сознании большинства крестьян, хотя в их понимании соседствовали самые различные противоречивые и конфликтные ориентации – от осознанного приятия предлагаемого образа жизни до пассивного, а иногда активного сопротивления. Об этом, в частности, говорит существование малой, но устойчивой группы единоличников.

Всё это позволяет сделать вывод, что произошло расширение полей жизненного выбора.

Что касается оставшихся на земле, то они переживали большие жизненные коллизии. Переход от единоличного хозяйства или простых форм кооперации вроде товарищества по совместной обработке земли к такой форме организации труда, как колхозы, предполагающей коллективную форму собственности на землю, на крупный рогатый скот и лошадей, на инвентарь, вызвал неоднозначное отношение. Однако форсированный, командный, а не постепенный, убеждающий стиль привёл в начале коллективизации к обострению вплоть до восстаний. Эта ситуация заставила Сталина написать статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» (газета «Правда» от 2 марта 1930 года), смягчившая меры проведения коллективизации сельского хозяйства в СССР при исполнении постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года, в котором содержалась программа форсированной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В статье предлагалось устранить *«перегибы на местах»*, которые объявлялись плодом самодеятельности излишне ретивых исполнителей, трактовавших таким образом *«генеральную линию партии»* на сплошную коллективизацию.

Так как некоторая часть крестьянства не была согласна с политикой коллективизации, это вылилось в ряд народных волнений, актов саботажа и даже убийства организаторов колхозов. Только в 1930 г. произошло 13 453 массовых крестьянских выступления (в том числе 176 повстанческих), 55 открытых вооружённых восстаний. В совокупности в них участвовали почти 2,5 млн человек [Александров, 2020: 15].

Помимо устранения перегибов и наказания слишком ретивых исполнителей политики коллективизации были приняты и репрессивные меры, которые официально именовались политикой ликвидации кулачества как класса. Это привело к тому, что более 1,8 миллиона крестьян под предлогом раскулачивания и преодоления сопротивления были депортированы в 1930–1931 годах.

Серьёзным испытанием для крестьянства стал голод 1932–1933 годов, унёсший миллионы жизни. Этот голод стал результатом сочетания нескольких факторов, среди которых главными были неурожай и политика хлебозаготовок.

В целом коллективизация была серьёзным испытанием общественного договора, в котором появились значительные трещины – выросло число сомневающихся и даже отвергающих эти преобразования. Перед советской властью остро встал вопрос о поисках согласия в этих чрезвычайных обстоятельствах, тем более что они были усугублены голодом, огромными издержками и просчётами в работе с крестьянским населением.

Но несмотря на эти издержки, ошибки и искажения в колхозах и совхозах постепенно налаживались новые формы организации труда, появлялись машины (тракторы, комбайны, сеялки и др.) которые позволили поднять производительность труда, повысить урожайность. Создание условий для культурного развития на селе – массовое строительство школ, библиотек, клубов – коренным образом меняло образ жизни сельских жителей. Можно сказать, что наиболее успешные хозяйства обращались к опыту артельного ведения хозяйства, которое показало свою эффективность на предшествующих этапах развития России.

Но главное – рождался новый тип отношения к земле, который, несмотря ни на какие изъяны, привёл крестьян к убеждению к приемлемости этого вида производственных отношений [Ивницкий, 1996]. Этому в немалой степени способствовало то, что ещё были живы традиции общинности, а

также имелся опыт различных форм кооперации, апробированных в 20-е годы. В результате многие колхозы стали олицетворять особую форму артельного труда и жизнеустройства (этот термин – артель – потом вошёл и в официальную лексику).

Конечно, процесс преобразования деревни сопровождался огромными сдвигами в общественном сознании, в образе жизни. Мировоззрение миллионов крестьян, которые были вовлечены в эти преобразования, перестраивалось под влиянием объективно изменившихся обстоятельств. В силу непритязательности запросов в прежней сельской жизни они терпеливо переносили ограничения в обеспечении самыми необходимыми товарами повседневного спроса. Но в то же время происходил процесс постепенного улучшения жизни населения, включающий отмену продовольственных карточек, развёртывание организаций сферы услуг, удовлетворяющих бытовые потребности людей.

Масштабные темпы экономических преобразований, зримые успехи по созданию новых предприятий при всех скудных гарантиях повседневной жизни вызывали не просто их одобрение и поддержку. Небывалый психологический перелом у бывших молодых крестьян, ставших рабочими, вызывала невиданная ранее техника, возможность строительства нового образа жизни, уверенность в достижении своих надежд и понимание перспектив профессионального и социального роста.

Что касается изменения мировоззрения нового поколения бывших крестьян, ставших рабочими, то оно происходило интенсивно и не только в трудовой жизни, но и по отношению к учёбе, профессиональному росту, новым принципам построения быта.

Типичной была и такая ситуация: бывший крестьянин с сельской глубинки постепенно превращался в городского

жителя, приобретал профессию и/или квалификацию, становился специалистом в той или иной отрасли производства. Некоторая часть из них совмещала работу на заводе с заочной/вечерней учёбой в техникуме или вузе. Нередко бывали и такие ситуации, когда сын раскулаченного становился партийным функционером, сын священника после окончания университета – научным работником, преподавателем. Немало выходцев из крестьянских семей шли в военные училища и становились офицерами.

Всё это позволяет сделать вывод, что в процессе реализации политики индустриализации и коллективизации возник новый вариант согласия между «властью» и «крестьянской массой», ковалась убеждённость в справедливости социалистических идей, готовность положительно оценивать происходящие перемены. При этом существовала тесная взаимосвязь между обязательностью и даже принудительностью и добровольностью в процессе изменения человека и общества. И это служило основой того, что большинство могло с убеждённостью сказать: я не попутчик, я не бывший единоличник, я не представитель эксплуататорских классов – я советский человек. Всё это послужило основой, чтобы в середине 1930-х годов отказались от такого деления социальной структуры советского общества, как отказ от официального существования представителей эксплуататорских классов, ранее поражённых и ограниченных в правах, в том числе на участие в голосовании, что потом нашло законодательное закрепление в Конституции СССР в 1936 г.

Таким образом, такая черта, как признание величия своего труда, активно пестовалась как государством, так и самими людьми, которые руководствовались не только альтруистическими или идейными целями. Их намерения были нацелены на достижение достойной жизни, что совпадало и с личными, и с общественными интересами.

Конечно, было не мало и других мотивов, но даже не примирившиеся с советской властью всё же подчинялись трудовому ритму и выполняли свои производственные обязанности.

В целом же в реальной жизни большинством была признана установка: от каждого по способностям, каждому – по труду, а в торжественных обстоятельствах – труд есть дело чести, доблести и геройства. Именно реализация этой установки обеспечила и гарантировала баланс интересов государства и его двух основных классов – рабочих и крестьян, что привело к основательному укреплению общественного договора и таких его компонентов, как согласие, доверие и поддержка, а также солидарность с официальной политикой советской власти.

Культ образования. Культурность

В начале 1930-х годов в официальном лексиконе появилось слово *«культурность»*, которое впервые прозвучало на XVI съезде ВКП(б) (на XVII съезде оно было многократно повторено). Оно трактовалось достаточно широко – как усвоение каждым гражданином богатств человеческой культуры, как овладение ею во всех сферах общественной жизни – от производства до её использования в быту, в повседневной жизни. Соответственно этому и менялся не только официальный язык, но и язык повседневности, обогащаясь новыми словами и выражениями, одобренными официальными установками и социалистической идеологией. И главное, что эти проявления культурности приобретали права гражданства, становились показателем духовного развития человека и характеристикой его потенциала по освоению новых вызовов времени и заметной характеристикой общественного договора.

В реальной жизни реализация культурности осуществлялась через такие каналы по обогащению духовного мира

людей, как образование, массовая культурно-просветительная работа, пропагандистские усилия партии большевиков и комсомола, использование средств массовой информации (газеты, журналы, радио), привлечение деятелей литературы и искусства к выражению преобразовательной деятельности советских людей на стройках пятилеток и сельскохозяйственном поприще.

В 1930-е годы в стране продолжалась реализация политики ликвидации неграмотности, которая привела к тому, что согласно переписи населения в 1937 г. грамотными стали 86% мужчин старше 9 лет, а среди женщин – 66,2%, хотя критерий грамотности в этой переписи (как и предыдущей) был низким: грамотным считался тот, кто умел читать хотя бы по слогам и написать свою фамилию. По сравнению с предыдущей переписью прогресс был колоссальным. Большая часть населения стала грамотной, хотя в то же время не было ни одной массовой социально-профессиональной группы без неграмотных. Таким образом, даже с учётом «приписок», политика в сфере образования свидетельствовала о явном успехе этого новаторского проекта. Неграмотность взрослого населения, будучи хоть и не до конца ликвидированной, утратила характер острой социальной проблемы, и кампания по ликбезу в СССР к концу 30-х годов была официально завершена.

Эти годы ознаменовались также тем, что были осуществлены кардинальные меры по созданию всеохватывающей сети образования и воспитания. Детей предлагалось содержать в детских яслях и садах. С 1930 г. было декретировано всеобщее обязательное начальное образование. Это решение трудно переоценить. Согласно расчётам С. Г. Струмилина, введение всеобщего начального образования дало экономический эффект в масштабах страны, в 43 раза превышающий затраты на его организацию; рентабельность начального обучения для лиц физического труда в 28 раз превышала себе-

стоимость обучения, а капитальные затраты на него окупались через 1,5 года [Цит. по: Кристалл роста… 2021: 113].

Одновременно совершенствовалась работа семилетнего и среднего образования, которое рекомендовалось сделать обязательным в крупных городах. В 1934 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О структуре начальной и средней школы в СССР» были учреждены 3 типа общеобразовательной школы: начальная (1–4 классы), неполная средняя (1–7 классы) и средняя (1–10 классы). Для населения, особенно молодёжи, были представлены возможности обучения не только в школах, но и в растущем числе техникумов и вузов. Женщинам стали доступны все виды и ступени обучения.

В связи со всё возрастающим количеством обучающейся молодёжи в начальной, неполной средней и средней школе шёл поиск методов преподавания и их совершенствование. Особенно это проявилось в распространении различных педагогических практик, которые претендовали на соответствие как объективным потребностям развития, интересам социалистического строительства, так и воспитанию нового социалистического типа личности. Однако нигилистическое отрицание прошлого опыта в преподавании вызвало много нареканий, и поэтому был осуществлён возврат к лучшим традициям предшествующих этапов отечественного образования. Были отвергнуты некоторые псевдореволюционные инициативы или их абсолютизация, как это случилось с педологией [Куманев, 1973; Штамм, 1985].

В годы первых пятилеток была также осуществлена кардинальная реконструкция высшей школы, что диктовалось неотложной потребностью в массовой подготовке кадров для нужд экономики, особенно промышленности. Это были решительные шаги на пути подготовки молодой советской интеллигенции. И это направление добилось немалых успехов – только за

1930–1935 годы было подготовлено около 435 тыс. инженерно-технических специалистов, в то время как их численность в 1929 г. составляла примерно 66 тыс. человек.

Направленность на подготовку специалистов, в самом широком смысле этого слова, от квалифицированных рабочих до профессионалов со средним специальным и высшим образованием была закреплена политическими решениями. В эти годы произошёл кардинальный поворот к реализации этой важной проблемы. Именно тогда прозвучали слова Сталина на церемонии выпуска командного состава Красной армии: «Надо понять, что кадры решают всё. Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, наша страна будет непобедима» [«Кадры решают все»… HP-Академия]. Именно в эти годы развернулось открытие новых высших учебных заведений (институтов), специальных факультетов, а также средних профессиональных учебных заведений (техникумов).

Остро стоял вопрос и о подготовке квалифицированных рабочих кадров. Программа первой пятилетки предусматривала обучении 500 тысяч квалифицированных рабочих. В 1930 г. был поставлен вопрос «решительного и резкого расширения и качественного улучшения практической работы в области подготовки и повышения квалификации кадров промышленности». Основной формой подготовки квалифицированных рабочих становятся школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и наставничество. Обучение в них проходило с отрывом и без отрыва от производства. Двухгодичная программа позволяла подготовить рабочих 3–4-го разрядов, три года требовалось для обучения рабочих-универсалов 5–6-го разрядов. Если в 1925 г. по стране действовало 2276 подобных школ с числом учащихся 228,3 тыс. человек, то в 1932 г. их уже было соответственно 3900 и 958,9 тыс. [Пятилетний план... 1930, 79; Коммунистическая партия… 1984: 442; Культурное строительство… 1940: 107].

В 1940 г. делается следующий принципиальный шаг: создаётся единая централизованная система профтехобразования согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР «О призыве городской и колхозной молодёжи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения». В этом же году практически все школы фабрично-заводского ученичества были преобразованы в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Из бюджета страны на поддержание материально-технической базы системы трудовых резервов было выделено около 5 млрд рублей, предприятия передали в учебные заведения примерно 23 тыс. металлорежущих станков, что позволило в короткие сроки подготовить целое поколение рабочих-станочников, так необходимых стране в тот период. О высокой популярности и доступности профобучения говорит тот факт, что в профессиональные училища в первый набор был подан 1 млн заявлений на 600 тыс. мест.

В эти годы были приняты кардинальные изменения системы образования в национальных регионах, что послужило укреплению и поддержке общественного договора населением различных этнических и конфессиональных общностей. В 1930-е годы продолжалось создание письменности для десятков ранее бесписьменных народов (абазинцы, лакцы, ногайцы, балкарцы, тувинцы, адыгейцы и другие). Дети десятков национальностей впервые в истории получили учебники и учебные пособия на родном языке. При этом обеспечивался дифференцированный подход к определению сети и типов школ в зависимости от экономических, этнографических и географических условий территорий.

Образование стало бесплатным. Эти качественные изменения в образовании привели к огромному социальному эффекту – у людей росла уверенность в себе, повышалось чувство собственного достоинства и, соответственно, благодарность тем, кто их обучил, что, в конечном счёте, соотносилось с позитивной оценкой государства. Иначе говоря, общественный договор укрепился за счёт того, что обладание знаниями посредством совершенствования образования было в целом высоко оценено людьми и явилось одним из значимых показателей укрепления общественного договора и формирования качеств советского человека.

Значительную лепту в совершенствование общественного договора внесла наука. Во всех союзных республиках возникают новые центры науки – филиалы Академии наук СССР. Фоном и основой поведения научной интеллигенции были слова Н. И. Бухарина, произнесённые им в докладе на Всемирном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 г. «Великая практика требует великой теории». Достижения советской науки в 1930-е годы были значительны: 1) мировое признание получила советская физическая школа (оптика, кристаллы и проводники, микрофизика, радиофизика, исследование атомного ядра); 2) заметных успехов добились химики (был открыт способ производства синтетического каучука, началось производство пластмасс и искусственных волокон); 3) мировых достижений добились биологи, математики, астрономы, физиологи. Правда, эти достижения не всегда получали отзвук в массовом сознании. Но люди активно реагировали на наглядные научные достижения, которые касались их повседневной жизни. Так, 29 апреля 1931 г. была проведена первая опытная телепередача.

По-иному происходили изменения в общественных науках. Рядом деятелей от науки, в частности Б. Гессеном, признанным в начале 1930-х годов авторитетом марксистской теории, отстаивался метод «идеологического соответствия», согласно которому на прогрессивной стадии развития общественных систем порождается прогрессивная наука [Бажанов, 2020].

Значительный вклад в политику культурности, в формирование общественного сознания советских людей внесла массовая культурно-просветительная работа. Через всеохватывающую и постоянно расширяющуюся сеть различных учреждений – красных уголков, клубов, дворцов культуры, кинозалов и кинотеатров – наряду с художественным осуществлялось и массовое идейно-политическое просвещение. Особую роль, особенно на селе, сыграли избы-читальни. Главными направлениями их работы, начиная с 1920-х годов, с момента их возникновения, были выдача книг, громкая читка газет и журналов, организация бесед и лекций, кружковая работа, освещение хода посевных и уборочных кампаний, художественная самодеятельность, прослушивание радиопередач, антирелигиозная агитация и пропаганда правовой грамотности. Их число к 1948 г. выросло до 48 тыс. [Изба-читальня… 1972: 50]. Одновременно было развёрнуто строительство клубов, дворцов культуры, библиотек, обеспечение киносеансами возможно большего количества населения.

Большую лепту в воспитание и повышения уровня культуры советских людей внесла художественная интеллигенция, деятели литературы и искусства. Этому способствовали меры по её консолидации. На основе постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» вместо разрозненных объединений писателей был учреждён Союз писателей СССР (1934 г.), вместо многочисленных групп и объединений художников были образованы Союзы советских художников в союзных и автономных республиках, краях, областях и городах. В этом же 1932 г. был создан Союз советских композиторов СССР, а Государственная организация музыкантов и музыковедов стала заменой разнородных художественных объединений, существовавших ранее независимо друг от друга как Ассоциация современной музыки и Российская ассоциация пролетарских музыкантов. В том же году существующее Российской театральное общество, созданное А. В. Луначарским в 1919 г., было переименовано во Всероссийское театральное общество. Всё это позволило сконцентрировать внимание этих центров культуры на целях и задачах, которые решала советская власть, и координировать их работу по воспитанию и просвещению советских людей. И они многое сделали для того, чтобы поднять культурный уровень советских людей и обеспечить эффективное функционирование общественного договора. Значительным событием в литературной жизни 30-х годов стало появление эпопей М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина», А. Толстого «Хождение по мукам». Пафосом созидания, анализом психологии человека в революции и послереволюционном преобразовании жизни пронизаны романы Н. Островского «Как закалялась сталь», А. Макаренко «Педагогическая поэма».

Выдающимся создателем философской прозы был Михаил Пришвин, автор повести «Жень-шень», цикла философских миниатюр. Особую роль в 30-е годы играла детская книга. В 1934 г. началось издание серии «Жизнь замечательных людей» с Генриха Гейне Александра Дейча.

Многое в массовом сознании сыграли успешные выходы советской культуры на киноэкран, ставший одним из эффективнейших каналов воздействия на массовое сознание. Принятие массовым сознанием многих кинофильмов, таких как «Чапаев» братьев Васильевых, «Александр Невский» С. Эйзенштейна, «Юность Максима» Г. Козинцева, «Трактористы» И. Пырьева, «Весёлые ребята», «Волга-Волга», «Цирк» Г. Александрова и многих других, трудно переоценить с точки зрения укрепления веры в новую мораль, в желание обрести привлекательные ценности и новый образ жизни. Их пионерное открытие, интерпретация жизни и труда реальных людей и/или исторических персонажей формировало новое

мироощущение, внушало оптимизм, вселяло надежды на благополучное будущее.

Это мощное культурное и идейное воздействие дополнялось и гордостью за достижение советской художественной интеллигенции на мировой арене, показателем чего можно считать огромный успех композиции «Рабочий и колхозница» В. Мухиной у советского павильона в мае 1937 г. на Всемирной выставке искусств и техники. Этот шедевр стал впечатляющим образцом нового мира и нового восприятия человека. Такие образцы художественного творчества влияли на мировоззрение советских людей, формируя у них понимание значимости советской страны.

Нужно также обязательно сказать об экспериментах в повседневной жизни. Произошли поиски и реализация многочисленных форм организации быта (дома-коммуны, фабрики-кухни, мебель фабричного производства, электричество и радио в жилье и др.). Особенно были популярны идеи и довольно распространена практика строительства социалистических городов [Меерович, 2014]. Только в Москве было построен пять таких городков. Существовал план построить город-сад около Перловки в Московской области, были выделены 306 участков для рабочих из квартир в 2–5 комнат (Новости 100-летней… 2023; Гудок. 1923. 17 апреля).

Но не все эти инициативы были одобрены. В 1932 г. дома-коммуны были объявлены «вредным утопическим начинанием». А на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.) их заклеймили как «уравнительско-мальчишеские упражнения головотяпов».

Но поток желающих проводить эксперименты не прекращался. Были поддержаны приверженцы внедрения в производственную и личную жизнь новых форм одежды, наглядности в оформлении зданий и сооружений, а также навыков и привычек физического воспитания [Орлов, 2010]. Своеобразно происходила и реконструкция повседневной жизни на селе [Большаков, 2008].

Однако организация рациональной повседневной жизни постоянно наталкивалась на огромные ограничения, особенно в потреблении. «В 1939 г. слово «дефицит» уже было в ходу, но многие товары были доступны, потому что не пользовались в силу своей экзотичности, как крабы, дорогие колбасы, дорогая рыба. За дешёвыми стояли в очередях» [Беляков, 2021].

Одним из особых средств общения и поощрения интеллигенции, её привлечения к заботам государства стало учреждение правительственных наград. В 1930 г. было объявлено об ордене Ленина и ордене Красной Звезды, в 1936 г. – об ордене Трудового Красного Знамени, об ордене Красного знамени, о знаке Почёта за достижения в науке, культуре, государственной деятельности. В 1934 г. звание Героя Советского союза было присвоено полярным лётчикам, участникам челюскинской эпопеи М. В. Водопьянову, И. В. Доронину, Н. П. Каманину, С. А. Леваневскому, А. В. Ляпидевскому, В. С. Молокову, М. Т. Слепкову. А в 1938 г. было учреждено звание Героя Социалистического труда, первыми обладателями которого стали конструктор стрелкового оружия В. Дегтярёв, авиаконструкторы В. Я. Климов, А. А. Микулин, Н. Н. Поликарпов, А. С. Яковлев, Б. Г. Шпитальный.

Таким образом, многообразные действия в сфере культуры позволили, с одной стороны, значительно продвинуться по повышению уровня образованности и культурности всего населения советской страны, с другой – кратно увеличить интеллектуальный потенциал, включив интеллигенцию в решение как текущих, так и перспективных целей, окончательно превратив их в сознательных участников общественного договора. Можно сказать, что в подавляющем большинстве интеллигенция стала советской.

Советскость как новая характеристика общественного договора

Одновременно с возвеличиванием культа труда и образования была окончательно сформулирована концепция, ЧТО должны представлять собой советскость и советский человек, какими чертами он должен обладать, как участвовать в трудовой и общественной жизни.

Под термином – советскость – в 1930-е годы понимались такие черты сознания и поведения человека, гражданина советской страны, которые олицетворяют качественно новое сочетание его интересов с целевыми установками государства, что и стало основой обновлённого общественного договора. Формирование советскости стало интенсивно осуществляться в ситуации, когда государство заявило о переходе к реализации целей нового этапа в строительстве социализма – коренной модернизации социально-экономических основ общества в виде индустриализации и коллективизации. В Конституции СССР, принятой в 1936 г., были представлены и провозглашены права и свободы человека, которых не было в то время ни в одной из конституций мира. В ней были обозначены пути осуществления декларируемых целей и показано, какое будущее ожидает советских людей в результате их достижения. Такая попытка сочетания интересов государства и большинства населения стала решающей силой, определившей реализацию (хотя и не без издержек) не только пятилетних планов по коренному переустройству советского общества, но и путей по формированию нового типа личности – советских людей.

Во-первых, советскость проявилась в *усвоении, принятии и доверии идеям социализма.* Эта черта складывалась под воздействием целенаправленной идеологической пропаганды и на бытовом уровне, в процессе повседневной жизни, когда человек интуитивно чувствовал правоту (и/или приемлемость) тех ориентиров, которые ему предлагала официальная власть и к которым он был предрасположен, исходя из опыта своей прежней жизни. Эта установка реализовывалась по всем возможным каналам воздействия на людей – через сеть народного образования, через массовую культурно-просветительную деятельность, через развёрнутую пропагандистскую и агитационную работу, через средства массовой информации и при активном участии художественной интеллигенции. Формированию облика нового человека способствовала последовательная, хотя скоромная по своим возможностям социальная политика, которая, несмотря на огромные ограничения, демонстрировала постепенный рост приемлемого материального достатка (хотя уровень жизни оставался низким). По словам С. Г. Кара-Мурзы, «в ответ на солидарность с государством... принципом государственной политики было сделано постоянное, хотя бы и скромное, улучшение благосостояния населения. Именно тогда возникли закреплённые в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться» [Кара-Мурза. 2001: 16].

Наглядным примером стала возможность для многих людей повысить свой социальный статус, получить квалификацию и образование, продвинуться по служебной лестнице. И даже если это случалось не лично с ними, они видели это на примере ближайшего окружения. Такие принципиально новые правила взаимоотношений государства и общества были понятны и приняты большинством людей даже в преломлении к их обычной жизни. Люди их постепенно усваивали и видели, что их личные и общественные, в том числе и производственные интересы или частично, или даже в значительной степени совпадают. Авторский социологический анализ биографий

наркомов и министров СССР, а также их заместителей в 1970-е годы, показал, что 95% из них прошли путь от рядовых работников до высот административной деятельности.

Во-вторых, продолжала укрепляться такая черта личности советских людей, как *коллективизм*, который во многом опирался на народные традиции общинности, артельности, взаимовыручки. Была поднята на высоту огромной гражданской значимости роль производственных коллективов, которая усиливалась поддержкой таких участников трудового процесса, как партийные и комсомольские организации. Дела и достижения работников и трудовых коллективов постоянно обсуждались, пропагандировались те успехи, которых они добились. Всё нагляднее проявлял себя принцип «жила бы страна родная» и лишь потом удовлетворение личных потребностей. Поддерживалось и культивировалось правило «один за всех, все за одного». Именно в этот период стал в полной мере реализовываться принцип «все за каждого» [Франк, 1992].

В-третьих, мощно заявила о себе *готовность к созидательной деятельности* на любом участке производственной деятельности, начиная от черновой работы и до высот инженерной или художественной мысли. Люди постоянно побуждались к творческой деятельности, к постоянному поиску резервов в своём труде, преданности профессии, желанию передать свои навыки и достижения молодёжи. Для этого использовались самые различные формы соревнования, развивалось ударничество, поощрялось участие в рационализации и изобретательстве. Это было организованное движение по увеличению производительности труда и норм выработки как экономическими, так и идеологическими методами. И что особенно важно, это движение, несмотря на немалые доли формализма, поднималась в общественном мнении до самой высокой оценки как проявление доблести и героизма [Рогачевская, 1959].

В-четвёртых, активно пропагандировались и усваивались *моральные ценности*, которые, опираясь на народные представления о нравственности, требовали подчинения личных интересов общественным, быть образцом поведения в публичной и личной жизни. Всемерно пропагандировались примерные образцы поведения. Особые повышенные требования предъявлялись к коммунистам и комсомольцам. От них требовалось беспрекословное участие в различных экспериментах, в работе на трудных участках производства, в выполнении ответственных, но не всегда понятных заданий. Это проявилось в различных видах мобилизационных призывов – от участия в строительстве новых заводов, в создании показательных производственных бригад, участков, цехов, заводов до руководства создаваемыми колхозными кооперативами (так называемый призыв двадцатипятитысячников), что блестяще описал М. Шолохов в «Поднятой целине». То, что коммунисты олицетворяли важную социальную функцию, говорит тот факт, что вплоть до 1970-х годов один из распространённых упрёков к ним воплощался в реплике (при нарушении ими общепринятых правил поведения): «А ещё называешься коммунистом».

Важную идейную и моральную роль играла пропаганда и возвеличивание подвигов, как, например, высочайшая оценка действий советских лётчиков по спасению команды и пассажиров гибнувшего теплохода «Челюскин». Именно героические усилия по эвакуации людей в чукотское становище Ванкарем, находящееся в 160 км от места ледовой катастрофы, были высоко оценены официальным руководством СССР – все лётчики-спасатели А. Ляпидевский, М. Водопьянов, В. Молоков, С. Леваневский, Н. Каманин, М. Слепнев и И. Доронин стали первыми Героями Советского Союза. Именно такие награждения как за трудовые, так и за боевые заслуги сыграли важную роль в мобилизации людей на осу-

ществление казавшихся недостижимыми действий, признание их усилий по реализации новаторских целей и задач.

Продолжил эту линию на возвеличивание экстраординарных достижений беспосадочный перелёт самолёта по маршруту Москва – Северный полюс – США в составе экипажа В. Чкалова, Г. Байдукова, А Белякова, вылетевшего 18 июня 1937 г. и 20 июня приземлившегося в г. Ванкувер (США). Какое ликование вызвало это достижение советских лётчиков и стремление тысяч молодых людей стать лётчиками. В 1930-х годах лётчики – «сталинские соколы» – были такими же любимцами страны, какими впоследствии стали космонавты. Недаром такие люди становились кумирами всего народа, являлись ориентиром для жизнеустройства многих молодых людей. И эта оценка трудовых и боевых свершений в дальнейшем, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, сыграла огромную роль в воспитании советского патриотизма и преданности своей стране.

Людей радовали и такие сообщения, как, например, начало продолжительного полёта в сентябре 1938 г. дирижабля «СССР В-6» (130 ч. 27 мин.), что было одним из значимых мировых свершений, что помимо гордости за достижения науки и техники вселяло в советских людей убеждённость в преимуществах социалистического строя [Менделеев, 1979].

В-пятых, осуществлялось *воспитание воина-защитника* социалистической родины, готового оберегать свою страну. Оно реализовывалось и проявлялось в двух разных аспектах. Во-первых, в воспитании молодёжи во время службы в Красной армии, во-вторых, в подготовке юношей и девушек посредством участия в спортивных и военизированных организациях. Принципиально новые перспективы открывались для молодёжи, участвующей в таких общественно значимых компаниях, как «Все на флот», «Все в авиацию». Даже работа на железнодорожном транспорте стала одним из символов

прогресса: была весьма популярна песня, вдохновлявшая на труд в этой сфере становящегося советского общества: «Наш паровоз, вперёд лети, / в Коммуне остановка. / Другого нет у нас пути – /в руках у нас винтовка» [Замостьянов, 2019].

Именно в 30-е годы сложилось скоординированное и более целостное оригинальное, отличное от опыта других стран физкультурное движение, которое включало в себя все предшествующие пионерные попытки создания и пропаганды различных видов спорта, подготовки кадров, укрепления материальной базы и формирования массовой увлечённости молодёжи в занятия физкультурой и спортом через систему ГТО (Готов к труду и обороне), БГТО (Будь готов к труду и обороне), Осовиахима [Деметер, 2005].

Эта подготовка качеств воина проверялась в таких военных акциях, как участие в гражданской войне в Испании, в сражениях с японской армией на Халхин-голе, в помощи народно-освободительной армии Китая и других боевых столкновениях.

В-шестых, шло неуклонное и настойчивое воспитание *интернационализма.* Причём лицо интернационализма приобрело совсем другой аспект, чем это проявлялось в первые годы после Октябрьской революции. Если тогда превалировала установка на мировую революцию, на установление социализма в других странах, на помощь восставшему народу (напомним о попытках революций в Венгрии, Чехии, Германии), то в 1930-е годы в этой политике произошли существенные изменения. Они проявились в том, что на первый план во внешнеполитической пропаганде вышел образ успешного и перспективного государства, реализующего цели и устремления большинства народа. Такой подход привлёк тысячи специалистов и рабочих из многих стран мира, пожелавших и приехавших на строительство новой жизни в Советской стране. Так, уже в 1932 г. в СССР жили и трудились 9190 иностранных специалистов и 10 655 рабочих (Ино-

странные специалисты… Studfiles]. Это была мощная не только профессиональная, но идейная поддержка интернационализма в советской стране.

Идеи интернационализма получили и внутристрановую трактовку. В национальной политике это проявилось в достижении взаимопонимания и согласия с представителями многочисленных национальных народов нашей страны (а их насчитывалось более 220). И это было не словесное или декларируемое взаимное уважение и сотрудничество – оно складывалось в процессе повседневной главным образом трудовой и культурной деятельности, когда на первый план выходила не этническая принадлежность, а то, какой ты работник, какой сотрудник, коллега, участник решения совместных задач. Этот интернационализм ярко проявил себя во время Великой Отечественной войны, когда в одних рядах воевал русский, украинец, казах, татарин, чуваш, еврей, белорус и представители других народов.

Есть ещё один побочный, но важный аспект советскости: именно сложившаяся к началу 1930-х годов согласованность интересов и потребностей народа и власти сделала общественный договор между ними убедительным аргументом и для международного мира, что привело к массовому признанию легитимности советской власти, в том числе и США (1933 г.).

Все эти действия по формированию советского человека позволяют утверждать, что именно в 1930-е годы, в годы кардинальных преобразований, во всех сферах общественной жизни сформировались основные черты нового типа личности – советского человека, что предопределило успехи в развитии экономики, культуры, образования и науки, а затем проявилось в годы огромных испытаний в борьбе с немецким фашизмом. Общественный договор приобрёл новое дыхание, подтвердив, что советская власть и народ нашли базу

согласования взаимных интересов, хотя этот путь не обошёлся без серьёзных изъянов, спорных инициатив, сомнительных, а иной раз преступных решений.

Просчёты и ошибки на пути общественного договора

Прежде всего отметим, что именно в 1930-е годы произошло огосударствление партийной власти. Значение советской формы правления проявилось не только в принципе представительства народа на всех уровнях власти, но и в том, что именно Советы сверху донизу олицетворяли принципиально новую демократическую форму правления. Ведь Ленин и другие видные деятели Октябрьской революции занимали различные должности в органах советской власти, и ни один из них не имел никакого официального партийного титула. Аппарат ЦК РКП(б), а затем ВКП(б) выполнял только организационные и идеологические функции, заботясь о том, чтобы влияние партии в Советах осуществлялось посредством помощи при решении задач экономического и социально-культурного значения. Особенно это наглядно проявлялось на региональном и местном уровне.

Анализ деятельности советов в 1920-е годы показывает, что это была та форма, которая позволяла максимально учесть интересы различных социальных групп и в первую очередь тружеников и предложить эффективные и/или приемлемые формы их удовлетворения. По большому счёту низовые массовые Советы были сосредоточены в своей деятельности не на решение глобальных проблемы мировой революции (хотя они были для некоторых неким фоном), а на то, что людей волновало, что требовало оперативного решения по согласованию различных намерении и желаний. И форма Советов оказалась весьма действенной.

Наметившийся отход от этих принципов – народ сам решает свои дела – привёл к снижению действенности всех форм деятельности советской власти, так как их направления работы стали определять руководители партийных органов различного ранга. Этот стиль управления постепенно привёл к изменению структуры власти, что нашло отражение в постепенном превалировании партийных решений, которые продуцировало правящее меньшинство, но которое нередко навязывало своё видение происходящего и способы их претворения в жизнь.

Такое положение советских органов власти начало складываться вследствие того, что учреждение должности Генерального секретаря ЦК большевистской партии в 1921 г. и назначение на его должность И. Сталина привело к постепенному увеличению роли партийной власти, которая через съезды и пленумы стала устанавливать и определять направления деятельности всех органов советской власти. Партийные решения стали обретать форму указаний директивного характера, обязательных для всей страны.

Увеличению власти большевиков способствовало установление однопартийной системы, что в середине 1920-х годов привело к окончательной ликвидации даже тех политических партий, которые всё же придерживались позиций, хотя и особых, по социалистическому переустройству общества. Т. е. с политического поля были устранены оппоненты с их разными подходами к решению актуальных проблем, в результате чего партия большевиков приобрела право монопольного определения направлений, форм и методов развития общества и государства.

Следующий серьёзный шаг к огосударствлению партии был сделан в начале 1930-х годов, когда в ЦК ВКП(б) появились отраслевые отделы промышленности, транспорта, сельского хозяйства, которые начали дублировать деятельность

соответствующих Наркоматов (министерств – Ж. Т.), а затем и определять направления развития по этим сферам экономики, став более важным звеном в управлении всеми отраслями народного хозяйства и культуры. Это решение сначала подавалось как необходимость партии более предметно подключиться к более эффективному управлению возникающими проблемами индустриализации и коллективизации. В результате направления в жизни общества и государства стали определять не советские органы власти, как основа и база народовластия, а партия большевиков.

Таким образом, в этот период было заложено начало одного принципиального противоречия, которое катастрофически аукнулось в последующем, особенно в 1960–1980 гг. – постепенное замещение органов советской власти партийными органами, которые вели к огосударствлению партии большевиков.

Эти преобразования дали мощный толчок к росту бюрократии – от «рабочего государства с бюрократическими извращениями» (Ленин) к государству бюрократии. Да и съезды, сессии и другие формы коллективного обсуждения стали всё в большей мере замещаться исполнительной властью: решающее слово стало принадлежать исполкомам, т. е. назначенным чиновникам. Был внедрён институт номенклатуры, сосредоточивший, а затем монополизировавший кадровую политику в руках большевистской партии. Постепенно все виды назначений, за редким исключением, определялись только партией, часто исходя из наличия партийного билета у соискателя.

Стала постепенно уходить в прошлое и ранее применяемая практика, которую использовали руководящие кадры партии, – выступать не только на съездах, пленумах, совещаниях, но и регулярно встречаться и выступать перед рабочими и крестьянами, вместе обсуждать грядущие изменения, выслушивать мнения и суждения за и против, и, более того,

использовать их для доказательства принимаемых решений. Это привело к тому, что общественное мнение ушло в тень и обращение к нему приобрело формальный характер.

Масштабы самоуправления стали сокращаться. В созданных колхозах (не говоря о совхозах) вся хозяйственная жизнь регламентировалась сверху: сколько и чего сеять, когда пахать, сколько сдавать зерна и мяса государству, сколько иметь животных и т. д. Этот мелочный контроль порождал произвол, распоясывал бюрократию всех уровней, сокращал заинтересованность крестьян в хозяйствовании. И надо было иметь талант руководителей в отдельных колхозах и совхозах, чтобы уметь преодолеть все эти ограничения и сдерживания, вывести свои хозяйства в образцово-показательные, где крестьяне реально чувствовали себя хозяевами производства и своей повседневной жизни [Поспелов, 2022: 82].

Правда, надо отметить, что в этот период отказались от заскоков в виде обязательного коллективного жилья, питания, бытового обслуживания в виде разного рода коммун.

Огосударствление партийной власти сопровождалось деформацией социально-классовых отношений, которая особенно наглядно появилась в таких направлениях политики, как отношение к старой технической интеллигенции и к богатому крестьянству, так называемому кулаку.

Что касается технической интеллигенции, то многие из них добросовестно и честно служили как специалисты в соответствующих отраслях производства. Однако в условиях начавшейся индустриализации нередко возникали ошибки и просчёты в результате не всегда продуманных решений тем более, что не было для многих из них никакого опыта по их реализации. Но все задержки, замедления и недостатки стали квалифицироваться как сознательное вредительство, что привело к организации ряда судебных процессов, среди которых можно выделить следующие:

– Шахтинское дело. В 1928 г. 53 инженера были обвинены в шпионской деятельности с попыткой вредительства новому государству [Предисловие… 2012];
– Дело промпартии. В 1930 г. группу инженеров и учёных якобы под руководством Рамзина обвинили в попытке срыва индустриализации в стране [Судебный процесс... 2016];
– Дело Трудовой крестьянской партии, или группы Чаянова и Кондратьева. В 1930 г. представителей этой организации обвинили в попытках срыва индустриализации и во вмешательстве в дела сельского хозяйства [Политбюро… 2021];
– Союзное бюро. Дело о союзном бюро было открыто в 1931 г. Обвиняемыми по нему были представители меньшевиков. Их обвинили в подрыве создания и реализация экономической деятельности внутри страны, а также в связях с иностранной разведкой [Меньшевистский... 1999];
– Пулковское дело. В июне 1936 г. на территории СССР должно было быть видно крупное солнечное затмение. Пулковская обсерватория обратилась к мировой общественности, чтобы привлечь кадры для изучения этого явления, а также получить необходимое заграничное оборудование. В результате организация была обвинена в шпионских связях [Невская, 1994].

С середины 1930-х годов начались и политические репрессии. Причём они сначала коснулись самой партии – из её рядов исключались в основном те, кто выступал с критическими замечаниями или был обвинён в неправильных действиях по отношению к происходящему в стране. В проводимой чистке 18% членов были отчислены из партии. Всего же чистка партии проводилась в несколько этапов: в 1933–1935 годах из высшего руко-

водства партии было исключено 250 человек, а всего – более 20 тыс. человек.

Новый виток репрессий начался в 1935–1938 годах, поводом для которого стали события 1 декабря 1934 г., когда в Ленинграде был убит С. М. Киров. В результате этих событий в стране прокатилась волна судебных процессов против так называемых троцкистов и их пособников, хотя обвинения против большинства рядовых работников рассматривались в рамках заседаний так называемого «Особого совещания» или троек, получивших широкие полномочия по борьбе с «врагами народа». Фактически эти органы могли без присутствия обвиняемого, прокурора и адвоката отправлять людей в ссылку или в ГУЛАГ сроком до 5 лет и даже приговаривать к расстрелу. В 1930–1953 годах по всем видам обвинений было репрессировано 3 800 000 человек. Из них 749 421 человек были расстреляны [Земсков, 2009].

Особо выделим судебные и внесудебные расправы в армии, которые коснулись всего руководящего состава. В результате таких событий были репрессированы 3 маршала, 3 командарма 1-го ранга, 10 командармов 2-го ранга, 50 командиров корпусов, 154 командира дивизии, 16 армейских комиссаров, 25 корпусных комиссаров, 58 дивизионных комиссаров, 401 командир полка. Всего же репрессиям в Красной армии подверглись 40 000 человек [Степанов, 1993; Черушев, 2003].

Всё это позволяет прийти к заключению, что реально сложилась противоречивая ситуация: с одной стороны, впечатляющие достижения в экономике, в образовании, в культуре, а с другой – судебные и внесудебные расправы оказывались в тени, на обочине общественного сознания, казались неважными и незначимыми, тем более они подавались в официальной пропаганде как препятствия, которые надо было непременно удалить, чтобы они не мешали успешному строительству нового социалистического государства. Этими репрессиями был нанесён колоссальный урон. И хотя имелись отдельные примеры вредительства и предательства, они оказались несоизмеримыми с тем количеством жертв, которые принесли эти расправы. Разномыслие даже в пределах социалистической мысли рассматривалось как угроза советской стране, её идеологии и планам на строительство социализма.

Особо следует сказать о голоде 1932–1933 гг. По поводу его причин существуют различные и даже взаимоисключающие точки зрения. Одна позиция представлена историком В. В. Кондрашиным: «В контексте голодных лет в истории России своеобразие голода 1932–1933 годов заключается в том, что это был первый в её истории «организованный голод», когда субъективный политический фактор выступил решающим и доминировал над всеми другими… В комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор как равноценный другим, характерный для голодов 1891–1892, 1921–1922, 1946–1947 годов. В 1932–1933 годах не наблюдалось природных катаклизмов, подобных великим засухам 1891, 1921, 1946 годов [Кондрашин, 2008; Хлевнюк, 2015: 170].

Принципиально иной точки зрения придерживается доктор биологических наук Н. Н. Назаренко, который указывает на распространение болезней зерновых культур в период голода, затронувшее не только СССР, но и сопредельные страны. Это предопределило, в частности, массовую вспышку размножения сорной растительности и вредителей, которая вызвала катастрофические потери урожая в 1932 г. во многих зернопроизводящих регионах СССР, когда от 50 до 70% намолоченного зерна оказалось непригодным для использования в качестве продовольственного [Назаренко, Башкин, 2019].

Более обстоятельный анализ как статистических данных, так и реальной политики государства показывает, что причиной голода были три обстоятельства: ошибки коллективизации, неурожай, болезнь зерновых культур, так называемая

спорынья. Оценки общего числа жертв голода 1932–1933 годов у различных исследователей существенно различаются и доходят до 7–8 млн человек [Голод в СССР… 2011; Ивницкий, 1996; Жиромская, 2001].

Несомненно, это страшное бедствие сказалось на общественном договоре, на уменьшении доверия к советской власти, непонимании её действий, которые нередко опорочивались действиями ответственных работников на местах, подтверждение которых содержится в письмах М. Шолохова Сталину [Огрызко, 2023].

На пути социалистических преобразований в годы предвоенных пятилеток было немало и других недостатков, просчётов и даже непродуманных и ошибочных решений [Парфёнов, 2017].

Так, стали очевидными противоречия в становлении новой морали. Наряду с ответственным и даже героическим поведением людей их активность сдерживали огромные недостатки и невозможность серьёзно улучшить своё материальное положение. Особенно раздражало людей растущее благосостояние части партийных и советских кадров, которые пользовались благами, отличными от тех, которые имели простые советские люди. Материальное обрастание, кичливость и даже страсть именовать своими именами улицы, заводы и даже населённые пункты не могли способствовать доверию тем, кто управляет страной и тому, к чему призывала официальная пропаганда. В эти годы имена руководителей партии большевиков и советского госаппарата массово присваивались не только городам, предприятиям, улицам и даже промышленной продукции. Так, со времени первых пятилеток по железным дорогам страны понеслись паровозы «Иосиф Сталин», «Феликс Дзержинский», «Серго Орджоникидзе», тепловозы «Вячеслав Молотов», электровозы «Сергей Киров». До 1937 г. существовали многие объекты с именами Бухарина, Зиновьева, Каменева и

других руководителей. Такой подход помимо идеологического возвеличивания руководителей Советского Союза породил аналогичное поведение и в нижестоящих советских и партийных органах. Руководители республик, краёв и областей массово присваивали свои собственные имена промышленным, культурным и другим объектам. История сохранила примеры такого поведения у первых секретарей Свердловской и Иркутской областей, которые в эти же годы были расстреляны как враги народа [Гуллер, 2024].

Такие просчёты затронули и другие сферы общественной жизни. Приведу в пример науку. Наряду с её достижениями, такими как создание и освоение новых технологий, особенно в машиностроении, самолётостроении, в развитии оборонной промышленности, процветали одиозные теории, олицетворением которых стал Лысенко. Спекулируя на необходимости более решительного и результативного участия науки в строительстве нового общества, он выдвинул малограмотные предложения, среди которых особое звучание получил метод яровизации, посевов по стерне, культивирование ветвистой пшеницы. И это продолжалось многие годы, но положительные результаты отсутствовали. Именно такая установка породила неоправданные зигзаги и фактически упраздняло стержневой принцип науки – постоянное соизмерение теории и практики. Тем не менее отсутствие такого единства не препятствовало господству одиозных идей Лысенко, прикрытых идеологической мишурой, которые поддерживались официальной властью.

Немалую проблему, особенно в начале 1930-х годов представлял бандитизм, который нередко имел и политическое и уголовное лицо. Так, в конце 1930 г. на территории Западной Сибири было ликвидировано 537 банд. В 1931 г. органами госбезопасности Нижне-Волжского края было выявлено и ликвидировано несколько десятков «террористических

групп» и организаций с общей численностью участников около трёх тысяч человек. В январе – мае 1931 г. против колхозов Таджикистана было совершенно 172 «террористических акта», хотя под ними чаще всего подразумевали поджоги, значительно реже – другие виды диверсий. В дальнейшие годы в результате жёстких мер со стороны милиции и армии их численность существенно сократилась, хотя такая форма, как басмачество, существовало до середины 1930-х годов, но отдельные бои и столкновения продолжались вплоть до 1942 года [Басмачество… 2005].

Однако все эти изъяны, ошибки и противоречия прямо не касались большинства народа – о действительности в стране Советов они судили по возможности хотя бедной, но гарантированной жизни, большим возможностям, которые представляли существовавшие социальные лифты, особенно для молодёжи. Тем более в прошлое ушла безработица, неопределённость будущего. Людей вдохновляли успехи в экономике, достижения в образовании, демонстрация различных починов по освоению нового на предприятиях и в организациях. Именно такая приемлемая жизненная ситуация создала все условия, что большинство людей, и в первую очередь молодёжь, приобретало качества принципиально нового типа личности – советского человека. И именно такая созидательная обстановка создавала все условия не только для сохранения, но и укрепления общественного договора. Даже трагические события – репрессии 1937–1938 гг. – меркли перед крупнейшими достижениями страны в 1930-е годы. Кстати, не всех они затрагивали, не имелось возможности судить о них, так как они далеко не всегда касались непосредственно окружающей человека среды.

С. Беляков (как и другие исследователи) протестует против того, что многие разоблачители советского строя пытаются всегда найти пострадавших от сталинизма если не непосредственно в своей семье, то из близкого окружения: «Нельзя счастливо жить и строить новую Россию, считая, будто в прошлом всё черно и страшно... Когда говорят, что полстраны сидело, а полстраны охраняло – это не так. Скажем, в моей семье не было ни репрессированных, ни тюремщиков» [Беляков, 2022].

Добавлю из личных воспоминаний. В деревне Павловка Климовского района Брянской области (64 двора), где я родился и провёл детство, не было ни одного раскулаченного крестьянина, хотя одного из них величали подкулачником, но он не был репрессирован и продолжал трудиться в колхозе, как и другие его односельчане. Не было раскулаченных и в окружающих нашу деревню более маленьких поселениях. Почему? Пронесло? Или руководители района были более думающими людьми? Или план по раскулачиванию выполняли в крупных сёлах? Но суть состояла в другом – хотя, вероятно, до жителей этих деревень доходила какая-то информация о происходящем «вверху», она воспринималась как то, что не касается их повседневной жизни, постоянных трудовых и бытовых забот, и поэтому никак не волновали происходящие где-то события. И я думаю, что таких мест в стране было немало – ведь крестьянское население преобладало. И в них люди относились к событиям, которые узнавали из газет (радио тогда в деревнях не было), и поэтому реагировали если не равнодушно, то отрешённо.

Заключение

В 1930-е годы была окончательно сформулирована концепция, во-первых, основных направлений развития страны, во-вторых, средств и методов создания новых общественных отношений, и в-третьих, путей и условий формирования советского человека, начиная с детских лет и школьного образования и завершая участием в трудовой и общественной жизни.

Индустриализация и коллективизация по-разному оцени-

вается в научной литературе. Если в советский период большинство публикаций было посвящено описанию и объяснению только достижений и роли пятилеток в создании могущества Советского Союза, то с 1990-х годов стали преобладать отрицательные и негативные характеристики. Поэтому уместно привести слова американского экономиста Роберта Аллена, который, признавая огромные издержки, связанные с курсом на индустриализацию и коллективизацию, писал: «Политика царской России не позволяла заложить фундамент быстрого развития, перехода к капиталистическому курсу. И если бы в истории страны не было такого эпизода, как коммунистическая революция и советские “пятилетки”, Россия и по сей день оставалась бы отсталым государством, находясь на той же ступени развития, которую сегодня занимает большинство стран Латинской Америки или даже Южной Азии» [Аллен, 2013].

Анализ этого этапа – этапа индустриализации и коллективизации – позволяет утверждать, что общественный договор между властью и народом не только сохранялся, но и в значительной мере укрепился. Основой этого процесса стали поистине знаменательные свершения и сдвиги в экономике и в социально-культурной сфере.

Этот этап имел и международное значение. «Сравнивая политику большевиков в сталинский период с политической платформой лидеров партии МАПАЙ (Рабочей партией Израиля), – писал израильский экономист и социолог Б. И. Дубсон, – можно обнаружить несомненное сходство. Д. Бен-Гурион (лидер сионистской партии и один из руководителей Израиля – Ж. Т.) высоко оценивал умение большевиков мобилизовывать все ресурсы для модернизации страны и считал целесообразным использовать их опыт для реализации целей сионизма. “Мой коммунизм вытекает из сионизма”, – заявлял он» [Цит. по: Дубсон, 2008: 21].

Все эти действия советской власти привели к тому, что

формировался привлекательный образ жизни человека, который успешно и надёжно сочетал и общественные, и личные интересы, что возвышало его в глазах как мирового, так и внутреннего общественного мнения.

Ответ на вопрос, почему этот образ жизни становился популярным и убедительным, достаточно прост – люди видели себя, свою самость, своё Я в этих происходящих изменениях, примеряли на себя их возможности и дела, будучи уверены, что они так же смогут построить свою жизнь, исходя из личных интересов и интересов окружающих их людей.

Вместе с тем в этот период были и трагические события, такие как голод 1932–1933 годов, ссылки многих тысяч крестьян, именуемых кулаками, судебные и внесудебные расправы.

В целом именно в этот период сложилась новая социальная структура советского общества, в основном окончательно сформировались главные черты советского человека, которые знаменовали устойчивость существующего общественного договора. Социалистические идеи становились привычным и жизнепринятым фактором, органически вошедшими в жизнь большинства людей.

Однако надо признать, что некоторая часть людей по-прежнему не принимала эти официально пропагандируемые нормы и правила жизни как по идейным соображениям, в том числе как внутри партии, так и среди других слоёв населения, особенно крестьянства.

Нужно особо подчеркнуть, что период 1930-х и особенно 1937–1938 годы некоторыми исследователями рисуется только в трагических красках. Приведу слова историка С. Белякова, которого трудно заподозрить в любви к советской власти. Во что он пишет: «В нашем представлении Москва тех лет – чёрно-белые кадры кинохроники, репрессии. Это правда, но не вся правда. Рядом с ужасом были веселье, радости жиз-

ни. Карнавалы, мода на почти эротические по тем временам фокстрот и танго, музыкальные комедии в кинотеатрах – всё это тоже мир предвоенной Москвы. Не только очереди в магазинах, склоки в коммунальных квартирах, не только доносы и ночные аресты» [Беляков, 2021].

Мобилизации и формированию социалистического мировоззрения способствовали и некоторые международные акции, такие как участие советских людей в гражданской войне в Испании, в помощи революционному Китаю. Его участники становились героями, действия которых являлись образцом для подражания и гордости за гуманистическую помощь страдающему народу.

Много внимания уделялось военно-патриотическому воспитанию (создание добровольных обществ в помощь армии, флоту, авиации). Политика СССР, по убеждению известного эксперта по проблемам прогнозирования и сравнительной политики Энджелла, «СССР – тоталитарное государство, к которому не могу питать симпатии, устроен так, что он не хочет войны». Обращение СССР к Лиге наций, предложения о коллективной безопасности, в первую очередь США, Великобритании, Франции и СССР против Оси (Германия, Италия, Япония) были отвергнуты, что создало открытую угрозу сохранению международного порядка.

Таким образом, общественный договор в 1930-е годы подкреплялся, несмотря на ошибки, не только осознанием создания и существования великого и могучего государства, но и такими политическими акциями, имеющими всемирное историческое значение, как принятие новой Конституции СССР, которая, по мнению многих экспертов, была в то время самой передовой по сравнению с Конституциями других стран, что даже в начале XXI века признавали её глубину и качественность (мы за скобками оставляем анализ её реального применения).

В этот период состоялся массовый переход советских людей на позиции социалистического мировоззрения: возросла численность принявших пропагандируемые жизненные ценности, которые были и отражением их осознаваемых и/или интуитивно желаемых целей. Это проявилось не только в сознании и поведении рабочего класса, численность которого росла (в 1920 г. она составляла всего 16% от всего населения), но и крестьянства, как тех из них, кто переехал в города, так и тех, кто оставался жить в деревне.

На этом этапе советский человек вдохновлялся осознанием жизни в *великой* и *могущественной* стране, которая по мере своих возможностей заботится об его повседневных потребностях. Это величие планов, стремление облагородить жизненный мир людей было замечено во всём мире, что привлекло десятки тысяч рабочих и специалистов из многих, в том числе и таких капиталистических держав, как США, Великобритания, Германия, Франция и других государств на строительство предприятий, фабрик и заводов, гидроэлектростанций, объектов социального, культурного и бытового характера.

Согласно Конституции 1936 г. в ней законодательно были закреплены прямые и тайные выборы, провозглашены права и свободы, по полноте которых не было равных в мире. Особо отметим, что в Конституции 1936 г. в отличие от Конституции 1978 г. не было статьи «о руководящей роли партии». Руководители партии и государства и игравший особую роль при подготовке Конституции Н. И. Бухарин были логично мыслящими деятелями.

В 1930-е годы была окончательно прервана международная блокада Советского Союза – его признало большинство стран мира, в том числе и США (1933).

Список литературы

Александров К. Власть, сопротивление и террор // Коммерсантъ. Наука. 2020. 29 июня. № 15. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4391849 (дата обращения: 06.07.2024).

Аллен Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / Р. С. Аллен ; пер. с англ. Е. Володиной. М. : Политическая энциклопедия, 2013. 390 с. ISBN 978-5-8243-1810-4.

Бажанов В. А. Марксизм и вульгарный социоцентризм. Парадоксы марксистской теории и практики // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 97–109. DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-1-97-109. EDN LEIVGP.

Басмачество / Сост. С. А. Шумов, А. Р. Андреев [и др.] ; ред. С. Рубис. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. 475 с. ISBN 5-699-08722-2. EDN QOXPPV.

Беляков С. С. Интервью «Жизнь была кровавая, но красивая» / С. С. Беляков ; интервьюер А. Комаров // Новая газета. 2022. 19 января. № 5 (3305). С. 22.

Беляков С. С. Парижские мальчики в сталинской Москве. М. : Редакция Елены Шубиной, 2021. 672 с. ISBN 978-5-17-132830-6.

Большаков В. П. Крестьянское бытие: опыты теоретические и исторические : монография. Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2008. 232 с. ISBN 978-5-88081-869-3. EDN QPJVQH.

Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. Т. 1: 1929–июль 1932 : в 2 кн. Кн. 1 / Сост. В. В. Кондрашин. М. : МФД, 2011 656 с. ISBN 978-5-89511-021-8 (Т. 1. Кн. 1). EDN QPRWXB.

Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. Т. 1: 1929–июль 1932 : в 2 кн. Кн. 2 / Сост. В. В. Кондрашин. М. : МФД, 2011. 560 с. ISBN 978-5-89511-023-2 (Т. 1. Кн. 2). EDN QPRWXL.

Гуллер Ю. Топонимика или девятый вал переименований // Независимая газета. 2024. 2 апреля.

Деметер Г. С. Очерки по отечественной физической культуры и олимпийского движения. М. : Изд-во «Советский Спорт», 2005. 322 с. ISBN 5-85009-975-1. EDN QUAKWV.

Дубсон Б. И. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. М. : Крафт+, 2008. 336 с. ISBN 978-5-93675-145-5. EDN QPKJLX.

Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М. : РОССПЭН, 2001. 277 с. ISBN 5-8243-0212-X. EDN SMXZLP.

Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М. : Наука, 1991. 132 с. ISBN 5-02-003395-2. EDN VXSVHT.

Замостьянов А. Наш паровоз летит вперед // Литературная газета. 2019. 11–17 декабря. № 50.

Зевелев А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах / А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, А. И. Чугунов. М. : Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1981. 244 с.

Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и Политика. 2009. № 6 (33). С. 89–105. EDN KXSIKF.

Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. М. : Собрание, 2009. 288 с. ISBN 978-5-9606-0076-7.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов. М. : Магистр, 1996. 285 с. ISBN 5-89317-003-2.

Изба-читальня // Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 10 / Гл. ред. А. М. Прохоров ; 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1972. С. 50.

Иностранные специалисты в СССР // Studfiles : [сайт]. URL: https://studfile.net/preview/16672238/page:32/ (дата обращения: 26.09.2024).

«Кадры решают все». Оригинал выступления Сталина перед выпускниками военных академий в 1935 году // НР-А-

кадемия : [сайт]. URL: https://hr-academy.ru/to_help_article.php?id=204 (дата обращения: 26.09.2024

Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация : в 2 кн. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М., 2001. 348 с. ISBN 5-9265-0046-2.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова ; 9-е изд., доп. и испр. ; Т. 4. 1926–1929. М. : Политиздат, 1984. 575 с.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М. : РОССПЭН, 2008. 520 с. ISBN 978-5-8243-0987-4. EDN QPJFIB.

Кристалл роста. К русскому экономическому чуду / А. С. Галушка, А. К. Ниязметов, М. О. Окулов. М. : Наше Завтра, 2021. 360 с. ISBN 978-5-6046834-8-4.

Культурное строительство СССР : статистический сборник. М., Л. : Госпланиздат, 1940. 268 с.

Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М. : Наука, 1973. 335 с.

Лекторский В. А. Предисловие (Знание в связях социальности. 2003) // Библиотека по философии : [сайт]. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000912/st000.shtml (дата обращения: 10.07.2024).

Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 35. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 195–205.

Маркс К. Капитал. Т. I // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс : изд. 2 ; т. 23. М. : Гос. изд. полит. литерат, 1960.

Меерович М. Г. Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 95–101. EDN RXTMRB.

Менделеев А. Г. Что стоит за газетным словом? Об эффективности пропаганды в обществе развитого социализма. М. : Мысль, 1979. 181 с.

Меньшевистский процесс 1931 года : сборник документов. В 2-х кн. Кн. 1 / Сост. А. Л. Литвин. М. : Российская политическая энциклопедия, 1999. 638 с. ISBN 5-8243-0086-0.

Назаренко Н. Н. Сорная растительность, болезни и вредители как факторы голода 1932–1933 годов / Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 186–193. DOI 10.24411/2309-4370-2019-11210. EDN STSRML.

Невская Н. И. Забытые страницы истории Пулковской обсерватории (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук) // Репрессированная наука. Вып. 2 / Сост. А. И. Мелуа. СПб. : Наука, 1994. С. 140–144. EDN SWGNWX.

Огрызко В. Письма Сталину с Дона. Михаил Шолохов вызволил из тюрьмы сотни колхозников // НГ-Exlibris. 2023. 21 июня.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. Дом Гос. Ун-та ВШЭ, 2010. 320 с. ISBN 978-5-7598-0701-8. EDN YGDNIP.

Парфёнов Л. Г. Намедни. Наша эра. 1931–1940. М. : Издательство АСТ: CORPUS, 2017. 224 с. ISBN 978-5-17-100364-7.

Политбюро и Трудовая крестьянская партия : сборник архивных документов / Под общей редакцией О. Б. Мозохина. М. : Кучково поле Музеон, 2021. 864 с. ISBN 978-5-907174-69-6.

Поспелов Г. Российский путь перехода к социализму и его результаты // Экономист. 2022. № 12. С. 67–90.

Предисловие / А. Блюм, С. А. Красильников [и др.] // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. С. А. Красильников. М. : Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 5–24.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР (Первый пятилетний план) : в 3 т. Т. 1. М. : Плановое хозяйство, 1930. 163 с.

Рогалина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного

пути. М. : Изд-во МГУ, 1989. 224 с. ISBN 5-211-00283-0.

Рогачевская Л. С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926–1927 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 255 с.

Россия в XX веке: Люди, идеи, власть / Отв. ред. А. К. Соколов, В. М. Козьменко. М., 2002. 240 с. ISBN 5-8243-0295-2. EDN SGNFXJ.

Сорокин П. А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–11.

Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Сочинения : в 13 т. Т. 13. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1951.

Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 12. Апрель 1929–июнь 1930. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1949.

Степанов А. С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы (документы) // Военно-исторический журнал. 1993. № 2 ; № 3 ; № 5.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г. : подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. С. А. Красильников. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 882 с.

Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию / С. Л. Франк ; сост. и авт. вступ. ст. П. В. Алексеев. М. : Республика, 1992. 511 с. ISBN 5-250-01494-1.

Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М. : АСТ (Corpus), 2015. 464 с. ISBN 978-5-17-087722-5.

«Циничный, двуличный, апатичный» Почему «человек советский» продолжает жить среди россиян и заставляет их терпеть и страдать // Лента.Ру : [сайт]. 2019. 24 мая. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/24/homo_soveticus/?ysclid=lycsgv1j98192247211 (дата обращения: 10.07.2024).

Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. М. : Вече, 2003. 480 с. ISBN 594538366X.

Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР. (1917–1936) / С. И. Штамм ; отв. ред. Г. А. Дорохова. М. : Наука, 1985. 284 с.

Щетинов Ю. А. История России. XX век. 2-е изд. М. : Агентство «ФАИР», 2002. 350 с.

Эренбург И. День второй. М. : Художественная литература, 1964. 511 с.

Глава 7
«Все для фронта, все для победы!» – основной смысл общественного договора в Великой Отечественной войне

Это был русский медведь, который выпустил кишки из нацистской Германии

У. Черчиль,
премьер-министр Великобритании
в годы Второй мировой войны

Введение

Великой Отечественной войне посвящены тысячи монографий, статей, художественных произведений, раскрывающих историю, этапы, грани и проблемы этого героического и трагического события в истории России. Особое место занимают две энциклопедии, изданные в Советском Союзе и в современной России [Великая Отечественная… 1985; Энциклопедия «Великая… 2011–2015]. В других многочисленных работах высказаны различные, в том числе и противоречивые суждения о предпосылках и причинах, о её главных битвах, о стратегических сражениях и тактических боях, о деятельности высших органов власти, о партизанском движении, о работе тыла, о предыстории, ходе, результатах и последствиях этой войны. Достаточно сказать, что, по подсчётам Института российской истории РАН, за последнее десятилетие увидели свет 170 книг по этой теме. И всё же многое в историографии крупнейшего военно-политического конфликта XX века, где, казалось бы, давно и прочно определились позиции исследователей, вновь становится предметом дискуссий [Война… 2004].

Были предприняты и неординарные подходы – осмыслить четыре года Второй мировой войны единым историческим взглядом, не утонув в деталях, разглядеть скрытые связи и подлинные причины событий [Киличенков, 2008].

И в этом потоке литературы, на наш взгляд, мало или мельком анализируется состояние общественного сознания, его место и роль в достижении победы. Поэтому в главе ставится задача подойти к анализу этого явления, исходя из концепции общественного договора: *как и почему* советская страна и советский народ выдержал такие суровые испытания, *каким образом* единство и согласие государства и народа продемонстрировало себя в своём высочайшем качестве и явилось тем фактором, который привёл к победе в этой смертельной схватке с врагом.

Одновременно не менее важно, на наш взгляд, посмотреть на войну глазами народа, той солдатской и народной правды, которая стала духовной и моральной базой для разгрома такого опасного врага, как германский фашизм.

Поэтому проблемы общественного договора, социального контракта государства и народа, его социального клея начнём с анализа смысла, сущности и основных структурных элементов этого феномена и их реального воплощения, и функционирования на данном этапе развития советского общества.

Основной смысл общественного договора в 1941–1945 годах

Начавшаяся 22 июня 1941 г. отечественная война остро поставила вопрос о жизнестойкости советского государства и общества. Хотя в предшествующие годы было и ожидание, и определённая подготовка к возможной войне именно с германским фашизмом, но в то же время казалось, что её можно

избежать или по крайней мере отложить, оттянуть. Именно этим были продиктованы на международной арене такие действия советской власти, как попытки найти определённое взаимодействие с Великобританией и Францией (например, в связи с оккупацией Германией чешских Судет), а затем подписание Пакта о ненападении с Германией в 1939 г., война с Финляндией с целью отодвинуть государственную границу от Ленинграда и другие акции [Советская внешняя… 1992]. Что касается внутренней политики, то шло техническое обеспечение Красной Армии (в 1939 г. были приняты на вооружение танки Т-34 и КВ-1, в 1940 г. началось производство ППШ (за годы войны их произведено 5,4 млн). В 1941 г. на Воронежском авиазаводе был выпущен ИЛ-2 («Летающая смерть») и к 22 июня было произведено 249 этих самолётов. За этот и другие новые типы самолётов их создатели были удостоены звания Героев Социалистического Труда) [История Отечества… 1991; История России..., 1996].

Особое место в общественном договоре заняла работа средств пропаганды в 1930-е годы, особенно по воспитанию молодёжи как убеждённых защитников страны, воинов, способных отстоять Родину от любого агрессора. Значительное место в этом процессе заняла печать. Накануне Великой Отечественной войны в СССР имелось свыше 1800 периодических изданий, общий годовой тираж которых достигал 245 млн экземпляров. Помимо этого, выпускалось 8800 наименований ежедневных газет разовым тиражом порядка 40 млн экземпляров, а годовым – 7,5 млрд экземпляров. Влиятельную роль сыграла организация агитации и пропаганды в армейских структурах. Накануне войны выходили 4 центральные, 21 окружная, 22 армейские и флотские газеты общим тиражом 1 млн 840 тыс. экземпляров. Кроме того, выпускались 3 газеты особых корпусов и 692 многотиражки соединений и военно-учебных заведений [Великая Отечественная… 2014].

И вот наступил момент, пусть неожиданный и коварный, который потребовал без всяких скидок на чрезвычайные обстоятельства проверить святая святых – а существует ли единство, социальный контракт советской власти со своим народом. А ситуация сложилась сверхсложная, и началась она с очень неблагоприятных событий. В результате вероломного нападения, ошибочных решений военного руководства к октябрю 1941 г. в плену оказалось 3,8 млн бойцов и командиров Красной Армии. По данным немецких историков, число советских военнопленных составляло не менее 5200 тысяч человек. Не менее ощутимым ударом стало то, что летом 1941 г. были оккупированы западные районы страны. Свыше 80% всех предприятий оборонной промышленности оказались в зоне боевых действий или в прифронтовых районах. В результате оккупации Украины, Белоруссии, Юга России были потеряны возможности обеспечения продовольствием фронта и тыла.

В целях мобилизации всех ресурсов в первые дни войны началась коренная перестройка всей жизни страны на военный лад, экономика страны была переведена на военные рельсы. На Урал и в Сибирь были перевезены сотни заводов, которые за короткие сроки освоили выпуск необходимой продукции, в результате чего уже в 1942 г. уровень производства продукции военного назначения превысил 86% по отношению к довоенному периоду. Объективно на первый план вышел человеческий фактор – советские люди постоянно проявляли инициативу и трудовой героизм, обеспечивая быстрое приспособление производства к нуждам войны. Именно они стали решающим звеном – реализаторами как военных, так и тыловых проблем. Их усилиями было обеспечено сопротивление наступающему врагу, а затем и победа над ним.

Цель и смысл общественного договора между народом и государством состоял в том, что определяющей программой их деятельности стал лозунг «Всё для фронта, всё для

победы!». Именно реализации этой цели были подчинены все усилия, чтобы отстоять независимость страны, уникальность и самостоятельность советского народа, и прежде всего русского, его историческую и советскую культуру. В целях мобилизации всех ресурсов государства в первые дни войны началась коренная перестройка жизни страны на военный лад. Эта беспрецедентная нацеленность на победу, безусловная поддержка народом военных, экономических, политических акций советской власти вылилась в конечном счёте в победу в этой кровопролитной войне.

И в этой войне особую роль сыграла историческая память. Именно к наследию прошлого, к его героическим страницам был обращен призыв Сталина в выступлении на Красной площади 7 ноября 1941 г.: «Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» В этом обращении к народу также были слова, обращённые и к советскому наследию «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» Это соединение исторических заслуг русских полководцев и состоявшейся советской жизни стали фундаментом побед, одержанных в многочисленных сражениях в годы войны.

В этой связи, конечно, нужно сказать о роли русского народа в достижении победы, что и было выражено 24 мая 1945 г. на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии, когда Сталин в своей речи сказал: «Я хотел бы поднять тост за здоровье советского народа и прежде всего русского народа».

Исходя из того, что базой и основой общественного договора являлись интересы и ценностные ориентации людей, которые согласовывались с целями и установками государства,

рассмотрим, как эти скрепы функционировали в условиях военного времени, как военная, трудовая и духовно-нравственная сила проявляла себя в течение этого этапа жизни советской страны.

Ход и итоги войны показали, как социальный контракт в виде общественного договора проходил испытание временем, доказывая свою жизнеспособность, несмотря на немалые издержки при его реализации и использовании.

Объективности ради необходимо отметить, что немалую роль в материальном обеспечении войск Красной армии сыграли союзнические поставки и особенно из США и Великобритании. По американским официальным данным, на конец сентября 1945 г. из США в СССР было отправлено 14 795 самолетов, 7056 танков, 8218 зенитных орудий, 131 600 пулемётов; из Великобритании (по 30 апреля 1944 г.) – 3384 самолёта и 4292 танка; 1188 танков были доставлены из Канады, которая принимала прямое участие в оказании помощи СССР с лета 1943 г. В целом военные поставки США за годы войны составили 4% к военному производству СССР. Кроме вооружения СССР получал из США по ленд-лизу автомобили, тракторы, мотоциклы, суда, локомотивы, вагоны, продовольствие и другие товары. Советский Союз поставил США 300 тыс. т хромовой руды, 32 тыс. т марганцевой руды, значительное количество платины, золота, леса [Военная энциклопедия... 2004].

Мобилизация основных сил общественного договора

Великая Отечественная война стала суровым историческим испытанием для общественного договора между народом и властью. Эта война однозначно ответила на вопрос, насколько жизнеспособно советское государство и его главное достижение – советский человек. К этому времени, к началу

войны в общественном сознании произошли кардинальные качественные изменения, которые показали, что государство состоялось за 24 года своего существования (если отсчёт начинать с 1917 г.), а советский человек как новый тип личности показал величайшую способность отстоять *своё* Я в ожесточённой борьбе с немецким фашизмом. Именно в этой битве основная масса советского народа проявила такие черты, как преданность тысячелетнему традиционному народному мужеству, патриотизму, идеям социализма, интернациональным убеждениям, которые сплотили все слои, общности и группы многонациональной страны Советов. Была продемонстрирована верность большинства людей гражданскому и воинскому долгу как во многочисленных подвигах, так и в повседневной изнурительной и кропотливой работе по выполнению своих обязанностей в тылу, доходящей до самопожертвования. Скрепляющими смыслами поведения людей была их вера в превосходство советского уклада жизни, в неизбежную победу «правого дела», понимание того, что враг нацелен не только на их гражданскую и этнонациональную автономию, но даже на их уничтожение [Тишков, 2020]. Иначе говоря, политическая и моральная стойкость оказалась выше подобных качеств немецких солдат, которая проявилась в огромных масштабах невиданного героизма, в сопротивлении до последнего патрона даже в безнадежных ситуациях. Конечно, это беззаветное мужество и самопожертвование нередко оборачивалось гигантскими потерями, что имело противоречивую трактовку, особенно в связи с выполнением ошибочных и непрофессиональных приказов и действий командного состава.

Главное состояло в том, *кто* осуществит учёт этих новых обстоятельств и сможет мобилизовать все резервы, которые содержались в сложившемся до войны общественном договоре.

Иначе говоря, речь идёт *о субъектах*, которые бы воплотили в жизнь новые ориентиры и установки общественного договора в изменившейся ситуации. Специально не останавливаясь на описании истории основных битв с немецким фашизмом (это описано в многочисленной литературе, в том числе и в обобщённой форме в упомянутой выше Энциклопедии Великой Отечественной войны), назовём те социальные силы и их организационное воплощение, показавшие успешную мобилизацию и преимущества советской страны и советского народа.

Красная армия

Согласно официальным данным за весь период с 1941 по 1945 годы в Красной армии воевало 34 476 700 солдат и офицеров. Конечно, в это число входят и погибшие, и раненые, и попавшие в плен, и даже перешедшие на сторону врага. Цена победы была страшной: во время Великой Отечественной войны погибло 8 668 400 военнослужащих (хотя есть и другие подсчёты потерь, но указанные данные разделяются большинством исследователей). Но несмотря ни на какие лишения и трудности, Красная армия показала верность идеям исторического прошлого и советского настоящего.

Нужно особо отметить, что условия, в которых воевали красноармейцы, были чрезвычайно тяжёлыми. На фронте, особенно в первые годы войны, они часто жили в блиндажах, землянках, палатках, в сооружённых так называемых «лисьих норах», зачастую ночевали на открытом воздухе.

Сила и величие общественного договора проявилась в массовой *самоотверженности* вплоть до жертвенности, что особенно наглядно было продемонстрировано, начиная с обороны Брестской крепости и других многочисленных эпизодов начала войны, а затем в таких тяжёлых битвах, как

сражение под Москвой в 1941 г., в ожесточённой битве под Сталинградом в 1942 – начале 1943 г., затем в Курской битве в 1943 г., в многочисленных схватках с гитлеровцами на всех фронтах. Именно героизм, преданность своей стране продемонстрировали не только общеизвестные герои, такие как солдат А. Матросов, партизанка З. Космодемьянская и сотни подобных им военнослужащих и гражданских лиц, но и миллионы советских людей. Этот личный героизм исчислялся тысячами таких подвигов. Напомню такой факт: в Великую Отечественную войну было совершено около шестисот воздушных таранов. Первый из них был произведён И. И. Ивановым 22 июня 1941 г. в 4:55 утра в небе Украины, а затем через 4 дня, 26 июня, в небе над Белоруссией Н. Гастелло повторил его, направив свой подбитый горящий самолёт на колонну немецкой техники. Обратим внимание на интернациональный состав экипажа, состоявшего из белоруса Н. Гастелло, украинца А. Бурденюка, ненца А. Калинина, русского Г. Скоробогатого. В эти же дни осуществил танковый таран В. Г. Богачёв. В целом же за период Великой Отечественной войны было совершено 595 «классических» воздушных таранов (самолётом самолёта), 506 таранов самолётом наземной цели, 16 морских таранов (в это число входят и тараны морскими лётчиками надводных и береговых целей противника) и 160 танковых таранов [Е. И. Копышев, 2009].

Именно патриотизм, реализация верности Родине и той власти, при которой они жили, убеждённость в абсолютной своей правоте давали миллионам возможность свободного выбора, который в условиях этой войны воплотился в убеждении – из всех сил защищать Родину вплоть до самопожертвования.

Партизаны

30 мая 1942 г. создан Центральный штаб партизанского движения, объединивший разрозненные отряды сопротивления, которые заявили о себе уже с первых дней войны. Насколько велик этот фронт борьбы с врагом, свидетельствуют следующие данные. В общей сложности в 1941–1944 годах на оккупированной территории СССР действовали 6200 партизанских отрядов и соединений, численность партизан и подпольщиков оценивается в 1–1,1 млн человек. За годы войны они вывели из строя 1,5 млн солдат и офицеров противника, взорвали 20 тыс. вражеских поездов и 12 тыс. мостов; уничтожили 65 тыс. автомашин, 2,3 тыс. танков, 1,1 тыс. самолётов, 17 тыс. км линий связи [Советская военная энциклопедия... 1978: 230–234].

Мир был поражён неведомым по размаху и эффективности партизанским движением, в которое были вовлечены сотни тысяч советских тружеников, которые имели мужество сражаться с врагом в его тылу в невероятно тяжёлых бытовых условиях, особенно в зимнее время, когда землянки в лесах среди болот были единственными прибежищем в течение двух-трёхлетней борьбы с фашистами и их пособниками. Только в брянских лесах вели сражение на всех этапах войны более 80 тыс. человек. О непростой и тяжелейшей прозе партизанских дней, об обыденности и сложности этого вида борьбы с врагом убедительно рассказано во многих произведениях, таких как «Подпольный обком действует» Алексея Федорова, описывающего действия партизан в Черниговской и Брянской областях, а также в книге «От Путивля до Карпат» Сидора Ковпака, рассказавшего о подвиге партизанской армии, прошедшей по тылам немцев многосотенным маршрутом от территории северной Украины до Карпатских гор. Особо отметим проникновенные произведения Василя Бы-

кова, где на первый план выходили не героические подвиги людей, а будни с их глубокой, непоказной убеждённостью в преданности своей стране, воинскому долгу, с их искренней верой в необходимость защищать ту общественную и личную жизнь, которую они вели в мирное время. Эти необыкновенные истории повседневной реальности он блестяще описал в своих повестях «В тумане», «Карьер», «Сотников», «Мост» и др. В повествовании об этих драматических судьбах не подвергалась никакому сомнению высочайшая ценность – верность долгу, своему народу, своей стране при всех перипетиях в личной жизни людей. Какую убеждённость можно сохранять и свято верить тем сотням, тысячам людей, которые ушли в партизаны и боролись с врагом, живя в нечеловеческих условиях и продолжая сражаться. Кстати, не все выдерживали эти испытания. Но огромное количество людей взяли оружие в руки и сражались с таким опасным и сильным врагом, как немецкие фашисты с их приспешниками из Финляндии, Венгрии, Румынии, Испании и даже Франции, Чехословакии и прибалтийских стран.

Подчеркнём, что значение партизанских отрядов отмечали враги, в частности немецкий генерал Г. Блюментрит: «Глубоко в нашем тылу, в огромных лесных и болотистых районах начали действовать первые партизанские отряды. У нас не было достаточных сил и средств для борьбы с ними. Они нападали на транспортные колонны и поезда с предметами снабжения, заставляя наши войска на фронте терпеть большие лишения» [Цит. по: Роковые решения… 1999].

Тыл

Говоря о субъектах победы, надо особо сказать *о тыле,* о его самоотверженных тружениках, об их удивительном и поражающем воображение стоицизме. Это была беззаветная

преданность по выполнению своего гражданского долга миллионов советских людей, в том числе и подростков, которые трудились вне всяких ограничивающих их труд правил, выполняя и перевыполняя производственные задания, ночуя в цехах и других рабочих местах.

Трудовая мобилизация была осуществлена мгновенно. Вся промышленность была переведена на военную продукцию. Необходимо было наращивать объёмы, потерянные в первые месяцы войны. С самого начала войны рабочий день был продлён до 10, даже до 12 часов. Такого понятия, как отпуск или выходной, не существовало. Но именно работники тыла своим самоотверженным трудом обеспечили снабжение воюющей армии всем необходимым. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. получили распространение новые формы трудовой активности (двухсотники, тысячники, многостаночники и др.) [Гольдман, 2023].

За весь период войны тыл направил войскам свыше 10 млн т боеприпасов, 16 млн т горючего, около 40 млн т продовольствия и фуража, свыше 70 млн комплектов обмундирования. Воинские железнодорожные перевозки превысили 19 млн вагонов, автомобильным транспортом перевезено 625 млн т, воздушным – около 140 млн т материальных средств. Железнодорожные и дорожные войска совместно с населением построили и восстановили около 100 тыс. км автомобильных дорог, около 120 тыс. км железнодорожных путей. Для нужд авиации оборудовано более 6 тыс. аэродромов. Военно-медицинская служба и лечебные учреждения вернули в строй после излечения свыше 72% раненых и 91% больных. Уже 27 июня 1941 г. были собраны первые две Катюши (БМ-13) – боевые реактивные пусковые установки, которые играли важную, а иногда решающую роль в ходе многочисленных боёв.

Самоотверженный труд крестьян также во многом гарантировал снабжение фронта необходимым продовольствием.

Но не только. Реальностью были массовые личные и групповые покупки на личные средства самолётов, танков. В 1942 г. колхозник Ферапонт Петрович Головатый отправил свои личные сбережения на постройку самолёта Як-3, на котором в дальнейшем сражался его земляк, лётчик Борис Николаевич Ерёмин. Кстати, подаренных им самолётов было два, первый в 1942 г., а второй в 1944 г., который он оплатил в складчину со своими родственниками. И этот второй самолёт имел надпись: «От Ферапонта Петровича Головатого 2-й самолет. На окончательный разгром врага». Сейчас этот самолёт находится в музее США, в городе Санта-Моника. В 1991 г. был подписан контракт на предоставление в Калифорнийский музей этого самолёта сроком на 4 года, но и по сей день этот самолёт там находится.

Немало было и других колхозников, отправивших свои накопления в фонд обороны: Иван Павлович Болотин внёс 120 тыс. рублей, Кулаш Баймагаметов –325 тыс. рублей, Сулейман Амир Кара-оглы – 250 тыс. рублей. Нередко целыми колхозами организовывали сборы. Так, колхозники Тамбовской области собрали за две недели из личных средств 43 млн рублей для строительства самолётных эскадрилий и танковых колонн.

Велико и значительно было участие женщин, так как именно на них легло большинство работ по обеспечению армии и флота. Так, с 1941 по 1945 годы женщин, овладевших профессией токаря, увеличилось в 2 раза, слесаря – в 3 раза, водителя – в 8 раз. Даже такой тяжёлой мужской профессией, как шахтер, женщины овладели вполне успешно. В Кузбассе в 1941 г. после потери Донецкого угольного бассейна шахтёрами работало более 40 тыс. женщин, а в самом тяжёлом для региона 1942 г. – более 60 тыс.

Не секрет, что массово использовался и труд подростков. В войну детей стали призывать на предприятия, как взрослых

в армию. Например, на пермском моторостроительном заводе № 19 им. Сталина, выпускающем моторы для истребителей, пистолеты-пулеметы Шпагина (ППШ), минные взрыватели и запалы для реактивных снарядов минометов «Катюша», в то время трудилось около восьми тысяч подростков. Большинству было 14–16 лет, хотя встречались и младше: на вспомогательные неквалифицированные работы брали уже с 11 лет [Тыл Красной армии... 2020].

К тыловым свершениям следует отнести и труд специфических субъектов, таких как трудармия, в которую в ходе войны были мобилизованы многие тысячи людей. В современной исторической науке и публицистике трудовая армия ассоциируется главным образом с советскими немцами. Однако в действительности трудовая мобилизация не исчерпывалась ими. С одной стороны, трудовой мобилизации подлежали обычные граждане СССР. Эти люди зачастую фактически меняли только место работы либо перемещались внутри одной области. С другой стороны, в тылу работало много людей, различной этнической принадлежности из Средней Азии, Кавказа и Дальнего Востока. Люди, строившие электростанции и заводы, работавшие в шахтах и на лесоповале, терпели огромные лишения. Эта сверхнапряжённая работа стоила многим трудармейцам здоровья, а то и жизни. Иногда возникает вопрос: а было ли это необходимо? Всё ли было так организовано? Постфактум можно точно сказать, что многое можно и нужно было сделать лучше. Но их усилия тоже стали вкладом в победу над самым страшным военным противником в отечественной истории [Великая Отечественная... 1985: 727–729].

Роль коммунистов и комсомольцев

Особо необходимо сказать о реализаторах идейно-политических основ общественного договора – о коммунистах и комсомольцах, которые в большинстве были примером мужества и верности воинскому долгу. Их мобилизация была объявлена 27 июня 1941 г. И к концу 1941 г. в рядах Красной армии воевали уже 1300 тыс. коммунистов, что было равно 40% состава всей партии. Образцом поведения в самых сложных ситуациях выступали комиссары, политруки (замполиты с 1943 г.). Это понимали и немцы. Поэтому именно их расстреливали в первую очередь среди тех, кто попадал в плен. По признанию немецкого генерала Э. Рауса, «то, что солдаты Красной армии продолжали сражаться в самых безнадежных ситуациях, совершенно не заботясь о собственной жизни, можно в значительной степени приписать храброму поведению комиссаров» [Раус, 2005].

Коммунисты и комсомольцы первыми поднимались в атаку и, конечно, первые гибли, но вдохновляли других на выполнение боевых заданий. За годы войны отдали свою жизнь во имя победы около 2 млн коммунистов и порядка 4 млн комсомольцев [История Коммунистической… 1970].

Нужно сказать о суждении хода и итогов этой войны некоторых критиков методов политической работы в армии. Среди них были и те, кто настойчиво доказывал, что красноармейцев заставляли насильно кричать в начале атаки «За Родину! За Сталина!». Я спрашивал контр-адмирала, профессора В. В. Шелягa, начавшего войну матросом Днепровской (Пинской) военной флотилии: «А вас заставляли кричать эти слова?» Его ответ: «Да, было дело. Кричал. Но смысл этих слов состоял в том, что это был боевой клич, призыв, который используется в бою. В этот миг думали не о Сталине, а о выполнении воинского долга. И поэтому эти слова – это был сигнал к действию».

Война породила серьёзные социально-психологические испытания. Ведь кто заставлял красноармейцев перед расстрелом в Бабьем Яру кричать: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует Красная армия!», «Да здравствует коммунизм!»? Приводя эти свидетельства, А. Кузнецов, ставший потом диссидентом и критиковавший советскую власть, всё же не мог не признать: «Они верили, что умирают за всемирное счастье» (Колисниченко, 2017).

Духовно-нравственные основы общественного договора

С самого начала войны, не говоря уже о последующих годах, огромным вдохновляющим и мобилизующим вкладом в достижении цели общественного договора – всё для фронта, всё для победы – стала деятельность практически всех представителей духовной жизни общества: учёных, деятелей литературы и искусства, средств массовой информации, которые проявили самые глубинные черты патриотизма и сформированного чувства принадлежности к новому социальному слою – советской интеллигенции, которая в своём подавляющем большинстве проявила принципиально особые характеристики сохранения и отстаивания традиций вкупе с новым мировоззрением и желанием отстоять идеалы сложившегося советского общества.

Особое место в обеспечении обороноспособности страны сыграла наука.

С первых же дней войны учёные России, как и других республик СССР, активно включились в мобилизацию на борьбу с фашизмом. 23 июня 1941 г. на внеочередном расширенном заседании президиума АН СССР с участием 60 наиболее видных учёных страны под председательством вице-президента АН СССР академика О. Ю. Шмидта была

принята резолюция с призывом объединить все силы науки для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в начавшейся *«священной отечественной народной войне, войне за человеческий прогресс, за культуру народов СССР и всех народов мира»*.

Учёные всей страны, откликнувшись на этот призыв, немедленно приступили к перестройке тематики научных исследований, сконцентрировали все усилия на оборонных работах и изучениях, могущих дать немедленный выход в практику. Они также включились в активную работу по духовной мобилизации советского народа на борьбу с фашизмом: выступали в печати, по радио, обращаясь к советской и зарубежной общественности с призывом *«сплотить все силы в борьбе с фашизмом для защиты цивилизации от гитлеровских варваров»*.

Подали заявление в райвоенкоматы будущий научный руководитель советского атомного проекта И. В. Курчатов и выдающийся физик-теоретик член-корреспондент АН СССР Я. И. Френкель, десятки и сотни молодых учёных. Просьбы Курчатова и Френкеля были отклонены, но уже 27 июня 1941 г. 30 сотрудников знаменитого ЛФТИ были в рядах Красной армии, а через месяц их число возросло до 130. На фронт ушли 39 сотрудников Института химической физики, 14 – Радиевого института, 17 – Главной астрономической обсерватории, будущие создатели атомной науки и техники К. А. Петржак, К. И. Щелкин, пионер ракетной техники Ю. В. Кондратюк и многие другие. В армию влилось большое число преподавателей вузов и научных работников, в том числе тех, кто был репрессирован и пострадал от советской власти.

Вскоре после начала войны правительство осознало опасность утраты научных кадров и разрушения науки для страны. 15 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны вынес решение о категорическом запрещении брать на

фронт и вообще использовать не по специальности всех преподавателей вузов и научных работников. Их стали отзывать из армии по ходатайству наркоматов и ведомств.

С первых дней войны советские учёные включились в огромную научно-организационную работу. Новые сложнейшие задачи потребовали коренной перестройки организации научных исследований и методов научной работы. Быстро началась перегруппировка научных сил для более эффективного решения неотложных проблем. Изменялись организационные формы и тематика научной работы, которые вырабатывались и корректировались в тесной связи с военными и фронтовыми учреждениями при учёте опыта применения военной техники в боевых условиях. Почти все физические, химические, технические институты занялись исключительно военной тематикой. Значительная часть работников науки перешла на производство. Бригады учёных непосредственно на заводах внедряли свои разработки.

При Государственном комитете обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина был создан научный штаб, научно-технический совет. Совет связывался с командованием Красной Армии, наркоматами, исследовательскими и проектными институтами, вузами и общественными организациями, привлекал к работе крупных специалистов, что «облегчило и ускорило разработку и внедрение новшеств, сняв ведомственные перегородки». Совет координировал исследования важнейших научно-технических проблем, помогал научно-исследовательским учреждениям установить связи с военными организациями, выявить наиболее актуальные задачи и обеспечить максимально быстрое внедрение результатов научно-исследовательских работ в производство.

Эти взаимные действия имели колоссальное значение для решения многих важных проблем. Теоретические разработки в области аэродинамики, проведённые С. А. Чаплыгиным,

М. В. Келдышем, С. А. Христиановичем, привели к созданию новых образцов военных самолётов. Научный коллектив под руководством А. Ф. Иоффе изобрёл первые советские радиолокаторы. В 1943 г. были начаты работы по созданию в СССР ядерного оружия. В результате решения сложной математической задачи член-корреспондент АН СССР Н. Г. Четаев определил наивыгоднейшую крутизну нарезки стволов орудия, что обеспечивало максимальную кучность боя и непереворачиваемость снаряда при полёте. Теория академика М. М. Лаврентьева позволила увеличить пробивную силу кумулятивного снаряда, уменьшив при этом его размер. Большое значение для решения практических задач, в том числе оборонных, имело развитие номографии – одного из разделов математики, изучающей теорию и способы построения одного из видов чертежей – номограмм, которые экономят время для вычислений, упрощают их, что было выполнено в специальном бюро при НИИ математики МГУ под руководством Н. А. Глаголева. Идея «Катюши», которая зарождалась в лабораториях мехмата МГУ под руководством И. Гая, получила практическое воплощение уже в начале войны, став одним из легендарных орудий в этой войне [Наука и учёные... 1996].

Была и масса других менее заметных, но значительных прикладных достижений, предложенных учёными фронту. Уже после войны один из артиллеристов, генерал-лейтенант говорил в своих воспоминаниях: «Когда я был командиром орудийного расчёта, я не знал, что пушка, из которой мы стреляли, отлита из сплава металла, разработанного академиком И. П. Бардиным, а расчёты, которые я применял для корректировки стрельб, были обоснованы академиком А. А. Ляпуновым».

Нужно сказать, что государство по самым высоким стандартам оценило деятельность учёных. Для мобилизации их

сил были созданы новые научные центры и институты: Академия артиллерийских наук, Академия медицинских наук, Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР в Новосибирске. Состоялось открытие республиканских академий наук в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане, Армении.

Укреплению морального духа советских людей способствовала культурная жизнь страны. Деятельность писателей и других представителей искусства, которые даже в самые тяжёлые первые дни войны были на фронте не только в качестве корреспондентов и/или работников политотделов, но и создавали произведения, которые стали огромным мобилизующим нравственным фактором.

Что касается писателей, то известные литераторы работали военными корреспондентами. Наряду с описанием хода боевых действий они создали произведения, вдохновляющие людей. А. Т. Твардовский написал стихотворные истории про Василия Тёркина, В. С. Гроссман – «Сталинградские очерки». Невиданной популярностью пользовалась лирика К. М. Симонова, а также поэтическое слово А. А. Суркова, А. А. Ахматовой, О. Ф. Берггольц, М. В. Исаковского и других. Одновременно ценилось и художественное наследие прошлого. Так, 5 декабря 1941 г., когда фашисты ещё стояли под Москвой и Красная армия только-только перешла в контрнаступление, в печать был подписан роман Л. Н. Толстого «Война и мир» тиражом в 100 тыс. экземпляров [Никто не забыт... 2020].

Огромную мобилизующую роль сыграл кинематограф, который имел самую массовую аудиторию. На первый план выдвинулась кинохроника, затем «Боевые киносборники» и «Концерты – фронту». Высоким патриотическим пафосом наполнены фильмы «Секретарь райкома» (режиссер И. А. Пырьев), «Она защищает Родину» (режиссер Ф. М. Эрмлер), «Парень из нашего города» (режиссер А. Б. Столпер)

и другие. Хочется отметить и такой факт: 17 сентября 1941 г. (в самые тяжёлые дни, когда гитлеровцы рвались к Москве) состоялся показ художественного фильма «Маскарад», посвящённого 100-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. А глубокой осенью 1941 г., незадолго до контрнаступления Красной армии, вышла на экраны кинокомедия «Свинарка и пастух» (главные роли М. Ладынина, В. Зельдин, Н. Крючков), некоторые сцены которой снимались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в те дни, когда Москву уже бомбили. Это музыкальное и абсолютно мирное по духу произведение стало хитом кинопроката и одним из вдохновляющих примеров мобилизации патриотических настроений и на фронте, и в тылу.

Значительный вклад в духовный облик народа внесли и деятели театра. Театры продолжали работать в большинстве городов. В конце октября 1941 г., когда немецкие войска вплотную подошли к Москве, открылся новый московский театр «Мюзик-холл». Гвоздём программы стало выступление ставшего знаменитым дуэта «Бим и Бом». А в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в начале 1942 г. состоялась премьера оперы Сергея Васильева «Суворов» [Мирошкин, 2020], а Центральный театр Красной армии поставил спектакль «Давным-давно» (режиссер А. Д. Попов), в основе сюжета которого эпизоды биографии героини Отечественной войны 1812 г. Надежды Дуровой. Московский театр им. Е. Вахтангова представил пьесу А. Е. Корнейчука «Фронт».

В 1942 г. многие московские театры вернулись из эвакуации. В Театре имени Моссовета показали спектакль по пьесе К. М. Симонова «Русские люди», в Малом театре – инсценировку «Войны и мира», во МХАТе – «Последние дни» по пьесе М. Булгакова. Разве можно сомневаться в подвиге Д. Д. Шостаковича, создавшего Седьмую («Ленинградскую») симфонию (исполнена 9 августа 1942 г. в блокадном Ленинграде). Не меньший вклад в дело победы внесли выдающиеся музыканты С. Т. Рихтер, М. В. Юдин, солисты Большого, Кировского (бывший Мариинский) и других театров, которые давали концерты в воинских частях и госпиталях.

Нужно отметить и достойную лепту художников. Их произведения отразили глубинные смыслы общественно договора, что особенно ярко проявилось в искусстве плаката (И. М. Тоидзе «Родина-мать зовёт!») и карикатуры (художники Кукрыниксы: М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов, Б. Е. Ефимов и др.). Огромной популярностью пользовались ежедневные выпуски «Окон ТАСС» – плакатов с подписями на злобу дня.

И хотя в основе этого духовного подъёма лежали усилия русской интеллигенции, большой вклад в мобилизацию всех сил на борьбу с немецким фашизмом внесли и представители интеллигенции других народов. Вспомним только «Ленинградцы, дети мои!», написанные казахским поэтом-акыном Джамбулом в сентябре 1941 г. и посвящённые защитникам Ленинграда.

На духовном фронте по борьбе с фашизмом самыми эффективными и массовыми средствами мобилизации народа для войны с немецким фашизмом стали радиовещание, газеты, дополняемые различными спецвыпусками и листовками. Особую роль сыграло Совинформбюро (Советское информационное бюро), учреждённое 24 июня 1941 года. Именно на это ведомство легла основная тяжесть пропагандистской работы в годы войны. Оно ведало составлением сводок для радио, газет и журналов о положении на фронтах, работе тыла, о партизанском движении и оповещало население о многих других важных событиях. Что касается радио, то оно как у живущих в то время, так и у представителей последующих поколений ассоциируется с именем диктора Всесоюзного ра-

дио Ю. Б. Левитана, который передавал информацию, ориентировавшую и поддерживающую убеждённость людей в этой войне.

Говоря о средствах массовой информации – газетах, то именно на журналистах всех ведомств лежала высокая ответственность за регулярное доведение до всех слоёв народа сведений о событиях, происходящих на фронте и в тылу. Газеты и/или их особые выпуски доходили до всех уголков страны, туда, где отсутствовало радио, и куда не могли попасть за редким исключением никакие другие средства – литература, кино, постановки театров и произведения живописи.

Это морально-политическое единство поддерживалось самыми различными, на первый взгляд, незначительными акциями, но имеющими огромное мобилизующее значение. Так, за годы войны на фронт было отправлено более 255 млн экземпляров книг и брошюр, 256 тыс. специально укомплектованных библиотечек. Партизанам и подпольщикам брошюры, листовки, газеты забрасывались самолетами. Потребность в книгах была столь велика, что приходилось принимать особые меры. Библиотеки, избы-читальни, клубы устраивали коллективные читки. Были случаи создания книг-самоделок, когда дети записывали рассказы героев войны, оформляли и переплетали их. Сохранились многочисленные свидетельства о том, как в годы Отечественной войны люди нуждались в книге, несущей надежду и уверенность в победе. В дни ленинградской блокады поэт Н. С. Тихонов записал в дневнике: «В городе в огромном спросе книга… Книжные магазины полны покупателей. Все приезжающие с передовых позиций жадно устремляются за книгой».

Была в истории Великой Отечественной войны и уникальная страница, связанная с особой ролью в мобилизации патриотизма – массовая культура и её песенное творчество. Ведь не в каждый уголок страны могли попасть театр, плакаты художников, музыкальные произведения и даже кинематограф, несмотря на его более широкую доступность. Наиболее всеохватывающим средством стали *песни – одна из ярких характеристик духовного мира советского человека в Великой Отечественной войне.*

Чтобы раскрыть одну из граней убеждённости советского человека в верности идеалам страны, нужно, на наш взгляд, исходить из того, что эта война была многоплановой, неоднозначной, героической и трагической, с большими человеческими потерями и издержками. Поэтому охватить, описать, проанализировать её во всём многообразии практически не удалось никому. Более того, нередко происходит преувеличение или одностороннее освещение (изложение) одной из сторон, в результате чего возникает неточное, некомпетентное, а иногда предвзятое мнение или суждение. На мой взгляд, не достигают должной глубины и проводимые социологические опросы населения, которые фиксируют в большинстве случаев общие оценки роли и значения ВОВ.

Поэтому я прибегну к песенному творчеству, в котором нашли единство усилия художественной интеллигенции (поэтов, композиторов, артистов) и народные убеждения и предпочтения, в которых выражено состояние, переживания, надежды и утраты советских людей. Были созданы бессмертные строки, музыка, описывающие самые различные стороны героических и трагических страниц этой войны. Особенностью этого творчества стало то, что оно отражало все без исключения стороны массового общественного сознания. В песнях передавалось восприятие происходящих событий, отношение к военной действительности. Всё это, по-своему выражая убеждённость в победе над германским фашизмом, вдохновляло народ.

Начну с неувядаемой в народной памяти песни *«Вставай страна огромная, / вставай на смертный бой / с фашистской*

силой тёмною, / с проклятою ордой». Эти слова, написанные В. Лебедевым-Кумачом в первые дни начавшейся войны и переложенные на музыку А. Александровым, стали своеобразным гимном всей страны, всех народов, её населяющих, обращённым к самым глубинным корням национального патриотизма. Эти слова вдохновляли людей, мобилизовывали на полную отдачу своих сил, укрепляли веру в победу над чужеземными намерениями поработить советский народ. Это те слова и чувства, которые были обращены к *гражданской позиции человека* и в силу своей глубины и искренности сплачивали советских людей перед лицом смертельной опасности. Широкая мелодичная распевность композиции наряду с грозной поступью марша вдохновляла и поднимала боевой и моральный дух как бойцов Красной Армии, так и тружеников тыла. Она даже названа «бессмертной» Маршалом Победы Георгием Константиновичем Жуковым, который обычно был чрезвычайно скуп на похвалы.

Общесоветский гражданский патриотизм опирался на местное, как сказали бы сейчас, региональное выражение сути и назначения отечественной войны. Для примера приведу слова из песни А. Софронова на музыку С. Каца: *«Шумел сурово брянский лес, / спускались синие туманы. / И сосны слышали в окрест, / как шли на немцев партизаны»*. И недаром эта песня стала гимном нынешней Брянской области – ведь это память о 80 тысячах воевавших партизан только в этом регионе. Это характерно не только для данной области. Но локальное песенное творчество особым образом отражало проявления патриотизма. Оно представляло одну из граней исторической памяти, окрашенной участием в битве с немецкими фашистами на определённой территории. И это тоже ещё одна частичка правды – правды подлинно народной, беззаветно отстаивающей свою истинность и глубокую убеждённость в своей правоте.

Ещё одна сторона исторической правды – солдатская правда, героическая, самоотверженная, не всегда приглядная, но сознательно жертвенная, подчиненная воинскому долгу – клятве, которой были верны без колебаний, понимая, что из таких эпизодов складывается общая победа. Приведём потрясающе убедительное описание одной из сотен тысяч атак, в которую ходили солдаты и о чём так откровенно написал фронтовик Семен Гудзенко, будущий корреспондент «Правды»: Своё стихотворение «Перед атакой» он начинает так: *«Когда на смерть идут – поют, / а перед этим можно плакать. / Ведь самый страшный час в бою / – час ожидания атаки».* И заканчивает его*: «Бой был короткий. А потом / глушили водку ледяную, / и выковыривал ножом / из-под ногтей я кровь чужую».*

Суровые и трагические страницы, отражающие жестокую силу неприглядной солдатской окопной правды, скорбь за гибель близких и одновременно глубокую убеждённость в правоте своего солдатского долга, передаёт и стихотворение Иона Дегена, танкиста, после войны ставшего врачом-ортопедом: *«Мой товарищ, в смертельной агонии / Не зови понапрасну друзей. / Дай-ка лучше согрею ладони я / Над дымящейся кровью твоей. / Ты не плачь, не стони, ты не маленький, / Ты не ранен, ты просто убит. / Дай на память сниму с тебя валенки. / Нам ещё наступать предстоит».*

Красноармейцев вдохновляло не только то, что отражало их верность солдатскому и гражданскому долгу, но и другая, не менее трогательная, сокровенная, личная и в тоже время возвышающая идея, которая была воплощена в песне А. Суркова на музыку К. Листова*: «Бьётся в тесной печурке огонь, / на поленьях смола, как слеза, / и поёт мне в землянке гармонь / про улыбку твою и глаза… Пой, гармоника, вьюге назло, / Заплутавшее счастье зови. / Мне в холодной землянке тепло / От твоей негасимой любви».* Или песня композитора

Н. Богусловского и поэта В. Агатова «Темная ночь». Приведу только одно: *«Как я люблю глубину твоих ласковых глаз, / Как я хочу к ним прижаться сейчас губами! / Тёмная ночь разделяет, любимая, нас, / И тревожная, чёрная степь пролегла между нами».* Неподдельные, мужественные и вместе с тем нежные, подкупающие своей искренностью и естественностью, эти песни вызывали мгновенный и благожелательный отклик в сердцах красноармейцев и вдохновляли тех, кто трудился в тылу. Такие слова отражали веру в победу в сочетании с самыми сокровенными личными чувствами и в тоже время с верностью своему долгу, с пониманием взаимосвязи общественного патриотизма и глубоких личных убеждений.

А какой успех имели песни: «Синий платочек» (музыка Е. Петербургского, слова Я. Галицкого и М. Максимова, в исполнении К. Шульженко); «В лесу прифронтовом» (музыка М. Блантера, стихи М. Исаковского); «Давай закурим» (музыка М. Табачникова, слова И. Френкеля); «Вечер на рейде» (музыка В. Соловьёва-Седого, стихи А. Чуркина) – песня, написанная в 1941 г., известна также под названиями «Споёмте, друзья!» и «Прощай, любимый город!».

Немалую мобилизующую и вдохновляющую роль играли песни, связанные со специальной деятельностью. Так, известная под названиями «Помнишь, товарищ, белые снега» и/или «Баксанская фронтовая» – песня, написанная в начале 1943 года группой военных альпинистов на мотив популярного предвоенного танго «Пусть дни проходят» композитора Б. Терентьева. Среди авторов слов – альпинисты А. Грязнов, Л. Коротаева, Н. Персиянинов, Б. Грачёв, А. Немчинов, Г. Сулаквелидзе и Н. Моренев.

И в заключение приведу ещё одно выражение истинной боли, принесшей личные страдания огромному количеству людей. Я имею в виду песню, написанную М. Блантером на стихи М. Исаковского *«Враги сожгли родную хату, / Сгубили всю его семью. / Куда ж теперь идти солдату, / Кому нести печаль свою? /...Молчал солдат. Слеза катилась / слеза несбывшихся надежд, / И на груди его светилась / Медаль за город Будапешт.*

Укреплению патриотизма способствовали мастерство и песенное творчество исполнителей Л. Утёсова, К. Шульженко, Л. Руслановой, М. Бернеса и других.

Все названные фрагменты реальных дел деятелей культуры, литературы и искусства (но не только они) позволяют нарисовать истинную картину событий, имеющих как общенародное и общегосударственное значение, так и разные другие оттенки подлинного настоящего неподдельного патриотизма, который стал одним из решающих факторов в битве с немецким фашизмом. Конечно, можно привести ещё немало примеров проявления этой беззаветной преданности своей Отчизне, в том числе и тех многочисленных, часто самодеятельных коллективов и самостоятельных лиц, особенно детей, кто посещал как воюющих, так и находящихся в госпиталях, в тылу, вдохновляя их своей искренней и неподдельной убеждённостью в правоте общего дела. Но именно такой подход всех представителей культурного фронта – всесторонний, многоаспектный, разноуровневый, отражающий в общественном сознании все нюансы будущей великой победы – обеспечивал формирование подлинной исторической гордости, укреплял настоящий, неподдельный патриотизм всех советских людей.

Таким образом, огромную лепту в укрепление духа борьбы с фашизмом внесла культурная жизнь, деятели культуры, создавшие немало патриотических произведений, вдохновлявших бойцов непосредственно на фронте или в лазаретах своими концертными программами, которые стали частью личной жизни каждого из воевавших или трудящихся в тылу.

Наше дело правое – идейная основа общественного договора

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» – заключительная фраза обращения к советскому народу, которую заместитель Председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов зачитал в 12 часов дня 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны.

Эти слова проверялись испытанием, идеи социализма стали внутренней сущностью, подлинной убеждённостью советских людей, которые проявились в том, что большинство рабочих, крестьян, интеллигенции осознанно защищали своё Отечество, свою родину, свою землю, что придавало им дополнительные моральные силы по сравнению с фашистской идеологией, нацеленной на порабощение других стран и народов. Иначе говоря, идеология советского типа показала своё преимущество по сравнению с проповедью величия так называемого арийского народа и его господства над другими народами. Нужно отметить, что в мобилизации боевого духа в формировании идейной убеждённости участвовали самые светлые умы страны. Разве можно осуждать Илью Эренбурга, призыв которого «Убей немца!» стал не только официальным лозунгом, но и практическим руководством. Если судить по современной политкорректности, его можно тоже упрекнуть (и даже осудить), почему он написал о том, что надо убить немца, а не фашиста, что, мол, было бы вернее.

Вместе с тем в общественный договор военного времени были внесены существенные поправки. На первый план вместо классового лозунга (Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» вышел национальный призыв «Смерть немецким оккупантам!». В 1943 г. был утверждён новый государственный гимн «Союз нерушимый...», заменивший Интернационал (текст нового гимна был написан С. В. Михалковым совместно с Г. Г. Эль-Регистаном, музыка А. В. Александрова).

Чтобы улучшить отношения с западными союзниками, в преддверии Тегеранской конференции был распущен Коминтерн (Международное объединение коммунистических партий всего мира) – это решение было принято 15 мая 1943 г. В сентябре того же года произошёл поворот и в религиозной политике государства: было восстановлено патриаршество, и патриархом всея Руси был избран митрополит Сергий.

Правое дело продемонстрировало крепость и устойчивость общественного договора, мировоззренческих установок и ориентаций большинства советских людей, которые сводились к тому, чтобы отстоять социалистические достижения, защитить своё историческое наследие, своё понимание новой жизни (устраивающей их), что было доказано и на полях боевых сражений, и в тылу, и на оккупированных территориях. Государство и большинство народа объединяла уверенность в том, что они обладают тем, чего добились, чем гордились, к чему стремятся и чего смогут достигнуть. В этой связи хотелось привести пример не только мужества, но и смекалки, находчивости: уже в начале войны, чего никак не ожидали фашисты и не смогли помешать реализации такой акции, как Дорога жизни, проложенная по льду Ладожского озера и начавшая действовать 21 ноября 1941 года, сорвав планы гитлеровцев захватить Ленинград.

Подобных действий было множество, что позволяет сделать вывод о том, что мировоззренческие ориентиры, которым следовали бойцы на фронте и работники тыла, были основаны на глубокой вере в историческую обоснованность их усилий по защите своего отечества, что олицетворяло мужество, доблесть и смекалку как рядовых красноармейцев, так и офицеров, не единожды продемонстрировавших преданность своему народу. Иначе говоря, можно утверждать, что такой *феномен, как советский человек, исторически вы-*

держал испытание временем, стал не только идеей, а реальной жизнью.

Убеждённость в правоте своего дела проявилась в такой черте общественного договора, как *солидарность.* Она сложилась не только в результате официальных призывов к борьбе с фашизмом, но и в действиях руководителей страны, которые показали преданность общим идеям в самые ответственные периоды войны. Ведь Сталин своим решением не покидать Москву в самые трагические дни октября 1941 г. показал, что он готов быть верным своему воинскому и гражданскому долгу. А как можно недооценить такой вдохновляющий фактор, как парад на Красной площади 7 ноября 1941 г. в присутствии руководителя страны И. Сталина? Важным моментом был и тот факт, что дети Сталина, Микояна, Хрущева, Фрунзе и других членов правительства непосредственно участвовали в боевых действиях.

Общественный договор базировался и на такой значимой черте, как *моральная крепость и стойкость* советского человека, что признавали даже гитлеровские генералы, в воспоминаниях которых неоднократно говорилось о героизме и об отчаянном сопротивлении советских солдат даже в заведомо сложных обстоятельствах. Так, генерал Э. Раус, который воевал с русскими второй раз в жизни, пришёл к таким выводам: «Разница между Российской Императорской Армией в годы Первой мировой войны и Красной армией даже в самые первые дни германского вторжения была просто колоссальной. В прошлой войне это была малоподвижная и безынициативная аморфная масса. А в 1941-м – заряженное колоссальным духовным подъёмом войско. Его стойкость и упорство вызваны верой в идеи коммунизма». Из 427 страниц его мемуаров, непосредственно описывающих боевые действия, 12 посвящены двухдневному бою с единственным русским танком у местечка Расейняя в Прибалтике. Рауса явно потрясла

команда этого танка. Советская историография обошла данный эпизод вниманием. А некоторые «патриоты» стали «разоблачать» подвиг. В смысле – это не подвиг, это так себе. А что было на деле? Танк КВ, экипаж которого составлял 4 человека, «обменял» себя на 12 грузовиков, 4 противотанковые пушки, 1 зенитное орудие, на несколько танков, а также на десятки убитых немцев. Это сам по себе выдающийся результат, учитывая тот факт, что до 1945 г. в подавляющем большинстве даже победных боёв наши потери оказывались выше немецких [Раус, 2005].

Выдержала испытание и такая сторона общественного договора как *интернационализм* народов советской страны. В этом важнейшую роль сыграла социалистическая (государственная) идеология, основанная на идеях социального равенства, которые проповедовали большевики, и что отвечало ценностным ориентациям, мировоззрению всех, в том числе и многочисленных народов советской страны. Именно уважение и поддержка национальных культур, начиная с разработки их письменности и до создания национальных издательств, послужили тому, что в своём большинстве все нации и народности поддержали стремление русского народа отразить фашистскую агрессию и активно участвовали в реализации этой цели.

Перед угрозой иноземного порабощения произошла невиданная мобилизация всех без исключения социальных общностей и групп, которая проявилась в различных актах служения и защиты имеющихся ценностей вплоть до самопожертвования. Их представители – рабочие, крестьяне, интеллигенция – не считаясь с невиданным напряжением, сражались на поле боя или самоотверженно трудились. В этом мобилизационном порыве участвовали даже подростки как на функционирующих предприятиях, так на полях колхозов и совхозов.

Наряду с названными качествами общественный договор обеспечивался *социальной сплочённостью*, проявившейся в том, что в одинаковой степени тяготы военной жизни переносили сверху донизу все слои социальной иерархии – от самых низов (от простых советских людей) до руководителей высших органов власти. Клевета о Жданове, который в годы блокады Ленинграда, мол, ел пирожные, направлена на то, чтобы доказать преступный характер советского руководства, полностью игнорируя то, что практически все советские люди разделяли тяготы войны, невзирая на лица. И она устанавливалась не столько официальными распоряжениями, сколько логикой ответственности каждого участвующего в этой войне как на фронте, так и в тылу.

Крепость и устойчивость общественного договора обеспечивалась *доверием,* несмотря на все изъяны объективного и субъективного характера военного времени. Оно проявило себя на всех этапах Отечественной войны, даже в такие трагические дни осени 1941 г., когда многие люди с напряжением и надеждой ожидали изменений в сложившейся ситуации. Оно базировалось на обратной связи, обеспечивающей информацию о состоянии дел в стране, начиная с обращения Сталина в первые дни войны не с традиционным официальным обращением к народу, а проникновенным доверительным призывом «Братья и сёстры!». Была постепенно отлажена максимально оперативная связь между предложениями людей и реакцией на них официальных органов власти. Меня лично поразили установленные правила немедленного (подчёркиваю, очень оперативного и быстрого) поощрения выполнивших и перевыполнивших производственный план на заводах страны в виде продуктов питания и необходимых в жизни товаров.

Эта оперативность и всеохватность проявилась и в том, что советская власть стремилась и материально и морально

поддержать участников в этой войне. Что касается материального вознаграждения, то оно было скорее символическим, особенно для рядового состава. При средней зарплате 339 руб в месяц в 1940 г. рядовой красноармеец-пехотинец во время войны получал 12 рублей в месяц, сержант – 17,5 рублей. Снайперу полагалось 30, пулеметчику – 17, лейтенанту – 600, майору – 850, полковнику – 1200, генералу – 2600, маршалу – 3600–4000 рублей. Однако моральное вознаграждение было более значительным и массовым. За ратные и трудовые подвиги в годы Великой Отечественной войны государственных наград были удостоены около 11,5 млн человек: медалями – 6 603 960, орденами – 4 875 695. Из них за трудовые заслуги – 38 658. Остальное – более 11 миллионов награждений – за военные подвиги и боевые отличия [ГАРФ…].

В годы Великой Отечественной войны существовала самая почётная солдатская награда – орден Славы. И её лента, и её статус очень напоминали другую солдатскую награду – Георгиевский крест, знак отличия ордена Святого Георгия, «солдатский Егорий», особо почитавшийся в армии Российской империи. Всего орденом Славы за полтора года войны – с момента его учреждения 8 ноября 1943 года и до Победы – и в послевоенное время были награждены больше миллиона человек. Из них почти миллион – орденом третьей степени, свыше 46 тысяч – второй, и 2672 человека – первой степени, ставшими полными кавалерами ордена. Число Героев Советского Союза, получивших это звание за подвиги в годы Великой Отечественной войны, – 11 739, из них 3051 посмертно. Что касается тыла, то за особые отличия в труде 198 человек были удостоены звания Героя Социалистического Труда; 16 млн человек награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Можно без всякого преувеличения утверждать, что большинство советских людей как атланты несли на своих плечах

невероятную тяжесть, нередко трудились в условиях смертельной опасности, каждый по-своему приближая победу над врагом. Более того, из своих скудных заработков люди отдавали часть своих средств на поддержку фронта через государственные займы, не говоря о сборе различных видов помощи воюющей армии. Есть один примечательный факт – это участие народа через уплату возросших налогов, через займы. Пожертвования в Фонд Обороны составили треть доходов государства во время войны. По официальным данным Центрального банка РФ, каждые два рубля из трёх в государственных военных расходах были оплачены непосредственно гражданами страны – за счёт резкого повышения налогов, замораживания вкладов, за счёт государственных займов и добровольных пожертвований [Прокофьев, 2020].

В годы войны страна работала на износ, поэтому помощь народа была бесценна. Всего собрали 17,5 млрд руб. и ещё на 1,8 млрд руб. золота (130 кг), платины (12 кг), серебра (10 т). На эти деньги были построены: 31 тыс. танков (30% от всех), 2,5 тыс. самолётов, 18 торпедных катеров, 7 подводных лодок, около 10 бронепоездов и т. д.

Реальная жизнь показала, что большинство советских людей искренне верили в идеалы социализма, в красоту и ценность жизни в советской стране и демонстрировали свой патриотизм в критические моменты. И это были не единицы. Тем более я привожу слова не ярого апологета всего сталинского и советского периода, а как раз противника, признавшего, что в этой кровопролитной битве величайшей ценностью для многих миллионов бойцов и тружеников тыла (да и всех советских людей) была преданность идеалам социализма и патриотизма. В главе «Московская битва» генерал Гюнтер Блюментрит пишет: «Поведение русских войск... поразительно отличалось от поведения поляков и войск западных союзников в условиях поражения. Даже будучи окружёнными, русские не отступали со своих рубежей» [Цит. по: Роковые решения… 1999].

Правда, и сейчас есть персонажи, которые ничтоже сумняшеся в попытке объяснить проявление массового героизма людей и не в состоянии понять его сущность, но желая его опорочить во что бы то ни стало, пришли к такому объяснению – это не что иное, как «муравьиный героизм», т. е. «готовность советских людей к нерассуждающему самопожертвованию ради коллективных целей» [Оболонский, 2010: 150].

В данном анализе идейных основ общественного договора хотелось отметить и роль повседневной жизни, воздействие на неё и таких событий, которые укрепляли моральный дух советских людей. Конечно, повседневная жизнь людей была отодвинута на второй план, ограничена по многим направлениям, но это не было нарушением общественного договора, так как люди понимали специфику военного времени. Но она продолжалась. Так, 31 августа 1941 г. состоялся финальный матч на кубок Москвы на стадионе «Динамо» между командами «Динамо» и завода имени Фрунзе. А 5 октября, в самый трудный для обороны Москвы день, состоялся матч «Динамо» – «Спартак» на первенство страны по футболу и традиционный массовый осенний кросс на 5 километров. Это ли не демонстрация глубокой уверенности, что наше дело правое, и победа будет за нами? Спортивная жизнь не прерывалась и в другие сложные периоды войны. Так, в феврале 1942 г. состоялись мероприятия, посвящённые 24-й годовщине Советской армии: в парке Сокольники прошёл лыжный кросс, а в Доме Союзов – шахматный матч-турнир, в котором победил гроссмейстер Игорь Бондаревский. Той же зимой не раз выходили на лёд и мастера русского хоккея [Мирошкин, 2020].

Пусть эти мероприятия кому-то могут показаться незначительными, но они на деле показывали тот потенциал,

который уже был сформирован у спортивной молодёжи, выросшей в обстановке великих свершений в годы их становления как полноправных советских людей. И находясь в самых ответственных и решающих событиях, как бы сказали сейчас, в бифуркационной точке, они продемонстрировали верность идеалам социализма и той советской жизни, в которую они были включены. В этой связи напомню читателю такой факт – в игре пленных советских спортсменов в оккупированном Киеве летом 1942 г. против немецких футболистов они не поддались намекам на проигрыш – они сделали всё, чтобы победить, и это обернулось их расстрелом.

Таким образом, устойчивость общественного договора была доказана в процессе этого тяжёлого исторического испытания, когда воедино слились государственные цели, историческая память народа и существующее социалистическое мировоззрение.

Коллаборационизм в годы войны: лики предательства

В годы войны наряду с массовым патриотизмом существовало и такое явление, как коллаборационизм, измена Родине [Ковалёв, 2009].

Что касается общего числа коллаборационистов, то только через формирования вермахта за годы Великой Отечественной войны прошло от 800 тысяч до 1 миллиона граждан СССР, из которых до 400 тысяч человек несли службу в боевых и тыловых формированиях немецкой армии и в отрядах полиции в зонах оккупации, а остальные – в рядах добровольцев вспомогательных подразделений, состоявших на обслуживании частей вермахта по индивидуальному или групповому соглашению. В составе отборных частей –войск СС – за весь период войны служило около 150 тысяч советских граждан (из них

50 тысяч русских, включая 35 тысяч казаков, а также 40 тысяч латышей, 30 тысяч украинцев, 20 тысяч эстонцев, 8 тысяч белорусов и примерно такое же количество представителей тюркских и кавказских народов). Они рассматривались в качестве преданных союзников, сражавшихся плечом к плечу с солдатами Германии против большевизма в составе специализированных частей [Дробязко, 2020].

Коллаборационизм был представлен несколькими ликами.

Прежде всего*, это предательство,* которое в наиболее наглядном виде олицетворял Власов и его окружение. И хотя этот феномен – предательство – однозначно оценивается и в научной, и в художественной литературе, а также в общественном мнении, в условиях новой России, под влиянием возникших установок – вроде преступной советской власти и мрачного провала в российской истории – появились книги, авторы которых приписывают генералу Власову и его окружению некие благородные цели, представляют их в качестве борцов со сталинским режимом и бескорыстных патриотов России [Александров, 2006]. Дело доходит до того, что звучат рассуждения о «нравственном значении власовского движения», а россиян призывают учиться у власовцев тому, «как можно обрести человеческое достоинство в самых тяжёлых условиях» [Левин, 2012: 195]. В этих сочинениях власовцы предстают рыцарями без страха и упрёка, которые как благородные невольники чести имели лишь одну великую цель – создание сильной, единой и демократической России, но без Сталина, коммунистов и Советов.

В свет также вышли книги, которые представляли Власова жертвой обстоятельств или даже героем, несправедливо назначенным в символы коллаборационизма. Аудиторию призывали *«избегать чёрно-белого истолкования исторических событий», «упрощённого подхода»*, убеждали, что у власовцев «была своя правда». Бывший мэр Москвы Г. По-

пов в книге «Вызываю дух генерала Власова» (2008 г.) патетично обращается к своему кумиру Власову: «В вас я вижу предтечу антисоциалистической народной революции 1989–1991 годов. Вы были родоначальником того варианта антисталинизма и антисоветизма, который основан на идеях, актуальных и сейчас. И пока наше современное демократическое движение не осознает своего родства именно с вами, который сумел в тяжелейших условиях устоять между Сталиным, Гитлером и Западом, – оно не будет прочным и перспективным…» [Попов, 2008].

Игорь Чубайс развил эту идею: «…было бы хорошо, если бы российские руководители в 1991 г. взяли на вооружение идеи Власова и документы КОНРа (Комитет освобождения народов России, учреждённый при поддержке властей Третьего рейха) за основу нового политического проекта. Гимн РОА, начинающийся словами: «Мы идём широкими полями на восходе утренних лучей. Мы идём на бой с большевиками за свободу Родины своей…» – хочется слушать ещё и ещё» [Чубайс, 2005]. Поэтому не удивителен его вывод: «Войну начал Советский Союз».

Впрочем, перечисленные персоны, несмотря на широкую известность, выглядят сегодня маргиналами из-за нарочитой радикальности суждений. Но есть и другой метод распространения идей власовщины, где читатель начинает вязнуть в двойственных противоречиях амбивалентных суждений, где Власова даже могут назвать предателем, но всей логикой умозаключений вывести к главной цели – деморализации противника. Сегодня – деморализации потомков победителей. Яркий пример – документальный фильм Алексея Пивоварова «Вторая ударная. Преданная армия Власова» (2011 год). Главная мысль – «завалили трупами». Конечно, не Пивоваров придумал эту концепцию – всё сделано по кальке энтээсовской пропаганды 40-х годов: Сталин гонит русских на убой.

Но история не имеет сослагательного наклонения. Тем более при анализе войны. Поэтому можно согласиться с выводом, что на войне существует норма, которая описывается просто: «Предательство Родины – не имеет оправдания, компромиссов на поле боя – не бывает» [Попов В., 2017]. Это предательство не оправдывается попыткой осветить его громкими именами. Так, великий князь Владимир Кириллович, глава дома Романовых, 26 июня 1941 г. сказал: «Я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего отечества от страшного ига коммунизма».

Специфическую группу предателей образуют те, кто пошёл служить в полицейские подразделения. В большинстве случаев это были местные охранные части из добровольцев (в том числе освобождённые военнопленные), используемые в тылу для противодействия партизанам и «большевистским повстанцам», для выполнения охранных функций (в различных местах они носили разные наименования), а также в качестве вспомогательного персонала.

Нужно назвать группы военнопленных, привлекавшихся для службы в составе отдельных подразделений (в том числе строительные батальоны и батальоны снабжения) для работ в интересах немецкой армии [Дробязко, 2020].

Особо следует сказать о *национально окрашенном предательстве.* В составе фашистской армии был сформированы ряд национальных военных подразделений – грузинские, татарские, украинские, белорусские, литовские, латышские и другие образования. В. Пикуль, исследуя различные аспекты борьбы с фашизмом, не обошёл такой острый вопрос, как наличие противостоящих друг другу сил внутри одной нации. Так, в одном из своих исследований он пришёл к выводу, что эстонский корпус РККА вёл ожесточенные бои против эстонского легиона СС. Друг друга они в плен не брали.

Только недавно стало известно, что известная расправа – сожжение деревни Хатынь и её жителей был осуществлён украинскими националистами из Западной Украины, так как этот факт долгое время скрывался во «имя дружбы народов» [Залесский, 2007].

Был и такой вид коллаборационистов, как провокаторы. Начиная с 1941 г., фашисты создавали отряды лжепартизан, в задачи которых входило ведение вооружённой борьбы с партизанами и компрометация их в глазах населения: насилие, разбои, грабежи. Под видом партизан они возбуждали ненависть к ним и советской власти. На моей памяти, такие отряды действовали и на Брянщине, и в ряде районов Беларуси. Такие методы стали особенно использоваться во второй половине войны, когда фашисты стали терпеть поражение. А в 1944 г. вышел приказ Гиммлера собрать все разрозненные отряды карателей в одно подразделение под названием Ягдфербандт (Jagdverband). Его задача заключалась в организации подрывной деятельности на территории северо-западных районов Советского Союза и в Прибалтике. Отряды Ягдфербандт, выдавая себя за советских партизан, грабили и терроризировали население.

Для исследования немецкого оккупационного режима в СССР и коллаборационизма важен анализ истории так называемых *стихийных коллаборационистов*, людей, которых назначали на различные должности по управлению в основном местными органами власти под контролем соответствующих представителей фашистского надзора. Типична в этом случае история старосты города Смоленска, Б. Г. Меньшагина (1902–1984) – специфической личности с уникальной судьбой. Успешный смоленский адвокат в довоенные годы, ставший бургомистром Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации и осуждённый за это к 25 годам тюрьмы, автор интересных в историческом плане свидетельств, оставлен-

ных как во время следствия и в заключении, так и по выходе на свободу. К его судьбе вполне применима знаменитая сталинская формула, но с небольшой модификацией: не «Изолировать, но сохранить!», а «Сохранить, но изолировать!». Как бургомистр Смоленска он стал свидетелем многих преступлений гитлеровского режима, невольным заложником Катынской трагедии – расстрела польских военнопленных офицеров – и многих других актов насилия над местным населением [Меньшагин, 2022].

Существовали и специфические формы коллаборационизма вроде Локотской республики или *Локотского окружного самоуправления*, находившееся в оккупированной нацистской Германией части средней полосы России, возглавляемое коллаборационистской администрацией во главе с К. Воскобойниковым и Б. Каминским с июля 1942 г. по август 1943 г. на территории Орловской области (ныне Брянская область). Они и руководившие ими коллаборационисты в своих публикациях и выступлениях открыто называли его государством, видя в нём зародыш будущего российского государства, которое, как они ожидали, будет создано после победы Третьего Рейха над СССР. Помимо администрации ЛАО, за обер-бургомистром Каминским стояло движение «каминцев» и Национал-социалистическая трудовая партия России, «правящая партия» ЛОС, и возглавляемая им Русская освободительная народная армия, позже вошедшая в состав СС. В конце ноября 1941 г. Воскобойников обнародовал манифест Народной социалистической партии «Викинг», в котором предусматривалось уничтожение коммунистического и колхозного строя, наделение крестьян пахотной землёй и приусадебными участками, развитие частной инициативы, «амнистия рядовых членов партии ВКП(б), не запятнавших себя издевательством над народом» и «беспощадное уничтожение всех евреев, бывших комиссарами». Так как население

оказало негласное и открытое сопротивление, полицейские силы Каминского стали применять террор, волна которого вылилась, согласно архивным данным, в большое число жертв. Было расстреляно, повешено и замучено более 10 тыс. человек, в том числе сожжено заживо 203 человека. Полностью сожжено 24 деревни и 7300 колхозных дворов, разрушено 767 общественных и культурных учреждений. Из одного лишь Брасовского района Брянской области на работу в Германию было угнано 7 тыс. человек. В рядах каминцев исполняла смертные приговоры палач Антонина Макарова (больше известная как «Тонька-пулемётчица»), казнившая около 1500 человек, включая партизан, членов их семей, женщин и подростков (расстреляна 11 августа 1979 г. по приговору советского суда). Именно эта страсть Каминского к зверствам привела к тому, что убегавший сначала в Витебскую область, а затем в Польшу он был расстрелян немцами в ходе конфликта с другим коллаборационистом [Дюков, 2008: 161–163].

В целом по оценкам ряда зарубежных и российских историков численность советских граждан, в какой-либо мере сотрудничавших с оккупантами в годы войны, составляла около 1,5 млн человек. Большая часть российских исследователей даёт оценку от 200 до 800 тысяч человек [Коллаборационизм, 2009].

Не менее красноречива и судьба таких коллаборационистов, как *дипийцы* (перемещённые лица – displaced person), образовавших вторую эмиграцию. Они в значительной степени состояли из людей, так или иначе сотрудничавших с гитлеровцами и поэтому имевших все основания опасаться суда победителей. К ним примыкают так называемые невозвращенцы, которые хотя и не запятнали себя коллаборацией, но тем не менее у них были основания что-то скрывать, тем более в памяти возникали ассоциации с ежовщиной 1937–1938 гг. Как утверждает историк П. Трибунский, таких людей по разным

подсчётам набиралось от 0,5 до 1,5 млн человек [Дипийцы… 2021]. Исследователи подчеркивают, что для этих лиц было характерным стремление скрыть своё прошлое, раствориться среди беженцев из других государств. Но в то же время они наряду с ярко выраженным антикоммунизмом характеризовались не менее сильной национальной привязанностью. Возможно, многие из них интуитивно чувствовали, что в своём сознании они полностью или частично не приняли условия советского общественного договора, и это явилось основанием для некоторых участвовать в работе антисоветского Народного трудового союза, Центрального объединения послевоенных эмигрантов и других организаций, созданных, в том числе, и при помощи зарубежных спецслужб, в первую очередь ЦРУ. Поэтому не удивительно, что определённое число тех, кого относили к дипийцам, вернулись в постсоветскую Россию и попытались вписаться в новую реальность.

В итоге оказалось, что эти люди, составившие вторую волну эмиграции, явились никчемным сообществом без ярко выраженных особенностей. Не просто отвергая советскую власть, а волей или неволей переходя на сторону явных и скрытых врагов советского режима, их деятельность оказалась мало или совсем неэффективной.

Какими же были реальные причины коллаборационизма? На наш взгляд, их несколько.

Что касается мотивов и целей коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны, то они были разными. Добровольность вовлечения в коллаборационизм одновременно не исключала вынужденности принятия такого решения.

Коллаборационистами, во-первых, становились люди по идейным и политическим соображениям: неприятие советской власти и негативная реакция на социально-политические изменения в СССР (в частности, на коллективизацию и репрессии); несогласие с официальной политикой; понижение социально-

го статуса (превращение принадлежавших к благородным сословиям в простых людей и т. д.); обида за те или иные преследования, в том числе и уголовные. «Целью «политических» коллаборационистов в период Великой Отечественной войны, в основном, было свержение в СССР власти большевистской партии. За рубежом, особенно в среде русской эмиграции, как известно, сложилась концепция «Освободительного движения народов России», направленного в годы войны как против Германии, так и против СССР (т. н. «третья сила»)» [Синицын, 2020]. По мнению Синицына, к политическим мотивам также следует относить этнополитические – шовинизм, национализм, участие в «национально-освободительном движении» против советской власти; цель этнополитических мотивов заключалась либо в достижении отдельными регионами независимости от СССР, либо в полной дезинтеграции СССР.

Во-вторых, немало было и тех, которые руководствовались такими мотивами, как тщеславие, алчность; данные мотивы были обусловлены корыстными и прочими эгоистическими побуждениями и характеризовались целью в виде улучшения своего социального и экономического положения. Именно проявление низменных ориентаций привело к тому, что слово «полицай» в годы Великой Отечественной войны стало в массовом сознании синонимом зла и предательства. К подавляющему большинству представителей фашистской полиции отношение было однозначно нетерпимым. Некоторые полицаи были хуже врагов [Жуков, Ковтун, 2016].

Правда, среди них были и те, кто пошёл в полицаи по заданию подпольных организаций и командиров партизанских отрядов для того, чтобы снабжать их информацией о замыслах и планах врага [Предатели-полицаи… 2020].

В-третьих, отметим слой ситуативных коллаборационистов – военнопленных, которые искусственно надевали на себя маску предателя для того, чтобы получить возможность

бежать из плена, перейти к партизанам. Таких много было в армии Власова, в концлагерях, в полицейских службах, хотя им нередко ставились жесточайшие требования для доказательства своей преданности гитлеровскому режиму. И на этом пути их часто ставили в такие условия, когда они в самом деле изменяли своему долгу и своим намерениям. Это блестяще показано в повести В. Быкова «Сотников», когда ставший пленным солдат стал искусственно изображать себя подчинившимся требованиям немцев и, планируя убежать к партизанам, был вынужден совершить поступок – участвовать в убийстве своего товарища по плену, отказавшегося служить врагу.

В-четвёртых, были и психологические мотивы, которые, по мнению Синицына, объединяли «страх перед жестокостью оккупантов, стремление защитить свои семьи, спастись от тяжелейших условий плена»; мотивы данной категории лишены низменного содержания, а цель, обусловленная ими, состояла в физическом выживании человека» [Синицын, 2020].

Б. Н. Ковалёв обращает внимание на то, что в годы Великой Отечественной войны у некоторых советских людей появилось доверие и даже согласие с немецкой установкой «освобождения от проклятого ига жидо-большевизма», нередко возникавшего под влиянием масштабной пропаганды нацистской Германии. В целом открытый переход на сторону врага в большинстве случаев был связан с неверием в победу Красной армии, ненавистью к советской власти, местью государству или конкретным лицам, желанием сделать карьеру при новой власти либо просто «хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации» [Ковалёв, 2009].

К этим данным косвенно примыкает и информация о том, что за годы войны 376 тысяч военнослужащих Красной армии было осуждено за дезертирство. Анализ этого феномена достаточно сложен, так как он имеет большой диапазон причин [Гриф секретности… 1993: 140].

Данный обзор различных видов коллаборационизма позволяет сделать вывод, что коллаборационист – синоним предателя. Попытки противостоять и отвергнуть общественный договор с советской властью оказались несостоятельными, не разделялись большинством советских людей и поэтому были отвергнуты объективным ходом исторического процесса. И в народной памяти коллаборационисты остались предателями, которых, как показывает история, презирают не только соотечественники, но и враги.

Фальсификация идей общественного договора о патриотическом единодушии народа и власти

Долгое время в советской исторической науке, в общественном сознании царила сравнительно однозначная оценка: да, война была тяжёлой, изнурительной, с огромными потерями, но эта война спасла не только СССР, советский народ, но и всё человечество от коричневой чумы. В этой трактовке преобладали в большей мере победные нотки, чем анализ событий, который свидетельствовал не только о победах, но и о поражениях, ошибках, просчётах и даже преступлениях, связанных с предательством, пораженчеством и неоправданными военными акциями. Но постепенно, особенно в результате усилий наших писателей, появилась и лейтенантская, и солдатская, и партизанская правда, которая подтверждала героизм советских людей, но в то же время и повествовала о сверхчеловеческих усилиях при выполнении присяги с целью добиться победы в этих многочисленных кровопролитных схватках. Совместно с учёными постепенно раскрывалась истинная, трудная и сложная подоплёка верности советских людей той правде жизни, которая их окружала почти четверть века, с 1917 года.

Однако в годы перестройки, после провозглашения гласности, а потом в условиях новой России, когда официальная

политика всё более склонялась к отказу от социалистического прошлого, произошла гигантская дискредитация всего советского, что в немалой степени коснулось и Великой Отечественной войны. В попытках её дискредитации стали всё чаще появляться утверждения, нередко без всяких доказательств, что интересы народа и политика советской власти были несовпадающими, что красноармейцев гнали на убой, что много людей не поддерживали политику советской власти и даже становились непримиримыми её врагами.

Эта ревизия шла по нескольким направлениям.

Во-первых, было поставлено под сомнение само право называться Великой Отечественной войной. Уникальный антисоветчик, известный провокационными выходками, историк А. Зубов в своём двухтомном учебнике по истории России XX века утверждал, что эту войну нельзя называть Великой Отечественной, а следует именовать «советско-нацистской». Иными словами, вся проблема состоит в столкновении идеологий правящих слоёв, которые якобы преследовали свои цели, не считаясь с интересами народа. В известной мере Зубов разделяет позицию руководства нацистской партии Германии, уверенного в том, что СССР – это «колосс на глиняных ногах», который развалится после первых ударов немецкой армии, так как, мол, народ ждёт – не дождется своего освобождения от «большевистской тирании» [История России… 2009]. И этот историк никак не хочет ни понять, ни объяснить, а почему советские люди «не рассыпались», не восстали, а наоборот сплотились, *проявили самые устойчивые черты Самости, Самобытности, своей Целостности как народа.* Эти черты с наглядностью проявились как на уровне интуиции, так и на уровне осознанного восприятия действительности, создав и обеспечив мобилизацию всех духовных сил для сохранения себя как народа, так как речь шла не просто о судьбе страны, государства, а о судьбе, о будущности советских наций, о присутствии России на исторической арене.

Эти идеи, которые нельзя расценивать иначе как опасность, пытаются привить школьникам, заложив в них сомнения об истинной сущности Отечественной войны. Вот что пишется в учебнике А. В. Шубина «Новейшая история» для 9 класса средней школы: Глава 4. Вторая мировая война: «Причины мирового конфликта – раздел сфер влияния между двумя тоталитарными государствами СССР и Германией, которые стремились к распространению своего господства на весь мир... 1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу, их танковые колонны стремительно продвигались вглубь страны... В этот момент Сталин решил, что час настал, ему стоит получить “свою часть” Польши, и 17 сентября 1939 года Красная Армия перешла западную границу страны. Был объявлен «мирный поход» по освобождению угнетённых Польшей украинцев и белорусов. На деле он был не мирный – советская авиация бомбила города, а танки ударили в тыл сражающимся с Германией полякам. Дальнейшее сопротивление было бессмысленным, и польское правительство покинуло страну. 28 сентября пала Варшава, а Германия и СССР заключили договор о дружбе и границах» [Шубин, 2015].

К этим писаниям примыкает порция домыслов, добавленная теми авторами, которые, начиная с предателя и перебежчика Резуна-Суворова, доказывали, что именно СССР повинен в развязывании второй мировой войны, полностью игнорируя доказательства не только со стороны советских историков, но и их коллег за рубежом, в том числе и немецких [Суворов, 2008]. Правда, к русскому изданию он вынужден был признаться: «Я предатель, изменник… Таких не прощают, но я все равно прошу: ПРОСТИТЕ МЕНЯ. Виктор СУВОРОВ, 21 октября. 1992 года, Бристоль» [Суворов. 2008].

Попытка доказать, что война раскрыла пагубность советской власти и её гибельность для народа прозвучала и в сочинениях М. Солонина [Солонин, 2008].

Во-вторых, была осуществлена дискредитация истинных, глубинных основ преданности людей своей советской стране, верности своему мировоззрению. В фальсификации этой войны, вернее той её грани, в которой преобладают доказательства отказа советских людей от соблюдения общественного договора, применялись казуистические приёмы, которые позволяли замарать даже самое святое, что было связано с подвигами и героизмом советских людей. Как это выглядело в трактовке фальсификаторов, можно судить по оценкам, которые обильно размножались в 1990-е годы. Мол, Зоя Космодемьянская – это дурочка, которая по глупости пошла поджигать крестьянские хаты, но её по наводке местных жителей схватили немцы и казнили. А Александр Матросов – это недоразвитый бывший выпускник фабрично-заводского училища, который, хлебнув перед атакой водки, сдуру полез на дзот, в чём не было никакой необходимости. И полностью игнорируют тот факт, что таких подвигов или готовности к ним были сотни и тысячи. А подвиг Матросова, даже по официальным данным, повторили 412 красноармейцев, закрыв грудью амбразуры пулеметных точек врага (семеро героев выжили).

А если к этому перечню добавить подвиги молодогвардейцев Краснодона, распятого Юрия Смирнова, генерала Карбышева, а также сотен и тысяч героев, совершивших не менее значимые подвиги, то можно говорить о пантеоне людей, которые ценой своей жизни обеспечивали маленькие и большие победы, которые, если их собрать воедино, стали основой для великой победы над опаснейшим врагом. И то, что эти герои да многие и другие боевые поступки и действия были примером героизма и патриотизма, когда человек совершал самопожертвование, – это во многом ситуация сложившихся обстоятельств, в которой люди стали образцом выполнения воинского долга, выражением верности своему народу и тому пути, по которому они шли в течение своей жизни.

В-третьих, фальсификаторы отрицали не только личный героизм (считая его неадекватностью поведения), но и многочисленные проявления групповых массовых подвигов. Эти попытки опорочить всё то, что было ориентиром в годы войны и образцом верности своему долгу, продолжаются и поныне. Так, бывший глава Госархива С. Мироненко решил поставить под сомнение подвиг 28 панфиловцев. В его изысканиях цель была обозначена однозначно: такого совершенного подвига не было. Причём ссылался на немецкие архивы, в которых, якобы, не зафиксирован этот бой (мол, немцы скрупулёзно фиксировали все случаи войны). Акцент в этих писаниях сделан на то, что не было этих двадцати восьми, что это было выдумка, в том числе и при участии военного корреспондента газеты «Красная звезда» Кривицкого (который, кстати, в первых двух статьях об этом бое не приводил ни одной фамилии). Мироненко применил бухгалтерский подход по поиску данных, чтоб опровергнуть официальную версию в отношении конкретных лиц. При этом полностью замалчивается сам факт подвига. Приведём слова (из официального документа) командира 1075 стрелкового полка Карпова И. В. «В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота. И действительно, дралась геройски. Из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали в газетах». Т. е. подвиг был, и подвиг геройский, когда погибла почти вся рота, не пропустив врага и уничтожив большое количество танков. Но акцент у Мироненко и в ряде других подобных писаний был обращён на другое – насколько верно персонально указаны люди, совершившие подвиг. Но под этой казуистикой подразумевалось гораздо большее – никаких подвигов не было, и соответственно, и другие подвиги можно поставить под сомнение (может, и их не было, а это выдумки официальной пропаганды). И даже далеко идущий вывод, что все проявления патриотизма сомнительны и даже

недостоверны [Гутионтов, 2020]. Таким образом, сам факт подвига заменяется широко разрекламированной атакой на то, как подавался этот подвиг. Таким подходом дискредитировалось всё святое, если к производству этого продукта приложили руку персоны, подобные господину Мироненко.

В ответ на такие домыслы можно только напомнить, что советская военная пропаганда не сидела сложа руки: она была обязана предпринимать усилия по повышению боевитости и поддержанию патриотизма среди советских людей. Да, такие подвиги были совершены и повторены неоднократно, но именно этот конкретный случай стал примером в руках советской пропаганды для воспитания и напоминания всему советскому народу и прежде всего красноармейцам об образцах выполнения воинского долга. Кстати, а противоположная пропаганда разве не использовала подобные методы? Поэтому советская пропаганда делала многое для вдохновения советских людей на борьбу с фашизмом. И таких подвигов воинских отделений, взводов, рот, батальонов были сотни и тысячи на всех фронтах. Только большинство из них остались строкой в военных сводках, и лишь небольшая часть стала предметом раскрытия обстоятельств подвигов [Дроздов, 2012; Осипов, 2011].

В-четвертых, фальсификаторы стремятся доказать неоправданность потерь в Великой Отечественной войне. Многие «искатели истины» договорились до чудовищной клеветы, которая особенно ярко проявилась в «изысканиях» «прораба перестройки», секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, потом демонстративно вышедшего из КПСС в 1991 г., утверждавшего, что в годы войны погибло 58 млн человек. Правда, другие «искатели» придерживались более «скромных» цифр, но это не меняло суть дела – они доказывали, что эта война была не столько войной с фашистской Германией, сколько войной и уничтожением своего народа.

Реальность же такова, что согласно современным данным, демографические потери СССР составили 28 млн человек. По официальной версии, безвозвратные военные потери СССР составляют 11 444 100 человек, из них погибло военнослужащих – 8 668 400 человек (6 818 300 солдат в боях, госпиталях и при прочих происшествиях, а 1 850 100 человек не вернулось из плена), потери гражданского населения в зоне оккупации – 13 684 700 человек (из них: преднамеренно истреблено – 7 420 400 человек, погибло на принудительных работах в Германии – 2 164 300 человек, погибло от голода, болезней и отсутствия медицинской помощи – 4 100 000 человек). В 2015 г. Министерство обороны РФ объявило следующие данные: безвозвратные военные потери – почти 12 млн человек, общие людские потери страны (СССР) – военнослужащих и гражданского населения – 26,6 млн человек [Россия и СССР… 2001; Рыбаковский, 2010].

В-пятых, ещё один блок «писаний» был направлен на то, чтобы развенчать не только лично Сталина, но практически всех полководцев, проявивших себя в военных операциях. Особенно досталось Г. К Жукову, обвинённому не только в жестоком обращении с подчиненными, но и в неоправданных кровопролитных битвах, среди которых особенно оперировали бои по взятию Берлина. Как пишет французская исследовательница Лилли Марку в своей книге «Сталин. Личная жизнь», «свободу слова – а особенно на тему, ранее считавшуюся запретной, – путали с правом писать всё, что только взбредёт в голову» [Голоса противников…].

В-шестых, не менее поразительна и мерзка по своей сущности литература по оправданию предателей Родины, и в первую очередь, генерала Власова, создавшего Русскую освободительную армию, воевавшую на стороне гитлеровцев против Красной армии. Попытка, как это сделал известный прораб перестройки Г. Попов, обелить деятельность его и

подобных предателей подаётся как выступления против сталинизма, против пороков советской власти, за установление полной демократии и свободы для народов России [Попов Г., 2008]. В этом отношении некоторые историки сравнивают поведение Власова с поведением генерала Деникина, воевавшего против советской власти в гражданскую войну, потом эмигрировавшего за границу, но в 1941 г. отказавшегося воевать на стороне Гитлера.

Особое место в дискредитации Великой Отечественной войны заняли некоторые деятели искусства. Вышел в свет фильм А. Устюгова «Служу Советскому Союзу», (показанный в День памяти и скорби 22 июня 2012 г.), где доказывается, что зэки победили нацизм, несмотря на трусость и коварство НКВД, правда, в смычке с комиссарами (коммунистами), которые забыли о взаимных обидах и воевали вместе [Кондрашов, 2012]. Или фильм «Подонки» об участии в войне роты из малолетних преступников, которые совершают чудеса героизма. На возражение, что таких воинских подразделений не было и не могло быть, был ответ – право на художественный вымысел. Но и у вымысла должны быть нравственные ограничения.

Эти и подобные попытки очернить не только ход и основные события Великой Отечественной войны, но и преданность и верность советского народа идеям и практике социализма были продиктованы господствовавшей либеральной установкой – отречься от всего советского, в том числе и от тех его свершений, который признавал весь мир.

Но несмотря на все эти потуги, в исторической памяти советских людей война оставалась таким событием в жизни, в котором теснейшим образом сплетались и общенародные, и личные (каждой семьи!) ценности, делающие людей народом, а каждую семью – хранительницей гражданских традиций предшествующих поколений. Реальные события показывают,

что общественное и официальное сознание в эти годы практически во всех отношениях было органическим целым, несмотря на немалые ошибки и противоречия при решении как военных, так и гражданских, тыловых проблем [Козлов, 2008].

В этой связи хотелось обратить внимание на один примечательный факт: даже в годы холодной войны оценка общей борьбы СССР и западных держав против фашизма не пересматривалась ни одной из сторон. И хотя были определённые нюансы и разные толкования отдельных событий, но это не меняло общей интерпретации причин и результатов Второй мировой войны. Этот факт сознания и поведения людей, выражающийся в непрерывном проявлении верности своему народу и своей стране, признавали даже фашистские генералы и многие деятели. По словам бывшего начальника штаба 4-й немецкой армии Э.Рауса, «поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои». Как отмечает английский историк Роберт Кершоу, «азбучные истины блицкрига оказались поставлены с ног на голову отчаянным, доходившим до фанатизма сопротивлением русских в, казалось бы, безнадёжных ситуациях» [Литвиненко, 2018]. В связи с такими выводами возникает вопрос, почему в этой войне, поразившей в первую очередь Европу, французы и поляки не защищали «свою» демократию и «свою» свободу, и быстро капитулировали, а русские, живущие под диктатурой, проявили качества, которые поразили и даже ужаснули фашистов. Это ещё одна характеристика того, что идейный и патриотический дух советского народа и его Красной армии, несмотря на огромные потери первых месяцев войны, был сильнее и разительно крепче, ибо он питался сознанием того, что они защищают великую страну, ставшую для них опорой и гарантией принятой ими жизни и её ориентиров на будущее.

Так почему же сегодня фальсификаторы пытаются радикально изменить оценки? Если проанализировать суть их утверждений, то это мало имеет отношения к реальной истории, так как инициаторы пересмотра не ставят целью выработать объективную истину. Пересмотрщиков, перелицовщиков истории как в нашей стране, так и за рубежом не волнует, что на самом деле происходило и в предвоенные 1938–1940 годы, и в последующее время. Для них в условиях обострившихся экономических и социальных проблем на первый план выходит поиск образа врага, на которого можно свалить все текущие и грядущие беды. А как показывает исторический опыт, этого легче всего избежать, если обвинить во всех неурядицах придуманного врага. Причём, эта вражда должна иметь корни в глубоком прошлом, которое никуда не исчезло и только по-иному разворачивается в настоящее время. Причём, внешние недруги рисуют себя как последовательные выразители идей свободы и демократии, которым противостоит авторитарная и милитаристская Россия. Поэтому и беды, и ухудшение социального положения можно объяснить именно происками российской стороны, и ради этого можно перелицовывать и истинные причины начала второй мировой войны (к примеру Мюнхен, 1938 г.) и забыть, кто освободил Освенцим, или обсуждать поведение красноармейцев в освобождённых странах. Всё нацелено не на поиск истины, а на то, чтобы максимально возбудить вражду с сегодняшней Россией и её народом, и тем самым переориентировать внимание своего населения с решения неотложных социально-экономических проблем на проблемы, которые-де исходят от России и её политиков [Бобринев, Артамонов, 2019; Левин, 2013; Пономарева, 2016]. В этих условиях историческая память приобретает огромное значение, чтобы сберечь, сохранить и передать следующим поколениям общечеловеческую ценность совершенного советским народом подвига.

Заключение

Основной вывод этого этапа развития советской страны: общественный договор (в соответствии с новыми потребностями времени) состоялся, выдержал все испытания, доказал свою жизнеспособность в избранном пути, стал символом испытания верности вековым традициям и вновь рождённой социальной убеждённости, которые отражали глубинные интересы и устремления большинства народа.

Если подвести итоги этого периода в жизни советской страны, то её жизненность и устойчивость была гарантирована (не без издержек) соблюдением условий существования общественного договора между властью и народом – достижение цели – разгром и победа над таким опасным врагом, как немецкий фашизм. Причём эту высокую оценку разделяли и многие европейские профессионалы. Так, Х. Джонсон, настоятель Кентерберийского собора, в своём обращении к британскому народу написал пророческие слова: «В 3 часа 5 минут утра в воскресенье 22 июня 1941 года Гитлер подписал самому себе и национал-социализму смертный приговор. В этот ранний час он вероломно напал на Советский Союз. Созданная им чудовищная военная машина разлетится в прах, столкнувшись с героизмом Красной Армии. Это так же определённо как то, что ночь сменится днём» [Романов, 2024; Хьюлетт, 1957].

Жизненность и устойчивость этой оценки базировались на комплексе объективных и субъективных обстоятельств.

Чем объясняется такая оценка? К 1941 г., началу Великой Отечественной войны, страна достигла значимых успехов в строительстве нового общества, выйдя на ведущие места в мире по многим показателям в экономике, культуре, образовании, науке, которые сделали Советский Союз привлекательной страной для многих слоёв населения не только в нашей стране, но и в мире. И эта гордость за результаты труда, за высокие темпы социальной мобильности, за возможность проявить себя и почувствовать причастным к самым значительным изменениям возвышали людей, укрепляли их веру в личное участие в свершении исторических преобразований. А то, что сделано своим умом, своими руками, в таких условиях надо было защищать. Эту убеждённость, понимание своей роли и значимости в борьбе с гитлеровской ордой разделяли многочисленные народы нашей страны, так как они тоже опасались исчезнуть с исторической арены, превратившись в национальные группы второго сорта или в группы, предназначенные для физического уничтожения.

Победа в войне состоялась потому, что советских людей вдохновляли цели, провозглашённые большевиками. Народу были предложены идеалы, которые в той или иной мере всегда присутствовали в его сознании – построить справедливое общество, где не будет ни богатых, ни бедных, что все получат вознаграждение по результатам своего труда, а потом и по потребностям. Причём чётко проявлялась и реализовывалась рекомендуемая официальная установка – что полезно и нужно обществу, полезно и нужно тебе. И это в большинстве случаев выдерживалось.

Особую значимость приобрело то, что почти за четверть века после Октябрьской революции выросло новое поколение людей, которые построили свою жизнь на принципиально иных основаниях, чем их родители. Огромные массы выходцев из крестьянства и рабочих получили доступ к знаниям, к профессии, выдвинули из своих рядов наиболее способных для руководства государственными и общественными делами. И эти завоевания, свидетельствующие о значительных социальных достижениях, люди искренне готовы были защищать.

Но цена этой победы была велика. Потери в этой войне были огромными: 28 млн 600 тыс. советских граждан.

В их число входят убитые в бою, умершие от ран и болезней красноармейцы и партизаны, мирное население, погибшее во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций, умершие от голода, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях, а также не вернувшиеся в страну люди, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны. И восполняли эти потери в первую очередь в тылу миллионы женщин и подростков, которые взяли на себя многие непривычные трудовые обязательства.

Эти итоговые выводы позволяют утверждать, что общественный договор был подтверждён и окреп в дни суровых испытаний, а советский человек продемонстрировал в своём большинстве верность советской стране. А общественный договор не только сохранился, но и окреп, приобрёл высокую общепринятую оценку – об этом говорит феномен исторической памяти. Эта оценка шагнула в реальную жизнь, нашла отражение в массовом сознании, стала одной из черт социальной значимости, политической риторики, породила различные формы убеждённости в значении этого события. Особенно это проявилось в 1980–2000-е годы, в период происшедших значительных общественных потрясений, социальных катаклизмов, когда люди начали жить в условиях травмированного общества, потеряв прежние ценностные ориентиры и не обретя новые.

Но люди не могут жить без того, чтобы не иметь *основу своего жизнеустройства, объединяющую с оценками других людей и, более того, придающую смысл их жизни.* Поэтому не удивительно, что такой объединяющей и возвышающей идеей для большинства населения стала память о Великой Отечественной войне. Как показывают многочисленные социологические исследования, при проведении опросов населения получают примерно одни и те же результаты: *на первое место среди всех социальных групп и слоёв населения*, независимо от мировоззренческих установок, материального благосостояния,

образовательной подготовки и других показателей социального положения, выходит высокая оценка роли и значения Великой Отечественной войны по сравнению с другими важнейшими историческими событиями, даже с Октябрьской революцией.

Список литературы

Александров К. Армия генерала Власова. М. : Яуза, Эксмо, 2006. 576 с. ISBN 5-699-15429-9.

Бобринёв К. С. Фальсификации истории Великой Отечественной войны / К. С. Бобринёв, Е. С. Артамонов. М. : ЛитРес, 2019. 320 с. ISBN 978-5-532-10656-7.

Великая Отечественная война, 1941–1945 : Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов ; Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. М. : Сов. энцикл., 1985. 832 с.

Военная энциклопедия / Председатель Главной редакционной комиссии С. Б. Иванов [и др.] ; в 8 т. Т. 8. Таджикский – Яшин. М. : Воениздат, 2004. 579 с. ISBN 5-203-01875-8.

Война и общество. 1941–1945 : в 2 кн. Кн. 1. М. : Наука, 2004. ISBN 5-02-009848-5. EDN QOUTJV.

Война и общество. 1941–1945 : в 2 кн. Кн. 2. М. : Наука, 2004. ISBN 5-02-009849-3. EDN QOUTKF.

ГАРФ, фонд 7523, оп. 17, д. 353, С. 11–12.

Генерал Власов: история предательства : в 2 томах, в 3 книгах / Отв. ред. : А. Н. Артизов, В. С. Христофоров ; Т. 2, Кн. 2. М. : Издательство «Политическая энциклопедия», 2015. 711 с. ISBN 978-5-8243-1960-6. EDN YINXFN.

Генерал Власов: история предательства : в 2 томах, в 3 книгах / Отв. ред. : А. Н. Артизов, В. С. Христофоров ; сост. : Т. В. Царевская-Дякина, Е. А. Гончарова, Н. М. Емельянова. Т. 2, Кн. 1. М. : Издательство «Политическая энциклопедия», 2015. 852 с. ISBN 978-5-8243-1958-3. EDN UIOODP.

Генерал Власов: история предательства : в 2 томах, в 3 книгах / Отв. ред. : А. Н. Артизов, В. С. Христофоров ; отв.

сост. : Т. В. Царевская-Дякина. Т. 1. М. : Издательство «Политическая энциклопедия», 2015. 1156 с. ISBN 978-5-8243-1956-9. EDN XGHIPZ.

Голоса противников огульного очернения Иосифа Сталина // ИА Красная Весна : [сайт]. URL: https://rossaprimavera.ru/article/4fa64a9d (дата обращения: 30.10.2024).

Гольдман В. З. Крепость тёмная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны. М. : Новое литературное обозрение. 2023. 712 с. ISBN 978-5-4448-1999-9.

Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993. 415 с. ISBN 5-203-01400-0.

Гутионтов П. Стенка героев // Новая газета. 2020. 4 апреля.

Джонсон Х. Христиане и коммунизм / Х. Джонсон ; пер. с англ. В. В. Исакович ; ред. М. И. Хасхачих. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 155 с.

Дипийцы. Материалы и исследования / Отв. ред. П. А. Трибунский. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. 544 с. ISBN 978-5-98854-076-2.

Дробязко С. И. Под знамёнами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. Подольск : Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2020. 576 с. ISBN 978-5-7164-0990-3.

Дроздов К. С. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. № 7. С. 8–16. EDN PBDHSP.

Дюков А. Р. «Die Aktion Kaminskiy»: Локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой Отечественной / Ред.-сост. Г. Пернавский. М. : ЭКСМО ; Яуза, 2008. С. 147–193.

Е. И. Копышев: Защитим правду о Победе в Великой Отечественной войне! // kprf.ru : [сайт]. 27.11.2009. URL: https://kprf.ru/rus_soc/73372.html?ysclid=lyfr8d0kdm496708263 (дата обращения: 10.07.2024).

Жуков Д. А. Полицаи: история, судьбы, преступления / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун ; Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Изд-во Пятый Рим, 2016. 320 с. ISBN 978-5-9907593-5-0.

Залесский К. А. Командиры национальных формирований СС. М. : АСТ ; Астрель, 2007. 61 с. ISBN 978-5-17-043258-5.

История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 5, Кн. 1 / Отв. ред. П. Н. Поспелов. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. 643 с.

История международных отношений и внешней политики СССР. В 3 т. / Под ред. В. Г. Трухановского. М. : Междунар. отношения, 1967.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В. А. Козлов. М. : Политиздат, 1991. 364 с. ISBN 5-250-01799-1. EDN XDYZVD.

История России. XX век (1894–1939). В 2 т. Т. 2 / Под ред. А. Б. Зубов. М. : АСТ, 2009. 848 с.

История России: социально-экономический и внутриполитический аспекты / А. В. Лямин, А. Т. Шашков [и др.]. Екатеринбург : КРОК-центр, 1996. 318 с.

Киличенков А. А. Краткий курс Великой Отечественной войны. М. : Яуза, 2008. 604 с. ISBN 978-5-699-26230-4. EDN PDYCIR.

Ковалёв Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с. ISBN 978-5-98769-061-1. EDN YASQNF.

Козлов Н. Д. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны : монография / Н. Д. Козлов, М. М. Довжинец ; изд. 2-е доп. СПб. : Альтер Эго, 2008. 336 с. ISBN 978-5-91573-001-3. EDN QOIBUP.

Колисниченко Д. «Бабий Яр»: свидетельства и пропаганда Анатолия Кузнецова / Литературная Газета. 2017. 6–12 сентября. № 35. С. 2–3.

Коллаборационизм // Большая российская энциклопедия : в 35 т. Т. 14 / Гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2009. С. 479.

Кондрашов А. Под колпаком папаши Миллера // Литературная Газета. 2012. 27 июня–3 июля. № 26.

Левин Л. Как фальсифицируют историю войны // Свободная мысль. 2013. № 4 (1640). С. 20–36. EDN TOCBTT.

Левин Л. Г. Власовцы: миф о благородных рыцарях // Свободная мысль. 2012. № 3–4. С. 195–206. EDN TNFCLJ.

Литвиненко В. «Мой фюрер, война проиграна...» // Литературная Газета. 2018. 25–31 июля. № 30.

Меньшагин Б. Воспоминания. Письма. Документы / Составление, подготовка текста и биографический очерк П. Поляна. СПб. : Нестор-История, 2022. 823 с. ISBN 978-5-4469-1619-1.

Мирошкин А. В. С перерывом на воздушную тревогу // Независимая Газета. 2020. 18 июня.

Наука и учёные России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : Очерки. Воспоминания. Документы / Сост. Е. А. Беляев, Н. М. Осипова, Е. А. Шитиков. М. : Наука, 1996. 311 с. ISBN 5-02-010570-8.

Никто не забыт, ничто не забыто?! (Библиохроника военного времени. И не только). 1939–1946 гг. / А. Венгеров [и др.]. М. : ФИННИК, 2020. 466 с.

Оболонский А. В. Советский режим: механика властвования // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 135–151. EDN LMBRFX.

Осипов В. О. С перьями наперевес // Московская правда. 2011. 26 июля.

Пономарева Е. Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания // Обозреватель. 2016. № 5 (316). С. 5–20. EDN VWXQMZ.

Попов В. Трезубец на фоне триколора: Русофобский «проект Власов» // Литературная газета. 2017. 12 июля. № 27.

Попов Г. Вызываю дух генерала Власова. М. : Международный университет в Москве, 2008. 214 с. ISBN 5-9248-0042-3. EDN QPHMDB.

Предатели-полицаи в годы Великой Отечественной войны // FISHKI : [сайт]. 01 ноября 2020. URL: https://fishki.net/3462181-predateli-policai-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html (дата обращения: 30.09.2024).

Прокофьев Д. Комментарий // Новая газета. 2020. 6 июля.

Пыхалов И. В. Великая оболганная война / И. Пыхалов ; ред. Н. Аничкин ; 9-е изд., доп. и перераб. М. : Яуза, 2020. 606 с. ISBN 978-5-00155-136-2.

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте / Э. Раус ; пер. с англ. А. Больных. М. 2005. ISBN 5-17-032598-3. EDN QPBVKB.

Роковые решения вермахта / З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит [и др.]. Ростов на/Дону : Изд-во Феникс, 1999. 384 с. ISBN 5-222-00643-3.

Романов Б. С. Как настоятель Кентерберийского собора дошёл до Сталина // Независимая газета. 2024. 13 февраля.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование / Г. Ф. Кривошеев [и др.] ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Олма-Пресс, 2001. 608 с. ISBN 5-224-01515-4.

Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М. : Экон-Информ, 2010. 139 с. ISBN 978-5-9506-0520-8. EDN QPPADP.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М. : РОССПЭН, 2000. 862 с. ISBN 5-8243-0070-4.

Синицын Ф. Л. Коллаборационизм: историко-правовой анализ терминологии // Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма: сборник / Ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. М. : Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2020. С. 17–41. EDN OYSWUO.

Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов : уч. пособие / Л. Н. Нежинский [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1992. 347 с. ISBN 5-7133-0505-8.

Советская военная энциклопедия / Гл. ред. Н. В. Огарков ; Т. 6. Объекты – Радиокомпас. М. : Воениздат, 1978. 672 с.

Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны : сб. ст. по результатам междунар. конф. «Повседневная жизнь в годы войны: советский тыл 1941–1945 гг.» (5 декабря 2014 г., Дюссельдорф) / Герман. ист. ин-т в Москве ; отв. сост. : Б. Физелер, Р. Д. Марквик. М. : РОССПЭН, 2019. 383 с. ISBN 978-5-8243-2307-8. EDN VRRPPD.

Солонин М. С. 22 июня. Анатомия катастрофы. М. : Яуза-ЭКСМО, 2008. 480 с. ISBN 978-5-699-50389-6. EDN QPTERN.

Суворов В. Ледокол. М. : АСТ, 2008. 178 с. ISBN 978-5-17-005604-0.

Тишков В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19. DOI 10.21146/0042-8744-2020-8-5-19. EDN FWRGFB.

Тыл Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. История тыла Российских вооруженных сил (XVIII–XXвв.). Кн. 3. М. : Мин. обороны РФ. 2020.

Федоров К. В. Фальсификация истории Великой Отечественной войны как направление информационной войны против современной России // Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны / И. В. Бочарников, Т. Р. Суздалева, К. В. Федоров [и др.]. М. : Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 2020. С. 30–44. EDN WVQFJZ.

Хьюлетт Дж. Христиане и коммунизм / Дж. Харлетт ; пер. с англ. В. В. Исакович ; ред. М. И. Хасхачих. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 155 с.

Чубайс И. Разгаданная Россия. Что же будет с Родиной и с нами. М. : АиФ Принт, Столица-Принт, 2005. 399 с. ISBN 5-94736-065-9.

Шубин А. В. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс: учебник М. : Дрофа, Вертикаль, 2015. 319 с. ISBN 978-5-358-15464-3.

Энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В 12 т. М. : Воениздат, Кучково поле. 2011–2015.

Глава 8
Перенастройка общественного договора: достижения и просчёты (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов)

> Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей
>
> *А. Токвиль (1805–1859), французский политический деятель*

Введение

Завершение Великой Отечественной войны вполне естественно поставило новую ответственную задачу – как осуществить переналадку и преобразование общественного договора с учётом коренного изменения ситуации в стране и в мире после победы над германским фашизмом. Её решение базировалось на требованиях первостепенной важности – прежде всего, восстановление экономики, что стало той исходной позицией, которая объединила интересы государства и народа. Ведь Советский Союз понёс колоссальный урон: было сожжено 1740 городов, свыше 70 тыс. поселков, сёл и деревень, разрушено 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог; разорено и разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинотракторных станций; в стране сократились посевные площади. Было потеряно 30% национального богатства и более 28 млн человек. В этой ситуации страна испытывала огромные экономические и социальные проблемы.

Особую значимость приобрело решение такой колоссальной по трудности задачи, как обеспечение миллионов уволенных в запас работой и жильём, забота о миллионах покалеченных во время войны. Очень много людей нуждалось в самом необходимом: в жилье, продовольствии, одежде, обуви. На повседневную жизнь в этот послевоенный период влияли и такие деформационные явления, как спекуляция, хищения, преступность, мимикрия бывших полицаев и других прислужников гитлеровского режима, пытавшихся скрыть свои преступные дела.

При всём этом присутствовала эйфория победы, несмотря на существующие колоссальные трудности практически во всём, что касалось человека – в трудовом напряжении, отсутствии социальных благ, в реальной бедности. Но одновременно людей питала надежда на быстрое достижение обещанных целей по решению социально-экономических проблем, что стало основной характеристикой обновлённого общественного договора [Голенков, 2010; История России... 2006].

Успешное выполнение четвёртого пятилетнего плана (1946–1950 гг.) сочеталось с достаточно монолитной общественной поддержкой большинством народа официальной политики.

Послевоенная социально-экономическая ситуация: черты обновлённого общественного договора

Основной целью хозяйственно-экономической политики стало «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах» [Сталин, 1997: 5]. В соответствии с этим начался ускоренный перевод военно-ориентированного производства на гражданские рельсы, приоритетное развитие ключевых мирно ориентированных звеньев народного хозяйства и особенно таких отраслей, как авиационная и станкостроительная промышленность, автомобилестроение, электроэнергетика.

Основные задачи 4-й пятилетки сводились к следующему: в промышленности – увеличить объём производства на 48%; построить 2700 новых предприятий; обновить и отремонтировать 3400 крупных и средних предприятий, разрушенных в годы войны; в сельском хозяйстве – повысить объём производства на 27%; обеспечить рост зарплат на 48%; отменить карточную систему [Четвёртый пятилетний… 1974: 887–889; Тимошина, 2015].

Особенностью этой пятилетки стало строительство крупных народнохозяйственных объектов, которые вошли под названием «великие стройки коммунизма» (под этим названием публиковались материалы во всех средствах массовой информации, озвучивались в радиопередачах, а в 1951 г. была выпущена серия почтовых марок).

Одной из таких строек стал так называемый «Сталинский план преобразования природы», нацеленный на создание лесных полос в степных районах, что произвело значительное мобилизующее значение на общественное сознание. Оценивая этот план, можно сказать, что это была научно обоснованная комплексная программа регулирования природы, рассчитанная на период 1949–1965 годов. Она предусматривала создание восьми крупных лесных полос в степных и лесостепных районах общей протяжённостью свыше 5300 километров. Актуальность этой меры диктовалась и тем, что принятию проекта предшествовали засуха и голод 1946–1947 годов. Этот план был принят постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. под названием «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов

для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». План не имел прецедентов в мировом опыте по таким масштабам. В соответствии с ним были посажены лесные полосы, чтобы преградить дорогу суховеям и изменить климат на площади 120 миллионов гектаров. Особо надо отметить энтузиазм людей, которые стали участниками выполнения этого плана. Однако со смертью Сталина в 1953 г. выполнение плана было свёрнуто. Многие лесополосы были вырублены, несколько тысяч прудов и водоёмов для разведения рыбы были заброшены, ряд созданных лесозащитных станций были ликвидированы. Но благодарная память об этом событии и до сих пор сказывается в жизни миллионов людей, живущих под защитой уцелевших полос, чьё влияние продолжает действовать и поныне [Войцеховский, 2008; Ковда, 1952].

В рамках «великих строек коммунизма» было осуществлено строительство объектов, имевших не только экономического значения, но и оказывающих мобилизующее социально-психологическое воздействие. К ним можно отнести решение о начале строительства в 1950 году Сталинградской (Волжской) ГЭС, сооружение которой рассматривалось ещё в начале 1930-х годов в рамках плана «Большая Волга», предусматривавшего регулирование Волги каскадом гидроузлов. Затем последовали Куйбышевская, Каховская, Цимлянская ГЭС, строительство Главного Туркменского канала Аму-Дарья – Красноводск. В июле 1952 г. состоялось открытие Волго-Донского судоходного канала протяжённостью 101 км. Все эти стройки реализовывались под флагом «Великие стройки коммунизма» [Лельчук, 1967].

К чести руководства страны можно отнести и тот факт, что оно понимало, что людей могут удовлетворить и заинтересовать не только крупные, хотя и текущие, но и перспективные дела, которые бы объясняли и подчёркивали как новизну, так

и преимущества существующего устройства страны. Поэтому, на наш взгляд, к мобилизующим и побуждающим социальную энергию мерам можно отнести действия, которые были нацелены на переосмысление сложившегося положения, на понимание и коннотацию по восприятию принципиально иных задач.

Для воздействия на мировосприятие советских людей большую роль сыграла демонстрация успехов по программе Атомного проекта, показавшего возможности ядерного оружия и создавшего новый облик обороноспособности страны. Сообщение ТАСС в 1949 г. об испытании этого средства военной мощи способствовало дальнейшему укреплению представлений советских людей о Советском Союзе как ведущей мировой державе. Эта демонстрация силы советского оружия вселяла убеждённость, что советская страна продолжает сохранять своё место и роль в мировом сообществе, что было доказано в прошедшей напряжённой и кровопролитной войне. Воодушевляли советских людей и такие мирные акты, как пуск первой в мире атомной электростанции в Обнинске 26 июня 1954 г., которая проработала ещё 48 лет [Катасонов, 2014].

На наш взгляд, на сознание людей оказывали влияние акции и менее значительного размера, но получившие большое общественное звучание. К ним относится строительство высотных зданий (так называемых сталинских высоток) в обедневшей Москве, что вызвало много вопросов и сомнений. Но по прошествии многих лет они стали градостроительными ориентирами и гордостью москвичей. И не только их. Сегодняшний облик столицы невозможно представить без этих сооружений [Горлов, 2005].

Происходили кардинальные изменения и в разрушенном войной сельском хозяйстве, положение которого было осложнено в 1946 г. сильной засухой, в результате чего в стране разразился голод. И хотя 1948–1950 гг., будучи урожайными, помогли стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве, но

довоенного уровня сельскохозяйственного производства достичь не удалось.

В послевоенные годы предпринимались меры для повышения уровня механизации сельского хозяйства. За пятилетку было создано более 1000 новых МТС, на 40–50% в сравнении с 1940 г. увеличилось количество тракторов и комбайнов. Но в то же время в 1950 г. только 15% колхозов были электрифицированы. Ручной труд по-прежнему преобладал [Евсеева, 2002].

Но восстановление сельского хозяйства шло очень медленными темпами не только из-за неблагоприятных погодных условий. Средства из аграрной сферы перекачивались в индустриальную для обеспечения ускоренного развития промышленности. Государственные закупочные цены на сельхозпродукцию были очень низкие. Например, продавая государству молоко, колхозы возмещали лишь пятую часть затрат на его производство, при продаже зерна – десятую часть, а при продаже мяса – двадцатую. То есть, чем больше колхозы производили продукции, тем беднее они становились. Не получая прибыли, хозяйства не могли расплатиться с колхозниками за отработанные трудодни.

В попытках найти решение проблем сельского хозяйства был принят ряд ошибочных решений. Под предлогом повышения внимания к коллективному труду как более производительному у крестьян в пользу колхозов было изъято 10,6 млн га земель приусадебных участков и ограничено количество скота на личных подворьях.

Среди мер по повышению эффективности сельскохозяйственного производства наиболее значимым оказалось укрупнение колхозов, начавшееся в 1950 г. Если на начало этого года в стране насчитывалось 255 314 колхозов, то к концу 1953 г. их число уменьшилось до 93 тыс. Колхозы стали более крупными хозяйствами: если в 1949 г. на один колхоз в

среднем приходилось 80 сельских дворов, то в 1951 г. – уже 172; трудоспособных, соответственно, 113 и 242, общественной пашни – 579 и 1292 га. Однако данная мера показала ограниченность, ущербность и даже ошибочность этого решения. Был нарушен принцип организации ранее существовавших колхозов как артелей, в которых происходил неформальный контактный межличностный контроль за деятельностью и жизнью соседей и сотоварищей по работе (кстати, колхозы даже в официальных документах именовали артелями). При укрупнении этих хозяйств возникла обезличка, невозможность осуществления формального контроля, что привело к расстройству трудовой дисциплины, падению производительности труда [Хлевнюк, 2001].

Однако несмотря на ошибки и просчёты, в результате «за годы четвёртой пятилетки советская экономика твёрдо встала на путь интенсивного развития» [Ханин, 2003; Фомин, 2023].

Изменения в экономике имели и серьёзные социальные последствия, особенно что касается занятости. Возмещение потерь населения в СССР в годы войны потребовало 14 с лишним лет. Таким же длительным был и период восстановления численности населения России, завершившийся лишь в 1955 г. [Переведенцев].

Война тяжело сказалась на состоянии индустриальных кадров. Советское государство встало перед необходимостью в самые короткие сроки ликвидировать последствия войны и в этой области. Надо было обеспечить восстанавливаемые и вновь строившиеся предприятия миллионами работников всех специальностей, обучить их, организовать переподготовку и повышение квалификации более чем 15-миллионной армии рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

В первые послевоенные годы промышленность, строительство и транспорт пополнялись рабочими и командными кадрами в значительной степени за счёт демобилизуемых из армии.

Основным источником пополнения рабочего класса СССР в 1946–1950 гг., как и в прежние годы, было крестьянство. Выходцы из деревни составляли в тот период большинство среди направленных в промышленность, на строительство и транспорт.

Одним из эффективных источников пополнения рабочей силы стал организованный набор (оргнабор) рабочей силы, практиковавшийся до войны и возобновлённый в 1946 г. Но постепенно более рациональным и эффективным путём пополнения рабочего класса являлся набор рабочей силы самими предприятиями из местного (преимущественно городского) населения, имевшего жильё, связанного с местопребыванием предприятия не временно, в соответствии с договором, а постоянно. В 1950 г. в промышленность самими предприятиями было принято уже 79% новых рабочих, в то время как оргнабор дал только 14%. В строительстве оргнабор играл большую роль, чем в промышленности, поставляя 36% всех новых рабочих кадров, однако и здесь набор самими предприятиями был преобладающим – 52% [История советского... 1987].

Важный вклад в решение проблемы кадров внесла система государственных трудовых резервов: за пять послевоенных лет она дала промышленности, строительству и транспорту около 3,4 млн молодых рабочих. Была восстановлена и расширена учебно-производственная база учебных заведений. Увеличилась их сеть: только в 1946–1947 гг. было организовано 1350 новых школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. К началу 1948 г. в стране действовало 4197 учебных заведений трудовых резервов с 1024 тыс. учащихся.

Заметную лепту вносили проводившиеся по инициативе комсомольских организаций массовые общественные призывы молодёжи на стройки и предприятия. В начале апреля 1946 г. на пленуме ЦК ВЛКСМ обсуждался вопрос «Об участии молодёжи в выполнении пятилетнего плана восстановления и развития

народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы». Главной задачей комсомола провозглашалось активное участие в общественном труде по его выполнению. Призыв был реализован: число привлечённых к этой деятельности не только среди комсомольцев, но и всей молодёжи исчислялось сотнями тысяч участвующих в восстановлении многочисленных объектов как значимых, так и нацеленных на решение локальных, местных проблем. И несмотря на то, что это участие, по воспоминаниям работников тех лет, было очень стеснено как в производственном отношении (большинство работ выполнялось посредством ручного труда), так и в обустройстве повседневной жизни (жизнь в палатках, бараках, при скудном питании), созидательный порыв преобладал при широко распространённой убеждённости, что эти недостатки временны, что они будут устранены ради лучшего завтра. Иначе говоря, степень доверия официальным планам преобладала и не только среди молодёжи [Евсеева, 2002].

В результате в 1950 г. численность всех категорий работников промышленности, строительства, транспорта и связи значительно превзошла довоенную, составив 22 820 тыс., на 5440 тыс. человек больше, чем в 1940 г. [Попов, 2000].

Эти изменения всеми социальными общностями и группами воспринимались с пониманием, поддержкой и искренним желанием участвовать в преобразованиях, так как в них люди видели перспективу для улучшения своей жизни. Были и встречные движения, которые строились на взаимном согласовании интересов как деятельность рационализаторов и изобретателей [Ищенко, 2022]. Несомненно, что такая ситуация, несмотря на все издержки и ошибки в преобразовании экономики, способствовала укреплению общественного договора, но уже на обновившихся условиях.

Таким образом, итоги выполнения четвёртой пятилетки показывают, что произошли глубокие структурные изменения народном хозяйстве. В целом удалось устранить по-

следствия Второй мировой войны, улучшить экономическую ситуацию. Несмотря на невероятные трудности, государство убедило советский народ в правильности избранного курса и получило его поддержку. В многом это обусловлено проводимой социальной политикой.

Её ход и результаты в известной степени подвёл 19-й съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), ставшей именоваться с этого съезда Коммунистической партией Советского Союза – КПСС (октябрь 1952 г.). Съезд наметил директивы по 5-му (2-му послевоенному) плану развития народного хозяйства СССР на 1951–1955 гг., в которых была заложена программа дальнейшего подъёма всех отраслей народного хозяйства. Наряду с внутренними проблемами съезд дал характеристику расстановке классовых сил на мировой арене: с одной стороны, формированию мировой социалистической системы (СССР, Албания, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Германская демократическая республика, Китай, Северная Корея, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия) и освободившиеся колониальные и полуколониальные страны (Бирма, Египет, Индия, Индонезия, Эфиопия); с другой стороны, определил политику по отношению к капиталистическим странам, предложив им найти пути взаимовыгодных отношений.

Социальные параметры жизненного мира людей: плюсы и минусы

Важной характеристикой этого этапа функционирования общественного договора стало начало *существенного поворота внимания к социальной жизни людей, что способствовало* взаимному пониманию и укреплению доверительных отношений и нашло отражение в решениях общественной важности и значимости.

Каково же было состояние общественного сознания, отношение людей к осуществляемым преобразованиям?

Анализ исследований и публикаций этого времени показывает, что люди в своём большинстве активно участвовали во всех преобразованиях, осуществляемых в стране. На мобилизацию по возрождению экономики из пепла, восстановление и строительство предприятий, экономической и социальной инфраструктуры откликнулись миллионы людей, которые, несмотря на примитивные условия повседневной действительности, жили надеждой и были уверены в достижении благополучия уже в ближайшем будущем.

Большинство людей были полны ожиданий если не о коренном, то о существенном улучшении своего, в первую очередь, материального положения.

Напомню, что участие народа в снабжении в 1941–1945 гг. воюющей Красной армии во многом обеспечивалось сокращением личных доходов: по подсчётам экспертов, каждый третий рубль в бюджете страны был почерпнут из кармана советских граждан. Военный бюджет пополнялся как за счёт прямых налогов и вычетов из лично заработанных денег, так и подпиской на облигации государственного займа. Были и другие многочисленные сборы и пожертвования, которые воспринимались большинством людей как необходимые жертвы во имя великого дела.

Поэтому вполне естественно люди ожидали уменьшение личных затрат на государственные нужды и увеличения доходов в свой семейный и/или личный бюджет. И это было учтено политической властью. Были сняты практически все ограничения военного времени. В 1947 г. была отменена карточная система. Налоги были в значительной мере сокращены, запрещены обязательные внеурочные работы, восстановлены отпуска; началась выплата компенсаций за неиспользованные в годы войны трудовые отпуска; сокращена доля заработной платы,

затрачиваемая на облигации государственного займа. Особую признательность людей получило регулярное снижение цен на продукты питания и товары широкого потребления, которое проводилось с 1949 по 1954 год. В результате в 4 раза выросла покупательная способность рубля, в 4 раза выросла реальная заработная плата за 8 лет после окончания войны, что привело к повышению жизненного уровня. Эти меры принесли удовлетворение, служили укреплению контактов народа и власти, вселяли надежды, что годы военных ограничений окончательно уйдут в прошлое, а наступающие перемены в жизни приведут только к позитивным переменам [Швыдкая, 2023].

В то же время эта налоговая политика осуществлялась непоследовательно. Денежная реформа 1947 г. не только устранила прорехи военного времени, не только ударила по спекулянтам и перекупщикам, но и по многим труженикам, потерявшим сбережения в результате неадекватной реакции государства на их положение. Могу привести пример из личной жизни. В мою бытность подростком моя мать решила ставшую калекой корову сдать на мясо в районном заготскоте и на эти деньги приобрести новую. Полученные деньги в декабре 1947 г. обернулись тем, что, обменяв по установленному курсу (деньги считались значительной суммой и обменивались в расчёте 10 старых рублей на один новый), наша семья на новые деньги смогла купить только козу.

В особенно трудном положении находились крестьяне. Доля оплаты труда в колхозе в общих доходах крестьянской семьи была невелика – не более 20%. Продукты питания колхозники получали в основном из личного подсобного хозяйства, а деньги – от продажи продуктов горожанам. Подсобные хозяйства колхозников, приусадебные участки облагались непомерным налогом. С каждого двора нужно было поставить государству 75 кг мяса, 310 л молока, 75 штук яиц, 3 кг шерсти в год. Налогом облагалось каждое фруктовое дерево.

Подводя итоги преобразований в сфере экономики, можно утверждать, что в практическом, оперативном плане все усилия государства были сосредоточены на решении текущих проблем восстановления народного хозяйства и поиске наиболее приемлемых действий для налаживания нормальной и ритмичной работы существующих и создаваемых производств.

Политический аспект общественного договора

На общественную атмосферу в определённой мере влияли политические события как международного, так и внутреннего характера.

Что касается международных отношений, напомним, что в годы второй мировой войны сложилась антигитлеровская коалиция. Решения Тегеранской, Крымской, Потсдамской конференций заложили основу послевоенного мироустройства. В 1946 г. была создана Организация объединённых наций, одним из учредителей которой стал СССР, получив постоянное место в составе Совета безопасности ООН. Влияние авторитета СССР было высоко в мире, особенно в Европе, где видное место в управлении странами заняли организации коммунистической и социалистической ориентации. В этот период коммунисты имели большое влияние в странах Восточной Европы, что способствовало становлению в них демократических и социалистических отношений.

Однако период сотрудничества стран антифашистской коалиции вскоре сменился конфронтацией. В марте 1946 г. в Фултоне У. Черчилль призвал западные державы к совместной борьбе против мирового коммунизма. Этой речью было обозначено начало противостоянию между прежними союзниками – СССР и США в купе с Великобританией. Эта речь дала толчок для формирования антисоветской политики, в рамках которой создавался образ врага, что явилось социально-психологической

основой «холодной войны». («Холодная война» – это политическая, экономическая, идеологическая конфронтация между двумя системами, «балансирование на грани войны»). Это противостояние постепенно нарастало и набирало обороты.

Заметным событием в росте недоверия и в обострении международных отношений стал план Маршалла. По форме этот план был нацелен на восстановление разрушенной экономики западноевропейских стран. Давались крупные займы на покупку американских товаров, вырученные деньги не вывозились из стран, а вкладывались в строительство новых и восстановление старых предприятий. Советское руководство отказалось от плана Маршалла, который если бы был принят, означал бы подчинение политики американским интересам.

В 1947 г. в США была взята на вооружение «доктрина Трумэна», в которой провозглашались задачи борьбы с коммунизмом во всём мире, «сдерживания коммунистического наступления» и «отбрасывания коммунизма в границы СССР». Все революции и общественные движения рассматривались как результат коммунистической агрессии. Именно под давлением США из правительств западноевропейских стран были удалены коммунисты.

Одновременно США стали проводить политику атомного шантажа. Здесь на первый план вышла доктрина Г. Гувера: «Пока мы, и только мы имеем атомную бомбу, мы можем всему миру диктовать нашу политику». Начиная с 1945 г., разрабатывались планы нанесения ядерного удара по СССР, а вокруг Советского Союза были созданы американские военные базы.

Наращивание ядерного потенциала США привело к тому, что к 1949 г. они имели план ядерной войны против СССР, который предусматривал нанесение этим оружием удара по 100 городам. Но к этому времени, в том же 1949 г., в СССР произошло испытание атомной бомбы, что послужило серьёзным предупреждением попыткам разговаривать с советской стра-

ной языком силы и угроз. Создание атомного оружия внесло определённый элемент равновесия. Однако абсолютизация этого элемента породила противоречие в политических отношениях. В ноябре 1949 г. Маленков заявил, что «если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма». Такие взгляды стали не только предупреждением, но и поводом для обвинения СССР в агрессивных намерениях, что послужило оправданием для усиления антисоветизма [Орлов, 2000].

В политике противостояния СССР значительную и всё возрастающую роль стал играть образованный в 1949 г. Североатлантический блок НАТО. Подчеркнём, что на этот вызов Советский Союз ответил только в мае 1955 г., образовав Варшавский военно-политический договор, включавший СССР и восточноевропейские страны [Пламя… 2004].

Определённую лепту в укрепление международных связей внесло такое событие, как меры по укреплению экономического влияния страны. В 1949 г. был образован Совет экономической взаимопомощи с целью совместного решения проблем, стоящих перед СССР и восточноевропейскими странами, приступившими к социалистическому строительству.

Надо отметить и прямое или косвенное влияние авторитета СССР на становление новых независимых стран. Именно в этот период состоялось появление новых, социалистических и демократических государств. В 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, существование которой сопровождалось сначала войной с французами (1945–1954 гг.), а затем с американцами (1964–1975 гг.). В 1948 г. было образовано социалистическое государство Корейская Народно-Демократическая Республика. В 1949 г. произошло возникновение социалистического Китая (1949 г.). В их становление большой вклад был сделан СССР. И не только технической и

финансовой помощью, но и кадрами, которые обеспечивали наиболее уязвимые или перспективные сферы экономики.

Таким образом, по имеющейся информации общественному сознанию советских людей льстило признание роли СССР как ведущей мировой державы, её растущей мощи и влияния. Это способствовало гордости за свою страну, желанию содействовать или участвовать в решении экономических, в том числе и оборонных проблем.

Определённое влияние оказывали усилия советского государства по налаживанию культурных связей с окружающим миром. 16 ноября 1945 года было создано ЮНЕСКО – специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры.

Цели, декларируемые этой организацией, – содействие по укреплению мира и безопасности за счёт расширения сотрудничества государств и народов в области образования, науки и культуры; обеспечение справедливости и соблюдения законности, всеобщего уважения прав и основных свобод человека, всех народов, без различия расы, пола, языка или религии. Но эти события, несмотря на их большую политическую значимость, слабо доходили до массового сознания – их заслоняли практические действия людей по решению более тесно касающихся их повседневных проблем. Тем более в огромных масштабах в средствах массовой информации рассказывалось о достижениях и победах на том или ином участке трудового фронта, награждались передовики производства или рассказывалось о реализации таких масштабных проектов, как создание лесополос, что реально касалось многих людей, особенно жителей Чернозёмной и Нечернозёмной части Европейской зоны страны.

Что касается внутриполитической жизни, то проблемы участия советских людей в жизни страны решались достаточно противоречиво. С одной стороны, чтобы поддержать

чувство нового этапа и новых возможностей и сохранить дух сплочённости периода Великой Отечественной войны, удовлетворение от проводимых преобразований, был осуществлён ряд знаменательных актов, которые получили большое звучание. На наш взгляд, к таким стартовым событиям можно отнести проведение в 1946 г. выборов в Советы всех уровней, которые сопровождались выражением не только победы в Великой Отечественной войне, но и демонстрировали начало новой жизни. Свидетели того времени говорят, что это был праздник, который далеко вышел за рамки обычных выборов. По сути, он означал: мы начинаем обновлённую жизнь и в стране, и в жизни всех советских людей. Поэтому мобилизующая роль этого события вышла за рамки обычного мероприятия и породила большие надежды на успешную совместную деятельность народа и власти.

Символическое значение этого события перекликалось с тем, что – и это надо отметить особо – произошли серьёзные изменения в общественном сознании. Выросло осознание своей личной общественной значимости, своего личного достоинства, вызванные явным и подспудным осмыслением своей роли и значения в решении судеб человечества, судьбы своей страны, своей жизни. Этому новому, более высокому уровню понимания окружающей действительности и начавшихся новых изменений в стране отчасти способствовал и опыт миллионов вернувшихся с фронта солдат, увидевших иную жизнь в других странах, особенно ту, которая касалась бытоустройства человека, его обеспеченности для рациональной организации трудовой и повседневной деятельности [Галушка, Ниязметов, Окулов, 2021].

Отметим и такую сторону политической жизни, которая была связана с осуществлением акции, больше рассчитанной на международную аудиторию – переименование в 1946 г. Совета народных комиссаров в Совет Министров СССР, что,

по нашему мнению, отражало желание разговаривать с миром на более привычном для него языке.

Чувству демократизации способствовала и отмена смертной казни в 1947 г., хотя в 1949 г. она была восстановлена.

Однако политическая жизнь характеризовалась и негативными событиями, отражавшими соперничество в высших кругах партийного руководства. Наиболее предметно это проявилось в так называемом Ленинградском деле, когда были репрессированы видные деятели большевистской партии, такие как Вознесенский, Кузнецов и др. [«Ленинградское дело»… 1990; Сушков, 2018]. Если разобраться в сути этого процесса, то речь шла о стратегии дальнейшего развития страны, что можно было осуществить в рамках внутрипартийной дискуссии, не превращая её в средство расправы над людьми, имевшими заслуги перед страной и доказавшими свою приверженность социалистическим идеям и идеалам во время нахождения на высших должностях в государстве и партии, в том числе и во время Великой Отечественной войны.

В 1951 г. было начато «мингрельское дело», в процессе которого намечалась расправа над рядом грузинских партийных и советских работников. Подобное дело готовилось и против белорусского партийного актива. Были и другие действия, которым приписывалась политическая окраска, как, например, дело кремлёвских врачей.

Большую остроту приобрела компания по борьбе с космополитизмом и антисемитизмом – массовые политические акции, проводившиеся в 1948–1953 годах и направленные против скептических и прозападных настроений и ориентаций среди интеллигенции. Но ряд их акций, таких как роспуск Еврейского антифашистского комитета, созданного в 1942 г., «дело врачей» был инспирирован под флагом борьбы с низкопоклонством перед Западом в науке и культуре, обви-

нениями в предательстве национальных интересов. В январе 1948 г. было впервые употреблено выражение «безродный космополит», которое появилось в выступлении А. А. Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК КПСС. В рамках этой установки были осуществлены попытки, не всегда убедительные и аргументированные, по доказательству приоритета русской науки и инженерной мысли в части открытия тех или иных научных и технических достижений [Юрганов, 2011: 373].

Вместе с тем, несмотря на в целом успешное выполнение целей и задач четвёртой пятилетки и реализации первостепенных задач, встал вопрос, а что делать после восстановления народного хозяйства. Эту проблему начали решать как в теоретико-политическом, так и практическом управленческом плане уже в конце 1940-х годов. Для поиска ответа на этот вопрос осенью 1951 г., за год до начала 19-го съезда ВКП(б) (на этом съезде она будет переименована в КПСС), была организована дискуссия: советскими экономистами были высказаны различные мнения по поводу дальнейшего развития страны. Эта дискуссия завершилась осенью 1952 г. после появления работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В этой работе констатированы два очень важных момента: 1) недостаточная ясность новых путей развития социалистической экономики; 2) дискуссионность основного вопроса экономики того времени – о товарном производстве при социализме [Сталин, 1952].

Весь «гвоздь» вопроса упирался во второй аспект. Почему? Согласно трактуемой марксистской теории, социалистическое общество развивается при помощи не товарных (рыночных) отношений, а плановых. Этот подход основывался на том, что рынок играет главную роль в капиталистическом обществе, где производители обособлены друг от друга и противостоят друг другу, с одной стороны, собственники

средств производства, с другой – наёмный труд. Прибыль получают только первые – за счёт эксплуатации вторых. В социалистическом обществе нет – теоретически – такого обособления-противоречия, так как, по Марксу, в социалистическом обществе все средства производства составляют общенародную собственность. Но в СССР не все средства производства составляли общенародную собственность: наряду с государственной существовала кооперативно-колхозная. Как быть в таком случае с товарными отношениями? Ни у Маркса, ни у Ленина ответа на этот вопрос не было: один просто не мог его дать, ибо жил совсем в другое время; другой не успел. Поэтому Сталин в указанной работе не поддержал ни тех экономистов, которые выступают за товарные отношения, ни тех, кто выступает против товарных отношений. Сталин призвал искать новые экономические решения, работающие на дальнейшее укрепление социализма.

Однако события, последовавшие после его смерти в 1953 г., внесли существенные коррективы в политику советского государства, в цели и средства реализации общественного договора. Они отодвинули решение важнейшего научного и политически значимого вопроса о будущем не только экономики, но и страны (а он имел стратегическое значение) и были заменены задачами, которые имели значение в среднесрочной или текущей перспективе.

Идеологические кентавризмы

Характеризуя первые послевоенные годы, нужно сказать, что означенный период времени в духовно-культурной жизни неоднозначен и противоречив.

С одной стороны, несмотря на крайне напряжённую экономическую и финансовую ситуацию, на развитие науки, образования, культуры были выделены значительные средства,

превосходящие довоенный уровень. В результате с 1946 г. по 1950 г в стране было построено и введено в действие (включая восстановленные из числа разрушенных в годы войны) 18,5 тыс. школ на 2,5 млн ученических мест. Из них на 1,3 млн мест было построено в сельской местности на средства колхозов. Школы, клубы, библиотеки строились в основном или за счёт самообложения колхозников или методом «народной стройки». Кроме того, к началу 1950-х годов в основном удалось восстановить разрушенные школьные здания, что позволило несколько разгрузить образовательные учреждения и перейти от 2–3-сменного обучения к обучению в 1–2 смены. Одновременно с этим завершился переход ко всеобщему обязательному семилетнему образованию. Число школ, техникумов, вузов увеличилось. В начальных, семилетних и средних школах, техникумах и других учебных заведениях в 1950 г. обучалось 20,6 млн человек [Барсенков, Вдовин, 2008].

Были выделены огромные средства на науку. В 1946 г. расходы на развитие науки увеличились в 2,5 раза. За короткий период восстановлены разрушенные и созданы новые научные центры. В 1946 г. были созданы Академии наук в Латвийской, Эстонской и Литовской ССР, в 1951 г. – в Таджикской и Туркменской ССР, в 1954 г. – в Киргизской ССР. В эти годы были учреждены филиалы Академии наук СССР – Молдавский, Дагестанский, Якутский, Башкирский, Восточно-Сибирский. Во второй половине 40-х гг. возникла целая серия новых научно-исследовательских институтов: Институт точной механики и вычислительной техники, Институт радиотехники и электроники, Институт прикладной физики, Институт атомной энергии и многие другие [Летопись Российской …2022].

Так как восстановление разрушенной войной экономики, обеспечение опережающего развития промышленности было неотложной задачей, то среди её проблем остро встала

подготовка квалифицированных кадров с высшим и средним специальным образованием. В силу этой потребности в центре и регионах страны открывались высшие учебные заведения. Росло и число студентов. Уже в 1946 г. на первый курс было принято 205 тыс. человек. Каждый пятый из них был демобилизованным фронтовиком. В 1951 г. к занятиям приступили уже 350 тыс. первокурсников. Всего в начале 1950-х гг. в СССР действовало 800 вузов и более 3 тыс. техникумов, в которых обучалось свыше 3 млн студентов [Сиверцева, 1995: 42). За период с 1946 по 1950 гг. высшие учебные заведения дали народному хозяйству 652 тыс. специалистов, или в среднем за год 130,4 тыс. человек (для сравнения – 109,4 тыс. в 1939–1940 гг.). Быстрое развитие получило вечернее и заочное высшее образование [Зубкова, 2000].

Новая ступень повышения интеллектуального уровня народа знаменовала переход в 1949 г. на обязательное семилетнее обучение, что послужило мощному приросту грамотности народа, а, соответственно, его компетенции, росту профессионализма и увеличению возможностей для творческой деятельности.

Поскольку война изменила характер заболеваемости людей, медицинскую сеть приходилось восстанавливать с учётом происшедших изменений. По сравнению с 1940 годом к началу 50-х годов на 35,4% увеличилась коечная сеть в хирургических больницах, на 70% – в терапевтических, вдвое – в туберкулёзных и кожно-венерологических, на 30% – в инфекционных, более чем в 10 раз – в онкологических. Увеличилась также сеть родильных домов, гинекологических и глазных лечебниц. С 1945 года по 1950-й были восстановлены разрушенные санатории и появились 232 новые здравницы для взрослых и детей [Давыдова, 2015].

Особое внимание было уделено сфере культуры и прежде всего восстановлению массовых учреждений культуры.

В результате проведённых в годы первой послевоенной пятилетки мероприятий вся сеть культурно-просветительских учреждений была восстановлена и даже расширена. В 1950 г. в СССР имелось 125,4 тыс. клубов, Дворцов и Домов культуры, изб-читален против 118 тыс. в 1940 году. Число всех библиотек в начале 1951 г. составило 351 тыс. Они располагали 714 млн книг (в 1941 году насчитывалось 277 тыс. библиотек с фондом 527 млн книг) [Манаенков, 1991].

Была полностью восстановлена сеть музеев. Заново создавались разрушенные фашистами музей-усадьба Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, музеи П. И. Чайковского в Клину и Н. А. Римского-Корсакова в Тихвине, дом-музей А. С. Пушкина в селе Михайловском, музей М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, музеи И. С. Никитина и краеведческий в Воронеже, памятные места Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко на Украине и др. Открылись новые музеи: в Москве – музей-усадьба художника В. М. Васнецова; в Ленинграде – музей истории Ленинграда и многие другие. В 1950 г. в стране насчитывалось 937 музеев, которые посетило 27 млн человек.

Развивалось книжное дело, увеличивались тиражи газет и журналов. В 1950 году в СССР выходили около 8 тыс. газет с годовым тиражом 7 млрд экземпляров, 1408 журналов с годовым тиражом 181 млн экземпляров.

В конце четвёртой пятилетки в СССР работало свыше 200 центральных, республиканских, краевых и областных издательств. Из них около 80 выпускали литературу на языках народов СССР. Миллионными тиражами печатались произведения русских и зарубежных классиков. В 1950 году тираж изданных книг составил 821 млн экземпляров – почти в 2 раза больше, чем в 1940-м [Байбурин].

Укреплению уверенности в будущем общественному договору добавляли и другие действия гуманитарного плана. Перспективной и оправдавшей себя акцией стало осущест-

вление такого решения, которое сближало отечественную культуру с мировой – это учреждение в 1946 г. Государственного издательства иностранной литературы.

Была полностью восстановлена сеть театров и построены новые театральные здания: Новосибирский театр оперы и балета, театры в Калинине и Брянске; началось строительство драматических театров в Севастополе, Сталинграде, Нижнем Тагиле и оперных театров в Казани, Челябинске и других городах. Значительно расширилась киносеть. В 1950 году работало 42 тыс. киноустановок, в том числе более 32 тыс. в сельской местности.

Крупнейшей акцией, новым словом в культурном пространстве стало создание Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний (общество «Знание») во главе с президентом Академии наук СССР Н. И. Вавиловым. Учреждение этого Общества решало несколько взаимосвязанных задач. Это был новый более высокий уровень приобщения народных масс к ценностям науки и культуры, который привёл к тому, что началась масштабная пропаганда знаний в большинстве трудовых организаций страны, что при всех недостатках организации этой деятельности стало нормой потребления полезной информации для широких слоёв населения, для большинства трудовых коллективов. Эта новая форма деятельности мобилизовывала и самих учёных, ставила перед ними задачу доведения знаний для всех категорий людей, но что требовало умения разговаривать с народом языком, понятным ему. И это повышало гражданскую ответственность учёных за свою научную деятельность. Жизненность и перспективность такой нормы общения с народом быстро вошли в жизнь, взаимно обогащая участников, и позволяя людям считать науку своей, народной.

Что касается литературы и искусства, то в эти годы были образованы новые учреждения и институции художествен-

ной культуры: в 1947 г. была образована Академия художеств СССР во главе с Александром Герасимовым.

В эти послевоенные годы были созданы произведения, которые имели большое мировоззренческое и художественное значение. Так как мощный импульс развитию советской литературы дала война, то она в произведениях писателей была центральной. Героическому подвигу советских людей в годы войны были посвящены «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Весна на Одере» и «Звезда» Э. Казакевича, «Знаменосцы» О. Гончара, «Белая берёза» М. Бубеннова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева и др. Классикой тех лет стал роман А. Фадеева «Молодая гвардия» о комсомольцах-подпольщиках Донбасса. Участие советского народа в партизанской борьбе с врагом было отражено в произведениях руководителей и участников партизанского движения: С. Ковпака «От Путивля до Карпат», А. Фёдорова «Подпольный райком действует», П. Вершигоры «Люди с чистой совестью», А. Медведева «Это было под Ровно». В эти годы были созданы такие живописные произведения, как картины Александра Бубнова «Утро на Куликовом поле», Юрия Непринцева «Отдых после боя», Александра Лактионова «Письмо с фронта», Аркадия Пластова «Сенокос» и «Жатва». Был организован поиск вывезенных за пределы страны культурных ценностей и их возвращение.

Однако в сфере духовной жизни происходили не только положительные события, особенно во взаимоотношениях политической власти с интеллигенцией. В реально сложившейся ситуации они приобрели противоречивое, парадоксальное выражение. Если в отношении рядового народа политика строилась достаточно последовательно, то по отношению к интеллигенции она велась таким образом, что её можно образно выразить посредством такого слова как кентавристичность – действия взаимоисключающего характера. Это

особенно наглядно проявилось во взаимодействии с художественной и научной интеллигенцией.

Наступление мирного времени породило у многих представителей интеллигенции надежды на демократизацию общественной жизни, свободу научного и культурного творчества. Победа над фашизмом представлялась тем фундаментом, на котором будут осуществляться не только экономические, но и культурные преобразования, в том числе и связи со странами Запада. Эти надежды в значительной степени базировались на том, что в годы Великой Отечественной войны интеллигенция доказала верность социалистическим идеалам, готовность отдать все свои силы и умения делу защиты отечества, преданность своему народу.

На развитие культуры стала влиять складывающаяся конфронтационная ситуация. Произнесённая в 1946 г. речь У. Черчилля положила начало новому противостоянию в мире, переросшему в холодную войну. Требовался ответ не только на официальном уровне, но и в сфере идеологического противостояния, так как мировоззрение людей являлось той ключевой точкой отсчёта, которая влияла на общественное согласие, на уровень и степень поддержки официальной власти. Это привело к появлению таких актов, которые были даже в условиях существующего единодушия восприняты неоднозначно.

На этом этапе был осуществлён ряд актов, которые подрывали принципы общественного договора. Произошло усиление политического и идеологического контроля над культурой, проявившееся в неоправданных атаках на творчество писателей (Ахматова, Зощенко), кинорежиссёров, композиторов, театральных критиков, что нашло отражение в постановлениях ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и средствах по его улучшению», «О кинофильме “Большая

жизнь”», «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», «Об упаднических настроениях в советской музыке». Несколько позже были обвинены в формализме композиторы Шостакович и Прокофьев. Были организованы гонения на кинорежиссёров. Л. Д. Лукову, С. И. Юткевичу, А. П. Довженко, В. И. Пудовкину приписывались «безыдейность» и «аполитичность». С. М. Эйзенштейна раскритиковали за вторую серию фильма «Иван Грозный». Был запрещён к показу кинофильм «Большая жизнь» [Волков, 1991].

Не менее кентавристическим было отношение к науке и научным работникам. С одной стороны, большое значение придавалось развитию науки. Признанным её центром была Академия наук СССР. Росло число отраслевых научно-исследовательских институтов: в 1946 г. их было более двух тысяч, а к 1950 г. число увеличилось на треть. Особое внимание уделялось развитию научных исследований, связанных с обороной: в области атомной энергетики, ракетостроения, радиотехники, электроники.

С другой стороны, с 1947 г. была внедрена такая форма государственно-партийного контроля над наукой, как «дискуссии». Философов критиковали за недостаточно последовательную борьбу против идеализма и буржуазного объективизма. Экономистов – за попытки обосновать возможность «организованного капитализма», способного преодолеть анархию рыночной экономики, за признание прогресса буржуазных стран в развитии производительных сил. Произошло закрытие «Исторического журнала».

Разгрому подверглись такие отрасли научного знания, как генетика и кибернетика. Генетика на августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук 1948 г. была объявлена «лженаукой». Исследования в ряде направлений биологии – физиологии растений, теории эволюции, экологии, селекции на основе хромосомной теории наслед-

ственности – были прекращены. Около 3 тыс. биологов были уволены с работы, часть из них подвергли репрессиям. Президента ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко, громившего генетиков и генетику, поддержал лично Сталин, который ознакомился с докладом и внёс в него правки [Колчинский, Ермолаев, 2018].

Это было началом долгой череды «дел» против деятелей советской культуры и науки. Были инициированы кампании по борьбе с «низкопоклонством» перед буржуазной культурой и образом жизни. Их целью было ограничение творческой самостоятельности интеллигенции, осуществление ложно понятого контроля над её творчеством. В результате происходили процессы, которые вызывали чувство тревоги, несогласия и даже протеста.

Таким образом, примитивно понимаемое мировоззренческое (идеологическое) единство привело к преследованиям многих представителей интеллигенции как «безродных космополитов» (изобретение этих слов приписывают секретарю ЦК ВКП(б) А. Жданову), разгромом Еврейского антифашистского комитета и обвинением многих интеллигентов во враждебных намерениях и таких же действиях против Советской власти.

Справедливости ради надо сказать, что нечто подобное происходило у наших соперников. Неотъемлемой частью начавшейся холодной войны стало идеологическое противоборство. В западных странах начались преследования представителей левых сил. В США, например, указ президента Трумэна, опубликованный в 1947 г., требовал, чтобы все государственные служащие проходили проверку на «лояльность». Они ни в каком качестве не должны были иметь отношение к деятельности «подрывных организаций», к которым причислялась и коммунистические и социалистические партии.

Заключение

Если обобщить основные направления взаимодействия народа и власти, в том числе и за эти годы, то можно привести слова У. Черчилля, который, оценивая колоссальный взлёт экономики СССР, отмечал, что Сталин – величайший диктатор, принявший Россию с сохой и оставивший её с ядерной бомбой. За короткий исторический период страна сделала то, на что другим государствам приходилось тратить столетия.

Можно также сделать вывод, что в этот период времени позитивную направленность общественного договора характеризует тот факт, что большинство людей разделяли и осознавали важность выполняемых работ по восстановлению народного хозяйства. Они в большинстве своём поддерживали программу послевоенной пятилетки, в которой достаточно чётко формулировались цели не только возвращения к довоенному уровню народного хозяйства, но и ставились новые задачи принципиального характера, в том числе и то, что одновременно на состояние и укрепление общественного договора повлияло обращение внимания и удовлетворение повседневных нужд и забот работающего населения. *Достижению этой цели способствовало постоянное разъяснение необходимости осуществления тех или иных программ, планов, отдельных мероприятий, убеждения в необходимости их осуществления с обязательным пояснением, что получит народ в результате достижения намеченных рубежей.*

Укреплению общественного договора способствовала хотя и урезанная, но понятная народу социальная политика. Благоприятно люди реагировали на отмену обременительных налоговых тягот (хотя они не все ещё были отменены), на регулярное снижение розничных цен, особенно на товары первой необходимости, в результате чего материальное благосостояние за эти пять лет выросло в 1,4 раза.

Значительную роль в функционирование общественного договора внесли очевидные, заметные для всего населения кардинальные сдвиги по расширению всех видов образования, увеличению роли как массовых культурно-просветительных учреждений (клубов, домов культуры, кинотеатров, библиотек), так и высокой культуры (театров, музеев).

Для создания благоприятной повседневной обстановки большую роль сыграли меры профилактического характера по снижению преступности, сокращению спекуляции, что способствовало укреплению чувства безопасности и защищённости.

Но наряду с позитивными тенденциями были и обстоятельства негативного характера.

Во-первых, многие повинности (налоги) военного времени продолжали своё существование, особенно для сельского населения, что дало толчок к началу массовой миграции в города тем более, что там требовались рабочие руки.

Во-вторых, осуществлялась непоследовательная политика по отношению к сберегательному поведению населения, что особенно наглядно проявилось при проведении денежной реформы 1947 г., от которой пострадали миллионы людей.

В-третьих, негативное воздействие на общественное сознание оказал возврат к политическим репрессиям, от которых пострадали не только отдельные группы интеллигенции, но и рядовые работники, заподозренные в нелояльности к советской власти, нередко по ложным и клеветническим обвинениям.

И наконец, практиковалась ущербное и малокомпетентное идеологическое воздействие, которое привело к ошибочным решениям, что осложнило взаимоотношения и породило недоверие и даже отторжение политики в области духовно-культурной жизни.

Таким образом, общественный договор в этот период времени был перенастроен, хотя эта перенастройка от требований военного договора к восстановлению утраченных рубежей в экономической и социальной жизни, к мирному строительству происходила в чрезвычайно стеснённых условиях. На этом пути были и впечатляющие достижения, которыми вправе мог гордиться народ, и порочные ошибки, которые серьёзно осложнили установление баланса интересов между народом и государством. В целом страна получила мощный импульс для дальнейшего развития, сделала очередной шаг по дальнейшему превращению страны во влиятельную силу в мировом масштабе, и в решении многих проблем, в основном экономического характера.

Но по мере решения задач по восстановлению народного хозяйства и переходу к следующему этапу остро встал вопрос о стратегии дальнейшего развития страны. Острота её определения нашла отражение в дискуссии по новому учебнику «Политическая экономия», преподавание которой стало обязательным во всех советских вузах с сентября 1954 года, заменив курс «Теория советского хозяйства». Но на первый план вышел не собственно учебный аспект, а положения, определяющие принципы организации экономики в ближайшей и отдалённой перспективе. Примечательно, что в процессе обсуждения проекта этого учебника Сталин сформулировал основной экономический закон социализма: *обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники*. Он также обозначил необходимые условия для перехода от социализма к коммунизму. В этой концепции товарно-денежные отношения при социализме рассматриваются как неизбежные, и потому допустимые, однако при движении к полному комму-

низму должно происходить их *диалектическое снятие,* переход к прямому продуктообмену [Сталин, 1952].

В общем страна и, соответственно, политическое руководство стало перед необходимостью внесения существенных корректив в решение комплекса экономических, политических, социальных и культурных проблем. Смерть Сталина лишь ускорила этот переход к новой политике, к поискам тех путей, которые бы определили успешное развитие страны и которые бы поддержал народ.

Как это происходило, рассмотрим в следующей главе.

Список литературы

Байбурин Р. Культурное развитие СССР в 1945 1953 гг. // Проза.ру : [сайт]. URL: https://proza.ru/2023/12/10/1089?ysclid=lyhace0xjc530611948 (дата обращения: 10.07.2024).

Барсенков А. С. История России. 1917–2007 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин ; изд. 2-е, доп. и перераб. М. : Аспект Пресс, 2008. 832 с. ISBN 978-5-7567-0491-4. EDN QPIXXJ.

Войцеховский М. Б. Государственная лесополоса // Независимая газета. 2008. 26 ноября.

Волков В. В. За кулисами. Некоторые комментарии к одному постановлению // Аврора. 1991. № 8. С. 42–51.

Галушка А. С. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду / А. С. Галушка, А. К. Ниязметов, М. О. Окулов. М. : Наше Завтра, 2021. 360 с. ISBN 978-5-6046834-8-4.

Голенков А. Империя СССР. Народная сверхдержава. М. : Эксмо, 2010. 256 с. ISBN 978-5-699-41604-2. EDN QPPRFB.

Горлов В. Н. Сталинская архитектура как общественное явление // Вестник архивиста. 2005. № 5-6. С. 122–135. EDN PCRBLM.

Давыдова Т. В. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы. Исторический анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8 (148). С. 164–170. EDN VLDRGL.

Евсеева Е. Н. СССР в 1945–1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 179–213. EDN HZZYFX.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2000. 229 с. EDN RCGWBB.

История России XX – до начала XXI века : уч. пособие / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова ; под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2006. 958 с. ISBN 5-699-18159-8. EDN QPEKXB.

История советского рабочего класса. В 5 т. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945–1960 гг. / Под ред. А. И. Мельникова. М. : Наука, 1987. 520 с.

Ищенко А. А. Правовые и организационные аспекты Всероссийской организации изобретателей и рационализаторов в СССР и России / А. А. Ищенко, С. А. Федоренко, Н. В. Сметана // Право и практика. 2022. № 2. С. 19–25. DOI 10.24412/2411-2275-2022-2-19-25. EDN GMMAOR.

Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / В. Ю. Катасонов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 416 с. ISBN 978-5-4261-0106-7.

Кива А. Страна должна жить будущим, а не прошлым // Независимая газета. 2020. 17 сентября.

Ковда В. А. Великий план преобразования природы. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 112 с.

Колчинский Э. И. Разгромный август 1948 года: как власть боролась с биологией / Э. И. Колчинский, А. И. Ермолаев // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 89–112. EDN YTVSGD.

Лельчук В. С. Сменив мечи на орала. Рассказ о 4-й пятилетке (1946–1950). М. : Политиздат, 1967. 112 с.

«Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л. : Лениздат, 1990. 413 с.

Летопись Российской академии наук. Т. VII. 1946–1953 / Отв. ред. В. Ю. Афиани. М. : Архив РАН, 2022. 896 с. ISBN 978-5-6046932-6-1. EDN WBAAHQ.

Манаенков А. И. Культурное строительство в послевоенной деревне (1946–1950). М. : Знание, 1991. 63 с. ISBN 5-07-002202-4.

Орлов А. С. Тайная битва сверхдержав. М. : Вече, 2000. 477 с. ISBN 5-7838-0695-1.

Переведенцев В. И. Послевоенная динамика населения СССР и России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_2_Perevedentsev.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было / Дж. Арнольд, Дж. Берт, У. Дадли ; под ред. П. Цуроса ; пер. Ю. Яблокова. М. : АСТ, Люкс, 2004. 480 с. ISBN 5-17-024051-1. EDN QPBDDV.

Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2000. 221 с. ISBN 9785826501191.

Привалов К. Тревожные дни столицы Рождества // Независимая газета. 2022. 26 декабря.

Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 35–44.

Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. 9 февраля 1946 г. // Собрание сочинений. Т. 16. М. : Издательство «Писатель», 1997. С. 5–16.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Госполитиздат, 1952. 92 с.

Сушков А. В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург : Альфа Принт, 2018. 182 с. ISBN 978-5-907080-23-2. EDN YRRHJR.

Тимошина Т. М. Экономическая история России / Т. М. Тимошина ; под ред. М. Н. Чепурина ; 18-е изд., перераб. и доп. М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. 2015. 423 с. ISBN 978-5-7205-1294-1.

Фомин Д. А. Послевоенная экономика СССР: факторы восстановления // Terra Economicus. 2023. Т 21, № 1. С. 47–60. DOI 10.18522/2073-6606-2023-21-1-47-60. EDN RHQZSV.

Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль. 2003. № 7; № 8; № 9; № 11.

Хлевнюк О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 77–89.

Четвёртый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Союза ССР // Советская историческая энциклопедия. Т. 15 / Гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Советская энциклопедия, 1974.

Швыдкая Ж. Как повышали материальный и культурный уровень жизни народа в СССР в 1946–1950 гг. // Яндекс. Дзен : [сайт]. 22 сентября 2023. URL: https://dzen.ru/a/ZQygx9XV2EsO1uNb?ysclid=m20ay5buwd691533415 (дата обращения: 10.07.2024).

Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011. 763 с. ISBN 978-5-7281-1123-8. EDN PVIRVH.

Глава 9
Поиск ответов на вызовы времени (середина 1950 – начало 1960-х). Достижения, зигзаги и просчёты хрущёвского десятилетия

Свобода ничего не стоит, если она не включает в себя свободу ошибаться.
М. Ганди

Введение

Смерть Сталина в 1953 г. послужила отправной точкой для внесения существенных корректив в политику взаимодействия народа и власти. Хотя этот поиск обоснования дальнейшего развития стал актуальным при его жизни (напомню дискуссию по экономическим проблемам и выход в свет его труда «Экономические проблемы социализма в СССР»), решения по изменению политической и экономической стратегии начали реализовываться уже после его кончины. Но они осуществлялись не всегда последовательно и по-разному преломлялись в реальной государственной и общественной жизни, неоднозначно отражаясь в общественном сознании и поведении людей.

Характеризуя эти годы, нужно сказать, что означенный период времени неоднороден и противоречив. Хрущёвский период в истории страны – это и крупные успехи, и болезненные провалы.

Изменение политического климата и реализация новой политической (внутренней и внешней) стратегии

Первыми актами помимо перетряски высших органов власти (в политических и государственных органах – в ЦК КПСС и Совете Министров СССР) стали решения о реабилитации ранее репрессированных граждан, которые самым непосредственным образом затронули основы общественного договора.

Начался массовый пересмотр многих судебных решений политического характера, что привело к освобождению сотен тысяч людей уже в 1953 г. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. Верховный Суд СССР получил право пересматривать по протесту Генпрокурора СССР решения коллегии ОГПУ, Особого совещания и так называемых двоек и троек. В мае 1954 г. начала работу Центральная комиссия по пересмотру дел осуждённых за «контрреволюционные преступления». Были созданы аналогичные комиссии на местах. Им было поручено «пересмотреть все уголовные дела на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления, отбывающих меру наказания в лагерях, колониях и тюрьмах МВД, а также в отношении лиц, находящихся в ссылке на поселении» [Сборник… 1993: 78]. Комиссиям было дано право полностью реабилитировать осуждённых, применять помилование, переквалифицировать обвинение. Только за 1954–1955 гг. работы комиссии были рассмотрены дела более чем на 337 тыс. человек. Многие из них были освобождены из мест заключения, как пострадавшие от необоснованных обвинений. Большинство было полностью восстановлено в правах, которыми обладали до осуждения, и могли включиться в прежнюю общественную и производственную жизнь. Это послужило сигналом для основной массы советских людей о намерениях власти справедливо решить накопленные

преступления и ошибки и стать на путь правового решения возникающих проблем [Реабилитация… 2000].

Однако такое решение о прекращении и оправдании этих людей сопровождалось и массовым освобождением из мест заключения представителей уголовного мира, что послужило вспышке преступности и вытекающим негативным социальным последствиям, что так было ярко раскрыто в кинофильме, который в историю страны, а не только киноискусства, вошёл под названием «Холодное лето пятьдесят третьего...» (автор сценария Эдгар Дубровский, режиссёр-постановщик Александр Прошкин).

Но самое кардинальное и существенное воздействие на состояние и обновление общественного договора и сознания советских людей оказали меры по политической демократизации общества. На июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС Г. М. Маленков ввёл в оборот слова «культ личности Сталина». Затем, 25 февраля 1956 г., на закрытом заседании XX съезда был оглашён доклад Н. Хрущёва о культе личности и его последствиях, который произвёл ошеломляющее впечатление на делегатов, а затем на советских людей. Этот обличительный документ, вопреки первоначальным планам сохранения его в тайне, был доведён до сведения всей партии, работников советского аппарата, актива комсомольских организаций. С ним были ознакомлены присутствовавшие на съезде руководители делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий. Затем в откорректированном и несколько сокращённом виде доклад разослали для ознакомления председателям и первым секретарям всех коммунистических партий мира.

Нужно особенно отметить, что этот доклад стал основой для роста сомнений в качестве партийного и советского руководства, в обоснованности принимаемых ими решений, что приняло уже не единичный или узко групповой, но и общественный характер. Было серьёзно поколеблено основа-

ние общественного договора, тем более что оно усиливалось мнением возвратившихся после политической реабилитации незаконно осуждённых людей.

Эти сомнения росли по мере принимаемых других волюнтаристских политических решений, хотя многие из них были продиктованы необходимостью решения экономических проблем. Но и они оценивались неоднозначно, что привело в первой попытке в 1957 г. сместить Хрущёва с руководства партии и страны. Однако инициаторы этой акции Г. Маленков, В. Молотов, Л. Каганович, Д. Шепилов потерпели поражение и были отстранены от власти. Лишение своих оппонентов власти привело Хрущёва к практике единоличного решения фундаментальных вопросов развития государства и общества.

Так, абсурдным, выходящим за рамки здравого смысла стало в начале 1960-х годов разделение партийных организаций КПСС и советских органов власти по производственному принципу: они – от областных и ниже – делились на промышленные и сельские. Таким образом, на территории одной области или края оказывались два органа управления. Поскольку партийная структура управления была образцом для советской власти, то теперь вместо единых советов и их исполкомов создавались сельские и промышленные советы и их исполкомы. При этом ликвидировались сельские райкомы партии, а управление сельским хозяйством передавалось территориальным производственным управлениям, охватывавшим несколько районов. Следом за партийными и советскими органами стали делиться на сельские и промышленные организации профсоюзов и комсомола. В результате управление всё больше запутывалось – вместо сокращения и удешевления аппарата итогом реорганизации был обратный результат. Этот эксперимент привёл к дальнейшей дезорганизации народного хозяйства и других сфер государственной и общественной жизни в стране [Ведерников, 2014; Титов, 2012].

Вместе с тем этот период сопровождался и значительными изменениями во внешнеполитической стратегии, в которой были и успехи, и поражения.

Прежде всего, отметим меры международного характера, которые укрепляли веру советских людей в возможности мира на земле, прекращения состояния войны, в которых СССР постоянно прямо или косвенно участвовал на предыдущих этапах.

Начались эти изменения практически сразу же. Летом 1953 г. СССР достиг компромисса с США, результатом которого стало перемирие в Корее. В том же году СССР отказался от идеи совместной с Турцией обороны Черноморских проливов, предполагавшей создание советских военно-морских баз на её территории. В 1954 г. было достигнуто соглашение о прекращении войны в Индокитае. В 1955 г. страны-победительницы подписали государственный договор с Австрией, по которому СССР вывел с её территории свои войска. В том же году СССР объявил о прекращении состояния войны с Германией, а в 1956 г. – с Японией.

Изменилась и традиционная трактовка тезиса о необходимости борьбы за мир. В марте 1954 г. Г. Маленков как глава правительства не только подчеркнул важность этого тезиса, но и стал первым государственным деятелем, заявившим о недопустимости мировых конфликтов в условиях существования ядерного оружия. Затем на XX съезде КПСС был обоснован тезис о мирном сосуществовании и соревновании двух систем, о возможности предотвращения войны в современную эпоху, о многообразии форм перехода различных стран к социализму.

В политике страны увеличилось количество контактов с другими странами. В 1955 г. Хрущёв и Булганин совершили длительные государственные визиты в Индию, Бирму и Афганистан. В дальнейшем в 1957–1964 гг. состоялись перегоры с лидерами более чем 30 развивающихся стран, было подписано свыше 20 соглашений о сотрудничестве.

Значительное внимание было уделено странам социалистического содружества. Поддержка союзных государств в Восточной Европе, в Азии, а затем и на Кубе оставалась одним из важнейших направлений во внешней политике СССР. В 1955 г. по инициативе советского руководства были нормализованы советско-югославские отношения.

Однако и здесь проявились кризисные явления. Неблагополучие выявил венгерский кризис (восстание против венгерского руководства), обострение обстановки в Польше, которые подтолкнули советских лидеров не только к «закручиванию гаек», но и к ужесточению своей политики в рамках социалистического содружества. На совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957 и 1960 гг. события в Польше и Венгрии оценивались резко отрицательно.

С середины 50-х гг. и особенно после XX съезда КПСС в полной мере проявились претензии Китая на роль второго центра в социалистическом содружестве и мировом коммунистическом движении. Критика сталинизма была болезненно встречена в Китае, а также в Албании, КНДР, отчасти в Румынии. После мирного урегулирования Карибского кризиса размежевание сил в социалистическом лагере приобрело окончательный характер. Мао Цзэдун критиковал «советский ревизионизм», ставя его на одну доску с «американским империализмом».

Вместе с тем во внешней политике продолжала существовать установка – укреплять оборонное могущество страны. В 1956 г. Хрущёв заявил об изменении военной доктрины СССР – переходе от массового применения войск на поле боя к ракетно-ядерному противостоянию. А в этой сфере во второй половине 50-х – начале 60-х гг. СССР сумел добиться временного приоритета над США.

После испытания в 1954 г. водородной бомбы в 1957 г. в СССР были осуществлены успешные испытания первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты. Впервые территория США оказалась уязвимой для возможного противника. Началось не только крупномасштабное оснащение ракетным вооружением сухопутных сил, ПВО, ВВС, но и создание мощного ракетно-ядерного подводного флота.

Дополняя экономическое сотрудничество социалистических стран военно-политическим союзом, СССР вместе с восточно-европейскими странами подписали в мае 1955 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский договор), предусматривавший создание объединённых вооружённых сил и выработку единой оборонной доктрины.

Во внешней политике продолжали обстоятельно заниматься поддержкой национально-освободительного движения. После Второй мировой войны кризис и крушение колониальных империй позволили советскому руководству предпринять значительные усилия для вовлечения освободившихся стран в орбиту своего влияния. На XX съезде КПСС национально-освободительное движение было названо наряду с мировой системой социализма и мировым коммунистическим и рабочим движением одной из трёх ведущих сил революционного процесса в мире.

Стремясь направить развитие этих стран если не по социалистическому, то по «некапиталистическому» пути, советские лидеры предоставляли им льготные кредиты и безвозмездную помощь, вооружали их лучшими образцами военной техники. В осуществлении этой политики участвовали большие группы специалистов, которые занимались строительством или налаживанием работы предприятий, учебных заведений, помогали созданию национальных армий. Поэтому тематика помощи азиатским и африканским странам, освободившимся от колониализма, серьёзно присутствовала

в общественном сознании, поддерживалась с искренним намерением помочь этим народам обрести самостоятельность и приемлемое благополучие.

Вместе с тем внешнеполитические акции имели и пропагандистский характер. Так, мирное сосуществование характеризовалось как «специфическая форма классовой борьбы». Внешняя политика как западных держав, так и СССР велась с позиции силы. Как отмечал Хрущёв, «договор имеет свою силу, если он подкреплён пушками. Если договор не подкреплён силой, то он ничего не стоит».

Но с позиций общественного договора важен тот факт, что такие установки официальной власти, с одной стороны, как ориентация на достижение мирного неба, спокойной жизни, без войны, а с другой – как убеждённость в том, что мира надо добиваться, имея средства для его защиты и одновременно для существования страны, поддерживало большинство советских людей. Критические замечания были направлены на совершенствование существующего строя, а не на его отмену, что подтверждается многими акциями политических и социальный движений во всех сферах общественной жизни, особенно в экономике.

Поэтому перейдём к анализу общественного договора с позиций экономической жизни.

Экономические новации: плюсы и минусы

Как упоминалось выше, вопрос о стратегии развития в значительной степени определялся тем, как вырабатывается и осуществляется экономическая политика. Именно она определяет основу общественного договора, когда баланс интересов народа и государства проявляет себя с наибольшей эффективностью, хотя и не без возможных серьёзных издержек. И это совпадение интересов в значительной степени об-

условлено тем, что содержат ли предлагаемые государством решения, в том числе и новаторские, не только экономическую, но и социальную и духовно-нравственную основу.

В начале 1950-х годов экономические новации были связаны в основном с решением неотложных задач, которые возникли в жизни страны. Особенно серьёзной была ситуация в сельском хозяйстве. Дело в том, что существующие колхозы и совхозы медленно наращивали темпы производства, не успевали за возрастающими потребностями экономики, а также в силу резко увеличившегося городского населения, что осложняло решение неотложных задач обеспечения необходимыми товарами и продуктами.

Как решить эту проблему? Принятию новых решений предшествовала дискуссия: развивать сельское хозяйство интенсивным или экстенсивным путём Заместитель председателя Совмина РСФСР, министр сельского хозяйства РСФСР П. П. Лобанов и министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов обосновывали необходимостью сосредоточить внимание на освоении 30–38 млн га в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. По расчётам Лобанова, с осваиваемых земель можно дополнительно получить в ближайшие годы 6–7 млн тонн зерна при средней урожайности 13–14 центнеров с гектара. Существовало и другое предложение. О предпочтительности вложения средств в развитие сельского хозяйства в Европейской части СССР ратовали Г. Маленков, В. Молотов, К. Ворошилов. Они считали целесообразным направить ресурсы на восстановление старопахотных земель и разорённых войной хозяйств центральных и северо-западных областей РСФСР. Заметим, что это стало одной из причин раскола в руководстве КПСС и привело к отставке так называемой антипартийной группы в 1957 г.

В этой ситуации Хрущёв, желая добиться скорого и успешного результата, настоял на том, чтобы средства вло-

жить в целину на востоке страны. Согласно постановлению февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. *«О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»* было намечено распахать в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других районах страны не менее 43 млн га целинных и залежных земель. Этот план был принят и начал реализовываться. Первым результатом освоения целины стало резкое увеличение сельскохозяйственного производства: в 1954 г. было собрано 85,5 млн тонн зерна (в том числе на целине – 27,1 млн тонн), а в 1960 г. – уже 125 млн тонн (в том числе на целине – 58,7 млн тонн). Всего за годы освоения целины только в Казахстане было произведено более 597,5 млн тонн зерна.

Целинная эпопея изменила облик территорий РСФСР и особенно Казахстана, где начали формироваться новые отрасли производства, появились крупные предприятия, посёлки, города, возросла занятость населения, изменились условия жизни людей.

Особенно значительными стали социальные последствия. В течение 1954–1955 гг. свыше 350 тыс. молодых людей отправились по комсомольским путёвкам в целинные районы. Только в Казахстане в 1954–1955 гг. обосновалось 20 тыс. семей из разных регионов СССР, насчитывавших 40 тыс. тружеников. Всего же в компании по освоению новых сельхозугодий участвовали 1,7 млн человек). В результате более миллиона юношей и девушек стали целинниками [Верещагин, 2014; Зеленин, 1998].

Их превращение в целинников отвечало потребностям молодёжи, стремившейся проявить себя, сказать своё слово и занять достойное место в жизни. Велика была доля такого социально-психологического чувства, как энтузиазм. Т. е. реализовывался один из показателей общественного договора – совпадение интересов значительной части молодёжи и государства.

Эти акции были в центре общественного внимания, широко освещались в печати и по радио, нашли отражение в литературе, искусстве и даже песенном творчестве («Едут новосёлы по земле целинной», музыка Е. Родыгина, слова Н. Солохина). Это вдохновляло большие массы молодёжи и побуждало их желание проявить себя, для одних – получить профессию, для других – решить такие жизненные проблемы, как приобретение своего дома или квартиры, автомобиля. Общественное признание заслуг, такое как государственные награды, тоже было одним из мотивов поведения. Можно привести много примеров такого успешного жизненного пути. Мой коллега, доктор социологических наук С. В. Харченко, начинал свой жизненный путь после окончания профучилища на Украине как тракторист на целинных землях Кустанайской области Казахстана. Сейчас он главный редактор известнейшей в этой стране газеты «Кустанайские новости».

Не менее мощное мобилизующее, укрепляющее и развивающее экономику страны значение имело осуществление других крупнейших акций – освоение Сибири, хотя некоторые шаги по их реализации были сделаны ещё в 30-е, а затем в 40-е годы. Это было возвращение к проектам довоенных пятилеток, когда предпринимались попытки строительства гидроэлектростанций на Волге, реках Сибири. Началось это с реализации Ангаро-Енисейского проекта по строительству электростанций, основу которого составило сооружение крупных Иркутской, а затем Красноярской ГЭС.

Придавая значение роли энергетики в народном хозяйстве как ключевой проблеме успешного развития экономики, в эти годы началось строительство каскада гидроэлектростанций на Волге.

Одновременно были предприняты меры по решению ещё одного принципиально важного направления – с 1960 г. активно осваивалась новая нефтегазоносная территория, Западная Сибирь, что внесло огромный вклад как в наращивание промышленного потенциала, так и в укрепление финансовой базы страны.

Огромные средства были направлены на создание новой отрасли экономики – химической промышленности, значительная часть продукции которой была нацелена на удовлетворение насущных потребностей населения.

Но особенно большие успехи были достигнуты в атомной и космической сферах, которые имели не только военное значение. В 1954 г. была испытана водородная бомба, баллистические ракеты дальнего действия. С 1954 г. в Обнинске начала работать первая в мире атомная электростанция. В 1959 г. на воду был спущен атомный ледокол «Ленин». Под руководством М. В. Келдыша и С. П. Королёва был создан и 4 октября 1957 г. запущен первый в мире искусственный спутник. А вершиной победного шествия стало 12 апреля 1961 г., когда Ю. А. Гагарин стал первым космонавтом на Земле, совершив первый в истории человечества полёт в космос.

Все эти меры по преобразованию экономики привели к тому, что темпы развития народного хозяйства выразились в их наращивании и в 1950-е годы составляли порядка 8–10% прироста ВВП в год, что позволило Хрущёву на XXII съезде КПСС в 1961 г. провозгласить возможность догнать и перегнать США по уровню экономического потенциала и на этой основе считать, что страна к 1980 г. построит коммунистическое общество.

Такая установка базировалась и на результатах реализации крупных народнохозяйственных проектов – освоение целины и богатств Сибири. Это были акции не только экономического характера – это были в целом успешные меры по укреплению общественного договора, которые состояли в том, чтобы дать возможность каждому желающему, особенно молодёжи, проявить себя, испытать себя, продемонстри-

ровать свои возможности. Для этого требовались не просто решение текущих производственных проблем, а перспективные дела, которые отвечали устремлениям миллионов людей, желающих сказать своё жизненное слово.

Вместе с тем в объективно изменившейся ситуации требовалась коррекция общественного договора, изменение и уточнение вектора социально-экономического и социально-политического развития. Однако эти назревшие изменения не улавливались политической властью. Свидетельством отрыва от реальности стали решения XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), провозгласившего, что к 1980 г. в СССР будет «в основном» построен коммунизм. Под этим подразумевалось создание его материально-технической базы, превышение экономического уровня наиболее развитых капиталистических стран, первое место по производству продукции на душу населения, самый высокий в мире жизненный уровень народа и условия для достижения изобилия материальных и культурных благ; ликвидация остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество, ликвидация в основном существенных различий между городом и деревней, а затем между физическим и умственным трудом, возрастание экономической и идейной общности наций, развитие черт человека коммунистического общества, гармонически сочетающего в себе высокую идейность, широкую образованность, моральную чистоту и физическое совершенство; достижение ситуации, когда все граждане будут принимать участие в управлении общественными делами в результате развития социалистической демократии, подготовка общества к полному осуществлению принципов коммунистического самоуправления.

Это благонамеренное, но волюнтаристское решение было обусловлено примитивным сравнением темпов роста экономики в СССР и США, когда в конце 1950-х годов в Советском Союзе были сравнительно высокие показатели развития

народного хозяйства, а в США и других капиталистических странах – низкие. Такая ориентация, такие целевые установки во многом можно объяснить и тем, что осуществлялась ошибочная и безапелляционная критика АН СССР результатов её работы и даже угрозой её закрытия.

В реальной жизни происходили изменения, которые отражали новую ситуацию в стране, но они не были замечены и учтены. В стране к началу 1960-х годов появились очевидные и скрытые проблемы в развитии советского общества. Несоответствие логике исторического процесса, объективным потребностям развития страны решений, принимаемых официальными партийными и государственными органами, привели к снижению темпов развития народного хозяйства.

Были реализованы действия далеко не бесспорного, а даже ошибочного характера. В управлении экономикой были осуществлены изменения, которые имели не столько положительный, сколько негативный характер для развития производительных сил страны, что сопровождалось ростом сомнений и критики по поводу их целесообразности.

Это началось с необоснованного решения в 1958 г. о ликвидации машинно-тракторных станций (МТС), хотя руководство Академии наук СССР возражало против таких планов. Упразднение МТС и приказ колхозам выкупить сельскохозяйственную технику (цены на неё назначались высокие) обернулись негативными последствиями. На выкуп техники колхозам пришлось потратить все накопления, что ухудшило их финансовое положение. К тому же большинство коллективных хозяйств не имело средств, чтобы сразу создать соответствующую базу для хранения и обслуживания техники, многие не имели соответствующих технических специалистов. Это был ощутимый удар не только по экономическому потенциалу советской деревни, но и по социально-психологическому состоянию сельского населения [Томилин, 2020].

В результате ликвидации МТС в совокупности с ранее проведённой компанией по укрупнению колхозов возросла численность нерентабельных хозяйств, снизилась урожайность, возникли проблемы обеспечения города необходимыми сырьём и продовольствием.

Ещё одним действием, нанёсшим удар по сельскому хозяйству, была политика по ликвидации «неперспективных» деревень, начавшаяся в 1958 г. Тысячи действующих деревень были объявлены нерентабельными и должны были быть в кратчайшие сроки упразднены. Их ликвидация осуществлялась в директивном порядке, без учёта мнения и желания самих жителей. Разрушение веками сложившегося уклада сельской жизни было усугублено проектом по созданию «агрогородов». Эта мера в ряде мест привела к формированию крупных и даже гигантских неуправляемых хозяйств, включавших в себя десятки мелких населённых пунктов. Попадание села в «чёрный» список означало прекращение в нём какого-либо строительства, закрытие магазинов, школ, клубов, ликвидацию автобусных маршрутов к ним. И главное, эти действия отучали людей от желания и стремления работать на земле, следствием чего стала массовая ориентация молодёжи связать свою судьбу с любой другой работой, но только не на селе. В результате окончательно был погублен артельный дух колхозов, которые ранее, в 1930-е годы, были созданы в небольших сёлах и деревнях, и которые во многом были крепки именно налаженными контактными отношениями на производстве и в совместной жизни [Денисова, 1996].

Вскоре проявили себя просчёты в освоении целины. Без налаженной инфраструктуры (зернохранилища, дорожная сеть, необеспеченность нормальными условиями для жилья и др.) привели к огромным потерям зерна, а в перспективе к истощению почвы и потере огромных площадей для пастбищ скота из-за выветривания почвы.

Не привела к позитивным результатам непродуманная и поспешная политика «кукурузации», попытка массового увеличения посевов кукурузы от северных районов до пустынных земель.

Все эти просчёты осложнили ситуацию в сельском хозяйстве. Резко увеличился отток рабочей силы в города. Много деревень стали неперспективными и постепенно превращались в заброшенные поселения. Вкупе с потерявшими потенциал целинными землями новые хозяйственные структуры не могли удовлетворить всё возрастающий спрос на продовольствие и соответствующую продукцию для пищевой и лёгкой промышленности, что в свою очередь привело к недовольству рабочих во многих городах и даже проявилось в таких эксцессах, как силовое подавление бунтующих рабочих в Новочеркасске.

Таким образом, аграрная политика хрущёвского периода нанесла удар по продовольственной безопасности СССР, следствием чего стало то, что в начале 1960-х годов начался импорт сельскохозяйственной продукции, в том числе и зерна. Но одновременно подрывалось доверие к официальной власти, что обернулось не только экономическими потерями, но и утратой репутации и сомнением в качестве руководства страны.

Провальным, непродуманным и необоснованным оказался и замысел о ликвидации отраслевых министерств в экономике и замена их совнархозами по слепому копированию опыта 1920-х годов. Официальной причиной их ликвидации стал тот факт, что сложившиеся в народном хозяйстве экономические отношения оказались невосприимчивыми к новациям научно-технического прогресса, а попытки решать данную проблему в рамках чрезмерно централизованной системы продемонстрировали свою бесплодность. Старания, опираясь на командно-административные методы, широко внедрить достижения НТР в сферу производства оказались малоэффективными. Низкая результативность этих методов

проявилась уже в середине 50-х годов и выразилась в падении роста производительности труда. В 1957 г. Хрущёв попытался решить проблему чрезмерной централизации управления хозяйством введением совнархозов – территориального принципа экономического администрирования. В Законе «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» было сказано: «Установить, что управление промышленностью и строительством должно осуществляться по территориальному принципу на основе экономических административных районов. Для управления промышленностью и строительством в каждом экономическом административном районе образуется совет народного хозяйства». Создание совнархозов в условиях сохранения жёсткой системы планирования привело к нарушению хозяйственных связей между отраслями и регионами и, как следствие, к новому разбалансированию экономики, что привело к хаотичному и несогласованному развитию народного хозяйства в целом.

Продолжали существовать и другие ограничения, которые вызывали недовольства людей. Очередная денежная реформа 1960 года хотя и протекала в относительно более сбалансированной форме, но тем не менее не в полной мере решила проблему улучшения жизни населения, что также вызывало несогласие и протесты как рядовых тружеников, так и руководителей хозяйств.

Хрущёвские реформы негативно сказались на благосостоянии советских граждан. Денежная реформа 1961 года, повышение цен на товары повседневного спроса, урезание личных подсобных хозяйств, «добровольно-обязательный» выкуп скота у колхозников – всё это больно ударило по большому количеству людей. При этом народ ещё хорошо помнил сталинские времена, когда цены на продукты регулярно, хоть и медленно, снижались, а не росли.

К этому времени выявились крупные социально-экономические потери от ошибочных непродуманных инициатив конца 1950-х годов: замена пятилетнего плана семилетней программой развития народного хозяйства, ликвидация министерств и организация совнархозов (слепое перенесение опыта 20-х годов на иную почву).

Эти просчёты и ошибочные решения проявили себя в росте недовольства в стране, так как они существенным образом повлияли на общественное самочувствие, что особенно наглядно проявило себя в манипуляции с ценами на продукты первой необходимости в 1962 г. Олицетворением этого недовольства, протестом против этой политики стали события в Новочеркасске, когда рабочие вышли на демонстрацию с требованием отменить или скорректировать принятые решения. Но вместо делового и взвешенного обсуждения демонстрация была расстреляна, а исполнители расправы не понесли никакого ни наказания, ни осуждения. При этом подчеркнём, что подобные протесты происходили в других городах. Но их содержание сводилось к экономическим требованиям, связанным с оплатой, условиями и организацией труда, с обеспечением товарами первой необходимости и практически полным отсутствием политической подоплёки, как бы это ни пытались изобразить антисоветские критики, особенно в 1990-е годы [Спицын, 2020].

Поэтому неудивительно, что с падением уровня жизни, как самого чувствительного показателя качества жизни, начало расти недовольство по отношению к политике, проводимой Хрущёвым. Следствием всех этих просчётов и ошибок стал тот факт, что советские люди в своей массе стали сомневаться в качестве политических решений власти. Поэтому устранение Хрущёва с постов по руководству партией и страной было воспринято большинством людей с удовлетворением, с надеждой, что новые руководители не только исправят ошибки, но и предложат более приемлемый курс в развитии страны.

Сдвиги в социальной сфере

На этом этапе развития, в период нахождения у власти Хрущёва, были всё же предприняты определённые меры по изменению социальной политики, по повышению уровня жизни. Был реализован ряд мероприятия, которые благотворно повлияли на укрепление общественного договора, ибо демонстрировали определённую заботу о повседневной жизни людей. В 1956 г. были отменены запрет на увольнение работников по собственному желанию, а также уголовная ответственность за прогул. Были повышены зарплаты, несколько выросли денежные доходы населения, произошёл переход к пятидневной рабочей неделе и семичасовому рабочему дню. В 1957 г. был прекращён выпуск облигаций внутреннего государственного займа, ранее принудительно распространявшихся среди населения. Устранялись и другие ограничения, и препятствия. Об одном из них, подрывающем доверие к советской власти, говорил на XX съезде КПСС (1956 г.) М. Шолохов, резко критикуя мелочную и губящую интерес крестьян налоговую политику военного времени, когда каждое плодовое дерево в личном хозяйстве облагалось налогом.

Крупным изменением в правовом статусе колхозников можно считать выдачу им паспортов, введение оплаты их труда деньгами.

Повышению уровня жизни и росту удовлетворённости своим социальным положением способствовало снижение пенсионного возраста на 5 лет. и принятие в 1956 г. закона о всеобщем пенсионном обеспечении граждан СССР. В результате размер средней пенсии в СССР увеличился более чем в два раза. В 1964 г. его распространили на колхозников [Бромлей, 1966].

Но особо значительной и впечатляющей оказалась программа жилищного строительства. В 1958 г. по итогам всесо-

юзного конкурса массового производства был отобран типовой проект жилого дома из крупных панелей серии К-7, разработанный в одной из мастерских Моспроекта под руководством В. Лагутенко. В течение последующих десятилетий К-7 определяла строительные нормы для всех серий панельного жилья. Это было поистине кардинальное решение – миллионы людей переселились из бараков, из переполненных коммуналок, из ветхого жилья. Несмотря на её многочисленные недостатки, реализация этой строительной программы если и не сняла полностью с повестки дня квартирный вопрос, то, во всяком случае, значительно способствовала преодолению жилищного кризиса. В это десятилетие было построено свыше 13 тыс. жилых домов, большинство из которых – пятиэтажки. Около 54 млн советских людей получили возможность жить в отдельных благоустроенных квартирах. Жилищный фонд увеличился почти вдвое – с 640 до 1184 млн кв. м жилой площади. У людей появлялось личное пространство, отделённое от общественного быта. Семейная жизнь стала более приватной. В новых микрорайонах сохранялась достаточно большая дворовая территория, но дворы утрачивали свою былую роль центров общения. Поэтому в новостройках связи между соседями стали гораздо слабее [Григорьева, 2010].

Это потом получаемое бесплатное жильё, массово предоставлявшееся людям, было подвергнуто критике за непрезентабельность, унылый архитектурный вид и другие недостатки. Эти дома в просторечье сразу же получили нелестное прозвище «хрущёвки», позднее – ещё более хлёсткое наименование – «хрущобы», точно выражавшее общее мнение об их качестве [Огородникова, 2018].

Таким образом, все эти меры: смягчение политического режима, развитие экономики страны, повышение уровня доходов, массовое жилищное строительство – оказали существенное влияние на образ жизни советских людей, внесли

существенные коррективы в повседневную жизнь. Это потребовало внимания к удовлетворению новых потребностей. Например, малогабаритные квартиры нуждались в малогабаритной мебели, что привело к росту лёгкой промышленности по её производству.

Значимым решением стало решение о создании новой отрасли экономики – химической промышленности, что привело не только к новым технологическим достижениям по выпуску принципиально иной продукции, но и к расширению объёмов выпуска товаров массового потребления. Произошло и значительное увеличение производства одежды и обуви. Синтетические ткани были дешевле натуральных, поэтому советские граждане могли себе позволить более разнообразный гардероб, чем раньше. Однако многих покупателей не устраивало качество продукции советской промышленности, поэтому был увеличен импорт подобных товаров по удовлетворению запросов населения. В СССР проникли зарубежные тенденции моды и следование им не усматривалось как низкопоклонство перед Западом.

Среди мер, благоприятно повлиявших на социальное самочувствие населения, можно отметить поворот к удовлетворению личных потребностей людей. Всё чаще советские граждане получали возможность покупать бытовую технику: телевизоры, холодильники, пылесосы, стиральные машины. Объём бытовых услуг в СССР увеличился в десятки раз за счёт строительства «домов быта» и пунктов проката бытовой техники. В свободной продаже появились легковые автомобили (в 1960 г. вышел «народный» автомобиль «Запорожец»).

Было также смягчено трудовое законодательство. В частности, 25 апреля 1956 года Верховный Совет СССР утвердил указ, отменяющий судебную ответственность за самовольный уход с предприятий и из учреждений, а также за прогул без уважительной причины и опоздание на работу.

25 декабря 1958 г. была принята новая редакция «Основ уголовного права СССР». Из Уголовного Кодекса РСФСР и союзных республик изъята «террористическая» 58-я статья. Было разрешено возвращение на родину немцев и крымских татар, депортированных в 1940-е годы. В 1956 г было принято постановление ЦК КПСС о восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей.

Надо отметить и такой факт – произошла определённая демократизация в внутрипартийной жизни, что выразилось в восстановлении регулярных пленумов и съездов партии. В 1957 году Президиум Верховного Совета СССР запретил присвоение городам и заводам имён партийных деятелей при их жизни.

Укреплению социалистического мировоззрения советских людей способствовали и такие акции, как зажжение 6 ноября 1957 г. Вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата. В том же году был утверждён текст торжественной присяги пионеров.

В заключение добавим, что к мерам социальной политики примыкают и такие акции, как учёт желания советских людей жить в ситуации мирного времени: были расширены и установлены контакты со странами Востока, подписаны договоры со странами-соседями о ненападении. Особо значимым стал Договор о запрете ядерных испытаний в трёх сферах: атмосфере, космосе и под водой (1963 г.). Были снижены военные расходы, что дало возможность перенаправить финансирование на другие сферы, в том числе и социальную.

Встречные инициативы как показатель состояния общественного договора

Жизнь советских людей неоднократно подтверждала, что разбудить и вдохновить общество могут только такие великие цели, которые бы разделял народ, и был готов на них откликнуться и принять участие в их достижении. Такими целями, которые способствовали подъёму благоприятного настроения населения и особенно молодёжи, стало их участие или соучастие в выполнении таких масштабных грандиозных проектов, как целина, освоение Сибири и Дальнего Востока, строительство железных дорог и возникновение новых городов, призыв на строительство шахт Донбасса. Было много других починов регионального порядка, которые вдохновляли людей, делали их причастными к совершению исторических событий.

Особый феномен представляют так называемые комсомольские стройки – строительство новых городов и предприятий, на сооружение которых приезжали миллионы молодых людей [Куцев, 1989]. Это по сути был удивительный симбиоз возвышающих человека устремлений, сочетание общественных идеалов и личных ориентаций, желание воплотить идеи строительства новой жизни и увековечить свою личную деятельность на благо будущих поколений. Недаром их как по-настоящему народное дело сравнивают с великими стройками Средневековья как, например, строительство знаменитого Страсбургского собора Божьей Матери, своеобразным символом католического христианства, возведение которого, по описанию французского историка и писателя Эдуарда Шюре, вызывало «восторг, жажду деятельности» [Привалов, 2022].

Созидательные настроения советских людей нашли отражение в том, что миллионы из них добровольно поехали вершить эти великие дела. «Наши люди нередко бросали хорошую работу, насиженные места и даже семьи и отправлялись на край света прокладывать в тайге дороги, строить электростанции, фабрики и заводы» [Кива, 2020]. Это поведение советских людей более чем наглядно показывало, что в массовое сознание глубоко проникли идеи созидания, вера в то, что они строят не только общественное, но и личное будущее.

Эти встречные инициативы проявлялись и в других масштабных делах, которые имели одновременно и идеологическую, и альтруистическую нравственную направленность. Так, встречной реакцией на эти изменения стали (конечно, не без официальной поддержки) предложения, среди которых наиболее значительным было такое удивительное и специфическое явление, как движение за звание ударников и бригад коммунистического труда. На начальных этапах эта инициатива представляла искренний порыв немалого числа работников продемонстрировать возможность совершенствования своего труда, улучшения технологии и техники работы. Важное значение имело государственное и общественное признание их устремлений. Могу добавить, что во время работы в Сибири, в Абакане я был свидетелем рождения двух бригад, которые долгое время были единственными коллективами, боровшимися за это звание: бригада на Абаканском механическом заводе и бригада на Абаканской швейной фабрике. Это были молодые коллективы, члены которых искренне стремились освоить новые методы работы и одновременно участвовать в различного рода общественной деятельности – от озеленения города до активного участия в художественной и спортивной деятельности. Лично они так гордились этим званием, что демонстрировали как на своём производстве, так и на городских мероприятиях. К сожалению, в дальнейшем эта инициатива была дискредитирована и скомпрометирована, когда официальные органы (партийные и профсоюзные) стали соревноваться за массовое увеличе-

ние участвующих в этом движении. Этот пример можно приводить как образец бюрократического вмешательства, приведшего к утрате важной инициативы, рождённой в низовых организациях, в народной гуще [Петров, 1962].

Немалую роль в побуждении созидательных сил народа сыграл значительный рост творческих коллективов *рационализаторов и изобретателей*. Этому способствовала организация в 1958 г. Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) с первичными ячейками в сфере производства, проектирования, конструирования, которое стало преемником ВОИЗ, созданном ещё в 1932 г. Рационализаторскими признавались предложения рабочих, ИТР и научных работников, улучшающие технические характеристики проектов и относящиеся: 1) к разработанным проектам (рабочим чертежам или техническому проекту) – после их утверждения; 2) к конструкции – после приёмки серийного (головного) образца; 3) к технологическому процессу – после его запуска в эксплуатацию в установленном порядке. На пике своей деятельности ВОИР объединяло более 14 млн членов. По сравнению с 1950 г. в 1960 г. удельный вес изобретателей и рационализаторов среди всех работников промышленности увеличился с 3,9% до 10,9% [Правовые и… 2022].

Развитию творчества в немалой степени побуждал переход ко всеобщему среднему образованию, без которого невозможно было осуществлять дальнейшие шаги в росте производительности труда и повышении эффективности производства. Этот процесс сопровождался и ростом самосознания, уверенности в своей социальной ценности и значимости не только для своего трудового коллектива, но и всего общества.

Инициатива была пробуждена и в массовой культуре. Таким интересным и привлёкшим внимание миллионов людей стал КВН – Клуб весёлых и находчивых, ставший неотъемлемой частью быта и досуга. Передачи по телевидению – показ

соревнования двух молодёжных команд в юмористических конкурсах – приобрели большую популярность и стали основой для массового подражания и творчества. Команды КВН создавались в вузах, школах, колхозах, воинских частях, на заводах.

Образование: попытки найти новое слово

Произошли важные изменения и в сфере образования. В 1956 г. отменили оплату за обучение в старших классах, средних специальных и высших учебных заведениях. К этому времени уровень образования советских людей был ещё невысоким: по данным переписи 1959 г., лица с высшим, средним специальным и средним образованием составляли только 11% населения. Нужно было ускорить темпы повышения образованности, что предполагалось решать несколькими способами.

Во-первых, были приняты меры по расширению сети высшего образования, чтобы удовлетворить резко возросшую потребность в высококвалифицированных специалистах для внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, развития новых отраслей промышленности и началом автоматизации производства. Высшее образование рассматривалось и как средство профессиональной самореализации, и как залог повышения жизненного уровня. На основании постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием» было открыто более 80 вузов. Особое внимание было уделено инженерному образованию. Оно стало массовым: в 1958 г. было 29 политехнических, 30 машиностроительных, 27 институтов гражданского строительства, 7 авиационных, 27 горно-металлургических, 18 транспортных, 15 электротехнических и институтов связи,

13 институтов рыбной и пищевой промышленности, 10 инженерно-химических, 2 метеоролого-гидротехнических и 2 кораблестроительных института.

Особое значение придавалось развитию вузов на периферии. Часть высших учебных заведений из Москвы была перемещена в другие города: Институт цветных металлов и золота имени М. И. Калинина – в Красноярск, Институт рыбной промышленности и хозяйства имени А. И. Микояна – в Калининград и т. д. В результате в 1958 г. высшие учебные заведения имелись в 219 городах страны, а если учесть филиалы и консультационные пункты заочных вузов, то число таких городов доходило до 500.

В результате советские вузы в конце 1950-х гг. ежегодно выпускали почти в 3 раза больше инженеров, чем высшая школа США. В народном хозяйстве СССР было занято уже почти в 2 раза больше инженеров, чем в США.

Однако несмотря на бесспорные и серьёзные успехи высшей школы, в её работе проявились и весьма существенные недостатки. Главный из них состоял в том, что выпускники вузов получали недостаточную подготовку к практической работе на производстве. Учебная и производственная практика студентов всё ещё не отвечала требованиям, которые предъявлялись современным производством, всё более оснащавшимся новейшей и сложнейшей техникой.

Во-вторых, начал реализовываться курс на экстенсивную подготовку всё большего количества квалифицированных рабочих. С введением в СССР обязательного 8-летнего образования (декабрь 1958 г.) все ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО были преобразованы в ПТУ, срок обучения в которых зависел от сложности специализации (от 1 до 3 лет). Иными словами, школы ФЗО и ремесленные училища, благодаря которым Советский Союз смог справиться с разрухой в послевоенные годы, были полностью ликвидированы, а на смену системе трудовых резервов пришла новая структура профессионально-технического образования, которая предполагала новый уровень качества рабочих кадров [Блинчевсий, 1957; Веселов, 1961]. Понятие «трудовые резервы», которые были созданы в период Великой Отечественной войны, чтобы дети сразу после окончания школы могли приступить к трудовой деятельности, полезной для страны, находящейся в стадии войны, было отменено.

В-третьих, в декабре 1958 г. было принято решение об очередной, но принципиально важной реформе школьного образования. Вводилось всеобщее обязательное восьмилетнее образование. После окончания восьми классов получить полное среднее образование можно было тремя путями: продолжение учёбы в школе рабочей (сельской) молодёжи без отрыва от производства; получение среднего специального образования; поступление в среднюю школу, которая становилась трёхгодичной (9–11-е классы), включая обязательное производственное обучение и, как результат, получение рабочей специальности вместе с аттестатом о среднем образовании.

Это была попытка некоей реинкарнации трудовой школы, которая была популярна в первые годы советской власти. Школьники должны были овладеть азами определённой профессии. Для этого со 2 класса вводился предмет «Ручной труд». С 7 класса дети обучались в мастерских. С 9 класса организовывалась практика по вождению машин, сельскохозяйственной деятельности, электротехники и другим необходимым профессиям.

Создание средней трудовой школы с производственным обучением казалось перспективной идеей, которая позволит быстро решить проблему нехватки квалифицированных рабочих. Но ожидаемого эффекта получить не удалось. Материально-техническая база школ не позволяла оборудовать современные рабочие места. Выбор специальностей, по ко-

торым предлагалось пройти обучение, был очень скромным и не вызывал интереса у большинства учащихся.

Определённые перемены произошли и в сфере высшего образования. При поступлении в вуз преимущество получали абитуриенты, имевшие трудовой стаж не менее двух лет и/или отслужившие в армии по призыву. Для лучшей подготовки к сдаче вступительных экзаменов они могли пройти обучение на специальных курсах. По аналогии с 1920-ми гг. эти отделения стали называть рабфаками. В результате в середине 1960-х гг. доля студентов, получающих высшее образование без отрыва от трудовой деятельности, составила около 60%.

Ещё одним нововведением стало расширение сети школ-интернатов. Учащиеся получали в них образование и жили на полном пансионе. Туда направляли не только сирот и детей из неблагополучных семей. Создавались специализированные школы-интернаты для детей с проблемами здоровья и для одарённых учащихся. В интернатах учились также дети, чьи родители вынуждены были много времени отдавать работе. Считалось, что это очень полезная практика, так как детей, в раннем возрасте «вырванных из мещанской семейной среды», легче будет воспитать в необходимом для общества направлении.

Но образовательная реформа 1958 г. негативно отразилась на национальном образовании в союзных и автономных республиках. Сокращалось число школ, где обучение велось на родном языке, особенно в городах. Преподавание переводилось на русский, родители получили право по заявлению освобождать детей от обязательного изучения национального языка. Эту тенденцию власти объясняли, во-первых, ускоренным строительством коммунистического общества, в котором различия между нациями исчезнут, и, во-вторых, исключительно русскоязычной высшей школой в СССР.

Безусловным достижением сферы образования конца 1950-х – начала 1960-х гг. стала её демократизация. Больше внимания стали уделять воспитанию личности. Ученика уже рассматривали не как губку, которая должна была впитать определённое содержание, а как равноправного с преподавателем человека. Больше внимания стали уделять изучению гуманитарных предметов: истории, основ права. Учителя и преподаватели вузов получили больше свободы в выборе методов обучения.

В целом поколение молодых людей, охваченных всеми видами образования – от начального профессионального до высшего, несмотря на все издержки в их реализации – олицетворяли в своём большинстве верных и преданных сторонников советского строя, которому верили, доверяли и были убеждены в его соответствии личным интересам в сочетании с общественными запросами.

Достижения советской науки

Наука была одной из приоритетных областей официальной политики в СССР. В послевоенные годы расходы на науку за 20 лет увеличились в 12 раз. Наука и техника стали одним из важнейших направлений усилий государства по повышению её действенности и эффективности. Увеличилось финансирование научных исследований, появились новые научные центры. В 1957 г. было учреждено Сибирское отделение Академии наук СССР, которое объединило под своим руководством все научные центры Сибири и Дальнего Востока. В Новосибирске началось строительство Академгородка, был открыт Новосибирский государственный университет.

В 1957 г. в городе Дубна Московской области начал действовать Объединённый институт ядерных исследований. Он был учреждён правительствами 11 социалистических госу-

дарств для изучения фундаментальных свойств материи. Построенный в Дубне синхрофазотрон позволял достигать рекордного для того времени ускорения пучком протонов.

Всего только в системе АН СССР за 1956–1958 годы было организовано 48 новых институтов. Расширилась и их география (Урал, Кольский полуостров, Карелия, Якутия).

Что касается результатов внедрения науки в экономику и производство, то в 1957 г. был спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин» (с 1989 г. музей в Мурманске). В 1960 г. началось строительство нефтепровода «Дружба» (8900 км трубопроводов). В 1958 г. 3-я советская антарктическая экспедиция достигла южного полюса и основала станцию «Полюс недоступности».

Демократизация способствовала ослаблению идеологического давления на учёных, предоставила им относительную свободу. Стала возможной критика прежних антинаучных догматических теорий. В частности, 300 ведущих советских учёных составили письмо против засилья «лысенковщины» в биологии. Лысенко был уволен с поста президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Возобновились исследования в сфере генетики.

Особое внимание, как и прежде, уделялось развитию тех научных направлений, которые могли обеспечить превосходство СССР в военном соперничестве со странами Запада. Но проводившиеся в этой области исследования стали основой и для многих гражданских разработок. В 1954 г. в городе Обнинске Калужской области начала действовать первая промышленная атомная электростанция.

Разработки в области ракетной техники стали технической основой для космической программы, которой руководил М. В. Келдыш, один из идеологов советской космической программы. Особое звучание получили достижения в области освоения космоса. 4 октября 1957 г. был произведен запуск

искусственного спутника Земли. Работа проводилась под руководством академиков С. П. Королева и М. В. Келдыша. В 1959 г. по разработке группы учёных во главе с академиком А. П. Александровым, главным конструктором В. И. Негановым, И. И. Африкантовым был спущен на воду атомный ледокол «Ленин» – первое в мире надводное судно с ядерной силовой установкой. В апреле 1961 г. советский летчик-космонавт Юрий Гагарин впервые в истории человечества на корабле «Восток» облетел земной шар. Через два года в космос полетела первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. В 1965 г. в открытый космос первым в мире вышел Алексей Леонов. Несомненно, эти достижения породили гордость за советскую науку, настраивали людей смотреть на текущие проблемы в более оптимистическом плане в ожидании грядущих позитивных изменений и в обычной жизни.

Именно в это время будущий президент США тогдашний сенатор Дж. Кеннеди, выступая в Конгрессе, отметил большое отставание американцев от советских специалистов в области космических (ракетных) исследований, «в системе образования, медицины, науки».

Советские учёные добились выдающихся успехов в естественных науках: семь исследователей в этот период (1957–1964 гг.) стали лауреатами Нобелевской премии: Н. Н. Семёнов, П. А. Черенков, И. Е. Тамм, И. М. Франк, Л. Д. Ландау, Н. Г. Басов, А. М. Прохоров [Наука... 2023].

Период оттепели несколько раскрепостил и представителей гуманитарных наук. В это время было опубликовано большое количество сборников документов, мемуаров, которые касались ранее «закрытых» для советских историков проблем. Вышли не издававшиеся прежде работы К. Маркса и Ф. Энгельса, статьи и письма В. И. Ленина, в том числе и знаменитое «Письмо к съезду», которое содержало критику в адрес Сталина.

Активная дискуссия развернулась в экономической науке. Математик Л. В. Канторович и экономист В. В. Новожилов стали создателями экономико-математического направления. Они считали, что недостатки советской системы планирования можно решить с помощью методов математического моделирования. Позже, в 1975 г., Л. В. Канторович станет лауреатом премии по экономике памяти Альфреда Нобеля за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов. Группа экономистов-практиков считала необходимым отказаться от обязательного планирования, предоставить предприятиям больше самостоятельности, дать возможность развиваться рыночным отношениям и механизмам. Эти идеи стали основой для разработки экономической реформы, которая начала осуществляться в 1965 г.

Но в отличие от естественных наук, общественные в значительно большей степени подвергались партийному контролю и цензуре. Да и среди самих учёных было много консерваторов, которые не принимали новые веяния. Поэтому критически переосмыслить опыт социалистического строительства в СССР, выявить причины зарождения и развития авторитаризма в то время не удалось.

Феномен оттепели

Происшедшие социально-экономические изменения стимулировали развитие инициативы. Была предпринята попытка осознать скорость перемен. Но в мечтах о будущем городили «деревни» и «хутора». Специфика состояла в том, что поиск, новаторские предложения и начинания наряду с подъёмом общественного воодушевления сопровождались различного рода зигзагами в попытке найти новые точки укрепления доверия между народом и государством.

В результате реализации мер экономического, политического и социального характера произошло раскрепощение

сознания людей – появились многочисленные проекты улучшения и совершенствования существующей общественной жизни. Эти изменения привели к появлению такого феномена, который вошёл в историю под названием оттепель. Её породили начавшаяся демократизация, осуждение культа личности Сталина и репрессий, отмена части ограничений по реализации свободы слова, поддержка ряда инициатив в сфере духовной жизни [Медведев, 2006; Пыжиков, 2002]. Произошло ослабление цензуры в литературе, относительная либерализация политической и общественной жизни, открытость западному миру, большая свобода творческой деятельности.

С этим словом – оттепель – нередко связывают все общественные процессы: и экономические, и политические, и социальные, и культурные. Но на наш взгляд, нужно анализировать в основном только изменения, которые непосредственно затрагивали духовную жизнь общества как основу общественного договора – сохранение, обновление и укрепление доверия народа к власти. А это потребовало серьёзных корректив в идеологической, пропагандистской работе, так как была поколеблена уверенность многих людей в правильности и безошибочности официальной политики. Особенно это касалось интеллигенции, которая участвовала в формировании мировоззрения советских людей.

Отметим, что данное слово впервые было употреблено И. Эренбургом – уже в 1954 г. в «Новом мире» появилась его повесть «Оттепель». В том же году в декабрьском номере журнала «Новый мир» была напечатана статья В. Померанцева «Об искренности в литературе». Проблема, которая в ней поднималась, – каноничность советской литературы. Эта статья вызвала бурную реакцию. Во время дискуссий многие поддержали идею о том, что искренность в отражении действительности должна стать неотъемлемой частью литературного творчества, что «лакировка» действительности,

стремление обойти «острые углы» никакой пользы читателям и советскому обществу в целом не принесёт. Тем более, что в произведениях, созданных в соответствии с требованиями социалистического реализма и принципа партийности, авторы, как правило, писали по одному и тому же шаблону: положительные герои преодолевали все трудности на пути строительства социализма, разоблачая козни врагов. Это обсуждение показало, что режим, основанный на жёстком контроле со стороны государства и партийного руководства, не соответствовал духовным чаяниям советского общества, по крайней мере значительной части интеллигенции.

Реальностью стало расширение рамок свободы творчества, наряду с идеологически выдержанным соцреализмом развивались и другие направления в искусстве, в том числе авангардные. Шестидесятники, которые стали олицетворением свободы творчества, много значительного сделали в литературе, кино и других видах искусства, где стало возможным более критическое освещение действительности.

Оттепель в духовной сфере выразилась в реабилитации деятелей культуры, которые подверглись преследованиям в ходе «идеологических кампаний» 1946–1948 годов. Так, в мае 1958 г. ЦК КПСС отменил постановление 1948 г., в котором Мурадели, Шостакович, Прокофьев, Хачатурян, Мясковский и другие композиторы были обвинены в том, что разрабатывали «антинародное формалистическое направление в музыке». В эти же годы вернулись в издательства произведения Ахматовой, Зощенко – с них были сняты прежние обвинения, которые были им предъявлены в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 г.

В этот период стали после долгого замалчивания публиковаться произведения И. Бабеля, Б. Пильняка. В печати появились стихи С. Есенина, М. Цветаевой.

Первым актом оттепели, как считают некоторые исследователи, явился сборник стихов Л. Мартынова [Мартынов, 1955]. Важным культурным событием стали фильмы «Карнавальная ночь» Э. Рязанова (1956 г.), «Весна на Заречной улице» М. Хуциева (1956 г.), «Высота» А. Зархи (1957 г.), «Летят журавли» М. Калатозова (1957 г.), «Идиот» И. Пырьева (1958 г.), «Человек-амфибия» А. Чеботарева и Г. Казанского(1961 г.), фильм «Чистое небо» Г. Чухрая (1961 г.).

Разнообразие жанров, актуальность тем, поднимаемых в литературе, привели к росту интереса к книжным новинкам, литературным журналам. Особый интерес вызывало творчество молодого поколения поэтов: Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы. Вечера поэзии в Политехническом музее в Москве пользовались огромной популярностью, а поэтические чтения на стадионе Лужники в 1962 г. собирали десятки тысяч зрителей.

Вера в светлое коммунистическое будущее не только СССР, но и всего мира, ярко проявилась в жанре научно-социальной фантастики. Первым произведением такого рода стал роман И. Ефремова «Туманность Андромеды», написанный в середине 1950-х гг. В нём автор описывает развитие Земли как части галактического содружества цивилизаций – «Великого Кольца». Широкую популярность у почитателей этого жанра получили романы братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Первая их совместная книга «Страна багровых туч» вышла в 1959 г.

Но всё же основной темой для литературы и искусства периода оттепели стал человек с его духовными ценностями и исканиями, переосмысление недавнего прошлого страны, проблем в развитии советского общества.

В литературе начал развиваться новый жанр – деревенская проза. Представители этого направления: В. Овечкин, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин (в раннем периоде творчества) – отказались от «лакировки» колхозной

действительности, сосредоточили внимание на переосмыслении драматической судьбы крестьянства, русской деревни в XX веке, нравственных проблемах, взаимоотношении человека и природы.

С конца 1950-х гг. начала развиваться городская проза. Начало ей положили так называемые «исповедальные повести» в журнале «Юность». Их героем стал молодой образованный горожанин, вчерашний школьник, студент – начитанный, критически мыслящий, внутренне свободный молодой человек. Эта тематика нашла широкое отражение и в советском кинематографе. Именно такие молодые люди были представлены в фильмах Г. Данелии «Я шагаю по Москве» (1964 г.) и М. Хуциева «Застава Ильича» (1965 г.).

Возрастание роли науки, вера в её возможности изменить жизнь общества вела к романтизации труда учёных. О людях науки начал рассказывать Д. Гранин в повести «Искатели». В 1960-е гг. большую известность получил его роман «Иду на грозу», который экранизировал режиссёр С. Микаэлян. Лучшим фильмом 1962 г., по опросу журнала «Советский экран», стала кинодрама режиссёра М. Ромма «Девять дней одного года». Картина была посвящена работе физиков-ядерщиков и частично основана на реальных событиях.

Важное место в искусстве и литературе этого периода занимала тема Великой Отечественной войны. Продолжалось развитие так называемой «лейтенантской прозы». Писатели, прошедшие войну в звании младших офицеров, обращались к собственному фронтовому опыту. На первом плане в их произведениях – не героизация событий, а интерес к личности, попавшей на войну, осмысление пережитой трагедии. К основным представителям «лейтенантской прозы» относят Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова, Б. Васильева, К. Воробьёва, В. Кондратьева, В. Курочкина. Снижение пафоса при изображении войны не привело к снижению драматизма, скорее, наоборот, придало ему трагедийную силу. Такую оценку можно дать и фильму «Судьба человека» С. Бондарчука (1920–1994), также участника войны. Фильм был снят по одноимённому рассказу М. Шолохова.

Судьбе человека на войне были посвящены художественные фильмы «Летят журавли» (режиссёр М. Калатозов, 1957 г.) и «Баллада о солдате» (режиссёр Г. Чухрай, 1959 г.). Их высоко оценили не только советские, но и зарубежные зрители. «Балладу о солдате» в советском прокате посмотрело более 30 млн человек, он был отмечен более чем 100 иностранными кинематографическими призами. «Летят журавли» – единственный советский полнометражный фильм, получивший приз «Золотая пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля.

Но такое изображение войны – не как подвига, а как трагедии – далеко не всегда устраивало советское партийное руководство. Показательна в этом отношении судьба романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Явный антисталинский характер романа вызвал резкую реакцию. В результате роман был напечатан лишь во время перестройки.

Однако многие новшества в художественном творчестве, их популярность стали вызывать недовольство консервативной части литературной общественности и властей. На встрече с интеллигенцией в Кремле в марте 1963 г. Хрущёв подверг резкой критике творчество А. Вознесенского. Он обвинял поэта в том, что тот работает на «хозяев с Запада», угрожал лишением советского гражданства, заявлял, что ни о какой «оттепели» в Советском Союзе не может идти речи, что надо делать выбор: «или лето, или мороз».

Идеи и настроения шестидесятников нашли отражения в постановках, созданных в период оттепели в «Современнике» и Театре драмы и комедии на Таганке. «Современник» был создан молодыми актёрами, выпускниками школы-студии

МХАТ, а его художественным руководителем стал О. Ефремов. Театр отказался от большинства пьес классического репертуара в пользу произведений современных авторов. Первый спектакль был поставлен по пьесе драматурга В. Розова «Вечно живые», на основе которой впоследствии был снят фильм М. Калатозова «Летят журавли». Начало популярности Театра на Таганке было связано с приходом на должность главного режиссёра Ю. Любимова. Под его руководством театр приобрёл репутацию самого авангардного театра страны.

В творчестве художников-шестидесятников были представлены разные направления. Трудовые будни современников отражались в картинах художников «сурового стиля». Произведения этого направления противостояли искусству соцреализма, которое приукрашивало действительность и демонстрировало всеобщий оптимизм. Представители же «сурового стиля» стремились показать более реалистичную жизнь рабочих и крестьян.

Стало допустимым обсуждение тем, которые раньше считали закрытыми. Так, в журнале «Новый мир» в ноябре 1962 г. была напечатана повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в которой автор описывал обычный лагерный день заключённого ГУЛАГа. Но ещё ранее, в 1956 г., был опубликован роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», в котором рассказывалось об изобретателе, который во времена Сталина ведёт тщетную борьбу с засильем чиновников, пока с ним самим не расправляются, прибегнув к клевете. Оба эти произведения вызвали большой резонанс.

Смерть Сталина и критика культа его личности на XX Съезде КПСС возродила надежды на возможность построить «социализм с человеческим лицом». Его связывали с возвращением к «ленинским нормам жизни». В целом противопоставление Ленина Сталину характерно для многих шестидесятников. Вождю революции посвящали свои стихи А. Вознесенский (это

ему принадлежит призыв «Уберите Ленина с денег», 1967 г.) и Е. Евтушенко, он был героем пьес М. Шатрова.

Большой популярностью пользовались и официально одобряемые музыкальные произведения: классические и популярные. Широко распространились и стали почти народными песни «Подмосковные вечера» (В. П. Соловьёв-Седой, М. Л. Матусовский), «Если бы парни всей Земли…» (В. П. Соловьёв-Седой, Е. А. Долматовский), «Звенит гитара над рекою…» (А. Г. Новиков, Л. И. Ошанин). В этот период начинается творческая деятельность композиторов А. Петрова, А. Шнитке, Р. Щедрина, А. Эшпая.

Культура шестидесятников породила новый жанр в музыке – авторскую песню. Его отцом принято считать Б. Ш. Окуджаву (1924–1997), который в конце 1950-х гг. стал исполнять под гитару песни собственного сочинения. Вскоре появились и другие авторы: А. Галич, Ю. Ким, Ю. Визбор, Н. Матвеева. Их песни распространяли по стране с помощью аудиосамиздата. На радио, телевидение, в студии грамзаписи бардов тогда не приглашали.

В 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». На смену сталинскому ампиру пришла функциональная типовая советская архитектура. Для застройки жилых кварталов использовались дешёвые строительные материалы и стандартные проекты «без архитектурных излишеств». Известными архитектурными памятниками функционализма начала 1960-х гг. в Москве стали гостиница «Юность», кинотеатр «Россия» («Пушкинский»), Государственный Кремлёвский дворец и Дворец пионеров.

Знакомство советских людей с творчеством зарубежных авторов уже не считалось абсолютно недопустимым явлением, которое способствовало «разлагающему влиянию Запада». С 1955 г. начал издаваться журнал «Иностранная литература».

В нём печатали переводы тех литературных произведений, которые в СССР не издавали отдельными тиражами по идеологическим соображениям. Так, в начале 1960-х гг. в журнале были опубликованы романы Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Харпер Ли «Убить пересмешника», ставшие в США и других странах бестселлерами. В 1956 г. в Москве и Ленинграде впервые состоялась выставка работ Пабло Пикассо.

Получили новое дыхание и международные культурные связи. Крупнейшим культурным событием 1957 г. стал VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве. Насыщенная программа 13 фестивальных дней включала в себя международные выставки художественной фотографии, изобразительного и прикладного искусства, конкурсы, семинары, концерты национальных делегаций. Прошёл также международный кинофестиваль, на котором было представлено более 120 фильмов из 30 стран.

В 1958 г. в Москве прошёл первый Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Его победителями стали пианист из США Ван Клиберн и советский скрипач Михаил Климов.

В 1959 г. было возобновлено проведение Московского международного кинофестиваля, прерванного в 1941 г. В его рамках, кроме основного конкурса – полнометражных фильмов, проводились также конкурсы документального кино, дебютных, поисковых и экспериментальных работ.

О достижениях советской культуры стало больше известно за рубежом. Кроме кинофильма «Летят журавли» престижными международными премиями были отмечены картины «Баллада о солдате» (режиссёр Г. Чухрай, 1959 г.) и «Иваново детство» (режиссёр А. Тарковский (1962 г.). С огромным успехом в 1956 г. прошли первые зарубежные гастроли балетных трупп Большого и Кировского (современное название – Мариинский) театров.

В этот период значительно расширились международные спортивные связи СССР, советские спортсмены стали участниками Олимпийского движения, у граждан появилось больше возможностей напрямую контактировать с иностранцами, не боясь обвинений в сотрудничестве с зарубежными разведками. В 1952 г. советская команда впервые выступила на летних Олимпийских играх. Дебют оказался успешным: в общем зачёте СССР занял второе место, завоевав 22 золотые, 30 серебряных и 19 бронзовых медалей в девяти видах спорта. Первой советской олимпийской чемпионкой стала метательница диска Нина Ромашкова-Пономарёва. В 1956 г. спортсмены из СССР впервые участвовали в зимней Олимпиаде, также одержав уверенную победу в неофициальном командном зачёте. Золотые медали завоевали советские конькобежцы, лыжники и хоккеисты. Именно в эти годы проявили себя и получили международное признание такие спортсмены, как многократный чемпион мира по шахматам М. Ботвинник, вратарь сборной СССР Л. Яшин, шестикратная олимпийская чемпионка конькобежка Л. Скобликова.

Были и надуманные проблемы. Так, с развитием звукозаписывающей аппаратуры властям трудно стало контролировать и распространение музыкальной продукции. Например, запрещённые в СССР буги-вуги и рок-н-ролл записывались на рентгеновских снимках, эти пластинки получили ироническое название «музыка на костях».

Всё это позволяет говорить о том, что смягчение политического режима в 1950-е годы оказало большое влияние на развитие духовной жизни советского общества, способствовало раскрепощению деятельности творцов в литературе, искусстве. Под их влиянием обновлялось и общественное сознание, что стало одним из серьёзных достижений на поле общественного договора.

Противоречия оттепели и их влияние на развитие духовной жизни

Наряду с позитивными тенденциями оттепель реализовывалась противоречиво, с серьёзными издержками. В целом можно утверждать, что люди, олицетворяющие оттепель и отождествляемые с шестидесятниками, были в своём большинстве сторонниками социалистических идей. Их критичность во многом объяснялась желанием совершенствовать советский строй, хотя в этих стремлениях было много фантазий, отсебятины и даже предложений, которые вызывали сомнения и подозрения у официальной пропаганды и органов безопасности. Именно эта подозрительность принесла значительный ущерб духовной жизни страны и подрывала доверие многих активных групп к официальной власти.

В этот период было осуществлено несколько акций, которые были приняты неоднозначно. Необходимость партийно-государственного контроля над всеми сферами жизни не вызывала сомнений у руководства. Свобода творчества была возможна лишь в определённых рамках. Так, глупостью и просчётом стал искусственно сконструированный процесс вокруг произведения Бориса Пастернака «Доктор Живаго», по сути посредственного произведения даже по сравнению с его стихами, что привело к обвинению его в антисоветских действиях, чем воспользовались зарубежные идеологи и политики, добившись присвоения ему Нобелевской премии в 1958 г. Писателя подвергли травле, в прессе публиковались осуждающие его письма, в том числе и известными советскими писателями. Появились также коллективные письма трудящихся, которые вряд ли могли прочесть роман, так как в СССР он не публиковался. Именно тогда родилась фраза, ставшая нарицательной: *«Не читал, но осуждаю»*. Пастернак был исключён из Союза писателей СССР, возникла реальная

угроза, что его лишат советского гражданства и вышлют из страны. Писатель отправил телеграмму Шведской академии: *«В силу того значения, которое получила присуждённая мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен от неё отказаться. Не сочтите за оскорбление мой добровольный отказ»*.

Скандальная история случилась с большой художественной выставкой, которая открылась 1 декабря 1962 г. в Манеже. На выставке были представлены в том числе и работы художников-авангардистов из студии «Новая реальность». У посетившего ту выставку Хрущёва творчество авангардистов встретило полное непонимание. Он в самых резких выражениях раскритиковал работы художников. Его знаменательная фраза «Что касается искусства – я сталинист!» стала сигналом к ужесточению культурной политики. В прессе развернулась широкая кампания «по борьбе с формализмом и абстракционизмом», Хрущёв потребовал исключить из КПСС и Союза художников всех участников этой выставки. Правда, оказалось, что ни в КПСС, ни в Союзе художников почти никто из них не состоял. По воспоминаниям Э. И. Неизвестного, *«Хрущёв со всей мощью обрушился на меня. Он кричал как резаный, что я проедаю народные деньги»*. Самым невероятным итогом этого скандала он называл тот факт, что именно ему был заказан знаменитый чёрно-белый надгробный памятник Хрущёву.

Реакция Хрущёва на творчество скульптора-авангардиста была предсказуема. В советской скульптуре тогда господствовали реализм и монументализм. Одним из самых известных скульпторов этого направления был Евгений Вучетич. Одно из его произведений – скульптура «Перекуём мечи на орала» – в 1957 г. стала подарком Советского Союза правительству США в знак дружбы и по сей день находится у штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке.

Неграмотность и ограниченность партийного и советского руководства проявилась и по отношению к науке в результате некомпетентного вмешательства в определение научных направлений. Были приняты меры по сокращению учреждений науки, в которых не видели непосредственной отдачи. Хрущёв сделал несколько подходов к разгону Академии. Процитируем автора: «Так, в мае 1959 г. на высшем партийном уровне Н. С. Хрущёв выдвинул предложение о реорганизации АН СССР путём её раздробления на несколько академий. Итог известен: реформа Отделения технических наук и передача части учреждений в систему промышленности и народного хозяйства.

Строптивость Академии и непослушание по ряду вопросов привели в конце апреля 1961 г. к очередному конфликту и очередной угрозе Хрущёва – «...Мы разгоним к чёртовой матери Академию наук. Президент Академии наук А. Н. Несмеянов вынужден был ответить: “Ну что же, Пётр Великий открыл Академию, а Вы её закроете”. В результате 4 мая 1961 г. А. Н. Несмеянов направил в Президиум АН СССР заявление об отставке, а 19 мая Общее собрание АН СССР освободило его от обязанностей президента. Итог: Хрущёв принял решение: вопрос об Академии наук “отложить”. Известен то ли анекдот или реальное событие. Хрущёв: “Тут мне доложили, что в одном из институтов уже 25 лет мучают муху-дрозофилу. И никакого толку. Разогнать, сократить, реорганизовать”, не подозревая, что до открытия новых особенностей генома человека на основе опытов с этой мухой оставалось считанное время.

К неадекватным официальным реакциям можно отнести отношение к различным инициативам и поискам молодёжи при обсуждении ими общественных проблем, видя в этом подрыв устоев существующего строя. Так, в среде молодёжи появились кружки и различного рода объединения по модернизации Советского государства и советского общества. А

так как в этих предложениях и суждениях затрагивались вопросы политического устройства, то реакцией на них стали репрессии, как это, например, случилось с «делом Краснопевцева» на историческом факультете МГУ в конце 1950-х гг.

Особенно ярко противоречия советского политического режима в период оттепели проявились в отношении религии. К середине 1950-х гг. гонения на православную церковь и другие конфессии практически прекратились. Они не могли действовать абсолютно свободно, тем не менее из лагерей и тюрем возвращались заключённые священнослужители. Впервые за годы советской власти с согласия властей в переводе на русский язык были напечатаны Библия и Евангелие. Однако с 1958 г. началась новая антирелигиозная кампания. Она была связана с представлением о скорой победе коммунизма, который не совмещался с сохранением религиозного сознания. Закрывались храмы и монастыри, численность духовенства в начале 1960-х гг. сократилась почти на 40%: с 12 до 7,4 тысяч. Священников лишали права руководить приходами – эту функцию передавали церковным старостам, которых назначали местные власти. Возобновилась агрессивная атеистическая пропаганда. Комсомольские патрули дежурили во время религиозных праздников возле храмов, чтобы не допускать туда молодёжь. Факты крещения, венчания, осуществления других важных религиозных обрядов должны были фиксироваться с передачей данных в органы госбезопасности. Родителям, которые воспитывали детей в религиозном духе, угрожали лишением родительских прав и передачей детей в интернат.

Противоречивое осуществление политики демократизации привело к появлению такого феномена, как «самиздат» и «тамиздат». Самиздат – способы неофициального и потому неподцензурного производства и распространения литературных произведений, религиозных и публицистических текстов в СССР. Тамиздат – запрещённые в СССР книги и

журналы, изданные за рубежом, которые нелегально ввозились в Советский Союз и распространялись среди граждан. Но эти явления стали заметной страницей в духовной жизни общества и во многом подготовили появление диссидентского движения [Данилов, 1995].

Реакцией на новые потребности времени стало появление такой молодёжной субкультуры, как стиляги. Это название распространилось после публикации в сатирическом журнале «Крокодил» одноимённого фельетона Д. Г. Беляева. Для стиляг было характерно следование западному образу жизни (стилю одежды, музыке, танцам), а также специфический сленг. Стиляги выделялись яркой одеждой по западной моде [Сергеева].

Противоречивость оттепели состояла в том, что это был не просто вопрос культурного и духовного изменения. Были попытки изменить и повлиять на внутреннюю и внешнюю политику. Причём их инициаторы в большинстве случаев выступали с различными вариантами социалистического преобразования, часто опираясь на идеи Ленина. Это были вопросы дальнейшего демократического изменения власти, в возможность чего поверили некоторые представители молодого поколения. Это послужило тому, что возникли конфликты, обострения, которые были неправильно поняты и отвергнуты, причём в духе подозрения к инициаторам этих идей.

Заключение

Хрущёвская эпоха нередко описывается по-разному: с одной стороны, как позитивные преобразования в стране, позволившие внести серьёзные изменения в развитие экономики, сформировать правовое гражданское общество и существенно оживить советскую культуру. С другой стороны, немало публикаций, которые дают резко отрицательную характеристику проводимых в этот период мероприятий. На самом

деле вопрос значительно сложнее: позитивное и негативное в это время переплеталось самым причудливым образом.

Что касается позитивного, то в этот период произошли серьёзные и кардинальные изменения в экономическом, политическом, а также культурном плане. В результате выполнения 4-й и 5-й (1-й и 2-й послевоенных) пятилеток стоимость основных фондов выросла в 2 раза, а национальный доход – в 2,8 раза по сравнению с 1940 г. Одновременно началась реализация принципиально новых целей – создание ядерного щита в целях укрепления обороноспособности страны и становление производства по налаживанию космической отрасли. Эти успехи вынуждены были признать даже зарубежные эксперты: «Россия переживает чрезвычайно бурный рост» (Ф. Линдсей); «Советский экономический вызов реален и опасен» (А. Ноув) [Голенков, 2010].

Что касается политической жизни, то в целом произошла определённая демократизация после XX съезда КПСС. Была представлена некоторая возможность свободного высказывания мнения, осуществлены акции по установлению контактов международного характера.

Но особенно значительные сдвиги произошли в социальной сфере, что было связано с развёртыванием масштабного жилищного строительства, снятием налогового бремени, введённого в годы войны, сокращением рабочего дня, увеличением оплаты труда и пенсий. Колхозникам стали выдавать паспорта, ограничения в выборе мест жизни и трудовой деятельности.

Ярко проявили себя изменения в духовной жизни страны, что особенно наглядно представилось в таком явлении, как оттепель, результаты которой выразились в серьёзных достижениях в образовании, науке, художественном творчестве.

Всё это обеспечило перенастройку общественного сознания с военного лада на мирное строительство, создав уверенность в том, что власть и народ действуют при взаимном

согласии и доверии. Именно это взаимное принятие целей и средств их достижения породило много встречных инициатив. В эти годы произошла мобилизация творческого поискового потенциала людей, особенно молодёжи, желающей проявить себя. Таким образом, успешное развитие и функционирование общественного договора отражала модернизированная государственная политика, ставшая больше учитывать интересы населения страны.

Но на этом пути происходили события, кардинально отличающиеся друг от друга. Выявилась антиномичность преобразований, осуществляемых в стране. С одной стороны, появился мощный стимул к обновлению общественной жизни сначала после окончания Великой Отечественной войны, а затем после осуждения культа Сталина. С другой – половинчатость и противоречивость экономической, социальной и культурной политики создали почву для попятных движений, которые вскоре втянули общество в длительный период стагнации [Спицын, 2020; Красин, 2022].

Иначе говоря, итоги послевоенного и хрущёвского периода оказались неоднозначными, в том числе и с точки зрения общественного договора. К началу 1960-х годов отчётливо созрели противоречия, что ярко отразилось на состоянии общественного сознания.

У многих людей возникли вопросы и претензии к результатам проводимых преобразований. Признавая важность и необходимость многих из них, люди судили об их конечных результатах. Так, экономика стала терять темпы развития, что проявилось в снижении прироста ВВП. Ситуация в сельском хозяйстве, несмотря на целину, привела к тому, что с 1962 г. страна начала импортировать зерно, чтоб восполнить недостаток продовольствия. Возникли и другие ограничения по потреблению. Родилось и недоумение о поводу принятых мер по управлению экономикой (совнархозы не принесли ожидаемого эффекта).

Для людей было непонятно и разделение партийной и советской власти на промышленные и сельскохозяйственные органы.

К концу 1950-х годов в полной мере проявил себя волюнтаризм. Безоглядное принятие ответственных решений одним человеком – Хрущёвым – усугублялось невежеством по многим вопросам, при полном игнорировании мнений специалистов. Плюс возникал соблазн простых решений и вера в чудо, что было отвергнуто реальностью.

Всё это начало обострять взаимоотношения народа и власти, породило раскол в руководстве страны, что привело к отстранению Хрущёва от власти и попыткам изменить ситуацию, в том числе и в общественном договоре.

Список литературы

Алиев М. Г. Социализация согласия. М. : Институт философии РАН, 1998. 120 с. ISBN 5-201-01997-8.

Блинчевский Ф. Л. Профессионально-техническое образование рабочих в СССР / Ф. Л. Блинчевский, Г. И. Зеленко. М. : Трудрезервиздат, 1957. 160 с.

Бромлей Н. Я. Уровень жизни в СССР (1950–1965) // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 3–17.

Ведерников А. В. Реорганизация партийных органов РСФСР по производственно-отраслевому принципу в 1962–1964 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 3. С. 158–172. EDN SGLQFX.

Верещагин Т. Г. 60 лет целинной эпопеи: этапы, значение // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. EDN TGRBND.

Веселов А. Н. Профессионально-техническое образование в СССР : очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М. : Профтехиздат, 1961. 435 с.

Голенков А. Империя СССР. Народная сверхдержава. М. : Эксмо, 2010. 256 с. ISBN 978-5-699-41604-2. EDN QPPRFB.

Горлов В. Н. Сталинская архитектура как общественное // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 124–132. EDN KVPOWR.

Григорьева А. Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 239–241. EDN NCHRQJ.

Данилов А. А. История инакомыслия в России: советский период 1917–1991 гг. : учебное пособие. М. : Восточный Университет, 1995. 102 с.

Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. / Л. Н. Денисова ; отв. ред. В. В. Кабанов. М. : Институт российской истории РАН, 1996. 217 с. ISBN 5-201-00639-6.

Зеленин И. Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой Хрущёвской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 1960 гг.) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.

История России XX – начала XXI века / Л. В. Милов, С. В. Воронкова, А. И. Вдовин, А. С. Барсенков ; под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2006. 960 с. ISBN 5-699-18159-8. EDN QPEKXB.

Кива А. Страна должна жить будущим, а не прошлым // Независимая газета. 2020. 17 сентября.

Красин Ю. А. Антиномии постсталинизма // Демократия и социализм XXI. 2022. № 3. С. 96–102.

Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М. : Политиздат, 1989. 218 с. ISBN 5-250-00356-7.

Мартынов Л. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1955. 104 с.

Медведев Р. А. Никита Хрущёв: отец или отчим советской «оттепели». М. : Яуза, 2006. 476 с. ISBN 5-699-15685-2. EDN QPCTEN.

Наука большой страны. Советский опыт управления : монография / Е. Долгова, Е. Стрельцова, М. Окунева [и др.] ; под ред. Е. А. Долговой. М. : ИЦ РГГУ, 2023. 625 с. ISBN 978-5-7281-3334-6. EDN HSLNBP.

Огородникова О. А. Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности // Universum: Общественные науки: электрон. научный журнал. 2018. № 3 (44). URL: http://7universum.com/ru/social/archive/item/5677 (дата обращения: 15.07.2024). EDN YTRHQD.

Петров А. С. Движение за коммунистический труд и совершенствование общественных отношений // Советская этнография. 1962. № 1. С. 76–82.

Правовые и организационные аспекты Всероссийской организации изобретателей и рационализаторов в СССР и России / А. А. Ищенко, С. А. Федоренко, Н. В. Сметана // Право и практика. 2022. № 2. С. 19–25. DOI 10.24412/2411-2275-2022-2-19-25. EDN GMMAOR.

Привалов К. Тревожные дни столицы Рождества // Независимая газета. 2022. 25 декабря.

Пыжиков А. В. Хрущёвская «оттепель», 1953–1964 гг. М. : ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с. ISBN 5-224-03356-X.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. М. : МФД, 2000. 503 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика ; Верховный Совет Российской Федерации, 1993. 223 с. ISBN 5-250-02393-2.

Сергеева С. В. Духовная жизнь общества в период оттепели // Оксфорд : [сайт]. URL: https://foxford.ru/wiki/istoriya/duhovnaya-zhizn-obschestva-v-period-ottepeli (дата обращения: 12.07.2024).

Славкина М. В. История принятия решения о промыш-

ленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10 / Под ред. Л. И. Бородкина ; М. : Издательство МГУ, 2005. С. 146–162.

Спицын Е. Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М. : Концептуал, 2020. 592 с. ISBN 978-5-907172-63-0.

Судьбы российского крестьянства / Ю. Н. Афанасьев, А. П. Корелин, К. Ф. Шацилло [и др.] ; под ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : РГГУ, 1996. 624 с. ISBN 5-7281-003-7.

Тимошенко А. И. Новые города в Сибири (1950–1980-е годы) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 3 (13). С. 60–72. EDN WQTPKU.

Титов А. С. Партия против государства: реформа аппарата ЦК КПСС при Никите Хрущёве // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 155–165.

Томилин В. Н. Реформа 1958 г. По реорганизации машинно-тракторных станций и ее влияние на колхозную экономику // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (53). С. 93–102. DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-7. EDN UDOHCH.

Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль. 2003. № 7; № 8; № 9; № 11.

Хрущёвская «оттепель» // История России : [сайт]. URL: https://istoriarusi.ru/cccp/ottepel.html (дата обращения: 12.07.2024).

Глава 10
Общество на распутье.
Турбулентность общественного договора (середина 1960-х – первая половина 1980-х)

> При социализме действует самокорреляция. Ошибки и заблуждения, совершённые от имени социализма, могут быть исправлены, так как исходят не из сути социализма, а из ошибок отдельных людей.
>
> *Я. Кадар, венгерский политический деятель, генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии*

Введение

Данный этап, этап мирного строительства, середина 1960-х – первая половина 1980-х гг., был временем, когда общественный договор вступил в период противоречивого функционирования, в процессе которого он постепенно терял свои созидательные импульсы. Если в начале этого времени можно было говорить об относительно устойчивом согласии народа и власти, поддержке его начинаний и даже встречных инициативах, то к концу этого периода стал очевиден серьёзный разрыв между устремлениями народа и реальной политикой КПСС и государственных органов страны.

К этому времени стало очевидно, что после попыток найти пути для успешного развития в 1965–1970 гг. (начало и завершение политики на кардинальные изменение механизма экономического развития) советская экономика начала вползать в стагнацию: темпы развития народного хозяйства стали падать, существенно замедлился рост промышленного

производства, осуществлённые преобразования в сельском хозяйстве не давали ожидаемого эффекта, страна постепенно впадала в продовольственную зависимость.

На сложившуюся ситуацию влияли объективные и субъективные факторы. Изменилась социальная и поселенческая структура общества: в 1962 г. городское население превысило численность сельского и к 1970 г. достигла 68% (в 1926 г. оно составляло 16%). И хотя новые горожане в определённой степени оставались по духу людьми крестьянского мышления, но в то же время они становились работниками нового качества: они приобретали черты и характеристики традиционного рабочего класса, что создавало иную атмосферу не только на конкретных предприятиях, но и в рамках всего общества. Вчерашние крестьяне вкупе и с другими общностями превращались в людей более самостоятельного мышления и менее зависимыми от внешних обстоятельств.

Но постепенно всё больше и больше людей стали замечать пассивность и инертность власти, тем более что это стало сказываться на их благополучии. В результате такой политики и такого поведения людей созревала конфликтная ситуация, но в то же время при убеждённости и народа, и власти, что это противоречие можно решить при определённых взаимных усилиях – активных действий государства и согласия народа поддержать её в новых преобразованиях. Тем более, что это не меняло позитивное отношение к идеям социализма, к советской власти. Но этот неадекватный и конфликтный путь взаимодействия народа и власти породил всё возрастающую критику осуществляемых государством различных процессов, событий и явлений, но в то же время и желание воздействовать на них для продолжения строительства общей судьбы.

Но как эти изменения воспринимались и оценивались народом, с одной стороны, и государством в лице существующих органов власти – с другой, в этот период времени? Как эти обстоятельства отразились на состоянии общественного договора?

Сущностные основы общественного договора

На протяжении 1950-х годов экономика СССР росла исключительно высокими темпами – в среднем на 10,5% в год. Но в начале 1960-х годов эти темпы резко снизились. В 1963 г. среднегодовой темп прироста национального дохода составил 4% против 12% в середине 1950-х годов; среднегодовой рост производительности труда в 1964 г. – лишь 4% против 7–8% в предшествующей пятилетке. В сельском хозяйстве прирост объёмов продукции в семилетке составил 14% вместо изначально запланированных 70%. Согласно докладу Президиума Академии наук СССР председателю Совмина СССР А. Н. Косыгину, подготовленному в декабре 1964 г., в группе промышленности Б (производство потребительских товаров и услуг) падение роста составляло 40% – с 9,3% в 1954 г. до 6,5% в 1963 г.; в сельском хозяйстве рост в 1963 г. достиг нулевой отметки; прирост капитальных вложений за десять лет сократился в четыре раза – с 15% до 4%.

Несмотря на рост экономики в целом и предыдущие надежды советского руководства «догнать и перегнать США», национальный доход СССР составлял лишь 53% от американского; производительность труда продолжала быть низкой – как из-за технического отставания, так и из-за «человеческого фактора» – более низкой квалификации работников, «бесхозяйственности», неразумных трат ресурсов из-за отсутствия «хозяйского» отношения к ним. Замедление экономического роста сказывалось на социально-экономическом положении страны: замедлился рост уровня жизни населения, увеличился товарный дефицит, усилилась инфляция, ухудшилось качество многих видов продукции. Недовольство экономическим положением охватывало всё большие слои населения и сопровождалось появлением оппозиционных политических настроений [Митрохин, 2023].

В эти годы развитие и функционирование общественного договора ознаменовались тем, что в обществе преобладал позитивный настрой населения ко всему происходящему, что в значительной степени было связано с очевидными положительными изменениями в публичной и повседневной жизни. Были ослаблены и устранены ограничения, которые были связаны со смягчением контроля за жизнью людей, организацией их деятельности, что в истории страны началось с такого феномена, как оттепель, которая продолжалась в известной степени до 1970-х годов.

Приватная (личная) жизнь также не осталась без изменений, что было связано с реализацией программы жилищного строительства, утверждённой в 1958 г., с появлением товаров повседневного спроса особенно после перестройки химической промышленности, с отменой ограничений для крестьян при устройстве на работу и введением для них пенсионного обеспечения (хотя и минимального). Эти одобряемые людьми действия государства обрамлялись такими достижениями, которые будили и укрепляли у большинства чувство гражданина великой страны. При всех противоречиях конец 1960-х – 1970-е годы остались в памяти народа как светлые, золотые годы, полные надежд на ещё лучшее будущее.

Как созревали новые подходы к функционированиюсоветского общества?

Одними из первых, кто осознал, что в стране созревают новые потребности времени и, более того, складываются тенденции утраты логики развития, стали представители научной мысли. Академики Н. Н. Моисеев, В. М. Глушков и Г. С. Поспелов утверждали, что, ещё начиная с XX съезда КПСС (1956 г.), страна начала вползать в системный кризис, теряя ориентацию на решение крупных стратегических

целей и задач. «Нам всё время приходилось очень серьёзно говорить открытым текстом, что так существовать нельзя» [Моисеев, 1998: 78].

Эти глубинные изменения в развитии экономики замечали многие творчески мыслящие представители советской интеллигенции. Ряд советских учёных (Е. Либерман) высказались за необходимость принципиально новых путей по решению возникающих противоречий, чтобы соответствовать требованиям непрерывно усложняющегося общественного прогресса. Как отмечалось им и другими исследователями, требовался переход от мобилизационной стратегии развития, которая в целом оправдала себя в годы первых пятилеток, во время Великой Отечественной войны, и частично во время восстановления народного хозяйства в 1946–1950 гг., но не соответствовала ситуации 1960-х годов. Они призывали и доказывали необходимость принципиально иного использования созданного интеллектуального и научно-технического потенциала, готового продемонстрировать не только сам факт творчества, но и способность воплотить принципиально новые идеи, создать новый образ рабочей силы [Полынов, 2010].

Своеобразным показателем необходимости перемен стали шестидесятники, представители интеллигенции, политическим идеалом которых был социализм, очищенный от деформаций сталинского периода. Они выступили глашатаями многих идей об изменении и совершенствовании различных процессов в жизни советской страны. Наряду с критическими высказываниями они не ограничивались ими – они предлагали масштабные и конкретные средства и меры по переустройству общества, отдельных его сфер и процессов [Махлин, 2001; Фокин, 2010].

Эту точку зрения – необходимость существенных перемен – разделяли и многие сторонники социалистических идей за рубежом, внимательно наблюдавшие за процессами,

происходящими в советской стране. Интересно мнение известного итальянского учёного, члена Итальянской компартии, Джузеппе Боффа. По его утверждению, в 1930-е годы, в годы первых пятилеток, когда Советский Союз начал свой путь развития экономики, применение принципиально новых приёмов и методов решения социально-экономических задач оправдало себя, доказало их жизненность и необходимость в соответствии с объективными тенденциями в экономике, так как это было воплощением новых идей и новой практики, которых не знала до этого времени человеческая история. По его мнению, на наступившем этапе развития (1970-е годы – Ж.Т.) эти методы устарели и не стали соответствовать новым потребностям времени. Поэтому он критически оценивал осуществляемые меры в СССР и призывал к выработке других путей и средств решения возникших проблем [Боффа, 1996]. Подобные выводы делали и зарубежные учёные. По мнению английского учёного М. Харисона, советская промышленность имела экстенсивную модель роста. Он считает, что кризис был неизбежен из-за невовлечения СССР в глобализацию и неправильного толкования «перманентного» экономического бума после Второй мировой войны, ведущего к ошибочным экономическим решениям [Harrison, 1993].

Осознание необходимости внесения корректив в общественный договор стало постепенно проникать и в массовое сознание. Это проявилось в том, что восприятие и оценка общественного развития, которые сложились в условиях военного и послевоенного времени, стали постепенно изменяться под влиянием наступившего мирного времени: ограничения мобилизационного времени хотелось оставить в прошлом и перейти к удовлетворению не только государственных и общественных, но и личных интересов.

В результате произошли серьёзные сдвиги в общественном сознании. В нём всё чётче стала обозначаться тенденция,

обусловленная тем, что после многолетней ориентации на нужды страны у советских людей увеличилось стремление к более полному, чем в прежнее время, удовлетворению повседневных и личных потребностей. Тем более, что мирное время располагало к этому.

Объективно возникла острая необходимость ответить на новые вызовы времени. Этим ответом стала экономическая реформа, которую нередко называют косыгинской – по имени тогдашнего главы советского правительства А. Н. Косыгина (1904–1980). Однако предпринятые меры по её осуществлению быстро заглохли, а её инициаторы исчерпали возможности по её реализации. Постепенно сложилась парадоксальная ситуация: государство мирилось со сложившимся положением и предпочитало не видеть (или игнорировать) надвигающуюся угрозу – отставание в освоении требований научно-технической революции. А народ в своём большинстве до поры и времени устраивала мирная, сравнительно уравновешенная жизнь.

Не менее важным фактором стало и то, что в жизнь вступило новое поколение, более образованное, более квалифицированное, обладающее иными представлениями и подходом к решению общественных проблем. Этот поворот в общественном сознании стал фиксироваться в социологических исследованиях того времени, важность которых постепенно признавалась в официальной политике. Иначе говоря, обострился вопрос о совершенствовании обратной связи, о необходимости установления нового уровня взаимоотношений политической власти и народа. Это частичное признание выразилось в том, что после долгих словопрений, возражений и высказываний необходимость учёта мнений советских людей нашла отражение, во-первых, в повышении участия средств массовой информации (газет, общественно-политических журналов, радио- и телевидения) в анализе и рас-

крытии проблем функционирования экономики, культуры и повседневной жизни с обязательной реакцией официальных органов на все критические замечания; во-вторых, в государственных и общественных организациях были учреждены различные подразделения по работе с письмами трудящихся, которые были объявлены как постоянное и регулярное средство общения с народом по все вопросам, которые интересовали людей как в общественном, так и личном аспекте; в-третьих, было обращено внимание на развитие такого специального средства, как сбор и анализ информации посредством социологических исследований и опросов, что выразилось в массовом создании соответствующих служб при министерствах и ведомствах, при партийных комитетах, в различных общественных организациях, хотя потребовались ещё годы, чтобы ввести в официальный лексикон слово «социология» [Вехи российской… 2010].

Как реагировало государство на необходимость существенных корректив общественного договора?

Пересмотр позиций начался с изменений на пространстве экономической жизни. На XXIII съезде КПСС (1965 г.) были озвучены новые смыслы общественного договора. Была провозглашена программа перехода к новым методам хозяйствования, что нашло отражение в косыгинских реформах (А. Н. Косыгин, Председатель Совета Министров СССР с 1964 по 1980 г.). Эти реформы предусматривали внедрение прообраза рыночных реформ, повышение самостоятельности предприятий и развитие инициативы низовых звеньев экономики.

Суть этих реформ сводилась к децентрализации народнохозяйственного планирования, повышению роли интегральных показателей экономической эффективности (прибыль, рентабельность) и увеличению самостоятельности предприятий.

Официально было признано, что поворот к этим реформам был обусловлен несовершенством ранее сложившегося хозяйственного механизма, переставшего соответствовать новым реалиям: предприятия не были настроены на достижение высоких показателей, на рост производительности труда и повышение эффективности производства. Складывалась и иная ситуация по отношению людей к труду: они не хотели трудиться по ушедшим в прошлое принципам мобилизационной экономики, в результате чего многие работали не в полную силу из-за отсутствия стимулов и желания повысить культуру и интенсивность труда.

Предстояло решить задачу исключительной важности – включить (заинтересовать) работника в повышении эффективности своей работы. А предприятия должны были в полную силу использовать доверенные им ресурсы. В результате эти реформы имели довольно высокий шанс серьёзно изменить показатели функционирования и перспектив развития производства. Они должны были вывести страну из пошатнувшегося состояния экономики, повысив продуктивность работы на предприятиях и увеличив национальный доход.

Начавшаяся в 1965 г. реформа представляла собой комплекс следующих мероприятий: предприятия становились основной хозяйственной единицей, расширялась их хозяйственная самостоятельность; сокращалось количество директивных плановых показателей (с 30 до 9); предприятиям было дано право самостоятельно определять детальную номенклатуру и ассортимент продукции, за счёт собственных средств осуществлять инвестиции в производство, устанавливать долговременные договорные связи с поставщиками и потребителями, определять численность персонала, размеры

его материального поощрения. Ключевое значение придавалось интегральным показателям экономической эффективности производства – прибыли и рентабельности, за счёт которых предприятия получали возможность формировать фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного назначения, жилищного строительства и др. Оптовая цена реализации должна была обеспечивать предприятию заданную рентабельность производства. Вводились нормативы длительного действия – не подлежащие пересмотру в течение определённого периода нормы плановой себестоимости продукции. В сельском хозяйстве закупочные цены на продукцию повышались в 1,5–2 раза, гарантировалась льготная оплата сверхпланового урожая, снижались цены на запчасти и технику, уменьшились ставки подоходного налога на крестьян.

Первые положительные результаты не замедлили сказаться. Если к осени 1967 г. по новой системе работали 5,5 тыс. предприятий, производивших 1/3 промышленной продукции и получивших 45% прибыли, то к апрелю 1969 г. реформой было охвачено 32 тыс. предприятий, производивших 77% продукции. В 1966–1970 годах национальный доход в СССР рос в среднем на 7,8% ежегодно и достиг уровня 186% по отношению к 1960 г. Производство предметов потребления за этот период увеличилось на 203%, розничный товарооборот – на 198 %, фонд зарплаты – на 220%. Экономический успех был достигнут за счёт расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, резкого сокращения утверждаемых сверху показателей. Вместо показателя валовой продукции устанавливался показатель реализованной продукции, вместо показателя себестоимости – показатели прибыли и рентабельности, повышалось значение хозяйственных связей предприятий, договорных отношений между субъектами экономики [Пятилетние планы... 1978: 102].

Реформа имела выраженный эффект использования и привлечения резервов роста: повысилась скорость обращения в фазе «товар – деньги», уменьшилась «штурмовщина», увеличилась ритмичность поставок и расчётов, улучшалось использование основных фондов. Предприятия разрабатывали индивидуальные гибкие системы поощрения, что соответствовало желаниям и ориентациям работников. В целом росла удовлетворённость уровнем жизни [Либерман, 1970: 22–27].

За годы восьмой пятилетки был осуществлён ряд крупных хозяйственных проектов (создание Единой энергосистемы, внедрение автоматизированных систем управления на предприятиях, развитие гражданского автомобилестроения и пр.). Было построено около 1900 предприятий [Орлов, 2000]. Именно к этому периоду относится завершение строительства Красноярской ГЭС и начало строительства Саяно-Шушенской ГЭС, ввод в действие автозавода в Тольятти. Были осуществлены первые шаги по сооружению Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, хотя эти планы восходили к истории 1930-х годов, когда были сделаны первые попытки реализовать этот замысел [Белкин, Шереги, 1985; Куцев, 1989; Власов, 1998].

Высокими были темпы роста жилищного строительства, развития социальной сферы, финансировавшихся за счёт средств предприятий.

Но в ходе реализации экономической реформы были выявлены негативные тенденции: быстрый износ основных средств без их своевременного обновления, уклон интереса к «сиюминутной» выгоде без заинтересованности в реализации стратегических целей, повышение криминализации отношений как внутри предприятий, так и между ними. Но главное, не решалась принципиальная долгосрочная цель – изменение парадигмы научно-технического развития, что

требовало коренных изменений в технологиях, в кардинальных изменениях в экономической и финансовой политике, в методах управления.

Однако так как осуществление экономических преобразований не соответствовало догматическим представлениям части политических и экономических руководителей (правящего слоя) о необходимости осуществить подобные преобразования, это привело к постепенному свертыванию реформ, которые были робкими шагами к установлению социально-ориентированных рыночных отношений. В результате внедрение реформ постоянно тормозилось и к 1970 г. этот проект был закрыт. Парадоксально, но факт, что в течение почти 15 лет с конца 1960-х годов готовился пленум ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу, по выработке программы для ответа на новые вызовы времени, но который так и не состоялся. Страна стала терять темп развития, а её политическое руководство ничего принципиально нового не предпринимало, по-прежнему ориентировалось на старые модели развития.

В этом отношении хочется привести критические высказывания и коммунистов из европейских стран. По их мнению, в СССР началась стагнация экономики, проявилась неспособность ни одной социальной структуры провести вдумчивый анализ общественных проблем, полное отсутствие у правительства адекватной информации о жизни граждан. «Страна лишалась основных примет благолепия. Появились теневики-спекулянты; диссиденты, уповающие на антикоммунистические силы запада, и кагэбэшники, гоняющиеся за этими плохими ребятами; спивающиеся интеллигенты; дряхлеющие ораторы на партийных трибунах – уже никого не могут убедить в достижении развитого социализма» [Боффа, 1996: 131].

Инициативы по изменению социально-экономической жизни

Среди причин свёртывания реформ называют вывод, что для достижения устойчивого экономического роста необходимо наличие у широких слоёв населения стимулов к инновациям, которые обеспечивают непрерывность технологического прогресса, что связано со свободой мысли и нестандартными идеями, но что не было реально поддержано и даже в ряде случаев свёрнуто [Митрохин, 2023; Аджемоглу, Робинсон, 2015].

Такие изменения не могли не сказаться на состоянии общественного договора. Произошли серьёзные сдвиги в общественном сознании, которые не заметило и не осознало руководство КПСС. Если в период Великой Отечественной войны и после неё, вплоть до начала 1970-х годов, вся жизнь была подчинена неотложным государственным интересам: было понимание того, что победа над врагом, а потом восстановление народного хозяйства требует напряжения всех интеллектуальных и физических сил во имя общих целей. В 1950–1960-е годы люди поддерживали многие начинания и планы, так как видели в них базу для желаемого благополучного жизнеустройства, тем более что экономика страны развивалась темпами, в разы превышающими её развитие в других странах.

В этот период произошло ещё одно проявление энтузиазма, попытка не только размышлять, предлагать, но и реально действовать. Иначе говоря, социальный контракт народа и власти получил реальное воплощение в нескольких важных социально-экономических актах.

Первым таким действием, объединяющим интересы работников производства с интересами производства, стали планы социального развития. Их появление обычно связыва-

ют с опытом работы ленинградского объединения «Светлана», о чём было рассказано на XXIII съезде КПСС первым секретарём Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстиковым. Эта форма взаимодействия предметно и наглядно олицетворяла реализацию одного из положений общественного договора: обеспечить удовлетворение социальных потребностей людей силами не только всего государства, но и конкретного производственного коллектива – от создания комфортных условий труда до заботы о жилье, отдыхе, помощи в воспитании детей и т. д. И этим предприятиям удалось продемонстрировать свою высокую эффективность – забота о людях обернулась серьёзными достижениями на этих предприятиях [Полозов, 1987].

При этом наиболее творчески думающие руководители производства среагировали на вполне оформившиеся в массовом сознании требования – обратить внимание на необходимость реальной, а не декларируемой заботы о рядовых работниках тем более, что такое отношение прямо диктовалось желанием людей получить стабильный гарантированный и постоянно растущий уровень жизни. Именно творческий поиск социальных резервов роста производительности труда привёл к появлению такого феномена, как планы социального развития [Герчиков, 1984; Лапин, Коржева, Наумова, 1980; Тощенко, 1981].

Этот не показной, а реальный опыт улучшения социально-экономического положения людей получил поддержку и распространение не только в сфере промышленного производства – он был подхвачен и в других отраслях народного хозяйства, в том числе и на селе [Дорж, 1988; Староверов, Тимуш, Цуркану, 1979]. Вскоре этот опыт шагнул дальше – почин распространился и на административные единицы: города, районы, а затем и области, края, республики [Аитов, 1985]. Не обошли эти поиски и отрасли экономики [Неймер,

1986]. Но так как эти реальные планы были и по структуре, и по содержанию весьма разнородными, делались на основе обыденных или специфических авторских представлений, возникла потребность упорядочить их сущность. Поэтому вполне логичным стало привлечение учёных к разработке рекомендаций по подготовке и составлению таких планов, что выразилось в издании под эгидой ВЦСПС, Госплана СССР и Государственного комитета по труду и заработной плате соответствующих Методических указаний [Планирование социального развития... 1975].

Действенность и результативность этих планов привела к тому, что и государственные планы развития народного хозяйства стали называться планами экономического и социального развития, что впоследствии было закреплено в Конституции СССР. Однако став директивными требованиями, эти планы стали утрачивать свою основу – участие людей в их подготовке и реализации. Произошла обюрократизация этого почина, и многие из них превратились в средство отчёта, в формально подготовленные документы. И окончательно потеряли своё значение при осуществлении лжерыночных преобразований, когда мерилом действий на производстве осталось только одно – получение прибыли. В результате производства стремительно избавлялись от «социалки», от всего того, что улучшало и обеспечивало благополучную социальную жизнь работников только во имя финансовых результатов.

Инициатива проявилась и поиске новых методов управления производством. Во многих отраслях и регионах появились инициаторы по кардинальному решению назревших проблем как в интересах производства, так и в интересах самих работников. Так, в 1967 г. на Щёкинском химическом комбинате был начат эксперимент, ставший известным как Щёкинский метод. Его основной принцип: рабочих мень-

ше – продукции больше. Производительность труда решают поднять за счёт сокращения издержек, новых подходов в хозяйствовании, материального стимулирования, внедрения элементов хозрасчёта. В частности, предприятию был определён стабильный фонд зарплаты на 1967–1970 годы, а вся экономия этого фонда при повышении производительности труда и при сокращении числа работников оставалась в распоряжении коллектива предприятия. За два года такой работы число рабочих на комбинате сократилось на 870 человек, за 10 лет объём выпускаемой продукции вырос в 2,7 раза, производительность труда – в 3,4 раза, почти в 4 раза повысилась рентабельность, расходы заработной платы на рубль товарной продукции снизились с 13,9 до 5 копеек [Либерман, 1970: Митрохин, 2023]. И хотя этот новый экономический подход показал высокую эффективность и, по сути, опередил время, но так как он не совпадал с догматическими представлениями руководства страны, усилиями бюрократии он был прекращён под разными надуманными предлогами.

Не менее показательна судьба примечательного сельскохозяйственного эксперимента, осуществлённого Иваном Худенко в совхозе Илийский в Алма-Атинской области. Два года работы при хозрасчёте показали, что из 800 работников совхоза оставили только 80 человек, в том числе 2 управленцев вместо прежних 11. Уволенных работников хозрасчётный совхоз посадил на вэлфер – 30 рублей в месяц. При этом производительность труда выросла в 3 раза, а зарплаты – в 2,5 раза. Затем этот эксперимент был опробован в совхозе «Акчи», официально именовавшемся «Опытным хозяйством по производству витаминной травяной муки». «Акчи» вновь был выстроен из звеньев (рабочих групп, как сейчас сказали бы) – механизаторских, строительного, управленческого. Все звенья работали на полном хозрасчёте, и вопросы решались гласно и вполне демократично на совете хозяйства, которому подчинялся его директор. Производительность труда в «Акчи» была в 6 раз выше средней по республике, зарплата выше в 2–3 раза. Необычно высоким было и качество самой продукции совхоза – травяной муки. Как вспоминал партнер Худенко Владислав Филатов: «Для высшего сорта содержание каротина в травяной муке устанавливалось в 180 единиц, а у нас было 280. Приборы зашкаливало, приёмщики не верили своим глазам». Об «Акчи» писала местная и центральная пресса, а статью из «Литературной газеты» перепечатал орган югославских коммунистов «Борба» под заголовком «Тайна экономического чуда в казахстанском совхозе». В 1970 году эксперимент был закрыт. Посетивший производство министр сельского хозяйства Казахской ССР М. Рогинец был возмущён, что работники сельского хозяйства зарабатывают больше, чем чиновники министерства [Алексеев, Кокашинский, 1970; Кокашинский, 1969].

Заметим, подобные эксперименты и апробация новых форм и методов организации производства проводились во многих отраслях и во многих регионах страны (например, на Тираспольской швейной фабрике) [Соловьева, Кашина, Чичилимов, 1980]. Но вместо вдумчивого отношения к этим новациям применялись шаблонные меры отживших инструкций и указаний, в результате чего большинство из этих начинаний и экспериментов прекратили своё существование. Страна стремительно теряла творческие достижения, которые могли бы вывести народное хозяйство из начавшегося экономического тупика.

Эти эксперименты учитывали то, что по мере стабилизации общего положения в стране, мирной международной обстановки в общественном сознании происходили глубинные изменения: признавая важность решения общих проблем развития страны и перспектив достижения новых экономических рубежей люди всё больше задавались вопросом: а как

это повлияет на их личное социальное положение, когда же наступит коренное улучшение не только производственных показателей, но и личного благополучия. Т. е. вместо глобальных проблем и далёких перспектив развития всей страны люди всё больше склонялись к необходимости учёта их личных интересов и не когда-нибудь, в отдалённом будущем, а именно в текущем, настоящем времени.

Именно эти инициативы – планы социального развития, новые методы организации и управления производством – были олицетворением органического соединения интересов народа и государства при решении конкретных социально-экономических проблем, которые, однако, или были искажены в их сущности, или прекращены из-за ложных трактовок их результатов.

Именно в этот период произошёл и последний взлёт молодёжного энтузиазма, связанного с реализацией грандиозных социально-экономических проектов, которые символизировали величие и значимость осуществляемых в государстве дел. Этот настрой поддерживали такие процессы во внутренней жизни страны, на которые позитивно реагировали советские люди: освоение природных богатств Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, строительство новых городов и предприятий, среди которых была, например, одна из крупнейших в мире Красноярская ГЭС, в 1967 г. давшая первый ток. Кстати она образовала огромное водохранилище объёмом 73 300 куб км с площадью поверхности в 2 тыс. кв. км.

С 1974 по 1984 гг. сооружалась Байкало-Амурская магистраль протяжённостью более 4 тыс. км, со 150 мостами. О грандиозности этой стройки позволяет говорить тот факт, что было перемещено свыше 300 млн кубометров земли и породы. Но ещё более значимым был духовно-нравственный эффект, ведь строительство этих объектов привлекло сотни тысяч молодых людей, ввиду их огромной популярности и большого авторитета из-за причастности к этому событию.

Среди этих строек, на наш взгляд, надо выделить такое событие, как выпуск в 1970 г. первого автомобиля ВАЗ-2101 (прозванного в народе копейкой) на Волжском автомобильном заводе в Тольятти. Эффект от этого автомобиля был не только и столько экономический, сколько социальный – люди увидели в этом событии решение задач другого порядка, непосредственно касающихся и улучшающих их личную жизнь.

Однако это стремление и желание инициативных социальных групп, отдельных организаций и лиц не было должным образом поддержано, одобрено, развито. Поэтому стагнационные процессы затронули не только экономическую, но и социальную и культурную жизнь страны.

Политика: сползание к догматизму и примитивизму

В этот период политическая жизнь развивалась достаточно противоречиво как в международном плане, так и в отношении внутренних проблем.

Что касается внешней политики, то здесь произошли серьёзные позитивные изменения. На XXIII съезде КПСС (1965 г.) была особо подчёркнута важность мирного сосуществования. И реализуя эту ориентацию, фактическим шагом на пути разрядки явилось подписание в 1968 г. Советским Союзом, США и Великобританией Договора о нераспространении ядерного оружия, в 1971 г. – Договора о запрещении размещения ядерного оружия на дне морей и океанов и в недрах, а также других видов массового поражения. В результате рубеж конца 60-х – начала 70-х гг. обозначил новые реальности в международном положении Советского Союза. Историческим явилось установление военно-стратегического равенства (между СССР и США).

Снижению международной напряжённости способствовала и Программа мира, принятая на XXIV съезде КПСС. Она содержала следующие основные положения: запрещение оружия массового поражения и сокращение его запасов; прекращение гонки вооружений; ликвидацию военных очагов и конфликтов; обеспечение коллективной безопасности; углубление и укрепление сотрудничества со всеми государствами.

В целом в 1970-е гг. удалось заложить хорошие основы сотрудничества различных государств в новых исторических условиях. Но в полной мере они не были использованы как по вине Запада, так и по вине руководства СССР, так как нередко стороны по-разному толковали положения подписанных документов.

Но если период 1960-х – середины 1970-х гг. был отмечен международной активностью и ослаблением напряжённости, то с конца 1970-х до середины 1980-х гг. разрядка сменилась новым витком недоверия и взаимной отчужденности СССР и противостоящего ему американо-английского блока [Борьба СССР… 1987].

Развитие событий пошло по пути снижения и даже уничтожения доверия, подрыва разрядки. Обострение отношений сопровождалось опасным и дорогостоящим взлётом гонки вооружений. Одной из причин обострения на международной арене явилась политика капиталистических стран, в основе которой лежала стратегическая концепция «ядерного сдерживания» СССР. Она оправдывала непрерывную гонку вооружений и, в конечном счёте, самую возможность ядерной войны.

В этот период были допущены и крупнейшие внешнеполитические просчёты и ошибки. До сих пор есть большие сомнения о путях решения кризиса власти в Чехословакии в 1968 г. Наряду с предвзятыми утверждениями, которые оперировали понятиями «оккупация», «вторжение», «интервенция» [Пихоя, 1994: 3–14; Яжборовская, 2013] были даны

более взвешенные оценки этого драматического события в жизни союза социалистических стран [Полынов, 2023].

Позднее просчётом и ошибкой советского руководства стало вмешательство во внутриполитическую борьбу в Афганистане в декабре 1979 г. Навязывание схем социально-политического развития в феодальном обществе было обречено на провал, а затяжные военные действия обескровливали и без того неэффективную советскую экономику. И хотя большинство советских людей соглашались с такими действиями, но по ходу развития событий всё больше появлялось сомнений в их целесообразности. Тем более, что большинство стран мира осудили это направление во внешней политике СССР [Никитенко, 2004: 94, 110; Христофоров, 2016].

Однако советские люди в целом одобрительно реагировали на основные внешнеполитические акции СССР за рубежом. Они не вызывали особых сомнений, так как создавали атмосферу мира и спокойствия, возникшего на основе состоявшихся соглашений между ведущими державами мира. Советским людям, у которых была жива память о Великой Отечественной войне и огромных жертвах в ней, благоволила нацеленность официального руководства на решение проблемных вопросов путём компромисса, а не открытого противостояния.

Иная ситуация складывалась во внутренней политике. Идеологи КПСС во главе с М. Сусловым занялись словесной эквилибристикой по изобретению различных громкоговорящих слов вместо определения реально выполнимой стратегической цели развития советского общества. Сначала под влиянием установки Хрущёва о возможности победы коммунизма к 1980 г. официальная пропаганда оперировала понятием о постепенном переходе к коммунистическому обществу, затем это было заменено словами о развитом социализме. К его творчеству относятся суждения об общенародном государстве, о вписании КПСС в Конституцию страны

и другие словообразования, которые содержали мало смысла, но носили некоторый эффект новизны, но которые в контексте реализации невозможно было представить.

Что же касается практической деятельности, то проходившие съезды и пленумы КПСС сосредотачивались на решении средне- и краткосрочных целей, практически не касаясь перспективных целей не в смысле декларативных заявлений, а научно-обоснованной долгосрочной политики, которая бы отвечала новым тенденциям происходящей научно-технической и информационной революций. Но этого не было сделано.

Вместо этого были осуществлены меры, которые носили не столько сущностный, сколько пропагандистки рекламный характер. Была затеяна компания по принятию новой Конституции СССР в 1977 г., потребность в которой не была острой необходимостью. В стране существовала конституция, принятая в 1936 г. которую даже в те времена называли образцом воплощения демократических принципов государства, исходящих из интересов народа. Поэтому новая редакция, учтя некоторые положения, продиктованные произошедшими изменениями, предлагала практически одно и то же. Но в рвении сказать, что это принципиально новый документ, появилась знаменитая 6-я статья, провозглашавшая, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

Это было грубейшей ошибкой, продиктованной примитивными соображениями. Такая формулировка по сути ничего не меняла на деле – в реальной жизни за всё были ответственны партийные органы. Они фактически заменили советские органы власти, которые ходили на второстепенных ролях как исполнители воли партии. Можно сказать, что юридически закрепили то, что сложилось фактически. Но надо ли это делать? Во-первых, это противоречило политической

теории – нигде за партиями не закреплялась государственная роль. Во-вторых, это порождало вопросы со стороны мыслящей доли народа, что потом породило конфликтную ситуацию и было использовано против КПСС, способствовало её дезорганизации, что очень умело использовали рвущиеся к власти лжедемократы. В-третьих, советские люди достаточно пассивно отнеслись к этой шумной пропагандистской компании, которая сводилась не столько к обсуждению сути, столько к достижению рекламной цели.

В этот период происходила мощная бюрократизация партии и государства. Если при Сталине в период войны сформировалась и функционировала жёсткая вертикаль власти, что было оправдано в той ситуации, то её сохранение в период мирного времени вело к отрыву и её независимости от народных масс. Этой ситуации дал исчерпывающую характеристику академик Е. С. Варга, будучи в своё время активнейшим участником становления советской власти, когда писал, что в этот период (1970-е годы) сформировались и стали довлеть такие черты бюрократии: «только мы за всё в ответе; мы избранные, умные, мы диктуем и указываем». И ответственность чиновников начала определяться не мнением снизу, а от вышестоящих лиц. Это усиливалось формированием всяких привилегий и не только в зарплате, но и в обладании жильём, возможностью отдельно от народа удовлетворять потребности свои и своей семьи, организацией отдельного отдыха и лечения. А так как опасение потерять эти привилегии и поблажки существовали, они порождали желание сохранить их с расцветом таких черт сознания и поведения, как лицемерие, подхалимство, интриги. В результате противоречие между официальной и реально действующей идеологией подтачивало авторитет партии и порождало сомнение в искренности провозглашённой политики, что в свою очередь вело к ослаблению общественного договора [Варга, 1991].

Политическая ситуация усугублялась и постепенно увеличивающейся потерей мировоззренческих контактов с народом. Усиливались догматические методы работы с населением. Вместо того, чтобы более внимательно прислушаться к тому, что заботило население страны, её основные социальные группы, на первый план стали выходить идеи, рождённые в головах творцов лжетеоретических идей и идеологических штампов, работающих в партийных органах КПСС и в обслуживающей их части псевдонаучного окружения (Бовин и др.) и одобренных политическими лидерами страны (развитой социализм, общенародное государство и т. п.). К этому добавим и то, что двоемыслием была поражена и часть руководства партии и страны. Как писал член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев, что он (?!) никогда не был убеждён в правоте того, чему он служил, к чему призывал других, с чем мирился в силу необходимости, безопасности и карьеризма. Вот образчик беспринципности и приспособленчества, которым Яковлев долгое время следовал: «Я писать умел на том уровне, на котором эти деятели (руководители партии – Ж. Т.) выступали. Рождал для них штампы, складывал в стереотипы, женил их штампы на стереотипах. Вот и получалась вменяемая речь генерального секретаря». И тут же признавался: «Было у меня такое лицемерие, лукавое занятие. За это и держали» [Яковлев, 2003]. Эта скрытая измена в верхних эшелонах власти усиливалась догматическими утверждениями – убеждённо или умышленно, сознательно или стихийно – что в стране существует только одна идеология – социалистическая (коммунистическая), игнорируя реальное присутствие других идеологических ориентаций, от мелкобуржуазных до религиозных.

Взаимодействовать с народом, устанавливать контакты политической власти с ним были призваны средства массовой информации. Но они в своём большинстве представляли

собой достаточно тусклую и не отвечающую потребностям времени и изменившейся культуре большинства населения информацию. Хотя заметим, что попытки изменить лицо и методы работы СМИ осуществлялись высокопоставленными лицами в советской иерархии пропаганды. Так, главные редакторы «Правды» (В. Г. Афанасьев) и «Советской России» (М. Ф. Ненашев) постоянно организовывали и публиковали принципиальные и острокритические статьи. Но в большинстве случаев гражданственность их публикаций не превратилась в инструмент по решению предлагаемых изменений.

Что касается региональной и местной периодической печати, то она характеризовалась очень слабой критичностью и в то же время серостью подаваемых материалов. А она представляла мощную сеть – к началу 1980-х годов она насчитывала более 13 тыс. периодических изданий, а разовые тиражи этих газет достигали 170–180 млн экземпляров [Печать в СССР... 1981: 115]. Но в целом в них, как и в большинстве общесоюзных и республиканских изданий (а именно они выполняли главную информационную роль в этот период времени) слабо или совсем не освещались реальные проблемы производства, культуры, потребности людей, не анализировались проявления теневой экономики, дефицит товаров, примитивность в решении актуальных проблем, тревожащих население. На деле это означало, что государство, вернее, его органы на местах, которые в наибольшей степени были призваны обеспечить обратную связь, всё меньше контактировали с народом, не знали или игнорировали его заботы и тревоги.

Примитивизм этой работы усиливался тем, что было плохо продумано, хотя широко внедрялось так называемое политическое просвещение, которое сводилось к изучению произведений марксизма-ленинизма и/или документов партийных съездов и пленумов ЦК КПСС вместо обсуждения насущных вопросов жизни, волновавших людей. Начётничество, упро-

щенчество, отрыв от реальной жизни пытались преодолеть те пропагандисты, которые понимали, что действенность информации, исходящей от них, будет достигнута, если это будет связано с реальной жизнью людей. Предложения, направленные на серьёзное изменение сложившегося содержания семинаров и кружков политического просвещения и замена его на изучения общественного сознания во всех формах его проявления, были проигнорированы и отвергнуты. В результате догматизм и формализм набирали силу, теряя суть – разговаривать о реальных проблемах жизни страны и людей.

И хотя в целом у основных групп народа не было сомнения в необходимости существования советского строя, но назревало недовольство тем, что не предпринимались меры по его совершенствованию, по преодолению возникающих проблем. Тем более что это в известном смысле контрастировало с успешными внешнеполитическими мерами по снижению международной напряжённости, среди которых следует особо отметить Хельсинские соглашения или Заключительный акт, которые были подписаны 1 августа 1975 г. по итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Напомним, данными соглашениями закрепляется принцип нерушимости европейских границ, не допускается любое применение силы и любое вмешательство во внутренние дела государств, а на подписавшие его стороны возлагаются обязательства по уважению прав человека. Правда, это не помешало президенту США Рейгану в начале 1980-х годов объявить СССР «империей зла».

Таким образом, постепенно сложившаяся, но деформирующаяся действительность, существующее положение не стало удовлетворять большинство советских людей, тем более, что их жизнь стала осложняться на личностном уровне: появились и увеличивались трудности в обеспечении продуктами и товарами повседневного спроса. Одновременно

люди становились свидетелями роста бюрократизма и формализма, разрыва между провозглашаемыми целями и их практическим воплощением в жизнь.

В этой ситуации наиболее активная и мыслящая часть советских людей стала проявлять себя в таких акциях, как обращение во все руководящие органы страны и прежде всего в ЦК КПСС с предложениями о необходимости коренных и неотложных мер по преодолению инерции развития, внесению и внедрению новых идей по преобразованию народного хозяйства, экономической и социальной политики на всех уровнях организации советского общества – от конкретной организации до государственных масштабов.

Но в то же время советские люди в своей массе, несмотря на критический настрой, продолжали быть лояльными к социалистическим идеям и ценностям [Бабюк, 2021: 22–24].

Всё это позволяет сделать вывод, что в 1960 – начале 1980-х годов творческая инициатива делала возможным добиться существенных изменений в развитии народного хозяйства, укрепить доверие народа к государству и решить задачи нового этапа по совершенствованию общественного договора.

Советская интеллигенция на распутье

Советская интеллигенция в конце 1960-х – начале 1980 гг. представляла собой уникальную социальную силу, олицетворяющую собой мощный интеллектуальный потенциал страны. Она была представлена не только в науке и образовании – её крупнейшие профессиональные группы трудились во всех отраслях народного хозяйства. Именно их усилиями страна вышла на передовые рубежи в развитии науки. Именно в этот период были совершены первые шаги освоения космоса. В 1970 г. стартовала космическая станция Луна-17: впервые са-

моходное устройство «Луноход-1» работало 11 месяцев под управлением с земли.

Именно в этот период советская авиация, автомобильная промышленность, станкостроение заняли ведущие рубежи в мировой экономике.

Значителен был вклад советских учёных и инженеров в создание обороноспособности страны. Осознанию величия и значимости Союза СССР добавляла и информация о военной мощи страны как взрыв самой мощной в истории термоядерной бомбы на полигоне на Новой Земле. В 1978 г. произошло успешное испытание нейтронной бомбы.

Все эти события вызвали огромный позитивный настрой людей.

Но особо надо отметить тот факт, что по своему социальному положению почти вся интеллигенция состояла из специалистов, получивших образование в советское время. Они были полностью порождением народа, отражали его интересы. Но именно она в большей мере чувствовала необходимость перемен и желала осуществления общественно значимых преобразований.

С точки зрения социально-политических позиций она была неоднородна. Одна часть интеллигенции считала возможным внесение корректив в развитие страны и в необходимость изменения сложившегося положения дел, так как видела начавшееся отставание и замедление темпов развития народного хозяйства. На всех возможных публичных мероприятиях – от собраний и совещаний, научных заседаний до обращений в органы власти ими предлагались меры по ликвидации тех или иных недостатков, ошибок, просчётов или устранения волокиты и бюрократии, незаинтересованности ответственных лиц в реализации предлагаемых преобразований.

Другая часть интеллигенции заняла критическое отношение к происходящим процессам, к действиям политической

власти, к информации, исходящей из официальных источников. В этой ситуации появились особые формы недовольства интеллигенции, отражающие протестное, ироническое и даже скептическое отношение к советскому строю. Именно в этот период времени появилось диссидентское движение, которое стало воплощением неудовлетворённости создавшимся положением. Диссидентами был в иносказательной форме поставлен вопрос об устойчивости существующего общественного договора.

Эта группа представителей интеллигенции своеобразно включилась в поиск неиспользуемых или мало используемых резервов. Среди них было немало творческой интеллигенции. Правда, это включение было специфическим – ими критиковались многие изъяны советской жизни, и на этой основе высказывались предложения и соображения по их преодолению. Многие из них искренне хотели исправить видимые ими недостатки, несовершенства и нетерпимые проявления бюрократизма. Наиболее ярким представителем это группы, проповедующей как критические, так и созидательные предложения, был философ А. А. Зиновьев [Зиновьев, 2021]. Но официальная власть рассматривала их не как оппонентов, которые имеют право на иную точку зрения, а как открытых или латентных противников советской власти, с которыми надо не разговаривать, а карать. Это был один из огромных просчётов по отношению к критически мыслящим членам советского общества. По мнению академика Н. Н. Моисеева, «сейчас, когда я читаю то, что писали диссиденты шестидесятых-семидесятых годов, и то, что говорили мы, меня удивляет, за что их сажали». Ведь они в своём большинстве искренне хотели совершенствовать социализм в СССР, а не разрушать его [Моисеев, 1994].

Напомню, что такой критически созидательный настрой впервые проявил себя ещё в 1950-е годы. Одним из первых таких звонков было появление ещё в конце 1950-х годов молодёжных

кружков, в которых собирались молодые люди и обсуждали вопросы дальнейшего социалистического переустройства общества. И хотя среди обсуждаемых идей были и экстремистские, в целом они были творческими, дискуссионными, позитивными. Для них несомненным было и утверждение того, что научный социализм по-прежнему является «путеводной звездой. Но вместо того, чтобы направить это стремление в созидательное русло, эти молодые люди подверглись судебным преследованиям [«Дело» молодых историков... 1994].

Такие попытки принять активное участие в обсуждении путей и средств переустройства и совершенствования социалистического общества в 1960–1970-е годы только усилились. По мере реализации различных планов и программ по преобразованию и по переустройству жизни в стране и её отдельных процессов, развивалась поисковая мысль у многих лиц интеллектуального труда, которые искренне заботились о будущей судьбе советского общества. Поэтому регулярно появлялись (а потом нередко преследовались) группы или отдельные представители интеллигенции, которые размышляли в этом направлении, но придерживались, по мнению ортодоксальных ревнителей понимаемого ими социализма, недопустимых и радикальных предложений.

Показателен в этом отношении судебный процесс над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, которых обвинили в антисоветской деятельности за публикацию критических текстов за рубежом по результатам чрезмерной бдительности Главлита – органа охраны государственных интересов на литературном поприще. А то, что они были искренними советскими людьми, но с критическими взглядами, показал их дальнейший жизненный путь – они не перестали быть защитниками социалистических идеалов в постсоветской России. Однако неадекватное и ошибочное отношение к представителям такой мысли, привело к тому, что, по словам историка А. Майсуряна,

процесс Синявского – Даниэля стал «рождением оппозиционного движения» в СССР – диссидентства: «маленькая трещинка, пробежавшая в сентябре 1965 года между интеллигенцией и партией, стала стремительно расти, шириться и углубляться… в которую в конечном итоге провалился и социализм, и СССР…» [Незамеченный юбилей... 2006].

Опыт показал, что официально признанный диссидент – это не всегда антисоветчик. Об этом говорит и жизненный путь философа и писателя А. А. Зиновьева, который с горечью признался: «Если бы я знал, что мои книги помогут развалу СССР, я бы не писал их. Я хотел улучшить советский строй, а не свергать его».

К сожалению, разногласия, которые ставили под сомнение целостность общественного договора, росли. Они порождали такие формы общественного неудовлетворения, как создание альтернативных каналов коммуникации (в т. ч. самиздат), «кухонный протест» и другие способы выражения критического настроя к политическому правлению, всё больше и больше теряющего связь с социальной реальностью [Антология самиздата… 2005].

В целом же в официальной политике продолжалась труднообъяснимая заскорузлость по отношению к интеллигенции и контактам с нею. А ведь к этому времени она была полностью народной. В 1960–1970-е годы была велика тяга многих, особенно молодых интеллигентов, стать членами КПСС, потому что они искренне верили и считали себя передовой частью советского народа, и что в этом качестве они могут принести большую пользу производству и культуре. Однако идеологические шоры или просто недоумство идеологических теоретиков партии, опираясь на давно устаревшие догмы, свято верили и убеждали всех, что КПСС – это партия рабочего класса, и поэтому преимущество стать членом КПСС принадлежит непосредственно работающим на производстве. Этим решением

было отвергнуто участие крупной творческой группы народа и постепенно привело её к дистанцированию от официальных целей и установок. Бюрократы и догматики даже забыли предыдущие партийные установки – ведь на XXII съезде КПСС было провозглашено, что период диктатуры пролетариата остался в прошлом, что в стране строится общенародное государство, что по сути означало одинаковое положение и одинаковую ответственность всех социальных общностей за происходящее в стране. Был проигнорирован и такой научно обоснованный вывод, что наука и образование становятся непосредственно производительной силой общества и соответственно их носители – это олицетворение настоящего и будущего любого общества, реальный процесс совершенствования не только производства, но и всей жизни.

Поэтому в рядах интеллигенции начало зреть недовольство и неудовлетворённость своим положением и своей ролью в жизни советского общества. Хотя, по мнению видного советско-американского социолога В. Шляпентоха: «Замеры 1970-х показали, что интеллигенция, несмотря на свою оппозиционность, всё равно поддерживала идеи социализма, но – с человеческим лицом (от Солженицына, который воспринимался как эсер, до Евтушенко и Стругацких). Тогда же мы выяснили и то, что большая часть населения страны конформистски настроена и готова поддержать основные принципы советской идеологии. Более того, не было никакого критического отношения граждан к идеологии власти и позже, накануне перестройки» [Антиамериканизм… 2021].

Таким образом, процесс взаимоотношений государства и интеллигенции, как одного из субъектов общественного договора, был неоднозначным и в известной мере ошибочным, так как он, на наш взгляд, заложил основы дальнейшего её дистанцирования от официальной политики партии и советского государства, что особо проявилось позже, в годы перестройки.

Что положило начало деформации общественного договора?

Этот этап был временем противоречивого функционирования общественного договора в изменившихся реалиях, но и началом постепенного его разрушения.

С одной стороны, люди видели определённые усилия государственных органов по решению экономических проблем, в том числе и на уровне низовых производственных ячеек. Более того, они сами старались внести свою лепту, если судить по многочисленным инициативам, осуществляемым в основном на уровне конкретных организаций и частично на уровне отдельных территориальных и административных единиц. В рамках этих тенденций во второй половине 1960-х годов предприятия сначала получили право оставлять в своём распоряжении определённую долю получаемых доходов. Наряду с фондом оплаты труда и суммой централизованных капиталовложений выделялись средства стимулирования, состоящие из трёх частей: фонд самофинансирования, предназначавшийся для покрытия расходов на обновление производства; фонд материального поощрения, распределяемый при участии и под контролем трудового коллектива; фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства – в дополнение к общественным фондам потребления, образуемым государством. В результате около 70% средств общественных фондов потребления поступало из госбюджета, а примерно 30% складывалось из средств фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства предприятий. Такие меры привели к тому, что в 1970-е гг. на общественные фонды потребления (в том числе и за счёт предприятий) приходилось около 1/3 предназначенных населению СССР благ – вдвое больше, чем в 1940 г. Дополнительным стимулом было то, что в этот период времени оставался высок авторитет таких мер морального поощрения, как почётные гра-

моты, вымпелы, переходящие знамёна и другие знаки трудового отличия, занесение имён передовиков соревнования в книги славы, награждение орденами и медалями, присвоение звания Героя Социалистического Труда и т. п.

С другой стороны, стимулирующий эффект этих методов – и материальных и моральных – постепенно угасал по сравнению с эффектом, получаемым от применения подобных мер в 1930-годы, в годы первых пятилеток, в период военного времени. Требовались иные меры и способы побуждения людей к творчеству и не на основе пропагандистских призывов к совершенствованию труда, а на основе создания принципиально иной технологической и технической производственной базы. Но на это не было обращено должного внимания. *Начавшаяся научно-техническая и информационная революция не стала смыслом общественного договора,* что интуитивно осознавалось многими людьми, особенно интеллигенцией. Из смыслов общественного договора постепенно исчезли и такие проекты, которые вдохновляли людей на свершение трудовых и жизненных подвигов (последним таким примером стал призыв на строительство объекта века – Байкальской железнодорожной магистрали в 1975 г.).

Объективно сложилась парадоксальная картина.

С одной стороны, была разбужена позитивная энергия, особенно в связи с косыгинскими реформами. В этот период было проявлено много творческих починов: Щёкинский эксперимент, новации в совхозе Илийский под руководством И. Худенко, бригадный метод в совхозах и колхозах Красноярского края и др. Принесли большую пользу планы социального развития предприятий, районов, городов, отраслей народного хозяйства, что помогло обеспечить органическую связь экономических и социальных задач.

Реальностью стало достижение социальной стабильности в стране. Каждый советский человек мог быть уверен

в своём будущем – у него всегда будет крыша над головой, работа и скромные, но гарантированные материальные блага. В 1967 г. состоялся переход на рабочую неделю с двумя выходными днями, Семейные доходы увеличились в 3 раза, хотя заработные платы были маленькими по сравнению с западными стандартами. Была введена всеобщая диспансеризация населения, что привело к увеличению продолжительности жизни. Резко увеличилось строительство жилья, что позволило на бесплатной основе улучшить обеспеченность людей, живших в бараках, подвалах, коммунальных квартирах. Затраты на коммунальные услуги обходились семейному бюджету в незначительные суммы.

В то же время политическая жизнь была неоднозначной наряду с расширением прав общественных организаций, созданием возможностей проявить себя в экономической, социальной и политической сферах. Конечно, была цензура, идеологическая демагогия, диссиденты преследовались и наказывались, но «охота на ведьм» не устраивалась. Осуждённых по «антисоветским» статьям были единицы, чаще инакомыслящие просто высылались из страны.

Но на общественный договор повлияли такие процессы и явления, которые принесли серьёзные просчёты как для всей страны, так и для определённых социальных групп и общностей.

О серьёзности ситуации говорит следующее. К началу 1970-х годов были свёрнуты все поиски, отражавшие идеи косыгинских реформ. Вместо поощрений за апробирование новых решений основные усилия были направлены на реализацию ущербной установки – чтоб не было никаких нарушений в процессе выполнения директивных указаний. Следствием этого стал рост указаний: этого не делать и этого не делать; это запрещено; за это можно отдать под суд. Эта запретительная политика вместо того, чтобы поддержать поисковые и новаторские творческие почины, привела к за-

медлению темпов экономического развития, к потере созидательного духа.

В результате за годы 9-й пятилетки (1971–1975 гг.) экономический рост значительно уменьшился в результате того, что намечавшиеся рыночные механизмы управления производством перестали существовать. Возросли темпы падения производства. Экономика продолжала развиваться на экстенсивной основе, главным образом вширь. Упала производительность труда. Экономика страны была милитаризована. Военные расходы росли в 2 раза быстрее, чем национальный доход. На начавшуюся научно-техническую революцию практически не обращали внимание – к началу 1980-х годов было автоматизировано лишь 10% предприятий. Видимость благополучия народного хозяйства обеспечивалась за счёт продажи природных богатств – газа и нефти.

Наиболее слабой отраслью в 1970–1980-е годы оставалось сельское хозяйство. Устаревшее управление мешало самостоятельности руководителей колхозов и совхозов. Закупочные цены на сельхозпродукцию были низкими, а на сельхозтехнику – высокими. Государство продолжало импортировать зерно. В следствие реализации ущербной политики по ликвидации неперспективных деревень происходило обескровливание трудовых ресурсов на селе.

В социальной сфере также постепенно накапливались кризисные явления. Приостановился подъём жизненного уровня населения, наблюдался дефицит, скрытый рост цен, назревал кризис продовольствия. Это стало экономической предпосылкой образования и расширения влияния «теневой экономики». Получили распространения явления коррупции, спекуляции, воровства социалистической собственности.

В политической сфере нарастал догматизм, заскорузлость, произвол чиновников. В 1970-е годы становилось всё более очевидным, что реальным властителем, правящим

классом постепенно становилась партийная и государственная бюрократия, а декларируемое влияние народных масс всё больше и больше уменьшалось. Это касалось не только рабочего класса, крестьянства, но и интеллигенции, несмотря на то, что она была прямым наследником тех трудовых классов, из которых она вышла [Хардт, Негри, 2004; Дудник, 2019].

Происходила и стагнация политической жизни. Практически прекратилась ротация руководящих кадров. Одновременно примитивными методами осуществлялось разоблачение оказавшихся неугодными представителей творческих сил страны, с которыми расправлялись посредством психиатрии, лишения гражданства и высылки за границу. Причём многие из тех, кого зачислили в диссиденты, искренне желали, стремились и отстаивали идеи совершенствования социализма в стране, избавления от ошибок и пороков. Отказ от дискуссии по требовавшим обсуждения проблемам лишь усугублял ситуации, во всё большей мере увеличивая противоречия между правящим слоем и народом, в первую очередь с интеллигенций.

Все эти события и процессы стали ещё одним свидетельством разрыва связи власти с народом, продолжением и усилением системного кризиса, когда, по мнению академика Н. Н. Моисеева, основную роль в решении проблем на всех уровнях политической организации общества стала играть бюрократия, которая комплектовалась не по «способности работать, а по способности служить». «Системный кризис проявлялся в том, что государственный аппарат не имел целей обеспечить благополучие и развитие государства, он стремился лишь обеспечить собственную стабильность» [Моисеев, 1998: 78].

В условиях капиталистического давления (особенно тогда, когда Рейган назвал СССР империей зла) не нашли адекватных ответов. Тем более что были совершены просчёты с подавлением пражской весны в 1968 г., войной в Афганистане, ухудшением отношений с Китаем.

Не менее тревожными стали нарастающие проблемы в духовной жизни общества. Отсутствие попыток демократизации, увеличение идеологического примитивизма привели к появлению и росту народного недовольства. О том, что назревали тревожные моменты, говорит восстание в 1975 г. на противолодочном корабле (БПК) «Сторожевой», под руководством замполита корабля, капитана 3-го ранга В. Саблина.

Вместо решения проблем прикладного характера, непосредственно влияющих на повседневную жизнь людей, шли догматические разговоры и изобретения в виде развитого социализма или его перехода к коммунизму. Поэтому среди значительной части людей воцарилось безразличие, отход от активного участия в решении насущных проблем. Перед народом, особенно перед молодёжью перестали ставить привлекательные цели, при реализации которых люди могли проявить себя.

К этому времени проявил себя такой новый социально-культурный феномен, как общественное мнение, которое стало приобретать самостоятельное значение с точки зрения происходящих перемен. Но это не было замечено, хотя оно фиксировалось в развёртывающихся социологических исследованиях, которые более предметно и достаточно объективно демонстрировали, что интересовало людей, что их беспокоило, что они поддерживали и против чего возражали [Грушин, 2001, 2003, 2006].

Всё это стало предтечей того, что страна нуждалась не просто в переменах, а в кардинальных изменениях. Такая ситуация привела к тому, что 1970-е годы ознаменовались ростом сомнений в перспективности и эффективности официальной политики, что выразилось в постепенном угасании надежд на способность политического руководства страны осуществить необходимые преобразования.

К началу 1980-х годов практически всем стало ясно, что стране требуются серьёзные, кардинальные перемены.

Многие люди продолжали надеяться, что есть возможность осуществить рациональные шаги по изменению ситуации в стране. Следствием этой веры и убеждённости можно считать то, что, даже по официальным данным, каждый год в ЦК КПСС приходили тысячи писем с различными предложениями по совершенствованию дел в экономике, в политическом устройстве, в социальной и культурной сферах, но они никак не использовались и не рассматривались по существу. Политическое руководство страны устраивало ранее сложившееся положение дел. Для осуществления новаций не хватало ни сил, ни желаний.

После долгого пребывания у власти Л. Брежнева и фактического отказа от выработки действенных шагов по обновлению общества попытка нового генерального секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова разобраться в складывающейся неблагоприятной обстановке была недолгой и далеко не бесспорной. Его стремление найти возможные контуры и новые пути преодоления возникших экономических и социальных проблем было кратковременным и не привело к существенным изменениям в стране.

Заключение

В целом в этот период осуществлялось инерционное развитие, во многом обусловленное тем, что не было научно обоснованной политики, не стало великих целей, если не считать некоторые лжетеоретические фантазии о развитом социализме. В эти годы произошла полемика между официальной позицией КПСС и компартиями европейских стран по поводу трактовки не столько прошлого, сколько тех изменений, которые происходили в мире и стране, и как их понимали руководители КПСС и Советского государства.

Что же касается общественного договора, то следует сказать о глубоком коренном изменении в мировоззрении

и мироощущении советских людей. Дело в том, что до конца 1970-х годов советский человек принадлежал к обществу мобилизационного типа. Он имел продолжительный опыт преодоления многих испытаний, начиная с гражданской войны, потом индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной войны, восстановления народного хозяйства, а также участия в грандиозных планах преобразования целины, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера. Эти изменения и преобразования сопровождались мобилизацией патриотических устремлений советских людей и главным образом молодёжи. Во всех этих процессах и событиях для людей и особенно для молодёжи огромное значение имел социальный образец члена КПСС (в ходу было распространено утверждение, что тот или иной человек – настоящий коммунист»), который олицетворял и ореол романтизма, ответственности, самопожертвования. Но в условиях наступившего длительного мирного периода этот образец не мог автоматически воспроизводиться – требовалась иная модель, иной ориентир, иной образец доверия. Этот образ – коммуниста-бессребреника – начал портить увеличивающийся процесс обюрокрачивания партии, роста карьерных настроений ряда его членов, ошибочное комплектование партийных рядов (за счёт «опоры советского общества – рабочего класса» при ограничении приёма в свои ряды интеллигенции). И если до 1960-х годов даже на уровне обыденной жизни можно было слышать упрёк: «А ещё называешься коммунистом», то к 1970-м годам такие суждения ушли в прошлое. КПСС начала достаточно интенсивно превращаться в конгломерат людей с очень разной социальной ориентацией, с разными жизненными намерениями, образом и стилем жизни, что способствовало накоплению претензий к её деятельности. В реальной жизни всё меньше становилось коммунистов, совпадающих с пропагандируемым и ранее существовавшим идеалом.

Список литературы

Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон ; пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М. : АСТ, 2015. 693 с. ISBN 978-5-17-092736-4.

Антиамериканизм от зависти: социолог оценил современную российскую «элиту» // НовыеИзвестия : [сайт]. 29 июля 2021. URL: https://newizv.ru/news/2021-07-29/antiamerikanizm-ot-zavisti-sotsiolog-otsenil-sovremennuyu-rossiyskuyu-elitu-336003?ysclid=m20i6oqtqi900237485 (дата обращения: 04.10.2024).

Аитов Н. А. Социальное развитие регионов. М. : Мысль, 1985. 220 с.

Алексеев Н. Земледельцы сами о себе / Н. Алексеев, В. Кокашинский // Литературная газета. 1970. 4 марта.

Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. В 3 т. Т. 1, Кн. 1 : До 1966 года / Под общ. ред. В. В. Игрунова ; сост. М. Ш. Барбакадзе. М. : Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. 362 с.

Бабюк М. И. К вопросу о восприятии пропаганды советским человеком в условиях позднего СССР: опыт частного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 22–53. DOI 10.30547/vestnik.journ.3.2021.2253. EDN VHMHAI.

Белкин Е. В. Формирование населения в зоне БАМ / Е. В. Белкин, Ф. Э. Шереги. М. : Мысль, 1985. 149 с.

Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение. Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР ; редкол. : гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. М. : Политиздат, 1987. 559 с.

Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994 / Пер. с итал. Л. Я. Хаустовой. М. : Междунар. отношения, 1996. 320 с. ISBN 5-7133-0895-2.

Варга Е. С. «Я умру в печали» (Предсмертные записки Е. С. Варги) / Е. С. Варга // Полис. Политические исследования. 1991. № 2. С. 175–183. EDN EQVOOD.

Вехи российской социологии 1950–2000-е годы / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. СПб. : Алетейя. 2010. 664 с. ISBN 978-5-91419-403-8. EDN SUQLAJ.

Власов Г. П. БАМ: Опыт, уроки. 1970–1990. Исторический аспект. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1998. 142 с.

Герчиков В. И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Методология с позиций практики / В. И. Герчиков ; отв. ред. З. В. Куприянова. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1984. 256 с.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. «Эпоха Хрущёва». М. : Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Часть 1. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 448 с. ISBN 5-89826-186-9. EDN QOPZGD.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Часть 2. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 464 с. ISBN 5-89826-249-0. EDN OXOJSE.

«Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 111–126.

Денисов Н. А. Социальная инфрастуктура России: состояние, проблемы, пути развития. М. : Знание, 1988. 38 с.

Дорж Д. А. Научное управление социальными процессами на селе: проблемы, решения. Алма-Ата : Казахстан, 1988. 286 с. ISBN 5-615-00489-4.

Дудник С. И. Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 3. С. 394–405. DOI 10.21638/spbu17.2019.301. EDN VECTHB.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М. : Канон+, 2021. 720 с. ISBN 978-5-88373-685-7.

Кокашинский В. Эксперимент в Акчи // Литературная газета. 1969. 21 мая.

Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М. : Политиздат, 1989. 218 с. ISBN 5-250-00356-7. EDN TPDYAN.

Лапин Н. И. Теория и практика социального планирования / Н. Лапин, Э. Коржева, Н. Наумова. М. : Прогресс, 1980. 240 с.

Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. М. : Economika, 1970. 175 с.

Махлин В. Л. Шестидесятники // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина ; ИНИОН РАН. СПб. : Интелвак, 2001. С. 1211–1213.

Митрохин Н. А. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 504 с. ISBN 978-5-4448-1866-4 (т. 1).

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня… Свободные размышления 1917–1993. Вехи-2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века. М. : Журнал «Экология и жизнь». 1994. 440 с. ISBN 978-5-9500751-0-0. URL: http://samlib.ru/n/nikita_n_m/moiseev.shtml (дата обращения: 17.07.2024).

Моисеев Н. Н. Не вижу людей, с которыми можно разговаривать // Эксперт. 1998. № 24. 29 июня.

Незамеченный юбилей // Рабкор : [сайт]. Февраль 2016. URL: https://rabkor.ru/columns/day-in-history/2016/02/16/the-unconsidered-anniversary/ (дата обращения: 10.03.2021).

Неймер Ю. Л. Управление социальным развитием отрасли / Ю. Л. Неймер ; предисл. Н. И. Лапина. М. : Экономика, 1986. 191 с.

Никитенко Е. Г. Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн. М. : Астрель ; АСТ, 2004. 362 с. ISBN 5-17-018154-X. EDN QOUHBB.

Орлов А. С. Основы курса истории России / А. С. Орлов, А. С. Полунов, Ю. Я. Терещенко. М. : Простор, 2000. 638 с.

Печать в СССР в 1980 году. Статист. сб. М. : Финансы и статистика. 1981. 255 с.

Пихоя Р. Г. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 3–20. EDN NVCRFI.

Планирование социального развития коллектива предприятия: методические рекомендации. М. : Профиздат, 1975. 260 с.

Полозов В. Социальное планирование производственных коллективов и отраслей и его роль в ускорении социально-экономического развития страны : препр. науч. сообщ. / В. Р. Полозов ; АН СССР, Ленингр. науч. центр, Ин-т соц.-экон. пробл. Л. : Б. и., 1987. 16 с.

Полынов М. Ф. «Если мы потеряем Чехословакию, я уйду с поста Генерального секретаря». Л. И. Брежнев и чехословацкий кризис 1968 г. // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2023. Т. 78, № 1. С. 121–137. DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-121-137. EDN BFAKCM.

Полынов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб. : Алетейя, 2010. 512 с. ISBN 978-5-91419-435-9.

Пятилетние планы коммунистического строительства / Г. М. Сорокин, Б. И. Брагинский [и др.] ; под ред. Г. М. Сорокина. М. : Экономика, 1978. 263 с.

Соловьева В. Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тирасп. швейников Тирасп. швейн. ф-ка им. 40-летия ВЛКСМ / В. Соловьева, М. Кашина, В. Чичилимов. Кишинев : Издательство Картя молдовеняскэ, 1980. 375 с.

Староверов В. И. Деревня в условиях интеграции: социальные проблемы / В. И. Староверов, А. И. Тимуш, Н. В. Цуркану. М. : Мысль, 1979. 272 с.

Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: Сущность и пути развития. М. : Мысль, 1980. 206 с. EDN JLYYOQ.

Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М. : Политиздат, 1981. 320 с.

Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: образы «светлого будущего» в СССР на рубеже 1950–60-х годов) // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2010. С. 332–366.

Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри ; пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис, 2004. 440 с. ISBN 5-901S 74-40-0.

Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М., 2016. 543 с. ISBN 978-5-8055-0307-9. EDN YJFXHV.

Юферов О. В. Планирование социально-бытовой инфраструктуры. М. : Экономика, 1990. 126 с. ISBN 5-282-00807-6.

Яжборовская И. С. «Социалистическое содружество» и «Доктрина Брежнева» // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 3–19. EDN TKUJJR.

Яковлев А. Н. Интервью / Известия. 2003. 1 декабря.

Harrison M. Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45, № 1. P. 141–167.

Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985. Santa Monica : RAND/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988.

Глава 11
Перестройка: коррозия общественного договора (1985–1991)

Порядок может быть без свободы, но
не может быть свободы без порядка

С. Хатингтон
Американский социолог
и политолог

Введение

Характер событий 1985–1991 годов определялся стремлением реформировать советское общество, вступившее в затяжной социально-экономический и духовно-нравственный кризис. В результате в эти годы в Советском Союзе произошли события, которые вошли в историю под названием перестройка. Она на несколько лет определила лицо современной эпохи, выявила противоречивые и неоднозначные тенденции в развитии страны, обозначила возможные варианты и реальное осуществление акций, приведшие к распаду страны и прекращению общественного договора советских людей с политической властью.

Этот период – период перестройки – стал временем кардинального испытания общественного договора на его прочность в условиях неупорядоченных, непродуманных и необоснованных реформ, что привело к его коррозии и способствовало разрушению Советского Союза.

К началу 1980-х годов в государстве и обществе накопилось немало проблем, которые заботили большинство советских людей. Было очевидно нарастание кризисных явлений: стало явным отставание в научно-техническом прогрессе,

по-прежнему преобладали экстенсивные формы экономического развития, попытки модернизации носили поверхностный характер, снижались темпы развития промышленности, сельское хозяйство серьёзно отставало от потребностей производства и от удовлетворения населения в продовольствии, что пришлось замещать всё более возрастающим импортом.

Эти сложности и отставание в экономическом развитии сопровождались кризисом социальной сферы: уравнительным принципом распределения материальных благ, ростом иждивенческих настроений, разрывом в социальном положении правящей верхушки и большинства населения (хотя оно было мизерным по сравнению с современным положением). В духовной жизни произошла утрата нравственных ориентиров, получили распространение безразличие, идейная инертность и такие явления, как пьянство, коррупция.

Эта ситуация усугублялась продолжающейся и даже обостряющейся холодной войной, особенно после заявления президента США Рейгана об СССР как империи зла.

Все эти причины в совокупности ставили перед советским народом и прежде всего мыслящей его частью вопросы – как выйти из этой ситуации, как решить назревшие проблемы. И было немало людей, которые не были безразличны и пассивны в этой ситуации. Только в 1983–1985 гг. в ЦК КПСС поступило несколько тысяч писем и предложений о внесении изменений как на государственном, так и на региональном и местном уровнях, а также применительно к работе конкретных трудовых коллективов. Т. е. народ как субъект общественного договора не был пассивным участником – люди искренне хотели серьёзно улучшить общественную, государственную, групповую и личную жизнь. Поэтому люди с воодушевлением и признательностью встретили появление на политическом олимпе М. Горбачёва как молодого перспективного государственного деятеля и поверили

его первым призывам к перестройке всей жизни советского общества, к строительству обновлённого социализма, социализма с человеческим лицом.

Как это выглядело на деле?

Позиция политической власти: политика смысла или имитация смысла?

Напомним, что на первых этапах перестройки ставилась цель к 2000 г. удвоить промышленный потенциал СССР. Однако методы реализации этой стратегии оказались вполне традиционными: активизация «человеческого фактора» (соцсоревнование, укрепление трудовой дисциплины), использование резервов (полная загрузка производственных мощностей, организация многосменной работы); увеличение расходов на техническое обновление предприятий; ужесточение административных мер (государственная приёмка продукции). К этим мерам была приурочена знаменитая антиалкогольная кампания – борьба с пьянством, которая в конечном счёте обернулась в том числе огромными финансовыми потерями – после кратковременного эффекта породила подпольный бизнес, мимикрию и симуляцию.

Первые результаты оказались малоутешительными, и несовершенство применяемых методов выявилось достаточно скоро. Добиться существенного повышения темпов роста не удалось, антиалкогольная кампания привела к гигантским потерям бюджета, а увеличение затрат на техническое переоснащение промышленности обострило ситуацию в социальной сфере.

В 1986–1988 гг. были предприняты акции, предполагающие внесение существенных корректив в общую политику государства: провозглашено «ускорение». 19 ноября 1986 года был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», легализовавший частную предпринимательскую инициативу советских граждан. Затем закон «О государственном предприятии» (лето 1987 г.) значительно расширил их самостоятельность. Министерства теперь готовили контрольные показатели экономического развития на год и на их основе устанавливали государственный заказ. Это была попытка изменить хозяйственный механизм, ослабить административное давление, ввести конкуренцию. Но крупных результатов она не имела: госзаказ устанавливался достаточно произвольно, без серьёзных обоснованных показателей по загрузке возможностей предприятий. В 1987 г. было разрешено иметь совместные предприятия с иностранным капиталом. В 1988 г. узаконено индивидуальное предпринимательство. Однако существенных сдвигов в экономике не происходило.

Более того, был дан старт теневой экономике. Из подполья вышли цеховики, которые воспользовались законом «О кооперации», открывшим двери для бесконтрольного обогащения за счёт государственной собственности. Как это выглядело в реальной жизни, говорит следующее описание ситуации Председателем Госкомтруда СССР В. Щербаковым: «Кооператоры (или сами работники торговли и общепита) скупали все товары в системе государственной торговли по госценам и продавали населению нередко в десятки раз дороже. Из магазинов исчезли мясо, колбаса, сахар, масло, сыр, яйца, из аптек – лекарства. Все продукты «перетекли» в кооперативы. На смену шахтёры брали в «тормозке» только картошку или кашу. Больше всего горняков злило, что кооператоры скупали всё пиво в регионе по 32 копейки, а продавали по 3–4 рубля за бутылку. В кооперацию перекочевала почти полностью продажа сигарет и мыла. Его резали нитками на маленькие кусочки и раздавали в душе. Кооператоры торговали им по 7–8-кратно повышенной цене. Люди курили листья деревьев и траву. Начались массовые забастовки».

И далее «я увидел... поспешность, недальновидность, слабую проработанность и поверхностность многих принимаемых решений. Это было желание уберечь страну от острых общественных антагонизмов». Но антагонизмы вскоре проявили себя, и особенно остро в массовых шахтёрских забастовках, которые происходили в Кузбассе, Донбассе, в Коми АССР. Обстоятельный социологический анализ этих событий дан в работах Л. Гордона и В. Клопова [Гордон, Клопов, 1997].

В результате повторилось (и дополнилось) то, что было в период НЭПа в СССР: «самым простым методом деятельности по созданию частного капитала было наличие его соучастников и агентов в государственном аппарате. Это явление было распространено чрезвычайно широко… Различные ответственные деятели... выполняли путём передачи в порядке злоупотреблений создаваемым ими частным учреждениям тех средств, которые находились в их распоряжении по службе в советских учреждениях» [Ларин, 1927].

Следствием реализации этих акций стал тот факт, что начали реанимироваться элементы стихийного нерегулируемого рынка, что в полной мере проявилось уже позже, в постсоветской России, да ещё с добавлением некоторых квазифеодальных пережитков вроде замкнутых групп по дележу и обогащению узкого круга лиц на основе сомнительных доходов. Именно эта теневая экономика открывала дорогу для воровства, для изворотливости, обмана.

В качестве наглядного примера можно привести следующий факт. 11 января 1990 г. в Новороссийске на подъездных путях железнодорожного вокзала на 12 платформах была задержана партия товара, который был задекларирован как металлолом в виде списанных тягачей. При осмотре товара обнаружилось, что вместо тягачей под брезентом находятся танки, причём новейшие, модернизированные. Партия товара была арестована, и об этом незамедлительно было сообщено в самые высокие инстанции. Генеральная прокуратура СССР в тот же день возбудила уголовное дело. Товар, вывозимый за рубеж, принадлежал кооперативу «АНТ» (Автоматика, Наука, Технология), директором которого был бывший сержант Девятого управления КГБ СССР (занимавшегося охраной первых лиц государства) В. Ряшенцев. Этому кооперативу были предоставлены весьма значительные полномочия, а также право безлицензионной продажи за рубеж широкого спектра товаров.

Таким образом, этими законами был нанесён непоправимый удар не только по самой экономике, но и по сознанию людей, увидевших деградацию народного хозяйства и неспособность руководства правильно решить возникающие проблемы. Эти решения государства породили начавшийся кризис доверия государству и прежде всего КПСС и его лидеру, что поставило под сомнение существование общественного договора, возможность его эффективного функционирования.

Одновременно в январе 1987 г. был сделан акцент на политике «гласности», снят ряд запретов, которых в Советском Союзе было множество, в том числе и в сфере хозяйствования. Но гласность проявила себя своеобразно. Она реализовалась как доступ к информации политического характера и смежной с ней тематики. И поэтому она проявила себя односторонне. Случилось невероятное: тираж популярных литературно-художественных журналов перевалил за миллион экземпляров. Страна бросилась навёрстывать упущенное, читать то, что было ей недоступно в прежние годы: произведения 20–30-х гг., сочинения старых и новых эмигрантов, публицистические статьи, но особенно политические версии, которые подавались в самых разных вариантах и интерпретациях, причём достаточно произвольных, среди которых особую роль стали играть антисоветские мотивы.

Изобретение этих новых рецептов стало сосредотачиваться не только на внутренних экономических, но и на внешнеполитических проблемах. В 1987 г. была сформулирована концепция нового политического мышления во внешней политике: мир признавался целостным и неделимым, общечеловеческие ценности ставились выше классовых и национальных, универсальным способом решения международных проблем признавался баланс интересов. На этой основе успешно развивались отношения со странами Запада, был осуществлены такие непродуманные односторонние акции, как роспуск Варшавского договора в ответ на обещание (!) распустить НАТО, как закрытие Совета экономической взаимопомощи стран социалистического содружества, как согласие на объединение Германии и даже такой сомнительный шаг, как ликвидация ракет средней дальности.

Эти акции были с огромным удовлетворением восприняты бывшими политическими противниками – при падающем внутри страны авторитете Горбачёва, как инициатора перестройки, в западных странах по-прежнему высоко оценивалась его деятельность, хотя достаточно своеобразно – его основной заслугой признаётся не любимое им «новое мышление», не гласность и свобода передвижения, а тот факт, что он разрушил СССР, за что и был удостоен Нобелевской премии.

Стоит напомнить, что провозглашённые призывы: «ускорение», «свежий ветер перемен» – оказались фантазией, так как не были предложены и выработаны реальные меры и способы решения социально-экономических проблем. К этому добавилась борьба с «механизмами торможения» (?), новое мышление и другие изобретения без реального содержания. Начало складываться устойчивое разочарование: население увидело, что «политика Горбачёва не эффективнее той, что реализовывали Брежнев и Черненко» (Из доклада ЦРУ Цит. по: [Киян, 2017]).

Одновременно гласность (без ответственности) превратилась в расправу над сталинизмом, затем критику «командно-административной системы» и партократии, переоценку и демагогическое отрицание советской истории и всех её опорных событий – коллективизации, индустриализации, пятилеток, освоения целины и Сибири, идей интернационализма и дружбы народов и т. д.

Затем, в 1989–1991 гг., были осуществлены шаги по устранению КПСС от управления государством, попытки передать все полномочия Советам (по опыту Советской России в 1920-е годы), а также меры по превращению СССР в некоторое аморфное образование на основе нового Союзного договора в ответ на требования окрепших национально-политических групп, рвущихся к самостоятельной власти. В этой связи уместно привести слова академика Р. Нигматулина: «КПСС… не была партией европейского типа для борьбы на парламентских и президентских выборах. Она объединяла (точнее должна была объединять) наиболее активных граждан страны. Через неё реализовывалась гораздо большая демократия хотя бы в коллективах предприятий, чем сейчас в условиях дутой «многопартийности».

Все эти официальные акции шли в вопиющем противоречии с положениями классического общественного договора: все они принимались без малейшего (но декларируемого) участия народа или представляющих его различных общественных организаций, а также научных экспертных групп. Эти решения обычно готовились группой официальных советников и консультантов ЦК КПСС с участием произвольно приглашаемых ими лиц. А затем эти решения выдавались за верх мудрости и совершенства, а затем утверждались на уровне руководства страны. Не было реальных попыток вынести на всенародное обсуждение, на референдум, на сопоставление выводов и предложений различных конкурирующих на научном и политическом поприще групп.

Эту позицию игнорирования коллективного обсуждения задавал лично Горбачёв. Можно утверждать, что несмотря на громкие слова о народе, Горбачёв не верил в народ, не доверял ему и его праву на оценку вариантов развития страны. Показателем этого являются его действия при выборе президента СССР: сначала отказ осуществить эти выборы путём всенародного голосования, а потом при переносе этой процедуры на съезд народных депутатов СССР он сделал всё, чтобы были отстранены все другие кандидатуры, и он остался единственным претендентом на этот пост.

Таким образом, государство в лице его политической власти не осознало смыслы происходящих кардинальных изменений и поэтому имитировало деятельность, далёкую от реальных потребностей развития общества. Более того, нарастало непонимание большинством народа осуществляемых официальных решений, которые не только не отвечали интересам людей, но и подтачивали фундаментальные основы общественного договора – доверие и репутацию правящих групп страны.

Позиция народа: от одобрения до разочарования

О том, что поступь истории определяет народ, свидетельствует реально сложившееся отношение и участие советского народа в перестройке. И это я продемонстрирую не на некоторых общих утверждениях, а на данных всесоюзных социологических исследований, которые проводились в годы перестройки коллективом социологов в Центре социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС. В эти годы были осуществлены исследования экономического, политического, нравственного и исторического сознания (в том числе в режиме мониторинга), которые наглядно вскрывали социальные настроения населения, начиная с пер-

вых шагов по реализации провозглашённых преобразований. Эти исследования осуществлялись согласно выборке, основанной на статистических данных о социальной структуре общества. Именно на их основе была вскрыта и видна вся сложность отношения советских людей к происходящим событиям в жизни страны.

Уже первое исследование (апрель 1986 г., 4075 человек, 934 эксперта, 11 регионов) показали, что политику перестройки советские люди в своём большинстве приветствовали, выражали надежду на успешность изменений. Данные исследований говорили об энтузиазме, который был порождён перестройкой: 67,5% постоянно (и ещё 28,7% иногда) обсуждали с товарищами по работе или в кругу близких происходящие в стране процессы. Интерес к программе перестройки был велик: информацию о ней 84,2% черпали из телепередач и 77,3% – из центральных газет.

Иначе говоря, советские люди искренне с большим духовным подъёмом, с обнадёживающим настроением включились в обновление общественного договора. В исследовании 1987 г. 45% людей признались, что они постоянно и с интересом следили за публикациями о ходе перестройки. 32,2% из них отметили такие сдвиги, как гласность, 27,7% позитивно отозвались о такой осуществляемой мере, как выборность руководителя. Эта атмосфера даже походила на эйфорию, породила желание многих людей активнее участвовать в намечаемых преобразованиях. Среди достижений первых лет перестройки 51,4% назвали возможность высказывать своё мнение, 41,4% – голосовать на выборах за своего кандидата, 35,6% – критически высказывать своё мнение о любых процессах в обществе. Очень важно отметить, что словесное одобрение принятых мер проявилось в оценке своей деятельности: 42,5% сказали, что они получили возможность реализовать себя, 37,1% выступили с предложениями и крити-

ческими замечаниями по совершенствованию жизни и работы в своих организациях, в своём поселении, в стране. При этом, 37,5% считали, что они стали больше реализовывать свои способности на работе, а 65,8% сказали, что могли бы трудиться с ещё с большей отдачей при улучшении условий и организации труда [Перестройка… 1987: 30, 32–35, 42–45].

Но уже в исследовании 1988 г. (2741 опрошенных, 668 руководителей производства), когда появилась возможность оценивать первые результаты перестройки, число позитивно оценивающих изменения в экономической и производственной жизни уменьшилось в полтора-два раза. Такое мнение высказали и коллеги: «уже к концу 1987 г. перестройка приобрела явно антинациональные черты» [Бызов, 2015]. Именно в этот период появилась официальная формулировка «ускорение социально-экономического развития». Но её постоянное и даже обострённое обсуждение «наверху» – как это сделать – никак не сказывалось на том, что творится в низовых производственных организациях. Иногда люди прямо (в других случаях косвенно) заявляли (озвучивали) такую оценку: «наверху шумят, а у нас тишина», добавляя, так бывает в лесу: «наверху – шум от прилетевшего ветра, а внизу – никаких изменений», т. е. люди фиксировали реальность, которая критически их настраивала, держала в состоянии неопределённости и даже созревающего разочарования.

На вопрос «Началась ли в Вашем коллективе активная работа, направленная на интенсификацию производства?», если в 1986 г. об этом сказали 27%, то в 1988 г. – только 9%. Аналогичная пессимистическая оценка получена при оценке организации труда (о том, что они улучшились, заявили соответственно 29 и 19%), условий труда – 21 и 13%, дисциплины труда –88 и 54% соответственно [Политическое сознание... 1988: 23]. Примерно в такой же пропорции прозвучали и ответы руководителей производства.

По мере дальнейшего продвижения перестройки происходило постоянное увеличение негативных и отрицательных оценок о её ходе, в то время как наверху лихорадочно искали, предлагали и даже внедряли отдельные положения вместо того, чтобы осуществлять кардинальные и неотложные меры по перестройке экономических отношений в рамках социалистической парадигмы, чему прорабы перестройки сопротивлялись до последнего.

И чем дольше шла перестройка, тем больше в сознании людей созревало отчуждение от того, что делалось в стране. Тем более, что в решениях при всех благостных намерениях царила сумятица и непоследовательность. 26 июня 1987 г. на пленуме ЦК КПСС были провозглашены уже не отдельные акции, как в предшествующие годы, а курс на всеохватывающие реформы, по сути олицетворяющие намерения партийной и советской верхушки, а не на конкретные меры по их реализации. Чётко проявил себя только один показатель – начался огромный рост внешнего долга СССР, который к 1991 г. достиг почти 100 млрд долларов по сравнению с 21 млрд, с которым страна вошла в перестройку.

В исследовании 1989 г. хозяевами своего предприятия уже считали себя только 7% (в 1986 г. – 28%, в 1988 г. – 11%). И эта оценка была не удивительна: по мнению работников и специалистов, бесхозяйственность выросла с 26% в 1986 г. до 42% в 1989 г. Одновременно происходило и изменение оценок других показателей в работе на производстве: если об улучшении организации труда говорили в 1986 г. 44% опрошенных, в 1988 г. – 28%, то в 1989 г. – 20%, а в отношении условий труда – соответственно 30%, 22% и 17% [Экономическое сознание... 1989: 42, 44].

На наш взгляд, такая ситуация на производстве была следствием и результатом лихорадочных решений по поиску выхода из складывающейся негативной ситуации в экономи-

ке страны и начавших ухудшаться показателей развития ведущих отраслей народного хозяйства. Такие законодательные инициативы без участия народа, как антиалкогольная компания, закон о кооперации, индивидуальное предпринимательство и т. п. – акты при всей их внешней привлекательности – обернулись крупнейшими потерями из-за ошибочных решений, непродуманности и слабой аргументированности и, главное, оторванности от реальной жизни, игнорирования и незнания требований как происходящей научно-технологической и информационной революции, так и потребностей народа.

И этот конфликт интересов народа и официальной политики с каждым годом всё возрастал. Уже в 1990 г. об ошибочности экономической политики заявили 62% людей и столько же – 61% – об очень плохой экономической обстановке. Именно в этот период остро встал вопрос о дефиците товаров: о трудностях с приобретением продовольственных товаров заявили 70%, промышленных товаров – 82%, с получением бытовых услуг – 54% [Человек и экономика... 1990: 61, 62, 68, 74]. Более того, обозначились и стали ощущаться такие болезненные проявления, как существование мафиозных групп и личностей – об этом сказали 46% (!) опрошенных. Но главное, что люди к 1990 г. в своих ожиданиях потеряли надежду на перспективу: положительно оценили возможность в ближайшие 1–2 года добиться улучшения экономики выразили только 2%, в то время как 53% отвергли такую вероятную перспективу. А если к этому добавить 36% воздержавшихся от оценки, то можно сказать, что уже в 1990 г. отчётливо обозначился крах перестройки. И что важно, это исходило от народа, а не от некоторых публичных акторов, которые нередко руководствовались личными, эгоистическими соображениями, а не ориентацией на общественное благо.

Последний всплеск надежд на понимание своей роли в общественном договоре породил март 1990 года, когда людей спросили об их отношении к рынку. Был выражен позитивный настрой: 43% советских людей считали, что рынок повысит ценность умелого труда (в 1989 г. так считали 26%), 39% надеялись на конкуренцию, от которой выиграют потребители. И в то же время общественное настроение продолжало ухудшаться: 46% согласились с тем, что происходит развал управления народным хозяйством, 48% беспокоил рост цен. Появились и возросли новые тревоги, которые не отмечались в прошлом: почти каждый второй (или 44%) выразили опасение потерять работу из-за происходящих пертурбаций на производстве. Но апофеозом стала оценка осуществляемой экономической политики – 41% признали её неправильной и ещё 31% – скорее неправильной, чем правильной. Иначе говоря, народ к 1991 г. разочаровался в проводимых мерах по перестройке экономики и фактически отвернулся от неё. Это проявилось и в том, что 51% на вопрос «Кто, по Вашему мнению, может защитить “простого” человека в настоящее время?» ответили «Никто» [Человек и рынок… 1990: 15, 17].

Именно рост недовольства народа породил и первые акции открытого протеста, которые особенно ярко проявились в крупных шахтёрских забастовках, потрясших угольные регионы СССР весной 1991 года. Они носили ярко выраженный политический характер – повсеместно проходили под призывом отправить в отставку всё союзное руководство. Но шахтёры, при всей их многочисленности, не ставили своей целью создание политической партии и не сумели выдвинуть из своей среды соответствующих лидеров. Важная особенность этих массовых акций заключалась в том, что они из способа выражения стихийного недовольства всё больше трансформировались в движения по поддержке тех или иных конкретных политических сил и лозунгов.

Почему сложилась такая ситуация? Потому что задумки и дела Горбачёва и прорабов перестройки никак не соотносились и плохо коррелировали с тем, *как и чем* жил и продолжает жить народ. Народ все эти годы по сути был в стороне от «бури в стакане», от внешне производящих впечатление дискуссий неких «экспертных» групп, стремящихся доказать, что их суждения в самом деле имеют отношения к реальной жизни. Инициаторы перестройки не обратились к тому, что есть в действительности, предпочтя строить свои рассуждения на личном восприятии происходящих событий. Именно поэтому перестройку можно назвать, не нагнетая излишних страстей, несостоявшейся политикой, которая своим порокам обязана вопиющему противоречию между провозглашёнными (прекрасными!) целями и средствами (ошибочными, не научными и даже примитивными) их реализации. И, пожалуй, *самый главный вывод – народ всегда надо слушать и слышать,* даже в тех ситуациях, когда он по тем или иным причинам заблуждается, предпочитает иные цели и результаты. Только на этом принципе можно и нужно строить государственную политику. Поразительно, но факт, что Горбачёв в беседе с французским историком Лилли Марку главной причиной сбоев в реализации перестройки назвал недостаточный (?! – Ж. Т.) уровень общественного сознания и, мол, поэтому низовые социальные слои практически оказались скорее тормозом, чем двигателем нацеленных на демократическое обновление реформ и преобразований [Горбачев, 2012]. Так вот, оказывается, народ виноват, а не сам лидер и его окружение, и не те силы, действия которых были направлены на разрушение советского государства и советского общества. По версии Горбачёва, главное препятствие для перестроечных преобразований и демократических действий создали сами массы, попросту, большинство населения страны. Он даже попрекает людей, что во встречах с ним

простые граждане не проявляли существенного интереса ни к демократии, ни к свободе личности, ни к правам человека. А мол, речь почти всегда шла о зарплате, налогах, ценах, жилье, приусадебных участках, товарном дефиците, а не о принципиально важных для него идеях «нового мышления». Его возмущал факт, что общественный интерес сводился к простому вопросу: что конкретно дадут или не дадут реформы для удовлетворения насущных потребностей и нужд [Горбачев, 2012: 422–425]. Кстати об этом сокрушался и главный прораб перестройки А. Яковлев, секретарь и член Политбюро ЦК КПСС. Вот как отзывался он о своих односельчанах, когда задумал «осчастливить» их и побывать на своей родине и побеседовать с мужиками. Вот его описание встречи с земляками в далёкой ярославской деревне. «Я им про свободу, про демократию. Они так скучно слушают, а потом говорят: «Вот, Александр Николаевич, провода оборвались, электричества нету … Мост сломался». И невдомёк высокому гостю, что людям нужны не разговоры о демократии, а реальные дела, реальная помощь. Вместо этого, он делает вывод: «Обездоленному, нищему, а нищий значит раб, свобода не нужна. Зачем она ему?» [Цит. по: Яковенко, 2003].

Всё это позволяет сделать вывод, что официальные заявления об учёте интересов народа были просто демагогией. Из всего потока информации, поступавшей высшему звену и лично Горбачёву, отбиралось то, что было связано с положительной оценкой их действий, одобрением и выражением признательности. Недаром, когда в 1990–1991 гг. социологи начали давать цифры о падении его авторитета, о резком снижении доверия к политике перестройки и ему лично, он не нашёл ничего лучшего, чем обвинить социологов в предвзятости, искажении действительности и даже работе на тех, кто выступает заказчиком поиска всяких пороков в его руководстве. В то же время он не скупился противопоставить «со-

циализм гуманный и демократический» сталинской «командно-террористической» и «тоталитарной» системе [Горбачев, 2012: 410, 438, 514–519].

Позиция интеллигенции: поддержка, сомнение, противостояние

Не ошибусь, если буду утверждать, что среди различных социальных общностей наибольшую активность по отношению к политике перестройки проявила интеллигенция. Но эту активность и её направленность можно характеризовать по-разному, потому что именно в период перестройки она стала терять свой гомогенный характер и превращаться в немалое количество групп с самыми различными мировоззренческими установками и ориентациями. Исторический экзамен для интеллигенции состоял в том, как она включилась в обновление общественного договора, насколько она была намерена строить своё будущее и будущее страны в (не)согласии с официальной политикой.

Прежде всего отметим, что практически вся интеллигенция с большим энтузиазмом и не менее с искренней верой в возможность обновления встретила провозглашённые цели перестройки. Многие были опьянены прекрасными иллюзиями, и затем все последующие годы для себя и окружающих объясняли и оправдывали каждую акцию политической власти необходимостью принять именно такое решение. Они искренне старались понять смысл происходящих изменений и экспериментов новой власти. Даже если высказывалась критика, то её авторы и инициаторы в первые годы перестройки занимали позицию в основном корректировки постановлений правительства и указаний партии. Даже после первых тревожных звонков в 1987–1988 годах многие из них продолжали следовать своей тактике поддержки политики перестройки, не

сомневаясь, что её недостатки и ошибки можно исправить.

Но во время крупных просчётов, допущенных уже к 1987 г., у части интеллигенции стали формироваться запросы на идеи и предложения, по-иному предполагающие осуществление перестройки. Эти новые запросы стали удовлетворяться посредством СМИ, влияние которых резко возросло в связи с публикацией самых разных вариантов по решению тех или иных проблем. Наряду с этим возрос интерес к публичным мероприятиям – митингам, манифестациям, на которых высказывались обвинения и критические высказывания по поводу действий государственной и партийной власти. Эти мероприятия получили широкое распространение, поддержку и желание содействовать предлагаемым мерам.

В результате стала осуществляться массовая мобилизация сил, прямо или косвенно оппонирующих власти, что выразилось в появлении групп, которые предлагали, не отказываясь от общей ориентации на продолжение существующего пути развития, свои варианты решения возникших тех или иных общественных проблем. Эти группы заявили о себе в 1987–1988 гг., когда явно обнаружились существенные прорехи в социально-экономическом развитии страны. Эти инициативные группы, среди которых особое значение приобрели различные молодёжные объединения и организации, в большинстве своём предлагали свои меры по решению возникших общественных проблем. В большинстве случаев это были искренние попытки предложить свой ум, свои творческие наработки для решения или корректировки официальной политики [Левичева, 1989].

Пользуясь тем, что советское общество превращалось в страну со свободой и демократией, но без порядка, начали консолидироваться представители тех групп интеллигенции, которые – кто по оправдывающим причинам (преследуемые, диссидентствующие, осуждённые по политической статье),

а кто просто по карьерным соображениям – стали формировать разнообразные неформальные организации и объединения, в том числе антисоветского и антисоциалистического толка. Назову некоторые из них: «Демократия и гуманизм» (В. Новодворская, Е. Дебрянская, И. Царьков, Д. Стариков), «Доверие» (Е. Подольцева, А. Лащивер), «Перестройка-88» (Ю. Скубко, В. Кузин), «Младомарксистское общество» (А. Элиович, А. Грязнов) и другие экзотические движения и объединения со своими лидерами, такими как Л. Убожко, А. Деревянкин, В. Терехов, А. Лукашёв.

Затем последовала попытка создания партий. Одним из первых новых порождений стал «Демократический Союз», основанный 8 мая 1988 г. группой диссидентов и правозащитников. Его лидер В. Новодворская проповедовала своё понимание происходящего: «соучастие в перестройке – это союз с тюремщиком за благоустройство тюрьмы». Именно в программе этой партии была чётко сформулирована цель не только перехватить власть у КПСС, но и покончить с социализмом как таковым. Они пытались доказывать всем, что советская система не реформируема, что она должна быть сметена. Вот ещё слова Новодворской: «Надо на весь голос сказать правду и назвать палачей палачами, а коммунизм – опасным бредом. И тогда народ воспрянет, скинет ярмо и сам выберет свой путь». Этому Союзу, как и некоторым подобным образованиям, удалось даже создать свои ячейки в 54 городах страны. Но история рассудила и оценила такие намерения – сначала их назвали «демшизой», а потом они полностью исчезли, подобно фантому, с исторической арены [Цит. по: Рыбаков, 2018].

Впоследствии появились и другие партии, среди которых заметную роль сыграла будущая Либерально-демократическая партия, во главе которой сначала стоял В. Богачёв, а затем В. Жириновский. Были также осуществлены попыт-

ки создания различных вариантов социал-демократических группировок, а также объединений религиозного, клерикального толка (главным образом христианских, мусульманских). В эти годы начали формироваться националистические организации, в том числе и радикальные, которые стали готовить общественное мнение своих народов к различным вариантам ползучего суверенитета. Именно из этих сначала робких попыток впоследствии выросли Народные фронты в виде украинского Руха, белорусского «Возрождения», литовского «Саюдиса», грузинского народного фронта и т. д., сыгравших немалую роль в развале Советского Союза.

В принципе все эти течения в той или иной мере реализовывали суждение гитлеровского полководца Э. Манштейна: разгромить Советский Союз можно «только в том случае, если бы удалось параллельно подорвать советскую систему изнутри» [Манштейн, 2012].

Что касается научной интеллигенции, то её позиция была выражена в том, что её идеи и действия были в основном облечены в теоретико-рекомендательные программы, в действенности которых представители её различных групп надеялись убедить принимающих решения.

Сначала выделим ту часть, которая ратовала за обновление идей социализма и практики их воплощения посредством осуществления реформ и изменений социально-экономических, а затем и политических основ советского строя. Однако среди них – сторонников обновлённого социализма – не было единства, и они по-разному представляли осуществление преобразований. Так, группа экономистов (академик Л. И. Абалкин и др.) обосновывала идеи постепенного разворота экономики к рыночным отношениям, терпеливой, но целенаправленной политики переналадки хозяйственного механизма на базе взвешенного определения направлений и приоритетов в научно-технологическом развитии. Ещё

одна группа хотела тех же преобразований, но ускоренным образом, что нашло отражение в программе Г. Явлинского «500 дней», хотя это было пусть и искреннее, но несбыточное желание быстро и оперативно решить колоссальный пласт проблем в такой огромной стране.

Исходная позиция всех этих социалистически ориентированных экономических течений была сформулирована ими следующим образом. «Объективных причин для развала экономики, падения производительности труда и уровня жизни населения в нашей стране не было и нет. Кризисное положение является прямым следствием несостоятельности экономической политики, укоренившейся в период «перестройки» [Экономическая платформа… 1992].

Во-вторых, постепенно набирали вес и влияние те, кто сосредоточил внимание на том, чтобы перестройка привела к завершающему этапу краха советской экономики, заняв негативную позицию в основном к экономическим проблемам развития. Эта группа интеллигенции, называющая себя демократами, а впоследствии сформировавшая российских неолибералов, доказывала необходимость быстрейшего внедрения капиталистической рыночной экономики в самых её беспощадных по отношению к населению формах эксплуатации. Такие апологеты подобного вида реформ, как А. Троицкий, А. Стрелянный, Л. Пияшева, М. Пинскер, настаивали на освобождении цен, на представлении свобод спекулятивным группам, на неотложном введении частной собственности и оправдании безработицы как одного из средств решения экономических проблем [Роберт, 1992].

Но наиболее яркими поборниками ликвидации социалистической экономики выступала группа А. Чубайса и примкнувшего к ним Е. Гайдара. Будучи беспрекословными апологетами чикагской школы монетаризма – крайне правой теории рыночных отношений, они, считая себя вершителями судеб новой России,

были беспредельщиками по отношению к своей стране, откровенно ненавидели идеи коммунизма и социализма. В своё время именно А. Чубайс открыто заявлял, что забьёт «последний гвоздь в крышку гроба коммунизма». Другие апологеты, не ограничиваясь критикой советской экономики, изображали советских людей слепыми исполнителями чужой воли, порабощёнными партократией, как винтиков тоталитарного строя, как безответственных и бесправных существ [Гайдар, 2022]. Особо отметим, что даже ярый защитник перестройки и позиции Горбачёва А. Ципко охарактеризовал эти писания как «навязывание безумных идей», носящих «разрушительный характер» и «вообще много вздора» [Ципко, 2020]. Ещё более точно назвал эту позицию литовский социолог А. Матулионис: «Всё прошлое было освящено советской идеологией», поэтому его надо зачеркнуть, забыть и выбросить на свалку истории [Погосян, 2020]. И конечно, в этих суждениях не было места советскому человеку.

В-третьих, сложилась специфическая группа реформистов, которые сосредоточили своё внимание на отвержении и опровержении основ советского строя наряду с покинувшими родину или сбежавшими за рубеж иммигрантами. Ничего светлого и созидательного в жизни советской страны эти персоны не видели, а советских людей изображали рабами, невольниками, не имеющими никаких прав и свобод, которыми наслаждались люди на Западе.

Напомним, как эволюционировал этот проект по дискредитации советского строя. Сначала был поднят такой болезненный вопрос, как оценка личности Сталина. По нему били сначала авторитетом Ленина. Затем началось наступление и «разоблачение» идей и деятельности Ленина с позиций «истинного» марксизма. И апофеозом этого стала дискредитация марксизма, а затем всего советского, начиная с 1917 г., к чему приложили руку такие персоны этого времени, как А. Яковлев и Д. Волкогонов [Тощенко, 2015].

Важно отметить и изощрённые вымыслы как у Е. Гайдара, утверждавшего в своей монографии «Гибель империи», что СССР изобретал «Гиперболоид инженера Гарина».

В-четвёртых, назовём и такую группу (в основном из окружения Горбачёва), которая дальнейшие пути развития свела, по меткому замечанию Ю. Левады, к тому, чтобы угодить начальству. Именно к ним относится рождение слов-компаний, слов-мероприятий: ускорение, обновление, отрезвление. А уже потом покатились обещания – попытки-уловки: демократизация, гласность, свобода, новое мышление и пр. Они сумели убедить руководство страны и лично Горбачёва, что этими словами-изобретениями можно руководить страной и убеждать народ, что, мол, путь избран правильный, надо его продолжать, а некоторые недостатки не надо преувеличивать, а просто их исправлять. «Политике авантюр и провалов пытались придать видимость планомерного созидания, а власть имущим – ореол мудрых зодчих; кто тут оказался «стройматериалом, и пояснять не нужно» [Левада, 1991].

Иначе говоря, Горбачёв и его ближайшее окружение, желая и стремясь осуществить преобразования, не представляли, *как и что* надо делать, шарахаясь от одной идеи к другой, от одних изобретённых предложений к другим. Из этих рассуждений было понятно только хотение (причём, возможно, искреннее), но абсолютно или плохо связанное с пониманием происходящего в стране и представлением о будущем. По отношению к советским людям они декларировали позицию, что им надо понять, как вникнуть и поддержать их слова-изобретения, и искренне не понимали, почему народ ставит их под сомнение и даже отвергает их.

И наконец, среди интеллигенции немалую группу составляли люди с догматическим стилем мышления. Они не хотели и не могли видеть происходящие изменения в стране и в мире и поэтому настаивали на сохранении тех методов и

способов экономической и политической деятельности, которые положительно зарекомендовали себя в прошлом.

В этой классификации интеллигенции по мировоззренческим позициям нужно выделить особые точки зрения, которые представлены диссидентами. Большинство из них ратовало за изменения, которые были связаны не только с экономикой, но и с советским человеком, к которому они относились с глубоким уважением и на которого возлагали все свои надежды. Олицетворением этой позиции стала деятельность известного философа, логика А. А. Зиновьева. Он искренне считал, что его нелицеприятная критика советского строя, советских порядков направлена на устранения ошибок, пороков и бюрократии во имя идеалов социализма. Но в то же время он ближе всех оценил сущность осуществляемых Горбачёвым и прорабами перестройки, его самыми близкими соратниками – Яковлевым, Шеварднадзе – изменений, которые деформировали социалистические отношения в стране и привели к власти либеральные силы. Зиновьев сделал проницательный вывод: реформы перестройки обеспечили появление, распространение и внедрение лжерыночной, теневой экономики, постепенно замещая социалистическую, государственную экономику. Именно теневая экономика создала базу, на основе которой начали складываться самые дикие первобытные формы капитализма периода первоначального накопления и, соответственно, его социальные издержки – коррупция, рейдерство, казнокрадство и хищения. А это не могло не породить оживление находящихся под правовым прессом подпольных биржевиков и появление различных форм обогащения, в том числе и в виде бандитизма и самого разного калибра организованной преступности [Зиновьев, 2012, 2021].

Обзор имеющихся точек зрения, позволяет сделать вывод, что интеллигенция непоследовательно и противоречиво

принимала участие в функционировании общественного договора. Большинство из них выступало за его модернизацию, хотя появилось немалое число тех, которые его хотели демонтировать.

Позиция коммунистов: что привело к их дезорганизации и поражению?

При анализе проблем перестройки и краха СССР нередко кто с издёвкой, кто со злорадством укоряет коммунистов, почему они пассивно отнеслись к происходящим процессам?

А как было на самом деле? Реальность состояла в том, что многие коммунисты проявляли гражданскую и партийную активность достаточно настойчиво. Как утверждает М. Полторанин, бывший Министром печати РСФСР и на этом этапе ярый сторонник Б. Ельцина, «перестройка всего за несколько лет действительно обернулась катастройкой! Экономика рухнула. Людям нечего было есть, носить, обувать. Ни мыла, ни полотенец, постелей, носков. На складах всё это лежало, но в магазины почему-то не попало». Видели ли это коммунисты? Полторанин утверждает, что «возглавляя комиссию по рассекречиванию документов КПСС, я насчитал более десяти тысяч грозных телеграмм о недоверии Политбюро ЦК КПСС и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с требованием срочного созыва съезда КПСС [Полторанин, 2016]. Таким образом, партия, коммунисты, представляя народ, готовы были сражаться за правильный, не искажённый социалистический путь, вступили на путь борьбы, но борьбы своеобразной – писать письма, как и довелось ранее царю-батюшке, а теперь главе КПСС.

То, что общественный договор покрылся трещинами, показывали социально-экономическое состояние и всё возрастающая потеря политического доверия к руководству страны. Они убедительно свидетельствовали, что наступает не

только крах перестройки, но даже возможный крах страны в условиях нарастающего отказа населения поддерживать провозглашённые идеи, которые были так привлекательны в начале попыток их осуществления. Показательно в этом отношении появление «Обращения» коммуниста, доктора химических наук профессора Ленинградского технологического института Н. А. Андреевой «Не могу поступиться принципами». Опубликованное в газете «Советская Россия» от имени интеллигенции, оно ставило под сомнение избранный курс на методы перестройки, которая, по мнению автора, вышла из под контроля и стала реализовываться хаотично, непоследовательно, не учитывая опыт прошлого. Этот документ послужил основой для раскола в Политбюро ЦК КПСС, которого формально удалось избежать в результате позиции М. Горбачёва, поддержавшего критику этого обращения А. Яковлевым, и не поддержавшего мнение другого секретаря ЦК КПСС Е. Лигачева, выступавшего в поддержку такой позиции. В результате Политбюро осудило эту статью и фактически отвергло сомнения и критику тех, кто видел (как и весь народ) несовершенство проводимой политики [В Политбюро ЦК КПСС… 2008]. Можно предположить, что окрик с самого верха как раз и попрал декларируемую гласность, которая стала трактоваться достаточно односторонне. Кстати, осуждающее решение учитывало расклад сил только наверху, не обращая внимание на то, что думал и как судил народ и многие коммунисты о перестроечных процессах. Конечно, обращение Н. Андреевой содержало не только убедительные, но и спорные положения. И то и другое нужно было обсудить, сделать предметом дискуссий, послушать разные мнения и на этой основе делать выводы. А так как было принято предложение А. Яковлева – осудить и заклеймить автора – это сковало многих критически мыслящих советских людей. Отметим, что автор этого разгрома и публичного

шельмования обращения Андреевой А. Яковлев достаточно быстро обнаружил, что он, оказывается, всегда был противником марксизма, всей советской власти и власти КПСС, хотя во время обсуждения он ещё оперировал словами в защиту социализма [Гутионтов, 2020]. Поэтому данный факт можно считать одним из ярких показателей нарушения и даже разрыва общественного договора с народом, с позицией многих коммунистов как авангардной части народа, оценивающих ход перестройки совсем по-другому, чем те, кто стоял во главе КПСС и советского государства.

То, что коммунисты не были пассивными участниками перестройки, и, более того, улавливали необходимость перемен, говорит такой впечатляющий факт: в 1990 г. на вопрос, надо ли переходить к рыночным отношениям, среди населения о позитивном к ним отношении заявили 28% населения, в то время как эту идею поддержали 44% коммунистов. Получается, что рядовые коммунисты, (а это тот же народ – их было более 18 млн) были более продвинуты в профессиональном и гражданском отношении (я оставляю за скобками имевшихся в КПСС карьеристов), более реально представляли и оценивали назревшие потребности времени.

В разрыве взаимодействия власти с народом и с большинством коммунистов огромную роль сыграло расстройство, а лучше сказать, демонтаж сложившейся структуры управления. Первым ударом по ней стало постепенное устранение профессионалов из ключевых звеньев управления государством. По инициативе и воле Горбачёва начался разгром партийного руководства страны. По его настоянию прекратили своё пребывания в составе ЦК КПСС почти 40% его членов, и более 50% первых секретарей обкомов, крайкомов КПСС были освобождены от своих постов. В результате этой акции началась дезорганизация управления, ибо эти люди имели огромный опыт руководства. Их отстранение привело к

мало предсказуемым последствиям. На их место и на ключевые посты ставили людей, которые не имели или имели слабые навыки в решении поставленных перед ними задач, и которые потом допустили огромные просчёты и ошибки в ведомом ими секторе действий. Наиболее яркий пример – освобождение многоопытного А. Громыко от руководства Министерством иностранных дел и вместо рекомендуемых им на выбор опытных дипломатов Корниенко, Добрынина, Воронцова Горбачёв главой МИД назначил Э. Шеварднадзе, имевшего специфическую практику руководства Министерством внутренних дел Грузии и потом первого секретаря ЦК Компартии Грузии и абсолютно не имевшего никакого опыта в международных делах.

До сих пор нет ответа на вопрос, почему в реформировании страны Горбачёв опирался на Яковлева (вся жизнь которого была подчинена работе в партийном аппарате сначала в Ярославской области, а потом в ЦК КПСС с перерывами на стажировку в Колумбийском университете в США и «ссылку» на должность посла в Канаде), на Шеварднадзе (имевшего за плечами судьбу типичного партийного карьериста да ещё со специфическим прошлым) вместо имеющих богатейший опыт руководства огромнейшими предприятиями: Н. И. Рыжков (Уралмаш), В. И. Долгих (Норильский комбинат), О. И. Шеина (руководство строительными комплексами в Красноярском крае), О. Д. Бакланов (предприятия военно-промышленного комплекса), В. А. Стародубцев (передовые сельскохозяйственные предприятия в Тульской области) и др. Почему опыт руководителей производства, добившихся выдающихся успехов в экономике, в организации производства, оказался не востребованными, а предпочтения были отданы малокомпетентным людям, часть которых очень скоро проявило свою антисоветскую и даже антирусскую сущность?

Основным пороком и просчётом, приведшим к распаду СССР, как считает Р. С. Гринберг, стало отстранение КПСС от управления страной, которая была реальным субъектом осуществления решений, координации и контроля во всех сферах общества [Гринберг, 2011]. Конечно, такая концентрация власти являлась весьма уязвимым звеном в действительном осуществлении управленческих функций, и эту ситуацию надо было исправлять. Но Горбачёв занялся поспешным демонтажем ранее сложившейся системы власти: перестал собираться Секретариат ЦК КПСС, замедлилась работа Политбюро, под флагом возвращения к ленинским заветам начали осуществляться попытки передать функции партийных органов Советам. Но фактически это перемещение власти вылилось в то, что I Всесоюзный съезд народных депутатов превратился в политическое шоу под флагом гласности, сдобренной демагогией, фальсификацией и нападками на всё советское наследие. К этому времени страна впала в нерегулируемое и бесконтрольное развитие. Предлагаемые и принимаемые законы были хаотичны, не продуманы, нацелены на внешнюю эффективность. Отсутствие законодательных норм и правил функционирования как государственных, так социально-экономических, политических и национальных отношений, развал правового пространства – всё это породило политические провокации, межнациональные распри, вал криминала и коррупции, расцвет теневых практик, нигилистическое отношение ко всему советскому. Демагогические заверения Горбачёва, что он советуется с народом, никак не подтверждалось реальной практикой: он отверг предложение, чтобы народ на всесоюзном голосовании избирал президента страны, предпочтя избираться на Внеочередном III Съезде народных депутатов. Кстати, и на нём он получил только 50,2% голосов (1329 депутатов), когда против него выступили не только радикалы различного толка, но и многие коммунисты, посчитавшие его политику провальной, потребовав его смены [Замостьянов, 2015].

Одновременно начался распад и самой КПСС. Если в 1989 г. ряды КПСС покинуло 140 тыс. человек, то в 1990 году – 2,7 млн человек. Из КПСС вышла большая часть состава компартий Литвы, Латвии и Эстонии, организовав самостоятельные партии социал-демократической ориентации. Компартии Грузии, Армении, Молдовы фактически прекратили своё существование.

Вышедшие из КПСС совместно с другими активистами политической жизни создали и другие специфические ориентации. Так, анархистское направление нашло отражение в деятельности «Конференции анархо-синдикалистов» и «Анархо-коммунистического революционного союза».

Оценку этой вакханалии люди дали 30 лет спустя. По данным ВЦИОМ, 56% убеждены, что перестройка «была нужна, но проводилась неумно и неумело и принесла больше вреда, чем пользы», в то же время только 14% респондентов считали, что «это был необходимый и в целом верный шаг».

Всё это позволяет сделать вывод, что коммунисты вместе с народом боролись за осуществление подлинно демократических перемен. Но так как партия практически перестала функционировать, то на передний край борьбы стали выдвигаться группы, которые не оставляли своих усилий на коррекцию и исправление сложившейся ситуации. Последним таким актом было обращение к народу к общественности в июле 1991 г. группы коммунистов (среди них был и будущий председатель КПРФ Г. Зюганов) о том, что страна находится в опасности, что она идёт к катастрофе, если ей не противостоять общими усилиями.

Таким образом, к 1991 г. КПСС существовала формально, так как находилась в дезорганизованном состоянии. По данным наших исследований, в частности «Коммунисты и власть», в её составе чётко обозначились несколько групп:

а) социалистически ориентированные члены партии, которые отстаивали продолжение строительства социализма при условии чётко ориентированных на потребности народа реформ; б) либерально или карьерно ориентированные персоны, которые, почуяв возможность безнаказанно отречься от идей социализма, стали массово покидать партию; в) догматически ориентированные на сохранение и продолжение прежней политики, фактически отказываясь признавать новые потребности времени. Каждая их этих групп начала приобретать свои организационные формы и предпринимать свои особые действия. Правда, надо сказать, что немалое число было и тех, кто занял выжидательную позицию, надеясь, что при любом повороте событий они могут вписаться в новые изгибы политики.

В реальности влиять на ход развития страны могла ещё одна группа, которую составляли те, кто, претендовал «на портфель» со всеми вытекающими отсюда благами. Для достижения этой цели представители этих взглядов (хотя они были незначительным меньшинством) проявили удивительную нахрапистость в достижении своих целей. К ним примкнули и те, кто счёл выгодным отказаться от прежних установок, и попытаться получить вожделенный пост на новой основе. Иначе говоря, задавали тон «карьеристы, которые, говоря словами М. Шолохова ещё в «Поднятой целине», бежали «мимо людей, прижав портфель». Как это и сделал М. Горбачёв, даже не допустив мысли, чтобы кто-то ещё наряду с ним баллотировался на пост президента СССР.

В целом КПСС как партии к 1991 г. не существовало и ожидать именно от неё каких-то действий не представлялось возможным, тем более что её руководство де-факто устранилось от работы с ней. Последний XXVIII съезд КПСС (1990 г.) показал неспособность партии оказывать определяющее влияние на жизнь страны.

Вместе с тем нужно признать справедливым такой попрёк коммунистам – многие из них привыкли к тому, что сигнал к действию должно дать руководство. А так как его не было, немало было тех, кто не решился на самостоятельное действие.

Почему произошёл крах перестройки? Кто виноват?

О перестройке написано много. О ней говорилось не раз, о ней высказывались неоднократно, причём с самых различных позиций. Этих объяснений и трактовок существует несколько.

Прежде всего обратим внимание на оценки перестройки и состояния общественного договора.

Что же стало истинными причинами краха перестройки, её несостоятельности, бездарности в её рождении и исполнении? Что окончательно разрушило общественный договор и привело к гибели великой страны?

Во-первых, не была обоснована и сформулирована цель, которая должна была составить смысл нового этапа общественного договора. Вместо неё, по мнению академика Н. Н. Моисеева, были выдвинуты второстепенные, хотя внешне привлекательные идеи – гласность, ускорение, новое мышление, общеевропейский дом, которые, по его мнению, являются возможно нужными вещами, но становятся следствиями, а не причиной. Вместо того, чтобы заняться экономикой, начался процесс политических пертурбаций, что ещё больше дезорганизовало жизнь советского общества. И даже попытки осуществить некоторые акции под фагом «ускорение социально-экономического развития» вылились в осуществление в основном скороспелых, непродуманных преобразований: антиалкогольная кампания, разрешение ин-

дивидуальной, частной деятельности, поощрение кооперации, расширение торговли, внесение корректив в жилищное строительство и т. д.

Иначе говоря, это была политика без стратегии, без принципов. «Её инициаторы и лидеры не имели ни ясно продуманного, ни чётко сформулированного, ни, судя по всему, вообще какого-либо стратегического плана реформ. Более того, *они не сумели правильно спрогнозировать реакцию общества на свои действия* (курсив мой – Ж.Т.), и, столкнувшись с этой реакцией, не смогли адекватно её оценить и соответственно скорректировать ход реформ» [Третьяков, 2005].

С этим утверждением коррелирует вывод советско-американского социолога В. Шляпентоха: то, что «перестройка возникла в результате недовольства населения своим материальным положением, отсутствием оппозиции или доступа к другим средствам информации – было бы преувеличением. Перестройка была лишь результатом действий Горбачёва и его коллег... Это был абсолютно верхушечный проект. Более того, никаких предпосылок для либерализма не было. Если и был запрос у части общества – так это на обновлённый социализм (т. е., скорее, аналог советского НЭПа, чем Чили Пиночета)»]Шляпентох, 2008].

Во-вторых, причину краха ряд исследователей видит в том, что люди, активно поддержавшие идею о необходимости реформ в виде перестройки, ждали от неё в соответствии со спецификой своего сознания главного, что с ними будут советоваться, как улучшить их материальное положение, как упорядочить оплату труда, как решить проблемы с удовлетворением повседневных нужд, с улучшением жилищных условий, совершенствованием торговли и т. д. Но эти ожидания и надежды оказались напрасными. Восторжествовал принцип аккламации – автоматическое, без обсуждения принятие народом принятых властью решений, т. е. народ ставили перед фактом, без всякого совета с ним или после применения некоторых манипуляционных процедур вроде встреч с народом на улицах или ссылок на «многочисленные просьбы трудящихся». По-прежнему никак не устранялся порок, который начал складываться ещё в период правления Сталина, затем получивший толчок во времена Хрущёва, а потом Брежнева и полностью расцветший при Горбачёве, а именно, слова о народе и словесная апелляция к нему никак не отменяла того факта, что реально политическая бюрократия считалась только со своим мнением, полностью игнорируя устремления народа [Тощенко, 2020].

В-третьих, к причинам краха общественного договора в период перестройки относят то, что страна стала терять скрепляющие её идеи, мировоззренческие ориентиры, духовный стержень. В своё время Гегель утверждал, что всякая власть одерживает свою победу не на поле брани, а в мышлении. И в нём же терпит своё поражение. Именно в период перестройки социалистическая идея стала тускнеть, тем более она стала замещаться разными в основном заимствованными идеями, которые прекрасно чувствовали себя в фантазиях или были ориентированы на чей-то опыт, который механически переносился на российские условия. Провозглашённая гласность, никем не контролируемая, постепенно превращалась во вседозволенность, которая накапливала силы для дискредитации социализма. Напомню, что она началась с разоблачения преступлений Сталина, репрессий 1937 г., с раскрытия преследований интеллигенции и религии. Затем оголтелой и беспардонной критике подверглись основные события в истории СССР – индустриализация, коллективизация, пятилетки. Добрались даже до Великой Отечественной войны, до шельмования её полководцев, до фальсификации побед Красной армии. После разгула этой критики вполне понятно, почему добрались и до Ленина, который был виноват о всех

мыслимых и немыслимых грехах как организатор революции и строитель советского государства.

И поэтому вполне естественно, что апогеем стало отрицание права на существование Советского Союза, характеристика его как провала или тёмной дыры в историческом развитии. И одновременно всячески дискредитировались идеи социализма и сам марксизм как теория и программа действия. А. Ципко даже «додумался» до того, что объявил марксизм «философией смерти» [Ципко, 2023]. Это губительным образом сказывалось на состоянии общественного сознания, сеяло в нём сомнение и тормозило желание противостоять инсинуациям, вымыслам, сложность противостояния с которыми состояла в том, что истина была вкраплена в эти идеологические выверты. Сыграло немалую роль и то, что в это время основные коммуникации были в руках агрессивного антисоветского меньшинства.

Кроме того, духовный вакуум заполнялся не только антисоветскими идеями и действиями. В условиях неопределённости, размытости социалистических ценностей родилась волна мистики, эзотерики в виде прорицателей, колдунов, гадалок и т. п. проявлений деформации общественного сознания. А наиболее продвинутые в этом поле персоны, такие как Кашпировский и Чумак, получили доступ к широкой аудитории при помощи официальных СМИ. Расцвели всяческие проявления ханжества. Сняты многие прежние табу = проституция, наркотики. Лексикон «обогатился» ранее неизвестными словами: аура, геи… Налицо был духовный разброд, который расшатывал не только социалистические, но и традиционные ценности.

В-четвертых, стоит сказать, что политику перестройки подточил этноконфессиональный фактор, подорвавший общественный договор: сначала классовый подход уступил место так называемым общечеловеческим ценностям, затем этнонациональному подходу, который во многих случаях перерос в националистический. Прорабы перестройки упустили тот момент, когда под флагом провозглашённой ими демократизации и гласности постепенно окрепли силы радикально националистического характера с чётко выраженными сепаратистскими устремлениями. Разлад и неопределённость во взаимоотношениях национальных республик привёл к таким конфликтам, которые центральная власть не могла (не умела? не хотела?) разрешить – кровавые столкновения в Фергане, в Нагорном Карабахе, грузино-абхазский, грузино-осетинский и приднестровский конфликты, а также спровоцированные события в Вильнюсе и Риге. В этой ситуации решающее слово сказали рвущиеся к власти экстремисты с национальным окрасом, которым центральная власть ничего не смогла противопоставить, кроме какого-то непонятного конгломерата, предполагающего создание конфедерации вместо СССР [Неменский, 2012].

Это привело к тому, что в 1990–1991 гг. состоялся так называемый «парад суверенитетов», когда ряд союзных республик объявили себя суверенными государствами. В ответ на эти претензии в 1991 г. был подготовлен договор о реформе федеративного государства, расширении полномочий республик. К тому же в 1989–1990 гг. фактически рухнула мировая система социализма в следствие стратегических уступок со стороны недальновидной и порочной политики, проводимой Горбачёвым и Шеварднадзе. Политические конфликты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы привели к победе сил, ориентировавшихся на антисоветские силы Запада.

По мнению писателя Ю. Полякова, после многолетнего существования советского интернационализма и соответствующей системы воспитания в общественной и личной жизни, олицетворяющих фактор советскости, стал господствовать и культивироваться национальной и/или религиозной компонент общественного сознания. Лукавство с 5-й графой в

паспорте «национальность» вылилось в погромные статьи, и последовавшее потом официальное решение отменить её привело к прямо противоположным результатам – в новой России и во всех бывших союзных республиках возник экономический, политический и идеологический национализм, оживилась и стала реальной силой национальная клановость, и как следствие – этническая преступность. Были возрождены самые дикие формы этнической депривации [Поляков, 2018]. И это проявилось в самых неожиданных и чудовищных формах. Так, многие русские интеллигенты поддержали стремление национальных сил к суверенитету и даже к государственной самостоятельности, считая, что в условиях провозглашённой демократии можно будет более эффективно осуществлять национальную самореализацию, нежели в советской структуре, и одновременно создать новый, более действенный союз с другими народами. А что оказалось? Как мне говорил русский социолог В. Пароль, всю жизнь проживший в Эстонии и решительно поддержавший национальную интеллигенцию в её стремлении к суверенитету и независимости, «нас просто использовали и обманули». В общем сбылось предсказание князя Трубецкого, сторонника евразийских идей, высказанное им ещё в 1920-е годы: «Если СССР потеряет идеологический стержень, он развалится и начнётся наступление национализма» [Трубецкой, 2014].

В-пятых, по мнению известного историка А. И. Вдовина (МГУ имени Ломоносова), «распад СССР стал следствием сознательного выбора (именуемого также изменой делу социализма) высших руководителей Союза ССР. Это прежде всего М. Горбачёв, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе и первые лица наиболее крупных союзных республик (Б. Ельцин, Л. Кравчук, С. Шушкевич). Они вместе со значительной частью советской партийно-хозяйственной номенклатуры, спецслужб, крупных теневых предпринимателей стремились поменять

в стране государственный строй по образцам западных держав, возродить частную собственность, заменить плановую экономику рыночной, превратить союзные республики в независимые государства… Подписи под Беловежским актом – это подписи врачей-убийц, прячущихся за выписанной ими же справкой о кончине пациента якобы по естественным причинам» [Вдовин, 2016].

К этому суждению примыкают утверждения, что в Советском Союзе не появилось фигуры, подобной генералу де Голлю во Франции, который осуществил системный подход при решении острейших экономических и социальных проблем Франции и смог воплотить его в жизнь [Моисеев, 1998]. К этому выводу приходят и другие эксперты. Так, специалист по Китаю, профессор Ю. В. Тавровский, анализируя проблемы перестройки, написал: «Самая большая катастрофа XX века в Советском Союзе и “мирное возвышение” Китая в XXI веке произошли практически одновременно. Они доказали не ущербность социализма как экономической общественной формации, а опасность системы вождизма в случае несоответствия калибра вождя очередному вызову истории» [Тавровский, 2019].

Показательно, что в международных дискуссиях, в рассуждениях о перестройке для большинства европейских и американских политиков (но не только их) главной, а по сути единственной заслугой Горбачёва признаётся разрушение СССР [Третьяков, 2005].

Многие исследователи отмечали спорные и противоречивые суждения Горбачёва, начиная от трактовки советского строя при Сталине как тоталитаризма и завершая тезисом о «новом мышлении», под которым он объяснял свои шаги на внешнеполитической арене. Но «новое мышление» не стало всеобщим императивом, гонка вооружений продолжалась. Европейский дом не удалось построить, но под этим флагом

получили обман с роспуском Варшавского договора, выводом советских войск из стран Восточной Европы и ГДР и создания условий для продвижения НАТО на Восток [Исягин, 2014].

Особо отметим, что даже такой поклонник Горбачёва, как известный режиссёр М. Захаров, после славословия в день его 85-летия вынужден был признать, что ни Горбачёв, ни Ельцин «не сумели грамотно провести назревшую реформацию российской экономики» (Новая газета. 2018. 9 марта № 24). Другой его ярый сторонник В. Коротич, бывший главный редактор журнала «Огонёк», признавал: «На месте Горбачёва должен быть человек типа де Голля, Черчилля, а может быть, Сталина, с таким же замахом, но без сталинских людоедских черт… В архитектуре есть понятие «масштабность человека к дому». Горбачёв оказался не масштабен к возможностям, которые были… Горбачёв не любил людей, которые умнее и интереснее, чем он… Он хороший человек и семьянин. Но не того масштаба, который нужен был для перестройки» [Цит. по: Коротич, 2017].

Иначе говоря, Горбачёв олицетворял собой образ эпигона, который как и наследники Александра Македонского, получив в своё распоряжение великую державу, не смог осмыслить и проявить ответственность за представленное ему историей дело [Тощенко, 2015: 561–599].

Теперь остановимся на суждениях явных и латентных оправдателей перестройки, их инициаторов и их деятельности. Эта позиция ярко выражена в многочисленных публикациях бывшего помощника Горбачёва А. Черняева, который оправдывал любые действия своего шефа, приписывая ему все достижения, особенно гласность и новое мышление, а ответственность за все просчёты и провалы возлагая на других лиц и непредвиденные обстоятельства [В Политбюро ЦК КПСС… 2008].

Не менее оправдательную позицию занял и ряд лиц из ближайшего окружения (А. Бовин, Ф. Бурлацкий, В. Лукин), которые помогали лепить новые слова и термины – от ускорения социально-экономического развития до нового мышления. Правда, в их рассуждениях есть и определённая доля критики, но не своего творчества во многодневных посиделках на ближайшей даче Управления делами ЦК КПСС, а на не принятых их советов и ограничения их творчества. Кстати, творчество некоторых из них, как Бовина, проявилось ещё во времена Брежнева. Именно его считают автором известных «сентенций» Брежнева, таких как «Экономика должна быть экономной», «Мы встали на этот путь и с него не сойдём» [Цит. по: Почепцов]. По утверждению Ф. Бурлацкого, именно Бовин прописал пассаж о руководящей роли партии в брежневской конституции 1977 года: «я сделал ему замечание: что этого даже в сталинской конституции нет. В сталинской, говорит, нет, зато есть прямое указание Леонида Ильича» [Цит. по: Сабов, 2013].

Стоит упомянуть ещё об одной оценке, которая достаточно чётко сформулирована по отношению к происходящим в СССР процессам. В этой связи упомянем выводы таких специфических аналитиков, как ЦРУ. В августе 1989 г. ЦРУ выпустило очередной доклад «Внутренняя политика Горбачёва и нестабильность в СССР», в котором сдержалась оценка американской разведки результатов перестройки: «Начав экономическую реформу и продолжая неадекватную программу финансовой стабилизации, *Горбачёв привёл внутреннюю (курсив мой – Ж. Т.) политику Советов к роковому рубежу, серьёзно снизив шансы того, что его правление – если оно сохранится – приведёт на путь долговременной стабилизации.* Если она (политика) не окажется успешной, то результатом могут стать гиперинфляция и появление бартерной экономики. А саму экономику такая политика оставит в состоянии экономического спада на период не менее трёх поколений, что ещё более увеличит вероятность уличной политики, дефицита товаров, потребительского спроса и, в частности,

забастовок». Одновременно отмечался высокий уровень возникновения националистических движений с призывами к независимости [Цит. по: Киян, 2017].

И этот прогноз о судьбе перестройки и политике Горбачёва полностью подтвердился, ибо он не мог предложить вразумительной социально-экономической политики. Он первостепенное внимание уделил политике, а не экономике, передоверив её другим лицам, которые оказались некомпетентными или слепо подчинялись официальным политическим установкам. В результате Горбачёв не потерял власть, а был свергнут, его поддержка к концу 1980-х годов исчислялась несколькими процентами после оглушительного большинства, которое он имел к моменту прихода к власти. По убеждению А. А. Зиновьева, Горбачёв так и не смог понять, за что народ считает его предателем, что он не хочет признать, что своим пониманием перестройки он открыл дорогу сторонникам либеральных потрясений, которые вкупе с зарубежными советчиками превратили страну в руины [Зиновьев, 2012].

Итоги и уроки

Период перестройки иногда связывают с попыткой очередной модернизацией страны – с реформами Петра I и Александра II, советской индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией. Но причины драматических неудач перестройки состояли, во-первых, в том, что «мудрость» декларируемых сверху идей никак не сопоставлялась с реальными тенденциями общественного развития, с потребностями и желаниями народа, и, во-вторых, в резком падении авторитета и роли научного знания в широком смысле этого слова и, соответственно, использования творческого потенциала всего народа [Дудник, 2019].

В конечном счёте, и в период перестройки ошибкой оказалась концепция и модель «догоняющей модернизации», которая в своих предельных проявлениях – социальных, экономических и цивилизационно-культурных – представляла собой вестернизацию при экзотическом смешивании стилей «дикого Запада» и «варварского Востока», уродливый симбиоз абсолютной рыночной свободы (стихии), бюрократизма и коррупции в условиях фактически приватизированного государства. В который раз России на протяжении своей долгой истории не удалось совместить принципы государственного порядка, национального и социального мироустройства с позитивным стремлением к свободе и демократии. Результатом применения выше обозначенной модели стала демодернизация, откат и отказ от ранее достигнутых успехов в сферах производства, науки, образования, культуры» [О стратегии… 2003: 43–44].

Как это выглядело в реальности на заключительном этапе развития?

В первом полугодии 1991 г. дефицит бюджета составил около 80 млрд руб. при запланированных 55 млрд руб. Почти в три раза вырос и внутренний долг. Во всю разгулялась вакханалия в управлении. На кредиты Запада рассчитывать не приходилось. Запад любимцу Горбачёву не торопился помогать. В июле 1991 г. на саммите большой семёрки, куда Горбачёва пригласили в качестве гостя, он попытался убедить Буша о необходимости представить СССР экономическую и финансовую помощь, но в ответ получил только словесное одобрение его действий и требование всё новых и новых уступок. Буш, можно предположить, руководствовался докладом ЦРУ, подготовленным в апреле 1991 г.: «Эра Горбачёва практически закончилась … Причина создавшегося положения вокруг Горбачёва состоит в том, что его политика привела страну к катастрофе, и он не в состоянии вывести её из кризиса… Он разрушил старую ленинскую политическую

систему в стране. Его новая антикризисная программа – это мертворождённый проект использования устаревших методов централизованного руководства для стабилизации страны» [Цит. по: Черных, 2021].

Среди других итогов и уроков можно назвать провал с попыткой переформатировать структуру руководства страной. В июне 1987 г. на пленуме ЦК КПСС Горбачёв выдвинул новую идею – о коренной перестройке управления страной. При этом ни автор, ни его окружение не понимали, как это требуется делать. Поэтому сначала была провозглашена срочная передача функций управления от КПСС Советам всех уровней. Затем были инициированы непродуманные предложения вроде предоставления коллективам предприятий самим себе выбирать директоров и устанавливать размер зарплаты.

Свою лепту в разрушение страны внёс закон «О кооперации», который наряду с расширением возможностей для честной предпринимательской инициативы подорвал экономические основы государственных предприятий, позволив за их счёт создавать частную собственность. Кроме того, он создал условия для выхода криминального капитала в политическое поле.

Результатом таких новаций стал управленческий и финансовый кризис, что стало мощным толчком для отвержения политики перестройки.

Исследование социологов АОН при ЦК КПСС в ноябре 1989 г. (1360 человек, 8 регионов) показало: от абсолютной надежды и уверенности, что политики страны смогут осуществить желаемые перемены, общественное сознание достаточно явно склонилось к разочарованию в их способности реализовать провозглашённые цели. С каждым годом росло сомнение, а потом и отвержение предлагаемых мер. В этом исследовании 50% населения (и что особенно поразительно – две трети коммунистов) стали отрицать наличие успехов перестройки [Экономическое сознание… 1989: 6, 8]. Именно это исследование показало, что партия де-факто потеряла право на своё монопольное положение в стране. Дальнейшие исследования (июнь 1990 г., 1433 человек) свидетельствовали, что отрицательные оценки деятельности КПСС стали преобладать над положительными (–9,3). По убеждению 61% опрошенных, политика, проводимая руководством страны, непонятна, запутана, противоречива. Иначе говоря, в политических оценках населения стали преобладать и даже превалировать мнения о неспособности политической власти и лично Горбачёва решать провозглашённые цели [Человек и экономика… 1990].

Среди итогов перестройки, которые принесли значительный урон общественному договору, можно назвать сенсорное голодание, т. е. острая нехватка внешних ярких впечатлений. Если до 1980-х годов для понимания грандиозности планов (после восстановления народного хозяйства в конце 1940-х гг.) были такие вызывающие вдохновение, особенно для молодёжи, проекты, как освоение космоса, создание ядерного щита, целина, освоение Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, феномен академгородков, то у пришедших к власти руководителей перестройки полностью отсутствовало понимание перспективы, видение будущего развития страны. Новое руководство в лице Горбачёва и его ближайшего окружения ответило на эти потребности лихорадочными шараханиями от одной позиции к другой, затем к третьей и т. д. Причём это касалось и глобальных проблем – следование политике гласности, «нового мышления», которые трактовались и использовались весьма своеобразно. В то же время существующая власть с опозданием реагировала на предложения, часто отвергая разумные, но принимая весьма спорные, такие как, например, Закон о кооперации, который стал спусковым курком для дезорганизации сначала промышленности, а затем и всей экономики. Именно нарушение

и несоблюдение логики объективного развития противопоставили народ и власть.

Наряду с другими факторами происходила примитивизация духовной жизни – людям предлагались только развлекательные сюжеты и бытовуха, заигрывание с бывшими соперниками на мировой арене и ничего значительного для будущего страны. «Важно, чтобы в стране происходили прорывы. Которые объединяют, условно говоря. Надо полететь на луну» [Герман, 2017]. Но факт остается фактом – народу кроме общих слов не была дана чёткая и ясная долгосрочная перспектива – какие цели, какие проекты, вдохновляющие и объединяющие всех советских людей, будут уделом и заботой как государства, так и всего общества.

Потере лица советского социализма способствовал и факт постепенной утраты вдохновляющих ориентиров, народных авторитетов. После Юрия Гагарина не было ни одного человека, которого бы весь народ считал своим воплощением.

Просчётом практически всех имеющихся подходов к перестройке было то, что они исключали (сознательно и/или стихийно) потенциал советских людей, их возможности созидать и активно участвовать в решении возникающих проблем. То, как их мнение, суждения игнорировались, и как это проявилось в реальности, можно рассмотреть на основе архивных документов и данных социологических исследований в 1985–1991 годах, которые наглядно показывали, как нарастал разрыв между официальной политикой и реальными результатами, как попытки реформ «сверху» встретились с надеждой на эти реформы «снизу». Так, опрос, проведённый ВЦИОМ в последний год существования СССР в марте 1991 г. (4600 горожан и сельчан 15 союзных республик) показал, что лишь малая часть опрошенных – 15% выбрала позитивную характеристику перестройки – «революционное преобразование общества», т. е. по существу официальную (горбачёвскую) формулировку. Но зато большая часть согласилась с такими формулировками: «перестройка означает попытку правящей верхушки сохранить власть» (18%) и перестройка – это «слово, которым прикрывается борьба за власть в верхах» (17%). А если учесть, что 14% заявили, что это «устаревший, исчерпывающий себя лозунг», и 29% не могли определиться, то получается, что большинство или отвергает её, или негативно оценивает её, или разочаровалось в ожидании существенных сдвигов и достижений (Московские новости, 1991. 24 марта). И поэтому можно понять, почему народ никак не вступился за перестройку, считая её ошибочным и проигрышным шагом в современной истории. И не удивительно, что результаты перестройки помимо всего прочего привели к сокрушительному падению рейтинга Горбачёва и практически всего руководства СССР и КПСС. Поэтому вполне понятно, что на вопрос «Если бы вы знали в 1985 г., к чему приведут начавшиеся в стране перемены, вы бы поддержали их?» 38% заявили, что не поддержали бы при 39% не смогших сформулировать свою оценку и только 23% заявивших, что они её поддержали бы.

Не менее значимым стало и то, что перестройка с её благими намерениями была окончательно и безнадёжно скомпрометирована вместе с её зачинателями и «прорабами» – Горбачёвым, Яковлевым, Шеварднадзе. Их разрушительная деятельность была дополнена разного рода сначала скрытыми, а потом и открытыми постмодернистскими гопниками, нацеленными на захват власти в стране. Народ, который с энтузиазмом поддержал идеи перестройки, уже через два-три года начал разочаровываться в руководстве этой перестройки. В 1988 г. прозвучала песня Владимира Кузьмина «Капитан»:

И хоть наш корабль тихоходным был,
Но главное я понял там –
Когда корабль не может плыть,
В этом виноват капитан.

Как руководителям Горбачёву и его команде, оказалась «шапка не по Сеньке».

В провале перестройки многое зависело от того, кто задумывал, а потом реализовывал её. В этой связи приведём высказывание Джавахарлала Неру: «Ленину были чужды колебания и неопределённость. Он обладал проницательным умом, зорко следившим *за настроением масс* (подчёркнуто мною – Ж.Т.), ясной головой, способностью применять *хорошо продуманные принципы к меняющейся ситуации* (подчёркнуто мною – Ж.Т.) и несгибаемой волей». И академик, врач-терапевт Воробьёв делает вывод, что СССР, а потом Россия не имела политиков, лидеров, равных Ленину, по масштабу мышления, глубине знаний, преданности делу, своим «продуманным принципам» да и принципам вообще [Цит. по: Воробьев, 2013].

Среди уроков и итогов перестройки и её влияния на желание сотрудничать с властью можно назвать рост бюрократизма. Об этом в своё время предупреждал Нобелевский лауреат А. Эйнштейн, который, поддерживая социалистический выбор России, в то же время писал: «Построение социализма требует решения исключительно сложных социально-политических проблем: учитывая высокую степень политической и экономической централизации, как сделать так, чтобы бюрократия не стала всемогущей?» Развивая эту мысль, Нобелевский лауреат академик Ж. Алфёров утверждал: «Мы знаем, в том числе и на опыте нашего государства, как централизация власти и всемогущая бюрократия в Советском Союзе привели к печальным результатам. Эта всемогущая власть бюрократии стала причиной развала великого государства» [Алферов, 2018].

Таким образом, свобода без порядка, согласно утверждению Хатингтона, в условиях перестройки, породила или вывела из подполья чудовищные деформации. Так, в разрушении общественного договора огромную роль сыграл

факт появления и постепенного укрепления организованной преступности. Это было принципиально новое явление, отличное от предыдущей истории преступности. По словам начальника Шестого главного управления МВД СССР по борьбе с преступностью и наркобизнесом генерала А. Гурова, характеристика этого явления впервые была дана в знаменитом интервью Ю. Щекочихина «Лев прыгнул» в 1988 г. в Литературной газете. По его мнению, само государство создало условия для этого феномена: сначала была создана материальная база для появления оргпреступности – закон о кооперации, разрешение на появление различных форм частной собственности, произвол в правовом регулировании экономических отношений, признание капиталистических средств обогащения, начавшееся сращивание теневых структур с официальной властью или, по крайней мере, влияние на её решения. В результате стали формироваться мафиозные группы, которые встретили появление новой России в полном всеоружии. Они стремительно росли, став одним из основных источников коррупции и произвола [Сергеев, 2008].

К этим явным преступлениям и деформациям добавились пороки духовного порядка. По мнению философа В. Козырькова, «постепенно разрушались моральные нормы поведения. Сначала это делалось нерешительно, осторожно, с колебаниями. Но постепенно с каждым годом это происходило всё более решительно, грубо и с претензией на то, что мораль должна исчезнуть вообще, так как она мешает жить в новом обществе, вредна и не приводит к успеху, делает человека слабым. Появились люди с отсутствующей совестью» [Козырьков, 2022].

Одним из уроков перестройки можно считать успешное применение демократами-либералами не только манипулирования, но и демагогии. Для сплочения сил, выступающих против КПСС и СССР, огромную роль сыграла шумная борь-

ба против статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС. Как признаёт один из прорабов перестройки Г. Попов, созревающие оппозиционные силы долгое время не могли договориться между собой, что надо делать в стране для перехода к демократии и свободе. Были самые различные мнения и суждения, оголтелое отстаивание своих предложений. И чтоб преодолеть эти разногласия и сплотить оппозиционные силы под знаменем «Демократической России», был выдвинут лозунг убрать статью 6 из Конституции СССР, хотя это уже не имело в тот период никакого смысла – КПСС осуществляла руководящую роль на всех этапах развития Советского государства, а её закрепление в Конституции СССР было безграмотным юридическим казусом, сотворённым идеологами 1970-х годов. Но именно это требование стало «подарком» для оппозиции, для её сплочения и её действий [Попов, 2013].

Напомню, что статья 6 Конституции СССР гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза». Реально дело обстояло именно так – партийные органы определяли и направляли общественное развитие страны. Но антисоветским группировкам остро требовалось найти не только врага (в данном случае КПСС), но и уязвимые места в её деятельности. А так как партия отвечала за перестройку, но не смогла добиться успехов и терпела только поражения, общественное мнение начали ориентировать на то, что именно абсолютная власть партии, закреплённая в законе, мешает успешному развитию и демократизации общества. На этом были сосредоточены усилия либеральной пропаганды, захват (или создание) ими многих массовых источников информации, многочисленные митинги, которые подготовили почву для массовых выступлений. Апофеозом выступлений за отмену статьи 6 Конституции СССР стала массовая 300-тысячная

демонстрация 4 февраля 1990 г. Реакцией на это событие стало экстренное решение пленума ЦК КПСС 7 февраля согласиться с требованиями и официально разрешить в стране многопартийность. Отсутствие логики как при подготовке текста Конституции в 1977 г., так и реакции на организованное давление на КПСС, в отличие от Конституции 1936 г., привело к непоправимым последствиям и для Советского Союза, и для самой КПСС. Это был явный сигнал, что общественный договор прекращает своё существование. К концу перестройки от общественного договора ничего не осталось.

Главным итогом перестройки стал развал, разрушение великой державы – Советского Союза. А ведь объективных предпосылок для этого не было. Критика многих советских людей была направлена не против социализма, а против политики перестройки.

То, что народ, несмотря на все провалы и просчёты, хотел сохранения СССР, говорят следующие факты.

В феврале 1991 г. в Москве на Манежной площади собралось от 500 до 800 тыс. человек на митинг за сохранение СССР. Это суждение и убеждённость была подтверждена во время референдума о сохранении СССР в марте 1991 г. – большинство советских людей подтвердили свою советскость: из 186,6 млн граждан на избирательные участки пришло 80% избирателей, из них за сохранение Союза голосовали 113,5 млн (76,4%).

О том, что СССР можно было сохранить без всяких скидок на те или иные обстоятельства, говорят и выводы учёных. В Институте проблем управления РАН провели анализ существования империй в истории человечества, особенно в рамках Нового времени – Оттоманской, Британской, Французской, Германской – и попытались определить причины прекращения их сосуществования, а затем сравнить с причинами краха СССР, который тоже называли империей. По утвержде-

нию директора этого института академика И. Прангашвили, существование СССР было искусственно прервано: согласно полученным выводам СССР мог бы просуществовать более 200 лет, если ему бы не мешали развиваться [Попова, 2001].

Некоторые выводы

Настоящие реформы не крушат наличный мир, преобразуют его, совершенствуют. По своей природе они нацелены не на уничтожение каких-то, казалось бы, устаревших форм, а на раскрепощение новых сил, зреющих в рамках этого мира. Иными словами, настоящие реформы создают институты и процедуры, в которых актуализируется в старых формах новое, потенциальное. Реформы – это упорядочивание новых возможностей, нового баланса сил. Но всякая реформа таит в себе опасность: широко распахивая окно возможностей, её инициаторы, вне зависимости от того, хотят они этого или нет, создают основу для новых конфликтов, новых противоречий. Поэтому их действия всегда означают увеличение рисков. Время свободы требует новой, более высокой цены за социальный порядок. Поэтому для проведения реформ необходимы социальное *мужество* и социальная ответственность (у Горбачёва не было ни того, ни другого).

Реальная жизнь показала гибельность утверждения и широко рекламируемого официального заблуждения – что реформы проводит только власть. Именно игнорирование и отстранение народа от реального участия в подготовке, апробации и осуществлении реформ, а также науки, общественных организаций привели к краху политики перестройки и отвержению его инициатора Горбачёва. В этой связи уместно привести ответ президента Академии общественных наук Китая на вопрос: «Можно ли одним словом обозначить причину краха перестройки?» – последовал ответ: «Горбачёв».

Данные всесоюзных исследований позволяют сделать вывод, что народ был прав, приветствуя провозглашённые идеи по перестройке общества, но не в меньшей мере он оказался прав, когда перестал их поддерживать, увидев несостоятельность действий руководства страны по их реализации.

Следует особо отметить, что этот негатив по отношению к перестройке в конце её завершения или провала сохранился и в последующем, что означает устоявшуюся её оценку с точки зрения исторической памяти. Так, спустя 20 лет после краха перестройки Левада-Центр в марте 2010 г. опубликовал такую информацию: почти половина населения (46%) дала ей отрицательную оценку при 31% затруднившихся ответить или воздержавшихся от положительной оценки. Иначе говоря, большинство россиян негативно относятся к результатам перестройки. Ими (38%) отмечаются только два основных позитивных сдвига – гласность и возможность свободно выезжать за рубеж при резком осуждении того, что перестройка создала угрозу распада СССР (31%), нарастание экономического кризиса (22%).

В целом можно сказать, что отрицательные, негативные оценки преобладают: перестройка – это головотяпство, приведшее к агонии СССР [Зенькович, 2016].

Провалился и внешнеполитический курс Горбачёва, хотя за него он получил Нобелевскую премию мира, ценой сдачи основных геополитических стратегических и военных интересов страны. Этот курс ознаменовался беспрецедентными уступками: согласие на ликвидацию ракет средней дальности, закрытие Варшавского договора, не препятствование распространению НАТО на Восток, что специалисты по созданию военного щита СССР считали изменой и предательством [Непобедимый, 2013]. К этому стоит добавить отказ и потерю в политике Ельцина устоявшихся контактов с Китаем, Кубой, Вьетнамом, со странами Африки и Азии, совершивших национально-освободительные революции не без прямой или косвенной помощи СССР.

Таким образом*, перестройка, начатая в ситуации эйфории, закончилась, образно говоря, казнью энтузиазма,* который проявили советские люди и которым глашатаи «нового мышления» не только не смогли воспользоваться, но и сделали всё для того, чтобы она стала синонимом оскорблённых ожиданий и как результат – концом общественного договора. В 1991 г. надежду на улучшение выразили только 2% советских людей. Однако это не означает, что люди потеряли веру в социализм – они утратили доверие той политике, которую проводили инициировавшие её лица. К этому стоит добавить и то, что крах иллюзий в значительной степени способствовал обрушению СССР и не только из-за слабости власти, а из-за того, что власть не стала внемлить общественным запросам. Это особенно наглядно проявляется при сравнении с тем, что происходило и происходит в Китае, в котором Компартия чётко сформулировала смыслы развития: ориентация на коммунизм как идеал не стала отменяться, несмотря на тяжёлое наследие, оставленное Мао Цзедуном. Были провозглашены понятные народу слова – построить общество справедливости, суть которого – достижение среднезажиточного уровня по сравнению с высокоразвитыми странами, что было понятно и наглядно.

Возможно, итоговой оценкой перестройки могут быть слова писателя Ю. Бондарева «Перестройка похожа на самолёт, который взлетел, но не знает куда лететь и где садиться». Не менее верна и такая оценка: «Ностальгия по советскому проекту – это ностальгия по великим смыслам, по великим целям, задачам, свершениям. Это ностальгия по ясному образу справедливого будущего» [Коровин 2016: 76].

Список литературы

Алферов Ж. И все-таки, почему социализм? // Российская Газета. 2018. 3 октября.

Батурин Ю. Союз (не)возможный: Документированная хроника Ново-Огаревского процесса. 1990–1991. Москва, Саратов : Изд-во РАН, Амирит, 2021. 988 с. ISBN 978-5-00140-903-8. EDN YXWZLC.

Бызов Л. Перестройка – наше прошлое или наше будущее // Литературная газета. 2015. № 1-2. 21–27 января.

В Политбюро ЦК КПСС… : по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / А. Черняев [и др.] ; изд. 2-е изд. М. : Горбачёв-Фонд, 2008. 800 с. ISBN 5-86493-140-3. EDN QVMCXP.

Вдовин А. Основные причины распада великой державы // Литературная газета. 2016. № 50. 21–27 декабря.

Воробьев А. И. К годовщине Великого Октября. М. : Нью-диамед, 2013. 240 с. ISBN 978-5-88107-098-4.

Гайдар Е. Государство и эволюция. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 128 с. ISBN 978-5-93255- 638-2.

Герман А. Пойдут ли в бой блогеры // Российская газета. 2017. 22 июня.

Горбачев М. С. Наедине с собой. М. : Грин Стрит, 2012. 688 с. ISBN 978-5-91147-019-7.

Гордон Л. А. Возрождение рабочего движения в России. Вторая половина 80 – начало 90-х годов / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2 : Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : РГГУ, 1997. С. 445–507.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть : (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Новый Хронограф, 2016. 416 с. ISBN 978-5-94881-342-4. EDN WETWRZ.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть : (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. 2-е изд. перераб.

и доп. М. : Новый хронограф, 2016. 496 с. ISBN 978-5-94881-343-1. EDN WETSND.

Гринберг Р. С. Перестройка Горбачева // Российская газета. 2011. 2 марта. № 541 (43).

Гутионтов П. Жанна Д-Арк российского большевизма // Новая газета. 2020. 28 июля.

Дудник С. И. Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 3. С. 394–405. DOI 10.21638/spbu17.2019.301. EDN VECTHB.

Замостьянов А. Мартовская развилка // Литература газета. 2015. 25–31 марта. № 12.

Зенькович Н. Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы. М. : Эксмо, 2016. 576 с. ISBN 978-5-699-91565-1.

Зиновьев А. А. «Псизм» // Советская Россия. 2012. 27 октября.

Зиновьев А. А. Катастройка, повесть о перестройке в Партграде. Горбачевизм. М. : Канон+, 2021. 240 с. ISBN 978-5-00180-169-6.

Исягин Л. Г. Размышления о перестройке, ее замысле, осуществлении и последствиях // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 120–127. EDN RYFJZT.

Киян И. Как в ЦРУ предсказали перестройку и крушение СССР // Версия. 2017. № 48. URL: https://versia.ru/kak-v-cru-predskazali-perestrojku-i-krushenie-sssr?ysclid=lyrdsd077e46454983 (дата обращения: 10.06.2024).

Коровин В. Россия на пути к империи. СПб. : Питер, 2016. 320 с. ISBN 978-5-496-01827-2.

Коротич В.: «Позвонил Горбачев: Ельцин сумасшедший, он вены резал!» // Комсомольская правда. 2017. 7 июля. URL: https://www.kp.ru/daily/26688/3712148/ (дата обращения: 17.07.2024).

Ларин М. Частный бизнес в СССР. М. : Госиздат. 1927. 313 с.

Левада Ю. Так проходит слава мирская // Московские новости. 1991. 24 марта. № 12.

Левичева В. Ф. Молодежный Вавилон : размышления о неформальном движении. М. : Молодая гвардия, 1989. 219 с. ISBN 5-235-01189-9.

Маништейн Э. ф. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М. : Астрель, 2012. 832 с. ISBN 978-5-271-40123-7. EDN QPVMXH.

Моисеев Н. Н. Не вижу людей, с которыми можно разговаривать // Эксперт. 1998. 29 июня. № 24.

Неменский О. Советский мультикультурализм и современная Российская Федерация (СССР и Российская Федерация как фабрика наций) // СССР – жизнь после смерти / Под. ред. И. В. Глущенко, Б. Ю. Кагарлицкого, В. А. Куренного. М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 103–110.

Непобедимый С. «Оку» не сдавать!» // Литературная газета. 2013. 11–17 декабря. № 49.

О стратегии российского развития. Аналитический доклад / Под ред. В. И. Толстых. М. : Русский путь, 2003. 392 с. ISBN 5-85887-162-3.

Перестройка экономического сознания и повышение его роли в ускорении социально-экономического развития. М. : АОН при ЦК КПСС, 1987. 277 с.

Погосян Г. Три судьбы для трёх социологов / Г. Погосян, А. Матулионис, Б. Докторов. Ереван : Еврпринт, 2020. 296 с. ISBN 978-9939-857-94-7.

Политическая борьба и политический выбор масс (результаты социологического анализа) : Инф. бюллетень. № 8 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : АОН при ЦК КПСС, 1990. 144 с.

Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития / Редкол. Ж. Т. Тощенко, В. А. Щегорцов, А. И. Яковлев. М. : АОН при ЦК КПСС, 1988. 107 с.

Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М. : ЛитРес, 2016. 821 с.

Поляков Ю. Желание быть русским 13 // Литературная Газета. 2018. 25–31 июля. № 30.

Попов Г. Как мы преодолевали советское наследство // Новая газета. 2013. 8 декабря. № 138.

Попова С. Учёные пишут рецепты управления миром // Известия. 2001. 23 октября.

Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов: URL: https://htbiblio.yolasite.com/resources/Pocheptsov_PR.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

Роберт Д. Демократы вас обманули // Правда. 1992. 26 ноября.

Рыбаков Ю. «В соседней камере надо пробивать головой следующую стену» // Новая газета. 2018. 15 июня.

Сабов А. Историк Фёдор Бурлацкий в своих книгах расскажет всю правду о выдающихся государственных деятелях // Российская газета. 2013. 21 февраля.

Сергеев Т. Львиная доля // Литературная газета. 2008. 06 ноября. № 45.

Состояние и тенденции развития экономического сознания на первом этапе перестройки (итоги сравнительного исследования 1986 и 1988 г.) // Ред. колл. Ж. Т. Тощенко [и др.]. М. : АОН, 1988. 173 с.

Станкевич З. Советский союз. Обрыв истории. М. : Книжный мир, 2016. 708 с. ISBN 978-5-8041-0902-9.

Тавровский Ю. В. Калибр вождя и судьба страны. Уроки драмы на площади Тяньаньмэнь // Независимая газета. 2019. 4 июня.

Тощенко Ж. Т. Народ всегда прав, даже когда он не прав // Мир перемен. 2020. № 2. 171–179 с. EDN MVWIDE.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : ЦСПиМ, 2015. 668 с. ISBN 978-5-906001-22-1. EDN TRUIJB.

Третьяков В. Вопросы, на которые мы не ответили // Стратегия России. 2005. № 4 (16). С. 17–22.

Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. М. : Алгоритм, 2014. 301 с. ISBN 978-5-00180-750-6.

Хатингтон С. Кризис демократии. 1975 // Internet Archive : [сайт]. URL: https://archive.org/details/crisis_of_democracy/mode/2up (дата обращения: 20.07.2024).

Ципко А. Нам нужна правда о русской трагедии XX века // Независимая газета. 2023. 24 апреля.

Ципко А. С. Почему мало ценится дарованная свобода // Мир перемен. 2020. № 1. С. 8–22. EDN HCORFX.

Ципко А. С. Распятая перестройка. 89 лет назад Михаил Горбачев родился и 35 лет назад возглавил СССР // Независимая газета. 2020. 5 марта.

Человек и рынок: социально-политические аспекты / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : АОН при ЦК КПСС, 1991. 127 с.

Человек и экономика (результаты социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : АОН при ЦК КПСС. 1990. 94 с. EDN XCFTUA.

Черных Е. Сбитый лётчик Горби! // Комсомольская правда. 2021. 8–15 сентября.

Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры / В. Шляпентох ; пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Столица-принт, 2008. 328 с. ISBN 978-5-98132-137-5.

Экономическая платформа объединённой оппозиции // Советская Россия. 1992. 19 ноября.

Экономическое сознание трудящихся (итоги сравнительного исследования 1986, 1988 и 1989 гг.) / Ред. колл. Ж. Т. Тощенко, В. Э. Бойков, Л. Д. Чернышова. М. : АОН при ЦК КПСС. 1989. 279 с.

Яковенко И. Исповедь // Северо-Запад. 2003. декабрь.

Глава 12
Новая Россия. Перипетии общественного договора: надежды и разочарования (1990–2020 годы)

Свобода без социализма есть привилегия и несправедливость

П. А. Кропоткин

Введение

Формирование и функционирование нового общественного договора на этом этапе развития российского общества носит принципиально иной характер. Он не является продолжением или модификацией договора, существовавшего в Советском Союзе. Он коренным образом и по смыслу, и по сущности отличался от основных положений, которые до 1991 г. определялись и осуществлялись под знаменем идей советского социализма.

Новый общественный договор с первых шагов своего существования стал базироваться на теоретических постулатах либерализма в его самых крайних формах с опорой и ориентацией на максимальный индивидуализм. Но в начале данного периода этот посыл не был ярко выражен, и поэтому его приход в общественную и повседневную жизнь россиян на начальном этапе рыночных преобразований проходил достаточно спокойно и терпеливо. Но со временем, по мере сопоставления своих коренных жизненных ориентаций с официальной политикой, стали возникать вопросы, которые вызывали различные формы социальной напряжённости.

История функционирования общественного договора за эти более чем три десятилетия новой России показывает, что

он сопровождался серьёзными издержками и даже кризисными ситуациями, обусловленными тем, что правящие круги не определили цели стратегического развития, допускали многочисленные управленческие ошибки. Именно эта неопределённость в сочетании с игнорированием интересов основных социальных групп во многом обусловлена тем, что Россия стала одним из обществ травмы, когда основное развитие не следовало закономерностям эволюции или революции, а было подвержено деформациям, несогласованиям и отвержениям ориентаций и интересов тех основных социальных общностей и групп, которые определяют судьбу страны [Тощенко, 2020].

В прикладном аспекте это выразилось в том, что «в течение короткого времени – нескольких месяцев, максимум двух-трёх лет – все ценности, в которые верило большинство советского населения и которые в любом случае влияли на его поведение, были объявлены ошибочными, лишними, даже вредными и достойными осуждения. Вся та система, которая каждому обеспечивала уверенность в завтрашнем дне, была разрушена. Страны, где люди родились, выросли и прожили жизнь, больше не существует. Обещание «правового государства» как никогда далеко от выполнения. Оно вылилось в карикатурное государство, псевдопредпринимательское и полукриминальное, где большинство граждан чувствуют себя чужими куда больше, чем во времена Брежнева» [Кондрашов, 2007].

Вот этот зигзагообразный путь нового общественного договора мы рассмотрим в логике этапов его развития и функционирования.

Предтечи нового общественного договора

С крахом СССР стало очевидно, что в прежнем варианте и в прежнем обличье общественный договор не может существовать. Произошли кардинальные изменения в социальном положении двух основных субъектов общественного договора: общества (народа) и государства (политической власти).

Что касается народа, то его ядро – 76,4% взрослого населения – в марте 1991 г. высказались за продолжение существования социализма в стране, но с обновлённым лицом. При этом народ в своём большинстве отвергал возможность продолжения доверия руководителям страны, что особенно наглядно проявлялось по отношению к Президенту СССР и руководству существующей Коммунистической партии, когда всесоюзные опросы показывали их катастрофический уровень доверия. Народ хотел обновлённого социализма, мыслил себя и свою жизнь как реформированные публичные и приватные отношения. С этой установкой он жил и осенью 1991 г. до объявления о прекращении существования СССР.

Вместе с тем надо отметить, что народ был представлен и другими социальными группами, пусть даже в значительном меньшинстве, но которые играли не менее значительную роль в жизни общества. Составляющие эти группы люди, которых называли демократами, в той или иной мере отрицали прежние советские мировоззренческие ориентации, исповедовали и пропагандировали ценности западного образа жизни, что в реальной жизненной практике означало: для них авторитетом выглядело жизнеустройство в странах Западной Европы и США. Влияние этих групп было значительно усилено тем, что в их руки перешло большинство каналов массовой информации.

В этой ситуации правящие круги новой России во главе с Ельциным сначала не торопились с объявлением курса на

капиталистический путь развития. Осенью 1991 г. они были заняты формированием политических органов управления, ликвидацией или ограничением компетенций союзных учреждений, т. е. полномасштабным утверждением своей власти. Это вылилось в создание новых министерств и ведомств, которые постепенно переключали на себя все экономические и политические полномочия относительно территории РСФСР. В это же время, сразу же после разгрома ГКЧП, руководители союзных республик воспользовались сложившейся ситуацией и неоднозначным поведением руководства России, объявили себя независимыми государствами (хотя для некоторых из них, особенно среднеазиатских республик, это было практически вынужденной мерой). Бывшее советское пространство впадало в состояние абсолютной неопределённости о своей будущности, что продолжалось до знаковых решений в Беловежской пуще о ликвидации СССР и подписания соглашения 8 декабря 1991 г. в Алма-Ате об образовании Союза независимых государств (СНГ). На деле оно означало не только возникновение новых государств, но и прекращение права на существование такого исторического феномена, как прежний общественный договор. Согласно Указу Б. Ельцина от 06.11.1991 г. это обстоятельство было усилено запрещением деятельности КПСС, которая являлась в течение советского времени организующей силой по координации действий народа.

Нужно сказать, что народ к этим изменениям осенью 1991 г. отнёсся достаточно спокойно и равнодушно. Люди были свидетелями встрясок при переходе власти и смены первых лиц после Сталина, после снятия Хрущёва, при уходе из жизни Брежнева, Андропова, Черненко. Эти изменения ничего принципиального нового для жизни большинства людей не приносили, за исключением некоторых надежд на улучшение (а их всегда обещали) экономического, политического, социального и культурного порядка. Общественное со-

знание и в случае событий августа 1991 г. было настроено на подобный вариант, тем более что намерения улучшить жизнь по сравнению с имевшейся практикой было объявлено новой политической командой, что привлекало людей и настраивало на поддержку. Люди хотели разумного политически ориентированного демократического устройства, более активного своего участия в решении государственных и общественных проблем, что нашло отражение в огромных масштабах митинговой активности и обсуждения ранее запретных тем, т. е. то, что происходило в общегосударственном масштабе, на макроуровне, людям казалось вполне рациональным, объяснимым и приемлемым. Что касается повседневной жизни, т. е. жизни на мезо- и микроуровне, то люди искренне желали прекращения тех постоянных неурядиц и затруднений по поводу доступности продовольствия, товаров первой необходимости и прочих услуг, которые должны были принести пропагандируемые и рекламируемые рыночные отношения тем более, что эти обещания сыпались как из рога изобилия, постоянно повторялись, декларировались, доказывались. К данной аргументации добавлялось и то, что бывшие непримиримые противники в лице западных держав и США были объявлены друзьями, готовыми помочь в трудную минуту.

В этой связи нужно отметить абсолютное злорадство тех противников социализма, которые, анализируя причины распада Советского Союза, доказывали: раз народ не вышел на защиту прежних порядков, согласился с новой политической властью, значит советская страна изжила себя и в прямом, и в переносном смысле [Гайдар, 1994]. Но эти искатели истины или фальсификаторы истории не пытались ответить на вопрос, а каковы были истинные мотивы у большинства населения. Они не обращали внимание на то, что людей просто купили (хотя и временно) на обещании благ, совершенствовании прежней жизни, её улучшении, но не говоря о цене и

способах достижения этих благ. И тогда, в самом деле, зачем против этих предложений выступать – надо согласиться с такой политикой, непременно поддержать её, тем более если закончится существующая неустроенность, а труд человека будет оцениваться не по принципу уравниловки, а по реальному вкладу человека в решение производственных вопросов. Обнадёживало и то, что была обещана максимальная поддержка инициативы и самостоятельности.

Иначе говоря, первоначальные шаги по созданию нового общественного договора были вполне созвучны изменившимся обстоятельствам и по большому счету не вызывали сомнений в их применимости и эффективности. Редкие голоса сомнений, которые возникли по поводу создания СНГ вместо СССР, достаточно успешно микшировались такими доводами: а почему бы и не пожить при такой форме государственного устройства, похожей на конфедерацию. Тем более, что в беловежских договорённостях было записано: иметь единую армию, единую внешнюю и финансовую политику, что убеждало сомневающихся – а ведь это вполне возможная форма политического устройства и совместного существования прежних союзных республик, только в новом обрамлении.

Но для большинства людей оставались тайной те скрытые разработки, которые велись в недрах Ельцинской команды и которые даже в малейшей степени не коррелировали с устремлениями и надеждами народа. Внутри нового политического истеблишмента шёл лихорадочный поиск идей и, соответственно, кадров, которые бы смогли, отринув всё советское прошлое, создать что-то принципиально новое, устойчивое, привлекательное, и которое бы устроило всех. В результате привлечённый к этой работе Гайдар с его сторонниками нашёл отмычку, которая базировалась не на опыте других стран, а на некоей монетаристской теории, с которой автор шоковой терапии познакомился во время учёбы в США

и которой руководствовалось его окружение. Они игнорировали тот факт, что даже в самих США эту теорию не использовали. Но именно её решили испытать в условиях России, попытаться не только убедить народ, но и заставить его действовать по выполнению предлагаемых реформ.

Шоковая терапия: первое испытание нового общественного договора

Новый общественный договор начал формироваться не сразу после августовских событий 1991 г., а с момента реализации рыночных реформ, той практической деятельности, которая осуществлялась с первых дней наступившего нового 1992 года. Подчеркнём, что, если осенью 1991 г. пертурбации носили лик политических изменений и ещё мало сказывались на повседневной жизни россиян, то последовавшие новогодние акции государства породили напряжение, первые сомнения в правильности официальной политики.

Первый удар по общественному сознанию и настроению народа был нанесён Указом Ельцина об отпуске цен, о чём было объявлено 2 января 1992 г. И хотя этот указ сопровождался разъяснением, что цены возрастут только в 2–3 раза (иначе, как обещал Ельцин, «я лягу на рельсы»), действительность оказалась горше всех ожиданий. Цены выросли в сотни раз, инфляция к концу 1992 г. достигла 2000–2500%. Вмиг обесценились все сбережения, банковские вклады, пенсии. Это было колоссальное ограбление народа, которое ввергло практически всё население в нищету, в убогое состояние.

Этот начавшийся процесс превращения жизни многих людей в давно невиданную и неожидаемую бедность стал ударом по доверию к официальной власти, к провозглашённым ей обещаниям. Но назревающее конфликтное положение на короткое время было ослаблено ещё одним прекраснодушным обе-

щанием – началась так называемая ваучерная приватизация. Один из вдохновителей и организаторов этой акции А. Чубайс убеждал, что социалистическая собственность была обманом народа, которая ничего ему не давала, кроме нищенских зарплат. А теперь, как он говорил, каждый взрослый россиянин будет обладать реальным документом, подтверждающим его право на владение частью богатства страны в виде официального документа – ваучера, стоимость которого, дескать, позволит каждому человеку приобрести устойчивое положение в обществе. Интересно отметить, что она вскоре приобрела такое название как лозунг «Купи Россию».

Первоначально людей уверяли, что приватизация будет «народной», что каждый гражданин России получит равные стартовые возможности, будет иметь «свою долю» в дележе «общего пирога». Правительство определило эту долю в сумме 10 тыс. рублей, которая в 1991 г. казалась достаточно весомой. Выступая летом 1992 г. по телевидению, Чубайс пообещал, что к концу этого года доля каждого в собственности возрастёт до стоимости двух автомашин «Волга» (это обещание многие помнят до сих пор). Если бы приватизация была проведена честно, справедливо, то россияне действительно могли бы получить от неё определённые выгоды. Идея приватизации по именным чекам, которую предлагали Чубайсу и которую он отверг, предполагала, что каждый гражданин заслужил право на конкретную долю в собственности, заработанную трудом не одним поколением советских людей, каждой семьей. Поэтому имелось в виду выдать каждому гражданину деньги, которые он мог бы либо держать в банке, либо инвестировать, либо использовать для приобретения товаров длительного пользования. Но Чубайс извратил эту идею, выхолостил её содержание.

Вопреки закону, вместо именного приватизационного чека был введён анонимный «ваучер». Это слово из жаргона

американских брокеров использовалось в среде не знавших русского языка западных советников гайдаровско-чубайсовской команды, было подхвачено ими и распространено в обществе. Поэтому в народе термин «ваучер» прочно связался с личностью «главного приватизатора» – Чубайса.

Однако ваучер был лишён гарантированной государством стоимости. Он свободно покупался и продавался, а поэтому подвергался нарастающей, как снежный ком, инфляции и обесцениванию. В конце концов, он превратился в подобие «филькиной грамоты», пустой бумажки. Но именно в таком виде ваучер и был закреплён в Указе о приватизационных чеках, подписанном Президентом Б. Ельциным 14 августа 1992 г., когда Верховный Совет России находился на каникулах. Народ в очередной раз был обманут. Поэтому, когда с 1 сентября 1992 г. во всех отделениях Сбербанка России стали выдавать ваучеры, среди населения преобладало негативное настроение. Некоторые вообще не стали получать ваучеры, цена которых доходила до 3–4 бутылок водки или мешка сахара за «бумажку». В то же время были созданы специальные чековые инвестиционные фонды (ЧИФы), менявшие ваучеры на акции предприятий. Но они действовали в интересах состоятельных людей, тесно связанных со структурой Госкомимущества. И это не прошло незаметно для общественного сознания. Люди были не просто разочарованы. У них зародилось явное недоверие, когда они поняли, что их обманули. В результате они стали настраиваться против приватизации и новых собственников. А в это время тысячекратные прибыли оседали в чековых инвестиционных фондах, что привело к тому, что народ был обобран, так как ему навязали непонятный ему порядок и условия жизни посредством ваучеризации.

В написанном Чубайсом предисловии к скандально известной книге «История российской приватизации» признавалось, что проводимая в России спешным порядком при-

ватизация могла даже на какое-то время снизить эффективность производства. Но это чубайсовцев не смущало. Для них главной была цель – создать как можно быстрее частнособственнический уклад. Это они рассматривали как «абсолютную ценность». О замыслах Гайдара и Чубайса довольно откровенно высказался даже публицист либеральной ориентации А. Стреляный: «Раздать собственность кому угодно, хоть бандитам, лишь бы вырвать её из рук государства. Если бандит окажется умелым хозяином своего капитала, он перестанет быть бандитом, нет – потеряет богатство».

При таком подходе к приватизации интересы трудящихся не учитывались. Потерявшие сбережения, обманутые разного рода ЧИФами, «финансовыми пирамидами» и т. п., сталкиваясь повседневно с безудержным ростом цен, миллионы россиян были растеряны, подавлены морально, не понимали, что творится в экономике и политике, что им делать.

В целом на этом этапе, по выражению американского экономиста Дж. Сакса, «это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатства в интересах узкого круга людей» [Сакс, 2011].

В этой ситуации народ стал всё больше освобождаться от обещанной рыночной эйфории и начал трезво оценивать осуществляемые изменения. Это осознание пришло и к той части интеллигенции, которая сначала поддержала политику ликвидации всего советского, но со временем стала видеть не только ошибки, но и пагубность проводимой рыночной политики, осуществляемой с позиций оголтелого монетаризма. Наметились и глубокие разногласия среди тех, кто недавно беспрекословно и безоговорочно поддерживал политику Ельцина и даже участвовал в её реализации, работая в новых органах власти. Видя пороки происходящих изменений, многие из них выступили и против политики, и лично про-

тив Ельцина. Для этого была инициирована даже компания по импичменту президенту. Но правящая верхушка пошла на все тяжкие, вплоть до расстрела Верховного Совета, который, кстати, и привёл Ельцина к власти в 1990 г.

В это время и команда Ельцина, и поддерживающая его партия «Демократический выбор России» были убеждены, что сохранят тот уровень поддержки, который они получили в последний год перестройки и на первом этапе своего существования как официальной политической силы осенью 1991 г. Они не хотели замечать, что у значительной части народа назревало разочарование в осуществляемых псевдорыночных реформах, которые принесли большее количество страданий, а выхода из них люди не видели. И люди во всё большей степени стали критически оценивать происходящее и в то же время начали возвращаться к позитивным оценкам советского прошлого.

Первым шоком (теперь уже для правящего класса) стали итоги выборов в Государственную Думу в 1994 г. Вместо ожидаемого торжества и беспрекословной победы партии «Демократический выбор России» случился грандиозный конфуз. Команда Гайдара была настолько уверена в своей победе, что организовала показ по центральному телевидению процесса голосования в условиях реального времени. Началось, конечно, с Чукотки, Дальнего Востока. Но итоги голосования оказались разочаровывающими – люди голосовали за различные партии, но не за «Демократический выбор России». Была попытка подбодрить себя – вот, мол, дойдем до основных районов, там будут результаты, что надо. И вот на экране Красноярский край. И здесь оглушительное поражение. Этот показ или ожидание «успехов» демократов было приостановлено. А если говорить об окончательных итогах, то на первое место вышла Либерально-демократическая партия Жириновского благодаря риторике всё и вся отрицать и

критиковать (поносить). Второе место оказалось у коммунистов и поддерживающих социалистические идеи других партий. Это голосование показало, что советское прошлое никуда ни ушло – оно продолжает жить в умах и сердцах значительного числа людей. Иначе говоря, народ, как субъект общественного договора, потребовал учёта его интересов и внесения существенных корректив в предлагаемое согласие между им и правящей группировкой.

Эта тяга к социализму, желание сохранить то лучшее, что было в советском прошлом, нарастала и приобрела характер возможности возращения к власти коммунистов. Возможно, это бы и состоялось, если бы не мобилизация всех антисоциалистических сил, окрепших олигархов и, на наш взгляд, нерешительности поведения самих коммунистов, так как немало экспертов считает, что именно Зюганов победил на выборах президента в 1996 г., но в силу самых разных малопонятных причин не стал оспаривать эти результаты.

Поэтому этот этап в развитии общественного договора можно оценивать, как весьма запутанный, неустойчивый, противоречивый, чуть не положивший конец своему существованию. Этот этап носил характер больших колебаний в поведении народа, лихорадочных поисков правящих групп по выходу из кризисного состояния и чуть не состоявшегося поражения всех так называемых демократических сил.

О том, что это был крах политики, начали признавать и те, кто стоял у истоков этой политики, творил её. Приведём обобщающий вывод крупного предпринимателя, будущего уполномоченного при президенте России по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмена) Б. Титова: «Реформы Гайдара были антинародными». Или мнение известного публициста А. Минкина: «Танки путчистов, – писал он в январе 1992 г., – раздавили троих. Цены и налоги Гайдара раздавили всех» [Минкин, 1992].

К этому стоит добавить, что данный период характеризуется огромным всплеском криминала, разгулом различных форм бандитизма, распространением взяточничества всех мастей и видов.

Вся эта ситуация позволяет сделать вывод, что общественный договор между властью и народом, сначала базировавшийся на обещаниях и надеждах по их воплощению в жизнь, не выдержал испытания и поставил под сомнение результаты свершившегося краха Советского Союза.

Этап навязывания идей и практики либерализма (1996–2000 годы)

Столкнувшись с угрозой возвращения к советскому прошлому и потерей доверия, политический режим в лице команды Ельцина стал лихорадочно искать новые точки опоры. К этому времени стала заявлять о себе такая социальная сила, как олигархи, которые не хотели упускать захваченные в результате политики приватизации и использования результатов ваучеризации огромные куски государственной собственности. Именно с их помощью была проведена мобилизующая акция во время избирательной компании по выборам президента России под девизом «Голосуй, а то проиграешь» в интересах Ельцина. Ими были выделены колоссальные средства для проведения соответствующей пропаганды. Именно эта группа олигархов, получившая вскоре название «семибанкирщина» при исполнительном секретаре А. Чубайсе, бывшим в то время во главе Администрации Президента, мобилизовала все возможные ресурсы для того, чтобы предотвратить возвращение в социалистическому пути развития и, главное, не потерять уже приобретённые несметные богатства.

За эту услугу политическому истеблишменту надо было расплачиваться. Это было реализовано в процессе реализации

так называемых залоговых аукционов, когда под маркой оказания помощи бюджету государства в залог были переданы все лакомые куски бывшей госсобственности. И хотя залоговые суммы были минимальны, государство не смогло вернуть эту собственность, которая после истечения срока договора на «законных основаниях» перешла к частному капиталу. Это стало очередным ограблением, так как заводы, фабрики, различные предприятия передавались в руки новым собственникам за суммы, в сотни и тысячи раз меньше их балансовой стоимости. Как признавался один из лидеров того грабежа Бенукидзе, что он купил Уралмаш, предприятие, на котором работало более 50 тыс. человек, по стоимости одного склада в Москве. Другие олигархи тоже оказались не в накладе. Потанин получил Норильский комбинат и должность заместителя премьера Правительства России, Ходорковский – Роснефть и другие объекты стратегического назначения. Гусинскому подарили телекомпанию НТВ. Березовский получил самую высокую политическую должность – заместитель секретаря Совета безопасности, которую пришлось вскоре освободить, так как он оказался владельцем не только российского, но и иностранного – израильского – паспорта, что категорически запрещалось на данной должности [Тощенко, 2015].

Эти события были тем рубежом, который сформировал такую силу в российском обществе, что она начала диктовать не только условия своего дальнейшего существования, но и претендовать на право управлять страной. Причём их аппетиты с каждым годом только увеличивались. Тем более, что их представители в высших эшелонах власти в лице А. Чубайса и Б. Немцова были исполнителями их воли. Поэтому неудивительно, что игнорирование интересов страны и неумение управлять Россией привело к тому, в результате такого совместного «творчества» состоялся дефолт в 1998 г., к которому последовательно и методично вела их политика.

Парадоксально, что Чубайс, удостоенный в 1997 г. западным бизнесом звания «лучший министр экономики», всё сделал для того, чтобы страна катилась к краху. Дефолт стал показательным результатом как его деятельности, так и в известном смысле итогом всей либеральной политики.

Кроме этих определяющих актов «творчества» либералов были и менее значительные, но не менее губительные по своим последствиям акты. А. Лившиц, бывший министр финансов России, описывает сложившуюся вакханалию, в результате которой колоссальный урон был нанесён национальному хозяйству так называемыми связанными иностранными кредитами. «Когда берёшь взаймы, деньги твои. Куда хочешь, туда и тратишь. Связанный кредит – совсем другой. Денег практически не видно. Получаешь товарами. И не любыми. Только теми, что есть у поставщика-благодетеля… Интерес иностранцев понятен. Что-то продать сейчас трудно. А тут полная гарантия. Сбыта. Оплаты. И никаких тендеров. Конкурировать не с кем. Лепота. Неудивительно, что товары приходят дорогие. С ценами минимум на 20% выше, чем на рынке» [Лившиц, 2003]. А гарантом всех этих так называемых инвестиций (т. е. грабежа) выступает государство. В результате эффект от «связанный кредит» составил 23% того, что взяли. Остальные деньги вернул бюджет, т. е. граждане России.

Но в результате такой политики сложились чрезвычайные обстоятельства. Чтобы с ними справиться, Ельцин вынужден пойти на меры, которые помогли выйти из кризиса – назначить председателем правительства Е. Примакова с его командой из советских министров, в том числе и бывшего председателя Госплана СССР Ю. Маслюкова. И случилось чудо. Менее чем за год экономика вышла на стабильные показатели, вернулось доверие людей к возможностям новых руководителей, стабилизировалась внутриполитическая обстановка. Но как ни парадоксально, именно эта стабилизация и ясно видимый урок

о пригодности и полезности советских методов управления не устроил Ельцина и его окружение. Последовало стремительное смещение этого состава правительства и передачи власти либеральным силам. Для многих, в том числе и народа, тогда решение Ельцина оказалось странным и нелогичным. Ведь по данным «Фонда общественного мнения», 81% россиян неодобрительно отнеслись к отставке Примакова. Они отмечали, что правительство сделало серьёзные шаги для стабилизации политической и экономической ситуации в России.

Назначенный новый руководитель С. Степашин не имел ни опыта, ни личных данных для решения возникших и возникающих проблем. И соответственно, вернулись прежние проблемы.

Одновременно продолжало искать своё место партийное строительство. После запрета КПСС в 1991 г. начало рождаться бесчисленное количество желающих организовать такие партии, которые бы говорили от имени народа. На этом поле появилось большее число авантюристов, амбициозных лиц, демагогов, чем реально мыслящих и осознающих, что они делают с точки зрения не просто элементарной политики, но и здравого смысла. Достаточно сказать, что к выборам в Государственную Думу в 1996 г. в стране было около 220 партий, среди которых только 42 партии откликнулись на призыв оформить себя на выборы и были утверждены для участия в них. А ведь каждая из них претендовала на представительство народа или его основных групп. Своей «деятельностью» они вносили сумятицу, неразбериху в общественное сознание, что дезорганизовывало и расшатывало попытки укрепить общественный договор на новой основе.

Осознала важность партийного строительства и правящая верхушка. Её опора в виде «Демократического выбора России» оказалась несостоятельной и примитивной – новые демократы-либералы, говоря словами Жванецкого, «знали, что

говорить, но не знали, что делать». И именно это говорение и не умение что-то делать привело эту партию к краху. Но то, что должна быть именно своя партия, окружение Ельцина понимало, и поэтому вскоре появилась партия «Наш дом – Россия» во главе с Черномырдиным. Но она вскоре продемонстрировала свою беспомощность и бесперспективность, хотя тоже внесла свой вклад в неопределённое состояние общественного договора. В эти годы свою действенность показала только КПРФ, практически совместно со своими союзниками контролирующая деятельность Государственной Думы – именно её выдвиженцы и/или представители были Председателями Думы трёх первых созывов (Рыбкин и Селезнёв).

Однако ситуация в конце 1990-х продолжала складываться таким образом, что Россия приближалась к развалу страны. Экономика скатывалась вниз. Так, ВВП к 1998 г. составлял 43% от того уровня, который имела советская Россия в 1990 г. Это был удар, который по своей гибельности превосходил потери в Великой Отечественной войне – они тогда составили 24%. Можно эти показатели сравнить и с потерями США в период Великого экономического кризиса в 1929–1933 гг., когда ВВП страны снизился на 30%.

В период с 1990 по 2000 годы стал реальностью так называемый «Русский крест», когда впервые в истории России смертность превысила рождаемость, причём в катастрофических размерах: в 90-е годы каждый год население уменьшалось в пределах 1 млн человек. В этот период Россия переживала сложный период экономической и политической трансформации. Отказ от централизованной плановой экономики в пользу рыночных принципов привёл к резким колебаниям в экономике, что повлияло на уровень оплаты труда работников. Зарплата, которую они получали в этот период, постоянно снижалась. Это было связано с различными факторами, включая инфляцию, высокую безработицу и низкую

конкурентоспособность национальной экономики. Такое снижение показателей зарплаты создавало трудности для работников и семей, а также порождало социальные и экономические проблемы в обществе. Низкая зарплата затрудняла накопление средств на покупку жилья, образование и другие важные потребности [Левашов, 2007].

Ситуация в стране усугублялась продолжающимся парадом суверенитетов, когда руководители республик и регионов всё больше и больше претендовали на независимость от центра вплоть до открытого неповиновения. Неопределённость и неоднозначность усиливалась чеченской войной, попытки прекращения которой сопровождались лихорадочными и путаными решениями. Страна двигалась к пропасти. В этих условиях общественное сознание тоже находилось в коллапсе. Для многих рухнули надежды на то, что они будут жить в процветающей России. Стремительно росло недоверие, в том числе и к Ельцину. Достаточно сказать, что в 1999 г. его рейтинг приближался к 3–4%, что поразительно контрастировало с тем уровнем доверия в начале 1990-х годов, когда он достигал 80–85%. Собственно, этот показатель и был окончательной народной оценкой того, что сотворил Ельцин и его команда как с СССР, так и с Россией.

Корректировка общественного договора (2000 – начало 2010-х)

Кардинальные изменения начались с момента избрания Президентом России В. В. Путина. К этому времени в результате рыночных реформ были закрыты тысячи предприятий. По данным бывшего руководителя НИИ статистики Госкомстата России В. Симчера, за период рыночных реформ было приватизировано свыше 44 тыс. предприятий, из которых около 30 тыс. было закрыто. Миллионы работников были вы-

брошены на улицу. В 2000 г., по данным Росстата, уровень безработицы в стране составлял 10,6% от общей численности рабочей силы. Официально нигде не работали 7,7 млн человек. Но по мнению экспертов, реально уровень безработицы был в 1,5–2 раза выше – люди по тем или иным причинам не становились на учёт, так как не хотели признавать себя не сумевшими вписаться в новые реалии. Поэтому развивались различные самодельные формы занятости, среди которых наибольшее звучание получили так называемые челноки – мелкие торговцы товарами потребительского спроса, которые они приобретали за границей, в основном в странах Европы и Ближнего Востока, и перепродавали в России.

В это время происходил рост инфляции. Высокой инфляция оставалась и в 2000 г. – более 20%. Это означало, что в период с 1990 по 2000 годы рубль резко обесценился, и за те же деньги можно было купить значительно меньше товаров и услуг.

В стране складывалась тревожная ситуация, хотя она микшировалась разнообразием и разностью в ориентациях разных социальных общностей и групп. К этому времени прежние классы – рабочий класс и крестьянство – потеряли гомогенность. В период реформ в 1990-е годы при массовом обнищании населения стала складываться новая социальная общность – так называемая элита в виде кланов, каст и даже клик, которая состояла из имеющих политическую и экономическую (в том числе и теневую) власть. Эта общность была относительно малочисленна, но она сосредотачивала огромные возможности и ресурсы по их использованию по сравнению с остальной массой населения: Согласно данным агентства Bloomberg, только за 2023 год совокупное состояние 22 российских олигархов выросло на $32 млрд, а их число возросло до 110.

При осмыслении новых реалий стали говорить о формировании среднего класса, который, по убеждению политиков и ряда исследователей, является опорой государства и обеспечивает стабильное развитие общества [Горшков, 2016; Тихонова, 2014]).

Одновременно стал формироваться и новый класс – прекариат, который характеризовался неустойчивым, нестабильным, негарантированным социальным положением. Так как он составлял большинство населения (по различным подсчётам от 45 до 70% трудоспособного населения), он определял отношение к экономической и социальной политике. А эта критичность всё больше и больше увеличивалась, создавая неоднозначное отношение к власти [Бобков, 2019; Тощенко, 2018].

Эта опасность отказа в доверии была осознана официальными структурами власти. Командой Путина были приняты экстраординарные меры. Была разработана и осуществлена концепция вертикали власти, что нашло в учреждении федеральных округов во главе с представителями Президента с весьма значительными полномочиями. Их введение постепенно снизило автономное поведение губернаторов и президентов республик, укрепило влияние центральной власти. В качестве центральной цели для общественного договора была выдвинута идея стабилизации и экономического роста, что, по мнению правящего класса, должно было обеспечить режиму легитимность в глазах большой части населения.

Одновременно была реализована такая акция, как равноудалённость олигархов от власти, отстранение их от постоянного вмешательства в государственное управление и попыток осуществить управление страной. Это привело к превращению таких её представителей, как Березовский и Гусинский, в прямых противников политического режима и лично Путина, или отложенных на время противников (Ходорковский, Пугачёв и др.), решивших действовать против власти своими особыми средствами.

На изменение ситуации повлияли меры экономического характера по оживлению промышленности, развитию сред-

него и малого бизнеса, что сказалось на росте доходов населения и повышению доверия власти. Всерьёз заговорили о влиянии среднего класса, численность которого выросла, если исходить из такого критерия, как уровень доходов.

Новая ситуация возникла после кризиса 2008–2009 годов, который существенно ослабил в представлении населения связь между властью и экономическими успехами. В начале 2010-х годов индекс социальных настроений перестал расти и вернулся к имевшемуся к концу 1900-х годов значению. На этом фоне начинаются процессы реполитизации общества, первым наглядным проявлением которых стали протесты 2011–2012 годов. Новое политическое поколение предъявило претензии на участие в политической и экономической жизни и оспорило сложившийся статус-кво 2000-х. Государство ответило на это дальнейшими ограничениями политических свобод, а также репрессиями в отношении отдельных участников протестов.

Но это ещё не означало создание новой, отвечающей главным требованиям, предъявляемым к общественному договору, ситуации: наличие перспективной (и особой, отличающей её от других) цели; предложение методов достижения таковой; и обоснование возможности их распространения и усвоения всем народом или по крайней мере её основными общностями, способными её реализовать.

Но ситуация с общественным договором в России зависела не только от внутренних факторов. Россия шаг за шагом превращалась в сырьевой придаток западных государств. Положение российской экономики всё больше и больше зависело от решений Всемирного банка и Международного валютного фонда, которые фактически контролировались США, проводивших политику ограбления или ослабления других экономик. Эта зависимость России вела к подчинённости её политики в интересах других государств, к превращению её

в своеобразную колонию современного типа, в рамках которой невозможно было осуществлять самостоятельное, независимое развитие.

О том, что Россия требует равноправного участия в решении мировых проблем, учёта её интересов как великой страны было заявлено в речи В. Путина в Мюнхене в 2008 г. Практически это совпало с началом мирового экономического кризиса, в результате которого экономика страны потерпела существенный урон.

Этот поворот в политике был неоднозначно встречен в обществе. Если большинство народа поддержало такой поворот, то олигархи, миллиардеры и миллионеры отреагировали увеличением вывоза капитала из России, фактическим отказом инвестировать в экономику страны, созданием псевдоорганизаций, квазибанков и других структур с целью как большей наживы, так и подготовкой к изменению политического климата. Эти намерения по согласованию с центрами идеологической борьбы на Западе привели к известному «болотному делу» в 2011–2012 гг., когда по сценарию цветной революции была осуществлена попытка смены власти.

В итоге общественный договор развивался зигзагообразно. Сначала он получил хороший импульс после ухода Ельцина и принятия приемлемых для народа актов, осуществлённых по оздоровлению политического курса. Затем он укреплялся по мере заметных сдвигов в развитии экономики по сравнению с 1990-ми годами. Кризис 2008–2009 годов поколебал уровень доверия, что попытались использовать ультралиберальные группы, организовавшие ряд протестов, самым заметным из которых было «болотное дело». Вместе с тем отметим, что значительное число россиян заняло позицию пассивного наблюдателя, перестав участвовать в митинговой активности. И в то же время в общественном сознании стал усиливаться интерес к опыту советской жизни, что отрази-

лось в попытках её реабилитации: это частично проявилось в возникновении народных предприятий, к возвращению традиций уважения и поощрения труда. Однако в силу того, что экономикой продолжали руководить либерально ориентированные силы, серьёзных изменений, а тем более достижений, не происходило, процесс развития национального хозяйства приобрёл характер стагнации.

Внутренние и внешние испытания общественного договора (с начала 2010-х годов)

Этот этап начался после всемирного экономического кризиса 2008–2009 годов, что привело к возвращению темпов развития экономики, но на короткий период времени. С 2012 г. обозначилось замедление роста ВВП, приостановился процесс сокращения бедности, резко уменьшились инвестиции.

В итоге можно констатировать, что согласие народа и власти в рамках общественного договора снова подверглось испытаниям. При этом отметим, что в начале 2000-х годов, до 2008 года, пока не случился всемирный кризис, ежегодный рост доходов составлял в среднем 12%. Несмотря на высокую инфляцию, граждане действительно повышали уровень своего благосостояния. И в первые годы после кризиса страна частично оправилась: несмотря на сложную экономическую ситуацию, ежегодный прирост доходов составлял от 2,5 до 5%.

Но с 2014 года страна вступила в полосу стагнации. Темпы экономического роста падают с 7 до 0,7%. Для доходов населения «антирекордным» стал 2016 год, когда было зафиксировано их падение в 4,5%. С того времени доходы россиян к 2022 г. упали ещё на 8%, а нынешняя кризисная ситуация только усугубила материальное положение людей. В 2022 году наблюдалось самое серьёзное их падение с 2012 г. – около 20 млн человек жили за чертой бедности (см. рис. 1).

Рис. 1. Доходы россиян и цены

Снижение качества жизни можно проследить и по изменению занятости. Так, в 2013–2020 годах в составе населения, по статистическим оценкам Роструда и Росстата, значились около 4 млн безработных, т. е. находящихся в поиске работы (около 5% экономически активного населения). Такой уровень зарегистрированной безработицы объясняется тем, что центры занятости населения автоматически снимают с учёта всех безработных, которые 2 раза подряд отказались от предлагаемой им работы. Не меньшее значение играло и то, что многие, лишившиеся работы, предпочитают не прибегать к помощи государства и самостоятельно решать проблемы своей занятости различными методами – от случайных приработков до занятий незарегистрированной работой

или участием в теневом бизнесе.

Количество безработных пошло в рост с началом эпидемии ковид в 2020 г. На фоне ведённых ограничений для бизнеса их численность достигла 6,4% трудоспособного населения (это максимальное значение по безработице в России со времён стагнации и рецессии, вызванных мировым финансовым кризисом 2008 года). Однако с точки зрения аналитиков из FinExpertiza, реальный уровень безработицы с учётом сотрудников, переведённых на неполный день или отправленных в неоплачиваемый отпуск, оказалась вдвое больше – 12%.

В 2023 году, согласно данным «Росстата», безработица опустилась до 4%, тем самым установив свой исторический минимум за период наблюдения с 1991 года.

Не меньшую озабоченность вызывал тот факт, что в эти годы от 25 до 38 млн человек нигде официально не были зарегистрированы как работники (около 35–40% трудоспособного населения), которые были заняты в основном в теневой экономике или индивидуальном секторе.

Не меньшее значение стал приобретать тот факт, что произошло ухудшение социального положения новых слоёв трудоспособного населения – прекариата, который находится в ущемлённом правовом и социальном отношении. Наиболее яркой его характеристикой стало отсутствие юридически оформленного трудового договора, социальных гарантий, низкая и неясная оплата труда [Прекариат... 2020; Прекарная занятость... 2021; От прекарной занятости… 2022].

В этих условиях в общественном договоре сложились особенности его функционирования: наблюдалось изменение положения и настроений различных социальных групп общества. Это проявлялось, во-первых, в реакции населения по поводу всё увеличивающегося разрыва между богатыми и бедными слоями населения, благосостояние которых росло в меньших размерах, а в ряде отраслей экономики стагнировало и даже уменьшалось. Во-вторых, произошло сокращение тех групп населения, которых относили к среднему классу по уровню материальной обеспеченности. По данным на 2022 г., к нему относилось только 11,5% семей, что не сопоставимо с развитыми европейскими странами. В-третьих, отчётливо выявилась ограниченность прав и гарантий бюджетных работников в сферах образования, культуры, науки, здравоохранения. Все эти группы стали носителями различных форм недовольства, что проявилось в различных актах – от экономических и социальных до политических.

При этом достаточно широкие права получило чиновничество, представители которого стали использовать в групповых и личных интересах имеющиеся в их распоряжении полномочия, что в значительной мере обеспечило распространение различных форм казнокрадства, взяточничества и хищений.

Ухудшение климата в общественном договоре было прервано такой акцией государства, как присоединение Крыма к России после политического переворота в Киеве. Это решение по результатам голосования населения Крыма вызвало всплеск энтузиазма, практически охватившего все слои населения. Но плодами этой акции не пришлось воспользоваться в полной мере, так как на Россию обрушились санкции со стороны США и западноевропейских стран. Эти санкции обернулись серьёзными экономическими потерями и, соответственно, сказались на социально-экономическом положении россиян. Произошло падение экономических показателей, замедлился рост ВВП, уменьшилась покупательная способность. Размеры бедности не сокращались, несмотря на определённые усилия.

На состояние общественного договора оказала влияние начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция, направленная на демилитаризацию и денацификацию Украины. При преобладающей её поддержке выявились различия мировоззренческого плана, которые не имеют чёткой социальной и

экономической привязки, но имеют политическую окраску.

На состояние общественного договора достаточно серьёзно повлияли и негативные тенденции в духовной жизни общества. Произошла потеря многих смыслов и/или смысловых ориентиров. В отличие от скептической позиции Фрейда, именно поиск смысла жизни Франкл назвал путём к душевному здоровью, а утрату смысла – главной причиной не только нездоровья, но и множества иных человеческих бед [Франкл, 1990]. В результате для большинства людей стало исчезать понимание ряда действий правящего класса, что особенно наглядно проявилось в решениях о монетизации социальных льгот – замены натуральных льгот денежными выплатами, когда налоговые услуги заменялись в большинстве случаев несоизмеримо меньшими денежными компенсациями и не учитывали инфляцию. Поэтому монетизация вызвала кризис доверия к власти и массовые протесты среди населения страны в крупных городах и прежде всего в Санкт-Петербурге и Москве. Практически то же проявилось и при подготовке и проведении пенсионной реформы (2019 г.), которая вызвала большой негативный резонанс, сказавшийся на авторитете и репутации власти.

Большие претензии вызвала политика оптимизации образования, науки, культуры и здравоохранения, которая привела к ухудшению социального положения работников, трудящихся в этих сферах.

Одновременно с этими решениями происходили попытки внедрить ценности, присущие странам капиталистического мира: разогревалась вера, навязываемая неолибералами, что человек может (и должен) решать все жизненные проблемы только собственными силами. Поощрялся безответственный индивидуализм. Снизились ценности любви, семьи, дружбы, доверительных межличностных связей. Стало приемлемым избавление от химер совести. Во всё большей мере стали торжествовать временные договорённости. Получило распространение такое явление, как социальное одиночество. В полной мере расцвёл групповой и личностный эгоизм, который способствовал распространению и даже расцвету различных фантомных явлений, противопоставлению себя другим в силу наличия богатства, власти и/или публичной славы [Кара-Мурза, 2005].

Все эти деформации морали и нравственности, попытки окончательно освободить людей от советского мировоззрения заметно влияли на крепость и устойчивость общественного договора. И они лишь частично достигли цели. В целом сохранялся тот же дух коллективизма, который предпочитали назвать соборностью, народностью, артельностью, верой в возвращение величия России.

Некоторые черты россиян и жителей постсоветских государств получили иное наполнение. Это проявляется в сохранении и тяге к сохранению советского интернационализма. Об этом говорят потоки мигрантов из многих бывших союзных республик и возвращение русского языка в преподавание в школах, а также более разумный и взвешенный подход официальных властей к экономическим и культурным связям между народами бывшего Советского Союза. Правда, националистические силы в этих вновь возникших государствах не унимаются, пытаясь максимально дистанцироваться от России. Это проявляется и в отказе от кириллицы, и в возвеличивании прошлых незначительных событий в жизни этих народов, вплоть до эпохальных, и в дистанцировании и даже до открытой враждебности, как это случилось сначала в Грузии, а затем на Украине, и в той или иной мере повторяется в ряде других бывших союзных республик.

На общественный договор повлияла возобновившаяся дискуссия о конвергенции идеологии и практики социализма и капитализма. Но осуществляемая попытка после 30 лет отрицания социализма привела, по мнению Р. Гринберга, к

тому, что взяли худшее от того и другого: от капитализма – без профсоюзов (без защиты), с феодальным произволом собственников, к абсолютизации рынка, от социализма – тотальный контроль без демократии, к утопизму планирования всего и всея [Гринберг, 2012].

Однако реальность показала, что, хотя и медленно, но шло признание опыта и традиций Советского Союза. После блуждания вернулся в обновлённом виде гимн СССР. Стали постепенно реанимироваться и отдельные элементы прежней общественной жизни: студенческие стройотряды, доски почёта, награждение передовиков, использование дружинников для охраны общественного порядка и пр. Объективно в общественный договор возвращались ранее апробированные и сложившиеся связи между народом и властью, что порождало надежду на преодоление кризисных явлений и нахождение рациональных путей развития общества и государства.

Особо следует отметить такой социально-психологический феномен, как ностальгия по советской жизни, которую испытывают до двух третей людей (65–67% в 2022 г.) По мнению отдельных аналитиков, как, например, Л. Гудкова, «ностальгия по СССР и идеализация советского времени с его мифами о справедливости и равенстве являются единственным нецензурированным способом выразить недовольство положением вещей в современном российском обществе. Отсутствие новых идей будущего и целей развития у государства вынуждает общество апеллировать к прошлому в контексте «не менять нынешнюю ситуацию, а восстановить прошлую». Но трактуя их как советские мифы, он не обращает внимание на то, что ностальгия отражает сожаление по вполне оправданным и укоренённым в сознании людей правилам и традициям рационального общежития, организации общественной жизни [Гудков, 2021].

Нужно особо подчеркнуть, что ностальгия – это не только

воспоминания. Это когда реальное и идеальное отождествляется. Люди не понимают и не принимают, в какой реальности живут. Прежняя реальность была понятна и одобряема. Человек не может жить с сознанием, что живёт в неопределённости между собой и обществом.

Особенно это сказалось на старшем поколении. Приведём слова военного лётчика, участника Великой Отечественной войны, академика, главного редактора газеты «Правда» в 1975–1989 годах В. Г. Афанасьева, который был свидетелем того, как рушилось всё, чему он служил. Для него это стало настоящей трагедией. «Не всё было так плохо в доме, который развалили… Я часто испытываю чувство тревоги, безысходности. Порушено дело, которому посвятил всю жизнь. И дикая мысль приходит в голову: а не лучше было бы погибнуть вместе с миллионами сверстников во время войны?» [Цит. по: Искатель истины… 2008: 7].

Ностальгия характерна не только для россиян. По данным социологического опроса ВЦИОМ, проведённого совместно с Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор», Исследовательской группой ЦИРКОН (Россия), Социологической Лабораторией «НОВАК» (Белоруссия), Компанией «Research & Branding Group» (Украина) и Институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» (Казахстан) на декабрь 2006 г., большинство жителей России, Белоруссии, Казахстана и Украины сожалеют о том, что Советский Союз распался. Особенно была сильна ностальгия в России (68% против 24% не сожалеющих), несколько слабее – на Украине (59%/30%), в Белоруссии (52%/36%) и в Казахстане (47%/35%).

В настоящее время Россия живёт по Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Конституция обладает высшей юридической силой, закрепляющей

основы, полномочия представительных, исполнительных, судебных органов власти и местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина. Поэтому вполне естественно, что общественный договор опирается (и должен опираться) на Конституцию страны. Однако, по данным социологического опроса, проведённого ВЦИОМ в декабре 2017 г., только 61% россиян были убеждены, что Конституция Российской Федерации является документом, полностью или скорее полностью отвечающим нуждам страны и её народа. В то же время значительное количество людей полагало, что в этом основополагающем документе не в полной мере или с серьёзными издержками решены их гражданские и личные проблемы, что они сомневаются в способности государства обеспечить и удовлетворить их потребности и интересы. Значит, налицо расхождение между тем, что государство считает важным и необходимым для своего существования, и тем, как об этой важности и необходимости мыслят люди. Иначе говоря, в реальности существуют разногласия между государством и частью народа. Значит, государству в лице политической власти предстоит не только осмыслить это расхождение, знать о нём, но и его минимизировать, не доводить ситуацию до социальной напряжённости, конфликта и даже возможного социального взрыва.

Провозглашённое в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1), и означает некую общую установку, которая не конкретизирована до понимания и воплощения её в текущей повседневной жизни, что тоже влияет на устойчивость общественного договора. В связи с этим приведём пример современного Китая, где на фоне общей цели – строительство социализма с китайской спецификой – был утверждён и начал успешно реализовываться принцип добиться средней зажиточности по

сравнению с мировыми стандартами. При более подробной конкретизации это означает: этап решения проблемы питания и одежды для населения с постепенным достижением признанных наукой и практикой стандартов уровня и качества жизни. Это не только устроило, но и вдохновило миллионы простых китайцев, около 100 млн которых за последние 10 лет вышли из зоны бедности [Чжан Тянь, Романенко, 2009]. В России попытки преодолеть низкий уровень благополучия людей пока остаются нерешёнными: с 2012 г. число россиян, находящихся за чертой бедности, остаётся примерно одним из тем же – около 20 млн чел., или 12% от численности населения.

Намерения, зафиксированные в национальных проектах и нацеленные на решение в 2012–2018 годах, а затем в проектах до 2024 г. таких актуальных социально-экономических проблем, как производительность труда, занятость, уменьшение безработицы и бедности, не были в полной мере реализованы. Более того, многие решения в сферах образования, науки, культуры оказались ошибочными, что было полностью или частично признано на официальном уровне. Ссылки на следование требованиям четвёртой промышленной революции и шестого экономического уклада пока украшают речи, постановления и другие документы, которые при всей их важности не коррелируют с базовыми целевыми устремлениями людей и реально складывающейся социально-экономической ситуацией. В результате, согласно данным Росстата, при намерении повысить на 50% производительность труда в 2012–2018 гг. (в годы первых национальных программ) в реальности получилось только 5% [Аганбегян, 2019]. Эти и подобные конкретные результаты развития российского общества позволяют утверждать, что ещё не найдены в полной мере те цели, которые бы в максимальной степени сближали интересы народа и государства.

Далее общественный договор конкретизируют средства

достижения сформулированных целей, что находит отражение прежде всего в инструментальных способах, направлениях и путях их реализации. Набор этих средств зависит от ситуации, той социально-исторической обстановки, в которой живёт страна. Однако мало учитывается личное осмысление происходящего и его приятие как касающегося жизненного мира людей, что создаёт негативную латентную социально-психологическую почву, которая подрывает уверенность в будущем и побуждает человека сомневаться в целесообразности существующих общественных отношений. Это происходит потому, что в современной России общественный договор долгое время строился на либеральной установке: государство должно максимально ограничить себя ролью «ночного сторожа», а человек сам ответственен за свою настоящую и будущую жизнь. Основным средством достижения благополучия был провозглашён капитал, финансовые средства или попросту деньги.

В то же время не предлагались проекты экономического и социального характера, которые бы свидетельствовали о значимости и роли России. Более того, неолиберальной политикой были разрушены такие отрасли производства, как станкостроение, авиастроение, автомобилестроение и другие, ранее занимавшие передовые места в мировой экономике. В результате потерян значительный человеческий, социальный и научно-технический потенциал, что привело к резкому ослаблению российского государства и поставило под вопрос его самостоятельность, а не роль сырьевого придатка. И хотя эту тенденцию удалось частично переломить, но не настолько успешно, как требуют объективные потребности общественного развития. Перед Россией по-прежнему остро стоит вопрос о коренном изменении экономической политики и связанном с ней социальном единстве народа, без чего существовать общественный договор не в состоянии. О

том, что общественный договор требует совершенствования, говорят данные всероссийских исследований, проведённых социологами РГГУ в 2018–2022 годах в различных отраслях экономики и социально-культурной жизни (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, культура, образование и наука). Они показали, что, хотя от 42,5 до 50% населения считают, что страна развивается в правильном направлении, почти каждый пятый (от 18 до 22,9%) полагает, что развитие идёт в ошибочном направлении при каждом третьем (до 35%) воздержавшемся от ответа [Интеллигенция… 2023: 263].

О привлечении россиян к различным формам и методам управления немало говорится в современной России. Однако, как показывают общероссийские социологические исследования 2020–2022 годов, даже при такой «щадящей» формулировке «Можете ли влиять на принятие решений?» были получены в основном отрицательные ответы: 90,5% – о невозможности влиять на государственном уровне, 89,3% – на уровне республиканской, краевой и областной власти, 83,9% – на городском, районном уровне и 57,8% – на уровне производственной организации [От прекарной занятости…. 2022: 103].

Серьёзной критике подвергаются такие осуществлённые государством акции, как приватизация, налоговая система, оптимизация науки, образования и здравоохранения. Они отвергаются каждым вторым россиянином. Всё это позволяет сделать вывод о том, что средства осуществления экономической и социальной политики ставят под сомнение крепость существующего общественного договора. Очевидно, в политику нужно вносить кардинальные изменения, о чём говорят не только многие представители научной мысли, но и государственные работники [Глазьев, 2011].

Травмированность современной духовно-нравственной сферы российского общества во многом объясняется зафик-

сированным в Конституции РФ положением – в России нет государственной идеологии. Негативное отношение к слову «идеология» обусловлено тем, что в Советском Союзе признавалась (официально) только одна идеология – социалистическая. Поэтому ассоциация понятия «идеология» со словом «социалистическая» (в ряде случаев «коммунистическая») сформировала предубеждённость к ней, иногда превращая это слово чуть ли не в ругательство. Однако, как показывает жизнь, с таким положением не согласны многие, в том числе и представители художественной интеллигенции. «Как жить без идеологии, без чёткого государственного управления? После того как мы решили освободиться от советского прошлого, мы ничего не создали, кроме эфемерных надежд» [Ширвинд, 2022: 101].

Как показывает реальный исторический процесс, идеология, несмотря ни на что, возвращается [Славин, 2009], в то время как отсутствие государственной идеологии стало одним из пороков становящейся российской государственности. Это упущение было замечено уже при Б. Н. Ельцине. Но не желая возвращаться к отвергнутому понятию «идеология», его окружение выдвинуло предложение найти национальную идею. Смысл предпринятого очевиден – народ необходимо объединить вокруг общественно значимых ориентиров, понятных всем и пробуждающих желание и стремление участвовать в их реализации. В результате в 1990-е годы разразился целый бум инициатив, начиная от цитирования слов Уварова (министра просвещения правительства России в середине XIX в.) «Православие. Самодержавие. Народность» до бесконечных поисков найти заветные призывы, устраивающие всех. Однако эти поиски были заранее обречены на провал. Это были идеи отдельных искателей истины, учёных, политиков, просто амбициозных персонажей. И их ограниченность, условность определялась отсутствием обращения

к мнению народа, к пониманию того, чего следует добиваться и как строить отношения в существующем обществе. Отражением этого послужил следующий феномен: как только ни пытались охарактеризовать ситуацию в стране – и «управляемая демократия», и «консервативная модернизация», и «глубинное государство» и т. д. Если рассмотреть сегодняшнюю ситуацию в России, то в реальной политической и духовной жизни российского общества, как в калейдоскопе, сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций, которые самым причудливым образом отражают устремления различных социальных групп и общностей.

В настоящее время крайне важно преодолеть отсутствие государственной идеологии как таковой. По сути любая государственная идеология – это формулировка стратегических целей государства, которые разделяют народные массы, это ценностный ориентир, порождающий не только приятие, но и желание его отстаивать. Подчеркнём, что идеология существует в каждом государстве, независимо от того, провозглашена она или нет. Де-факто она есть и в России. Как показывают результаты социологических исследований, большинство населения России хочет иметь сильное, процветающее и влиятельное государство. Отсутствие у государства и общества стратегической цели в виде идеологии порождает различные специфические, спорные и даже экстравагантные идеи о «милитаризации сознания» (А. С. Ципко) или о превращении среднего класса из опоры общества в источник его раскола и дестабилизации (А. Щипков). Стоит отметить навязчивые и невразумительные попытки и стремления построить в России «славяно-православную политическую культуру» и утвердить «соборно-вечевую мораль» (А. Н. Асопов).

Таким образом, анализ возможностей для консолидации российского общества показывает, что общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной

идеологии, и в то же время при существовании идеологических течений, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки различных социальных классов, общностей, групп. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей своё выражение в государственно-общественной идеологии, с чётким обозначением средств и методов её достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния [Волков, 2000; Макаренко, 2000; Тощенко, 2020].

Общественный договор – это дорога с двусторонним движением, что предполагает существование форм обратной связи между властью и народом, постоянную проверку её эффективности и действенности. Это означает, что политическая власть не только слушает народ, но и слышит его. Суть обратной связи между народом и властью заключается в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе создает «правила игры» – гарантирует условия достойного существования и обеспечивает их выполнение. Люди в свою очередь соглашаются на требования, связанные с безопасностью их жизни и личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются или по крайней мере принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются. Утрата постоянных связей с народом – это утрата связи с реальностью, угроза существования политического режима. Она обязательно проявится в возникновении точек напряжённости, что наглядно ощущалось в определённые периоды существования СССР (во время политики продразвёрстки, в годы коллективизации, а также во времена перестройки). Обратная связь власти и народа в современной России в начале 1990-х годов базировалась на радикальных и внешне привлекательных обещаниях. Но когда стали очевидны огромные социальные издержки: рост неравенства, падение жизненного уровня, рост безработицы, ослабление социальной защиты – началось снижение доверия. Неумение и нежелание считаться с запросами населения проявилось в таких конфликтных ситуациях, как монетизация льгот (замена натуральных льгот денежными компенсациями) в 2005 году, пенсионная реформа, начатая в 2019 году, оптимизация образования и здравоохранения, слом прежней организации науки с 2013 года и др. конфликтные ситуации, в том числе в регионах.

Одним из показателей измерения обратной связи является определение доверия власти посредством социологических опросов. В настоящее время, по данным всероссийских исследований 2021–2022 гг., оно выглядит так: Президенту в зависимости от отрасли экономики и культуры (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, образование, наука) доверяют от 38 до 63% населения (не доверяют от 8,2 до 13%), Правительству – от 16,5 до 41,2% и от 14,5 до 28,8% соответственно, Государственной Думе – от 10,7 до 26,8% и от 30,9 до 49,5% [Интеллигенция..., 2023: 293–296]. Очевидно, что такой социально-психологический показатель, как доверие, формируется исходя из многих обстоятельств жизни людей, но прежде всего через осознание своего социального положения. Иначе говоря, резервы для укрепления общественного договора ещё значительны.

Общественный договор скрепляет и такой критерий, как причастность народа к управлению делами общества и государства. Причём эта характеристика не должна пониматься буквально, только как личное участие каждого человека в деятельности управленческих органов на том или ином уровне социальной организации общества. Поэтому помимо прямого непосредственного участия в работе органов управления, на наш взгляд, стоит говорить о возможности влиять на принятие решений всех без исключения органов управле-

ния. При этом именно осознание причастности и вовлечение в процесс управления делает самих людей более ответственными при осуществлении общественной и трудовой жизни.

Общественный договор предполагает обеспечение консенсуса и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ стратами, социальными общностями и группами внутри любого общества, иначе говоря, учёт многообразия интересов. Причём это согласие призвано осуществляться не только на политическом, экономическом и социальном уровнях, но, что особенно важно, на нравственном, духовном как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу общественного договора. Такое моральное единство возникает в ходе соблюдения и поддержания доверительных отношений, которые устраняют всякие попытки противостояния, соперничества, предубеждённости и строятся на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых в многом зависит от ответственности государственной власти. Однако реальность показывает, что всё больше и больше увеличивается социальная пропасть между богатыми и бедными, которая приобретает характер не только недоверия, но и ненависти. Это противостояние имеет объективные корни: разрывы в доходах между первой и десятой стратой составляет 1 к 16 (по официальным данным) и 1–30 и более (по заключению ряда экспертов). Правда, это не означает, что ценностные ориентации остаются неизменными: поиск согласия в целом обществе и между основными субъектами действия – это постоянное требование для сохранения и поддержания общественного договора.

Наконец, важное значение приобретает учёт интересов территориальных, этнонациональных и конфессиональных особенностей и их роли в укреплении общественного договора. В связи с этим актуально утверждение о том, что забвение интересов институциональных образований ведёт к утрате связи с реальностью, способствует возникновению точек напряжения и, как следствие, порождает угрозу существования государства и его политического режима [Ускова, Кожевников, Лукин, 2022).

При трактовке сущности и содержания общественного договора в современной России нужно также учитывать, что он не может оставаться неизменным в течение длительного времени. Он постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Об этом свидетельствует опыт развития всех стран, в том числе России, когда опорные точки общественного договора менялись, уточнялись или замещались другими критериями.

Заключение

Анализ содержания общественного договора на этом этапе российской истории ставит вопрос принципиального характера, который убедительно выразил французский политический деятель, писатель, философ, социолог А. Токвиль: во всех переломных процессах развития государства народ предпочтёт достижение социального равенства, а не демократию [Токвиль, 2008: 17–29], что, на наш взгляд, характерно и для России.

Прерывание социалистического пути развития России оспаривается видными деятелями западноевропейской мысли. Так, архиепископ Кентерберийский Уильям Темпл утверждает, что социализм – это экономическая реализация Евангелия, и ставил верующих перед выбором: «социализм или ересь» [Temple, 1976: 39].

Однако после августа 1991 г. произошло не изменение и совершенствование социалистического развития, на которое рассчитывали более 76% советских людей во время всесоюзного

референдума в марте 1991 г., а принятие и начало реализации принципиально иной стратегии – проведение политики так называемой “creating destruction” – созидательного разрушения, которую обосновал австрийский и американский экономист Йозеф Шумпетер применительно к науке, технологии и технике. Смысл этой теории состоит в том, что в науке, технологии и технике нечто принципиально новое происходит крайне редко, в результате чего он доказал, что оно осуществляется посредством некоторой перегруппировки в рамках уже имеющейся парадигмы. Но это положение было подхвачено и абсолютизировано либеральными деятелями и политиками России и распространено на развитие общества. В результате произошла подмена смысла, более того, его искажение, что совершенно недопустимо ни в теоретическом, ни в прикладном аспекте. В результате началось всеохватывающее разрушение всего и вся, относящегося к советском прошлому, его практике, причём не только в экономике, но и во всех сферах общественной жизни. А попытки всё же использовать опыт советской эпохи жёстко пресекались, хотя в 2010–2020-е годы началось частичное его признание по отдельным направлениям.

Путь «созидательного разрушения» применительно к обществу достаточно быстро показал ошибочность и порочность такой политики, в результате которой страна утратила многие достижения советской эпохи и в целом даже не достигла тех рубежей, которые Россия имела в 1990 г. Результаты этой политики оказались весьма проблематичными и противоречивыми и для общественного договора.

Эти просчёты сразу же сказались на состоянии общественного договора, что проявилось прежде всего в расхождении мировоззренческих целей и ориентиров, к которым стремятся россияне. Как показывают социологические исследования, примерно треть взрослых жителей страны придерживается социалистических и коммунистических взглядов

в самых различных его вариантах: 15–18% – либеральных, около 40% – национально-патриотических [Россия реформирующаяся… 2023]. Наряду с наличием и таких ориентаций, как монархические, религиозные предпочтения, приходится признавать, что прежнее единодушие разрушено, ушло в прошлое и не предполагается, что произойдёт консолидация вокруг одной идеологии и однозначных политических целей. Тем более, что эти мировоззренческие ориентации проявляют себя в сравнительно пассивном варианте в процессе избирательных компаний при массовом дистанцировании от участия в деятельности политических партий и движений. Поэтому этот канал по укреплению общественного договора практически не работает, хотя частично компенсируется установкой на необходимость самобытного развития России.

Политическая дифференциация усиливается социальным неравенством, которое разделило общество на две неравные части – меньшинство, которое получает высокие доходы, а большинство борется за выживание. В 2023 г. среднедушевые доходы выше 100 тыс. руб. в месяц фиксировались лишь у 11,2% населения. А наиболее многочисленной к 2023 г. стала группа со среднедушевыми доходами в диапазоне 27–45 тыс. руб. – в неё вошли более четверти россиян (26,2%).

Налицо сложилась противоречивая картина. С одной стороны, по международному рейтингу из 130 значимых стран Россия по уровню экономического развития занимает 40-е место (по паритету покупательной способности). По уровню реальных доходов населения – примерно 50-е место. По бедности населения и социальному неравенству по доходам – 70–80-е места. По подсчётам академика А. Г. Аганбегяна, 10% самого бедного населения получают около 2% совокупного дохода, а 10% самых богатых – около 30% [Социальное неравенство… 2023: 24].

При этом всё возрастающее значение приобретают тре-

бования обеспечить соблюдение социальной справедливости, суверенитет личности, а также уверенность людей в своём будущем и будущем своих детей. Эти требования на устойчивость общественного договора влияют самым непосредственным образом, так как в общественном сознании справедливость всегда (нередко подспудно) сохраняет свою ценность как восприятие людьми своей жизни по специфически усвоенным и укоренённым законам совести, уважения к личности и обеспечения гарантий безопасности. Это особенно наглядно проявляется в скрепляющем общественный договор представлении людей (народа) о социальном благополучии, о возможности его достижения или о допустимом его частичном отсутствии, но по понятным для большинства причинам. Именно нарушение представлений о справедливости, особенно вопиющее, служит поводом и причиной всех происшедших или назревающих конфликтов, когда в обществе созданы/создаются реальные разрывы в социальном положении различных общностей, страт и групп. В этом случае существование общественного договора зависит от того, имеет ли народ возможность сопоставить свои устремления, свои интересы с пониманием и приятием того, куда его зовёт государство, и насколько он согласен с тем, что ему нужно делать и к чему стремиться.

Поэтому не удивительно и понятно, почему даже «поздний Советский Союз остаётся в воспоминаниях людей как страна их молодости, мир, если не прекрасный, то благополучный. Много было приятного. Например, чувство уверенности в завтрашнем дне, той самой стабильности» [Беляков, 2021].

В заключение приведём данные Института социологии ФНИСЦ РАН и ВЦИОМ, которые были получены при оценке общественной ситуации в стране. Как показал опрос населения, в памяти людей осталось только два основных

достижения: возможность свободно выезжать за рубеж и возможность получения информации без всяких ограничений [Горшков, 2016: 164]. Все остальные результаты были оценены отрицательно или скептически. И на этом фоне возникает вопрос, а надо ли было таким образом проводить и осуществлять реформы, когда основные цели и ориентиры в экономике и в социальной жизни не были реализованы, не были достигнуты. В конечном счёте, даже названные достижения – ездить за границу – использует не так уж много людей, как и возможность использовать гласность имеет в настоящее время весьма специфические особенности при её фактической реализации. Что касается данных ВЦИОМ, то главными последствиями «творческого разрушения» 38% россиян назвали «нарастание неуверенности», 35% – «нарастание хаоса», 33% – «кризис национальных отношений» и 28% – «углубление экономического кризиса», причём 21% склонились к тому, что это «была с самого начала ошибочная затея» (Версия. 2015. № 16).

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что в настоящее время концепция «общественный договор» в полной мере ещё не оформлена. Она является важнейшим теоретическим и прикладным конструктом для анализа и объяснения эволюционного или революционного развития государства и общества. Эта концепция предполагает включение в себя согласованной политики по преобразованию социально-экономической и политической среды, одобряемых методов и форм государственного и политического управления, приемлемого идеологического воздействия на общественное сознание. В конечном счёте в процессе реализации общественного договора формируются представления, убеждения и действия по достижению совместных согласованных целей народа и государства, согласие с тем, что они имеют общую судьбу.

Список литературы

Аганбегян А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 3–15. EDN WYQTKP.

Беляков С. Парижские мальчики в сталинской Москве. М. : Редакция Елены Шубиной, 2021. 672 с. ISBN 978-5-17-132830-6.

Бобков В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. № 2. С. 91–104. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00018. EDN AXGJGY.

Волков Ю. Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М. : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2000. 137 с. EDN VKVHEB.

Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М. : Альпина, 1994. 160 с.

Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М. : Экономическая газета, 2011. 576 с. ISBN 978-5-900792-87-3. EDN QPUMIN.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1 / М. К. Горшков ; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. 416 с. ISBN 978-5-94881-342-4. EDN WETWRZ.

Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М. : Магистр, ИНФРА, 2012. 416 с. ISBN 978-5-9776-0217-4. EDN QVDTDR.

Гудков Л. Единство империи в России удерживают три института: школа, армия и полиция // Левада-центр : [сайт]. 11.05.2021. URL: https://www.levada.ru/2021/05/11/lev-gudkov-edinstvo-imperii-v-rossii-uderzhivayut-tri-instituta-shkola-armiya-i-politsiya/ (дата обращения: 23.07.2024.)*.

* АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений : сб. научных статей / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований ; под общ. ред. Ж. Т. Тощенко ; ред.-сост. М. С. Цапко, Е. А. Колосова. М. : РГГУ. 2023. 344 с. ISBN 978-5-6047749-9-1. EDN GHHYUR.

Искатель истины с улицы Правды : 35 рассказов о философе, который правил главной газетой страны в эпоху четырех генсеков / Сост. О. Афанасьева. М. : Деловой ритм, 2008. 254 с. ISBN 978-5-903291-06-9. EDN QWIRFL.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Изд-во Эксмо, 2005. 832 с. ISBN 5-699-08331-6.

Кондрашов С. На сломе эпох. 1982–2006: летопись очевидца. В 2-х томах. Т. 2. 1992–2006. М. : Междунар. отношения, 2007. 613 с. ISBN 978-5-7133-1303-6. EDN QPFWJR.

Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006) : [монография] / В. К. Левашов. М. : Академия, 2007. 521 с. ISBN 5-87444-328-2. EDN BGWAUE.

Лившиц А. Ненужная связь // Известия. 2003. 3 июля.

Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д. : Феникс, 2000. 480 с. ISBN 5-222-01414-2.

Минкин А. В. Президенты RU // Электронная библиотека RoyalLib.com : [сайт]. 1992. URL: https://royallib.com/read/minkin_aleksandr/prezidenti_RU.html#0 (дата обращения: 05.10.2024).

От прекарной занятости к прекаризации жизни / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. М. : ООО Издательство Весь Мир, 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1. EDN VOKUSY.

Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа) : [монография] / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов, А. В. Кученкова [и др.]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с. ISBN 978-5-906001-76-4. EDN ATVUBE.

Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. М. : ООО Издательство «Весь Мир», 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6. EDN ECFFBH.

Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков ; вып. 21. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 448 с. EDN XIKTPH.

Сакс Дж. Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени / Дж. Д. Сакс ; пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Изд. Института Гайдара, 2011. 424 с. ISBN 978-5-93255-306-0. EDN QURNJJ.

Славин Б. Ф. Идеология возвращается. М. : Социально-гуманитарные знания, 2009. 648 с. ISBN 978-5-901715-86-4. EDN QPOEWN.

Социальное неравенство : материалы заседания 10 июня 2023 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г. А. Тосуняна]. М. : ООО «Новые печатные технологии», 2023. 145 с. ISBN 978-5-6050015-8-4.

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теория и реальность. М. : Новый Хронограф, 2014. 408 с. ISBN 978-5-8488-1216-8. EDN SDCPKB.

Токвиль А. де Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб. : Алетейя, 2008. 250 с. ISBN 978-5-91419-031-3. EDN QPIPXR.

Тощенко Ж. Т. Идеологические отношения: опыт социологического анализа. М. : Мысль, 1988. 288 с. ISBN 5-244-00131-0.

Тощенко Ж. Т. Идеологическое распутье как характеристика современного российского общества // Демократия и социализм XXI. 2021. № 10. С. 25–44. EDN VZEWBD.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Издательство «Весь мир», 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN QLXXDD.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1. EDN VKRCMM.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : ЦСПиМ, 2015. 668 с. ISBN 978-5-906001-22-1. EDN TRUIJB.

Ускова Т. В. Российские территории: 30 лет в условиях рынка : монография / Т. В. Ускова, С. А. Кожевников, Е. В. Лукин ; под общ. ред. В. А. Ильина ; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда : ВолНЦ РАН, 2022. 315 с. ISBN 978-5-93299-557-0. EDN TEANEG.

Франкл Ф. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с. ISBN 5-01-001606-0.

Чжан Т. Строительство среднезажиточного общества в Китае: сущность и социально-экономические проблемы / Т. Чжан, М. В. Романенко // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 4. С. 312–318. EDN LAKBZR.

Ширвинд А. А. В промежутках между. М. : КоЛибри, 2022. 192 с. ISBN 978-5-389-15960-0.

Temple W. Christianity and the Social Order. London : Penguin, 1976. 128 p.

Раздел 3. Участие социальных общностей и групп в функционировании общественного договора: достижения и просчёты

Глава 13
Самая массовая и самая близкая к народу интеллигенция: место и роль педагогов в обеспечении общественного договора

Общество не может быть более развитым, чем его образование

Дж. Кеннеди,
президент США (1960–1963)

Введение

В становлении и обеспечении общественного договора педагоги занимают одно из важнейших мест, что выражается в установлении согласия и доверия между ними и политической властью. Такой вывод не случаен. Помимо того, что эта социальная общность – педагоги – является самой многочисленной среди интеллигенции, именно они, особенно учительство, в наиболее полном виде олицетворяют верность историческому наследию и гуманистическим традициям. Для большинства русской интеллигенции был присущ исповедуемый ею долг – служить народу, просвещать его, способствовать росту его самосознания и достоинства. Именно в этом многие представители учительства видели свою социально-нравственную миссию.

На учёте этих существующих в среде интеллигенции устремлений и ориентаций были построены, провозглашены декреты и другие решения советской власти в области просвещения. Более того, их действие не замедлило себя ждать. И хотя они не в полной мере отражали установки и идеи рядовых учителей, тем не менее кардинально решали задачи по созданию новой организационной и содержательной структуры народного образования.

Знаменательно, что на третий день после взятия власти (9 ноября 1917 г.) была учреждена Государственная комиссия по просвещению под руководством А. В. Луначарского (в её состав входили Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, П. Н. Лепешинский, Л. Р. Менжинская, В. М. Познер и др.), на которую возлагалась задача руководить всей сетью народного образования и культуры. В её первом заявлении была провозглашена цель – «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путём организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения». Поэтому не удивительно, что в этих акциях советской власти большинство учителей увидели возможность реализовать свои намерения и мечты в отношении своего народа.

Ликвидация неграмотности как социальная революция

Уникальной по замыслу и размаху стала политика советской власти по ликвидации безграмотности. Эта цель была реализована через создание исторически значимого социального проекта (программы) и сети государственных и общественных органов и организаций по реализации новой образовательной политики, нацеленной на ликвидацию неграмотности и подготовку новой советской интеллигенции.

Говоря о ликвидации неграмотности, напомним историю появления этого уникального документа. Идея о её преодолении в стране возникала задолго до Октябрьской революции.

Так, московский комитет грамотности ещё в 1845 г. предложил ввести в стране начальный всеобуч. После отмены крепостного права об этом заявил и Петербургский комитет грамотности, считая это необходимым для сохранения достоинства и целостности России. Однако попытки принять закон о всеобщем начальном образовании не был принят ни в XIX веке, ни Первой, ни Второй, ни Третьей Столыпинской Государственной думой. Да и политические партии этого времени на ту потребность не обращали особого внимания. До революции кроме большевиков только партия кадетов имела в своей программе подраздел о введении всеобуча.

Напомним также, что первая Всероссийская перепись населения в 1897 г. выявила, что 79% населения не умеют читать и только 1% имеют высшее и 4% среднее образование.

Ликвидацию неграмотности советская власть начала с осуществления организационных мер по воплощению этой программы в реальной жизни. Наряду с передачей всех учебных заведений, в том числе вузов, в ведение Наркомпроса РСФСР согласно декрету СНК РСФСР от 11 декабря 1917 г., был создан внешкольный отдел под руководством Н. Крупской. Одной из его основных задач была провозглашена ликвидации неграмотности (ликбез) в стране. Не были забыты даже вопросы методического обеспечения: 28 ноября 1918 г. был издан декрет об учреждении в Петрограде особого института для подготовки инструкторов и работников по внешкольному образованию, подписанный Народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским и Комиссаром по внешкольному образованию Л. Р. Менжинской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). Удивительно, что в условиях гражданской войны, когда имелась реальная угроза существованию республики Советов, фактом стало непрекращающееся внимание к тем социальным институтам, которые формировали культурный и мировоззренческий облик людей.

Новая власть, несмотря на военные заботы, постоянно осуществляла и контролировала меры по реализации своих решений, касающихся народного просвещения. И это приносило плоды. Выступая в июне 1918 г. на съезде учителей-интернационалистов, Ленин говорил, что «учительство, которое раньше медленно переходило на работу с Советской властью, теперь всё больше убеждается в том, что эта совместная работа необходима. Подобные превращения из противников в сторонников Советской власти очень многочисленны и в других слоях общества. Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительские задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения» [Ленин, 1969: 420].

Призывы были подкреплены шагами по анализу того, как это осуществляется в реальной жизни. Для этого в мае 1919 г. был проведён первый Всероссийский съезд по школьному и внешкольному образованию. Согласно его решению, ликвидация неграмотности стала рассматриваться как непременное условие обеспечения сознательного участия всего населения в политической и хозяйственной жизни советской России.

Но данным решениям требовалась законодательная поддержка. И советская власть откликнулась на инициативу и рекомендации этого съезда: 26 декабря 1919 г. был принят декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности в РСФСР». Есть свидетельства того, что его готовил рядовой сотрудник Народного комиссариата просвещения некто Гудзь (имя достоверно неизвестно). Он трудился над текстом в валенках, шубе и перчатках, так как в это время отапливался только Кремль. Из-под огрызка карандаша Гудзя вышел документ, не имеющий аналогов в мировой истории. Всех неграмотных в возрасте от 8 до 50 лет обязывали учиться (на русском или родном языке по желанию), а уклоняющимся или препятствующим грозила даже (!) уголовная ответственность.

В дальнейшем для организационного воплощения и претворения в жизнь этого декрета в 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Кстати, никого к уголовной ответственности не привлекли за всё время существования этой комиссии. Но нежелающим учиться сокращали зарплаты, исключали из профсоюза, отказывали в приёме на работу. И в то же время стимулировали желание обучаться: для взрослых сокращали рабочий день на два часа.

Комиссия взяла под свой контроль организацию сети курсов ликбеза, подготовку учителей, издание учебной литературы. Каждый населённый пункт с числом неграмотных свыше 15 должен был иметь школу грамоты (ликпункт). В программу обучения включались чтение, письмо, счёт. Затем программа была уточнена: занятия имели целью научить читать ясный печатный и письменный шрифты; делать краткие записи, необходимые в жизни и в служебных делах; читать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться в диаграммах и схемах. Одновременно эти пункты выполняли и идеологическую роль: обучающимся объяснялись основные вопросы строительства советского государства. В дальнейшем с 1925/1926 учебного года в программы ликбеза в качестве обязательного был введён курс политграмоты.

Осуществлялась и забота о материальной базе этой компании по ликвидации неграмотности. Предусматривалось первоочередное снабжение ликпунктов учебными пособиями, письменными принадлежностями. В 1920–1924 годах были напечатаны два издания первого советского массового букваря для взрослых Э. Элькиной, Н. Богуславской, А. Курской. В нём отразились ключевые культурные, социальные, экономические процессы страны, которые сформировали будущее советское общество. Здесь впервые появился палиндром «Мы не рабы, рабы не мы». Уже в самом оформлении и вёрстке

издания чувствуется влияние футуризма. Текст для учеников набран крупным шрифтом лозунгов. Одновременно его сопровождают небольшие справки для работы учителя. Мысль о необходимости перемен и их текущем характере повторяется снова и снова, почти на каждой странице, принимая более развёрнутую форму и обрастая большевистской лексикой. Тексты отличаются большой ритмичностью, а личное обращение на «ты» скоро заменяется коллективным «мы». От простых тестов букварь быстро переходил к сложным. В нем были напечатаны стихи Н. Некрасова, В. Брюсова, М. Горького. После каждого из них помещался вопрос идейного или социального характера, который следует обсудить в классе. Авторы прямо заявляли, что обучение чтению и письму должно быть связано с политической грамотой, а для этого весь процесс обучения необходимо изменить. Работа с букварём предполагала не просто повторение материала и общение учителя с учениками, но и практически непрекращающуюся политическую дискуссию. Несогласие с учителем не было признаком провала. При всём разнообразии мнений букварь подталкивал задуматься о социальной природе общества.

Одновременно с овладением навыками чтения и письма у обучающихся формировали культуру устной речи – ведь от советского гражданина требуется не только умение писать и читать, но и выступать на собраниях, делать доклады, участвовать в прениях [Элькина, 1920].

В те же годы появился «Рабоче-крестьянский букварь для взрослых» В. В. Смушкова (1920). Задачей автора было дать в нём материал, пригодный для взрослого учащегося. Поэтому данный букварь отличался от обычного подбором слов и фраз для чтения, взятых из окружающей жизни и быта. Принимая во внимание, что часто неумению читать и писать сопутствует также и политическая безграмотность, автор счёл необходимым составлять и подбирать такие статьи для бук-

варя, которые могли бы дать учащемуся ясное представление об отдельных сторонах общественной и социально-культурной жизни.

Стоит отметить и другие учебники: «Букварь для рабочих» и «Букварь для крестьян» Е. Я. Голанта, в которых сочетались метод целых слов (практиковавшийся в яснополянской школе Льва Толстого) и аналитико-синтетический метод освоения грамоты.

Особое внимание было обращено на издание массовых букварей и других начальных пособий для взрослых на национальных языках: украинском, белорусском, киргизском, татарском, чувашском, узбекском и др. (всего было издано около 40).

Первые советские буквари были устроены принципиально по-иному – они внушали (и внушили) большинству людей важность быть образованным человеком, который достоин большего уважения и признательности. И это осознание своего достоинства переходило в признание роли официальной власти, росту доверия к ней.

В этой великой программе особое место отводилось тем, кто реализовывает эти цели. Народному комиссариату просвещения предоставлялось право привлекать не только учителей, но и всех грамотных лиц к обучению взрослых и детей на основе трудовой повинности. А так как эти люди, как правило, не имели педагогической подготовки, во всех действующих букварях прилагалось краткое руководство для преподавателя. Поэтому не удивительно, что по ориентировочным подсчётам к ликвидации неграмотности уже на начальном этапе были привлечены десятки тысяч грамотных людей, которые могли передать свои личные знания и навыки для обучения огромных масс неграмотного населения.

Особо отметим, что все активные участники по ликвидации неграмотности могли иметь разные мировоззренческие

(идеологические) позиции. Но их роднило одно – они служили своему народу и поэтому даже не доверяющих советской власти примиряло с ней, так они понимали важность осуществляемой им деятельности. И это было тем фундаментом, который способствовал взаимопониманию, принятию рекомендаций по осуществлению работы, особенно со старшим поколением. Тем более, что снимались все возможные ограничения и препятствия по участию в этой компании. Так, органам народного просвещения для организации занятий по обучению неграмотных позволялось использовать народные дома, церкви, клубы, частные владения, подходящие помещения на фабриках, заводах и в других учреждениях. Наркомпросу и его местным органам предоставлялось право привлекать к обучению неграмотных все общественные организации, а также всё грамотное население страны в порядке трудовой обязанности.

В процессе ликвидации неграмотности согласно решению 1-го Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности (1922) первостепенной задачей признавалась необходимость обучать грамоте в первую очередь красноармейцев, призывников, рабочих, членов профсоюзов, комсомольцев, членов сельских коллективных объединений в возрасте от 18 до 30 лет. Срок обучения неграмотных на ликпунктах устанавливался до семи месяцев, малограмотных – до шести месяцев, а в школах для малограмотных (6–8 часов еженедельно).

К официальным усилиям подключились и добровольные общественные объединения. В 1923 г. было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность!» (ОДН). Его руководителем с 1925 г. стал председатель ВЦИК (глава государства – Ж.Т.) М. И. Калинин. В результате в 1920-е гг. это общество стало одним из самых массовых и популярных. По всей стране были созданы местные отделения этого общества, которые работали с населением под лозунгом: «Все на борьбу с неграмотностью». Не будет пре-

увеличением утверждение, что вся страна села за книги. Учились все от мала до велика. Общество «Долой неграмотность!» одновременно выполняло и роль координатора работы разных организаций и учреждений и вело самостоятельную практическую работу.

Материальная база ОДН складывалась из добровольных взносов предприятий, учреждений, редакций газет, отчислений с патентов на право продажи некоторых товаров и продуктов, пополнялась членскими взносами и средствами от продажи значков, билетов на различные культурные мероприятия. Высокими были и государственные дотации обществу.

Авторитета и значимости этой организации добавляли поддержка, помощь в создании учебников, постоянные выступления таких видных представителей литературы и искусства, как М. Горький, Л. Сейфуллина, В. Брюсов, В. Маяковский, Д. Бедный, а также ученые Н. Марр, В. Бехтерев и другие.

Уже к концу 1923 г. общество «Долой неграмотность!» объединяло около 100 тыс. членов (на первом этапе учителей и просто грамотных из других слоёв населения), а к концу 1925 г. – около 1,6 млн энтузиастов и около 12 тыс. ликпунктов. И их число постоянно росло, проникая в самые отдалённые места проживания населения. В 1930 г. в ОДН насчитывалось около 3 млн членов и 200 тыс. ячеек.

Общество через одноимённое издательство выпускало газеты и журналы по ликвидации неграмотности: «Культпоход» (1930–1932), «Повысим грамотность» (1933–1936) и «Бюллетень центрального Совета общества “Долой неграмотность”» (1930–1935), буквари, пропагандистскую и методическую литературу (в 1927 г. издательство вошло в состав Госиздата РСФСР). После 1-го Всесоюзного съезда ОДН (1926 г.) были созданы комиссии по работе среди национальных меньшинств, для чего привлекались не только знающие язык и культуру того или иного народа, но и желающие участвовать в этом ответственном деле представители всех слоёв интеллигенции.

Со 2-й половины 1920-х гг. общество перенесло основную работу в деревню, где концентрировалась существенная масса неграмотных. Увеличилась и шефская помощь города селу по ликвидации неграмотности. Тогда же в деревню было отправлено более 4 млн букварей. Представители общества занимались переучётом неграмотных, вели групповые занятия, индивидуальное обучение. Максимально использовались избы-читальни, красные уголки и любые помещения, пригодные для обучения, в которых учителя обучали неграмотных сельчан.

Эта программа – обучить основное взрослое неграмотное население страны – была завершена к началу 1930-х гг., хотя работа продолжалась все 30-е годы. За время своего существования (1923–1936 гг.) члены общества обучили около 5 млн неграмотных и малограмотных. Это была реализация своеобразной социальной революции в области образования.

В середине 1930-х годов было признано, что ОДН свою задачу выполнило. Однако ликвидация неграмотности продолжала осуществляться вплоть до Отечественной войны. Из личных воспоминаний: в деревне, где я родился, и где мои родители были сельскими учителями, продолжалась реализация провозглашённой образовательной политики – грамотными должны быть все. И я помню класс нашей начальной школы, где по вечерам рассаживались мужики и учились писать буквы. Я помню те мозолистые руки, которые держали в руках карандаши, а по лицу их тёк пот, олицетворяя крайнее напряжение и желание соответствовать новым требованиям. И помню неподдельную искренность моих родителей при организации и проведении этих уроков: они сами были выходцами из крестьянских семей, которым посчастливилось получить образование в 1920-е годы, и они искренне считали своим дол-

гом поделиться своими знаниями с теми, кто был ранее лишён такой возможности. Можно утверждать, что результатом ликвидации неграмотности стала реализация мечты Н. Некрасова о временах, когда «Белинского и Гоголя с базара понесут». Советская власть довела до ума этот уникальный проект. То, что было ранее в основном элитарным (дворянским, купеческим) потреблением, стало достоянием миллионов.

Конечно, инициаторы этого гигантского социального проекта учитывали опыт прошлого, начиная со знаменитой кампании Kulturkampf в Германии времен Бисмарка, но масштабы задач и размах работы, проводившейся в СССР, были совершенно беспрецедентны. Американский историк Б. Эклоф констатировал: «Есть все основания говорить, что за 22 года (1917–1939) Советский Союз достиг того, на что Британии, Франции и Германии потребовалось по меньшей мере столетие, причём основные успехи были достигнуты в течение всего одного десятилетия» [Цит. по: Ворошилова].

В целом к 1939 г. по официальным данным грамотность в стране составляла 87,4%, что позволяет утверждать, что такая впечатляющая, не знающая аналогов социально-культурная программа была выполнена и стала одним из важнейших показателей укрепления общественного договора педагогических кадров и их воспитанников с политической властью.

Специфика борьбы с неграмотностью состояла не только в её масштабах и темпах, но и в том, насколько она была идеологически и даже психологически связана с общим характером и направленностью перемен, происходивших в обществе. Советская программа образования радикально отличалась от политики, проводимой в царской России, и по составу участников, и по форме, в которой подавались умения, навыки и пропагандируемые ценности. Дореволюционные школьные издания опирались на веру в Бога, царя, предлагали чтение молитв и напоминали о том, что крестьянин должен быть благодарен помещику. Первые советские буквари были устроены принципиально по-иному – они внушали (и внушили) большинству людей важность быть образованным человеком, который достоин большего уважения и признательности. И это осознание своего достоинства переходило в признание роли советской власти, способствовало росту доверия к ней [Ликвидация безграмотности... 1993].

Осуществление политики по ликвидации неграмотности внесло в общественный договор новые грани сотрудничества и доверия. Основная масса населения на практике удостоверилась (несмотря на нередкие случаи недовольства и даже конфликты) в том, что советская власть убеждённо (и главное безвозмездно) хотела добра, стремилась сделать для людей лучшие условия жизни, повысить их личную значимость и помочь занять более достойное место в жизни. Одновременно эта политика превращала учителей, которые были вовлечены в процесс ликвидации неграмотности, в сознательных сторонников идей социалистического переустройства общества. К тем, кто был изначально предан социалистическим идеалам, постепенно примыкали и те, кто исповедовал заветы народнической интеллигенции – служить народу, приобщить его к знаниям, передать ему то, чем владеешь как грамотный и информированный человек. Всё это в совокупности стало одной из основ формирования и у обучающих, и у обучаемых черт нового типа личности – советского человека, который осознанно делал шаг в своём развитии, приобщался к достижениям человеческой культуры, что превращало его в приверженца и сторонника социалистических идей с пониманием и осознанием их важности как для общественной, так и для личной жизни.

Таким образом, эта колоссальная по замыслу и масштабу социальная революция в области просвещения – ликвидация неграмотности – достигла впечатляющих результатов: поми-

мо значительного повышения грамотности было сформировано новое мировоззрение миллионов людей как обучаемых, так и учителей, что стало одним из важнейших показателей устойчивости и укрепления общественного договора. В результате с точки зрения исторической перспективы был достигнут баланс интересов в виде социального контракта этой социальной общности – педагогов с политической властью, что стало залогом укрепления взаимного доверия и согласия.

Образование (начальное, среднее, высшее) и общественный договор: в поиске согласия

Принципы образования, впоследствии принятые в Советском Союзе, впервые были сформулированы в Программе РСДРП, озвученной ещё в 1903 г.: всеобщее бесплатное обязательное образование детей обоих полов до 16 лет; ликвидация сословных школ и ограничений в образовании по национальным признакам; отделение школы от церкви; обучение на родном языке и другое.

Законодательное же закрепление оценки и роли образования было осуществлено в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г. В ней декларировалось, что в целях обеспечения трудящимся действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование.

Практическое, организационное преобразование структуры образования началось с принятия 16 октября 1918 г. ВЦИК положения «О единой трудовой школе РСФСР», которое вводило бесплатное обучение детей школьного возраста. Оно упраздняло многотипность школ (гимназии, реальные училища и т. п.). Всем школам присваивалось название

«единая трудовая школа», которая состояла из двух ступеней: 1-я ступень – от 8 до 13 лет, 2-я – от 13 до 17 лет с совместным обучением мальчиков и девочек. Вводились бесплатность обучения и обязательные горячие завтраки. Одним из основных принципов школьного образования было названо трудовое обучение («общественно-полезный, производительный труд»). Внедрялись элементы школьного самоуправления с участием и педагогов и учащихся – «школьные советы» и «собрания школьного коллектива» [Князев, 2023].

На процесс реформирования образования влияли и смежные меры. Так, 5 февраля 1918 г. декретом Совнаркома была отделена церковь от государства и школа от церкви. 10 октября 1918 г. был подписан декрет о введении нового правописания и обновлённого алфавита. Хотя эта работа была начата учёными ещё в начале 1900-х годов, но их предложения и рекомендации постоянно откладывались.

Начавшаяся гражданская война не остановила реформирование образования и реального радикального осуществления политики его доступности для всех слоёв населения, особенно рабочих и крестьян. Большинство учительства с одобрением и пониманием отнеслось к этим намерениям советской власти, так как это отвечало давно устоявшемуся и укоренённому в их сознании пониманию важности и необходимости всеобщего просвещения. Эта ориентация народных педагогов способствовала росту доверия к власти, так как советское руководство на деле демонстрировало верность ранее провозглашённым принципам в области просвещения народа. Результатом этих акций стало то, что советская власть получила благожелательную реакцию как со стороны большинства преподавателей и особенно учителей, так и со стороны народных, главным образом, крестьянских масс.

В этом принципиальном повороте внимания к образованию, имеющем большой социальный, политический и

нравственный эффект, стало обращение Ленина на III съезде комсомола в 1920 г.: «Учиться, учиться и учиться». Призыв, имеющий крупные мировоззренческие и практические последствия, стал реализовываться ударными темпами, формируя у молодёжи принципиально новые черты поведения по отношению к происходящим изменениям в обществе и ориентируя уже не на военные, а на трудовые и учебные свершения. Тем более, что складывающиеся формы и виды народного просвещения демонстрировали то, что оно давало не только знания, но и обеспечивало социальные лифты для миллионов молодых людей, став одним из мощных факторов формирования нового – советского – человека.

Этот призыв стал реализовываться по нескольким направлениям.

Во-первых, массово открывались начальные школы. Но даже к концу 1920-х гг. за порогом наиболее доступной школы I ступени находилось более 40% детей школьного возраста. В школе II ступени положение было ещё тяжелее. Однако основа общественного договора сохранялась, так как интерес населения, особенно молодёжи, стремившейся быстрее научиться какому-нибудь ремеслу, был высок, и поэтому проблема состояла в возможности удовлетворить этот спрос, что ограничивалось острой нехваткой учительских кадров. Но к 1929/1930 учебному году был достигнут значительный прогресс – численность учащихся во всех школах СССР увеличилась с 7 322 062 (1922/1923 учебный год) до 13 515 688 (1929/1930 учебный год), в том числе в начальных школах до 9 845 266 человек; в неполных средних школах до 2 424 678 человек; в средних школах 1 117 824 [Миронов, 1991: 136].

Ускорению этих позитивных изменений способствовало введение в 1930 г. всеобщего обязательного начального образования и меры по развитию среднего образования. В результате к концу 1930-х годов были достигнуты значительные успехи в народном образовании. Численность учащихся в СССР за 20 лет после Октябрьской революции в 1937 г. по сравнению с предвоенным 1914 г. увеличилось в 3,5 раза, в средних школах – в 20,2 раз [Арефьев, 2019].

Важной и качественно новой чертой стало постепенное создание и реализация концепции начального профессионального и среднего специального образования. От практики индивидуального и группового ученичества непосредственно на производстве постепенно формировалась сеть организованного производственного обучения молодёжи в непосредственной связи с потребностью конкретных предприятий или отраслей народного хозяйства. Внимание к нему росло по мере усложнения задач по преобразованию экономики. В 1920-е годы на предприятиях практиковались и множились различные группы по обучению работников. Их создание было ускорено в связи с курсом на индустриализацию страны, который был провозглашён в 1925 г. В результате испытания многочисленных экспериментов по подготовке рабочих кадров страна подошла к созданию начального профессионального образования и обучения, что было законодательно закреплено в 1940 г. В дальнейшем эта сеть неоднократно подвергалась изменениям, попыткам совершенствования, переходу на сочетание общего и специального производственного образования, что в целом отвечало потребностям экономики и культуры [Деев, 2023].

Эта перестройка обучения коснулась и средних специальных учебных заведений, которые стали представлять значимое и весомое звено в структуре образования. В условиях 1920-х годов они подготовили в кратчайшие сроки специалистов с практическими навыками по необходимым экономике специальностям, так как 40–50% учебных часов отводили практическому обучению. В результате в 1929 г. их число в стране достигло 1030. Они проводили обучение на базе семилетней школы, готовили кадры для вновь появляющихся предприятий.

В 30-х годах продолжился рост количества техникумов, число учащихся в которых составило 800 тыс. человек. Они же наряду с выпускниками вузов и со «старыми» специалистами быстро становились руководителями на различных участках функционирования заводов и фабрик. Это высоко ценилось молодёжью, так как наглядно показывало преимущество образования, дающего быстрый профессиональный рост, возможность построить успешную карьеру.

Что касается политики подготовки высококвалифицированных специалистов – новой советской интеллигенции, это решалось путём коренного изменения структуры высшей школы, классового и национального состава студенчества, подготовки кадров для работы в различных отраслях народного хозяйства, науки, культуры. Ещё в декрете СНК РСФСР от 11 декабря 1917 г. все учебные заведения, в том числе вузы, были переданы в ведение Наркомпроса. В этой политике особое внимание уделялось университетам, как научным, учебным и культурно-просветительным центрам. Поразительно, но в 1918 г. и в годы гражданской войны были открыты университеты в Нижнем Новгороде, Днепропетровске, Воронеже, Екатеринбурге (Свердловске). Одновременно стали создаваться и специализированные вузы разного профиля. Уже в 1922/1923 учебном году в стране насчитывалось 248 вузов (216,7 тыс. студентов), а к концу первой пятилетки – в 1931/1932 учебном году – количество вузов в СССР достигло 701 (405,9 тыс. студентов).

В то же время обратим внимание на тот факт, что после начала работы университетов в новой России в их работу были внесены существенные коррективы. Уже в феврале 1919 г. на конференции старост высших учебных заведений Москвы был одобрен призыв Наркомпросса применить принципы трудовой школы и в вузах страны. В этот период реорганизации подверглась факультетская система университетов, появились инженерные, агрономические факультеты, ликвидировались ряд обществоведческих (юридический, философский и др.).

Были приняты меры по изменению социального состава студенчества для того, чтобы подготовить новую советскую интеллигенцию, была осуществлена забота и обращено особое внимание на рабочую и крестьянскую молодёжь, на её подготовку к поступлению в вузы. Поэтому уже в первый год существования советской власти в соответствии с декретом Совнаркома РСФСР «О правилах приёма в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. в них могли поступать все желающие без экзаменов. При этом не требовалось диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы; плата за обучение отменялась. Этот декрет устанавливал равный доступ к образованию, устранял сословные привилегии, к числу которых относилось и требование быть образованным. И хотя происходил значительный рост численности студентов из рабочих и крестьян, далеко не все из них были подготовлены к восприятию университетских лекций и проведению лабораторных и семинарских занятий.

Для того, чтобы преодолеть эту объективную трудность, внимание было сосредоточено на новых формах преподавания, а не на «перевоспитании буржуазной профессуры», которая продолжала и не без успеха выполнять свои функции (Козлова, 2001: 148). Акцент делался на то, как говорилось в приветствии по случаю открытия в октябре 1918 г. Иркутского университета, что «многие бедствия, ныне выпавшие на долю Родины нашей, вызваны исключительно темнотой, в которой и до сих пор пребывает значительная часть населения России» (Цит. по: [Новости… 2018].

Поэтому появилась такая форма довузовской подготовки, как рабочие факультеты, официально узаконенная постановлением Наркомпроса РСФСР от 15 сентября 1919 г. В том же году в Петрограде были открыты 9 вечерних университетов. Для привлечения обучавшимся сокращался рабочий день [Цит. по: Поиск… 2019]. Постепенно оформилась и стала все шире использоваться такая изобретённая и одобренная офици-

альной властью форма подготовки специалистов, как рабфаки. Чтобы помочь рабочей и крестьянской молодёжи завершить общее среднее образование и подготовиться к поступлению в вузы, были открыты рабочие факультеты, сыгравшие значительную роль в изменении состава студенчества (например, в 1925/1926 учебном году выпускники рабфаков составляли 40% всех принятых в вузы) [Новости... 2018].

В эти годы началось превращение вузов не только в учебные, но и в научные и культурно-просветительные центры. В 1928 г. при ВСНХ СССР было создано Главное управление высших и средних технических учебных заведений (Главвтуз). Особое внимание было обращено на подготовку инженерных кадров – стране сверхсрочно требовались специалисты по этой группе профессий – согласно решениям XIV съезда ВКП(б) государство приступило к реализации политики индустриализации. Именно этим продиктовано решение в целях приближения вузов к народному хозяйству об их передаче в ведение соответствующих наркоматов. Были созданы десятки новых вузов или на основе старых образованы новые, отвечающие изменившимся потребностям экономики и культуры. Стали создаваться и специализированные вузы разного профиля. Так, в 1925 г. из училища имени Баумана было выделено 5 технических вузов, в том числе и будущий Московский авиационный институт, которые готовили новую – техническую – интеллигенцию. Была осуществлена поисковая, пионерная форма подготовки инженеров: в 1930 г. открыт первый в стране «завод-втуз» – Государственный институт машиностроения (ЛМЗ-ВТУЗ), высшее техническое учебное заведение, принадлежащее Ленинградскому металлическому заводу, выпустивший в 1934 г. 44 инженера и 33 техника.

В результате, если в 1922/1923 учебном году в стране насчитывалось 248 вузов (216,7 тыс. студентов), то к концу первой пятилетки, к 1931/1932 учебному году, количество вузов в СССР достигло 701 (405,9 тыс. студентов). Для подготовки

научно-педагогических и научных кадров в 1925 г. была организована аспирантура [Миронов, 1991: 136].

Во всех этих формах обучения в рамках концепции единой трудовой школы шёл интенсивный поиск форм и методов воспитания молодого поколения по формированию у него принципиально новых качеств. Ради этого продолжались поиски и эксперименты, примером чего служит создание Сормовского отделения Государственного университета в Нижнем Новгороде. Как официально объявлялось, что только сейчас появилась «возможность приблизить науку к народу», что «только советская власть правильно взглянула на дело народного образования» [Цит. по: Новости... 2018]. Но это лишь частично влияло на социальный состав студенчества. Вопреки домыслам антисоветчиков, выходцы из непролетарских слоёв также смогли обучаться на всех ступенях народного образования, хотя, конечно, были определённые ограничения и эксцессы. Такая организация учебного процесса не помешала учёбе будущих лауреатов Нобелевской премии П. Л Капице и Н. Н. Семёнову, которые не только обучались в МГУ, но и получили возможность стажироваться в университетах Великобритании. А ставший известным выдающийся биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский, хотя и учился, но не получил свидетельства об образовании и не имел учёной степени.

Все эти новые формы и методы в образовании были окрашены духом революционных преобразований, коренной ломки ранее сложившихся стереотипов. При всех пертурбациях в этой сфере в основе образовательной реформы сохранялись идеи русских и зарубежных педагогов: поощрялось педагогическое новаторство, культивировались уважение к личности ребёнка, внедрялись элементы самоуправления.

В целом, в результате этих мер по совершенствованию высшего образования страна получила основу для создания собственной советской интеллигенции, которая уже в недалёком будущем стала одной из основных социальных сил по

обеспечению устойчивости общественного договора в советском государстве.

В последующие годы после реформ 1930-х годов структура учебных заведений кардинально не изменялась, а дополнялась, уточнялась, совершенствовалась.

Уже в 1932 г. школы вернулись к уроку в качестве основной формы проведения учебных занятий. В 1934 г. в школах были введены в качестве обязательных предметов история и география. Стоит отметить, что история стала изучаться в достаточно полном объёме, так как власть считала необходимым ознакомление нового поколения с прошлым России и новыми революционными изменениями в ней.

В 1937 г. было подписано постановление об обязательном семиклассном образовании для всего населения. А уже за период 1933–1937гг. было открыто и оборудовано более 20 тыс. новых школ. Совершенствовались формы и виды получения высшего образования. Так, с 1930 по 1940 год количество высших и средних технических учебных заведений в СССР выросло в 4 раза [Арефьев, 2019].

Особо следует отметить такое направление в работе советских органов по осуществлению образования, как подготовка кадров преподавателей общественных дисциплин, которые были призваны олицетворять реализацию идеологических и политических установок большевистской партии. Их деятельность была направлена на подготовку и воспитание сторонников и защитников социалистического строя, а также на осуществление соответствующей научно-исследовательской работы.

Не был забыт и национальный аспект. Надо особо подчеркнуть, что в 1920–1930-е годы шёл интенсивный и, можно назвать, стратегически оправданный процесс создания практически в каждой республике, крае и области технических и широкой сети педагогических и медицинских институтов. Этими актами решалось несколько задач: развитие массового высшего образования, быстрое обеспечение кадрами, вос-

требованными специалистами для организации рациональной жизни широких слоёв населения, формирование новой советской интеллигенции [Горшков, Шереги, 2020].

На наш взгляд, при всех издержках – больших и/или поисковых – реализовывалась программа по воспитанию будущих членов нового общества с принципиально новым мировоззрением, отношением к общественным проблемам и осуществляемым переменам. Иначе говоря, воспитывался советский человек с качествами преобразователя, творца и доверчивого исполнителя государственных решений. Общественный договор только укреплялся за счёт молодого поколения, желающего созидать новое общество.

Конечно, на этом пути были серьёзные трудности и издержки. Были и протестные выступления некоторых групп педагогов, но в большинстве своём не по политическим или идеологическим, а по профессиональным причинам, связанным с несогласием по многочисленным перестройкам учебного процесса или с требованиями улучшения социального положения.

Поиски и просчёты на пути создания организационной пирамиды народного образования

Анализ процесса становления советского образования в 1920-е годы показывает, что в стране возникла обширная, но организационно рыхлая структура народного просвещения, а также разнообразные виды и формы профессиональной деятельности педагогических работников наряду с созданием разветвлённой сети образовательных центров – от низовых звеньев до высших форм общего и профессионального образования.

На первых этапах народное просвещение развивалось под влиянием идей пролеткульта, когда вместо традиционно

сложившихся способов и методов обучения применялись новаторские, экспериментальные и нередко экстравагантные их формы. Поэтому 1920-е годы характеризуются как годы поиска смелых и оригинальных решений. В. Н. Шульгин, который в 28 лет возглавил Институт методов школьной работы, совместно с М. В. Крупениной выдвинул идею об «отмирании школы» (превращении её в школу-производство, школу-колхоз): в утопическом будущем все взрослые будут обучать и воспитывать детей, создавая идеальную среду. Согласно другим рекомендациям в школах вводились комплексное обучение, лабораторно-бригадный метод, метод проектов. История как школьный предмет была исключена из программы, она была заменена обществоведением. Осуществлялся эксперимент с отказом от классно-урочной системы обучения, вместо учебных дисциплин были введены обучающие комплексы по трём направлениям: «Человек», «Природа», «Общество».

Однако быстро стало ясно, что новые методы преподавания несовместимы с усвоением глубоких знаний учащимися. Делегаты Первого всесоюзного съезда учителей в январе 1925 г. отмечали, что у детей нет прочных знаний по русскому языку, чтению и математике. Руководство Наркомпроса вынуждено было признать необходимость пересмотра комплексных программ, и к 1927/1928 учебному году программы уже включали перечень систематизированных знаний по грамматике, орфографии, арифметике. К концу 1920-х годов экспериментальные методы педагогики были вытеснены унификацией всех учебных программ, а теория отмирания школы была объявлена «левым уклоном».

Но поиски принципиально новых форм обучения, посредством которых реализовывались многие творческие замыслы, постоянно множились. Наиболее известны такие педагогические свершения, как ШКИД (Школа имени Достоевского) под управлением В. Сороки-Росинского, МОПШК (Московская опытно-показательная школа-коммуна) под началом М. Пестрака. Об эффективной работе с молодёжью с отклоняющимся поведением свидетельствовали результаты деятельности А. Макаренко в коммуне имени Ф. Дзержинского, открытой в 1927 г. на отчисления от зарплаты чекистов. Н. К. Крупская, будучи одним из руководителей Наркомпроса, поощряла идеи педагога А. Залкинда, который уже к середине 1930-х годов объявлял о «решительных успехах в деле научного строительства нового массового человека» [Юдин, 2022].

Такие эксперименты по обучению детей активно поддерживали авангардисты в литературе и искусстве. Они создавали оригинальные учебники, пособия, направляли внимание на апробацию новых форм и методов по воспитанию молодого поколения.

Внесли изменения в этот процесс перестройки народного образования и архитекторы. К принципиально новаторским идеям относят строительство технологического института (1929–1930), созданного по типу «машина для жилья» по проекту архитектора И. Николаева. Так, общежитие при нём было разделено по отдельным корпусам – отдельно для дневного пребывания и ночлега, а также санитарной части (для отдыха, спорта, лечения и др.).

Экспериментировали архитекторы и в сфере обучения детей. Так, в 1934–1935 гг. была построена школа (нынешняя Школа № 600 г. Москвы) по проекту архитекторов Анатолия Антонова и Игоря Антипова. По их замыслу это был также комплекс их трёх зданий, который отвечал на установки тогдашнего Наркомпросса: внедрялся бригадно-лабораторный метод, когда оценка ставилась классу по ответу одного ученика, поощрялись все формы по вовлечению учащихся на работу в мастерских, пропагандировалось самообучение.

На массовую школу, когда начался пересмотр существовавших форм и методов обучения, особенно большое влияние оказала и получила значительное распространение педология – специфическая форма педагогики и психологии, которая сформулировала свои претенциозные, но особые задачи по воспитанию и образованию детей как будущих строителей социализма. Педология (от греч. Παιδί «дитя» + λόγος «наука») – направление в педагогике, ставившее своей целью объединить подходы различных наук (медицины, биологии, психологии, философии, педиатрии, социологии, этнографии) к методике развития ребёнка, претендуя на наступательные и даже агрессивные позиции под флагом революционной перестройки процесса обучения ребёнка. В соответствии с этими установками в 1920-е годы в школах шло активное внедрение практик психологического тестирования и основанной на нём комплектации классов, организации школьного режима, что исходило из осознанной потребности добиться синтезированного знания о ребёнке, позволяющее успешно его воспитывать и образовывать. Педология настаивала на синтезации в единое целое фрагментов знаний из многих наук, что было привлекательно, но трудно для использования в повседневной учебно-воспитательной работе, хотя усилиями энтузиастов был образован и функционировал ряд педологических институтов.

Было очевидно, что приверженцев педологии вдохновляло доверие общества, и они в своём большинстве искренне участвовали в перестройке процесса обучения на социалистических, как они верили, началах. Но в то же время вскоре возникло критическое к ней отношение, хотя все 1920-е годы она занимала превалирующее место в структуре образования из-за абсолютизации формальных приёмов обучения – тестов, анкет и других схематизированных инструментов. Сильный перекос деятельности педологических лабораторий в сторону сортировки учащихся на основе оценки их

интеллектуальных качеств показал чрезмерно формальную реализацию методов в обучении и воспитании детей, которая выявила уязвимость некритического применения тестирования учащихся в образовательной практике по двум показателям: недооценка культурно-исторической среды и переоценка учёта биологических факторов (природных способностей учащихся) [Балашов, 2011]. Не лишним будет напоминание, что педология вместе с психотехникой активно осуществляли жёсткую политику по вытеснению других педагогических теорий и ограничению использования наследия прошлого, пытаясь сформировать и даже навязать своё представление о подготовке к жизни нового поколения.

Итогом разочарования народного образования в педологической практике стало постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936), фактически ликвидировавшее педологию как самостоятельную научную дисциплину. С этого времени педология фактически продолжает своё существование в СССР под другим дисциплинарным названием в рамках психологии, в частности, детской (возрастной) психологии и психологии детского развития [Фрадкин, 1991].

Началом реального нового этапа в организации народного образования можно считать законодательное решение о введении всеобщего обязательного начального образования в 1930 г. Это было знаковое событие, так как таким решением признавалось значение и роль образования в решении предстоящих кардинальных экономических преобразований. К этому периоду школа стала постепенно возвращаться к классической форме обучения.

Поэтому вполне логично в середине 1930-х годов произошёл существенный перелом в обучении и воспитании подрастающего поколения. Сохраняя некоторые методы новаторских педагогических школ (А. Макаренко, В. Сороки-Росинского,

К. Мая и др.), школа повернулась к позитивному опыту прежнего отечественного образования, под влиянием и традициями которого она развивалась все последующие годы вплоть до конца 1980-х годов, хотя в 1950–1970-е годы были предприняты попытки её реформирования, но которые не отменяли принципиальных установок тридцатых годов. Хотя и в этот период были осуществлены спорные и сомнительные решения, как, например, раздельное обучение мальчиков и девочек, введённое в 1943 г. и просуществовавшее до 1954 г.

Выполняя функцию упорядочивания и совершенствования образования, периодически появлялись постановления о пересмотре (улучшении, изменении, дополнении) преподавания, последовательности видов, форм и методов обучения, но которые по большому счёту не меняли существо дела.

В 1970–1980 гг. в связи с переходом ко всеобщему среднему образованию сократилось количество начальных и неполных средних школ. При резко возросших количественных показателях начало страдать качество образования. Снизился уровень подготовки выпускников средней школы. Более слабое пополнение стали получать вузы и средние специальные учебные заведения. Происходило то, что было названо «наступлением посредственности» и потерей интеллектуальности.

В этот период в стране начали организовывать экспериментальную подготовку рабочих и техников повышенного квалификационного уровня в высших профессиональных училищах (ВПУ), что значительно повысило эффективность подготовки по многим инженерным (и не только по ним) профессиям.

В целом же, централизация образования продолжила свой путь, сформированный в 1930-е годы, вплоть до конца существования Советского Союза.

В последующие годы были осуществлены такие общественно значимые решения, как переход на всеобщее семилетнее (1949), восьмилетнее (с 1958 г.) и всеобщее среднее образование (1966), введение обязательного изучения иностранных языков (1940), расширение возможностей получения заочного высшего образования (1938), учреждение принципиально новых научно-технических вузов, решающих такие перспективные задачи, как создание и развитие атомной и космической промышленности – Московский инженерно-физический институт, основанный 23 ноября 1942 года, Московский механический институт боеприпасов (ММИБ), а в послевоенные годы Московский физико-технический институт.

Для развития народного образования огромную роль сыграло создание специальных издательств. В 1930 г., отвечая потребностям массовизации просвещения, необходимости обеспечения учебной литературой всех уровней образования, начиная с курсов ликвидации неграмотности, постановлением ЦИК и СНК СССР было создано учебное издательство «Учпедгиз» (с 1964 г. – «Просвещение»).

Особо следует отметить подготовку кадров преподавателей общественных дисциплин, которые олицетворяли реализацию идеологических и политических установок коммунистической партии по подготовке и воспитанию преданных социалистическим идеям кадров. Началу реализации этих целей положило постановление СНК РСФСР (февраль 1921 г.) о создании Института красной профессуры, ставшего школой для подготовки преподавательских кадров по общественно-экономическим дисциплинам (политической экономии, диалектическому и историческому материализму, новейшей истории и советскому строительству) для высших учебных заведений, институтов и курсов марксизма-ленинизма, школ пропагандистов. Созданный как учебное заведение нового типа он стал кузницей кадров советской высшей школы по идейно-воспитательной работе среди студенческой молодёжи.

После нигилистического отношения в 1920-е годы к социально-гуманитарным наукам и фактическим их устранением в общеобразовательной и высшей школе началось их постепенное возвращение. В 1934 г. в школах и вузах было возобновлено преподавание истории. Расширены возможности для преподавания философии, литературоведения и других социальных и гуманитарных дисциплин.

Таким образом, 1920–1930-е годы стали периодом формирования молодого поколения как убеждённых сторонников социализма, готовых без сомнений поддержать сохранение и укрепление общественного договора и верно служить процессу его реализации. Для педагогов, и прежде всего учительских кадров, был представлен простор для испытания самых разнообразных экспериментов по апробации новых методов и форм обучения, что вызвало желание не только доверять, но и поддержать советскую власть, найти общие интересы и выстроить взаимоприемлемые условия по организации их трудового процесса.

В период Великой Отечественной войны внимание к образованию не только не ослабевало, но и возрастало. За годы войны было открыто 60 высших учебных заведений, что во многом способствовало обеспечению квалифицированного выполнения заданий для военных и тыловых служб.

После окончания Великой Отечественной войны был поднят вопрос о повышении качества образования, о совершенствовании и обновлении форм и методов обучения.

Среди наиболее заметных мер следует отметить принятие в 1958 г. Верховным Советом СССР Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», на основе которого вместо всеобщего обязательного семилетнего образования было введено всеобщее обязательное восьмилетнее образование. Особенность этого закона – усиление мер по трудовому воспитанию, но на новой основе, чем это было в 1920-е годы.

10 ноября 1966 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» поручалось ввести в общеобразовательных школах новые учебные планы и программы, которые обеспечивали бы приведение содержания образования в соответствие с требованиями опережающего развития науки, техники и культуры. Так, в 5–7-х и 10-х классах была введена летняя трудовая практика, в 1970 году в 9-м классе – новый предмет «Начальная военная подготовка», а в 7-м классе – «Основы Советского государства и права».

В 1969 г. была проведена реформа школьного образования, в результате которой была изменена структура начальной и средней общеобразовательной школы СССР: начальная школа сокращена с четырёх до трёх лет обучения (обучение с 1-го по 3-й классы); неполная средняя школа увеличена за счёт начальной на один год (обучение с 4-го по 8-й классы); средняя школа (обучение с 9-го по 10-й классы).

В Конституции СССР 1977 г., в статье 45 декларировалась бесплатность всех видов образования, осуществление всеобщего обязательного среднего образования молодёжи, широкое развитие профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством, развитие заочного и вечернего образования; предоставление государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатная выдача школьных учебников; возможность обучения в школе на родном языке; создание условий для самообразования.

Однако все эти меры не стали стратегически определяющими для сохранения передовых позиций советского образования. Уже в 1980-е годы тревожные положения стали проявляться во всё большей мере. И это сказалось на позиции педагогов. Сначала они поддержали объявленную в стране перестройку с ожиданием внесения существенных коррек-

тив и в сфере образования. Но их поддержка очень быстро иссякла и вылилась в недовольство как проводимой в стране политикой, так и невыполнением обещанных изменений, в том числе и по отношению к деятельности педагогов.

Некоторые итоги советского этапа общественного договора в сфере образования

В советский период времени педагогическое объединение, особенно учительство, постепенно сформировалось в гомогенное сообщество, которое эволюционировало от стихийных профессиональных ориентаций 1920-х годов до достаточно единых в мировоззренческом отношении социальных групп, в большинстве своём ориентированных и разделяющих социалистические идеи. Вместе с тем участие в общественном договоре было неоднозначным и неодинаковым на разных этапах существования советской страны. При всём разнообразии отношения к действиям советской власти основная масса педагогов постепенно стала поддерживать проводимые преобразования в обществе и образовании, доверять официальным органам, хотя критический настрой в этом социальном сообществе постоянно сохранялся. Отметим, что критика была в большинстве своём направлена не на отвержение существующей образовательной политики, а на её совершенствование, на поиск новых форм и методов работы.

Само педагогическое сообщество, в том числе и учительство, находилось по сравнению с международными мерками в стеснённых материальных условиях – в 1925 г. учительское жалование было на уровне 75% ставки промышленного рабочего. Но в то же время по сравнению с оплатой труда других социальных общностей и групп оно было более обеспеченным. Кроме того, оно имело ряд социальных привилегий, обладало общепризнанными возможностями влиять на дела

своих организаций. Всё это дополнялось высоким авторитетом учителя в обществе, что делало контакты с властью более рациональными, взвешенными, взаимоприемлемыми и удовлетворяющими обе стороны.

Реальное и приемлемое участие в общественном договоре предусматривало высокий уровень взаимного принятия обеими сторонами согласия в его соблюдении и поддержании. Государство в меру своих сил и возможностей гарантировало сравнительно обеспеченное положение, постоянно внося поправки в улучшение социального положения педагогов и в то же время доверяя им подготовку подрастающих поколений к будущей жизни как граждан страны и добросовестных работников. Со своей стороны, педагоги понимали и принимали эту меру ответственности и в своей повседневной деятельности стремились реализовать эти ожидания. Конечно, взаимное согласование интересов и разделение ответственности далеко не всегда проходило гладко и безболезненно, о чём свидетельствует недовольство и даже открытые протесты как против принимаемых мер в области образования, так и по поводу ухудшения благополучия в силу тех или иных обстоятельств.

Нужно в этой связи особо отметить, что соблюдение педагогами общественного договора диктовалось двумя обстоятельствами. С одной стороны, у них было развито чувство соблюдения традиций народничества, старой российской интеллигенции – служить народу тем более, что многие педагоги, учителя вышли из низов этого народа и искренне были готовы сделать всё возможное для реализации своих функций во имя и в интересах окружающих их людей. С другой стороны, они понимали своё место и роль в эффективном функционировании общества, в повседневной жизни людей и поэтому практически никогда не применяли те формы протеста, которые использовались в других отраслях экономики и культуры –

забастовки, демонстрации, приостановка деятельности своих организаций и иные акции, понимая, что сфера образования – это особая область человеческого общежития, специфику которой надо учитывать, чтобы не нарушить, не дезорганизовать ход общественного развития страны.

Учительство реально и наглядно убеждалось во влиянии своей деятельности на судьбы тех, кого они учили и воспитывали. Педагоги вместе с коллегами из других групп интеллигенции во многом создали культ образования, участвовали в укреплении его общественной значимости, воочию наблюдая, что в Советском Союзе оно стало мощным социальным лифтом, позволяющим строить карьеры инженера, преподавателя, ученого и т. д. Так, по данным социологов, проводивших опрос среди высших руководителей министерств и ведомств в 1980-е годы, его результаты показали, что примерно 90% из них вышли на эти высоты из низов народа через различные каналы образования, существовавшие в стране вкупе с высокой степенью участия в общественной жизни, в выполнении и организации мероприятий политического, социального и культурного характера. И многие из них называли конкретных учителей в школе, наставников в вузах, которые заинтересовали их и благословили на постоянное повышение гражданской зрелости и профессиональной квалификации.

Отсюда становится понятным, почему профессия педагога была сверхпопулярна среди выпускников школ практически за весь период существования советской власти, начиная с 20-х годов вплоть до 60-х, когда стремление стать учителем было одним из самых распространённых и желаемых среди выпускников школ.

А то, что педагоги были верны советской стране и стали реальной опорой общественного договора, показывает опыт Великой Отечественной войны, когда в годы тяжелейших испытаний они доказали высокую ценность социалистического

будущего общества, впитавшего в себя как стремление к переустройству мира, так и сохранение и соблюдение многовековых традиций отечественной интеллигенции.

В целом оценивая характер и итоги преобразований в сфере образования в советский период, можно увидеть несколько наиболее его ярких черт. Во-первых, реформы образования проходили в условиях серьёзных политических и социально-экономических изменений в стране, чем отчасти и объясняется достаточно противоречивый для своего времени их характер. Во-вторых, многие положения этих реформ опирались на такие основы школьного образования, как широкая культурная подготовка, активная политехнизация, трудовое воспитание, постоянные попытки осуществления экспериментов в общем и профессиональном образовании, которые привели к тому, что советская школа стала лидером по подготовке специалистов для ключевых отраслей экономики и культуры. В известном смысле символической вершиной достижений советской школы стал запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. Это событие настолько впечатлило президента США Д. Эйзенхауера, что он дал распоряжение создать комиссию по определению того, почему СССР перегнал США в освоении космоса. Вывод долгое время работающей комиссии был однозначным: СССР победил в результате дальновидной политики образования, реализовавшей подготовку высококвалифицированных кадров и постоянную заботу о всех уровнях народного образования. Правда, нужно отметить, что в последующие годы эту достигнутую планку не развивали и должным образом не поддержали, в то время как в США были выделены колоссальные средства на совершенствование и перестройку процесса обучения, что сказалось на результатах в соревновании двух систем.

В целом, подводя итог советского периода в сфере образования, можно сказать, что его цель при всех издержках

и ошибках была ориентирована на *раскрытие интеллектуального потенциала, формирование и воспитание гражданина страны, подготовку молодого поколения к творчеству, к свободе поиска. Суть образования трактовалась как сфера достижения и удовлетворения блага общества, а не как сфера услуг, что стало характерным для постсоветской России.*

Кентавризм образования в современной России

Становление принципиально новой организации образования в постсоветской России началось с огульного и беспрецедентного отвержения советского опыта. Подвергалось сомнению и отрицанию всё – и содержание, и педагогические теории и практики – как «насилие» над личностью в виде воспитательной работы вкупе с существовавшими пионерскими и комсомольскими организациями. При этом в 1990-е годы под флагом свободы творчества произошёл всплеск различных, в том числе и грубо искажающих суть образования, попыток реформирования, что нанесло серьёзный ущерб национальному и гражданскому сознанию и в известной мере стало подрывать устойчивость социального согласия и соответственно основы общественного договора.

Особо отметим, что эта переналадка образования началась с отвержения и даже опошления всех более или менее видных (но успешных!) экспериментов, и не только А. С. Макаренко, которого называли агентом НКВД, но и достижений педагогической деятельности таких видных экспериментаторов, как Л. В. Занков, В. А. Сухомлинский, С. Т. Шацкий. Напомним, что Занков начал свою педагогическую деятельность ещё в годы гражданской войны воспитателем и заведующим детской сельскохозяйственной колонии. В 1927 г. в Москве он создаёт экспериментальную лабораторию по проблемам

дидактики. Предлагает оригинальную и эффективную систему обучения на высоком уровне трудности и прохождения учебного материала быстрым темпом. Что касается талантливого учителя, директора Павлышской средней школы Кировоградской области (Украина) Сухомлинского, то он исследовал и применял в процессе обучения связь образования с нравственным воспитанием, с гуманитарными ценностями. Сильнейшими педагогическими средствами считал познание личности ребенка, слово, общение детей с природой, друг с другом. Были и другие талантливые педагоги, такие как Ш. А. Амонашвили, разработчик оригинальной концепции гуманной педагогики, суть которой заключалась в ориентации на личность ребёнка, абсолютное отрицание авторитарной, императивной (повелительной, приказной) педагогики; а также достигшие впечатляющих результатов О. С. Газман, С. Л. Соловейчик, В. Ф. Шаталов и др. Но итоги их работы были едины в своей результативности – из их школы выходили будущие творцы, профессионалы, патриоты своей страны, активные участники совершенствования общественной и производственной жизни.

Однако вопреки ожиданию школа не приблизилась к экономике, насущным потребностям общества, а ещё более оторвалась от них. Резко падает престиж образования. Приоритетными становятся специальности, не требующие глубоких знаний, например, в сфере торговли, обслуживания. Отвержение советского опыта сопровождалось восхвалением форм и методов педагогической работы в других, в основном западных странах. Небезызвестная Е. Альбац не просто издевалась над советской школой – она одновременно восхищалась тем, как «там» работали с учениками. На примере учёбы своей дочери она рассказывала, как «там» раскрывали таланты её ребенка, что было трудно даже в приблизительном варианте представить в «этой» стране.

Что же происходило на самом деле? Что происходило с педагогическими кадрами и их участием в новом общественном договоре?

Рассмотрим перипетии российского образования, начиная с 1990-х годов.

В начале 90-х годов XX века изменилась структура профессиональных образовательных учреждений. С переходом России к рыночным отношениям перед профессиональным образованием была поставлена новая цель, решать которую необходимо через глубинные его преобразования.

Естественно, что начнём с выявления цели образования, которая призвана воедино соединить интересы государства, педагогов, учеников и студентов на основе объективных потребностей общества, экономики и культуры. Ибо только на основе этого единства возможен социальный контракт политической власти и данной социальной общности – педагогов.

Однако эта цель не была определена, в соответствии с чем процесс обучения был пущен на самотёк. Эта никак и никем не регулируемая ситуация привела к тому, что полностью был разрушен ранее сложившийся единый образовательный процесс, расцвело местничество, стали реализовываться различные, в том числе и экстравагантные трактовки преподавания учебных предметов, особенно по общественным дисциплинам. В результате стало резко падать качество образования, что позволяет говорить многим исследователям, что наступила эпоха посредственности.

Усугубила это состояние провозглашённая официальным лицом, министром образования А. Фурсенко установка. «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, – говорил он в 2007 г., – а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить *квалифицированного потребителя* (курсив мой – Ж.Т.), способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [Мартынов, 2016]. Другими словами, главная цель образования должна состоять в том, чтобы воспитать человека, умеющего со знанием дела выбрать потребляемые товар или услугу, а не квалифицированного производителя. Т. е. была отвергнута цель советского образования – воспитать тех, кому будет доверена страна, тех, кто должен обеспечить возможность её развития и развития себя как творца и гражданина.

Ещё точнее и определённее высказался А. Чубайс: «Образование – это ресурс, а значит, бесплатно его быть не должно. А у нас оно как развращающий советский пережиток, и это даёт определённым кругам какие-то ложные надежды, что сын тракториста или слесаря может что-то от государства бесплатно хапнуть. Сейчас, к счастью, не Советский Союз, и мы с вами прекрасно понимаем, что это, так сказать, рабочие единицы и перспектива у них вполне определённая. И как вариант экономии – три класса им давать, остальное платно. Налоги посчитать сумеют и хорошо. Хватить играть в социализм и тратить государственные деньги впустую!»

Для реализации этой цели официально на законодательном уровне было объявлено, что образование является услугой. А если это сфера услуг, то за услуги надо платить. Что и начало осуществляться во всё взрастающих масштабах. При этом происходит абсолютизация финансовых показателей. В тот период бывший ректор ВШЭ Я. Кузьминов утверждал, что «обеспечить справедливость можно только деньгами». По мнению бывшего ректора РАГС и НХ В. Мау, люди должны платить за него, университеты должны заниматься предпринимательской деятельностью, так как они должны уметь зарабатывать деньги [Цит. по: Макеева, 2018]. А если это так, то в самом деле образование призвано оказывать только услуги. Иначе говоря, неолиберальные предложения в основном упаковываются в рамки квази- и псевдорыночных отношений, превращая учебные заведения в подобие коммерческих структур, для которых

критерием их успешности является доход и прибыль. Вот и продолжают появляться заявления, которые ранее звучали в устах бывшего министра Минобрнауки Д. Ливанова: всё высшее образование надо перевести на платную основу.

Эта ориентация не на содержательные, а на финансовые показатели привела к тому, что главной задачей средней школы было объявлено получение финансовой грамотности и навыков ведения бизнеса, а в высшей школе (университетах и институтах) – подготовка предпринимателей, бизнесменов, при полном игнорировании проблем подготовки массовых профессий: инженеров, учителей, врачей, работников культуры и других специалистов [Кудрин, 2018]. Но эти установки по переориентации образования привели к явному или приглушённому сопротивлению преподавательского сообщества официальной образовательной политике, что поколебало их участие в функционировании общественного договора. Такая ситуация сложилась во многом потому, что попытки (и не безуспешные) инициаторов слома советской системы образования и строительства новой (А. Фурсенко, Д. Ливанов, Я. Кузьминов, В. Мау) монополизировать и воплотить в жизнь свои предложения были реализованы. Но они вызвали прямое и скрытое сопротивление большинства преподавателей как высшей, так и средней школы. Жизнь показала, что все ими разработанные и внедряемые предложения принесли больше просчётов и разочарований, чем политика постепенной апробации вносимых рекомендаций. Многие из них получили резкую оценку. Так, академик, председатель Московского математического общества В. Арнольд заявил по поводу этих преобразований и внедрения новых стандартов обучения: «Этот план производит общее впечатление плана подготовки рабов, обслуживающих сырьевой придаток господствующих хозяев: этих рабов учат разве что основам языка хозяев, чтобы они могли понимать приказы» [Цит. по: Чернаков, 2011].

Анализ состояния современного образования в России показывает, что, если нет чёткой и ясно сформулированной цели его развития, она замещается предложениями и внедрением таких средств обучения, которые затрудняют оценку конечного результата образования. Одним из таких основных средств лжереформирования образования стал Болонский процесс, реализация которого привела к дезорганизации и дезориентации смысла образования, к засилью бюрократических показателей при оценке деятельности учебных заведений. Была внедрена практика единого государственного экзамена, который, как показало его применение, выявляет формальные признаки знания фактов, усвоенных учеником, но полностью лишена возможностей выявления творческого начала, что вызывало обоснованную и справедливую его критику [Ранчин, 2015].

Немалую роль в дестабилизации процесса обучения сыграл отказ от выполнения воспитательных функций, что имело далеко идущие отрицательные последствия, сутью которых является самотёк в формировании личности ответственного гражданина своей страны.

Внедрение Болонского процесса имело несколько негативных и до сих пор не преодолённых социальных последствий. Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) сопровождалось утверждением, что по его результатам школьник из любого региона страны может выбрать для обучения понравившийся ему вуз страны, в том числе и столичный. Но при этом игнорировались многие сомнения, которые проявили себя практически сразу же. Во-первых, практика показала большое несовершенство инструментов, используемых для измерения степени подготовки выпускника. Поэтому каждый год они уточнялись, преобразовывались, дополнялись. Во-вторых, их внедрение породило огромный рынок коррупционных услуг, затрат на репетиторство (измеряемое, по некоторым экспертным данным,

около 10 млрд рублей). В-третьих, вместо усвоения знаний обучение превращалось в натаскивание, «в угадайку», «в везение», «в счастливый случай». В-четвёртых, так как результаты ЕГЭ влияют на оценку деятельности школ, поэтому стали нередки случаи, когда в школах отговаривают выпускников от экзаменов по физике и другим естественно-научным дисциплинам, так как они заведомо всегда дают более низкие баллы [Андреева, 2017]. В-пятых, а каких финансовых затрат стоит проведение ЕГЭ? Это установление контролирующих устройств как в аэропортах, различного вида обыски, видеонаблюдение, и даже привлечение милиции или других охранных организаций. А чего стоят «высокие достижения» с результатами ЕГЭ в некоторых республиках и областях, где количество «успешно» сдавших ЕГЭ превышает в несколько раз результаты соседей и даже столичных школ. И наконец, стоит сказать о таких статистических фокусах – о конкурсах в вузы. Именно право выпускника с результатами ЕГЭ подать заявление в несколько учебных заведений, ещё и на несколько специальностей в каждом из них создают лжеэффект показателей о высокой востребованности специальностей и значимости вуза.

Поэтому не удивительно, что до сих пор не стихают протесты и критика ЕГЭ. И это слышится не только со стороны учителей, родителей, самих учеников, но и от учёных, как бывший президент РАН А. М. Сергеев, который призвал отказаться от ЕГЭ в его сегодняшнем виде, так как, по его мнению, «экзамен в его нынешнем виде не нацелен на оценку творческого начала ученика. По сути, это формальная проверка набора фактов, которые он запомнил за годы обучения» [Цит. по: Медведев, 2018].

Болонский процесс породил и так называемую оптимизацию учебных заведений: и школ, и вузов. В результате ситуация выглядит следующим образом. С 2000 по 2022 г. число организаций, осуществляющих деятельность по программам

начального, основного и среднего образования, снизилось с 68 804 до 39 440. За этот же период число вузов сократилось с 965 до 722. Были закрыты многие сельские школы (с 45,5 тыс. в 2000 г. до 22 тыс. в 2022 г.) под предлогом, что качество образования в них серьёзно страдало и требовалась оптимизация [Образование в цифрах, 2023: 50–53]. Эта политика привела к тому, что процесс породил новые формы социального неравенства. Так, среди вузов появились «первосортные», «второсортные» и даже «третьесортные» университеты (под видом федеральных, научно-исследовательских, опорных и т. д.), когда одни получают значительные преимущества и преференции по всем показателям – создание особых условий функционирования, финансирования, предоставления льгот и т. д., а другие находятся в постоянном доказательстве необходимости и правомочности своего существования.

Оптимизация образования привела к принятию далеко не однозначных слияний, преобразований, ликвидаций и других манипуляций. Тем более, что этот процесс далеко не всегда сопровождается вразумительными пояснениями. Зачем в массовом порядке закрывать сельские школы? Зачем, например, ВШЭ потребовался инженерный вуз? Почему университет печати объединён с технологическим университетом? Надо ли было объединять в один университет в ряде республиканских и областных (краевых) центров все учебные заведения и все филиалы других вузов вкупе со средними профессиональными учебными заведениями?

Творцы этой оптимизации в сфере общего образования постоянно ищут оправдание этой политики. Так, Я. Кузьминов почему-то приписывал этой процедуре достижения московских школ в мировом рейтинге PISA по качеству образования [Возовикова, 2018]. А может это заслуга преподавателей этих школ, а не пресловутая оптимизация в виде механических объединений?

Таким образом, в результате этого эксперимента с Болонским процессом был нарушен баланс интересов между педагогами и официальной государственной образовательной политикой, что вызвало такие последствия, как уход высококвалифицированных специалистов из сферы образования, старение педагогических кадров и слабая их восполняемость молодыми преподавателями.

В процессе реализации неапробированных и недодуманных преобразований произошла масштабная бюрократизация учебных заведений. В чём она выразилась? По мнению проф. Е. Л. Бляхера, она прошла несколько этапов. Первый этап связан с началом осуществления требований Болонского процесса, сразу же породившего предельную формализацию учебного процесса. На этом этапе школы и вузы сопротивлялись этому нововведению, но под административным нажимом постепенно уступали. Второй этап прошёл под знаком внедрения формализованных показателей, с лишением учебных заведений финансовой самостоятельности. Вертикаль власти стала уделом всех уровней образования. В результате ориентации во имя «общеевропейского рынка» и разрыва связи с местными сообществами этот этап привёл к снижению востребованности профессиональных знаний и сведению всего процесса к получению свидетельства и/или диплома, которые приобрели значение символического статуса. Поэтому изменилась и стратегия поведения преподавателя – ему легче пойди навстречу ученику/студенту, чем проявить принципиальность, чему способствует постепенное распространение «академического или педагогического сговора» [Титаев, 2012]. Иначе говоря, примерно с 2008 г. школы и вузы утратили полную самостоятельность и на первый план вышли внешние нормативы, численность которых в вузах только с 2008 по 2013 гг. увеличилась в 16 раз [Бляхер, 2014: 34–39].

При этом статистические данные лукавят, скрывая гигантский рост бюрократической машины. За годы внедрения Болонского процесса сформировалась парадоксальная ситуация. По официальным данным, общее число занятых в образовании не уменьшается и даже растёт. В результате руководители Министерства просвещения и Минобрнауки РФ даже спекулируют на этом: мол, всё тут нормально, и процесс обучения постоянно улучшается. Но если обратиться к сути этих изменений, то очевидно, что количество учителей и профессорско-преподавательского состава (ППС) сокращается. Так, численность ППС с 2010 по 2015 гг. уменьшилась на 77 тыс., а учителей – более чем на 600 тыс. Но так как статистические данные показывают рост численности занятых в сфере образования, то это говорит о скрытом росте управленческого и контролирующего аппарата. Т. е. происходит замещение уменьшающихся преподавательских кадров увеличением бюрократического аппарата во всех звеньях управления [Российский… 2003: 137; Российский… 2006: 139; Рабочая сила… 2016: 31].

Как это происходит? В управленческом рвении названные министерства и Роскомнадзор плодят требования по ужесточению контроля за ходом учебного, научно-исследовательского процесса, настаивают на огромном количестве бумаг, особенно при проведении аккредитации. По утверждению О. Н. Смолина, зампредседателя комитета Госдумы по образованию, среднестатистический российский вуз заполняет за год около 300 отчётов, содержащих примерно 12 тыс. показателей. Трудно понять и логику, и смысл усилий по созданию управлений качества обучения в университетах страны наряду с учебно-методическими подразделениями, которые испокон веков отвечали за методическую подготовку и контроль за качеством преподавания [Смолин, 2015].

Лишению всякой самостоятельности способствовала мода некоторых университетов, которые, ликвидировав ка-

федры, сделали в соответствии со стандартами западных вузов основным звеном департаменты, скорее выполняющие процесс отчётности и контроля, но не могущие создать той атмосферы единой организации и по духу, и по форме, присущей ранее существовавшим кафедрам.

Органы общественного управления образовательной средой, такие как педагогические и учёные советы, различные комиссии по отдельным проблемам, потеряли своё социальное значение – это скорее формальные инстанции (если они существуют), подтверждающие решения и рекомендации, которые родились в недрах руководства этими заведениями. Более того, ставится под сомнение необходимость (с последующей ликвидацией) конференций (собраний) педагогического и профессорско-преподавательского состава и их права вносить предложения по изменению Устава школ и вузов, как сделали это даже в МГУ, ведущем вузе страны.

Порок многих диктуемых сверху инноваций заключается в том, что они отражают видение проблем образования «сверху», с позиции «знающих все рецепты» выхода из кризиса и настаивающих на своей абсолютной правоте при полном игнорировании того, что об этом образовании думают и размышляют те, кто составляет базу и основу образования, – преподаватели как средней, так и высшей школы. Но они, по мнению экспертов проекта «Двенадцать решений для нового образования» (руководитель Я. Кузьминов), мыслят примитивно, не видят перспективы, озабочены проблемами только сегодняшнего дня, поиском видимости благополучия на основе экономико-финансовых действий для себя и своего учебного заведения.

Между тем сама жизнь поставила под сомнение эти усилия лжереформаторов, чему послужили события в связи с санкциями западных стран и событиями на Украине. Сейчас общепризнанно, что копирование схемы образования западного образца (кстати, и там не все университеты перешли на Болонскую систему, особенно инженерные вузы) не принесло желаемых результатов, но зато резко ухудшило качественные показатели эффективности и результативности образования.

Неприятие и отторжение сложившейся ситуации в школе проявилось и в нехватке учительских кадров, хотя их подготовка велась достаточно активно. Ежегодно пединституты и педучилища выпускали от 222,2 тыс. (1975 г.) до 270,3 тыс. (1985 г.) учителей, что позволяло почти полностью обновлять учительский корпус раз в 10 лет. Однако лишь около 40% окончивших педагогические учебные заведения оставались верными избранной профессии.

Обратим внимание ещё на один порок – Болонский процесс породил *пребендиализм* как одну из форм квазирыночных отношений, суть которых сводится к тому, что важнейшей, едва ли не основной целью вузов и отчасти школ становится получение прибыли путём наращивания разного рода услуг. Такая установка ведёт к интенсивному поиску средств на их существование с правом руководителя достаточно произвольно распоряжаться полученными ресурсами. Напомним: пребенда, возникшая в средневековье, – право должностного лица кормиться за счёт государственной или церковной собственности, земли или иного общественного достояния, позволила М. Веберу определить её пользователей как «пребендариев», а экономико-политические отношения, основанные на этих правах, как «пребендиализм». Как это не удивительно, но черты пребендиализма, на наш взгляд, воспроизводятся в современной России, в том числе и в тех социальных институтах, которые связаны с образованием.

Такая практика сложилась вследствие либеральных преобразований социально-гуманитарной сферы, которая в 1990-е годы характеризовалась резким снижением объёмов её финансирования. В этой ситуации учебным заведениям

для того, чтобы институционально воспроизводиться, приходится практиковать коммерческие услуги.

При этом форма использования и распределения этих средств зависит от статуса организаций и лиц, их возглавляющих. В связи с этим встаёт вопрос о соответствии действий руководителей учебных заведений, извлекающих прибыль из оказываемых услуг, правовым нормам, а также требованиям морали (справедливости), ибо полученные финансовые средства используются по собственному (или групповому) пониманию и усмотрению, нередко достаточно произвольному.

Следствием такого положения дел стало легальное право самим организациям, а точнее их руководителям, определять размер и критерии выплаты надбавок к заработной плате. Руководитель бюджетной организации стал напоминать «барина», по своему усмотрению распределяющему прибыль, а её работники приведены в бесправное, прекарное состояние. Таким образом, использование труда работников в значительной мере стало зависеть от воли руководителя учреждения, который приватизирует функции государства. В этой ситуации в вузах нередко возникает конфликт интересов между администрацией и преподавателями, что ещё больше разобщает интеллигенцию, в которой образуются привилегированные и ущемлённые в правах специалисты [Как живешь… 2018].

В результате применения всех названных средств по регулированию образования происходит, с формальной точки зрения, замена цели средствами, а с точки зрения перспектив будущего развития общества – забвение цивилизационной его роли, необходимости духовно-культурного обогащения общества, *раскрытия интеллектуального потенциала каждого человека, формирования и воспитания гражданина страны, обеспечения творчества, свободы поиска,* что во многом соответствует социалистическим идеям и советскому опыту реализации общественного договора.

***

Подводя итоги о состоянии общественного договора между педагогической общественностью и государством в постсоветской России, можно сделать следующие основные выводы.

Прежде всего, в ситуации ломки и деформации общественных отношений педагогические кадры, особенно учительство, утратили своё былое привилегированное положение. Принадлежность к этим группам интеллигенции была обесценена, она перестала быть привлекательной, потеряв тот морально-нравственный авторитет, которым педагоги обладали не одну сотню лет в российской истории.

Эта потеря не могла не состояться. В 1990-е годы происходил активный демонтаж советской системы образования. Ломалось и устранялось всё, что хотя бы частично напоминало прежний опыт работы с детьми, с молодёжью. В этой ситуации расцвели самые лженоваторские инициативы, предлагавшие свои «открытия». Даже в структуре высшего образования появлялись филиалы университетов, среди которых было немало таких случаев, когда они открывались в крупных сёлах и малых городах. Практически исчезло среднее специальное и профессиональное образование. Возникли даже псевдодиссертационные советы.

Такой разнобой в организации образования не мог долго продолжаться. И выход был найден неолибералами, которые захватили все ключевые посты и начали строить образование по западным лекалам, по установкам Болонского процесса. В результате были доломаны остатки советских принципов образования и навязаны непроверенные и весьма спорные правила осуществления учебного процесса, начиная с начальных классов и завершая высшими учебными заведениями. Вместо того, чтобы провести эксперименты по применению новых принципов обучения, была проведена всеобщая

«кукуризация» образования (эта акция напоминает политику Хрущёва в конце 1950 – начале 1960-х годов о всеобщем внедрении посевов кукурузы, начиная с полей на крайнем Севере и кончая засушливыми и пустынными местами, что показало ошибочность такого всеохватывающего подхода – Ж.Т.).

В ходе осуществления этих преобразований профессия педагога была дискредитирована, и не только навязыванием неоднозначных методических рекомендаций, но и резким снижением социального благополучия – оплата работников образования очутилась в самом низу зарплат по сравнению с другими отраслями и сферами экономики. О потере былой привлекательности профессии педагогов говорят опросы выпускников средних школ – только 1–3% выразили желание стать преподавателями или пойти в науку.

Непоправимый ущерб нанёс отказ от функций воспитания, которые были всегда присущи всем учреждениям образования. Педагог официально ограничивался только функцией передачи знаний. И даже робкие попытки всё же осуществлять в той или иной мере воспитательную работу, в лучшем случае, осмеивались, нередко решительно пресекались, а её инициаторы подвергались административным репрессиям.

Потеря авторитета, униженное социальное положение, растущая бюрократизация привели к массовому уходу из преподавательской профессии. И результат не замедлил сказаться – несмотря на большие ежегодные выпуски педагогических институтов (университетов) дефицит учителей продолжает оставаться острой социальной проблемой, особенно в сельской местности и в малых городах.

И всё это не могло не сказаться на качестве участия педагогов в существующем общественном договоре. Это участие имеет значительную негативную окраску, так как осуществлённые меры по так называемой оптимизации образования привели к росту критического отношения не только к Болонскому процессу, но и официальной образовательной политике и, соответственно к недоверию к политическим институтам.

Поэтому вполне оправданным стало решение о приведении в соответствие всей сферы образования с историческими традициями и потребностями происходящей технологической и информационной революций, что выразилось в отказе от слепого копирования требований Болонского процесса.

Заключение

Говоря о важности общественного договора с учительством и педагогами средних и высших профессиональных учебных заведений, можно согласиться с выводом: *общество не может быть более развитым, чем его образование*. Эти слова Президента США Дж. Кеннеди относятся к тому периоду, когда в США признали систему образования и подготовки кадров в СССР более совершенной.

Это высказывание Президента США и последующую реакцию на это признание можно рассматривать как оценку не только достигнутых успехов советского образования, но и всего того пути, который был избран и осуществлён в процессе реализации официальной образовательной политики и обеспечивался творческой работой – и повседневной и перспективной – педагогов, и прежде всего учителей, несмотря на немалые ошибки и просчёты при поиске эффективных и рациональных форм и методов обучения подрастающего поколения при проведении многочисленных и небесспорных экспериментов. И очевидно, что этих результатов могло и не быть, если бы не были налажены контакты, согласие и доверие между властью и педагогами в рамках общественного договора.

К такому состоянию народного образования, которое было признано действенным нашими постоянными оппонен-

тами и противниками, страна шла долгой, непростой и даже, можно сказать, извилистой дорогой, полной противоречий, но нацеленной на достижение вдохновляющих всех участников этого процесса результатов.

На этом пути был достигнут баланс интересов народа, педагогической общественности и государства, хотя этот баланс устанавливался с большим трудом, так как он был основан на не всегда однозначном отношении населения к проводимым реформам, на поиске и утверждении места и роли учителей и преподавателей в осуществляемых преобразованиях. На этом пути, как показала жизнь, учительство обретало социалистические мировоззренческие ориентации и устанавливало контакты с намерениями политической власти.

Именно творческое содружество и взаимопонимание позволило осуществить такую социальную революцию, как ликвидация неграмотности, создать новую социальную общность – советских педагогов, выстроить достаточно последовательную иерархическую структуру образования, обеспечить экономику и культуру страны высококвалифицированными кадрами, выведшими Советский Союз в число великих держав.

То, что Россия в настоящее время нуждается в неотложном реформировании образования, никто не сомневается, никто не оспаривает. И в самом деле ситуация сверхсложная и даже парадоксальная: по данным Global Human Capital за 2017 г., Россия занимает 4-е место в мире по количеству имеющих послешкольное образование и в то же время 42-е место по параметру «использование навыков трудовой деятельности».

Если же коснуться содержания, качества и результатов обучения, то почему только 2% школьников России достигают высшего уровня по всем областям базовой грамотности (по данным Programme for International Student Fsstsment, RISA). А как оценивать и реагировать на тот факт, что, по данным Росстата, 30% выпускников вузов и более 40% освоивших программу среднего профессионального образования трудоустраиваются не по приобретённой специальности?

В 90-е гг. XX в. и начале XXI в. произошло существенное снижение уровня и качества образования. Были осуществлены неоднозначные, спорные, а в ряде случаев ошибочные изменения, приведшие к ухудшению социально-экономического положения педагогической интеллигенции, к дезориентации в ценностных установках школьной и студенческой молодёжи. Учебные учреждения перестраивались в соответствии с неолиберальными рыночными установками с целью извлечения прибыли из осуществляемой ими деятельности. Происходило увеличение административно-управленческого аппарата этих организаций, а деятельность их руководителей фактически приобретала форму пребенды. Сама же интеллигенция во всё большей степени становится обладательницей черт прекариата – слоя, характеризуемого нестабильным, неустойчивым положением на рынке труда, что становится постоянной характеристикой их жизненного мира [Тощенко, 2018].

Очевидно, что реально существуют проблемы, знаменующие противоречивое участие педагогов страны в общественном договоре. Допущенные просчёты не могли не сказаться на качестве их участия в существующем общественном договоре. Это участие имеет значительную негативную окраску, так как осуществлённые меры по так называемой оптимизации образования привели к росту критического отношения не только к Болонскому процессу, но и к официальной образовательной политике и, соответственно, недоверию к политическим институтам.

Таким образом, осуществлённый анализ включённости педагогов в общественный договор позволяет сделать вывод, что в настоящее время сложилось весьма противоречивое состояние в сфере образования, когда, с одной стороны, резко выросла требовательность по подготовке подрастающего по-

коления к будущей профессиональной и общественной жизни, с другой стороны, выявилось несовершенство образовательной политики, что привело к снижению качества образования на всех уровнях его осуществления. И в этой ситуации особое значение приобретают гражданская позиция педагогов, их подготовка, их методическое мастерство, умение соответствовать требованиям времени, успешное и ответственное участие в четвёртой промышленной революции (индустрии 4.0), так и грядущих изменениях, уже получивших название «Индустрия 5.0», согласно которой она направлена на создание человекоцентричной производственной системы, где индивид играет ключевую роль в проектировании и управлении во взаимодействии с передовыми технологиями.

Список литературы

Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит гранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 2017. 9 июня. № 61.

Арефьев А. Л. Инженерно-техническое образование в России в исторической перспективе / А. Л. Арефьев, М. А. Арефьев // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2019. С. 107–115. DOI 10.20339/AM.01-19.107. EDN YXWAUX.

Балашов Е. М. Последние годы советской педологии: политический аспект // Россия. Век двадцатый: сб. ст. к 95-летию д-ра ист. наук В. М. Ковальчука / Отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 291–313. EDN RDFDFB.

Бляхер Л. Е. Мифология управления (Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния) / Л. Е. Бляхер, М. Л. Бляхер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 1 (72). С. 22–46. EDN VBVUUV.

Возовикова Т. Негатив в позитиве // Поиск. 2018. 9 февраля. № 6.

Ворошилова С. Азбука революции: ликбез как самый громкий образовательный эксперимент XX века // ОК : [сайт]. URL: https://m.ok.ru/retroistoria/topic/156446138464370?__dp=y (дата обращения: 12.07.2024).

Гонтермахер Б. Чубайс предложил ограничить бесплатное школьное образование тремя классами // Панорама : [сайт]. URL: https://panorama.pub/19561-chubajs-predlozhil-ogranichit.html (дата обращения: 20.07.2024).

Горшков М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. ISBN 978-5-89697-325-6. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. EDN BNSNDA.

Деев Е. Е. Развитие начального профессионального образования в России : учебное пособие для вузов / Е. Е. Деев. М. : Изд-во Юрайт, 2023. 285 с. ISBN 978-5-534-14113-9.

Добренко Н. П. История среднего профессионального образования // Справочник от автор 24 : [сайт]. URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/istoriya_srednego_professionalnogo_obrazovaniya/ (дата обращения: 05.01.2023).

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов, И. В. Воробьева [и др.] ; под. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЦСПиМ, 2016. 367 с. ISBN 978-5-906001-17-7. EDN VUHWTZ.

Кабацков А. «По духу времени и вкусу…»: доцент как невольник / А. Кабацков, О. Лейбович // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (142). С. 325–348. EDN ZCIYTB.

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов, М. Б. Буланова [и др.]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. ISBN 978-5-906001-54-2. EDN XWUULR.

Киян И. «Лейкоз, рак крови, опухоль лёгких». К чему приводило трудовое воспитание школьников // Версия. 2017. № 18.

Князев Е. А. История педагогики и образования : учебник. М. : Изд-во Юрайт, 2023. 505 с. ISBN 978-5-534-02881-2.

Козлова Л. А. «Без защиты диссертации…»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158. EDN PZQMDX.

Колесова О. Под бумажным грузом // Поиск. 2018. 9 февраля. № 6. С. 12.

Кудрин А. Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 2018. 23 марта. № 11-12.

Ленин В. И. Речь на 1-м Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 // Полн. Собр. Соч. Т. 36 ; 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. С. 420–421.

Ликвидация безграмотности // Российская педагогическая энциклопедия в двух томах / Глав. редактор В. В. Давыдов. Т. 1: А–М. М. : Большая Российская энциклопедия, 1993.

Макеева А. «Обеспечить справедливость можно только деньгами» // Коммерсантъ. 2018. 12 апреля. № 63. С. 5.

Мартынов Г. Квалифицированный потребитель. А это кто? // Проза.ру : [сайт]. 2016. URL: https://proza.ru/2016/09/22/856 (дата обращения: 06.10.2024).

Макеева А. ЕГЭ уйдет в виртуальную реальность // Коммерсантъ. 2018. 22 февраля. № 33. С. 3

Медведев Ю. Оценивать креатив // Российская газета. 2018. 4 апреля.

Миронов Б. Н. История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1991. 165 с. ISBN 5-02-027293-0. EDN VIKKFP.

Неученых – тьма // Известия. 2009. 23 ноября.

Новости столетней давности // Поиск. 2018. 19 октября. № 45.

Нуретдинов Р. И. Становление и развитие среднего профессионального образования России // Человек и образование. 2021. № 1 (66). С. 151–156. DOI 10.54884/S181570410020357-7. EDN WFKYFI.

Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова [и др.]. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с. ISBN 978-5-7598-3004-7. DOI 10.17323/978-5-7598-3004-7.

Поиск. 2019. 20 сентября. № 37.

Ранчин А. Апокалипсис нашего времени / Apocalypse now. Предварительные итоги реформ российского образования // Россия XX1. 2015. № 6. С. 66–83. EDN VECINB.

Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб./ Росстат России. М., 2003. 705 с. ISBN 5-89476-130-1.

Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб./ Росстат. М., 2006. 806 с. ISBN 5-89476-222-7.

Российский статистический ежегодник. 2016. Стат. сб./ Росстат. М., 2016. 725 с. ISBN 978-5-89476-418-4.

Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 91–101. EDN UAXUGF.

Титаев К. Д. Академический сговор // Отечественные записки. 2012. № 2 (47). С. 184–194. EDN QYORDZ.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1. EDN VKRCMM.

Фрадкин Ф. А. Педология: мифы и действительность. М. : Знание, 1991. 79 с.

Чернаков А. Исправленному стандарту поверили не все // Известия. 2011. 17 февраля.

Элькина Э. Долой неграмотность: Букварь для взрослых. Издание Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности / Э. Элькина, Н. Богуславская, А. Курская. М. : Гос. изд-во, 1920. 32 с.

Юдин Ю. Б. Воспитание чувств. Об антропологической революции в СССР // Независимая газета. 2022. 15 марта.

Глава 14
Искания инженерно-технической интеллигенции: от нейтральности к сотрудничеству и согласию

То, что препятствует действию, способствует действию. То, что стоит на пути, становится путём

Девиз римского императора Марка Аврелия

Мир меняют не артисты и хоккеисты, а инженеры

Девиз современной инженерной мысли

Введение

Инженерно-техническая интеллигенция перед Октябрьской революцией составляла незначительную, но влиятельную социальную силу. В России перед мировой войной 1913–1914 гг. число специалистов с высшим и средним специальным образованием определяется в 190 тыс. (1 на 837 работающих). Это было значительное увеличение по сравнению с данными переписи 1897 г. (единственные данные единовременного учёта) – тогда их насчитывалось 87 тыс. чел (2,7% самодеятельного населения), из них инженеров – 4010. При этом в двух крупнейших центрах, Москве и Петербурге, было сосредоточено 30,5% всех ИТР [Томин, 1978].

К 1913 г. численность ИТР (включая мастеров и их помощников) выросла и составляла 46 502 чел., в т. ч. 7880 инженеров. Значительное число лиц с инженерным образованием состояло на государственной службе: в Министерстве

путей сообщения в 1915 г. таких было 2800, горных инженеров – 1115 (в т. ч. 180 в «генеральских» чинах).

Как и вся российская интеллигенция, большая часть инженерно-технической интеллигенции разделяла в той или иной степени идеи демократического преобразования России. Однако её общественно-политические позиции были неоднозначны на последующих этапах, как в период революций 1917 г., так и на последующих этапах развития советского/российского общества. Это был достаточно противоречивый путь – при сохранении себя верными профессиональному долгу они по-разному относились к происходящим изменениям в обществе. При этом происходили и сущностные изменения в структуре и деятельности научно-технической интеллигенции, особенно в связи с процессом создания новой советской общности инженерных кадров и их совместном участии в решении проблем социалистического государства.

На этом пути были достижения и просчёты, свершения и ошибки. Не была однозначной и политика советской власти по отношению к инженерно-технической интеллигенции как на первом, так и на заключительном этапе её существования.

Социально-политические ориентации ИТР в годы перелома. Начало изменений

1917 год, падение царизма многие представители инженерно-технической интеллигенции встретили с пониманием, что данная эпоха завершилась и предстоит продолжать свою деятельность в иной ситуации. Но восприятие происходящих изменений, отношение к Временному правительству, к предлагаемым идеям преобразования общества привели к размежеванию интеллектуальных сил, которые по-разному видели будущее российское общество: одни – как решение назревших

экономических и социальных проблем, другие – как необходимость политического преобразования страны, третьи – как более добросовестное выполнение профессионального долга и практическое участие в проводимых изменениях.

В этот период в российском обществе различные политические силы предложили своё видение целей и средств по демократическому переустройству России, среди которых особенно выделялись партия крупной буржуазии (октябристы), промышленной и финансовой бюрократии (кадеты), а также три левые партии: эсеры, меньшевики и большевики. В этом калейдоскопе общественно-политических ориентиров произошло размежевание инженерно-технической интеллигенции, различные группы которых по-разному участвовали в деятельности партий и в реализации их целей. Однако кратковременность данного периода не позволяет определить эффектность этих различных групп и их вклад в дело революционного переустройства общества, потому что большинство этого слоя интеллигенции ориентировалось на выполнение своего профессионального долга как главной обязанности своей жизни.

Но в октябре 1917 г. перед инженерно-технической интеллигенцией был поставлен принципиально новый вопрос о её отношении не просто к демократическим изменениям, а к социалистическим идеям и, соответственно, о её отношении к советской власти. Эта ситуация привела к очередному размежеванию рядов инженерно-технической интеллигенции. Поэтому с первых шагов советской власти, в её начальный период, в 1917–1920 годы, процесс её взаимоотношений с инженерно-технической интеллигенцией и привлечение её к участию в жизни нового государства шёл сложно и противоречиво. Наряду со сторонниками и непосредственными участниками в революционных преобразованиях действовали лица, которые заняли откровенно враждебную позицию,

что выразилось в участии в вооружённой борьбе с советской властью. Другие представители инженерно-технической интеллигенции своё несогласие с её политикой выразили в акциях, частично вылившихся в эмиграции, которая, по ориентировочным подсчётам, составила около 1,5 млн (но это цифра по всем эмигрировавшим. Из них в начале 1920-х годов вернулось 300 тыс.) [Будницкий, 2021].

Еще одна – преобладающая – группа инженерно-технической интеллигенции представляла основные её слои, которые придерживались нейтральной или выжидательной позиции, но под влиянием событий – гражданской войны, национализации предприятий – сочли своей обязанностью выполнять профессиональный долг, постепенно включились и стали приобщаться к таким реально важным делам, как обеспечение работы действующих предприятий, а в дальнейшем – участие в восстановлении разрушенных или остановленных производств. Постепенно многие её представители включались в созидательные процессы, которые привлекали их, в первую очередь, возможностью применить свои профессиональные знания и затем участвовать в реализации новых технико-технологических задач, которые привлекали их необычностью, оригинальностью и перспективностью.

В эти годы, годы гражданской войны, несмотря на колоссальное напряжение в связи с военными действиями, гражданской войной, часть представителей советской власти пришла к рациональному и обоснованному жизнью решению: найти пути и средства для установления контактов с различными группами инженерно-технической интеллигенции и привлечь её к строительству нового общества. «Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано» [Ленин, 1969: 223].

Эта политика осуществлялась в нескольких направлениях.

Во-первых, в годы гражданской войны инженеры и техники привлекались в основном для поддержания национализированных предприятий в рабочем состоянии и передачи навыков руководства вновь назначенным руководителям из числа сторонников советской власти. Во-вторых, с введением новой экономической политики стало очевидным и осознанным, что после завершения гражданской войны восстановление народного хозяйства невозможно без массового привлечения специалистов, технической интеллигенции, которые могли бы возглавить и/или обеспечить функционирование тех или иных производств. И это было достаточно быстро реализовано. Возглавили этот поворот в отношении интеллигенции те большевики, которые сами были выходцами из их среды: Г. М. Кржижановский, который окончил с отличием С.-Петербургский технологический институт и был одним из руководителей ВСНХ; Л. Б. Красин, имевший инженерное образование и практику по своей специальности (Харьковский технологический институт, нарком торговли, потом путей сообщения); Г. Я. Сокольников, имевший юридическую и экономическую подготовку, занимал пост наркома финансов, при котором рубль (червонец) стал твердой валютой; А. В. Луначарский, который обучался в Цюрихском университете. Огромный вклад в восстановление и развитие народного хозяйства внёс А. И. Рыков, выпускник Казанского университета, который занимал посты заместителя председателя Совета Труда и Обороны РСФСР (26 мая 1921 г. – 2 февраля 1924 г.), заместителя председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР (29 декабря 1921 г. – 2 февраля 1924 г.), а затем был его председателем до 1929 г. Немало было ИТР среди руководителей экономических ведомств, ВСНХ и его филиалов на местах, многих промышленных производств, благодаря которым реализовывались экономические и социальные проекты.

В то же время отметим, что в этот период основная масса инженерной интеллигенции была представлена бывшими выпускниками учебных заведений царского времени, часть из которых были представителями и выходцами из бывших эксплуататорских страт – буржуазии, дворянства, чиновничества, священнослужителей и других групп. Иначе говоря, основную массу представляли «буржуазные спецы» или «попутчики». И многие из них продолжали занимать выжидательную позицию, хотя постепенно всё больше и больше соглашались работать в соответствующих органах управления и на хозяйственных объектах. На этом пути рационального и обоснованного использования их опыта серьёзным препятствием была политическая и идеологическая установка – их квалифицировали как «не пролетарские слои» со всеми вытекающими отсюда ограничениями, притеснениями или даже преступлениями. Эффективному включению этих представителей интеллигенции препятствовал тот факт, что часть из них была поражена в правах, прежде всего в избирательных, что существовало до 1936 г., до принятия новой Конституции страны, когда это ограничение было снято.

Поворотом по отношению к ним стала и политическая позиция, выраженная В. Лениным: «...нельзя ни из ничего строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать её – как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [Ленин, 1974: 101].

Но даже в этих ограничивающих условиях большинство интеллигенции (несмотря на её частичный отток за рубеж

во время гражданской войны и в начале 1920-х годов) стало сотрудничать с советской властью, полностью или частично перейдя на её позиции. Это было видно по реальной ситуации как в верхних эшелонах власти, так и на низовых ступенях складывающейся политической, экономической и социально-культурной иерархии, когда основную массу специалистов не только в Наркоматах, но и в губернских и уездных органах власти, а также в структуре руководящих кадров в экономике и культуре занимали специалисты, сформировавшиеся ещё в условиях царской России.

Но это было не просто обращение и/или возобновление контактов и сотрудничества с теми, кто осуществлял техническую и технологическую деятельность – это была попытка выйти на принципиально иное решение экономических проблем и иное видение их взаимодействия с основной массой работников производства, прежде всего в промышленности. Смычке инженерной мысли с трудом рабочих и её реализации способствовало осуществление новой политики на производстве.

Этот поворот обозначился уже в 1920 г. Несмотря на издержки, ошибки, просчёты, общественный договор с интеллигенцией начался налаживаться – и достаточно успешно, о чём говорит история создания такого впечатляющего проекта, как Государственная программа по электрификации России (ГОЭЛРО). Он обладал не только научно-техническими достоинствами, но и социальным предвидением – как электричество должно было перестроить не только производство, но и повседневную жизнь людей. И в реализации этого плана непосредственное участие приняли инженеры. С их участием и под их руководством был осуществлён ввод первых – Каширской и Волховской – электростанций, за которыми последовали и другие (10 гидростанций и 20 теплостанций). Этот план был выполнен к 1931 г., в результате чего СССР занял 3-е место в мире по выработке электроэнергии после США и Германии [План электрификации... 1955]. Выполнение этого плана наглядно показало, что намерения советской власти в данном направлении не расходятся с делом, и в известной мере опровергли вывод английского писателя-фантаста Герберта Уэллса, побывавшего в советской России в 1920 г. и встретившегося с Лениным. После беседы с Лениным он заявил, что «осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии» [Уэллс, 1964]. Но факты – упрямая вещь: если в 1917 г. в стране было 75 электростанций, то в 1927 г. – 858; текущее потребление (тыс. кВч): в 1917 г. – 622, в 1927 г. – 10 000; обслуживаемые сельскохозяйственные поселения: в 1917 г. – 0, в 1927 г. – 89 739 [Цит. по: Попов, 2015]. План ГОЭЛРО перечёркивает множество перестроечных и современных догм о пороках плановой экономики, ставит под сомнение и показывает убогость внедрения «невидимой руки рынка». Более того, план ГОЭЛРО не был просто экономическим проектом – он решал и такую социальную и политическую проблему, как привлечение квалифицированных инженерных кадров к решению актуальных и назревших проблем по строительству новой экономики.

Вместе с тем процесс взаимодействия инженерно-технической интеллигенции с советской властью протекал неоднозначно, противоречиво, с серьёзными издержками и с попытками совместных решений, особенно касающихся производства [Савин, 2006].

Поиски баланса интересов советской власти и инженерно-технической интеллигенции в годы НЭПа

Опыт разработки и первых шагов по реализации такого грандиозного плана, как ГОЭЛРО, стал в известном смысле поворотным моментом в участии инженерно-технической интеллигенции в общественном договоре. Причём тот план

был ею воспринят как возможность участвовать в разработке и реализации впечатляющих технических решений, что обеспечило её социальную ориентацию на сотрудничество с советской властью. И в то же время советская власть отвергла ультрареволюционные и негативные оценки «буржуазных спецов» и продемонстрировала свою позицию по их привлечению к решению актуальных проблем, среди которых после окончания гражданской войны стало восстановление народного хозяйства.

Ситуация в экономике была сверхсложной. Промышленное производство сократилось в несколько раз. Даже ведущие заводы, например, Путиловский и Обуховский в Петрограде, прекращали работу из-за недостатка топлива и сырья. Многие шахты и рудники – в Донбассе, Сибири и на Урале – были разрушены. На 30 железных дорогах было полностью прекращено движение. Общая обстановка усложнялась и такими бедами, как голод в 1921–1922 гг. и эпидемия тифозных заболеваний.

Тем не менее ИТР включились в решение создавшихся проблем, их участие не замедлило сказаться. Уже в 1924 г. выпуск продукции тяжёлой индустрии, не превышавший в 1920 г. 13% довоенного объёма (1913 г.), достиг 50% этого уровня и превзошёл его в 1927 г. Годами наиболее интенсивного роста были 1923 г., а затем 1925 г. и 1926 г. Оживление происходило и на железнодорожном транспорте, почти парализованном в 1920–1921 гг. В 1927 г. людей и грузов перевозилось больше, чем до войны. При этом темпы промышленного роста были различными в разных отраслях. В лёгкой промышленности они были выше, чем в тяжёлой; в производстве энергии и добыче топлива, нехватка которого как раз и грозила парализовать страну, дело шло более споро, нежели в металлургической промышленности, которая вышла на довоенные показатели лишь в 1929 г. Именно под

руководством инженерной интеллигенции был осуществлён и приведён в действие новый механизм функционирования народного хозяйства, хотя его становление происходило в ситуации многих ошибок и просчётов, что нередко становилось основанием для обвинений во вредительстве и нанесении ущерба социалистическому строительству [Казанкин, 2001].

Постепенно менялись и мировоззренческие установки интеллигенции – от нейтрализма, мимикрии и конформизма всё больше из специалистов адаптировалась к новым условиям, руководствуясь ценностями «профессионализма» без политической оценки власти, на которую они работали. К тому же постепенно происходило осознание безальтернативности выбранного курса, когда под влиянием идей новых «сменовеховцев» многие представители инженерно-технической интеллигенции выступили за примирение и сотрудничество с новой властью. «В результате неофициальной беседы в 1922 г. в Москве с 230 инженерами (в т. ч. 45 бывшими владельцами, директорами и т. п.) были получены следующие данные: 46 выразили безразличие к Советской власти, 28 – сочувствие, 12 – враждебность, а 110 оказались «сменовеховцами» [Федюкин, 1972].

Эти изменения в поведении ИТР были осознаны советской властью. К специалистам с марта 1920 г начинает применяться практика «премиальных систем» и иных дополнительных вознаграждений, которая гарантировала получение высоких окладов. Росла не только заработная плата специалистов – в августе 1921 г. особым декретом оговаривалось, что для инженерных и технических работников должны быть созданы благоприятные юридические, научные и материальные условия, для того чтобы они в своей практической деятельности сплотились с рабочим классом. В своих правах они были приравнены к рабочим. До НЭПа даже самый высокооплачиваемый инженер жил немногим лучше, нежели

малоквалифицированный рабочий (в основном потому, что рабочий получал лучший паёк). В октябре 1923 г. премиальные выплаты были объединены в сравнительно чёткую схему «персональных окладов» и «премий за выполнение специальных заданий». Быстро рос и максимальный уровень заработной платы, положенный высококвалифицированным «спецам». На VI съезде профсоюзов (1924 г.) была принята шкала выплат специалистам, устанавливавшая чрезвычайно высокие ставки. В результате к середине 1920-х годов, после денежной реформы и стабилизации рубля, разрыв между материальным достатком рабочего и специалиста стал значительным [Мэтьюз, 1992: 48–50].

Рост заработной платы ИТР породил конфликт между группой «старой интеллигенции» и рабочими, с одной стороны, а также внутри ИТР между старой и новой интеллигенцией (по преимуществу членами коммунистической партии), т. к. заработная плата коммунистов была ограничена партмаксимумом. Партмаксимум – максимальный месячный оклад, существовавший для членов ВКП(б), являющихся руководящими работниками учреждений и предприятий. Партмаксимум был введён декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г., который установил, что зарплата ответственных работников не должна превышать 150% от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях и предприятиях. Этот декрет ограничил для руководителей возможности дополнительных заработков на стороне.

Вследствие этого на предприятиях нередки были ситуации, когда главный инженер завода (беспартийный) получал в десятки раз больше директора-коммуниста или своего коллеги, партийного инженера-выдвиженца. К тому же многие новые кадры, т. н. выдвиженцы, прошли горнило гражданской войны и военного коммунизма и воспринимали НЭП как возвращение «старых порядков», явным олицетворением которых являлись

дореволюционные инженеры. В свою очередь «старые» инженеры не всегда готовы были встраиваться в существующие условия. Они неохотно посещали общественные мероприятия, собрания, считая это ненужной тратой времени, хотя «новые выдвиженцы» и рабочие, наоборот, эти собрания считали завоеванием революции и инструментом демократии. Следствием этой ситуации стало обострение отношений между дореволюционной интеллигенцией и представителями новой советской интеллигенции, особенно с такой группой, как так называемые выдвиженцы. Эта группа обычно комплектовалась из рабочих и/или мастеров, являющихся членами большевистской партии и проявивших себя на производстве. Но они не обладали необходимым багажом знаний, а искреннее желание осуществить задания не всегда совпадало с возможностями. Однако реальная жизнь показала, что именно из них выросли будущие успешные руководители производства, особенно если они стремились овладеть упущенными знаниями, для чего была создана обширная сеть ускоренной подготовки кадров руководителей, вершиной которой была Промышленная академия с её филиалами, которая считалась высшим учебным заведением, но фактически давала образование в объёме средней школы, а также технические знания, необходимые для работы в промышленности. Однако эта страница в истории страны вызывает у антисоветски настроенных исследователей резкую оценку. «В период пребывания нашего народа на самом дне исторической пропасти» произошла «кристаллизация новой – люмпенской – элиты, так называемых люмпен-выдвиженцев, которые представляли собой «беспринципных карьеристов» (правда, автор говорит, что были и подвижники) [Оболонский, 2010: 139].

Такая ситуация привела к тому, что во взаимоотношениях с инженерно-технической интеллигенцией произошли серьёзные срывы, ошибки и неоправданные обвинения. Их появление объяснялось тем, что планы перехода на новые мето-

ды работы и/или реализация непродуманных задач вызывали возражения о невозможности выполнить рекомендуемые задания. Такое отношение к официальным директивам привело к преследованию «буржуазных спецов». Так, в Шахтинском деле (официально: «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе», судебно-политический процесс, проходивший с 18 мая по 6 июля 1928 года в московском Доме Союзов) группа из 53 руководителей и специалистов угольной промышленности СССР, входившая как в ВСНХ и трест «Донуголь», так и в управляющие органы ряда шахт Донбасса, обвинялась во вредительстве и саботаже. Кроме того, участников процесса, являвшихся преимущественно представителями старой (дореволюционной) технической интеллигенции, обвиняли в создании подпольной контрреволюционной организации, связанной с зарубежными антисоветскими центрами. В результате 5 участников этого дела были расстреляны, а остальные подвергнуты различным срокам наказания. Аналогичные ситуации были характерны и для других промышленных районов, что серьёзно осложнило взаимоотношения на многих предприятиях и учреждениях [Красильников, Савин, Ушакова, 2011].

Не меньший отзвук получил судебный процесс по делу «Промпартии» (1930 г.). Группа инженерно-технической интеллигенции обвинялась в создании антисоветской подпольной организации, якобы осуществлявшей акты вредительства и саботажа в промышленности на транспорте. Главу заговора Л. К. Рамзина, профессора МВТУ, директора Теплотехнического института, члена Госплана и ВСНХ, инженера и теплофизика с мировым именем приговорили к тюремному заключению, где он продолжал исследовательскую работу. Правда, в 1936 г. его амнистировали; впоследствии, в 1943 г., он удостоился Сталинской премии [Судебный процесс… 2016].

Особую страницу в истории общественного договора заняло участие инженерной мысли в совершенствовании трудового процесса, его осуществлении на научной основе. Это было связано с необходимостью повышения производительности труда в процессе восстановления экономики страны, разрушенной в годы Первой мировой и гражданской войн.

Одним из первых теоретиков науки об организации труда в СССР был революционер, врач, организатор и директор Института переливания крови А. Богданов. В 1918 г. в книге «Между человеком и машиною» Богданов поставил вопрос об использовании системы Тейлора, о научной организации труда для того, чтобы «поднять трудоспособность масс до высшего уровня, какой совместим с поддержанием здоровья рабочих и возможностью развиваться культурно».

В январе 1921 г. прошла I Всероссийская инициативная конференция, посвящённая научной организации труда и производства. Её участники сформулировали задачи и направления работы по научной организации труда в стране, а также попытались определить степень пригодности методов Тейлора для России. Они считали, что его учение приемлемо в любых общественно-экономических условиях и поэтому всемерно способствовали его реализации.

Главным инициатором внедрения идей Тейлора в России стал А. Гастев, возглавивший в 1921 г. образованный Центральный институт труда, который был признан «учреждением по разработке, демонстрации и пропаганде принципов научной организации труда и подготовки рабочей силы». В институте исследовали труд на конкретных предприятиях и разрабатывали производственный баланс, в котором рассчитывался оптимальный объём работы и количество необходимых для её выполнения трудовых ресурсов. Главной задачей было овладеть логикой современной организации производства: контроль, стандартизация, учёт, нормирование, координация.

Иначе, чем А. Гастев, к вопросам НОТ и управления производством подошёл экономист, историк, публицист, автор работ по проблемам организации труда и управления П. Керженцев. Он говорил о необходимости решать не только вопрос о количественном росте производительности труда, но и об увеличении его интенсивности. Большое значение Керженцев уделял использованию организационных методов. К ним он относил методы подбора и использования работников, вопросы дисциплины, ответственности, учёта и контроля, хотя его, как сторонника тейлоризма, критиковали за идеи интенсификации труда, которые не учитывают пределы возможностей человеческого организма и противоречат принципам гуманизма, а также несовместимы с ценностями нового строя.

Теоретическое обоснование своего подхода к научной организации труда осуществил О. Ерманский, который понимал под ней организацию, основанную на тщательном соблюдении производственного цикла. Особое внимание он уделял методам изучения затрат рабочего времени и рационализации трудовых процессов. Цель организации труда, по его мнению, состоит в распределении работников таким образом, чтобы усилия одного были согласованы с усилиями всех.

Эти идеи развивались и внедрялись и такими представителями инженерной мысли, как А. Журавский, который уровень технического развития промышленности в стране видел в темпах роста производительности труда. Основными причинами недостатков существующей организации труда он считал простои и недоиспользование оборудования, а также неполное использование рабочей силы. Основным путём повышения производительности труда Журавский считал электрификацию и создание крупного промышленного производства [У истоков НОТ… 1990].

Интересно отметить, что немалая часть художественной интеллигенции встретила с пониманием снятие запретов и

возможности самовыразиться и в деле организации труда. Особое место заняли конструктивисты (их иногда называли производственники). Её ключевые апологеты В. Татлин, А. Родченко, А. Ган исходили из того, что «настало время социально-целесообразному... Всё должно быть осмыслено технически и функционально» (А. Ган). В 1922 г. В. Мейерхольд выступил с докладом о принципах биомеханики. В Институте труда А. Гастева была открыта лаборатория биомеханики («Воспитание движений – это дорога к воспитанию точной работы мозга»). [Цит. по: Курдюкова, 2022].

В целом привлечение инженерной интеллигенции в значительной степени способствовало тому, что уже к 1925 г. экономика страны достигла довоенного уровня (1913 г.) и даже превзошла его. Это был невиданный в мире успех в преодолении разрухи и прежде всего в промышленности, что к этому времени не могли решить многие страны, участвующие в первой мировой войне. Но самое главное – эти во многом основные группы интеллигенции стали сторонниками социалистических преобразований, что послужило основой для решения принципиально новых задач, связанных с подготовкой, а затем реализацией индустриализации страны и первых пятилетних планов.

В эти же 1920-е годы одним из примечательных актов стали усилия советской власти по созданию советской инженерной интеллигенции. С 1920-х гг. учреждения образования перешли к экстенсивному развитию высшего образования, в том числе и к выпуску инженеров. Был увеличен набор по подготовке этой группы специалистов. Образованы новые вузы. В результате к 1925 г. были созданы Московский горный институт, Тбилисский политехнический институт, Военно-воздушная академия и технические факультеты нового Среднеазиатского университета. Ряд существующих вузов был преобразован в инженерные или были организованы на

базе эвакуированных из Польши и Прибалтики институтов. В других случаях новые советские вузы (МАМИ, МХТИ, ЛИТМО, Московский текстильный и Казанский политехнический) создавались на основе крупных средних технических учебных заведений, имевших достаточную материально-техническую и кадровую основу [Петровский, 1930]. Вместе с тем стоит заметить, что определяющей тенденцией развития инженерной подготовки в 1920–1930-е годы явились ускоренная подготовка кадров и прикладной характер обучения за счёт упрощения учебного процесса и внедрения небесспорных методов обучения вроде коллективно-бригадной ответственности, отмены экзаменов и других форм контроля за качеством учёбы.

В 1930 г. была осуществлена реформа, которая кардинальным образом окончательно «сломала» дореволюционную структуру технического образования. В основе реформы лежало Постановление ВСНХ СССР, которое обязывало расформировать старые институты, а на базе их факультетов, кафедр и школ образовать отраслевые учебные заведения, находившиеся в ведении хозяйственных наркоматов и осуществлявших выпуск узких специалистов по укороченной программе.

Именно ускоренная подготовка технических специалистов при всей её ориентации на технократизацию высшего технического образования привела к постепенному формированию советской технической интеллигенции, которая изначально была сориентирована на социальный контракт с советским государством. Но так как потребности в обеспечении промышленной политики в начавшейся индустриализации не полностью восполнялись, это привело к тому, что ещё в сентябре 1927 г. на Всесоюзном совещании по профтехническому образованию при ВСНХ СССР были сформулированы задачи подготовки квалифицированных специалистов

инженерно-технического профиля. Было запланировано наращивание числа инженерных вузов, увеличение финансирования технического образования, улучшение материального положения студентов, обеспечение вузов преподавателями, увеличение и углубление общенаучной подготовки, укрепление связи учебной работы с производством.

Следствием стало то, что 1930-е годы явились периодом бурного роста численности вузов, прежде всего технических. Так, если в 1928 г. в стране было 32 технических вуза, то в 1932 г. – уже 268. В 1940 г. в СССР в этих вузах было свыше 600 тыс. студентов, что больше, чем в вузах Англии, Франции, Италии, Японии и Германии, вместе взятых. В результате произошла коренная перестройка системы высшего образования в СССР.

При этом отметим, что в 1920-е годы в советской стране происходила дискредитация старой инженерной интеллигенции, беспрецедентное снижение её социального статуса. В ходе репрессий и травли «спецов» во второй половине 1920-х гг. именно знаки отличия инженеров стали объектом насмешек и поводом для преследования.

Но уже в 1930-е годы начинается медленный, но верный процесс частичного возвращения положительной репутации инженера и к восстановлению более традиционного для России подхода к инженерному образованию. Заметную роль в этом сыграло знаменитое письмо под многозначительным заголовком «Нужна высшая политехническая школа» ведущих учёных (М. А. Лаврентьев, Н. И. Мусхелишвили, С. Л. Соболев, С. А. Христианович и др.) в газету «Правда», опубликованное 4 декабря 1938 г. Авторы этого письма заявляли о насущной потребности в подготовке инженеров-исследователей, инженеров-учёных, соединяющих в себе совершенное знание той или иной отрасли техники с глубоким физико-математическим образованием [История развития… 2020: 87–89].

Формы участия ИТР в общественном договоре в годы первых пятилеток

Результаты изменений во взаимоотношениях с инженерно-технической интеллигенцией не замедлили сказаться, что особенно наглядно проявилось при разработке и реализации первого пятилетнего плана. Перед страной была поставлена чрезвычайной важности задача: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут [Сталин. 1951: 29–42].

Лозунг «догнать и перегнать» западные страны стал официальным и использовался повсеместно. Под этим сочетанием «ДИП» даже выпускалась продукция многих заводов, в частности, станки. Основная задача 1-го пятилетнего плана была нацелена на создание базы тяжёлой промышленности. Фактически первая пятилетка была погоней за количеством. Были построены металлургические заводы в Челябинске (1929), Магнитогорске и Новокузнецке (1932), Керчи (1930). Введены в строй Запорожсталь (1933), Сталинградский (1930) и Харьковский тракторный заводы (1933), Нижегородский автомобильный (1932), Ростсельмаш (1929), Уралмаш (1933), Московский шарикоподшипниковый завод (1932). Был построен Беломорско-Балтийский канал, вошла в строй Туркестано-Сибирская магистраль. В 1932 г. заработала Днепрогэс.

Первая пятилетка фактически заново создала целые сегменты промышленности: автомобильная, авиационная, станкостроение, тракторная, металлургия, сельскохозяйственное машиностроение, химическая промышленность. В результате Советский Союз заложил фундамент, на основе которого происходило дальнейшее развитие страны. Эта огромная цель была достигнута усилиями рабочих, большинство которых в недавнем прошлом были крестьянами, практически не имевшими

никакой производственной квалификации. Но в немалой мере выполнение этих грандиозных планов осуществлялось тремя группами инженерно-технической интеллигенции. Во-первых, это так называемая «старая» интеллигенция, которая представляла основную массу творческого, управленческого и технико-технологического труда. Именно эта группа интеллигенции в своём большинстве приняла условия общественного договора между ними и советской властью. Вторую группу, беспрекословно принимающая все официальные установки, была представлена возникшей уже в 1920-х годах новой советской интеллигенцией, как нередко говорилось в официальных документах и художественных произведениях, рождённая из крови и плоти народа, и которая вместе с перешедшей на сторону советской власти дореволюционной интеллигенцией обеспечила выполнение многих планов первых пятилеток, в том числе и реализацию уникальных проектов. Третью группу представляли иностранные специалисты, которые составляли в свою очередь два потока: добровольно приехавшие для сознательного строительства нового общества и те, которые выполняли контрактные задания по строительству определённых промышленных объектов. Только в 1933–1935 годах их численность в тяжёлой промышленности колебалась в пределах 5–6,5 тыс. человек [Верт, 1992; Ханин, 1991].

Если первая пятилетка заложила фундамент, создала количественные показатели развития народного хозяйства, то во второй пятилетке внимание было сосредоточено на качестве, достичь которого можно было только при активном участии инженерной мысли. И это удалось реализовать. Если с 1928 по 1933 г. производительность труда выросла на 5%, то с 1933 по 1938 г. – на 65%.

Главный лозунг третьей пятилетки (началась с 1938 г., но была прервана войной) – догнать и перегнать западные страны по производству на душу населения. Главный упор

третьей пятилетки был сделан на энергетику и химическую промышленность. Мерилом успехов пятилетки стало увеличение национального валового дохода в 2 раза. Добиться этого не удалось, но причина тому – война. Но главное, чего достигли, – были созданы основы военно-промышленного комплекса, а рост промышленности вышел на стабильные + 5–6% ежегодно. И это был прямой и впечатляющий результат индустриализации в стране.

Наряду с крупными промышленными объектами реализовывались и отдельные малые, но перспективные и новаторские проекты. Продемонстрируем это на возникновении и развитии телевидения. В 1928 г. в Ташкенте появились первые лабораторные телевизоры, которые были созданы изобретателями Б. П. Грабовским и Н. Ф. Белянским. В 1932 г. в Ленинграде советским инженером А. Я. Брайтбергом было выпущено 20 первых советских телевизоров марки Б-2 размером со спичечную коробку, подключённых к радиоприемнику. До 1936 г. их было выпущено 3 тыс. штук по цене 200 руб. (бешеные деньги для того времени). В 1934 г. появился 1-й пробный массовый телевизор ТК-1 по лицензии американской фирмы RCA. В 1937 г. состоялась 1-я опытная передача электронного телевидения с Шаболовской телебашни в эфир, а с 1938 г. стал выпускаться ТК-1. В 1941 г. в Москве на заводе «Темп» родился телевизор Москвич-1. Это были интенсивные инженерные поиски, которые только в 1967 г. завершились появлением цветного телевизора.

Не менее значимыми стали и другие реализованные открытия.

18 апреля 1930 г. произошло испытание ракетного двигателя Ф. А. Цандлера на воздушно-бензиновой смеси. Кроме того, уже в 1933 г. запущена ракета на жидком топливе. Во второй половине 1930-х годов в СССР осуществлено производство искусственного каучука.

В 1935 г. введён в строй самый крупный в Европе цех по производству горячего листового проката на Кузнецком металлургическом комбинате в Новокузнецке.

Одновременно расширялись поиски решений в области ранее не исследуемых сфер жизни человека. В 1932 г. был создан один из первых природных заповедников – Кандалакшский.

В марте 1933 г. принято постановление ЦК ВКП(б) о строительстве Московского метрополитена. В 1938 г. закончила свою работу 1-я полярная станция «Северный полюс-1», дрейф которой длился 274 дня.

Поистине, пионерные поиски, новые методы представления, развития и преобразования традиционно сложившихся форм осуществили и архитекторы, которые продемонстрировали достижения и новаторские идеи, что позволило многим авторам говорить о советском архитектурном стиле. На самом деле, начиная с 1920-х годов, это проявилось и воплотилось в попытках сказать новое слово при сооружении производственных объектов, таких как Волховстрой, Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский тракторный завод и другие предприятия и сооружения. Одним из таких новаторов был В. Шухов, который реализовал около тысячи проектов, построил сотни мостов и водонапорных башен и даже минарет в Самарканде, который был восстановлен по его чертежам.

Очень много изобретательства было проявлено в попытках решить вопросы социально-бытового устройства рабочих (фабрики-кухни, клубы при заводах) с очень интересным воплощением новых идей, сочетающих и техническое, и социально-эстетическое решение проблем. Эти новые инженерные решения проявились в стремлении построить новый социалистический быт: массовые комплексы районных застроек (так называемые соцгородки), где были применены пропагандируемые методы бытоустройства – наряду с лиф-

тами – впервые эти дома обеспечивались всем необходимым: от решения коммунальных проблем и питания до культурного времяпровождения.

Одновременно осуществлялись уникальные проекты, которые вошли в историю не только отечественной, но и мировой архитектуры, – дом Наркомфина. В духе символизма был построен Институт пчеловодства в форме пчелы, Театр Советской армии в виде пятиконечной звезды, дом-самолёт на Фрунзенской набережной в Москве, гостиница в Свердловске (Екатеринбурге). Зарождением сталинского стиля считают Дом полярников на Никитском бульваре и дом «Полярник» на Садово-Кудринской улице в Москве (в форме литеры «П» – полярник), которые подготовили появление в послевоенное время знаменитых сталинских высоток, без которых трудно представить облик современной столицы страны [Неклесса, 2020].

Огромное место заняла пропаганда достижений инженерной мысли и передового опыта. 17 февраля 1935 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве» (ныне ВДНХ).

Значительную мобилизующую пропагандистскую роль играла работа по превращению каждого производственного события в торжественное и даже праздничное мероприятие, что выполняло несколько задач: показ впечатляющих достижений, поощрение трудовых свершений, формирование представлений о преимуществе советского образа жизни. А если речь шла о таких исключительных событиях, как открытие московского метро в 1935 г. (оформление которого не имело в то время аналогов в мире), то оно выполняло огромную просветительную функцию. Например, высказывание одного из делегатов Второго всесоюзного съезда колхозников-ударников (1935 г.) звеньевого Черепова из колхоза «Путь

к рассвету» Курской области: «У меня нет подходящих слов для того, чтобы выразить свой восторг и изумление этим замечательным метро. Метро – это самое замечательное, что я видел в моей жизни» [Цит. по: Окороков, 2022]. Несомненно, такая информация разносилась прежде всего там, где человек жил и работал. А так как их были сотни тысяч (в 1930-е годы проводились массовые мероприятия и совещания (встречи, съезды, конференции), эта информация формировала фон, представления и убеждённость в правильности официальной политики и желание поддержать (а через несколько лет и защитить её).

Итоговые цифры по выполнению планов индустриализации и первых пятилеток говорят, что 70% национального дохода было получено от промышленности! Даже если предположить, что эти цифры завышены и доля промышленности в национальном доходе была 50% – это в любом случае колоссальные цифры, до которых далеко очень многим из существующих в то время государств. А СССР этот путь прошёл всего за 12 лет.

Стоит назвать и такие показатели этих лет. Ежегодно запускалось в эксплуатацию до 700 фабрик и заводов (нижний показатель – 600). К 1937 г. рост промышленности в 2,5 раза опережал показатели 1913 г. Объёмы промышленности выросли значительно, и по их показателю СССР вышел на 2-е место в мире. Напомню, что в 1913 г. Российская Империя занимала 5-е место в мире. В военном и экономическом плане СССР стал полностью независимым от других стран государством. Без этого нельзя было победить в войне. С началом первых пятилеток была решена проблема безработицы (в 1928 г. она составляла 12%) [Лельчук, 1984; Катасонов, 2014].

Говоря об инженерах, стоит отметить, что 30-е годы были периодом, когда они жили по стандартам дореволюционной эпохи. Практически у всех представителей старой интеллиген-

ции были домработницы, они получали хорошую зарплату. Советская власть старалась обеспечить ту часть интеллигенции, которая пошла на службу режима, сохранив им условия, сопоставимые с 1913 годом. Политика по отношению к ней, в том числе и новой советской интеллигенции, стала другой. «Наша советская интеллигенция, – сказал Сталин при принятии новой Конституции СССР в 1936 г., – это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80–90% советской интеллигенции – это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоёв трудящихся. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у неё не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведёт стройку нового, бесклассового социалистического общества» [Сталин, 1997: 124].

Демонстрация и реализация верности в годы Великой Отечественной войны

Анализ социального положения инженерно-технической интеллигенции позволяет утверждать, за годы первых пятилеток общественный договор политической власти и интеллигенции укрепился, стал не показным, а реальным фактором. То, что по своей структуре, составу и деятельности большинство интеллигенции стало принципиально иной социальной общностью, в значительной мере разделяющей социалистические цели и идеалы, подтвердили события Великой Отечественной войны, когда вклад специалистов ин-

женерно-технического профиля был особенно весом не только в перестройке промышленности на новые рельсы, но и в разработке новых видов вооружения. Подчеркнём, что даже в это тяжелейшее для страны время думали и о перспективе – в 1942 г. был образован Московский механический институт боеприпасов – с 2009 г. Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Подробнее см. главу о Великой Отечественной войне).

Общественный договор в 1950-х – 1980-х годах: от согласия к сомнению

Инженерно-технические работники после окончания Великой Отечественной войны в полной мере включились в восстановление предприятий, в возрождение городов и других населённых пунктов. И эта цель была достигнута к 1950 г.

После её выполнения их знание, квалификация и энергия были нацелены на реализацию многолетней программы по строительству каскада гидроэлектростанций на Волге, Енисее, Ангаре. Инженерная мысль проявила себя при воздвижении новых городов и предприятий, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, в строительстве железных дорог, как Абакан – Тайшет, а затем Байкало-Амурской магистрали. Мне пришлось общаться как с рабочими, так и с инженерами, возводившими Красноярскую ГЭС. Они были полны энтузиазма, хотя их деятельность сопровождалась немалыми издержками, особенно в повседневной жизни, ведь здесь, как и на многих комсомольских стройках, господствовал принцип обращения к молодёжи: «Сначала построим завод (ГЭС, железную дорогу, рудник), а потом будет для вас и жильё, и клубы, и школы, и стадионы и всё, что захотите». Такое отношение порождало недовольство и даже протест, но не сомнение в том, что им доверено такое ответственное дело.

Не менее весом был вклад инженерной интеллигенции, которая трудилась на обычных, рядовых заводах, нередко в стеснённых условиях, и работали они не менее ответственно, проявляя и мастерство, и настойчивость в решении порученных им производственных заданий.

Но наряду с традиционной деятельностью в эти годы возникли особые задачи, среди которых одной из важнейших стало создание ядерного оружия. Работа над атомным проектом началась в СССР ещё в 1942 г. Однако американские бомбардировки японских городов в 1945 г. привели к осознанию разрушительного потенциала нового оружия и тех последствий, к которым может привести обладание им и особенно его отсутствие. Всего через две недели после дня, когда американский бомбардировщик Enola Gay сбросил на Хиросиму бомбу по прозвищу «Малыш», в Советском Союзе был создан особый «Специальный комитет», основной задачей которого стало максимально оперативное достижение необходимого паритета с США по ядерному оружию. Эта организация получила фактически неограниченный доступ к финансовым и человеческим ресурсам.

Лично для меня был интересен рассказ молодого инженера А. Гидройца, ставшего потом одним из руководителей предприятия в Красноярске-26 (ныне Железногорск), как молодые специалисты мужали в ходе решения задач, которые были неведомы не только в отечественной, но и мировой практике.

Нечто подобное было и на тех предприятиях, в тех городах, где решались задачи Космического проекта. Но помимо возмужания их, как специалистов, эти инженеры становились убеждёнными сторонниками новаторских методов решения возникающих проблем, что было подтверждено и последующим их поведением по отношению к наследию отечественной промышленности. В этот период был создан комплекс так называемых закрытых городов, инженерные кадры которых комплектовались из выпускников технических вузов.

Всего на территории СССР возвели десять закрытых городов, которые укрепляли «атомную силу» советской страны. В этих городах ограничения по свободному перемещению компенсировались улучшенным снабжением и высоким уровнем социально-бытового и культурного обслуживания. Нередко эти города относили к реализованной утопии советского градостроительства.

Это была редкая по интенсивности и результативности работа по решению неотложных проблем по укреплению обороноспособности страны, а также созданию базы, а затем и реальной производственной основы для освоения космического пространства в будущем. Подтверждением их способности решать неведомые и незнаемые в науке и технике проблемы стало испытание атомной бомбы в 1949 г., а затем и водородной бомбы в 1954 г. [Андрюшин, Чернышёв, Юдин, 2003; Атомный проект СССР... 1998].

Не менее впечатляющей была реализация Космической программы. Именно их трудом был осуществлён запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г., полёт Ю. Гагарина, первого человека в космосе. В ноябре 1970 г. советская станция «Луноход-1» опустилась на поверхность Луны [Александров, 2006; Глушко, 1987].

В эти годы внимание интеллигенции было направлено и на решение социальных проблем, что было связано с реализацией крупнопанельного строительства в соответствии с осуществлением массового жилищного строительства, начавшегося с 1958 г.

В послевоенный период архитекторы работали с особой интенсивностью. Во многих городах ранее оккупированной части СССР приходилось не просто восстанавливать разрушенное, а фактически заново отстраивать целые улицы и кварталы, в том числе и по уникальным проектам. Некоторые крупные города, такие как Сталинград, Минск, Великий

Новгород, были почти полностью стёрты с лица земли. В этот период в основе планов застройки центральной части городов лежал архитектурный стиль, получивший название сталинского ампира. Ярким его проявлением стали семь высотных зданий, построенных в Москве. Они объединили в себе элементы ренессанса, барокко, позднего классицизма и других исторических стилей – сочетание помпезности, роскоши, монументальности. Здания имеют чёткие пропорции, включают в себя колоннады, портики, завершения в виде шпилей, декорированы барельефами, мозаиками. Они в известной степени стали символом принципиально нового подхода, который ориентировал людей не только на решение насущных проблем, но и на будущее, которое сочетало в себе полезность с эстетическим восприятием действительности.

В целом в эти годы шло ускоренное развитие инженерных вузов. В 1958 г. было 29 политехнических институтов, 30 машиностроительных, 27 институтов гражданского строительства, 7 авиационных, 27 горно-металлургических, 18 транспортных, 15 электротехнических и институтов связи, 13 институтов рыбной и пищевой промышленности, 10 инженерно-химических, 2 метеоролого-гидротехнических и 2 кораблестроительных института. Они с успехом удовлетворяли потребности народного хозяйства: в 1989 г. доля инженеров среди лиц с высшим образованием составляла 41,6%, а среди техников – 45,6% [Варшавский, Кочеткова. 2016: 76–77].

Вместе с тем в отношениях государства и ИТР начали созревать объективные условия и субъективные факторы, которые внесли сомнения в рациональность и эффективность этих взаимоотношений.

С середины 1960-х годов планировалось осуществление принципиально новой экономической политики и необходимость свершения рывка в связи с потребностями назревающей научно-технической революции. Однако инертность

и негибкость в управлении экономикой не дала ожидаемого результата. В условиях низкой оплаты инженерного труда широкое распространение получил добровольный переход инженеров в рабочие. Авторитет этих профессий резко упал, что, в свою очередь, привело к уменьшению темпов роста производительности труда, снижению интеллектуального потенциала страны, а на личном уровне – к разочарованию в избранном пути и, соответственно, к отчуждению и скептическому отношению к официальной политике, отстранённости от участия в решении назревших технологических и технических проблем. Инженерно-техническая интеллигенция всё больше отстранялась от взаимных обязательств государству, среди её представителей росли скептические настроения, что в будущем обернулось увеличением апатии и аномии по отношению к происходящим в обществе процессам.

Участие инженерной интеллигенции в общественном договоре постепенно стало подвергаться коррозии. Несмотря на то, что в начале 1960-х годов в партийных документах провозглашалось существование общенародного государства, продолжалось следование устаревшей и отжившей себя теоретической установке, что определяющей политической и социальной силой остаётся рабочий класс. Это особенно проявилось в искусственно созданной догме: при принятии в члены КПСС была квота: на 3 рабочих должен приходиться 1 представитель интеллигенции. В реальной же жизни, в 1960–1970-е годы стать коммунистами стремились многие представители инженерной интеллигенции, причём в первую очередь те, кто олицетворял лучшую и в профессиональном, и социально-культурном отношении её часть. Эта догма породила различные эквилибристические приёмы, вплоть до временного перехода инженеров на рабочие места. Это частично и стало почвой для возникновения карьеристов, для которых партбилет становился пропуском на руководящие

должности, в то время как трезво мыслящий человек, сопоставив эту практику и со своей искренней установкой, часто уходил в сторону. Возникло разочарование, которое питало сомнения в справедливости происходящего.

В этот же период произошло искажение и в оплате труда, когда большинство инженерных должностей оплачивалось наравне или даже ниже оплаты рабочих. В целом в 1980-е годы это соотношение составляло 1:1,15 [Варшавский, Кочеткова, 2016: 78]. В результате по социологическим данным, в начале 1970-х более 1 млн инженеров перешли на рабочие места. В этой ситуации инженерам было непонятно, почему выходцы из рабочего класса и крестьянства, получив инженерную подготовку, оценивались таким странным образом.

В этот период вместо кардинального решения проблем научно-технического прогресса принимались ложные программы и планы о якобы возможном росте производительности труда путём сокращения среднетехнического и обслуживающего персонала. Но эти функции при прежней организации труда приводили к тому, что вместо сокращённых работников данные второстепенные функции начали выполнять инженеры.

Все эти искажения вели к тому, что начал падать престиж инженерного труда, а сами инженеры всё чаще задавались вопросом о правомочности существования такой структуры отношений как на производстве, так и в обществе [Варшавский, Кочеткова, 2016]. У инженерно-технической интеллигенции росли сомнения в правильности экономической политики государства, а затем и в правильности политики КПСС, что вело к отчуждению от интересов общества.

С началом перестройки поведение и намерения этих групп интеллигенции приобрели позитивный настрой, отражая надежду на коренное изменение и улучшение своего положения. Причём эти надежды касались не только личных интересов –

у инженерной интеллигенции ещё сохранялась установка на возможность сочетания этих интересов с общественными.

Однако это продолжалось недолго. Ситуация в стране с каждым годом ухудшалась. В этих условиях инженерно-техническая интеллигенция начала распадаться на несколько групп. Небольшая часть уловила запах денег и стала пытаться (некоторые успешно) приспосабливаться к зачаткам рыночных отношений. Другая часть предпочла другие сферы деятельности, уходя в те ниши экономики и культуры, которые казались им выгодными и привлекательными.

Но всё же большинство инженеров и техников продолжали работу на предприятиях, пытаясь приспособиться к новым реалиям и надеясь, что всё же государство справится с возникшими трудностями и обеспечит им гарантированное будущее. Поэтому они, как и весь народ в марте 1991 г., в своём большинстве проголосовали за сохранение Советского Союза в его обновлённом виде. Однако они, как и весь народ, были обмануты в том, что их ждало не совершенствование социалистических отношений, а реставрация капитализма со всеми вытекающими отсюда последствиями, что наглядно дало о себе знать уже в начале 1990-х годов.

От разгрома (ликвидации) социальной общности инженеров до попыток её возрождения

После начала рыночных реформ инженерно-техническую интеллигенцию ждало разочарование и крах надежд: они в массовых масштабах лишались работы без всяких попыток государства помочь найти новое место. Достаточно сказать, что за период так называемой приватизации было передано в частные руки более 44 тыс. хозяйственных единиц, их которых через несколько лет было закрыто около 30 тыс. Огромная армия не только рабочих, но и инженерно-техни-

ческой интеллигенции стали лишними, выброшенными из той колеи, которую они сознательно выбрали и были намерены следовать ей всю жизнь.

В условиях продолжительного спада в промышленности многие инженеры, технологи, конструкторы вынуждены были переквалифицироваться, став менеджерами, продавцами, специалистами по логистике, маркетингу и пр. Одновременно произошло снижение престижности профессии, низкий уровень оплаты труда, что негативно повлияло на предложение труда этой профессиональной группе. В течение длительного периода наблюдалось снижение притока абитуриентов на инженерно-технические специальности [Бреев, 2005].

Такое отношение к инженерно-технической интеллигенции в немалой степени сложилось и из-за официальной неолиберальной установки – мол, в СССР произведено избыточное количество интеллигенции, которое превышает численность таких специалистов в США, а отдача от них слабая и не сопоставимая с тем, что есть «в передовых странах» [Гимпельсон, 2004].

А в самом деде, куда пойти инженерам и техникам, которые в начале 1980-х годов на заводах в Советском Союзе выпускали 78 тыс. станков, несколько тысяч из которых закупало даже ФРГ, а в 2015 г. их было выпущено около 4 тыс.?

Огромная армия инженерно-технической интеллигенции стала перед трудно разрешимой проблемой: куда идти, как строить дальнейшую жизнь. Как показывает реальная практика, такая ситуация разделила судьбы инженеров и техников по нескольким направлениям. Одной, но незначительной части удалось вписаться в рыночные отношения, заняться бизнесом, приобрести новые навыки и в своём жизненном пути продолжать работу скорее как управленцу, финансисту, чем занятостью по своей специальности. Второй группе – значительной по своей численности – пришлось осваивать производственные функции на менее престижных, не соответствующих полученной специальности, но востребованных рабочих местах: быть охранниками, идти работать в сферу услуг и даже заняться таким видом деятельности, как быть челноками. Ещё одна группа попыталась переквалифицироваться по смежным специальностям, что было нередко очень сложным делом, особенно в моногородах. Наконец, стоит упомянуть и попытки предложить свои знания и умения за рубежом, что оказалось не таким привлекательным, как казалось на первый взгляд. Эту ситуацию ярко и наглядно отразил в своем романе «Скитания» Ю. Мамлеев (1931–2015), в 1974 г. эмигрировавший в США, а потом вернувшийся. Вот его описание тех, кто уехал за свободой творчества в США: «Разочарование (или прозрение) наступает довольно быстро: вся вожделенная творческая, и особенно политическая независимость – мираж, фантом, иллюзия даже в такой стране, как Америка… где властвуют деньги и ещё раз деньги… Разочарование никуда не девается, дополняясь ностальгией. Оставленная родина предстаёт как оплот духовности» [Рычкова, 2022].

Несомненно, что такое отношение и такая ситуация с инженерно-технической интеллигенций имела серьёзные социальные последствия.

Во-первых, произошло снижение и даже утрата интеллектуального потенциала. Это проявилось во многом, в том числе и в том, что уровень внедрения инноваций в России по сравнению с СССР сократился в 6–7 раз. Напомним, что ежегодно в СССР публиковалось 50 тыс. изобретений (авторских свидетельств), принципиально новых технических и технологических разработок, из которых 90% – авторы из РСФСР. Примерно столько же было и в США [Кириенко, 2015].

Во-вторых, многие инженеры и техники ушли из общественно-политической жизни, перестав себя идентифицировать с политическими партиями и движениями, ограничив-

шись только профессиональными обязанностями. Хотя при этом они не теряли свои мировоззренческие ориентации, что появляется во время избирательных компаний.

В-третьих, из-за падения престижа профессии инженера и техника многие годы инженерные вузы комплектовались менее успешными абитуриентами, в результате чего качество подготовки выпускников этих вузов существенно снизилось.

В-четвертых, материальное положение (оплата труда) этих групп профессий стало характеризоваться малообеспеченностью, особенно в государственном секторе экономики. Это привело к таким показателям, когда по официальным данным оплата труда инженера в авиационной промышленности в 2016 г. находилась на 37-м месте в лестнице зарплат.

Несомненно, такое положение инженерно-технической интеллигенции не способствовало укреплению общественного договора, породило её сомнения в правильности рыночных реформ и, как следствие, стремление вернуться к позитивному советскому опыту при всех его издержках и недостатках.

Эти просчёты и провалы во взаимоотношения с инженерно-технической интеллигенцией стали очевидны при начавшейся конфронтации с США и коллективным Западом, когда выявились пороки в работе с этой группой российского общества. Очевидно, что избавиться от иностранной технологической зависимости, реализовать политику импортозамещения можно, в том числе имея соответствующие кадры. Принятые в последнее время меры, особенно по подготовке инженерных кадров, создание 30 инженерных школ при ведущих университетах, расширение возможностей средних специальных учебных заведений приведут в необходимое соответствие потребности технологического и информационного развития экономики и возможности и способности будущих специалистов решать поставленные задачи. Но необходимо время, чтобы преодолеть упущенные возможности из-за близорукой неолиберальной политики.

Заключение

Инженерно-техническая интеллигенция как социально-профессиональная группа в XX веке претерпела серьёзнейшие испытания: революция, гражданская война, участие в восстановлении народного хозяйства, создание второй экономики мира, Великая Отечественная война, послевоенное созидание и, наконец, неоднозначное существование в новой России. Не менее существенные процессы происходили и внутри самой инженерно-технической интеллигенции – размежевание по отношению к советской власти, ограничения и репрессии, спецеедство, участие в созидании уникальных объектов, поиски места и влияния на происходившие в обществе процессы.

Если Октябрьскую революцию инженерно-техническая интеллигенция встретила в своём большинстве профессионально-отчуждённо («мы верны своей профессии, невзирая на политические перемены»), то при восстановлении народного хозяйства, а затем в годы первых пятилеток произошло изменение её позиций. Этому способствовало изменение политики советской власти – не только признание роли и значения, но и реализация мер по заинтересованности инженеров и техников в решении как текущих, так и перспективных задач социалистического строительства: высокие оклады, привлечение к руководству крупнейшими предприятиями, участие в разработке народнохозяйственных планов.

Очевидно, что индустриализация и первые пятилетки как экономическое чудо были возможны только при условии мобилизации научно-технологических кадров. Хотя даже в это время инженеры долгое время находились в ситуации, когда политическая власть своими действиями то приближала их

к привилегированному положению, то «заворачивала гайки», подозревая в шпионаже, во вредительстве (сфабрикованные дела Промпартии, громкий Шахтинский процесс), организуя их работу в «шарашках».

Одновременно шёл процесс создания новой интеллигенции, вышедшей из рабочего класса и крестьянства, которая недостатки профессиональной подготовки компенсировала искренним желанием сделать свою работу лучше, в соответствии с представлениями о важном и необходимом стране. В ходе этой созидательной работы произошло сближение «старой» и «новой» инженерно-технической интеллигенции, постепенно ушли в прошлое конфликты с выдвиженцами – прежние проблемы не отвлекали их от работы, которую они искренне старались делать лучше, быстрее, качественнее. Всё это подготовило инженерно-техническую интеллигенцию к тому, что она накануне Великой Отечественной войны представляла собой лояльную, терпеливую и преданную своей профессии социальную группу и к тому же уверенную в перспективности идей социализма.

Идея общественного договора, которая состояла в превращении СССР в ведущую державу мира, оказалась достаточно привлекательной для инженерно-технической интеллигенции, которая сыграла в этом процессе определяющую роль, несмотря на нелёгкие и даже тяжёлые условия труда, гонения и репрессии.

На наш взгляд, именно к этому времени можно говорить о том, что в первые десятилетия после окончания гражданской войны сформировалась советская инженерно-техническая интеллигенция как вполне сложившаяся социальная общность. И это было подтверждено временем – годами испытаний в борьбе с германским фашизмом, во время Великой Отечественной войны, когда без мобилизации всего народа победить врага было бы невозможно. Особую роль в этом сыграли инженеры и техники как в тылу, так и на фронте.

Можно утверждать, что в политике по отношению к инженерно-технической интеллигенции было немало зигзагов и противоречий. Но в целом советская власть нашла ключи и к «буржуазным спецам», и к новой рождающейся интеллигенции. Если к первым применялись не только методы обращения к их профессиональной состоятельности, но и такие приёмы, как высокая оплата труда, привлечение для общения с коллегами из-за рубежа, участвующими в реализации народнохозяйственных планов, доверие по сооружению уникальных и новаторских производственных объектов. Что касается молодой поросли советской инженерно-технической интеллигенции, то это была апелляция к их происхождению, чётко выраженная надежда в реализации всех без исключения проектов, доверие руководства многими промышленными и сельскохозяйственными объектами.

После окончания Великой Отечественной войны было не менее значительное участие в выполнении общественного договора в связи с планами по освоению целины, природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Однако в развитии страны назревали качественные изменения. И это в первую очередь чувствовала интеллигенция, в том числе и инженерно-техническая. Это выразилось в таких общественных явлениях, как оттепель, когда были выдвинуты многие поисковые и пионерные идеи по переустройству страны. Особенно наглядно это проявилось в многочисленных починах и начинаниях, порождённых начавшейся экономической реформой в 1960-е годы. Это были достаточно успешные акции (Щёкинский эксперимент, новый принцип организации сельского хозяйства в совхозе Илийский в Казахстане и др.), которые показали творческий потенциал специалистов по раскрытию экономических и социальных резервов производства.

Однако политическая власть не увидела и должным образом не оценила назревающую научно-техническую и ин-

формационную революцию и происходящие изменения в экономике страны. Это совпало и с ошибочным отношением к интеллигенции, которой фактически было отказано в политическом доверии (например, по отношению к приёму её в ряды КПСС). Именно с этого времени начали расти сомнения в способности руководства государства и КПСС правильно определять перспективы развития страны.

С началом перестройки произошла вспышка энтузиазма и веры интеллигенции (как и всего народа) в возможность использования их интеллектуального потенциала для коренного улучшения социально-экономической ситуации в стране. Родилось множество починов и инициатив со стороны инженерно-технической интеллигенции. Но они фактически игнорировались – решения принимались узкой группой лиц без учёта и обсуждения мнений и суждений той группы специалистов, которые в своих исканиях придерживались социалистической ориентации. Более того, в официальных решениях стали во всё большей мере учитываться суждения той группы интеллигенции, в основном гуманитарного профиля, которые избрали кредо, связанное с ориентацией на капиталистический путь развития. Иначе говоря, позиция большинства представителей инженерно-технической интеллигенции, нацеленной на совершенствование социалистической организации народного хозяйства, не была учтена.

Что касается новой России, то инженерно-техническая интеллигенция практически выпала из нормального ритма развития общества. Произошло резкое сокращение её численности, падение престижа инженерной профессии, снижение её влияния, что привело к попаданию страны в техническую и технологическую зависимость от зарубежья.

В настоящее время в связи с развязанной санкционной войной страна вернулась к пересмотру многих позиций во взаимоотношениях с США и странами Запада. Многие из

этих аспектов напрямую касаются роли инженерно-технической интеллигенции в преодолении экономических и технологических санкций. Принимаемые меры нацелены на решение совокупности проблем, начиная от создания собственных производств, нацеленных на преодоление технологической зависимости, и заканчивая коренным пересмотром политики по подготовке инженеров и техников.

Список литературы

Александров А. А. Путь к звёздам. Из истории советской космонавтики. М. : Вече, 2006. 384 с. ISBN 5-9533-1192-3.

Андрюшин И. А. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР / И. А. Андрюшин, А. К. Чернышёв, Ю. А. Юдин. Саров : Красный Октябрь, 2003. 481 с. ISBN 5-7493-0621-6.

Атомный проект СССР: Документы и материалы / Сост. Л. И. Кудинова (отв. сост.) [и др.] ; под общ. ред. Л. Д. Рябева ; М-во РФ по атом. энергии, РАН. М. : Наука : Физматлит, 1998. 432 с. ISBN 5-02-015007-X.

Бреев Б. Д. Безработица в современной России. М. : Наука, 2005. 271 с. ISBN 5-02-033411-1. EDN QQIAOZ.

Будницкий О. Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции М. : Изд-во «Новое литературное обозрение», 2021. 632 с. ISBN 978-5-4448-1585-4.

Варшавский А. Е. Анализ показателей численности инженерно-технических специалистов в России / А. Е. Варшавский, Е. В. Кочеткова // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 9 (456). С. 67–85. EDN WMAWOJ.

Верт Н. История Советского государства. 1900–1991 : учебное пособие / Н. Верт ; пер. с франц. М. : Прогресс, 1992. 480 с. ISBN 5-01-003643-9.

Гимпельсон В. Е. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда: недостаток предложения, ограничения спроса

или ложные сигналы работодателей? М. : ГУ ВШЭ, 2004. 36 с. (Препринт / Гос. ун-т – Высш. шк. экономики; WP3/2004/01). (Серия WP3. Проблемы рынка труда).

Глушко В. П. Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР / В. П. Глушко ; 3-е изд. М. : «Машиностроение», 1987. 305 с. EDN ZCGETR.

История развития высшего инженерного образования в России и Советском Союзе // Студопедия : [сайт]. 10.10.2020. URL: https://studopedia.ru/29_6871_istoriya-razvitiya-visshego-inzhenernogo-obrazovaniya-v-rossii-i-sovetskom-soyuze.html (дата обращения: 20.07.2024).

Казакин И. Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. 264 с. ISBN 5-85534-403-7.

Катасонов В. Ю. Экономическая война против России и Сталинская индустриализация. М. : Алгоритм, 2014. 272 с. ISBN 978-5-4438-0740-9.

Кириенко Ю. Рационализаторы и изобретатели в СССР // Литературная газета. 2015. № 38.

Красильников С. А. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи / С. А. Красильников, А. И. Савин, С. Н. Ушакова // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. С. А. Красильников. М. : РОССПЭН, 2011. С. 10–70.

Курдюкова Д. Искусство – в массе // Независимая газета. 2022. 30 ноября.

Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М. : Политиздат, 1984. 304 с. EDN ASQVIF.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М. : Политиздат, 1974. С. 1–104.

Ленин В. И. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. М. : Политиздат, 1969. С. 207–224.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 45–61.

Неклесса Р. А. «П» – значит «Полярник» // Независимая Газета. 2020. 13 мая.

Оболонский А. В. Советский режим: механика властвования // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 135–151. EDN LMBRFX.

Окороков Г. Колхозники теряли дар речи // Вечерняя Москва. 2022. 24 февраля.

Петровский Д. А. Реконструкция технической школы и пятилетка кадров. Л. : Гостехиздат, 1930. 42 с.

План электрификации РСФСР. М. : Госполитиздат, 1955. 660 с.

Попов В. Покушение на ГОЭЛРО // Литературная Газета. 2015. 24 декабря. № 51–52.

Рычкова О. Стихи для тараканов // Независимая газета. 2022. 17 ноября.

Савин И. В. Социокультурный облик российской интеллигенции в годы гражданской войны: 1917–1920 гг. : автореф. канд. ист. наук : 07.00.02 / Савин Игорь Владимирович ; науч. рук. А. А. Семенов ; Кропоткинский филиал Московского государственного открытого университета. Кропоткин, 2006. 26 с. EDN NOHDUH.

Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Сочинения : в 13 т. Т. 13. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1951.

Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сочинения. Т. 14. М. : Издательство «Писатель», 1997. С. 119–147.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. С. А. Красильни-

ков. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 855 с. ISBN 978-5-8243-2071-8. EDN YPYHYN.

Томин В. П. Рост образования населения СССР за 60 лет Советской власти // Социологические исследования. 1978. № 2. С. 41–52.

У истоков НОТ : Забытые дискуссии и нереализованные идеи : Соц.-экон. лит. 20–30-х гг. : [сборник] / Сост. и авт. вступ. ст., с. 3-18, коммент. и преамбул к публикациям Э. Б. Корицкий. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 336 с. ISBN 5-288-00357-2.

Уэллс Г. Россия в мгле. М. : Правда, 1964.

Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М. : Наука, 1972. 472 с.

Ханин Г. Н. Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин ; отв. ред. В. А. Волконский ; АН СССР, Сиб. отд., Тувин. комплекс. отд. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд. М. : Наука, 1991. 267 с.

Глава 15
Профессиональная позиция научной интеллигенции – база и основа взаимоотношений с государством

Только наука изменит мир. Наука в широком смысле: и как расщеплять атом, и как воспитывать людей

Н. М. Амосов,
советский и украинский хирург,
учёный-медик, литератор

Наука становится нервной системой нашей эпохи

М. Горький

Введение

В первые годы советской власти на страну обрушился каскад «бед»: начавшаяся гражданская война, развал экономики, прекращение деятельности предприятий, насильственное отторжение части территории иностранными интервентами, разрыв внешнеэкономических связей. Следствием стала массовая безработица, нарушение товарооборота в стране, угроза голода и нарастание напряжённости и конфликтности в условиях возникшей и нарастающей вооружённой борьбы с различными контрреволюционными силами.

В этих условиях и в этой связи приобретает особый интерес, с одной стороны, как определяли свою позицию российские учёные, а с другой – что предприняло советское государство наряду с другими неотложными мерами в своей политике по отношению к науке, а также то, как творцы на-

учного знания реагировали на ситуацию в стране и на меры, предпринимаемые официальной властью.

Специфика российской действительности проявилась прежде всего в том (это было необычно и отличает от других революций), что участие науки в созидании нового общества началось с самих учёных, с выработки удивительной, хотя во многом интуитивно стихийной работы по их привлечению на сторону новой власти. Именно не столько разработанная и осознаваемая программа, а сколько понимание советской властью роли и значения науки привело к беспрецедентным решениям по её поддержке и использованию при решении проблем нового общества по всем возможным направлениям – в экономике, политике, культуре.

При этом среди советских руководителей был немало тех, кто нигилистически относился к учёным, считая их частью старого мира, который надо было свергнуть и построить принципиально не только новое общество, но и новую науку. И на то имелись основания.

Одним из них был тот факт, что вопреки регламенту, утверждённому Петром I, что «Академия есть собрание учёных и искусных людей, которые не токмо сии науки в своём роде, в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и через новые инвенты оные совершать и умножить тщатся», во главе Академии долгое время были случайные и своеобразные персоны, которые нередко имели весьма косвенное отношение к науке. Так, Кирилл Разумовский, брат фаворита Елизаветы Петровны, был назначен на этот пост в 18 лет, что шокировало научный мир. Он, по убеждению современников, наукой не был увлечён, за плечами было два года шатаний по различным учебным заведениям Европы. Основными заботами его были реформы казачества, светские развлечения, балы, охота. Да и многие последующие руководители Академии были специфическими персонами: княгиня Е. Дашкова,

председатель Комитета министров Н. Новосильцев, министр внутренних дел Д. М. Блудов, Великий князь К. Романов, министры народного просвещения граф С. Уваров и Дм. Толстой – т. е. в большинстве своём произвольно назначенные лица, но близкие царскому двору [История Академии наук СССР... 1958–1964].

Что касается самих научных сотрудников, то они наряду с добросовестным и творческим выполнением своего профессионального долга в большинстве случаев (если посмотреть их социальное лицо непосредственно перед революцией) ориентировались на умеренные демократические преобразования. Ярким свидетельством является состав партии кадетов, которую нередко называли «профессорской партией».

И хотя в составе социалистических партий (эсеров, меньшевиков, большевиков) было немало представителей интеллигенции, но непосредственно к науке имели отношение немногие. Такая ситуация наложила отпечаток на разнообразие подходов к науке и её представителям со стороны большевиков после прихода их к власти в октябре 1917 г.

Импровизация или перспективные решения?

Перед революцией научный мир был представлен немногочисленным, но влиятельным социальным сообществом. По данным на 1914 г., в стране было около 10 тыс. научных и научно-педагогических работников в 11 университетах и 131 научном институте.

Как это начиналось и как строились взаимоотношения советской власти с наукой?

Показательно и примечательно, что уже в первый год своего существования наряду с мерами по созданию новой экономики как основы государства, по формированию Красной армии, несмотря на начинающуюся гражданскую войну и

иностранную интервенцию, большевики в это напряжённое время уделили внимание науке. Де-факто они следовали рекомендации В. И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», которая была опубликована в «Русских ведомостях» 22 и 24 июня 1917 г. По его мнению, нужны: «1. Государственная поддержка прикладной техники при условии свободного научного творчества. 2. Введение прикладной науки в бюджет страны. 3. В круге внимания политики государства – сеть исследовательских институтов».

Налаживание доверительных взаимоотношений между наукой и государством не было отложено в долгий ящик. Уже в 1918 г. после обращения в Совнарком М. И. Семёнова и А. Ф. Иоффе был создан Рентгенологический и радиологический институт. Это был первый научный институт, созданный советским правительством для изучения рентгеновских лучей и радиоактивности с целью их практического использования в медицине. Более того, постановление об учреждении этого института (несмотря на огромный дефицит средств в период становления новой власти) было подкреплено выделением 50 тыс. руб. золотом, что было крупной суммой. В том же году Н. Е. Жуковский организует Центральный аэрогидродинамический институт на базе Аэродинамической лаборатории МВТУ и Авиационного расчётно-испытательного бюро (РИБ). 15 декабря 1918 г. был образован Государственный оптический институт, созданный по инициативе Д. С. Рождественского, который стал его директором и научным руководителем до 1932 г. По записке профессора М. А. Бонч-Бруевича была создана ставшая знаменитой Нижегородская радиолаборатория. Затем последовали и другие решения по открытию новых научных организаций. 23 февраля 1919 г. был основан Московский НИИ инфекционных болезней (Московский НИИ вакцин и сывороток им. И. И. Мечникова). В начале 1921 г. возник Кристаллографический институт, которому было присвоено

имя проф. Фёдорова, положившего начало изучению кристаллов [Информация… 2021]. В целом к 2021 г. уже действовало 33 (!) новых научно-исследовательских института, в том числе и такие, которые в будущем составили славу российской науки: Институт мозга и психической деятельности, Институт экспериментальной биологии, Институт по изучению Севера [Егеев, Пистолов, 2020].

В известном смысле это была реализация плана Ленина, что нашло отражение в тексте «Набросок плана научно-технических работ» (апрель, 1918 г.). В научную и политическую лексику вошли слова «естественные производительные силы». Ленин предложил немедленно раздать наркоматам задачи «возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъёма России» [Ленин, 1969: Т. 36: 228–231].

Одной из идей стала ставка на тотальную электрификацию страны. Но электрификация России происходила не так, как в других странах. Придя к власти, большевики быстро поняли, что если они не превратят отсталую аграрную страну в индустриальную экономику, то само существование советского государства будет под угрозой. А для запуска промышленности первым делом нужно было электричество. Задача эта была нелёгкая и нетривиальная, учитывая размеры российских территорий и неграмотность населения. Для советского контекста идея электрификации была созвучна с идеей политической революции, с планами по изменению общества, с идеей перманентной революции.

Эта установка была реализована в разработке знаменитого плана ГОЭЛРО, создание которого трудно представить без плодотворного и определяющего его смысл участия учёных в его создании, а потом реализации. Ещё в 1918 г. Ленин обратился к Г. О. Графтио, который заинтересовал его проектом по сооружению Волховской ГЭС. Более того, на-

чались работы по сооружению станции, но скоро приостановленные по причине тяжёлого положения страны. К этой идее вернулись в 1920 г., когда был разработан, принят и стал реализовываться грандиозный проект – Государственная программа по электрификации России (ГОЭЛРО), который обладал не только научно-техническими достоинствами, но и социальным предвидением, как электричество должно было перестроить не только производство, но и повседневную жизнь людей. Знаменательно, что этот план был продуктом коллективного творчества учёных и инженеров, которым руководил большевик и инженер-энергетик с опытом работы Г. Кржижановский. Советская власть несмотря на то, что ещё не закончилась гражданская война, выделила значительные средства на его реализацию, что вскоре привело к вводу в строй первых – Каширской и Волховской – электростанций, за которыми последовали и другие (10 гидростанций и 20 теплостанций).

Этот план был выполнен к 1931 г., в результате чего СССР занял 3-е место в мире по выработке электроэнергии после США и Германии [План электрификации... 1955]. Был опровергнут вывод английского писателя-фантаста Герберта Уэллса, который побывал в советской России в 1920 г. и встречался с Лениным, «Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии» [Уэллс, 1964].

Важным фактором стало и то, что большевики на деле продемонстрировали решение новаторского подхода к науке – допуску учёных к принятию государственных решений, что стало одним из важнейших условий опережающего развития страны, её экономики и культуры практически за всё время существования советской власти.

Не менее значим был и социально-политический аспект этого решения. Большевики превратили этот план в ещё один

успешный элемент советской пропаганды. Реализация плана электрификации России не только привела к масштабным промышленным успехам, но и создала новую благородную и благодатную цель, которую активно поддерживали и даже поклонялись художники, писатели, скульпторы, архитекторы и режиссёры. Реализация этого проекта под влиянием масштабных технических преобразований меняла повседневную жизнь людей.

План ГОЭЛРО перечёркивает множество перестроечных и современных догм о пороках плановой экономики, ставит под сомнение и показывает убогость внедрения «невидимой руки рынка». Более того, план ГОЭЛРО не был просто экономическим проектом – он решал многие социальные проблемы, такие как потребность в квалифицированных кадрах, коренное обновление быта, уверенность в обещаниях большевиков и, соответственно, крепнущая поддержка политики советской власти. Таким образом, несмотря на издержки, ошибки, просчёты, общественный договор с учёными налаживался достаточно успешно.

Не менее значительным и знаменательным событием стало участие учёных в принятии и другого кардинального решения по управлению экономикой – создание по предложению В. И. Вернадского Комиссии по изучению производительных сил России (КЕПС). Это его суждение было пионерным – таких организаций не существовало в то время в мире. К примеру, во Франции подобная организация была создана только в 1939 г. [Аксенов, 2015]. Эту идею поддержал Ленин и дал распоряжение отдать последние запасы бумаги на сборники КЕПС, на издание многотомных «Богатства России». Под его эгидой в 1917–1919 гг. были выпущены сборники «Ветер как двигатель», «Белый уголь», «Артезианская вода», «Растительный мир», «Животный мир» и др. И это в условиях тяжелейшей гражданской войны и иностранной

интервенции, когда каждый рубль был на счету, когда осуществлялась жесточайшая экономия посредством политики военного коммунизма.

Особое место в формировании доверия к советской власти в условиях блокады, международной изоляции заняло создание, поддержка и поощрение международных контактов и не только в виде участия на конференциях. По инициативе самих учёных было создано Российско-германское научное общество, в рамках которого Мария Кюри лично отбирала образцы для Радиевого института, а Вильгельм Рентген оказывал методическую помощь. В это же время из Германии по запросам Наркомпроса прибыла партия микроскопов [Новости *100-летней… 2023*]. Было налажено постоянное взаимодействие с финскими учёными, которые наряду с участием в научных исследованиях оказывали значительную материальную помощь. Помимо гуманитарных усилий по борьбе с голодом контакты с российскими учёными поддерживал известный норвежский исследователь Ф. Нансен.

При всей изоляции от внешнего мира продолжались стажировки учёных за рубежом, среди которых были будущие лауреаты Нобелевской премии П. Л. Капица и Н. Н. Семёнов.

Это отношение к науке было оценено: многие выдающиеся учёные, такие как лауреат Нобелевской премии академик И. П. Павлов, академики Н. Е. Жуковский, К. А. Тимирязев, Н. К. Кольцов, А. Ф. Иоффе и др., стали сторонниками советской власти и поддержали её в меру понимания важности намеченных преобразований. Более того, многие из них создавали и организовывали научные направления, возглавляли академические институты, во многом определившие научно-техническую политику в стране. Об этом следует обязательно сказать, потому что ряд исследователей, нацеленных на дискредитацию всех начинаний советской власти, доказывали «угнетение и порабощение» отечественных учёных,

описывали только то, что подтверждало их заранее сформулированную цель: коллекционировать критические высказывания учёных (а они не могли не быть – ведь при любой работе у каждого, в том числе учёного, есть свои оценки и суждения по тем или иным процессам и явлениям). Нередко в таких текстах приводили в пример иммигрировавших учёных (были среди них и такие выдающиеся умы, как Г. А. Гамов, А. Е. Чичибабин, Я. В. Успенский, В. Н. Ипатьев и др.) [Организация науки... 1968].

В то же время отметим клеветнические высказывания в адрес тех, кто был в той или иной мере приобщён к принятию решений о науке и научной деятельности. Особое распространение получил миф о недоучках, некомпетентности тех лиц, которые имели отношение к становлению и развитию науки в советской России. Более того, некоторые неолибералы от науки занимались дискредитацией тех деятелей советской власти, которые руководили или были приобщены к принятию официальных документов по проблемам научных исследований. Ведь если взять таких специалистов, как Г. М. Кржижановский (окончил с отличием С.-Петербургский технологический институт), Л. Б. Красин, имевший инженерное образование и соответствующую практику (Харьковский технологический институт), А. В. Луначарский, который обучался в Цюрихском университете и др., именно их огромная организаторская работа привела к реализации многих научно обоснованных экономических и социальных проектов, которые и до сих пор являются примером решения стратегических задач развития экономики и культуры, что породило стремление подражать и даже заимствовать способы решения возникающих проблем.

Вполне естественно, что в этом взаимоотношении с наукой советская власть не могла обойтись без выработки своего отношения к общественным наукам. Уже в июне 1918 г.

Ленин пишет проект «О Социалистической академии общественных наук» (Ленин, 1969: 372–373), положения которого были развёрнуты в специальном декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов от 25 июня 1918 г. Эта академия просуществовала до 1924 г., а как Коммунистическая Академия – до 1936 г., до передачи её институтов в состав Академии наук. По существу, это был опорный идеологический пункт и попытка создать новую общественную науку. Так как этому направлению придавалось исключительное значение, то в его работе наряду со многими руководителями советской власти принимали участие такие учёные, как историки А. Богданов, М. Покровский, философ А. Деборин, экономист Е. Варга, естествоиспытатели К. Тимирязев и О. Шмидт [Козлов, Савина, 2008].

Но на этом пути случались и серьёзные просчёты. Было отменено действие Общего устава императорских российских университетов 1884 г., согласно которому учёные и преподаватели вузов относились к числу лиц, которые находятся на государственной службе и, соответственно, пользовались преимуществами, означенными в Уставе о службе правительства [Степаненко, 2022]. Но после революции учёные попали под действие общих положений об оплате труда. И соответственно, испытывали серьёзные осложнения в обеспечении научной деятельности и повседневной жизни. Однако вопреки сообщениям некоторых «исследователей» об «ужасном» материальном положении учёных (а оно в самом деле было трудным и сложным), можно привести не только точечную персональную заботу об отдельных учёных (например, Совнарком РСФСР назначил пожизненную пенсию К. Э. Циолковскому), но и постановление декрета Совнаркома от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных работников», согласно которому научные работники подразделялись на пять категорий. Льготы учёным предоставлялись не слишком значительные, но очень важные для обеспечения приемлемой для того времени жизнедеятельности: усиленное, насколько это было возможно, питание, сохранение за ними квартир, освобождение от трудовой и воинской повинности и др. К этой проблеме советская власть неоднократно и постоянно возвращалась. Оценивая сложившуюся ситуацию, Ленин на VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г. требовал: «Надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя – это мы прекрасно испытали» [Ленин, 1969: Т. 36: 165–167].

В соответствии с этим Финансовый комитет при Совнаркоме в октябре 1922 г. постановил повысить ставки для учёных первых трёх разрядов в 3 раза, для четвёртого – в 2,5 раза, а для пятого – в 2 раза. Общий размер денежной части академического обеспечения был установлен в сумме 207 420 тыс. руб. [Новости 100-летней… 2022]. Конечно, такие меры не могли пройти незамеченными для учёных, поощряя их к совместной работе на благо российского общества [Мазур, 2021].

Конечно, в этой политике по отношению к учёным было не всё гладко и безмятежно. В это время были и репрессии против той части интеллигенции, которая открыто выступала против решений и действий советской власти. Был и такой эпизод в истории общественной (подчеркиваю, общественной) науки, как «философский» пароход с высланными за границу около 200 учёными, что нередко подается как разгром науки. Напомним, что такой пароход был не един, он был дважды использован – в сентябре и ноябре 1922 г.). Именно тогда были высланы на первом пароходе Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Е. Трубецкой М. М. Новиков, И. А. Ильин, Б. П. Вышес-

лавцев, В. В. Зворыкин, А. И. Угримов, Н. А. Цветков и др., на втором – И. О. Лосский, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин и др. Хотя надо добавить, что в дальнейшем их отношение к советской власти дифференцировалось – Н. А. Бердяев принял советское гражданство в 1945 г., И. А. Ильин приветствовал и поддерживал гитлеровский режим. Многие из них попыталась занять нейтральную, чисто научную позицию, как это сделали П. А. Сорокин, И. О. Лосский, или как С. Е. Трубецкой, обосновывавший особый евразийский путь развития России.

Однако такое отношение к учёным, в основном, обществоведам, не было исключительно изобретением большевиков. Ещё ранее такую акцию провела администрация США. В декабре 1919 г. по предложению прокурора США Александра Палмера и его помощника Эдгара Гувера из США в советскую Россию было выслано 249 человек на пароходе «Buford», названном «советским ковчегом». И таких акций было несколько, в результате которых из США было депортировано более 500 человек, в том числе и иностранных граждан, и более 20 тыс. было арестовано как сторонников социалистических идей, как активистов коммунистических, социалистических и профсоюзных организаций. [Высылка вместо… 2005; Главацкий, 2002]. Это событие с философским пароходом некоторые «исследователи» подают как расправу над «цветом» научной мысли. Более того, обличители советского прошлого идут на прямой предлог, приписывая свои фантазии за истину, как, например, высылку П. Сорокина на этом теплоходе (заметим, что так часто пишут современные «науковеды»), что не соответствует реальным событиям. Более того, под этим предлогом вся история развития советской науки подаётся как постоянная расправа над неугодными и/или подозрительными учёными, которую осуществлял созданный «государственный монстр» в виде

Научно-технического отдела при Совете народных комиссаров. Появились и такие утверждения: политика большевиков состояла в том, что «наука должна быть огосударствлена, а наркоматы онаучены» и в результате, мол, «такой курс связал науку ведомственными путами, превратил в обслуживающий чиновников сервис» [Смирнов, 2023]. Отметим, то этот автор и ему подобные никак не отвечают на вопрос, а как опутанная идеологией наука добилась успехов, признанных не только в стране, но и во всем мире.

Нужно отметить, что в трактовке этого события имеются неоднозначные толкования, начиная от высылки цвета нации и завершая осуждением их поведения по отношению к советской власти [Портанский, 2022]. Есть более строгое определение случившегося. По подсчётам Русского института в Белграде до 1931 г. из России уехало 472 учёных (в том числе 5 академиков и 1140 преподавателей университетов (по данным историка Э. Колчинского, 11 академиков и около 2500 преподавателей). В целом данные об эмигрировавших говорят примерно об одной четвёртой от общего числа учёных. Но следует иметь в виду, что в России остались работать и сотрудничать с большевистской властью такие выдающиеся учёные, как лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов, академики В. И. Вернадский (геохимик), И. П. Бородин (ботаник), А. А. Белопольский (астрофизик), В. В. Бартольд и С. Ф. Ольденбург (историки), А. Ф. Иоффе (физик), А. А. Крылов (механик), В. А. Стеклов (математик), А. Е. Ферсман (геолог), К. А. Тимирязев (физиолог), А. И. Соболевский (лингвист) и др.

Кстати, после 1924 г. высылки прекратились. Политика по отношению к учёным приобрела большую последовательность.

При этом советская власть не препятствовала изданию независимых научных журналов «Дела и дни», «Русское прошлое», «Анналы», «Русский исторический журнал».

В эти годы для достижения согласия с частью учёных – попутчиками – представителями творческой интеллигенции, принявшей революцию, но заявившей о своей аполитичности, независимости творчества от идейных убеждений, были выработаны меры, которые обеспечивали их самостоятельность в творческих поисках, в том числе и проведении исследований, требовавших больших материальных затрат [Организация науки... 1968].

В целом можно утверждать, что советская власть, несмотря на некоторые левацкие заявления об учёных, достаточно чётко определилась по отношению к ним. Более того, сумела не только поддержать и развить их стремление к поиску и открытию ранее неведомых ниш, но и включить их в процесс принятия ответственных государственных решений, определивших лицо советского общества на будущие десятилетия развития.

Пути и методы сотрудничества

В 1917 г. в Академии наук было 44 члена. В мае 1917 г. президентом был избран геолог А. Карпинский, который пробыл во главе Академии до 1936 г. Общение с советской властью складывалось неоднозначно. 21 ноября 1917 г. Академия наук на своём заседании приняла послание, в котором было выражено негативное отношение к новой власти. В результате появились проекты обуздать её. Была осуществлена попытка ликвидировать Академию наук и заменить её Ассоциацией научных учреждений.

Но советская власть пошла другим путём: было решено сохранить её, но придать ей иной характер. Личный секретарь Ленина Н. Горбунов вспоминал, что когда рассматривался новый проект устава Академии наук, то Ленин, ознакомившись с ним, вычеркнул два первых пункта: «1) подчинение

советской власти; 2) выполнение её заданий», хотя остался пункт о «праве утверждения и увольнения должностных лиц, состава и председателя» [Горбунов, 1986: 7].

Акцент был сделан на то, чтобы науку больше ориентировать на решение неотложных задач. Этот поворот ознаменовал начало нового этапа сотрудничества с целью осуществления практических и прикладных исследований, которые явно и в чётко выраженном объёме проявили себя после объявления о переходе к индустриализации страны, что по времени совпало с образованием Академии наук СССР согласно постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1925 года на основе Российской академии наук (до Февральской революции – Императорская Санкт-Петербургская академия наук).

Именно с этого времени Академия наук стала приобретать черты главного научного учреждения советской страны, которое задавало тон всей науке весь период ее существования. Интересна в этой связи записка В. Вернадского (1928 г.) «О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР». Этот вид работы был охарактеризован так: прикладная наука – это «освоение научных истин», задачи ставятся самой жизнью. Но – посредством индивидуального творчества. Хотя, как утверждает Г. Аксенов, произошла национализация творчества и все достижения учёных становились достоянием государства, как финансирующего все затраты на научные исследования [Аксенов, 2015].

Вместе с тем руководству ВКП(б) и СССР хватило чувства предвидения, что научную мысль, научные поиски следует не только одобрить, но и всемерно поддержать, дать право участия в принятии государственных решений, обеспечив максимально комфортную для учёных работу. В результате именно со времени реализации политики индустриализации, а затем первых пятилеток участие учёных в строительстве

нового общества становилось всё более заметным. Наука в самом широком смысле слова включилась в обеспечение тех задач, которые были жизненно необходимы и неотложны для решения как текущих, так и перспективных целей в происходящем соревновании с капитализмом. Эта установка наглядно была выражена Н. И. Бухариным на Всемирном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 г.: «Великая практика требует великой теории». И хотя этой теорией, по Бухарину, является марксизм, то вполне естественно, что триумф революции в России должен повлечь не просто расцвет науки в новом обществе, но и революцию в методах научного познания и применения на практике. И этот посыл в той или иной мере соблюдался советской властью, что выразилось в поддержке начинаний научных институтов, которые, ориентируясь на познание не только общества, но и природы и человека, должны были учитывать насущные и неотложные проблемы строительства нового социалистического общества, и прежде всего в сфере экономики.

Именно с деятельностью учёных связано создание таких отраслей народного хозяйства, которые обеспечили автономность и независимость советской экономики от мирового капитализма: машиностроения и станкостроения, самолётостроения, создания современного по тем меркам флота, отечественного автомобиля, отечественного трактора.

Одним из проработанных научно обоснованных документов по стратегическому развитию из советского научного наследия считается подготовка пакета документов в 1927–1929 гг. по созданию Кузнецкого бассейна и Урало-Кузнецкого комбината, предопределившего развитие Сибири на десятилетия вперед, и что в многом окупилось в годы Великой Отечественной войны [Новости 100-летней... 2023: 13 марта]. В 1932 г. с 9 по 17 июня в Свердловске, а затем в Новосибирске работала чрезвычайная сессия Академии наук

СССР, которая обсуждала проблемы развития Урало-Кузбасского комбината (впоследствии ставшего одним из опорных пунктов индустриальной основы СССР). Это был крупнейший интеграционный проект, который стал каркасом новой советской экономики, по крайней мере, для этих отраслей производства и для этих регионов страны.

Не менее впечатляющим стал проект по строительству Днепрогэса, который решал не только особую техническую задачу, не только был направлен на обеспечение энергией экономики Украины, но и впервые в советской практике решал задачу сооружения нового города, в котором чётко были разделены производственная, жилая и рекреационная зоны. Самое непосредственное участие учёных проявилось в создании автомобильных заводов в Москве и Нижнем Новгороде, тракторных заводов в Сталинграде, в Челябинске, Минске, металлургических предприятий на Урале.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов была высока степень реализации инициативных начинаний учёных, которые предвидели будущее развитие науки и их воплощение в реальной практике. Именно к 1930-м годам относятся эксперименты С. Королёва по ракетным двигателям. Сюда же можно и отнести разработки и их реализацию по самолетостроению, осуществленные А. Туполевым, С. Ильюшиным, А. Яковлевым, С. Лавочкиным и др. Именно благодаря им, в 1930-е годы в СССР набирало темпы и производство пассажирских самолетов: парк гражданской авиации пополнили самолёты К-5, ПС-9, АИР-6, ХАИ-1. В этот период был осуществлён выпуск военных самолётов – свыше 6500 истребителей И-15, И-15-бис и И-153, примерно столько же бомбардировщиков СБ и около 9000 истребителей И-16 [Шавров, 1994].

Демонстрировали свои достижения учёные и других отраслей научного знания, реализуя свои замыслы, ставшие опорой промышленных успехов страны. Так, в 1927 г. рус-

ский химик Сергей Лебедев первый в мире разработал способ получения искусственного каучука, что привело к тому, что уже в 1940 г. была создана крупнейшая индустрия, производя более 50 тыс. тонн каучука в год.

Доверие и симпатии учёных к советской власти формировались и под воздействием актов по расширению полномочий и созданию новых научных центров. В 1932 г. по решению чрезвычайной сессии Академии наук СССР был дан старт формированию филиала Академии на Урале, подготовке к открытию такого же филиала в Новосибирске, созданию ряда научных институтов и лабораторий в ряде городов Сибири.

Росли и контакты с научным зарубежьем. Так, 24 июня 1927 г. была открыта первая мировая выставка моделей межпланетных аппаратов-механизмов и приборов (организаторы А. Кибальчич, К. Циолковский), в которой приняли участие такие выдающиеся деятели науки и техники, как Р. Годдард (США), Р. Эсно-Пельтри (Франция), М. Валье (Германия) и др.

Отметим особо, что политика по отношению к науке осуществлялась в условиях отказа большинства буржуазных государств признавать советскую власть, отсутствия дипломатических отношений (напомню, что с США официальные отношения были установлены только в 1934 г.) и других ограничений. Были и препятствия внутреннего порядка, связанные с решением колоссальных по сложности экономических и социальных проблем. Но именно понимание роли и значения науки для решения текущих и особенно перспективных задач стало одной из основ социалистического преобразования страны, создания мощного государства, занявшего многие лидирующие позиции в мире.

В 1930-е годы наряду с участием в решении практических задач учёные осуществили и пионерные исследования по созданию оборонного щита в военной промышленности, в области воздухоплавания. Так, были обеспечены перспективные поиски: реализация плана по созданию плавающей льдины «Северный полюс-1», подготовка трассы для будущей трассы Байкало-Амурской магистрали, обоснование строительства Беломоро-Балтийского канала, сделаны были первые шаги по освоению Северного морского пути.

Эта нацеленность на решение научных и одновременно практических задач осуществлялась Академией наук неуклонно и постоянно. Даже непосредственно перед Великой Отечественной войной, в апреле 1941 г., Президиум АН СССР рассмотрел вопрос «Об организации и развитии в АН СССР работ по газификации сланцев в газогенераторах». В этом же месяце были одобрены меры по строительству станции по изучению космических лучей на Памире, в районе Мургаба.

Что касается подготовки высококвалифицированных специалистов – новой советской интеллигенции в сфере науки – было решено идти путём упорядочивания структуры подготовки научных кадров и оценки их вклада в развитие науки. В 1934 г. начала работать Высшая аттестационная комиссия (создана в 1932 г.), отвечающая за обеспечение государственной аттестации научных и научно-педагогических работников – присуждение учёных степеней доктора и кандидата наук, присвоение учёных званий и должностей: ассистент, преподаватель, доцент, профессор, младший и старший научный сотрудник, О том, какое значение придавалось науке, говорит и факт учреждения ещё в 1923 г. издательства «Наука».

1930-е годы отмечены рядом крупнейших изменений по отношению к общественным наукам. Были подвергнуты критике господствующие в 1920-е годы концепции А. Деборина (философия) и М. Покровского (история), которые были оценены как не соответствующие научной трактовке происходящих в стране изменений. Деборин, который был до 1931 г. главным редактором журнала «Под знаменем ленинизма», и ряд его коллег и последователей были обвинены в «мень-

шевиствующем идеализме», в искажении марксистской теории. Преодолеть эти ошибки и недостатки, и не только в философии, но и других социальных и гуманитарных науках было решено посредством подготовки кадров творческой интеллигенции через своеобразные советские «лицеи», ведущую роль среди которых играл Московский институт филологии, литературы и истории имени Чернышевского (ИФЛИ), выделенный в 1931 г. из МГУ и в 1941 г. опять слитый с ним. Его выпускниками стали люди, которые в многом определяли образ жизни миллионов советских людей, их мировоззрение, ориентировали их трудовые усилия и повышение культурного уровня. В своей деятельности они формировали те черты гуманизма, которые возвышали людей, воспитывали чувства гордости и преданности социалистической Родине. Среди них поэты Д. Самойлов, С. Гудзенко, С. Наровчатов, Ю. Левитанский А. Твардовский, Л. Коган. Этот вуз закончили философы А. Гулыга, Ф. Момджян, Т. Ойзерман, историки П. Зайончковский, Г. Кнабе и М. Ким, филологи Е. Милитинский и З. Паперный. В этом ряду следует упомянуть будущего первого секретаря ЦК ВЛКСМ и главу КГБ А. Шелепина, министра культуры Г. Александрова, дипломата О. Трояновского и других видных политических и общественных деятелей.

Что касается истории, то состоялся пересмотр взглядов Покровского, обвинённого в абстрактном и схематическом освещении формаций и игнорировании историко-хронологического принципа. Это послужило коренному пересмотру не только сложившейся трактовки исторической науки, но и структуры исторического образования.

В 1930-м году из ссылки были возвращены многие историки, обвинённые в симпатиях к монархизму. Среди них С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, Е. В. Тарле и другие. В 1932 г. было возвращено преподавание истории в школе. В 1934 г. был организован конкурс на создание лучшего исторического учебника. Н. Бухарин, входивший в комиссию конкурса, считал необходимым изобразить дореволюционную Россию исключительно как «тюрьму народов», в которой враждебно относились к просвещению, науке и любому прогрессу. По его рекомендации был написан учебник контрастной истории, в котором всё революционное окрашивалось в светлые тона, а дореволюционное подавалось в мрачном свете. В результате такие исторические личности, как Минин и Пожарский, превратились в «контрреволюционеров», служивших губительному монархическому режиму. К счастью, этот учебник конкурс не выиграл, и учащиеся средней школы получили книги, написанные под руководством А. В. Шестакова. В них излагался менее радикальный взгляд на историю России: советский период рассматривался как органическое продолжение героических страниц жизни Руси и Российской империи.

Роль исторического образования и исторической науки как базы патриотического воспитания и защиты национальных интересов была признана в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (16 мая 1934 г.), в результате чего были возрождены исторические факультеты, сначала в Московском и Ленинградском университетах. Именно в это время сформировалась советская историческая наука, которая впитала навыки и методы работы «старых» исследователей К. В. Базилевича, Б. Д. Грекова, В. Д. Блаватского, Е. В. Тарле, В. М. Хвостова и др. Среди новичков на этом факультете были такие будущие учёные, составившие гордость советской исторической науки, как А. Г. Бокщанин, С. С. Дмитриев, А. Л. Нарочницкий, Д. Г. Редер [К 80-летию… 2014: 5–6]. В 1938 г. была создана Историческая библиотека, ставшая уникальным центром для широкого круга исследователей отечественной и мировой истории.

В соответствии с новой ориентацией была проведена переоценка отдельных событий истории, особенно таких, как крещение Руси, дипломатические соглашения Александра Невского с Золотой Ордой, присоединение Грузии и Украины, а также жёсткое подавление мятежей Петром I.

Были подключены к формированию историко-патриотического сознания и усилия культуры. В 1937 г. фильм «Петр Первый» открыл череду эпических кинолент, которые не только рассказывали о героических страницах истории России, но и показывали силу характеров и гениальность русских полководцев. Затем на советские экраны вышла лента «Александр Невский», в 1939 г. появился «Минин и Пожарский», ещё через год – «Суворов». Кинопроизводство не останавливалось даже во время войны: были сняты фильмы «Кутузов» и «Иван Грозный».

Именно тогда был заложен ещё один важный элемент социалистического мировоззрения, который сыграл значительную роль в осознании величия страны через понимание и приятие исторических корней прошлой и нынешней истории.

Отдельную строку в укреплении общественного договора занимают усилия учёных и Академии наук о пропаганде среди населения роли науки. Эта цель была реализована через создание и формирование просветительной политики, нацеленной на популяризацию научных знаний и подключение молодёжи для участия в реализации народнохозяйственных планов. Для этого были предприняты меры по научному просвещению народа. В конце 1922 – начале 1923 г. появились кинотеатры на фабриках и заводах. Только в Москве их насчитывалось около 35. Учитывая большой спрос на научные и производственные ленты, при Всероссийской промышленно-показательной выставке (была образована и такая) был организован отдел производственной пропаганды. Этими мерами решался вопрос не только научно-технического просвещения народа, но и понимание научными работниками политики советской власти по такой поддержке научного знания, что позволяло им на деле убеждаться в действительной заботе о науке [Новости 100-летней… 2023].

В годы индустриализации были сделаны следующие шаги по научному просвещению народа. 3 июня 1932 г. Президиум АН СССР образовал Комитет научной консультации и пропаганды научных достижений, которому вменялось в обязанность организация массовых лекций и экскурсий, издание научно-популярной литературы, организация выставок и проведение консультаций по внедрению научных достижений для предприятий и других учреждений.

В дальнейшем эта идея постоянно дополнялась. В декабре 1944 г. издательство АН СССР начало выпускать серию «Научно-популярная литература». В газете «Известия» С. И. Вавилов публикует статью «Долг советской интеллигенции», где был поставлен вопрос о необходимости доводить результаты труда учёных до широких слоёв народа [Цит. по: НГ… 2023.] В дальнейшем эта инициатива была воплощена в виде образования в 1947 г. Всесоюзного общества «Знание», которое стало мощным и действенным средством пропаганды научных и политических взглядов. Все эти акты показывали населению такую сторону деятельности учёных, которая раскрывала не только её созидательную сущность, но и практическое осуществление их планов и проектов.

При характеристике этого этапа нельзя забывать о репрессиях, которые коснулись и научной интеллигенции. С 1928 по 1934 год прошёл ряд громких процессов, на которых в качестве главных обвиняемых привлекались учёные и технические специалисты: «Шахтинское дело», «Дело Академии наук», «Дело Трудовой крестьянской партии», «Дело Промпартии», «Дело славистов». В 1937–1938 годах, когда репрессии приобрели массовый характер, были расстреляны микробиолог

Г. А. Надсон, химик Н. П. Горбунов, физик Б. М. Гессен, философ Д. Б. Рязанов и многие другие. Позднее в лагерях погибли арестованные в эти годы почвовед Н. М. Тулайков, биолог Н. И. Вавилов и философ И. К. Луппол.

Учёные в Великой Отечественной войне

Особую, исключительную роль сыграли учёные в годы Великой Отечественной войны. Война с первых же своих дней определила направления их работ. Уже 23 июня 1941 г. на расширенном внеочередном заседании Академии наук СССР было решено всем её отделениям перейти на военную тематику и обеспечить всем необходимым коллективы, которые работали бы для армии и флота. В числе основных направлений было определено решение проблем, имеющих оборонное значение, поиски и конструирование средств обороны, научная помощь промышленности, мобилизация сырьевых ресурсов страны. И в то же время 15 сентября 1941 г. решением Государственного комитета обороны СССР было категорически запрещено брать на фронт и использовать не по специальности научных работников и преподавателей вузов, хотя многие из них, особенно в Москве, составили немалую часть народного ополчения. Но опыт боёв показал неоправданную их убыль, в результате чего возникла опасность невосполнимой утраты интеллектуального потенциала, который можно использовать иначе, с большей отдачей и пользой для обороны страны.

10 мая 1942 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Оружие передовой науки – в помощь Красной армии». В ней говорилось: «Современная война есть война моторов, война резервов. А моторостроение – сложнейшая отрасль промышленности, связанная непосредственно с глубочайшей научно-исследовательской работой, с теоретическими

проблемами науки». Фактически перед нами – набросок философии техногенной матрицы [Цит. по: Ваганов, 2020].

Говоря о роли науки и использовании её в официальной политике, можно утверждать, что до 1940 г. ни окружение Сталина, ни командный состав Красной армии не имели достаточного, а по утверждению ряда исследователей, даже малейшего представления о реальных глубинных процессах, происходящих в сфере военной техники и технологий, хотя имелся некоторый задел по подготовке новых вооружений. Эта ситуация – взаимодействие науки и руководства страны – вполне отчётливо отражает вывод П. А. Сорокина: «Многие из высших руководителей существующих правительств, корпораций и профсоюзов в значительной степени уже скорее номинальные фигуры, чем самостоятельные энергичные правители. Политика, которую они проводят, свидетельствует о том, что значительная часть стала просто исполнителями «безмолвных предписаний» – современных научных открытий и изобретений» [Цит. по: Ваганов, 2020]. Но в этот ответственный момент – в период войны – не знание, а скорее интуиция, а возможно глубокое озарение на уровне предвидения по пониманию роли науки сыграли роль в том, что в 1943 г. начала работу лаборатория №2 АН СССР, будущий Курчатовский институт, нацеленный на создание атомного оружия.

Труды советских учёных в годы Великой Отечественной войны, работавших по всем научным направлениям – от математики до медицины – помогли решить огромное число чрезвычайно трудных задач, необходимых фронту. «Почти каждая деталь военного оборудования, обмундирования, военные материалы, медикаменты – всё это несло на себе отпечаток предварительной научно-исследовательской мысли и обработки», – так впоследствии написал президент Академии наук СССР Сергей Вавилов [Цит. по: Кравченко, 1970].

Назовем некоторые. Учёный-механик С. Христианович помог повысить эффективность действия систем залпового огня легендарных «Катюш». И. Курчатов и А. Александров создали эффективный механизм защиты советских кораблей от магнитных мин. М. Келдыш дал математическое описание флаттера как опасного процесса, ведущего к разрушению самолёта, на основании чего были внесены изменения в конструкцию советских самолётов. В результате исчез барьер на пути развития отечественной скоростной авиации. Н. Четаев смог определить самую оптимальную крутизну нарезки орудийных стволов. Это обеспечивало оптимальную кучность боя, непереворачиваемость снаряда при полёте и другие положительные характеристики артиллерийских систем. Выдающийся учёный академик А. Колмогоров, используя свои работы по теории вероятностей, разработал теорию наивыгоднейшего рассеивания артиллерийских снарядов.

В военные годы резко возросла необходимость в производстве жидкого кислорода из воздуха в промышленных масштабах – это было нужно, в частности, для производства взрывчатки. Решение этой задачи связано прежде всего с именем выдающегося физика П. Капицы, который возглавил эти работы. В 1942 г. разработанная им турбокислородная установка была изготовлена, а в начале 1943 г. запущена в эксплуатацию.

А. Трофимук предложил новую концепцию поиска нефти вопреки господствовавшим в то время геологическим теориям. Благодаря этому была найдена нефть Кинзебулатовского нефтяного месторождения в Башкирии, и на фронт бесперебойно пошли горюче-смазочные материалы.

Велик вклад и учёных-медиков. Это пенициллин, который был разработан микробиологом З. Ермольевой. Он спас жизни многих красноармейцев, которые умирали непосредственно не от ранений, а от следовавшего за ними заражения крови. В этот период, несмотря на все трудности, были

приняты перспективные решения по развитию медицинской науки: в 1944 г. была создана Академия медицинских наук.

В целом список выдающихся достижений советских учёных в военные годы огромен. Уже после войны президент Академии наук СССР С. Вавилов отмечал, что одним из многих просчётов, обусловивших провал фашистского похода на СССР, была недооценка гитлеровцами советской науки.

К созданию научных основ для победы над фашизмом были привлечены и творческие силы во многих регионах страны. В 1943–1945 гг. были созданы Западно-Сибирский, Киргизский и Казанский филиалы, научно-исследовательские базы в Карело-Финской АССР, Коми АССР (реорганизованная Северная база) и Дагестанской АССР. Были приняты решения об образовании Академий наук в союзных республиках: в Армении и Азербайджане. Советская власть озаботилась и подготовкой национальных кадров учёных. Так, в Казахстане в 1920-е годы наука как таковая практически отсутствовала – существовали только некоторые филиалы и лаборатории всесоюзных научно-исследовательских институтов. К формированию научной базы в этой республике приступили исподволь: наряду с ликвидацией неграмотности постепенно создавали высшие учебные заведения. Сотни представителей молодёжи были посланы на овладение профессией в другие города.

Одновременно зрели и национальные кадры. Как это происходило, можно рассмотреть данные о Казахстане. В 1920-е годы было принято решение об организации Казахстанской базы АН СССР в городе Алма-Ате. В состав новой организации, созданной в том же году, вошли зоологический и ботанический секторы. В 1938 г. Казахская база была преобразована в Казахский филиал Академии наук СССР (КазФАН СССР), в котором перед началом Великой Отечественной войны работали 100 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 14 кандидатов наук. К началу 1940-х годов в республике работали

12 вузов, 11 научно-исследовательских и проектно-технологических организаций, 2 проектных института, 2 сельскохозяйственных опытных станции, 6 заводских научно-исследовательских и конструкторских подразделений, ботанический сад и зоологический парк в городе Алма-Ате. Уже после войны, 31 мая 1946 г., было принято постановление «Об учреждении Академии наук Казахской ССР». Её первым президентом стал К. И. Сатпаев, доктор геолого-минералогических наук (1942). В это время Академия наук Казахстана состояла из 14 членов академии, из которых только 3 были казахами. Несомненно одно, что именно при советской власти были сформированы многочисленные национальные кадры учёных, которые, как и русские их коллеги, многое сделали для развития экономики и культуры этой республики [Ермекбай, 2016: 103–110].

Этот краткий обзор вклада учёных в годы Великой Отечественной войны наглядно показал, что общественный договор с этой социальной общностью продемонстрировал его крепость, устойчивость и согласованность при активной, а иногда решающей роли в принятии соответствующих действий по подготовке необходимых актов как на фронте, так и в тылу.

Новые грани сотрудничества. Послевоенный взлёт советской науки

Первые десятилетия после окончания Второй мировой войны современники называли «новой волной рационализации» и сравнивали их с эпохой Ренессанса. Холодная война, гонка вооружений требовали принципиально новых открытий в науке. Отвечая объективным потребностям развития науки и техники советские учёные после Великой Отечественной войны осуществили ряд прорывных достижений, хотя взаимоотношения учёных и политической власти складывались достаточно неоднозначно. С одной стороны, шла огромная поддержка усилий учёных, работающих в Атомном и Космическом проекте, в оборонных отраслях. В 1946 г. был запущен ядерный реактор под руководством И. Курчатова. В 1948 г. был осуществлён запуск первой советской баллистической ракеты Р-1. В 1949 г. СССР объявил об успешном испытании атомной бомбы, а 12 августа 1953 г. на Семипалатинском полигоне состоялось испытание первой советской водородной бомбы. С 1947 г. начал строиться научный центр в Дубне, в котором в 1956 г. в работу был запущен синхрофазотрон.

Уделялось внимание и другим видам научных исследований, в том числе и в области вооружений. 13 мая 1946 г. на базе восемьдесят восьмого артиллерийского завода был создан Научно-исследовательский институт машиностроения, как Государственный союзный головной научно-исследовательский институт Министерства вооружения СССР (ЦНИИмаш) который располагал крупнейшей экспериментальной базой ракетно-космической отрасли и осуществлял комплексные исследования и экспериментальную отработку изделий для этой отрасли национального хозяйства.

Именно в эти годы, несмотря на все сложности, трудности и просчёты, были осуществлены судьбоносные открытия, которые дали советской стране 11 Нобелевских лауреатов.

То, что в эти годы к выводам и рекомендациям учёных прислушивались, говорит тот факт, что научная комиссия, которую возглавлял министр СССР Малышев, будучи политическим куратором атомного и других стратегических проектов, попыталась просчитать возможные последствия ядерной войны и пришла к выводу, что победителей в ней не будет. Это понимание в итоге легло в основу провозглашённой Хрущёвым в 1956 г. стратегии «мирного сосуществования», или возможности избежать третьей мировой войны. Не исключено, что в этом и состоял, по мнению П. Демидова, последний фундаментальный вклад советского технократизма в решение политических проблем двадцатого века.

Одновременно в этот период противоречиво складывалась судьба ещё одного научного направления – кибернетики. В 1948 г. Государственный комитет Совета Министров СССР по внедрению передовой техники зарегистрировал изобретение И. С. Брука и Б. И. Рамеева по созданию цифровой вычислительной машины, которая могла производить до 20 операций в секунду. Это стало первым продуктом в области развития вычислительной техники в СССР. В 1951 г. была введена в строй одна из первых в СССР вычислительных машин МЭСМ (Малая электронная счётная машина) в лаборатории А. Лебедева (на базе Института электротехники АН УССР в Киеве). В начале 1954 г. стала действовать «Стрела», созданная конструктором Ю. Я. Базилевским в СКБ-245 ММИП. К середине года была запущена т. н. малая электронная машина ЭВ-80 (конструктор В. Н. Рязанкин). А в 1955 г. вышла ещё одна малогабаритная машина АВЦМ-3, сконструированная членом-корреспондентом РАН И. С. Бруком в Энергетическом институте им. Кржижановского. В начале 1950-х годов стали появляться первые публикации о советской электронной технике. Так, в 1951 г. в журнале «Вестник машиностроения» была опубликована обширная статья инженера Н. А. Игнатова, в которой наряду с подробным освещением новых советских счётных машин говорилось и о создании машин электронных. Однако популяризация темы в массовых журналах имела и негативные последствия для развития кибернетики. В первой половине 1950-х годов в советской прессе вышел ряд статей, направленных против кибернетики (М. Ярошевский, Б. Быховский, Ю. Клеманов, Т. Гладков). Эти публикации дали повод целому ряду исследователей утверждать, что в СССР в последние годы жизни И. В. Сталина была организована очередная политическая антинаучная кампания, сопоставимая если не по масштабам, то по характеру с гонениями на генетику. Так, современные авторы заявляют, что публикации в советской прессе

носили скоординированный характер, что привело к свёртыванию работ по этим направлениям [Китов, Шилов, 2011: 540].

В это же время было предпринято и другое ошибочное решение, которое свелось к разгрому и последующему прекращению исследований в области генетики по результатам состоявшегося в 1948 г. расширенного заседания Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), организованное Т. Д. Лысенко и его сторонниками. Их аргументы базировались на доказательстве противостояния «мичуринской агробиологии» и классической генетики и манипулированием выражением о методе «идеологического соответствия». Постановление, принятое на сессии, имело негативные последствия для нормального развития биологических наук – классическая генетика была объявлена дискредитированной, а учёные, занимавшиеся этими исследованиями, были уволены из образовательных и научных учреждений или переведены на другие направления (это коснулось почти 300 учёных). [Баутин, Глазко, 2008:149–175; Колчинский, Ермолаев, 2018: 89–112].

Не менее отрицательные последствия имела и борьба с космополитизмом. В январе 1948 г. впервые было употреблено знаменитое впоследствии выражение «безродный космополит», которое появилось в выступлении А. А. Жданова на совещании представителей советской музыки в ЦК КПСС. И оно было применено к отдельным учёным.

Что касается послесталинскго периода, то 1950–1960-е годы ознаменовались крупными победами советской науки. 4 октября 1957 г. был запущен первый искусственный спутник. В январе 1959 г. состоялась посылка первого лунного аппарата. Огромным всемирно признанным достижением стал первый в истории человечества полёт в космос Ю. Гагарина (12 апреля 1961 г.), отправка первых земных посланцев к Марсу (1 октября 1960 г.) и Венере (12 февраля 1961 г.).

Были осуществлены меры по развитию науки и созданию научных центров в регионах и союзных республиках. В 1957 г. было принято решение о начале строительства Академгородка под Новосибирском и образовании при нём университета, что стало знаменательным событием в жизни советской науки.

Нужно отметить и серьёзные изменения в области социальных и гуманитарных наук. Они коснулись экономики (было создано несколько академических институтов), социологии (от частичного до полного признания), психологии (создание научных учреждений, в том числе в АН СССР). Произошли серьёзные изменения и в исторической науке, и в правовых науках. Постепенно формировалась и такая новая отрасль, как политология.

Вместе с тем с конца 1970-х стало заметным затухание творческой деятельности учёных. Эффективность научного труда в общем объёме ВНП непрерывно снижалась: с 2,2% в 1966 г. до 0,8% в 1978 г. [Грэхем, 1998: 129].

В годы перестройки советская наука находилась в состоянии неопределённости, в отсутствии заинтересованности политической власти как в развитии самой науки, так и привлечении её к решению назревших проблем советского общества.

На перепутье: творчество или приспособление?

В условиях новой постсоветской России наука стала подвергаться ранее не знаемым ею испытаниям. С первых лет перед ней стояли задачи выживания при всё сокращающихся ресурсах.

Показательно, что вместо того, чтобы обратиться за советом и обсудить стратегические цели развития науки в новых социально-экономических условиях вместе с экспертами научного мира, основные усилия российской власти были направлены на решение организационных вопросов её построения и использования.

Сначала это выразилось в создании Российской академии наук в противовес всесоюзной с перспективной её закрытия и ликвидации. И только мудрость и дальновидность учёных и той, и другой академии позволили избежать пагубности этого намерения.

Но и при этом продолжалось игнорирование деятельности многих научных организаций, особенно Академии наук. Был закрыт Государственный комитет по науке и технике, который курировал промежуточный этап взаимодействия фундаментальной науки и практики – этап внедрения. Существовавшие отраслевые НИИ, которые в своём большинстве были подчинены соответствующим министерствам и ведомствам, были практически ликвидированы под предлогом превращения их в акционерные общества. Акционированные научные институты еще 3–7 лет по инерции продолжали работы, включая научные разработки, но в это время государственное финансирование упало до нуля. Институты судорожно искали частные заказы, и опять-таки по инерции прошлых лет некоторое время такие заказы находились и исполнялись. Специалисты в возрасте постепенно уходили, а молодое пополнение не пополняло ряды научных коллективов. В результате, например, из 45 НИИ при Министерстве станкостроительной промышленности осталось только 6, и то они занимались обслуживанием отвёрточного производства.

Что касается академических институтов, то, по данным вице-президента РАН Козлова, только за 1990-е годы 20% институтов – каждый пятый – подверглись реструктуризации, то есть объединению как минимум с более крупным институтом. В результате 88 научно-исследовательских институтов и

55 структур, учреждений, предприятий научного обслуживания были сокращены, т. е. почти 150 юридических лиц.

Такое уменьшение и числа институтов, и числа научных работников осуществлялось по настоянию официальной политики. Так, на предложение спасать отечественное станкостроение Е. Гайдар заявил: «Да кому нужны Ваши дерьмовые станки? Понадобятся – мы всё за рубежом купим». Не менее пренебрежительно и оскорбительно он отзывался о своих коллегах из академических экономических институтов, считая, что чтение их работ «с течением времени требует всё большего чувства юмора» [Тощенко, 2015: 618].

Это пренебрежение к отечественной науке стало выражением политики неолиберальных реформаторов. Они, вдохновлённые примером организации науки в США и европейских странах, провозгласили: университеты должны стать базой и основой науки. При этом полностью проигнорировали многовековый опыт производства научного знания в России. В силу специфики возникновения научных организаций в стране исторически раньше всех появилась Академия наук, и лишь десятилетия спустя стал осуществлять свою деятельность первый университет в России – Московский университет. Фактически в России сложилась две сферы производства научного знания – академическая и вузовская. Причём последняя по потенциалу всегда уступала первой. В советское время сложилась ещё одна ветвь – отраслевые научно-исследовательские институты при Министерствах и ведомствах, главной задачей которых было не только производство собственной научной информации, но и превращение фундаментального знания в прикладное.

Новые руководители сферы науки и образования в лице бывшего в то время министром Левановa, ректоров НИУ-ВШЭ Я. Кузьминова и РАНХиГС В. Мау инициировали не только перестройку и ломку сложившейся структуры образования, но и науки. Была предпринята беспрецедентная по масштабу компания по дискредитации Российской академии наук и даже попытка её ликвидации, по выводу из её состава ряда важнейших институтов, задававших тон научной работе в стране (Курчатовский институт и ряд других научных учреждений), создание подобия слепка с американской Кремневой долины в виде так называемого «Сколково» (которое бывший президент Сибирского отделения РАН М. Агеев назвал мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча). Показательно в этом отношении и признание А. Чубайса (!): «У нас есть набор особенностей, которые означают, что мы вряд ли построим Силиконовую долину» («Версия», 2018. № 45). В результате фронт научных исследований, их координация и эффективность значительно ослабли (путём превращения РАН в клуб учёных). И как результат, Россия всё больше уступает первенство во многих отраслях науки и техники и, как следствие, в производстве научного знания. И в тоже время такие претенциозные новообразования как Роснано, назначенные заменить институты Академии наук, просуществовав более 10 лет, завершили свой путь убытками почти в 100 млрд руб.

С попытками передачи науки в университеты также мало что получается не столько в силу слабости университетских преподавателей, а в силу всё более растущей педагогической нагрузки, увеличения всевозможных отчётных дел (Балацкий, 2022). Советская система исчисления нагрузки – 450–500 часов для профессора в год, куда включалась и методическая работа, и регулярные в течение учебного года консультации, и даже целевые задания по разработке новых курсов, постепенно превратились в российскую норму –900–1200 часов только аудиторной загрузки. И в этих условиях вести полноценную исследовательскую работу? А пока наука в вузах, по одному меткому выражению, превратилась в публикационной оброк

[Кабацков, Лейбович, 2016], засилие ложно используемой и искажённой наукометрии привело к упрощённому пониманию и представлению о возможностях использования творческого потенциала преподавателей, порождая различного вида симуляции и имитации. Причём, во всех этих преобразованиях речь шла не на содержании пространства научных исследований, а именно об организационных метаниях, желании приспособить чужой опыт к отечественным реалиям.

Затем наступила очередь и самой Российской академии наук. Когда в первой половине 2013-го года министр Д. В. Ливанов сообщил о намерении реформировать Академию Наук, то все, зная его репутацию, сразу поняли цель этой затеи. «В новом году Д. В. Ливанов отличился тем, что в интервью радиостанции “Эхо Москвы” от 24 марта 2013 года заявил, что такая форма организации научной работы, как Российская академия наук (РАН) “…в 21-м веке бесперспективна. Она не будет жить, она нежизнеспособна. Но у нас она живёт. И эта жизнь, она ещё какое-то время продлится. Может быть, долгое время, может быть, короткое. То, что от меня зависит, я буду делать, для того чтобы эта ситуация изменялась”»*. Сразу же по интернету пошли публикации с названиями, как под копирку: «Дмитрий Ливанов – министр-ликвидатор образования и науки». И все вспомнили предыдущие попытки реформирования РАН такого же рода, исходившие от Н. С. Хрущёва: «...Мы разгоним к чёртовой матери Академию наук».

В результате такой научной политики вследствие сложившегося положения дел растёт прекаризованность труда и образа жизни учёных. По своей сути, она означает нестабильность социального положения, которое порождено процессами игнорирования научной деятельности и произволом в определении размеров и форм оплаты труда. Зачастую научные сотрудники

* URL: https://vk.com/wall-9701520_85667 (дата обращения: 09.10.2024).

не понимали, сколько они получат даже в следующем месяце. Это и есть *один из основных признаков прекаризации труда учёных и педагогов*. Более того, эта прекаризация проявляет себя сильнее, чем у других социально-профессиональных групп. По результатам социологических исследований можно наблюдать, что опасение потерять работу и неясность оплаты труда, например, в среде гуманитарной интеллигенции развита сильнее, чем среди всего населения [Как живёшь… 2016: 77]. Эти исследования показали, что если к этому добавить утрату социального престижа, ограниченность в использовании материальных и духовных благ, то становится очевидным, что немалая часть научных сотрудников ощущает ущемлённость в реализации своих прав и свобод, гарантий в достойном уровне жизни.

Профессор Саратовского технического университета И. Овчинников в своих размышлениях сравнивает своё положение как преподавателя в 1970 г., когда он окончил вуз, и нынешнее состояние. Он напоминает, что в тот год управляющий трестом получал 280 руб., доцент кафедры – 320 руб., профессор – 450 руб. в месяц (среднемесячная зарплата в то время в СССР была равна 120 руб.) [Цит. по: Андреева, 2017]. В настоящее время из-за низкой оплаты труда, а также таких факторов и условий, быть профессором и/или научным сотрудником не интересно, не престижно, накладно в условиях пребывания в глобальной зависимости от непонятных и неясных обстоятельств, при постоянной боязни потерять работу и проявлять своё природное стремление к творчеству.

В результате встаёт вопрос об оценке результатов научной работы. Ранее с подачи деятелей из администрации президента РФ, таких как Дворкович, Сурков и ряда других, для этой цели были внедрены так называемые показатели цитирования и публикационной активности. Фактически они определялись в соответствии с базами данных – Web of Science (WOS), Scopus и других, созданных западными част-

ными компаниями. После начала СВО и введения антироссийских санкций, как ни странно, эти показатели не ушли. Их применение было лишь заморожено. В своей статье академик Р. И. Нигматулин писал: «В. В. Путин на Совете по науке упрекнул Академию наук, что мы не выстроили прозрачную и объективную экспертизу результатов в фундаментальных науках. Он сказал: «… ключевыми показателями являются не публикационные и “цитационные” показатели, “а основанные на репутационной ответственности и оценке профессионального сообщества”. Но ведь это в Академии наук до 2013 года всегда так и делалось. Каждый год выделялись важнейшие результаты в институтах, в отделениях, в докладах на годичных собраниях отделений и Общем собрании РАН. Мы каждые 5 лет аттестовали всех научных работников. Мы проводили комплексные проверки всех институтов РАН. Учёных должны оценивать учёные, а не библиографы... и чиновничья рать, воодушевлённая Указом 2013 года о реформировании Российской академии наук» [Нигматулин, 2023].

В этой связи напомним специфику развития фундаментальной науки и применения её результатов в практической жизни. Академик Колмогоров решил 13-ю проблему Гильберта, доказав возможность представления произвольной непрерывной функции нескольких действительных переменных в виде суперпозиции непрерывных функций одной переменной и операции сложения. В настоящее время в работе нейросети многократно применяются именно операции суперпозиции и сложения, что сегодня стало базой данных, необходимой для функционирования искусственного интеллекта, сети Интернет со всей содержащейся в ней информацией. Т. е., от открытия Колмогорова до первого серьёзного обсуждения возможности применить его на практике прошло тридцать лет. А после этого ещё около сорока лет прошло до практического воплощения. Ну и какой частный бизнес станет работать с горизонтом в 70–80 лет? Это снова к вопросу о том, что для развития фундаментальной науки нужна соответствующая государственная политика.

На эффективность труда учёных влияет и форма трудового договора. По результатам всероссийского исследования 2020 г., 72% научных сотрудников были оформлены по бессрочным договорам, 21,3% работали по срочным, временным договорам, а 4,7% – без оформления. В целом их социальное положение как по субъективным основаниям (неясность оплаты труда, опасение потерять работу), так и по объективным показателям (вид трудового договора) позволяет утверждать, что их жизнь обладает достаточно убедительными чертами прекарности, т. е. нестабильного и неустойчивого трудового положения.

В результате этих акций наука и её кадры находятся в достаточно плачевном состоянии. Так, если в конце 1980 г. в научных подразделениях трудилось 1373 тыс. сотрудников, то в 2021 г. насчитывалось 340 142 исследователей, в т. ч. 24 074 (7%) доктора наук и 73 463 (21,6%) кандидата наук. Согласно Индексу экономики знаний Всемирного банка, опубликованному Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, в 2012 г. Россия находилась на 55-м месте.

Выводы о неопределённости положения российской науки делают многие эксперты. По мнению академика Б. С. Кашина: «реформы научно-технологического комплекса России, проведённые в 1992–2013 гг., исходили из необходимости интеграции в мировое, а фактически в американо-европейское технологическое пространство на основе уже установленных другими правил, при общей ориентации своей экономики только на ресурсное развитие. При этом в основу реформ были положены следующие подходы: перестройка системы организации науки по зарубежным стандартам, использование зарубежных показателей для оценки эффективности и результативности науки, дезинтеграция прежней системы

управления, институциональное копирование Запада (болонская система образования, трансформации Академии наук и тому подобное)» [Кашин, 2024].

Негативную оценку этой реформе в декабре 2023 г. дало и общее собрание Отделения математических наук РАН: «Реформа РАН, проведённая 10 лет назад, не способствовала улучшению организации научных исследований и созданию стабильных условий для работы научных коллективов и для сохранения молодых исследователей в России».

Ситуация с положением российских учёных охарактеризована в постановлении Общего собрания РАН (декабрь 2023 г.), в котором отмечалось что российские учёные в своей массе готовы активно работать для достижения суверенитета России. Но далеко не всё от них зависит. В этом постановлении говорится о том, что «наблюдается резкое отставание от наиболее развитых стран в темпах инновационно-ориентированного экономического роста, что обусловлено низкой мотивацией разработчиков научно-технологических решений к созданию соответствующих производств, недостатком финансовых ресурсов и относительно небольшой ёмкостью внутреннего рынка высокотехнологичной продукции, низкой заинтересованностью компаний к исследованиям и технологическим инновациям ввиду отсутствия конкуренции и существовавшей до недавнего времени возможности покупки готовых технологических решений за рубежом».

Иначе говоря, анализ сложившегося состояния российской науки позволяет резко оценивать реформу науки, проведённую в 2013 г., – высказал своё мнение и IX съезд Профсоюза работников РАН, состоявшегося в октябре 2023 г., назвав результаты упомянутой реформы откровенно «провальными и вредными для отечественной науки» и дав развёрнутое пояснение, почему так случилось: «Время показало отсутствие у реформаторов позитивного плана преобразований, старые

проблемы обострились и к ним добавились новые. Корпус учёных-академиков отстранён от принятия управленческих решений в отношении организации работы институтов, включая вопросы проведения научных исследований, подготовки и продвижения научных кадров, коммуникации учёных, публикации результатов, сохранения и развития материальной базы исследований. Новые управленцы не в полной мере понимают роль и значение фундаментальных исследований для ускоренного научного, технологического и социального развития страны в современных геополитических условиях».

Таким образом, участие науки в общественном договоре находится в состоянии неопределённости. С одной стороны, звучит официальное признание её роли и значения для решения актуальных проблем, прежде всего технологического и информационного порядка, а с другой – низкая финансовая обеспеченность научных исследований, а также практически полное устранение науки от участия в разработке и внедрении как перспективных, так и текущих проектов и планов [Семенов, 2012].

Заключение

Обычно, когда идёт речь о становлении, развитии и функционировании науки, анализируется и/или раскрывается процесс создания научных центров, институтов, лабораторий и других форм её организации. Или обращается внимание на появление (возникновение) и дальнейшее существование тех или иных теоретических концепций. Иногда описывается и интерпретируется научная политика, её реализация в избранных странах и те проблемы, которые решались при её помощи. Значительную часть литературы представляет рассказ (повествование) о жизненном и научно-исследовательском пути выдающихся деятелей науки, путей и методов их поиска истины. Имеются и другие аспекты рассмотрения науки –

история решения конкретной научной проблемы, её национальный и региональный аспекты. И практически нет работ, которые были посвящены анализу мировоззрения учёных, его влиянию (прямому или косвенному) на общественную и государственную жизнь, т. е. того, без чего трудно оценить участие научного сообщества в жизни того социума, в котором они живут и творят. А ведь без этого личностного, группового и общественного отношения не только к самой науке, но и к окружающей среде – политической, экономической, культурной – невозможно представить процесс творчества, отношение к поискам нового и, что особенно важно, реальное участие в созидательной общественно-значимой деятельности, что в конечном счёте выражается в степени включённости в функционирование общественного договора.

Есть и такая не менее важная сторона, отражающая взаимодействие науки и общества, которая также затрагивалась мимоходом, отрывочно или мельком – влияние науки на общественное сознание и отношение людей к науке и учёным, а также понимание ими воздействия экономических и политических условий на их трудовую и повседневную жизнь.

И наконец, важен и ответ на такой вопрос, а участвовали ли учёные, как доставшиеся в наследство от царской России, так и сформировавшиеся в советской стране, в создании и формировании человека нового типа, и приобретали ли они сами те качества и черты, которые характерны для советских людей?

Анализ именно этого подхода – деятельность учёных как специалистов и как граждан своей страны – показывает, что *ими был обеспечен специфический, особенный вклад в формирование и функционирование общественного договора, а также в появление такого исторического феномена, как советский учёный.*

В этой связи приобретает особый интерес и значение рассмотрение того, что предприняло Советское государство

наряду с другими неотложными мерами в своей политике по отношению к науке, а также того, как сама наука отреагировала на ситуацию в стране и на меры, предпринимаемые официальной властью.

Специфика российской действительности проявилась прежде всего в том (это было необычно и отличает от других революций), что использование науки в строительстве нового общества началось с самих учёных, с выработки удивительной, хотя во многом интуитивно стихийной работы по их привлечению на сторону новой власти. Рабочие и крестьяне участвовали в этом процессе опосредованно, так как им надо было изначально дать базу для понимания роли науки, что было реализовано через формирование новой образовательной политики, нацеленной на ликвидацию неграмотности и подготовку новой советской интеллигенции. Именно не столько осознаваемая программа, сколько понимание рядом советских руководителей роли и значения науки привело к беспрецедентным решениям по её поддержке и использованию в решении проблем нового общества по всем возможным направлениям – в экономике, политике, а также в обеспечении обороноспособности в стране.

На этом пути было немало не только достижений, но и ошибок и просчётов. Но в целом большинство учёных в своих действиях руководствовались пониманием профессионального долга, а также ориентацией на то, каковы цели и устремления народа. Именно сочетание этих двух компонентов и обеспечило активное участие учёных в создании советского общества.

Если на первом этапе существования советского общества включённость научных сотрудников в общественный договор ограничивалась выполнением профессиональных долга и обязанностей, то в дальнейшем участие учёных в строительстве нового общества становилось всё более замет-

ным. Особое значение приобрела роль науки при политике индустриализации страны, начиная в первых пятилеток. Наука в самом широком смысле слова включилась в решение той задачи, которая была сформулирована И. Сталиным в его лозунге «Или мы перестроим экономику за 10 лет, или нас сомнут в предстоящем соревновании с капитализмом».

В целом же, именно понимание роли и значения науки для решения текущих и особенно перспективных задач стало одной из основ победы социалистического преобразования страны, создания мощного государства, занявшего многие лидирующие позиции в мире [Поживилко, 2023].

Что же касается постсоветской России, то после вторжения неолиберальных идей в управление наукой она находится в состоянии неопределённости как судьбы своих подразделений, так и реального участия в жизни общества и государства.

Список литературы

Аксенов Г. П. Вернадский. 3-е изд. М. : Молодая гвардия, 2015. 526 с. ISBN 978-5-235-03757-1.

Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит ранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 2017. 9 июня. № 61.

Балацкий Е. В. Переформатирование российского университета в условиях гибридной войны: практико-ориентированная модель // Journal of Economic Regulation. 2022. Т. 13, № 4. С. 24–38. DOI 10.17835/2078-5429.2022.13.4.024-038. EDN LUFKVV.

Баутин В. М. Сессия ВАСХНИЛ, Август 1948 г. Уроки на будущее / В. М. Баутин, В. И. Глазко // Известия ТСХА. 2008. № 3. С. 149–175. EDN JUWCGZ.

Ваганов А. Великая Отечественная война и госполитика в области популяризации науки // Независимая газета. 2020. 25 февраля.

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова ; комм. В. Г. Макарова. М. : Русский путь, 2005. 544 с. ISBN 5-85887-175-5. EDN QOZLOT.

Главацкий М. Г. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. 224 с. ISBN 5-7584-0036-X.

Горбунов Н. П. Воспоминания. Статьи. Документы / Н. П. Горбунов ; отв. ред. Б. В. Левшин. М. : Наука, 1986. 240 с.

Грэхем Л. Р. Очерки истории российской и советской науки. М. : Янус-К, 1998. 310 с. ISBN 5-8037-0007-X.

Егеев С. В. Расцвет науки на пепелище экономики / С. В. Егеев, С. М. Пистолов // Независимая газета. 2020. 23 декабря.

Ермекбай Ж. А. Формирование и развитие науки советского Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 103–110. DOI 10.17223/15617793/413/16. EDN XRFQBR.

Информация // Поиск. 2018. 19 октября. № 45.

История Академии наук СССР. В 3 т. / Отв. ред. К. В. Островитянов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958–1964.

К 80-летию исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова / С. П. Карпов, Л. С. Леонова, Л. И. Бородкин, И. И. Тучков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 1. С. 3–40. EDN RZJAMB.

Кабацков А. «По духу времени и вкусу…»: доцент как невольник / А. Кабацков, О. Лейбович // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (142). С. 325–348. EDN ZCIYTB.

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов, М. Б. Буланова [и др.]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. ISBN 978-5-906001-54-2. EDN XWUULR.

Кашин Б. С. Науке нужна свобода // Правда. 2024. 9–12 февраля. № 14.

Китов В. А. К истории борьбы за кибернетику / В. А. Китов, В. В. Шилов // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2011 : Посвящается 120-летию со дня рождения С. И. Вавилова (Москва, 24–26 мая 2011 года) / Редколлегия: Ю. М. Батурин (ответственный редактор), В. А. Широкова, О. С. Романова, Н. А. Озерова, В. М. Савенкова, Н. А. Ростовская. М. : ООО Издательство «Янус-К», 2011. С. 539–543.

Козлов Б. И. Коммунистическая академия ЦИК СССР. (1918–1936) / Б. И. Козлов, Г. А. Савина. М. : Слово, 2008. 492 с. EDN UBYMFH.

Колчинский Э. И. Разгромный август 1948 года: как власть боролась с биологией / Э. И. Колчинский, А. И. Ермолаев // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 89–112. EDN YTVSGD.

Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М. : Экономика, 1970. 400 с.

Ленин В. И. VIII съезд РКП(Б). Доклад о партийной программе. 19 марта // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 151–173.

Ленин В. И. Набросок плана научно-технических работ // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 228–231.

Ленин В. И. О Социалистической академии общественных наук // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 372–373.

Мазур Л. Н. Как жили ученые в СССР в 1920-е гг.? : из истории бюджетных обследований // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Международной научно-практической конференции (Витебск, 23–24 апреля 2021 г.). Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. С. 291–293. EDN QGVPOB.

Независимая газета. 2023. 13 декабря. № 237. С. 16.

Нигматулин Р. И. Академической наукой должны управлять ученые // Научная Россия. 2023. 13 декабря.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2021. 25 марта. № 13.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2022. 21 октября. № 50.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2023. 13 марта.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2023. 17 февраля. № 7.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2023. 21 апреля. № 16.

Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925) : сборник документов / Отв. ред. К. В. Островитянов ; сост. М. С. Бастракова, Л. В. Жигалова [и др.]. Л. : Наука, 1968. 420 с.

План электрификации РСФСР. М. : Госполитиздат, 1955. 667 с.

Поживилко К. Без вариантов! // Версия. 2023. № 18.

Попов В. Покушение на ГОЭЛРО // Литературная Газета. 2015. № 51–52.

Портанский А. П. Две России как историческая судьба // Независимая газета. 2022. 4 октября.

Семенов Е. В. Российский научно-технологический комплекс в 2000–2010 гг // Наука. Инновации. Образование. 2012. Т. 7, № 2. С. 7–19. EDN RKNUDV.

Смирнов И. П. Окно в европейскую науку // НГ-Наука. 2023. 22 ноября.

Степаненко Ю. Статус научного работника требует корректировок // Поиск. 2022. 21 октября. № 43.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015. 668 с. ISBN 978-5-906001-22-1. EDN TRUIJB.

Уэллс Г. Россия в мгле. М. : Правда, 1964.

Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 года. М. : Рипол Классик, 1994. 759 с.

Глава 16
Социальные позиции художественной интеллигенции в контексте общественного договора

> Нет науки для науки, нет искусства для искусства, – все они существуют для общества, для облагорожения, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни.
>
> *Н. А. Некрасов*

Введение

Художественной интеллигенции как никакой другой социальной общности была присуща потребность в самовыражении, в постижении ранее неизвестных идей и смыслов. Это, естественно, накладывало значительный отпечаток на её взаимоотношения с советской властью.

Отметим, что претензии на особость этой группы интеллигенции проявились особенно наглядно после первой русской революции 1905–1907 гг., так она принесла определённое раскрепощение художественного восприятия действительности, дала толчок поиску новых форм самовыражения, что ярко выразилось в творчестве футуристов, символистов и представителей других течений специфического отображения реальной жизни. Но так это осуществлялось на индивидуальном и/или групповом любительском уровне, то поиски оставались в рамках частной инициативы и личностных устремлений творцов пионерных форм литературы и искусства.

С приходом советской власти её взаимодействие с художественной интеллигенцией стало приобретать официально

признанные формы. Оно осуществлялось на взаимной основе, с одной стороны, как сама художественная интеллигенция оценивала признание её претензий на сохранение или обновление культурных достижений, свободу самовыражения со стороны советской власти, с другой стороны, как советская власть в лице своих представителей формулировала политику в сфере культуры вообще, и по отношению к новаторским художественным инициативам в частности. Знаменательно, что 7 ноября (20 ноября по новому стилю) 1917 г. по приглашению наркома народного просвещения А. В. Луначарского в Смольный на заседание с литературно-художественной интеллигенцией было приглашено 120 деятелей, среди которых были А. Блок, В. Маяковский, В. Мейерхольд, Н. Альтман, Р. Ивнев, которые заявили: «революцию принимаем», новую власть «приветствуем». По итогам этой встречи Блок написал статью «Интеллигенция и революция», призывающую «слушать Революцию».

Именно этот акт по согласованию интересов данной группы интеллигенции стал одним из важных залогов в поддержке общественного договора и в содействии по его укреплению.

Всего за 1918–1924 годы советской властью было издано более 20 декретов, обеспечивающих сохранение культурного достояния страны. Знаменательны были и такие акты: 18 марта 1918 г. Совнарком передал в пожизненное владение Ясную Поляну Софье Андреевне Толстой. По ходатайству А. В. Луначарского стали платить пенсию в 1000 руб. дочери Пушкина Марии.

Горизонтальная модель функционирования общественного договора с художественной интеллигенцией (1917 – конец 1920-х годов)

Как реально происходила реализация общественного договора во взаимоотношениях государства и художественной интеллигенции? Какие меры были предприняты советской властью по привлечению интеллигенции? И как сама интеллигенция откликнулась на происходящие изменения в стране?

Отметим сразу, что с первых шагов существования советской власти были предприняты рациональные меры по привлечению художественной интеллигенции к активному участию в строительстве нового общества. Происходит раскрепощение творческих замыслов художественной интеллигенции: взлёт и развитие самых различных новаторских поисков в литературе, в художественном творчестве, в искусстве, которые активно рождались, развивались в значительной мере под влиянием революционных идей.

Уже в годы гражданской войны, вплоть до 1930-х годов, существовала горизонтальная модель построения общественного договора с художественной интеллигенцией, что нашло отражение в нескольких вариантах деятельности как стихийных самодеятельных организаций, так и организационно оформленных течений, которые по-разному представляли своё место в структуре вновь создаваемого общества [Купцова, 1994].

Что касается самодеятельных течений, то были открыты шлюзы для самых разных творческих инициатив. Свобода выражения своих взглядов действовала практически в неограниченном масштабе. При этом шёл непрерывный противоречивый поиск новых форм выражения того, что происходило в жизни людей, в развитии страны.

Можно согласиться с трактовкой происходящего как «лукавой диалектики революции, позволившей закрывать глаза

на всё невнятное» [Геллер, Некрич, 2000]. На самом деле это был массовый стихийный поиск выразить новое, своё стремление к особенному, перспективному. И это давало простор для всё новых поисков.

Особое место и интересную страницу как с точки зрения творчества, так и с точки зрения установления доверительных отношений с советской властью представляют такие *художественные течения*, как абстракционизм, футуризм, супрематизм, лучизм, кубизм, электроорганизм и другие проявления художественного творчества, которые провозгласили поиск и воплощение принципиально новых форм выражения художественного вкуса.

Революция гремела не только в экономике и политике, не только на улицах и полях сражений, но и в мастерских художников, создававших новую утопию – ту, что сегодня известна всему миру как «русский авангард». Это были творцы, изменившие направления в развитии искусства, открывшие зрителю неведомые до них измерения и чувства, имевшие смелость манифестировать свои идеи, витавшие в революционном мире и не только в России.

Поучив мощный импульс для своего развития, все эти течения и школы авангардной культуры и искусства верили в мощность их поиска, способного серьёзно повлиять и даже сформировать новое социально-эстетическое мировосприятие. И можно ещё раз подтвердить, что они внесли, хотя и косвенно, свой вклад в создание новой социалистической культуры (и не только в СССР, но и во всём мире), о чём свидетельствует всеобщее признание вклада в мировую культуру основателей авангарда, таких как В. Кандинский и В. Филонов, конструктивист В. Татлин (Памятник III Интернационалу или башня Татлина), супрематист К. Малевич, представитель органического направления М. Матюшин. Свою приверженность идеям революции представители этих

направлений постоянно демонстрировали непрерывно проходящими выставками, диспутами, а также созданием произведений искусства для народного обозрения. Так, 9 марта по старому стилю 1919 г. в рамках плана монументальной пропаганды в Петрограде у Московских триумфальных ворот торжественно открыт памятник Джузеппе Гарибальди (скульптор К. Залит), который был призван символизировать единство революционных устремлений победившего рабочего класса и новаторские идеи искусства.

Многообразие 1920-х годов проявилось и в том, что они стали временем расцвета конструктивизма. Согласно его принципам, предлагалось перестроить жизнь людей по индустриальным лекалам. Жизнь уподоблялась конвейеру и подчинялась единому трудовому ритму.

Первое десятилетие советской власти знаменовалось огромной разобщённостью и даже хаосом во взглядах на искусство. Многие из представителей новых течений в искусстве полностью отрицали прежнюю «дворянскую» культуру. Другие, как нарком А. Луначарский, отстаивали позицию о необходимости сочетания прежней культуры с поисками в искусстве, всячески поддерживая ростки нового, экспериментального, незнаемого ранее, что позволило Крупской упрекнуть Луначарского за всяческие компромиссы с левыми инициативами в искусстве, хотя он в своей деятельности призывал следовать принципам «социального реализма» (этот термин стал предшественником социалистического реализма) [Цит. по: Салиенко, 2019: 173].

Вместе с тем выделим ту группу интеллигенции, которая, провозгласив себя безусловными сторонниками новой власти, посчитала, что в культурной жизни (как и в политике) должны быть отринуты все прежние формы выражения духовности и нужно начать создание «новой революционной культуры». Это нашло яркое выражение в деятельности такой

своеобразной организации, как Пролеткульт. Его идеологами были А. А. Богданов, А. К. Гастев, В. Ф. Плетнёв, исходившие из определения «классовой культуры», сформулированного Г. В. Плехановым. Целью организации декларировалось развитие пролетарской культуры. По мнению Богданова, любое произведение искусства должно отражать интересы и мировоззрение только одного класса (рабовладельческого, помещичьего, буржуазного, крестьянского) и поэтому непригодно для любого другого, поскольку «пролетарский опыт иной, чем у старых классов» [Богданов, 1924].

Пролеткульт (пролетарская культура) претендовал на определение истинно социалистической политики в сфере культуры, пропагандировал нигилистическое отношение к культурному наследию. Отдельные его представители ниспровергали и отрицали все прежние произведения культурного творчества России, начиная с А. С. Пушкина.

Но ориентации деятелей Пролеткульта были различными, тем более что его членами были не только представители большевистской партии. Сама эта организации, созданная сразу после февраля 1917 г., получила мощный импульс для своего развития после Октябрьской революции. Пролеткульт очень быстро вырос в массовую организацию. К лету 1919 г. в его составе насчитывалось около 100 организаций, в рядах которых было почти 80 тыс. человек. Издавалось 20 журналов: «Пролетарская культура», «Грядущее» в Петрограде, «Горн» в Москве, «Заря заводов» в Самаре, «Гудки» и др.

Части представителей Пролеткульта было присуще агрессивное поведение, полностью отрицающее прежнюю культуру и ратующее за «пролетарское искусство». По мнению ректора ВХУТЕМАСа П. Новицкого, Октябрьская революция разрушила «буржуазно-помещичью эстетику» и открыла дорогу для формирования пролетарского искусства [Новицкий, 1927: 8]. Этой же точки зрения придерживался и

Н. Пунин в редактируемой им газете, но несколько с другим оттенком: «Пока рано говорить о пролетарском искусстве. Его ещё нет. Но оно придёт, оно должно прийти» [Цит. по Салиенко, 2019: 178].

В целом политика Пролеткульта была направлена на решение двух задач – разрушить старую «дворянскую» культуру и создать новую пролетарскую. Если задача разрушения частично была решена, то вторая задача так и не вышла за рамки неудачного экспериментаторства. И это послужило тому, что его деятельность всё чаще подвергалась критике, в том числе и Лениным. Для исправления его перегибов Постановлением ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» от 10 ноября 1920 г. и письмом ЦК от 1 декабря 1920 г. Пролеткульт был организационно подчинён Народному комиссариату просвещения. С 1922 г. его деятельность стала замирать. Вместо единого Пролеткульта создавались отдельные самостоятельные объединения пролетарских писателей, художников, музыкантов, артистов, которые в той или иной мере пытались предложить различные варианты строительства новой культуры. Но реальная жизнь показала, что учредить новую культуру, несмотря на искреннее желание её апологетов, добиться этого оказалось несостоятельным и несостоявшимся действием. В результате Пролеткульт просуществовал до начала 1930-х годов и был заменен рядом других организаций согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

Однако несмотря на ориентацию только на пролетарскую культуру, существовали и другие точки зрения, которые не отрицали прежнюю культуру, призывая относиться к ней не только критически, а видеть в ней великие достижения и свершения. Сторонники этого подхода активно ратовали за сохранение прежнего наследия. Так, в газете «Красная газета» (Петроград) 24 апреля 1919 г. сообщалось, что подготавливаются для издания два тома писем Пушкина с примечаниями и под руководством Б. Л. Модзалевского, которые должны войти в Полное собрание сочинений Пушкина, выпускаемое Академией наук. Активным участником культурных преобразований был и М. Горький. Так, 24 сентября 1919 г. в цирке Саламонского он прочитал лекцию «Диктатура верхов и низов», в которой разъяснял политику Советской власти и размышлял над перипетиями совершающих событий.

В ситуации существования противоречивых и разнообразных течений в художественной жизни страны советская власть, несмотря на зигзаги, преследовала и ставила целью сохранение достижений прежде существовавшей культуры – и отечественной, и мировой – и их использование для развития нарождающегося советского общества. И более того, поставить её на службу трудящемуся народу, реализовать идею общедоступности искусства [Аманжонова, Красовицкая, 2020].

Показательно, что в 1919 г. когда ещё гремела ожесточённая гражданская война, был провозглашён лозунг «Искусство принадлежит народу». В этом же году на состоявшемся VIII съезде РКП(б) была принята новая программа большевистской партии, в которой было записано: «сделать доступным для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находящиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров» [Коммунистическая партия… 1983: 49]. К проведению масштабной художественно-просветительской работы и эстетического воспитания рабочих и крестьян как потребителей и зрителей в огромных масштабах подключились представители различных художественных течений – от футуристов до лидеров авангарда.

Сторонники политики сохранения прежнего наследия последовательно и решительно отстаивали значение великих писателей и поэтов А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др., уникального творчества русских художников,

композиторов, артистов. Именно их усилиями в 1920 г. основан музей-усадьба «Абрамцево», в 1921 г. открыт государственный музей-усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках (основан в 1920 г.); в 1924 г. состоялось открытие Пушкинского заповедника в Святогорском монастыре (постановление об этом было принято СНК в 1922 г.).

В реальности всё чаще осуществлялись действия, которые воплощали новаторские поиски, сочетающие в себе и пролеткультовские установки, и следование смыслам предшествующей культуры.

Специфически складывалось взаимодействие с писателями. Уже в октябре 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд пролетарских писателей, который сосредоточил своё внимание на обсуждении вопроса, чем отличается новое творчество от буржуазной культуры и какова их роль в строительстве нового общества. Но наряду с ними существовали и другие объединения писателей. Насколько многообразна была эта ситуация, показывает литературная жизнь. Пролетарские писатели объединились в РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), крестьянские – в ВОКП (Всероссийское объединение крестьянских писателей), «попутчики» – в Перевал. Были и другие литературные объединения: ЛЕФ, «Литературный центр конструктивистов», «Молодая гвардия», «Октябрь». В 1920-е годы одновременно сосуществовали «Серапионовы братья», акмеисты, футуристы (Демидов, 1957).

Для совершенствования работы с писателями и с их творчеством в 1921 г. в Москве открылся Высший литературно-художественный институт с бессменным ректором В. Брюсовым. Несколько ранее, в 1920 г., для упорядочивания работы с издаваемой литературой была учреждена Всероссийская книжная палата. В 1921 г. Ленин, ставя задачи Наркомпросу, писал о необходимости издавать романы для

народа в виде «пролетарской газеты», что было реализовано несколько позднее – в 1927 г. в издательстве «Московский рабочий» начала выходить «Роман-газета», ставшая заметным явлением в просвещении широких слоёв населения за всё время существования Советского Союза.

В 1922 г. состоялся выход в свет первого номера журнала «Новый мир». В 1923 г. основан журнал «Звезда». В 1925 г. состоялось образование акционерного общества «Советская энциклопедия». Начали создаваться журналы в республиках и губерниях. Ставка делалась на широкие слои населения, в том числе и на попутчиков из числа художественной интеллигенции, которая в годы революции и гражданской войны часто занимала позиции нейтралитета и выжидания. Особо надо подчеркнуть, что в эти годы печатались многие ведущие писатели и поэты, которые не покинули страну и остались разделять судьбу народа: А. Ахматова, О. Берггольц, Н. Заболоцкий, М. Зощенко, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Ю. Тынянов, а впоследствии А. Толстой и др.

Яркой характеристикой пробудившегося творчества стало то, что завершение гражданской войны поставило вопрос об осмыслении происшедших событий, поиска ответа, почему победили большевики и что надо делать в ближайшем будущем. В художественной литературе это нашло отражение в романе М. Шолохова «Тихий Дон», в котором нет ни апологии коммунизма, ни дифирамбов Сталину, но есть мучительный поиск ответа на вопрос о судьбе простых людей, анализ перипетий их реально сложившейся жизни.

Говоря о писателях, нужно сказать о двух учреждениях, внесших большой вклад в формирование советской культуры. Это Высший литературно-художественный институт имени Брюсова (Высшие литературный курсы), существовавший до 1929 г. Его выпускниками были А. Тарковский, Ю. Домбровский, Д. Андреев. М. Петровых и др. Второе учреждение –

Ленинградский институт истории искусств (ГИИИ), который закончили К. Вагинов, О. Берггольц, Т. Габбе, Б. Корнилов, Л. Чуковская, Л. Успенский, младоформалисты Б. Бухштаб, Л. Гинзбург, Н. Степанов и целая плеяда искусствоведов, музыковедов и деятелей кино [Юдин, 2021].

Можно с большим основанием утверждать, что выпускники Литературного института, представляя вершины советской интеллигенции, активно участвовали в воплощении идей Маркса, которые предполагали совмещение в каждом человеке идеалов гуманизма, совершенства, душевной красоты, верности своей Родине. Эта гуманистическая доктрина предполагала воспитание человека творческого, неугомонного, нацеленного на достижение блага не только для себя, но и для других, для всех живущих в советской стране. От советского человека ожидали соблюдения принципов дружбы народов, нетерпимости ко всякой ксенофобии.

Специфически складывалась ситуация *в театральном деле*, взаимодействие с артистами, режиссерами. Осенью 1918 г. комиссар по делам театров М. Ф. Андреева подписала декрет о создании в Петрограде Особой драматической труппы – так первоначально назывался театр, знаменитый сегодня во всём мире под аббревиатурой БДТ (открылся в 1919 г.). В 1919 г. А. В. Луначарский утвердил «Положение о Русском театральном обществе» (РТО), согласно которому значительная часть его прав, включая регистрацию контрактов и контроль за их соблюдением, отходила государству. К 1920-м годам относится формирование сети производственных предприятий и мастерских РТО, которые станут материальной и финансовой основой деятельности театров. Именно на этой основе был образован и стал наиболее заметным явлением Первый Рабочий театр Пролеткульта, созданный в 1921 г., где работали С. Эйзенштейн, В. Смышляев, И. Пырьев, М. Штраух, Э. Гарин, Ю. Глизер, Г. Александров

и др. В 1919 г. начал работать Дом искусств, в совет которого вошли Ю. Анненков, А. Ахматова, Е. Замятин, К. Петров-Водкин и др. 13 ноября 1921 г. распахнул свои двери театр 3-й студии МХАТ (с 1926 г.) имени Вахтангова. 4 июля 1920 г. по инициативе А. Луначарского состоялось открытие «Первого государственного театра для детей» (с 1931 г. Государственный театр юного зрителя). В 1922 г. состоялось открытие Театра революции (после театр имени Маяковского). В 1923 г. образован театр рабочих Московского губернского совета профессиональных союзов (с 1938 г. театр Моссовета). В 1927 г. начали работать Театр оперетты и Центральный театр рабочей молодёжи (Ленком). С 1930 г. действует Центральный театр Красной армии.

Поддерживались и национальные театры. В 1931 г. открыл свои двери театр РОМЭН. Такое внимание в этому виду искусства вдохновляло режиссёров и артистов театра, делало их убеждёнными сторонниками проводившихся преобразований не только в театральном деле, но и во всём советском обществе [Жидков, 2003; Степанов, 2005; Токарева, 1994].

Огромную роль играл и *кинематограф*, имевший большую популярность среди населения и, несомненно, сыгравший свою роль в распространении идей жизни нового человека. Уже 9 сентября 1918 г. был учрежден Петроградский университет кино и телевидения. После высказывания Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино» [Ленин, 1970: 579], были совершены действия по реализации этой установки. 27 июля 1919 г. декретом СНК было объявлено о создании научной кино- и фотоиндустрии. В сентябре 1920 г. открылась первая в мире Государственная киношкола – Всероссийский институт кинематографии. Так как кинематограф в 1920-е годы уже был распространён и популярен, но ещё недостаточно формализован, это позволяло легко идти на различные эксперименты и рисковые шаги, в результате

чего набирало силу отечественное кинопроизводство. За годы гражданской войны было произведено более 50 фильмов-агиток. Что касается художественных фильмов, что, если в 1921 г. их было выпущено 7, то в 1925 г. их стало 65.

Были приняты меры по централизации киноиндустрии: открыты кинокомпании «Мосфильм» и «Ленфильм», а по постановлению Совнаркома от 19 декабря 1922 г. создано Центральное государственное кинематографическое предприятие «Госкино». В каждой республике в 1923 г. была создана своя национальная киностудия*.

Несомненно, что эти меры способствовали воспитанию и формированию художественного вкуса. Особо отметим, что инициатива и поиск новых тем ничем не ограничивалась: в 1923 г. вышел в свет фильм «Красные дьяволята», в 1924 г. – первый советский детектив «На крыльях вверх» (о русском инженере Глаголеве). Вершиной совершенства в развитии кино стал фильм С. М. Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин» (1925).

К поиску средств воздействия на общественное сознание и формирование его нового качества подключились и художники, которые были представлены различными течениями от традиционной классической живописи – до русского авангарда, который стал достижением и в истории мирового искусства. Эффективно воздействовали на мировоззрение людей и оригинальное агитационно-плакатное творчество, самыми яркими стали «Окна РОСТА». Они были выполнены на доступных наглядных образах, отражавших проблемы, заботящие людей, и «шершавым языком плаката» (В. Маяковский) разъясняли, объясняли, мобилизовывали людей на поддержку советской власти.

В этом поиске вовлечения интеллигенции в общественный договор стоит отметить стремление охватить своим влиянием

* URL: https://logikaprogressa.com/bolsheviki/dostizheniya.html#i-12 (дата обращения: 08.10.2024).

все более или менее значимые группы. Так, в 1921 г. Наркомпрос утвердил положение о Государственной филармонии.

Кардинальные изменения происходили и в музейном деле. Оно стало рассматриваться как средство эстетического воспитания и приобщения народных масс и особенно молодёжи к искусству. Уже в первый год советской власти были осуществлены и поддержаны поиски новых форм приобщения людей к их художественному богатству. Причём это были не декларации, а реальные действия. Так, уже 2 ноября 1917 г. Зимний дворец объявлен государственным музеем. В январе 1918 г. Совет народных комиссаров в целях сохранения наследия прошлого постановил принять все меры по охране усадьбы и дома Л. Н. Толстого. Начала осуществляться забота о подрастающем поколении – в октябре 1918 г. был открыт первый в мире Государственный музей игрушек. В целях противодействия разграблению усадеб и церквей, вывозу ценностей за рубеж в 1918 г. были приняты декреты «О памятниках республики», «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения», «О регистрации, приёме на учёт и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В этом же году была составлена программа создания сети музеев современного искусства. И несмотря на вспыхнувшую гражданскую войну эта задумка успешно выполнялась – за этот срок были открыты такие музеи в 32 городах страны. Многое для этого сделал К. Малевич со своими сподвижниками, чтобы довести достижения художников до возможно большего количества народа [Курдюкова, 2022].

В 1919 г. был открыт один из первых в мире государственных музеев современного искусства – Музей живописной культуры (МЖК), в 1924 г. ставший филиалом Третьяковской галереи (Нью-Йоркский МоМА был учреждён только в

1929 г.) В 1920 г. для МЖК купили «Черный квадрат» Малевича. Эта ориентация на разнообразие было отличительной и яркой чертой нарождающегося советского строя, который осознанно брал под крыло новые попытки продвинуть искусство в народные массы, что впоследствии было признано как открытие нового мира.

Как упоминалось выше, в начале 1920-х годов были открыты музеи, увековечивающие память А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого. Вопреки утверждениям некоторых искусствоведов советская власть не чуралась и новых веяний в искусстве. Так, в ноябре 1927 г. в Русском музее открылась выставка новейших течений в искусстве, организатором которой выступил К. Малевич. На этой выставке были широко представлены работы М. Шагала, В. Кандинского, М. Ларионова, Д. Бурлюка, В. Татлина и др.

Были широко распахнуты двери национализированных музеев – от Третьяковской галереи до инициативно создаваемых музеев в губернских городах. Помимо самого факта приглашения и посещения энтузиасты решали и важную научно-прикладную задачу: «Какова психика этого зрителя – психика индивидуальная и коллективная, и чего хочет от искусства этот новый зритель?» [Бакушинский, 1924: 74]. Изучение реакции посетителей музеев через анализ их отзывов в это время показал, что шёл сложный процесс формирования художественного вкуса: от восторженных отзывов («музей произвел на меня огромное впечатление, словно я во сне это видел», «впечатление огромное», «музей великолепен» до «картины для неподготовленного зрителя утомительны» [Салиенко, 2019).

Эскизно обозначим историю поисков и воплощения творческих планов, созвучных преобразующим идеям революции, которые произошли и в такой специфической области, как архитектура. Отметим сначала, что наряду с классическим стилем, мощное развитие получил конструктивизм, под флагом которого особенно с середины 1920-х годов, стали преобладать все архитектурно-строительные решения. Этот новый процесс начался в 1919 г., когда известный архитектор В. Шухов (1853-1939), будучи почти в 70-летнем возрасте, получает заказ на воплощение своей мечты – строительства радиобашни, которая войдет в историю как Шуховская. Начатое строительство по постановлению ЦИК РСФСР в 1919 г. было окончено через три года, в 1922 г. Конечно, эта башня реализовывала цели пропаганды идей Октябрьской революции и не только в стране, но и во всем мире. Но и принципиально новое слово в архитектуре произвело огромное воздействие на мировое сообщество, которое транслировало, использовало и дополняло это смелое творческое решение.

1920-е годы были годами впечатляющих не только проектируемых, но и воплощённых архитектурных решений. Так, в 1926–1929 гг. по замыслу молодого архитектора Николая Травина было осуществлено строительство первенца «социалистических городков», Хавско-Шаболовского жилищного комплекса, состоящего из 15 домов (задумано было 24), который отвечал замыслу идеологов нового быта: это новое жилье, нередко коммунальное, должно быть только местом отдыха и восстановления физических и духовных сил. Весь остальной быт – пища, культурный отдых, получение образования, спорт – реализуется по типу производства, удовлетворяется на принципах коллективного потребления. По этой модели с некоторыми вариациями был построен и дом Наркомфина, превратившийся в настоящее время в элитное жильё.

Нужно сказать и о таких удивительных творческих решениях, как дом Мельникова, олицетворявший новое видение жилья человека будущего.

Без этих поистине новаторских идей (хотя их назначение не всегда выдержало испытания временем) трудно предста-

вить как появление так называемых сталинских высоток, так и гигантское по масштабам жилищное строительство в 1960–1980-е годы. И это архитектурное решение подвигло как самих специалистов, увидевших внимание к их творчеству, так и миллионы граждан страны, получивших возможность покинуть подвалы, бараки, переполненные коммуналки на более благоустроенное жильё. И это тоже формировало сознание, воспитывало нового человека, конечно, в сочетании с другими условиями и факторами, которые окружали и составляли жизнь обычных людей.

Особо отметим, что до сих пор недооценённым, а иногда сознательно умалчиваемым остаётся тот факт, что многие выдающиеся деятели литературы и искусства стали руководителями соответствующих органов культуры в советских органах власти. Так, В. Брюсов и К. Бальмонт занимали должности комиссаров печати и ведали рабочим пролеткультом поэзии в Москве. В такой же должности в Петрограде трудился Иероним Ясинский. В. Мейерхольд с января 1918 г. работал в ТЕО (Театральный Отдел) Наркомпроса, вступив в августе того же года в РКП(б) [Советские двадцатые… 2023].

В обеспечении и укреплении общественного договора огромную роль сыграли *периодические просветительские и общественно-политические издания*, оказавшие значительное влияние на революционные перемены в сознании и поведении людей. Этому процессу во многом способствовало развитие массовой печати и развёртывание издательской деятельности с доступными ценами для рядовых читателей. Его отражением стало появление в 1920-е годы газет «Комсомольская правда», «Гудок», «Пионерская правда» и других периодических изданий, в том числе в национальных республиках и регионах, которые целенаправленно формировали у людей и особенно молодёжи качества советского человека-интернационалиста: верности долгу, любви к труду, уважения к знаниям, апеллируя к

установке «жила бы страна родная». Несомненно, они формировали то, что потом стало неотъемлемой характерной чертой многих советских людей. Их особенность – это были целевые группы: молодёжь, дети или профессиональные и/или локальные группы, интерес которых учитывался по максимуму.

В становление и упорядочивание художественного восприятия жизни населения страны внесло применение новых достижений в общении, в т. ч. использование радио. 28 февраля 1925 г. стала выходить единственная в мире газета «Радиопередача», обеспечившая переход от отдельных и эпизодических передач к регулярным, которые шли в эфир по ежедневному постоянному расписанию.

Значительное место в деятельности художественной интеллигенции заняли усилия по обновлению и обогащению массовой культуры, которая, с одной стороны, была рассчитана на повышение духовно-нравственного уровня широких слоёв населения, с другой – решала задачи по формированию социалистического мировоззрения, побуждавшего людей к активному участию в преобразовательной деятельности.

В этом процессе мобилизующую роль сыграло ещё в годы гражданской войны массовое создание таких специфических очагов просвещения народа, как красные уголки, избы-читальни, передвижные и обычные библиотеки, клубы, а затем и дворцы культуры, в том числе имеющих не только локальное, но общесоюзное значение, как, например, открытие в 1928 г. Дворца культуры железнодорожников. Они сосредоточили в себе все возможные формы развёртывания культуры.

Главными направлениями их работы в 1920-е годы были выдача книг, громкая читка газет и журналов, организация бесед и лекций, кружковая работа, художественная самодеятельность, прослушивание радиопередач, антирелигиозная агитация и пропаганда правовой грамотности. При создании изб-читален предусматривалась возможность их использова-

ния под киносеансы. Они стали также местом проведения партийных и комсомольских собраний, идеологической мобилизации при проведении государственных мероприятий, местом разъяснения решений партийных и советских органов. Организаторами и руководителями этих учреждений становились так называемые избачи, подбираемые из числа партийных и комсомольских активистов. Во второй половине 1920-х годов избы-читальни рассматривались как место проведения разъяснительной работы по таким ключевым направления развития страны, как индустриализация и коллективизация. В них устраивались разные конкурсы, проводились смотры на лучшее участие в культурно-просветительной работе. Особо значимую роль, как места сбора и обучения крестьян, они сыграли в процессе ликвидации неграмотности.

Наряду с реализацией политики «Долой неграмотность» было поддержано и всячески стимулировалось народное творчество в виде различных форм массовой культурной самодеятельности, которые более чем на полстолетие стали практически единственной формой приобщения особенно сельских жителей к театру, музыке, песенному и другим формам и видам творчества.

При этом особое место в их деятельности было отведено библиотечному делу, чему способствовало открытие 25 января 1919 г. 1-й библиотечной сессии Наркомпроса, на которой не только обсудили состояние и проблемы, но и наметили поистине грандиозные планы по развертыванию библиотек.

В целях пропаганды идей социализма были организованы и использовались такие своеобразные формы, имеющие культурно-познавательный и агитационный характер, как агит- и культпоезда.

В целях соединения высокой культуры и народного творчества была рождена такая новая форма, как Ансамбль красноармейской песни (потом Краснознаменный ансамбль песни и пляски). Его первое выступление, в котором была реализована попытка соединить народное творчество с высоким профессиональным мастерством, состоялось в 1928 г.

Огромную роль в становлении нового мировоззрения сыграли революционные песни. По мнению известного современного певца Псоя Короленко, «это очень яркие и красивые песни… (Мне нравится) красота этих песен, высокая романтическая традиция, стоящая за ними, идея справедливости, мечта о лучшем мире, своеобразный аскетизм, альтруизм, товарищество, коллективизм» [Короленко, 2020].

Были приняты меры к возрождению прикладного творчества. Так, в 1924 г. была создана артель в Палехе «Артель древней живописи», возрождающая традиции владимиро-суздальских иконописцев – шкатулки с лаковыми миниатюрами (инициатор Иван Иванович Голиков).

Массовое культурное просвещение шло и по специфическим каналам и методам работы, что дало удивительные, непредвиденные и ранее незнаемые результаты. Достаточно напомнить творчество поэтов и художников, которые выпускали «Окна РОСТА» (специфическая форма массового агитационного искусства, возникшая в период Гражданской войны и интервенции (1918–1920). Их значение точно охарактеризовал В. В. Маяковский в своей работе «Грозный смех», когда писал о них так: «Это протокольная запись крупнейшего трёхлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов… Это телеграфные вести, моментально переданные в плакат, это декреты, сейчас же распубликованные на частушки, это новая форма, выведённая непосредственно жизнью, это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку, идущие не с молитвой, а с распевом частушек» [Цит. по: Лебедев, 1949].

Оригинальным решением по продолжению этой инициативы было рождение в июне 1922 г. журнала «Крокодил»,

инициатором которого стал старый большевик К. С. Еремеев, бывший в 1918–1919 гг. начальником кремлёвской охраны. Этот журнал сыграл колоссальную роль в обеспечении не только просвещения народа, но и ещё одного лика культуры – борьбы за совершенство политической, экономической, культурной и повседневной жизни.

Особо отметим, что в 1920–1930-е годы с новым нарождающимся обществом изъявляло желание сотрудничать значительное количество представителей культуры всего мира. Они искренне верили, что на Земле будет создано идеальное государство, лишённое недостатков «буржуазной Европы». Вот что писала в своих мемуарах американская танцовщица Айседора Дункан, приехавшая в советскую России в 1921 г. по приглашению наркома просвещения А. Луначарского и стремившаяся соответствовать новому образу и стилю жизни: «Я не везла с собой никаких платьев. Я представляла себе, что проведу остаток жизни в красной фланелевой блузке среди товарищей, одетых с такой же простотой и исполненных братской любви». Она и подобные ей, численность которых выросла до десятков тысяч человек по ходу развертывания хозяйственного строительства.

Таким образом, переходу художественной интеллигенции к прямой или косвенной поддержке советской власти способствовала политика свободы в творчестве, что благоприятствовало появлению многих талантливых произведений. Именно эта политика, олицетворением которой был А. В. Луначарский, будучи экспертом во многих областях искусства, привела к постепенному переходу многих творческих людей если не к поддержке, то к лояльности, к пониманию того, что эта власть разумно относится к их деятельности и позволяет не только продолжать прежние традиционные формы самовыражения, но и экспериментировать и нередко получать возможность их претворения в жизнь [Луначарский, 1922; Луначарский, 1923; Луначарский, 1924; Луначарский, 1927].

Следовательно, революция, расковавшая поиск новаторских идей и замыслов, несмотря на влияние и различие мировоззренческих ориентиров и установок, непоследовательность и разноголосицу в сфере культуры, проявила себя в том, что в художественной среде были созданы уникальные произведения, шедевры, которые стали достоянием не только отечественной, но и мировой культуры.

Нельзя забывать и реальные практические шаги, направленные на приобщение масс к искусству, хотя оно шло достаточно сложно и противоречиво. Получило массовое развитие народное творчество на уровне самодеятельности, которая, с одной стороны, опиралась на вековые традиции, а с другой – внесла в себя новые элементы, которые явно и мощно отражали не только повседневные, но и гражданские заботы общества и государства.

Народ в той или иной мере слушали и поддерживали разными путями – открытие театров, музеев и других учреждений культуры было беспрецедентно высоким.

Говоря об этих новаторских поисковых акциях 1920-х годов, отметим, что они касались не только самих творцов этих идей – они становились и частью повседневной жизни людей, их работы, отдыха и времяпровождения. И в этом случае они формировали новое мироощущение, прививали новые стандарты поведения и, соответственно, закладывали в образ жизни миллионов людей принципиально иные ориентиры [Казакин, 2001]. Особо отметим, что эти нововведения в своём большинстве не вызывали противодействия – они стали рассматриваться как усилия власти по улучшению их жизни, как формы заботы об устройстве жизни миллионов людей.

Вертикальная (иерархическая) модель функционирования общественного договора с художественной интеллигенцией (1930-е – начало 1950-х годов)

Важным этапом в жизни художественной интеллигенции являются 1930-е годы. В этот период происходят основные события культурной революции, создавшей уникальный интеллектуальный потенциал и подготовившая советских людей к активному участию в укреплении и совершенствовании общественного договора, что выразилось в появлении мощного индустриально развитого государства, готового к успешному соревнованию с передовыми капиталистическими державами.

В этот период стала осуществляться всеохватывающая политика регулирования деятельности в сфере культуры, что нашло отражение сначала в таком официальном документе, как постановление ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», вышедшем в июне 1925 г., в котором было объявлено, что «в классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства».

В начале 1930-х годов была окончательно выработана идеологическая позиция по отношению ко всем творческим организациям, которая впоследствии стала именоваться *«социалистическим реализмом».* Этот термин впервые был предложен председателем Оргкомитета СП СССР И. Гронским в «Литературной газете» 23 мая 1932 г. Он возник в связи с необходимостью направить Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП) и представителей авангардных направлений на художественное развитие советской культуры. Решающим при этом явилось признание роли классических традиций и понимание новых качеств реализма. На 1-м Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. М. Горький

заявлял: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно непрерывному росту его потребностей, хочет обрабатывать всю, как прекрасное жилище человечества, объединённого в одну семью» [Горький, 1935: 390].

В целом социалистический реализм представлял собой эстетическое выражение осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и созидание советского общества. Изображение жизненных идеалов при социализме обуславливало и содержание, и основные художественно-структурные принципы искусства [Социалистический реализм... 2001].

Провозглашение этой идеологической установки сопровождалось новым прочтением социального положения и роли работников культуры как непременного компонента общественного договора. Под этим знаменем литература и искусство развивались вплоть до перестройки и краха СССР, когда появились такие утверждения, что «соцреализм есть тупик революционного развития» [Добренко, 1992: 55].

В 1930-е годы началось организационное оформление процессов, происходящих в этой сфере. Вместо горизонтальных связей между государством и художественной интеллигенцией, которые преобладали в 1920-е годы, стала внедряться иерархическая структура учреждений, движений, союзов и других образований в сфере культуры, возникших в предшествующие годы.

В этот период произошло изменение политики по отношению к литературному творчеству в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Все писательские

организации как пролеткультовского толка (РАПП, ВОАПП), так и ориентирующиеся на другие идеологии (Серапионовы братья и др.) были расформированы и им было предложено объединиться в одну организацию. Многообразие писательских союзов было преобразовано в единое литературное объединение – Союз писателей СССР, 1-й съезд которого состоялся в 1934 г. Затем последовало образование таких же организаций по другим направлениям творческой деятельности: художественного творчества, театрального дела, музыки и др. Партия большевиков поставила под более жёсткий контроль деятельность этих общественных организаций, осознав силу их влияния на общественное сознание.

Эти организационные преобразования дополнились решениями по подготовке кадров писателей, что проявилось в централизации этой деятельности – сначала в открытии в 1933 г. Литературного института, на котором выступали Д. Бедный, Л. Коган, В. Ставский. В последующие годы его воспитанниками стали поэты К. Симонов, Е. Долматовский, М. Матусовский, Б. Заходер, Н. Коржавин, прозаики Ю. Бондарев, В. Тендряков, Ю. Трифонов, а также М. Джалиль, Н. Майоров, М. Кульчицкий, которые внесли немалый вклад в осуществляемую работу по формированию нового мировоззрения советских людей.

Одновременно писателям представлялись новые возможности по апробации и выражению своего творчества. В 1933 г. был образован Детгиз («Детская литература»). В этом же году начался выпуск ЖЗЛ, и первой книгой стал «Генрих Гейне» (автор Александр Дейч).

Наряду с этими мерами под флагом служения писателей делу социалистического строительства ужесточался контроль над содержанием публикуемых материалов. Хотя он начал осуществляться ещё с 1921 г., когда декретом Совнаркома РСФСР был учрежден Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, в 1930-е годы он приобрёл всеохватывающий характер. Он жёстко фильтровал всё то в литературе и искусстве, что касалось отклонения от установленных принципов служения только делу социализма. Наказания за эти отклонения во всё большей мере ужесточались. В 1937–1938 гг. этот курс способствовал отождествлению различных отклонений от официальной позиции (или на деле, или по навету) с признанием их враждебными, контрреволюционными и даже преступными, что привело к физическому уничтожению или длительным срокам заключения их носителей и творцов.

Одним из приёмов, направленных на достижение согласия и поддержки художественной интеллигенции, стала работа по созданию стимулов и поощрений за достижения в этой сфере деятельности. Труд в данных сегментах культуры стал высоко оцениваться. Наряду с заботой по оплате труда деятели культуры награждались правительственными орденами и медалями, им присваивались звания Народных и Заслуженных артистов, художников, архитекторов, композиторов и т. д. В 1936 г. было учреждено почётное звание «Народный артист СССР» и первыми, кто был удостоен этого звания, стали К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. Н. Качалов, И. М. Москвин. В 1939 г. были учреждены Сталинские премии из гонораров Сталина.

Предложенные планы строительства нового общества были отмечены пафосом созидания. Интерес к изменению психологии человека в революции и послереволюционном преобразовании жизни активизировал жанр романа воспитания (Н. Островский «Как закалялась сталь», А. Макаренко «Педагогическая поэма»). Выдающимся создателем философской прозы был Михаил Пришвин, автор повести «Женьшень», цикла философских миниатюр. Значительным событием в литературной жизни 30-х годов стало появление эпопей М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» и

А. Толстого «Хождение по мукам». На первый план вышли произведения производственной темы, которую олицетворяли Ф. Гладков, Л. Леонов, И. Эренбург и др. Особую роль в 30-е годы сыграла детская книга. Писатели откликнулись на призыв создавать книги о достижениях советской власти и знакомить детей с планами строительства социализма. Лучшими из книг на социальные темы для этой аудитории можно назвать «Время, вперед!» В. Катаева, «Судьба барабанщика», «Военная тайна» и «Чук и Гек» А. Гайдара, «Рассказ о великом плане» М. Ильина, «Два капитана» В. Каверина и др.

Но в это же время литературе был нанесён огромный урон: были расстреляны или погибли в лагерях поэты Н. Клюев, О. Мандельштам, П. Васильев, Б. Корнилов; прозаики С. Клычков, И. Бабель, И. Катаев, публицист и сатирик М. Кольцов, критик А. Воронский. Неоправданно арестовывались Н. Заболоцкий, А. Мартынов, Я. Смеляков, Б. Ручьев и другие писатели и поэты.

Не менее трагическим было и нравственное уничтожение, когда в печати появлялись разносные статьи-доносы на писателей, которые обрекались на многолетнее молчание. Именно эта судьба постигла М. Булгакова, А. Платонова, вернувшуюся из эмиграции М. Цветаеву, А. Крученых, частично А. Ахматову, М. Зощенко и многих других мастеров слова.

Этот период – 30-е годы – характеризуется тенденцией к монументализации искусства. Утверждение завоеваний социализма должно было находить отражение во всех видах художественной культуры. Каждый вид искусства шёл к созданию монумента любого образа современности, нового человека, к утверждению социалистических норм жизни, к обязанности говорить о достижениях советской власти и знакомить людей с планами строительства социализма.

По-особому монументализм проявил себя в архитектуре. Уже в середине 30-х появился совершенно новый стиль

классицизма – сталинский стиль, выделившийся своей торжественностью и строгостью постройки. С 1935 г. разрабатывался амбициозный план реконструкции Москвы, в ходе которого были организованы площади с развлекательной инфраструктурой, парки активного отдыха и досуга. Но наряду с этим направлением большое внимание было уделено экспериментам по бытоустройству рабочих. Согласно этой концепции, в процессе рабочего дня человек питался на фабрике-кухне, а после отправлялся жить в дом-коммуну, проводил совместный досуг в рабочих клубах и избах-читальнях. Дети содержались в детских яслях и садах.

И в самом деле эти архитектурные нововведения и сооружения воспринимались не только с позиций производственной эстетики, но и служили делу формирования новых мировоззренческих установок, которые способствовали созданию образа нового – советского – человека. В результате сфера труда и быта стала восприниматься по-другому, хотя такие изменения и преобразования касались в основном рабочего класса и больших городов.

В кино и театре тоже происходили знаменательные изменения. В театре ставили произведения М. Булгакова, Б. Лавренева и пьесы других советских драматургов. В 1931 г. появился первый звуковой фильм «Путёвка в жизнь», а уже в 1936 г. стали реальностью цветной кинематограф и жанр музыкальных комедий. Так, в середине 1930-х годов вышли фильмы «Волга-Волга», «Весёлые ребята» Г. Александрова (в ролях Л. Орлова и Л. Утёсов), который в Венеции на II МФК был включён в шестёрку лучших в мире кинолент.

Исторические и документальные фильмы знакомили с известными личностями: «Пётр Первый» В. М. Петрова и «Александр Невский» С. М. Эйзенштейна. Стоит отметить, что кинематограф считался самым доступным видом искусства, через который осуществлялось не только воспитание

эстетического вкуса, но и идеологическое воздействие на общественное сознание.

Таким образом, художественная культура 1930-х годов развивалась довольно противоречиво. С одной стороны, она следовала классическим, традиционным тенденциям с одновременным поиском новаторских форм и методов развития искусства. С другой –была ограничена политической цензурой и не имела права выходить за обозначенные в партийных документах рамки. Но в целом литература и искусство многое сделали в эти годы для укрепления оптимизма и энтузиазма, уверенности в величии и значимости нового советского общества, в создании атмосферы великого будущего страны.

Жизненность и качество изменений, осуществлённых в ходе культурной революции, были подтверждены Великой Отечественной войной. Практически все представители литературы и искусства проявили высокие чувства патриотизма и верности своей Родине, Тенденция к достижению художественно-идеологического единства не только продолжила своё существование, но и получила дополнительный импульс для развития и укрепления.

В Великую Отечественную войну особенного расцвета достигли такие жанры, как очерк (П. Лидов «Таня»), баллада (Н. Тихонов, К. Симонов), поэма (О. Берггольц «Ленинградская поэма»), лирические стихотворения (А. Ахматова, Б. Пастернак) и др. Во время войны были популярны малые жанры, так как люди ценили быстроту отклика на военные события: писатель мог не успеть закончить своё произведение, как и люди могли не успеть прочитать его. Одно из самых прославленных произведений военного времени – «Василий Тёркин» А. Твардовского. В главном герое поэмы запечатлены все значимые черты русского человека-воина. Тёркин – простой добрый парень с щедрым сердцем, любящий жизнь и смотрящий вперёд с оптимизмом, храбрый, но

доступный всем человеческим чувствам. Это собирательный образ бравого, стойкого и жизнерадостного русского солдата.

Богатый литературный опыт тех лет показал, какой могучей и возвышающей силой может стать правдивое слово, направленное на борьбу за идеал. Литература военных лет показала патриотическое и гуманистическое начало, народность, сплочённость советских граждан. Героями многих произведений становились реальные люди, участники войны.

Свой значительный вклад в дело победы сделали *художники*. Они отражали в своих работах суровые будни войны, ненависть к врагу, страдания советского народа, скорбь по погибшим. В начале войны присутствовала торопливая фиксация увиденного, не исключающая глубины мысли (Я. Николаев «За хлебом», В. Пакулин «Набережная Невы. Зима»). В живописи наблюдались лаконизм, простота, прямолинейность. К концу войны картины становятся сложнее, с развитой драматургией. Получили распространение исторические полотна (А. Бубнов «Утро на Куликовом поле», М. Авилов «Поединок Пересвета с Челубеем»).

Особое место заняла графика. До сих пор памятны плакаты В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!», И. Тоидзе «Родина-мать зовёт!», Т. Ерёмина «Партизаны, мстите без пощады!». В мобилизации советских людей на борьбу с врагом огромную роль сыграло творчество Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), которые подготовили первый плакат, вдохновляющий людей на подвиг, появившийся 23 июня 1941 г.: «Беспощадно разгромим и уничтожим врага».

В *кинематографе* создавались документальные фильмы, хроника, кинорепортажи. Сюжетами для фильмов стала борьба советского народа с захватчиками, показаны крупные сражения и нелёгкие будни тружеников тыла. Во время войны сняты такие известные художественные фильмы, как «Парень из нашего города», «Секретарь райкома», «Жди меня»,

«Два бойца», слава которых не утихает и сегодня. Вышли в свет документальные ленты: «Битва за Севастополь», «Берлин», «Разгром немецких войск под Москвой» и др. [Кино на войне… 2005].

Таким образом, в годы войны все силы деятелей искусства были брошены на правдивое изображение трагедии войны и прославление подвига советских людей. Было доказано себе и показано врагам, что советская страна и в нелёгкое время оставалась обществом преданных и талантливых, не покорившихся писателей, художников, деятелей кинематографа. В результате Великая Отечественная война стала катализатором развития искусства в Советском Союзе. Деятели искусства, как и обычные граждане, были вовлечены в дело защиты страны, в поддержку воевавших на фронте и трудящихся в тылу [История русского…. 1979: 293–298].

Итак, в период Великой Отечественной войны художественная интеллигенция сплотилась во имя победы, за сохранение советского общества, своей Родины, что проявилось не только в рождении новых форм творчества, но и в противостоянии вражеской и коллаборационистской пропаганде во всех её проявлениях.

После окончания Великой Отечественной войны идеологи партии (секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов) перенесли фронт борьбы с внешним идеологическим врагом на борьбу с внутренними, если не врагами, то сомнительными попутчиками, что приостановило процесс обретения самостоятельности и самоутверждения деятелей литературы и искусства.

Это проявилось в возобладании тенденции по централизации руководства культурой и по ограничению (прекращению), по мнению идеологических наставников, сомнительных, ошибочных и даже враждебных проявлений в сфере культуры. Именно этим целям было подчинено постановление Оргбюро ЦК ВКП(б), принятое 14 августа 1946 г., которое состояло из

преамбулы и тринадцати директивных пунктов. Во вступительной части говорилось о неудовлетворительной деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», указывалось на недопустимость предоставления страниц «таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко» – автору «омерзительной вещи» под названием «Перед восходом солнца», и Ахматовой, являющейся «типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии».

Подобные оценки, ограничивающие творческие поиски, прозвучали и в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г., в котором было сказано, что эта опера (музыка В. Мурадели, либретто Г. Мдивани), поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции, «является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении антихудожественным произведением». Одновременно прозвучала критика и других композиторов. «Особенно плохо обстоит дело в области симфонического и оперного творчества. Речь шла о придерживающихся «формалистического, антинародного направления», которое содержалось в произведениях таких композиторов, как Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др. Утверждалось, что в их творчестве представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам. Объявлялось, что характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением «прогресса» и «новаторства» в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение

звуков. Утверждалось, что эта музыка сильно отдаёт духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик» [Власть и художественная… 1999: 631–634].

По мнению некоторых экспертов, данные постановления были продиктованы стремлением обеспечить идеологический контроль над творчеством писателей и композиторов на основе субъективных суждений части людей, возглавляющих эту работу с интеллигенцией. Но такой подход, на наш взгляд, заложил ростки недоверия к официальной политике той части людей творчества, которые были преданы идеям и идеалам социализма, но их творческие искания отражали многообразие восприятия происходящих процессов в стране. Но именно этот надуманный конфликт серьёзно повлиял на атмосферу взаимодействия с этими представителями интеллигенции, породил трещину в соблюдении ею общественного договора. Тем более, что постоянно проявлялось двойственное отношение к творчеству этих лиц. Тот же Д. Шостакович наряду с разносной критикой был дважды удостоен Сталинской премии.

Эти ограничения и преследования проявились и в ходе развернувшейся компании против космополитизма (с 1948 г.), которая была направлена против скептических и прозападных умонастроений советской интеллигенции, рассматриваемых как «антипатриотические». Ряд исследователей, описывающих данную кампанию, считают её антисемитской по характеру её проявления. Действительно, кампания сопровождалась обвинениями советских евреев в «безродном космополитизме» и враждебности к патриотическим чувствам советских граждан, что привело к их увольнениями со многих постов и должностей и даже арестам; а также борьбой за русские и советские приоритеты в области науки и изобретений, критикой ряда научных направлений, административ-

ными мерами против лиц, заподозренных в космополитизме и «низкопоклонстве перед Западом» [Фатеев, 1999].

Поиск новых форм взаимодействия (1950-е – первая половина 1980-х годов)

После смерти Сталина начался процесс нахождения и обновления путей и форм участия художественной интеллигенции в общественном договоре. Хотя он назревал и реализовывался постепенно, проявлялся в самых различных начинаниях, но наиболее наглядным поворотным моментом стала так называемая оттепель – понятие, использованное И. Эренбургом в одноимённой повести, опубликованной в «Новом мире» в 1954 г. Под ней обычно понимают период после смерти И. В. Сталина, продолжавшийся около десяти лет (середина 1950-х – середина 1960-х годов). Этот период характеризовался осуждением культа личности Сталина, освобождением политических заключённых, ликвидацией ГУЛАГа, сменой тоталитаризма более мягкой диктатурой, ослаблением цензуры, повышением уровня свободы слова, относительной либерализацией политической и общественной жизни, открытостью западному миру, большей свободой творческой деятельности.

Главной платформой сторонников «оттепели» стал литературный журнал «Новый мир». В этот период получили известность роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», поэма А. Твардовского «Тёркин на том свете», который отражал новые тенденции в развитии литературы – появление солдатской и лейтенантской прозы (Ю. Бондарев, В. Быков и др.)

Значимым событием периода «оттепели» стало появление группы молодых поэтов: Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, искусствовед А. Каменский.

В кинематографе появились и продуктивно проявили себя Г. Чухрай в фильме «Чистое небо» (1961), М Хуциев,

А. Тарковский, М. Ромм, Г. Данелия, Э. Рязанов, Л. Гайдай. Важными культурными событиями стали их фильмы: «Карнавальная ночь» (1956), «Весна на Заречной улице» (1956), «Высота» (1957), «Летят журавли» (1957), «Идиот» (1958), «Баллада о солдате» (1959), «Человек-амфибия» (1961), «Девять дней одного года» (1962), «Иваново детство» (1962), «Застава Ильича» (1962, 1965), «Приходите завтра…» (1963), «Я шагаю по Москве» (1964), «Гамлет» (1964), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» (1964), «Ваш сын и брат» (1965), «Иду на грозу» (1965), «Андрей Рублёв» (1966), «Июльский дождь» (1966), «Дневные звёзды» (1966), «Я родом из детства» (1966) и другие.

Следует отметить меры по расширению и поддержке творчества, особенно для молодёжи. В 1955 г. вышел первый номер журнала «Юность» (первый редактор В. П. Катаев), а в 1960 г. – первый номер журнала «За рубежом».

Серьёзному приобщению к художественным ценностям способствовало укрепление материальной базы каналов и средств доведения достижений культуры до массового зрителя. В 1955–1964 гг. на территории большей части страны была распространена телетрансляция. Телестудии открылись во всех столицах союзных республик и во многих областных центрах.

Страна стала открываться и международным контактам. Стало регулярным участие художественной интеллигенции в международных встречах, конкурсах, выставках и пр. В Москве в 1957 г. прошёл VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. В 1986 г. был создан Советский фонд культуры во главе с академиком Д. С. Лихачёвым, учредителями которого выступили более пятидесяти творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры из всех союзных республик СССР. По его инициативе началось возвращение в СССР архивных, музейных и библиотечных коллекций, уникальных документов и особо ценных предметов, которые

были собраны и сохранены соотечественниками, эмигрировавшими из России в годы революции и гражданской войны. Кроме того, были созданы десятки новых региональных музеев, проведены сотни всесоюзных и зарубежных выставок, фестивалей, конкурсов, концертов; изданы уникальные книжные памятники; учреждены периодические издания во многих регионах страны. Самым известным периодическим изданием Советского фонда культуры стал журнал «Наше наследие», основанный в 1988 г.

В реальной жизни происходили сущностные изменения, которые говорили о существенном обогащении творческого осмысления действительности.

Время оттепели пополнилось таким уникальным слоем интеллигенции, который назвали шестидесятниками. Это было достаточно противоречивое явление. С одной стороны, у этих представителей вера в социалистические идеалы была для большинства из них самоочевидной. По свидетельству М. Ф. Ненашева, шестидесятники «были идеалистами-коммунистами, ибо как эстафету приняли от старшего поколения веру в досталинский социализм, утверждающий равенство, свободу, справедливость». Они были убеждёнными интернационалистами и сторонниками «мира без границ» [Ненашев, 1993]. По мнению Б. Межуева, шестидесятники были «единственным послевоенным поколением, для которого слова “мировая история”, “прогресс” ещё не утратили смысл» (Цит. по: Шестидесятники-восьмидесятники... 1993: 130–144).

С другой стороны, шестидесятники в основном ограничились научным и литературным творчеством, участием в дискуссиях о лириках и физиках (что главное в обществе – наука или искусство), но практически не принимали участие в происходящих изменениях. Булат Окуджава на вопрос о том, каким ему видится поколение «шестидесятников», ответил так: «Мы – дети своего времени, и судить нас надо по его

законам и меркам. Большинство из нас не было революционерами, не собиралось коммунистический режим уничтожать. Я, например, даже подумать не мог, что это возможно. Задача была очеловечить его» [Цит. по: Беляева, 2015].

«Шестидесятниками» часто называют представителей авторской песни эпохи хиппи, The Beatles, рок-н-ролла, апологетов сексуальной революции, «новых левых», что, на наш взгляд, можно рассматривать как разнообразный и разношёрстный поиск самих себя в усложняющемся мире [Медведев, 2006; Пыжиков, 2002; Аксютин, 2004].

Что касается творческой жизни художественной интеллигенции, то после ослабления цензуры, прежде всего в литературе, кино и других видах искусства, стало возможным более критическое освещение действительности. Актуализировался вопрос о позициях и отношении интеллигенции как к прошлой истории страны, так и к происходящей действительности. Эта кардинальная проблема была в известной степени связана с публикацией романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в 1957 г. в Милане. Оценку и значимость его можно увидеть в письме К. Симонова, как главного редактора журнала «Новый мир», немецкому писателю Альфреду Андершу (1914–1980). «Пастернак поставил вопрос: правильно ли поступила русская интеллигенция, а точнее, большая часть её, пойдя вместе с народом в революцию и оставаясь вместе с ним на всех этапах этого, никем ещё не изведанного, не опробованного и полного драматизма пути. И, поставив вопрос, достаточно ясно ответил на него отрицательно: нет, она была не права перед самой собой, перед интересами культуры, перед интересами настоящего и будущего своего народа, а шире говоря, в конечном итоге и человечества. С позиций Пастернака, таких, какими я вижу их, его доктор Живаго – и жертва этой ошибки русской интеллигенции, и одновременно судья, чей приговор есть истина в последней инстанции...

Существовал для меня ещё один нравственный вопрос, связанный с тем понятием жертвенности, которое связывалось в русской литературе XIX века с её представлениями о выполнении своего долга перед народом. Допускаю, что слово «жертвенность» не самое точное, но, употребив именно его, как исторически устоявшееся понятие, хочу сказать, что в противоречие с традициями русской литературы, на которых мы воспитывались, Пастернак в «Докторе Живаго» поставил это понятие под сомнение и подверг его суду скорому и исторически неправому» [Цит. по: Васильев, 2002].

Бесспорно, по мнению Л. Булавки-Бузгалиной, что вся эта история с Пастернаком – самостоятельная страница в нашей истории, на которой противоречиями эпохи нанесены зарубки, которые ни мифологическим, ни постмодернистским и вообще интеллигентским сознанием считать не получится. Считать их возможно только в логике диалектики культуры и истории, которой владели большевики, а вот схоластам (и здесь уже не столь важно – левые они или правые) это уже не под силу. Но либеральных интерпретаторов истории «Доктора Живаго» социально-этическое содержание зарубок не интересует, а вот зарубки как элемент культа – это другое дело [Булавка-Бузгалина, 2021].

К этому, по моему мнению, следует добавить, что из сравнительно рядового художественного события официальные идеологи сделали фетиш, который закончился присвоением автору Нобелевской премии в пику советской пропаганде. Это произведение могло бы остаться как одно из выражений личного мнения писателя, но оно было на полную мощь использовано против советской страны и её идеологии. В этой связи можно поразмышлять над перечислением имен Нобелевских лауреатов по литературе, пишущих на русском языке (кроме Шолохова): Б. Пастернак, И. Бродский, А. Солженицын, С. Алексеевич, В. Муратов.

Оценивая ситуацию в 1960–1980-е годы, можно утверждать, что глубокие перемены в советском обществе изменили социальный облик художественной интеллигенции, характер её взаимоотношений с властью. Она в условиях НТР стала выдвигаться на качественно новое место в структуре советского общества. Изменилась и её роль в воспроизводстве ценностей во всех областях жизни и на всех уровнях, особенно в области культуры, идеологии, науки, образования.

Духовная жизнь в целом все более усложнялась. Усложнение потребовало высокого уровня профессионализма, специализации и изменённого отношения к интеллигенции как производителю духовных и материальных ценностей. Однако политическая власть руководствовалась иными представлениями, что приводило к повторяющимся попыткам вмешательства в творчество художников и литераторов. Так, после посещения Хрущёвым выставки авангардистов «Новая реальность» в 1962 г. была развёрнута разнузданная критика этого направления живописи, которая не соответствовала провозглашённым принципам свободы творческого выражения и не способствовала установлению доверительных отношений со властью. Правда, по воспоминаниям одного из участников Белютина, он был приглашён Хрущёвым перед Новым годом 31 декабря 1963 г. и извинился пред ним.

Осложнил процесс взаимодействия с властью процесс Даниэля и Синявского, с которым некоторые исследователи связывают появление термина «диссидент» для обозначения представителей оппозиционного движения, которое (в противоположность антисоветским и антикоммунистическим организациям) не пыталось бороться против советского строя и марксистской идеологией, а апеллировало к официально провозглашаемым ценностям. В зависимости от того, кто именно использовал это слово, оно могло приобретать разные коннотации [Данилов, 1995]. Но советская власть заняла по отношению к ним достаточно жёсткую позицию, что проявилось в ограничении заниматься по своей профессией или даже каралось тюремным заключением.

На наш взгляд, произошёл серьёзный политический и нравственный просчёт – вместо привлечения этих людей к разработке новых идей и их реализации в жизни произошло их отторжение. Как показала дальнейшая жизнь, большинство из них, будучи заграницей, а потом вернувшиеся в годы перестройки или в 1990-е годы, продолжали быть сторонниками социалистических идей, и отстаивая свои убеждения, доказывали, что они искренне хотели совершенствования советской власти и устранения тех ошибок и просчётов, которые она совершила и совершала. Особенно наглядно это проявилось в деятельности известного логика, писателя и публициста А. Зиновьева и М. Розановой, жены Синявского, которые неоднократно говорили и писали, что свержение советской власти было если не преступлением, то трагической ошибкой.

Практически одновременно появился такой феномен, как эмиграция, добровольная или вынужденная. Особенно она стала распространённой среди творческих лиц. Это явление породило неоднозначную реакцию в среде интеллигенции. Но всё же большинство разделяло позицию Станислава Куняева, который написал стихотворение «Непонятно, как можно покинуть»:

Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
а не то, чтобы там, где-нибудь.
Синий холод осеннего неба
столько раз растворился в крови,
не оставил в ней места для гнева –
лишь для горечи и для любви

[Цит. по: Колымагин, 2022].

Таким образом, хотя этот период был обозначен поиском новых моделей взаимоотношения с художественной интеллигенцией, он характеризуется непоследовательностью, противоречивостью во взаимоотношениях с политической властью. Поэтому наряду с общим позитивным участием в общественном договоре зрело недовольство, разочарование и неудовлетворённость многими представителями интеллигенции сложившейся ситуацией. Она, как и в целом народ, была не согласна с инерционным развитием страны, ростом бюрократизма, слабой связью с потребностями народа. Её огорчало то, что не поддерживались её притязания на более самостоятельную роль в решении судеб общества. Именно это растущее несоответствие между её ориентациями и пониманием своей роли в жизни страны и существующим её социальным положением привело к тому, что в этой среде накопилась масса претензий, которые привели к взрывному их проявлению на следующем этапе – в годы перестройки.

Турбулентность участия художественной интеллигенции в общественном договоре (вторая половина 1980-х – 2020-е годы)

Коренные принципиальные изменения в общественном сознании и поведении художественной интеллигенции начали происходить, начиная с провозглашённой политики перестройки. Эти изменения подготовили застойные явления, характерные в 1970–1980-е годы для всего советского общества: отсутствие принципиально новых идей, бюрократизация при решении творческих проблем, рост непотизма, игнорирование новаторских предложений, что привело к своего рода протестным акциям против сложившегося положения и руководства литературой и искусством.

Возмущение и отвержение устоявшихся принципов в сфере культуры начали кинематографисты. 13 мая 1986 г. в

Большом Кремлёвском дворце в присутствии высших лиц государства в торжественной обстановке открылся V съезд кинематографистов СССР. На нём впервые в истории киноискусства взбунтовались работники творческого труда, до сих пор оцениваемые без полутонов: одними – как акт освобождения, другими – как бесовской шабаш. На съезде были отстранены от руководящих должностей Л. Кулиджанов, С. Бондарчук, Ю. Озеров, Е. Матвеев, С. Ростоцкий. Их обвинили в осуществлении предвзятой цензуры, в застойности, в диктате и потребовали художественной свободы. «Был поставлен вопрос об изменении организационных форм кинематографа, о материальной и творческой самостоятельности киностудий, – пишет в своем дневнике член Политбюро ЦК КПСС В. Воротников. – Ряд представителей так называемой демократической интеллигенции резко выступил против идеологии и практики социализма в Советском Союзе, против руководящей роли КПСС». Был подан пример гражданского общественного неповиновения. В результате цензура была упразднена, студии получили самостоятельность, запрещённые фильмы сняты с «полки», а на экранах появились фильмы на такие темы, о которых раньше и думать не представлялось возможным. Советское кино из сугубо государственного дела стало превращаться в общественно-любительское, с сугубо специфическими групповыми представлениями о его содержании и форме.

Поэтому общий результат оказался более чем сомнительным. Даже такие достижения, как «Покаяние» Т. Абуладзе, «Комиссар» А. Аскольдова, «Агония» Э. Климова, «Проверка на дорогах» А. Германа, «Тема» Г. Панфилова по сути были продуктом предшествующей эпохи.

Но желанная свобода была представлена. По признанию кинокритика А. Плахова, «это была последняя модернистская акция перед тотальным нашествием на Россию постмодер-

низма». Насколько она оказалась плодотворной, показывает очередной бунт, который повторился на заседании режиссёрской гильдии Союза кинематографистов в ноябре 2008 г., когда таким же образом, хотя и в отсутствии формального кворума, не прошёл в делегаты VIII съезда кинематографистов России его председатель Н. Михалков.

Наступившая эпоха под натиском постмодернизма дала весьма посредственные результаты. На широкие экраны выходило большое количество игрового кино, среди которого особое место занял жанр социальной драмы. Данный жанр стал симптоматичным символом «нового времени» и представлял собой проблемное, позиционирующееся как остросоциальное кино с потенциалом продемонстрировать «демократический выход» из сложившихся сложных ситуаций переломного исторического периода. Тематика фильмов в жанре социальной или молодёжной драмы практически всегда затрагивает актуальную проблематику эпохи: взаимоотношения старого и нового поколений, проблемы проституции, наркомании, особенности становления рыночной экономики и зарождавшегося капитализма и т. д. Известны картины в жанре социальной драмы: «Интердевочка», «Маленькая Вера», «Беспредел», «Меня зовут Арлекино», «Игла», «Дорогая Елена Сергеевна», «Куколка», «Трагедия в стиле рок», «Астенический синдром». Особо отметим, что именно в данном жанре и его вариациях получил распространение художественный приём, известный как «чернуха».

Аналогичные бунты происходили и в других творческих союзах. Вскоре он произошёл и у литераторов. После своего VIII съезда в июне 1986 г. и смены руководства, избрания главой Союза Героя Советского Союза писателя В. Карпова и осуществлённой политики возвращения запрещённых имён дезорганизационные процессы не замедлили себя проявить, что в скором будущем привело к появлению прямо противоположных по своим идеологическим ориентациям двух враждующих писательских объединений. Причём и те и другие ставили под сомнение, хотя по разным причинам, возможность в полной мере сотрудничать с официальной властью.

Преобразования также серьёзно изменили пространство театральной жизни. Вожделенная идеологическая и эстетическая свобода театральных коллективов оказалась в принципе недостижимой: организация постановочного процесса и проката спектаклей – дело чрезвычайно затратное, требующее больших финансовых вложений даже в тех случаях, когда спектакль в итоге окупается. Театральные коллективы самых разных типов (традиционные репертуарные театры, возникающие в 1990-е годы студийные и антрепризные (их число в 2019 г. составило 647) вынуждены искать способы финансирования своей работы, что, собственно, неизбежно означает ту или иную степень нового контроля – уже со стороны спонсора.

Вскоре последовали и другие изменения под натиском политики гласности. В обществе стали рассматривать необходимость открыто обсуждать острые проблемы и исторические события. На январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г. политика гласности была официально закреплена в качестве основы начавшихся политических реформ. Стало правилом и модой обсуждать социально-политические и экономические проблемы на страницах многочисленных публицистических изданий, число которых резко увеличилось в годы перестройки. В газетных и журнальных статьях зачастую выдвигались спорные точки зрения о путях развития страны и её прошлом. Выросла популярность СМИ, в которых представлялись остро критические точки зрения на политику государства («Московские новости», «Огонёк», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец»), тиражи которых стремительно росли. По образному выражению Ю. Полякова, их общая разрушительная сила превосходила все известные человечеству боеприпасы. Добавьте

к этому круглосуточную работу «Голоса Америки», Би-би-си и других враждебных радиостанции, которые по решению Секретаря ЦК КПСС А. Яковлева с 1987 г. получили полный простор в российском эфире.

На телевидении стали появляться программы, в которых высказывали альтернативные точки зрения по многим важным вопросам, что свидетельствовало о возникновении плюрализма в общественном пространстве. Новым словом в телевизионном вещании стали передачи, которые транслировались в прямом эфире: телемосты, круглые столы, дискуссии в студии. Любовь телевизионной аудитории получили такие программы, как «Взгляд», «До и после полуночи», «600 секунд». Часто в информационных передачах обсуждали ранее замалчиваемые темы советского бюрократизма и политических репрессий в период правления И. В. Сталина.

В печати постепенно появлялись сюжеты об исторических событиях, которые ранее не были известны широкой аудитории. Начало массовой публикации рассекреченных архивных материалов позволило предложить иные, в том числе и антисоветские взгляды на события революции 1917 г. и на установление советской власти.

Что касается судьбы произведений литераторов, то были сняты все ограничения для критикуемых писателей и в первую очередь для А. Ахматовой и М. Зощенко. Позднее, осенью 1988 г. газета «Правда» сообщила, что Политбюро ЦК КПСС признало постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 года ошибочным, «искажающим принципы работы с творческой интеллигенцией», и отменило его.

Обсуждение проблем прошлого в обществе привело к росту исторического самосознания. Но в обществе не было единой точки зрения по различным проблемным моментам советской истории. Это порождало не только бурные дискуссии на страницах периодической печати и на телевидении, но и ослабляло силы в рядах художественной интеллигенции по поддержке общественного договора с политической властью.

Политика гласности привела к появлению открытой общественной критики коммунистической партии и её идеологии. Многие представители интеллигенции стали говорить о невозможности реформирования социалистического строя. Большую роль в деформации общественного договора сыграл Закон «О печати и других средствах массовой информации», принятый 12 июня 1990 г., который фактически отменил политическую цензуру в СМИ. В СМИ стали появляться публикации антикоммунистической направленности. Это дало возможность консервативно настроенным членам КПСС критиковать политику гласности. Так, против гласности выступила преподавательница ленинградского вуза Н. А. Андреева, которая 13 марта 1988 г. опубликовала в газете «Советская Россия» письмо под названием «Не могу поступаться принципами». Она увидела в плюрализме мнений орудие уничтожения коммунистической идеологии и призвала защитить советское наследие от «фальсификаций».

Особую популярность приобрели прямые трансляции заседаний Съездов народных депутатов СССР. Зрители наблюдали за дискуссиями на заседаниях и могли получить представление о различных точках зрениях. Благодаря этим трансляциям многие жители СССР узнали о политической деятельности сторонников демократических реформ, которые таким образом стали заручаться широкой поддержкой общественного мнения.

В результате идеологический контроль над культурой был практически утрачен. Появились альтернативные источники формирования общественного мнения, которые ранее были недоступны широким массам людей. Вкупе с просчётами социально-экономического характера доверие к руковод-

ству страны и проводимой им политике стремительно падало, что во многом предопределило и судьбу страны.

Что касается постсоветской России, то в 1990–2020-е годы продолжилась работа по разрушению и отвержению всего советского, в том числе и представителями художественной интеллигенции. Можно утверждать, что в литературе, в театральном деле и даже в творениях художников преобладающей модой и приемлемым трендом стали различные методы и способы отрицания прежнего советского опыта и олицетворяющих его творцов и одновременно лихорадочный поиск найти оригинальное, особое, специфичное.

На наш взгляд, если охарактеризовать основные тенденции в развитии культуры, в том числе и художественной в этот период, то преобладающим и особенно модным в ней стали следующие приемы и методы.

Во-первых, происходило отрицание положительных изменений в развитии советской культуры, полностью или частично игнорируя любые, даже всемирно признанные достижения. А если говорили о некоторых из них, то объясняли их или случайностью, или как проявлением особой замаскированной формы сопротивления и противостояния. Эти творения буквально переполняли рынок. Но наряду с сотнями таких творений как, например, Ф. Разумовского («Белой акации гроздья душистые»), О. Волкова («Погружение во тьму (сталинские лагеря)»), М. Гигошвили («Чертово колесо»), Е. Колпиковой («Мы из Гулага») и массой подобных можно отметить и бывших преуспевающих советских писателей, как В. Аксёнов («Остров Крым»), В. Некрасов («По обе стороны Стены»), которые внесли значительную лепту в «разоблачение» советской культуры, а заодно и советского строя.

Во-вторых, всё, что писалось о социализме в позитивном или даже проблемном плане, об идеях и практике социализма, объявлялось социалистическим реализмом и с разной степенью поносилось и критиковалось как пособничество и угода советской власти. Под раздачу попали М. Горький, В. Маяковский, А. Фадеев, Э. Багрицкий, В. Брюсов и даже М. Шолохов, которых обвинили в пособничестве большевизму и предательству идей демократии и свободы [Кожемяко, 2000]. Заодно и были осмеяны те советские писатели как, например, Ф. Гладков («Цемент»), которые писали на производственные темы, о трудовых буднях рабочих, о молодёжи на комсомольских стройках, о трудностях в освоении Севера и пр.

В-третьих, на пьедестал были подняты А. Солженицын, Б. Пастернак, В. Шаламов как образцы настоящей русской литературы, так как они были подвергнуты преследованиям и определённым санкциям со стороны советской власти. Такое признание через конфликты с советской властью относится и к другим деятелям литературы и искусства этого периода. Одновременно были вознесены и русские писатели зарубежья, что вполне объяснимо. Но возвращая их имена на родину, нужно не скрывать, что часть из них, такие как И. Шмелёв, И. Ильин, З. Гиппиус и её муж Д. Мережковский, поддержали гитлеровский режим и ратовали за погибель ненавистного большевистского режима. При этом отметим, что генерал А. Деникин, который воевал против большевиков, не стал сотрудничать с фашистами и на их предложение ответил отказом.

В-четвёртых, осуществлялись попытки противопоставить сферу культуры советского периода тому, что имеется сейчас, спустя более чем тридцать лет существования новой России. Для этого использовались «красивые» термины, как, например, «новая искренность» (появление этого термина приписывается Д. Пригову), постпостмодернизм (это предложил критик В. Курицын), а также такие новообразования, как «постконцептуализм» (М. Айзенбург), «новый гуманизм» (М. Липовецкий) и даже «постконцептуальный канон» (Д. Кузьмин) [Цит. по: Руттен, 2021].

И наконец, надо отметить тех, кто показательно расставался с прошлым, как, например, известный режиссёр М. Захаров, который (вероятно, как актёр) устроил публичную сцену с разрывом в клочья своего партийного билета.

На наш взгляд, «изобретения» в художественной культуре ни в коей мере не могут даже отдаленно быть сравнены как с начальным советским периодом культуры (1920–1930-е годы), так и периодом 1960–1970-х годов. А ведь именно в это время появились не только шедевры литературы и искусства, но, что особенно важно, массовое приобщение к культуре посредством кино, музеев, эстрады и театра, заметно повысившего уровень эстетического восприятия действительности.

Объясняя противоречия советской реальности, в то же время, на наш взгляд, нельзя свести их к известному пропагандистскому клише: злодеи-большевики по своей прихоти сделали революцию только для того, чтобы уничтожить интеллигенцию как культурную и этическую элиту российского генофонда, а вместе с ней – церковь и религию. Одним словом, всё то, без чего Россия в итоге так и не смогла стать достойной частью цивилизованного Запада. В любом случае, если бы не эта «ужасная» революция, то где бы мы сейчас были! Кстати, действительно, а где и кем мы бы к этому времени были? Думаю, что ответ истории был бы не столь оптимистичным, как бы этого им не хотелось [Булавка-Бузгалина, 2021].

А что можно назвать достижением российской культуры в так называемый посткоммунистический период? Пока видна только игра словами и череда скороспелых продуктов культуры, которые исчезают из общественной памяти с такой же скоростью, с какой они появляются на свет божий, свидетельствуя или о полной культурной импотенции, или о примитивном уровне обыденного сознания, всегда регистрирующего в основном поверхностные явления без должного высококачественного осмысления происходящего.

Ответом на этот вопрос могут быть слова Брюса Мазлиша, сказанные им в книге «Русская культура на перекрёстке. Парадоксы посткоммунистического сознания»: «Мы должны спросить, почему так много талантливых мыслителей, писателей и художников примкнуло к революционному движению? Как Блок, Маяковский и другие смогли создать выдающиеся произведения искусства, не обращая внимания на идеологически ослепляющие моменты? Что было в тоталитарном окружении, что способствовало развитию дружбы и творчества? И в чём состоят неожиданные, искажённые и тем не менее значимые завоевания, которыми было вынуждено пожертвовать более свободное, рыночно ориентированное общество в будущем? Чтобы задавать эти вопросы, нужно быть не “попутчиком”, вспоминающим старые обиды, но смотреть реалистично на реальный исторический пейзаж, через который мы проходим. “Попутчики” переоценивали советские достижения. Были ужасные вещи, но были и достижения. Если мы будем отрицать такие достижения, то мы не поймём русскую культуру и её попытки прийти в согласие с собой» (Mazlish, 1996: 322).

Заключение

Художественная интеллигенция внесла огромный, но не всегда адекватно оцененный вклад в процесс функционирования общественного договора, в решение проблем становления советского человека.

На начальном этапе, в 1920–1930-е годы, культура развивалась по самым разнообразным направлениям. Интеллигенции было предоставлено право творить и создавать по любым, в том числе и экспериментальным методам. В этот период реализовывалась горизонтальная модель устройства ранней советской культуры. В ней были представлены различные

ориентиры, которые базировались на противоречивых и даже экзотических установках [Юдин, 2021]. Это был калейдоскоп самых разных мировоззренческих позиций, часть их которых исповедовали принципы организации рыцарских орденов, купеческих гильдий и религиозных сект и свои особые представления, как развивать культуру. На этом этапе развивались и поддерживались возникающие виды самодеятельности в различных областях искусства и особенно в литературе.

В эти годы, в годы новаторского воодушевления родились многие художественные начинания как, например, русский авангард, который до сих пор остается одной из ярчайших страниц в истории мировой живописи. Одновременно среди новых идей пропагандировалась и такая позиция, которая базировалась на полном отвержении прежних достижений культуры.

Но несмотря на различия в художественных предпочтениях и интерпретациях, можно утверждать, как это даже признается Б. Пастернаком в его «Докторе Живаго», что большинство искренне поддерживали намерения служить народу и с пониманием относились к его убеждённости в стремлении строить новое общество, что особенно ярко проявилось в творчестве поэтов и художников, как, например, в так называемых «Окнах РОСТА». Яркость и доходчивость этого творчества во многом также послужила воспитанию социалистического мировоззрения граждан страны Советов.

Оценивая осуществляемые советской властью преобразования, Н. Бердяев писал: «В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, отрицание духа. Все эти черты всегда были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции. Часть интеллигенции

превратилась в коммунистов и приспособила свою психику к новым условиям, другая же часть не приняла социалистической революции, забыв своё прошлое» [Бердяев, 1990: 17].

В начале 1930-х годов появились принципиально иные голоса. Был поставлен вопрос, давайте спросим рабочих, что им по душе. Были отвергнуты попытки отказаться от классического наследия. Как следствие, в 1932 г. прекратил свою деятельность Пролеткульт. Идеи и практика конструктивистов стали замещаться новыми тенденциями, с поворотом к роскошной неоклассике, которые в конечном счёте привели к тому, что стали называть сталинским стилем. При этом произошла странная трансформация – аскетический конструктивизм на долгие годы остался уделом элитарного искусства, и только в хрущёвские времена он воплотился в упрощённое массовое строительство, а в конце XX века возродился в виде новых тенденций в использовании стекла и стали. Но тем не менее сталинские высотки в Москве и так называемые сталинские жилые дома стали олицетворением столицы, без которых её невозможно представить, и которые стали предметом если не гордости, то уважения к воплощённым архитектурным свершениям.

Тем не менее впечатляющие сдвиги в экономической и социальной жизни не могли не найти отклик у художественной интеллигенции. Она стала очевидцем колоссальных изменений (напомним, в годы первых пятилеток было введено в строй около 9 тыс. предприятий, т. е., в среднем, 1 завод каждый день). Поэтому вполне естественно, она реагировала на то, как преображалось лицо общества, менялась жизнь миллионов людей. Иначе говоря, значительные и даже великие перемены рождали и великие достижения, которые произошли в эти годы в литературе и искусстве. Многие творения писателей и поэтов (М. Горький, М. Шолохов, В. Маяковский и др.), представителей театрального дела (К. Станиславский,

В. Немирович-Данченко, В. Мейерхольд и др.) композиторов (Д. Шостакович, И. Дунаевский и др.), скульпторов и художников (В. Мухина), кинорежиссеров (С. Эйзенштейн, Г. Александров) стали достоянием не только советской, но и мировой культуры.

Эти высокие стандарты художественного вкуса и качества, эстетического совершенства были продемонстрированы во время Великой Отечественной войны, когда единение народа и интеллигенции стало ещё одним из факторов победы над германским фашизмом.

Успешное, хотя и противоречивое развитие художественной культуры было продолжено и в годы послевоенных пятилеток. Интеллигенция справедливо полагала, что в условиях мирного времени можно претендовать на большую свободу творчества, на поиск новых средств выражения своего мироощущения. Поэтому 1950–1980-е годы ознаменовались неоднозначными событиями – как рождением достойных произведений в литературе, искусстве, музыке, в театре и кино, так и конфликтными ситуациями, когда стали накапливаться противоречия между поиском пионерных форм отображения действительности и официальной культурной политикой. Художественная интеллигенция настаивала на предоставлении ей большей свободы действий, на творческом обсуждении производимой продукции и большем понимании специфики её работы.

Однако в 1970–1980-е годы в результате роста формализма, бюрократизма, безразличия и недоверия в среде художественной интеллигенции стали возникать и созревать различные формы недовольства сложившейся ситуацией, что привело к противостоянию с официальной политикой и стало поводом для выхода части интеллигенции из общественного договора.

В результате к концу 1980-х годов, когда перестройка привела к расколу общественного сознания, нарушила баланс интересов народа и власти, эта новая ситуация привела к непредвиденному результату – в среде художественной интеллигенции возникли и окрепли противоречивые и даже взаимоисключающие тенденции, которые внесли свой вклад в крах общественного договора.

С появлением на исторической арене новой России, когда была торжественно объявлена свобода творчества, возникла парадоксальная ситуация, которая привела к удивительному результату – за 30 лет существования уже не социалистических, а капиталистических отношений появилась масса различных претензий на новое художественное видение мира. Однако художественную жизнь в постсоветской России в лучшем случае можно охарактеризовать как посредственную, наполненную творениями среднего и даже примитивного уровня, которые ни в коем случае не идут в сравнение с достижениями советского периода. Поэтому перед художественной интеллигенцией остро стоит вопрос, что делать, куда идти, каким образом реагировать на вызовы времени.

Подводя итоги, участия художественной интеллигенции в общественном договоре и оценивая её взаимоотношения с политической властью, можно согласиться с заключением. Две модели организации культуры – горизонтальная и иерархическая – «продолжали чередование в виде затухающих волн. Хрущёвская оттепель робко подражала 1920-м годам. Брежневский застой легонько имитировал 1930-е. Горбачёвская перестройка искала образцы во всех этапах сразу, вплоть до крещения Руси. Но во всём этом не было уже ни особого смысла, ни настоящего пафоса» [Юдин, 2021].

Не внесла ясности и постсоветская Россия – шарахание из одной крайности в другую, возросшие попытки копировать западные достижения, нездоровая конкуренция, расцвет шоу-бизнеса и другие сомнительные действия привели к тому, что неопределённость и неадекватность реальной жиз-

ни стала основной чертой культуры, в том числе и области литературы и искусства.

К этому следует добавить, что, если применить научное знание к определению характеристики происходящего в культуре, то можно сказать, что в ней во всех её проявлениях господствует объяснение феноменов (т. е. очевидных или кажущихся явлений) без попыток или просто неумения мыслить ноуменами, т. е. умопостигаемой сущностью, которая позволяет глубоко проникнуть и понять смысл происходящих процессов. Именно поверхность понимания того, что проявляется в реальной жизни, становится залогом того, что практически многие произведения литературы и искусства привлекают внимание людей на короткое время, а потом исчезают насовсем не только из их памяти, но и истории самой культуры.

Список литературы

Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 487 с. ISBN 5-8243-0496-3.

Аманжонова Д. А. Культурная сложность советской России: идеология и практика управления. 1917–1941 гг. / Д. А. Аманжонова, Т. Ю. Красовицкая. М. : Новый Хронограф, 2020. 384 с. ISBN 978-5-94881-476-6. EDN LDEQYF.

Бакушинский А. В. Художественные экскурсии и их методы // Художник и зритель. 1924. № 2-3. С. 111–143.

Беляева К. С. Феномен россиян-«шестидесятников»: попытка идентификации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 65–78. EDN UJHFFN.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с. ISBN 5-02-008161-2. EDN RVDJJF.

Богданов А. О пролетарской культуре 1904–1924 гг. : сборник статей. Л. ; М. : Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.

Булавка-Бузгалина Л. Художник и власть в СССР: истоки либерального мифа // Альтернативы : [сайт]. 14.01.2021. URL: https://alternativy.ru/ru/node/17241 (дата обращения: 26.07.2024).

Васильев В. Шолохов и Нобелевская премия: история вопроса // Литература. 2002. № 23. URL: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200202304 (дата обращения: 03.03.2022).

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М. : Международный фонд «Демократия», 1999. 868 с. ISBN 5-85646-040-5.

Геллер М. Утопия у власти / М. Геллер, А. Некрич. М. : МИК, 2000. 856 с. ISBN 5-87902-020-7.

Горький М. О литературе. М. : Гослитиздат, 1935. 442 с.

Данилов А. А. История инакомыслия в России. Советский период. Уфа : Вост. ун-т, 1995. 102 с.

Демидов Н. И. Некоторые вопросы борьбы партии за привлечение литературно-творческих сил на сторону советской власти (1917–1925 гг.) // Труды кафедр общественных наук Московского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева. 1957. № 28. С. 87–116.

Добренко Е. А. Соцреализм как культурный феномен: историко-типологический абрис // Русская литература XX века: направления и течения : сб. научных трудов / Отв. ред. Н. Л. Лейдерман. Екатеринбург : УрГПУ, 1992. С. 46–55.

Жидков В. С. Театр и власть: 1917–1927: от свободы до «осознанной необходимости». М. : Алетейя, 2003. 654 с. ISBN 5-89321-111-1. EDN QXNTTT.

Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1988. 349 с. ISBN 5-02-027221-3. EDN ZVUSTL.

История русского и советского искусства / Под ред. Д. В. Сарабьянова. М. : Высшая школа, 1979. 383 с.

Казакин И. Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград : ВолГУ, 2001. 264 с. ISBN 5-85534-403-7.

Кино на войне : документы и свидетельства / Федерал. агентство по культуре и кинематографии РФ, НИИ киноискусства ; авт.-сост. В. И. Фомин. М. : Материк, 2005. 941 с. ISBN 5-85646-137-1. EDN QXUHFD.

Кожемяко В. С. Приватизаторы Шолохова: Как была найдена рукопись «Тихого Дона». М. : Газета Правда, Кодекс-М, 2000. 23 с. ISBN 5-85024-117-5.

Колымагин Б. Какая виза? Лети душа! Русская эмиграция и культурное подполье // НГ-Exlibris. 2022. 11 августа.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Т. 2. 1917–1922 / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М. : Издательство политической литературы, 1983. 607 с.

Короленко П. «Ни минуты не могу думать всерьез о Сталине» // Новая газета. 2020. 28 июля.

Купцова И. В. Идейно-политическое размежевание художественной интеллигенции (октябрь 1917–1927 гг.) : дис… канд. ист. наук : 07.00.01 / Купцова Ирина Валентиновна ; науч. рук. Г. М. Кулагина ; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1994. 220 с.

Курдюкова Д. Становление музейного дела в 1917-1920-х годах // Независимая газета. 2022. 10 января.

Лебедев П. И. Советское искусство в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М. : Искусство, 1949. 150 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. (июнь 1921 – март 1922). М. : Политиздат, 1970. 725 с.

Луначарский А. В. Интеллигенция в прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. 75 с.

Луначарский А. В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. 102 с.

Луначарский А. В. Об интеллигенции. М. : Красная новь, 1923. 53 с.

Луначарский А. В. Смена вех интеллигентской общественности // Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 5–10.

Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 263 с. ISBN 5-901006-94-1.

Медведев Р. Никита Хрущев: отец или отчим советской «оттепели». М. : Яуза, 2006. 476 с. ISBN 5-699-15685-2. EDN QPCTEN.

Ненашев М. Ф. Заложник времени (заметки, размышления, свидетельства). М. : Прогресс, 1993. 366 с. ISBN 5-01-004232-0.

Новицкий П. Искусство и пролетарская революция // Жизнь искусства. 1927. № 46.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2018. 2 февраля.

Новости 100-летней давности // Поиск. 2019. 20 сентября.

Пыжиков А. В. Хрущёвская «оттепель» 1953–1964 гг. М. : ОЛМА-Пресс, 2002. 511 с. ISBN 5-224-03356-X.

Руттен Э. Искренность после коммунизма. Культурная история / Э. Руттен ; пер. А. Степанов. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 416 с. ISBN 978-5-4448-1701-8.

Салиенко А. П. «Чуждое и непонятное» искусство. Книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок как источник изучения «массового зрителя» 1920-х гг. // Вестник Московского Университета. Серия 8: История. 2019. № 6. С. 176–192. EDN KXPTOM.

Советские двадцатые : Искусство, архитектура, фотография, кино / А. А. Бобриков, И. Д. Саблин, А. Н. Фоменко, Д. А. Поликарпова. М. : Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2023. 144 с. ISBN 978-5-4448-2127-5. EDN PKTYLU.

Социалистический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. С. 1011–1014.

Степанов С. А. Трансформация ценностных ориентации российской художественной интеллигенции в послеоктябрьский период (1917–1938). На примере Московского художественного театра : автореф. дис… канд. культурологии : 24.00.01 / Степанов Сергей Александрович ; науч. рук. А. А. Аронов ; Академия переподготовки работников культуры, искусства и туризма. Москва, 2005. 28 с.

Токарева Е. А. Театральная интеллигенция России в 1917–1926 гг. : автореф. дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / Токарева Елена Анатольевна ; РАНХиГС. М., 1994. 27 с.

Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. / Отв. ред. Н. К. Петрова. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. 261 с. ISBN 5-8055-0030-2.

Шестидесятники-восьмидесятники : материалы круглого стола // Знание – сила. 1993. № 4. С. 130–144.

Юдин Ю. Б. Советская литература как семейное предприятие // Независимая газета. 2021. 14 декабря.

Mazlish B. Afterword // Russian culture at the crossroads. Paradoxes of Postcommunist consciousness / Edited by D. N. Shalin ; University of Nevada. Las Vegas : Westview Press, 1996. 322 p.

Заключение

Общественный договор рождён объективным ходом развития человечества, когда назрела потребность превращения народа и каждого человека, независимо от классовой, национальной и религиозной принадлежности, социального и материального положения, в субъект исторического процесса. Эту назревающую тенденцию обнаружили, вскрыли и обосновали мыслители Эпохи Просвещения. Они показали и доказали, что на историческую арену выходит такой феномен, как общество, претендующее на выражение интересов народа, которое стало выступать самостоятельной оппонирующей и противостоящей силой государству, суть которого во время появления идей общественного договора олицетворяла королевская (императорская, царская, ханская) власть.

Ими был сформулирован закон: в наступившей эпохе судьбу государства во всё возрастающей мере определяет народ, а не только господствующие и правящие группы. Этот закон гласит, что для того, чтобы государство могло существовать, должен быть установлен баланс интересов между управляющими и управляемыми, доверие народа политическому классу. А это возможно только при условии заключения общественного договора между основными его субъектами – государством и народом. А олицетворяющее народ общество в своей сущности как влиятельная социальная, политическая и экономическая сила окончательно сформировалось в XVIII веке.

Ответом на историческую необходимость рационализации взаимодействия общества с государством стала объективная потребность в существовании их взаимного согласия, которую отражает и гарантирует общественный договор.

То, что общественный договор становится реальной исторической силой в сохранении устойчивого и стабильного развития государства, говорит в первую очередь опыт английской,

французской и русских революций. Более того, можно утверждать, что по требованиям общественного договора стали жить большинство государств Нового времени, которые сначала стихийно, а потом всё более осознанно стали учитывать эти новые потребности общественного развития.

При этом важно обратить внимание, что базовой, составной частью общественного договора становится появление в этот период на исторической арене Конституций стран, в которых отражаются основы понимания правящим классом интересов и устремлений народа и представляющих его общественных, политических организаций и движений. Но не менее важно знать, что общественный договор – это не некий документ, который фиксирует взаимоотношения государства и народа. Это особое состояние общества, которое помимо явных показателей содержит скрытые, латентные отношения, отражающие степень и уровень сбалансированности интересов политической власти и социальных общностей и групп, намерение и готовность поддержки действий власти по управлению основными сферами жизни общества.

Особо надо подчеркнуть, что латентная составляющая общественного договора нередко становится решающим фактором, гарантирующим существование государства. Именно отсутствие доверия, согласия, падение репутации, потеря лояльности становятся рубежом, когда наступает кризис и угроза существованию политического строя.

Отметим, что предложенные просветителями XVIII века идеи об общественном договоре развивались, уточнялись, дополнялись их последователями, причём с учётом того, что происходило в той стране, опыт развития которой анализировался. Их трактовка по-разному уделяла внимание различным сторонам общественного договора.

Но суть общественного договора постепенно выкристализовывалась, хотя и существовала в различных вариантах.

Общепринятым становилось его понимание как уникального социального явления, которое в современных условиях гарантирует существование государства, обеспечивает возможность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем. Два основных субъекта общественного договора – государство и народ – в идеале должны быть равноправными его участниками, иначе могут происходить взаимоисключающие процессы: или рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведёт к деформации свобод и прав человека, или установление охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы.

К этому историческому экскурсу следует добавить один важный вывод – общественный договор как таковой без всяких скидок и оговорок появился тогда, когда в результате кардинальных революционных изменений в Новой истории реальностью стало превращение массы людей в активную социальную силу, принимающую участие в решении судеб государства, в котором они живут, трудятся, организуют свою повседневную жизнь.

Применив эти выводы к истории современной России/СССР, судьбы общественного договора можно охарактеризовать следующим образом.

Он развивался и функционировал по объективно сложившимся обстоятельствам и причинам. Его первое испытание произошло в период русских революций, сначала 1905 г., а затем 1917 г., когда правящие слои России продемонстрировали полную неспособность действовать согласно исторически сложившимся тенденциям общественного развития при полном непонимании или игнорировании потребностей и интересов народа. Поэтому общественный договор в советском обличье возник не случайно, не в результате заговора или обмана. Его появление на исторической арене связано с тем, что его основой стали базовые устремления наро-

да (мир – народам, заводы – рабочим, земля – крестьянам, власть – Советам), которые в полном объёме и безоговорочно были приняты партией большевиков, в то время как другие политические силы в той или иной мере игнорировали или мало внимания обращали на эти требования.

Именно это понимание исторического вызова большевиками, взявшими власть в свои руки, дало мощную им опору и обеспечило практически абсолютную поддержку со стороны рабочего класса и значительной части крестьянства уже на начальном этапе появления и функционирования советской власти – в ходе гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией. Вместе с тем именно в 1918–1920 гг. выявились и первые противоречия в соблюдении общественного договора, что привело к столкновению интересов власти и народа, особенно крестьянства, едва ли не обернувшемуся крахом в процессе осуществления политики военного коммунизма.

Это поколебленное единство целей советского государства и народных масс пришлось восстанавливать посредством новой экономической политики, когда в полном объёме встал вопрос о реализации ранее провозглашённых целей в интересах рабочего класса и крестьянства. Для этого были выработаны средства и методы осуществления преобразований всей общественной жизни – от экономической до культурной, что стало достаточно сложной задачей, не имеющей аналогов в мировой истории. На этом пути были не только достижения, но и масса ошибок, просчётов и даже провалов. Но при всех случившихся минусах советская власть сумела пробудить заинтересованность и на этой основе увлечь значительные слои населения на поддержку своих действий.

Особенно ярко успех общественного договора проявился в 1930-е годы, в годы первых пятилеток, который привёл к реализации поражающей своими масштабами цели – созданию государства, ставшего за короткое историческое время второй

державой мира. Более того, наряду с созданием технико-технологической базы народного хозяйства достаточно успешно решалась задача по формированию такого феномена, убеждённого в перспективности и преимуществах социалистического переустройства общества, как советский человек.

То, что осуществляемые советской властью действия в период индустриализации, коллективизации и культурной революции были исторически оправданными и отражающими сущностные стороны жизни народа и государства, показала Великая Отечественная война. В этой войне важнейшей по значимости и решающей силой (наравне с военными, техническими и экономическими условиями) стало общественное сознание советских людей, убеждённых в правоте своего дела и готовых ради этого пойти на колоссальные издержки в войне с таким опасным врагом, как фашизм, угрожающим существованию не только советского государства, но и всего мира.

В послевоенный период общественный договор получил новый импульс – участие народа в решении таких привлекающих внимание проблем, как освоение целины, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, а также в покорение космоса и создание ядерного щита. Причём это сопровождалось ярко выраженной надеждой на изменение и улучшение своего жизненного мира, достижение личного благополучия и благосостояния.

И многое из намеченного на 1950–1970-е годы было достигнуто. Но в то же время начали проявлять себя другие, ранее неведомые противоречия – отставание, неучёт требований научно-технической и информационной революций, глубинных изменений в общественном сознании народа, в результате чего в общественном договоре начали созревать разрушительные тенденции в виде различных «социальных трещин», отражающих дистанцирование народа от власти.

Надеждой на исправление складывающихся тенденций стала перестройка, объявленная в 1985 г. и обещавшая при-

вести в соответствие объективные потребности развития государства с новыми потребностями народа. Однако уровень и качество политической власти оказались не соответствующими историческим тенденциям развития общества, что привело к распаду Советского Союза – геополитической катастрофе XX века.

В новой России общественный договор начал формироваться на ожиданиях народа, что накопленные недостатки и просчёты советского времени будут преодолены, и страна получит импульс в своём дальнейшем социалистическом развитии – это отражало и волеизъявление народа в марте 1991 г., когда 76,4% советских людей проголосовало за сохранение СССР с учётом серьёзных изменений в его развитии. Однако эти ожидания были не просто поставлены под сомнение – они были отвергнуты, и народу было предложено вернуться на путь капиталистического развития.

В этих условиях был поставлен вопрос, а как формировать принципиально иной общественный договор. И он начал складываться в весьма противоречивой ситуации, когда многие акции политической власти России уже в первые годы своего существования показали их несовпадение с реальными ожиданиями народа. Результаты действий государства оказались далёкими от тех обещаний, которые сулила народу политическая власть.

И эта несостыкованность интересов государства и народа продолжает существовать и поныне, тем более что за 30 лет своего существования новая Россия ещё не достигла тех рубежей, которые она имела в 1990 году. Эти потери в экономическом и социальном развитии стали особенно очевидными с началом экономических санкций Запада, усилившихся во время специальной военной операции на Украине.

В результате современный общественный договор имеет характер вертикальной организации (согласно концепции Гоббса). Анализ участия в общественном договоре основных социальных классов, общностей и групп показывает, что избранный путь чреват конфликтными ситуациями, осложнениями в взаимоотношениях между его участниками, что приводит к нестабильности и неустойчивости развития. Общество в целом и его основные социальные слои потеряли свою гомогенность, им присущи разнонаправленные ориентации, а попытки согласования интересов чреваты большими издержками и нуждаются во внесении существенных корректив во взаимоотношения с официальными государственными структурами.

Критический анализ истории возникновения, развития и функционирования общественного договора в России/СССР не отменяет обобщающего вывода, что его сутью было и остаётся достижение согласия, доверия и баланса интересов между государством (политической властью) и народом (в лице общественных организаций и движений) при учёте того, что именно народ определяет лицо современного общества. А для этого нужно иметь налаженную обратную связь – не только слушать, но и слышать народ.

Фактически вся история человечества (в том числе российский опыт) показывает, что неспособность органов власти вовремя скорректировать свою политику в соответствии с ключевыми запросами общества или чисто формальный (что называется, «на бумаге») подход государства к достижению согласия с большинством населения страны приводит в конечном итоге к губительным для государственности последствиям. На наш взгляд, следует подчеркнуть, что особенно важно согласие на моральном уровне, так как духовно-нравственное единство строится на основе базовых ценностных ориентаций основных социальных сил, согласование которых – функция государства.

Общественный договор предполагает обеспечение согласия и баланса интересов не только между всем народом

и властью, но и между составляющими этот народ социальными общностями и группами внутри общества, иначе говоря, обеспечение учёта многообразия ориентаций и устремлений многочисленных социальных общностей и групп как на политическом, экономическом и социальном, так и на духовно-нравственном уровнях.

В современной российской действительности общественный договор имеет существенные резервы по его совершенствованию с точки зрения согласования целей развития, средств их достижения, мировоззренческого его обеспечения, налаживания регулярной обратной связи и, наконец, действенного участия всех социальных общностей и групп в управлении делами общества и государства. Однако в настоящее время решения конкретных государственных и общественных проблем в немалом числе случаев представляют деформированные процессы и явления, которые не всегда олицетворяют равноправное единство, что приводит к различным формам напряжённости, отражающих слабость существующего общественного договора, что проявляется в различных формах, начиная от раздражения и недоверия.

Государству необходимо усвоить, что независимо от всяких перипетий народ улавливает поступь истории и всегда чутко, хотя нередко и с запозданием, реагирует на социально-экономические вызовы.

Иначе говоря, вся проблема заключается в том, что народ всегда руководствуется своими как осознаваемыми, так и не всегда артикулируемыми потребностями и ориентациями. И задача здравомыслящих политических сил состоит в том, чтобы уловить, понять, в чём состоят эти самые сокровенные, основные, животрепещущие устремления людей, и на каких условиях они пойдут на сотрудничество, согласие и поддержку тех социальных сил и общественно-политических организаций, которые претендуют на получение политической власти.

Всё это позволяет сделать вывод, что в настоящее время концепция «общественный договор» является важнейшим теоретическим, политическим и социальным конструктом для анализа, объяснения и реализации эволюционного или революционного развития государства и общества. Эта концепция включает в себя согласованную политику по преобразованию социально-экономической и политической среды, одобряемых методов и форм государственного и политического управления, приемлемого идеологического воздействия на общественное сознание. В конечном счёте, в процессе реализации общественного договора формируются представления, убеждения и, соответственно, действия по строительству и достижению общей судьбы народа и государства.

Научное издание

Тощенко Жан Терентьевич

СУДЬБЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И УРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ

Редактор-корректор: Зеленская О. Ю.

Работа с источниками: Ломантёрова С. И.

Компьютерная верстка: Юхнова Н. М.

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
Тел.: +7 (499) 125-00-79
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
E-mail: fnisc@fnisc.ru
ISBN 978-5-00258-037-8
EDN LXHHUK

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано в печать 16.12.2024. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 52,75. Тираж 500 экз. Заказ 1292.
Отпечатано в Издательстве «Перо»